А. АЙХЕНВАЛЬД

СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА

ЭКОНОМИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СССР

С ПРЕДИСЛОВИЕМ Н. И. БУХАРИНА

1 . 9 . 2 . 7
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. АЙХЕНВАЛЬД

СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА

ЭКОНОМИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СССР

С ПРЕДИСЛОВИЕМ Н. И. БУХАРИНА

Допущено подсекцией по работе среди взрослых научно-политической секции ГУС'а

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1927 * ЛЕНИНГРАД

Гиз № 19454
Ленинградский Гублит № 42476
23¼ л. Тираж 10.000

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В своей работе тов. Айхенвальд пытается представить такое руководство, которое бы давало связное изложение основных принципиально-теоретических проблем советского хозяйства и соответствующей экономической политики. В наше время не редкость встретить работы, которые предполагают огромное значение ножниц и клея, как орудий производства, и цитатного материала, как сырья, при чем процесс самостоятельного обдумывания вопроса, увязки различных проблем друг с другом, анализа конкретной действительности и т. д. — почти отсутствует, будучи заменяем одними ссылками на авторитетных авторов. От всех такого рода произведений книга тов. Айхенвальда резко отличается знакомством автора с конкретным экономическим материалом, высотой теоретического уровня и последовательностью политической линии. Разумеется, в такой крупной по объему работе можно найти некоторые спорные места. Но они совершенно тонут в богато развернутом материале. Эти достоинства работы тов. Айхенвальда обеспечат ей, несомненно, соответствующее место в нашей учебной экономической литературе.

Н. Бухарин.

Москва, май 1927 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Настоящая работа представляет собою попытку дать популярное изложение самых основных вопросов советского хозяйственного строительства. Правда, не все главы удалось изложить так, чтобы их проработка не представляла затруднений для малоподготовленного читателя. Особенно это касается некоторых мест последней, VI, главы, где затронут ряд основных теоретических проблем советского хозяйства. Все же, в общем, книжка рассчитывает служить как бы введением в изучение советского хозяйства, дающим читателю только первоначальное знакомство с важнейшим соответственным материалом.

Самый серьезный пробел изложения состоит, как нам кажется, в том, что или совсем не затронуты, или освещены самым кратким образом технико-экономические проблемы реконструкции хозяйства Советского Союза — проблема транспорта, топливная и сырьевая проблемы, проблема порайонного размещения промышленности, проблемы создания отдельных предприятий, преобразующих всю экономику целых районов и т. п. Однако, действительно серьезное освещение этих вопросов, во-первых, потребовало бы огромной дополнительной работы (которую, благодаря состоянию материалов, отнюдь нельзя было бы свести к простой популяризации) и, во-вторых, сильно увеличило бы размер книги.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЭТАПЫ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО СОЮЗА И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ.

§ 1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ОБРАЗОВАНИЕ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО СОЮЗА.

Российский пролетариат в революционной борьбе.

В России царский деспотизм, произвол и насилие соединялись с капиталистической эксплуатацией рабочих. Поэтому если на западе соглашатели могли предлагать рабочему классу отказаться от революционных способов борьбы с капитализмом и ограничиться мирными средствами в роде выборной борьбы за места в парламенте, укреплением профсоюзов и повседневными улучшениями, то в России такие разговоры были явным издевательством. Само существование царского порядка означало отсутствие каких-либо возможностей спокойно разворачивать «мирную» классовую борьбу и с полной силой толкало пролетариат на революционные средства. На своем ежедневном опыте рабочий убеждался, что нельзя отделить революционную борьбу за свержение царского строя от борьбы против буржуазной эксплуатации. Буржуазный порядок и царский строй поддерживали друг друга против общего врага— рабочего класса. Буржуазия всегда в опасные моменты поспешно заключала союз с царем, жандармом, казаком. Царь уступками буржуазии неизменно добивался ее поддержки и помощи, когда рабочие переходили в решительное наступление. Получалось неизбежное слияние революционной борьбы с царизмом с борьбой против российской буржуазии. А этим подрубались корни соглашательству, оно превращалось во что-то худосочное и несообразное с жизнью.

С другой стороны, российский капитализм не занимал в буржуазном мире какого-либо особо благоприятного, привилегированного, руководящего положения; у него не было колоссальных колоний, из которых выкачивалась бы львиная доля прибылей. Колонии России (Туркестан, Хива, Бухара и т. п.) играли для «наших» капиталистов неизмеримо меньшую роль, чем, скажем, колонии Англии, Бельгии, Франции и т. д. для капиталистов этих стран. К нему не притекали со всего мира доходы с вложенных капиталов. Наоборот, отчасти сама

Россия служила полем наживы для французских, германских и английских капиталистов. Ежегодно часть прибавочной стоимости, созданной рабочими и крестьянами Российской империи, уплывала за границу. Поэтому российская буржуазия имела очень слабую экономическую возможность подкупать даже верхушки рабочего класса улучшением его положения за счет колониальных рабов или каких-либо других источников дополнительных прибылей.

Экономическое положение рабочих в России было неизмеримо хуже, чем в какой-либо другой не колониальной стране с значительно развитой промышленностью. Между тем, иностранный капитал, вливавшийся в российскую промышленность, чрезвычайно быстро создавал ряд крупнейших фабрично-заводских предприятий. Образовывались огромные пролетарские «кулаки» по пять, десять и больше тысяч рабочих. Как мы убедимся в следующей главе, благодаря этому российская промышленность была самой концентрированной в мире: это значит, что наши предприятия по числу рабочих в каждом из них в среднем превосходили заводы и фабрики западной Европы и Америки. Конечно, соединение рабочих в таком количестве на огромных заводах усиливало их классовую сплоченность и облегчало им борьбу за социалистическую революцию. Российская буржуазия, слабая, малокультурная, без большого политического опыта, не смогла «как следует» наладить «обработку голов» рабочих, не смогла бороться с революционными настроениями теми тонкими способами (газеты, читальни, школы, церкви), которые с успехом применяла западная буржуазия. Единственно, что хорошо «удавалось» буржуазии, это — прятаться за широкую спину жандарма, направляя и подталкивая его на рабочих. Конечно, от этого происходило дальнейшее революционизирование пролетариата.

Все эти условия способствовали тому, что российский пролетариат мог стать наиболее революционным в мире и первым порвать цепь мировой капиталистической системы.

Империалистическая война, на первых порах придавив подъем рабочего движения, происходивший в 1911—1914 гг., очень скоро вызывает новую волну экономических и политических забастовок, полностью возродив предвоенное наступление пролетариата. Больше того, война возводит это наступление на высшую ступень, до-нельзя обостряет его и направляет против царя, против войны, против капиталистов,— против всего уклада старой России. Пролетариат выступил в 1917 г. с задачей свергнуть и царизм, и буржуазию.

Положение российского крестьянства и значение войны.

Но война не только толкнула пролетариат на революционную атаку. Война одновременно подготовила основное условие его успеха.

Россия всегда являлась сельскохозяйственной страной с огромным преобладанием мелкокрестьянского населения. И вот в этих-то условиях мелкокрестьянской, сельскохозяйственной страны пролетариат вел свою тяжелую революционную борьбу за уничтожение царского режима и капиталистического строя. Основным условием успеха этой борьбы являлось объединение под руководством пролетариата огромной армии трудящегося крестьянства, жестоко угнетенного, подавленного и обираемого

помещиками, царем и капиталистами. Необходимо было, чтобы крестьянство пошло не в союзе с буржуазией против рабочих, а заключило бы союз с революционным пролетариатом и поддержало бы его в деле борьбы с буржуазией. Рабочий мог прогнать буржуазию и завоевать фабрики только в союзе с крестьянством. Крестьянин мог прогнать своих врагов-помещиков и завоевать землю только под руководством рабочих. И в 1917 г. мы как раз имеем такой союз, такую поддержку крестьянами рабочей революции и руководство рабочими крестьянской революцией.

Попробуем выяснить, почему крестьянство поддержало революционную борьбу рабочих против буржуазии. Для этого нам необходимо рассмотреть, каково было положение крестьянства к 1917 г., каковы были его нужды и требования и как можно было добиться их удовлетворения.

Наше крестьянство и до войны находилось в огромном большинстве на нищенском уровне. Известно, что доход нашего крестьянина был не менее, чем в пять раз ниже среднего дохода американского фермера. Война еще более усилила эту нищету, частично отняв у крестьянского хозяйства его основу — мускульную силу самого мужика и его верного помощника — крестьянскую конягу. Наличие мужской рабочей силы в деревне уменьшилось на 20%; лошадей в армию было забрано не меньше 2 000 000 голов. Выбивая у крестьянского хозяйства самую основу нормального ведения хозяйства — мужицкие рабочие руки и лошадь, война отбирала у крестьян также и продовольствие на армию, взамен всего этого давая крестьянину только одни бумажные рубли, очень скоро начавшие стремительно обесцениваться. Неудивительно, что за время войны большинство крестьян сократило посевы, экономически ослабло, еще более обнищало. Количество беспосевных крестьян, т.-е. полных бедняков, сильно выросло; так, на 100 крестьянских хозяйств до войны приходилось в Полтавской губернии — 5 беспосевных, а в 1917 г. уже 18; в Калужской до войны 6,5, а в 1917 г. — 14,6; в Тульской до войны 4, а в 1917 г. — 6,5 и т. д.

Но не война была первоначальной, коренной причиной тяжелого положения крестьян; она только усилила исконную, застарелую нищету нашего крестьянства.

Еще до войны налицо была главная причина, не дававшая всему крестьянству выбраться из нищеты и вступить на дорогу улучшенного ведения хозяйства. Этой главной задержкой, главной преградой подъема крестьянства являлись помещичье засилье в области земельных и сельскохозяйственных порядков и царский режим в области налогов, управления и всего политического строя. Прежде всего, помещики, монастыри, церкви, царский двор и царская казна были собственниками 65% всей земли Российской империи. Крестьянские наделы составляли лишь 35% земельной площади. Правда, огромная доля казенной, монастырской и т. п. земли не годилась для сельского хозяйства. Но даже если взять только пригодную землю, то и тут будет видно, почему помещичий и царский строй давил крестьян и из-за чего «развертывается крестьянская борьба за землю». На огромное большинство крестьянских хозяйств приходилось по 7 дес. на двор; а на двадцать семь тысяч

помещичьих имений приходилось в среднем по 2233 дес. «У 10 милл. крестьянских дворов 73 милл. дес., у 28 тыс. благородных и чумазых лендлордов (т.-е. помещиков-землевладельцев. *А. А.*) 62 милл. дес.». «Таков исходный пункт борьбы крестьян против крупнейших помещиков» (Ленин).

Конечно, крестьяне, по-отсталому, по-старинке ведя свое хозяйство, получали с десятины жалкие урожаи в 40 — 50 пуд. и поэтому бились в тисках земельного голода. Помещик всячески использовал эту крестьянскую беду и строил все свое хозяйство на закабалении крестьянства. Когда более зажиточные крестьяне прикупали к своим недостаточным наделам землю, они должны были платить вздутые цены единственному продавцу земли — помещику. Когда рядовые крестьяне арендовали у этого же помещика необходимую им до зареза землю, то он отбирал у них огромную долю продуктов их труда; крестьянину оставалось кое-что только на продовольствие, на прокорм себя, семьи и скота. Когда крестьянин занимал у помещика несколько пудов сена или зерна, то помещик заставлял его втридорога платить ему путем «отработок», т.-е. личным трудом крестьянина. В итоге на одни платежи за землю крестьянин отдавал 13% своего валового дохода. Словом, помещик вел свое хозяйство по-крепостнически, являясь паразитом, высасывавшим все соки из крестьянства и не дававшим ему ни на шаг продвинуться вперед.

Рядом с помещичьим гнетом стоял гнет царского государства; через казенку, через косвенные и прямые налоги царь отбирал у крестьян 16% всех их доходов; и на эти трудовые крестьянские деньги содержалось дворянское государство, подготовлялись и велись народные бойни, организовывались охрана помещиков и подавление тех же крестьян.

Если перед войною часть крестьянства, несмотря на этот двойной гнет, все же медленно поднималась, то война в значительной степени сорвала все улучшения: сельскохозяйственный инвентарь перестал обновляться, так как ввоз и прозводство сельскохозяйственных орудий почти совершенно сошли на нет; торговля расстроилась; мощность крестьянского хозяйства была подорвана. Поэтому передовые способы обработки земли снова стали заменяться отсталыми, и благосостояние большинства крестьян резко понизилось. В то же время выпусками бумажных денег царское государство в скрытом виде обирало крестьянство на нужды империалистической войны.

Таким образом, помещичья и царская кабала, обостренная разорительной для большинства крестьян войной, толкала крестьянство на революционную борьбу против помещика и царя, за землю и мир. Вместе с тем, война собрала и вооружила наиболее передовую часть крестьянства и этим облегчила эту революционную борьбу.

Борьба против царя и помещиков шла почти единым общекрестьянским фронтом, несмотря на то, что внутри крестьянства резко различались три главных слоя: бедняки, середняки и кулаки.

Беднота — это «наемные рабочие с наделом», т.-е. такие крестьяне, которые не могут прожить доходом от своего крошечного земельного надела и вынуждены добывать себе на жизнь, нанимаясь батра-

ками, рабочими к помещикам, капиталистам, деревенским кулакам и т. д. Таких полукрестьян, полупролетариев было очень много, и гнет власти помещиков и капиталистов больше всего давил именно их.

Середняк — это тот, который не эксплуатирует и сам не подвергается эксплуатации, который живет своим мелким хозяйством. Он «отчасти собственник, отчасти труженик. Он не эксплуатирует других представителей трудящихся... он испытал на себе эксплуатацию помещиков и капиталистов, он вынес все, и в то же время он собственник». [1]

Наконец, «кулаки, т.-е. богатые крестьяне, которые угнетают чужой труд, либо нанимая работников, либо давая деньги в рост и тому подобное». [2]

Конечно, бедняки и середняки больше страдали от помещичье-царского гнета и поэтому были настроены особенно революционно. Середняки жаждали прирезки земли, получения помещичьего инвентаря, облегчения платежей и т. д. Бедняки мечтали о самостоятельном хозяйстве на вновь полученной помещичьей земле при помощи помещичьего инвентаря. Революция должна была превратить их в мелких самостоятельных хозяйчиков. Но и огромное большинство зажиточных крестьян полукулацкого типа тоже чувствовали на себе гнет огромных земельных платежей помещикам, податей и налогов царю, тоже не могли развивать свое хозяйство без уничтожения крепостнической кабалы помещиков. Конечно, активной революционной силой являлись прежде всего бедняки, потом середняки, но даже и большинство кулаков на первых порах пассивно сочувствовали революции, поскольку она была направлена против помещиков. Что касается борьбы за мир, то империалистическая война давала наживаться только самой верхушке кулацкой группы: они использовали подъем цен на хлеб и набивали свои кубышки, увы, бумажными рублями. Все остальные слои крестьянства сильно страдали от войны и могли объединиться в борьбе против нее.

Образование рабоче-крестьянского союза.

Почему же городская буржуазия не могла поддержать эти крестьянские требования, не могла повести за собой крестьян против царя и помещика? Вовсе не потому, что эти требования были социалистическими, пролетарскими, подрывающими самые основы капиталистической собственности; эти требования были мелкособственническими, направленными не против капитализма, а, главным образом, против устарелого, отжившего, царского, помещичьего строя. Большинство крестьян вступило в борьбу не за социалистический строй, а за возможность наживаться, богатеть, развивать свое собственническое, частное товарное хозяйство, не подвергаясь ежедневному ограблению крепостником-помещиком, агентами царя, или ненужной ему войной. Однако все положение вещей заставило крестьянство объединить свою революционную борьбу с социалистической противобуржуазной борьбой рабочих.

Дело в том, что интересы российской буржуазии были переплетены с интересами российского помещичьего класса. Разорвать этот свой союз, порвать связь с дворянским государством и крепостниче-

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 147.
[2] Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 29.

ским землевладением русская буржуазия вообще не могла, а во время войны для нее такой разрыв являлся «смерти подобным». Царская корона, одним своим боком сидевшая на твердокаменной голове дворянина-помещика, в другой (меньшей) своей части венчала жирную голову отечественного заводчика. Царизм и российская буржуазия поддерживали один другого. Между ними была как бы круговая порука: в критические минуты для царизма буржуазия, боявшаяся больше всего рабочей революции, оказывала царю всемерную поддержку. А во время схваток рабочих с буржуазией, царь всю свою военную, полицейскую и финансовую силу направлял на помощь фабрикантам и на усмирение рабочих.

Правда, между помещиками и заводскими фабрикантами происходила борьба за то, кому диктовать свою волю, кому управлять государственной машиной самодержавия. В особенности война показала неспособность дворянского государства защищать буржуазные интересы. Без воровства, предательства, беспорядка и военной, хозяйственной и всякой другой глупости царское государство не могло сделать ни одного шага. Но буржуазия хотела не разрушить всю машину, а влить в нее новое содержание: получить первую роль, отодвинуть дворян-помещиков на второй план. Поэтому она готовила небольшой дворцовый переворот, смену одного царя другим. О коренном уничтожении царского строя, с его бюрократизмом, налоговым гнетом, подавлением всего живого и трудового, буржуазия после 1905 года боялась и думать. Между тем, крестьянам нужно было не новое отчество у царя-батюшки, а полное революционное разрушение всего прогнившего, паразитического, реакционного царского строя. Тут крестьянству было не по пути с буржуазией, ибо крестьянство хотело противоцарской, противодворянской революции, а буржуазия ненавидела и боялась ее. Таким образом, политический союз буржуазии и помещиков отталкивал крестьянство от буржуазии и приближал его к тому классу, который вел революционную борьбу за коренную ломку царского строя, — к пролетариату.

Во-вторых, земельная революция не могла ударить только по помещикам, не затронув экономических интересов городской буржуазии. Помещики под залог большей части своих земель получали из банков денежные ссуды. Уничтожение помещичьего землевладения сделало бы деньги, данные банками помещикам, прямо пропащими и разорило бы некоторые банки и часть буржуазии. Вдобавок конфискация (т.-е. бесплатное отобрание) помещичьей собственности могло явиться примером: отчего бы не распространить конфискацию и на собственность капиталистов. Поэтому буржуазия соглашалась только на то, чтобы крестьяне выкупали по хорошей цене помещичьи земли. При этом большую часть получили бы богатые крестьяне-кулаки, а большинство трудового крестьянства оказалось бы обойденным и обманутым. Апостол российской буржуазии, Петр Струве, так прямо и заявил в 1917 г.: «народный капитал подвергается опасности даже при какой бы то ни было разумной аграрной (т.-е. земельной) реформе, но вы окончательно разрушите его, предоставив в руки тех, у кого земля эта

в значительной степени будет лишена средств»,[1] т.-е. в руки рядового крестьянина, а не в руки капиталиста-кулака. Конечно, крестьянской массе нужна была не такая «разумная реформа», а полная конфискация всей помещичьей земли и инвентаря. Добиться этого можно было только при победе в городе рабочего класса, только при ликвидации буржуазной власти.

В-третьих, главным виновником войны, разорявшей крестьянство, были не столько помещики, сколько именно буржуазия. Мира крестьянин мог добиться только в борьбе против капиталистов, только в союзе с рабочими.

Война укрепила союз большинства помещиков и буржуазии: она была их общей борьбой за наживу, за прибыль, за хлебные и промышленные рынки. Наконец, война заставила буржуазию бояться как огня всякого земельного движения: «земельный раздел губит фронт», армия на фронте не останется, «все побегут, сюда побегут, делить побегут» — так вещает другой ученый лакей помещиков и дворян.[2]

Буржуазия правильно понимала, что аграрная революция в деревне равносильна разложению армии и концу войны. Чтобы спасти войну, буржуазия должна была спасти помещиков. Отсюда опять один и тот же вывод: буржуазия в 1917 г. была в союзе с помещиком, была врагом крестьянина; единственным его союзником мог быть только рабочий класс.

Восемь месяцев власти буржуазии и ее «социалистических» агентов на практике с полной ясностью доказали, что ни одно из трех основных требований крестьянства буржуазия удовлетворить не хочет и не может. Вместо земли, крестьянин получил обманные обещания, требование подождать до учредилки, подкрепленные карательными отрядами эс-еровского правительства. Вместо ломки старого государства, буржуазия оставила нетронутым почти весь старый царский аппарат. Вместо мира, буржуазия хотела использовать революцию для лучшей организации, развития и продолжения войны. Словом, буржуазия на практике доказала крестьянству свою неспособность осуществить его требования.

Поэтому пролетариат во время Октябрьской революции смог опереться на все крестьянство в целом.

Первый этап рабоче-крестьянского союза.

«Когда мы брали власть, — пишет Ленин, — мы опирались на все крестьянство целиком. Тогда у всех крестьян была одна задача — бороться с помещиками».[3] «Мы так легко проделали Октябрьскую революцию потому, что крестьянство шло с нами, потому, что оно шло против помещиков, видело, что здесь мы пойдем до конца».[4] В другом месте Ленин говорит, что «на эту борьбу против помещиков не могли не подняться и поднялись в действительности все крестьяне. Эта борьба объединила беднейшее трудящееся крестьянство, которое не живет эксплуатацией чужого труда. Эта борьба объединила также и наибо-

[1] Доклад Струве на Московском совещании общественных деятелей в августе 1917 г. Отчет о совещании, стр. 66.
[2] Речь профессора Ильина на том же совещании. Отчет, стр. 27—28.
[3] Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 150.
[4] Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 105.

лее зажиточную и даже самую богатую часть крестьянства, которая не обходится без наемного труда».[1] «Мы сумели в этих исключительных условиях опереться на несколько месяцев на все крестьянство в целом. Это исторический факт. Не менее чем до лета 1918 г., до основания комитетов бедноты, мы держались как власть, потому что опирались на все крестьянство в целом. Ни в одной капиталистической стране это невозможно».[2] В этом-то и состоял «основной экономический факт» первого этапа революционного союза рабочих и крестьян.

Как видно, революция Октября 1917 г., являясь по своему основному, главному содержанию антибуржуазной, пролетарской, социалистической революцией, одновременно уничтожала «остатки» феодализма, помещичьего строя, царского государства и поэтому — прежде всего своей деревенской стороной — была общекрестьянской, антипомещичьей, мелкобуржуазной революцией.

Без уничтожения остатков помещичье-царского строя нельзя было одолеть российских капиталистов. Без поддержки крестьянства (в особенности солдатской его части) пролетариат победить не мог; без победоносной борьбы рабочих против буржуазии, без их руководящей помощи, крестьяне не могли с корнем вырвать самодержавно-крепостнический строй. Следовательно, Октябрьская революция имела две стороны, она делала сразу два дела, две работы. Во-первых, свою «главную, настоящую, пролетарски-революционную, социалистическую работу».[3] Во-вторых, «походя, мимоходом, как побочный продукт», она решила задачи буржуазно-демократической революции — уничтожение «главнейших проявлений, пережитков, остатков крепостничества», т.-е. «монархии, сословности, землевладения и землепользования, положения женщины, религии, угнетения национальностей»... Это все вопросы буржуазно-демократической революции, ибо все они не бьют по самому капиталистическому строю, не нарушают владычества капитала, а только вычищают остатки крепостнического помещичьего порядка. Вот эту-то чистку и осуществила Октябрьская революция попутно с подрывом основы капиталистического порядка, с экспроприацией заводчиков, фабрикантов, банкиров. Самым важным здесь было то, что с корнем была вырвана основа всяких сословных, монархических и других пережитков — помещичье землевладение. «Мелкобуржуазные демократы (т.-е. эс-еры, меньшевики и др. *А. А.*) восемь месяцев «соглашались» с помещиками, хранящими традиции крепостничества, а мы в несколько недель и этих помещиков, и все их традиции смели с лица земли русской до конца».[4] «Только Октябрьский переворот, только победа рабочего класса в городах, только Советская власть дали возможность на деле очистить всю Россию, из конца в конец, от язвы старого крепостнического наследия, старой крестьянской эксплуатации, от помещичьего землевладения и гнета помещиков над крестьянством, над всеми крестьянами без различия».[5]

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 590.
[2] Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 134.
[3] Ленин. «К 4-й годовщине Октябрьской революции». Собр. соч., т. XVIII, часть I, стр. 365. Нами изменен падеж. (Подчеркнуто Лениным.)
[4] Там же, стр. 364—365.
[5] Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 589—590.

Таким образом, если в России буржуазия переплелась с крепостническим порядком, то поэтому и на долю пролетарской революции выпала задача уничтожить остатки крепостнического государства и помещичью кабалу, т.-е. доделать работу буржуазной революции. Это, как мы видели, на известный — короткий — срок обеспечило социалистической рабочей революции поддержку всего крестьянства. Подобный временный союз рабочих со всем крестьянством оказался возможным только в России; поэтому начать социалистическую революцию в ней оказалось легче, чем на Западе, где в основном борьба крестьянства против помещиков крепостнического типа давно закончилась и проходила в союзе с тогда еще молодой революционной буржуазией. В России же историческая обстановка сложилась так, что пролетарская революция исполнила работу, необходимую всему крестьянству с точки зрения его собственнических, мелкохозяйственных интересов. Поэтому Ленин говорит, что «пролетариату выпала роль агента мелкобуржуазной революции — наша революция... была в значительной мере революцией буржуазной».

Деревенская антипомещичья революция была нужна и всему крестьянству, и всему пролетариату; городская рабочая революция в части поддержки крестьянской борьбы за землю, за мир, в части уничтожения пережитков царско-дворянского строя (т.-е. в части буржуазно-демократической) была необходима и всем рабочим и всем крестьянам. Поэтому удалось в Октябре все крестьянство повести за рабочим классом. Но в своей основной части — в деле уничтожения буржуазного строя — городская революция была нужна пролетариату и части крестьян — деревенской бедноте; она была враждебна и ненавистна крестьянам-кулакам, т.-е. крестьянской буржуазии, самой нанимавшей рабочих и закабалявшей крестьян. Поэтому союз рабочих с различными слоями крестьянства был построен вовсе не одинаково. Наиболее прочную базу имел союз с беднотой, готовой поддержать пролетариат полностью и до конца. Наиболее узкую и шаткую основу имело соглашение с богатыми крестьянами-кулаками. Это внутреннее строение рабоче-крестьянского союза ни в коем случае нельзя забывать, иначе будет совершенно непонятна вся дальнейшая социально-экономическая история нашей революции.

Перенесение социалистической революции в деревню и перестройка рабоче-крестьянского союза.

До поры до времени, пока социалистические мероприятия не выходили за пределы городской экономики, пролетариат мог все же опираться на все крестьянство; но стоило развитию революции дойти до перенесения социалистической революции из города в деревню, как крестьянство резко раскололось: кулацкая его часть выступила против социалистической революции в городе и деревне, а значит, и против ее руководителя — пролетариата; а бедняки заключили тесный союз с рабочими против кулаков и начали борьбу за превращение деревенской революции из общекрестьянской революции против помещиков в бедняцкую революцию против кулаков.

Тут наступает второй этап рабоче-крестьянского союза. «Только летом 1918 г. развернулась настоящая пролетар-

ская революция в деревне. Если бы мы не сумели поднять эту революцию, работа наша была бы негодна. Первым этапом было взятие власти в городе, установление советской формы правления. Вторым этапом было то, что для всех социалистов является основным, без чего социалисты — не социалисты: выделение в деревне пролетарских и полупролетарских элементов, сплочение их с городским пролетариатом для борьбы против буржуазии в деревне».[1]

«В той деревне, которая как один человек боролась против помещиков, возникло два лагеря — лагерь трудящегося беднейшего крестьянства, которое вместе с рабочими твердо продолжало итти к осуществлению социализма и переходило от борьбы против помещиков к борьбе против капитала, против власти денег, против кулацкого использования великого земельного преобразования, и лагерь более зажиточных крестьян. Эта борьба, отколов окончательно от революции имущие, эксплуататорские классы, перевела нашу революцию полностью на те социалистические рельсы, на которые рабочий класс городов твердо и решительно хотел ее поставить в Октябре, но на которую он никогда не сможет победоносно направить революцию, если не найдет сознательной, твердо сплоченной поддержки в деревнях.

Вот в чем значение переворота, который произошел в нынешнее лето и нынешнюю осень (1918 г. *А. Д.*) по самым глухим закоулкам деревенской России, который не был шумен, не был так наглядно виден и не бросался так всем в глаза, как Октябрьский переворот прошлого года, но который имеет еще несравненно более глубокое и важное значение».[2]

Деревенская революция по двум главным путям перешла «от чистки России от помещиков к образованию социалистического порядка», к борьбе бедняков против кулаков. Во-первых, земельная революция не остановилась на разделе помещичьей земли. После этого раздела очередь дошла до «поравнения» внутри самого крестьянства: у крупных крестьянских хозяйств отрезывалась земля, купленная или арендованная ими у помещиков. Зажиточных крестьян, выселившихся на хутора, сплошь и рядом заставляли возвращаться в села, и их участки пускали в общий передел. Зачастую отбирался и делился и инвентарь крупных крестьянских хозяйств. В тех местах, где кулаки особенно сильно прижимали крестьянство, дело доходило даже до прямого разгрома кулацких усадеб, особенно хуторов.

Во-вторых, сам рабочий класс городов в борьбе против голода вынужден был активно вмешаться в деревенскую жизнь. Рабочие начинают проводить отбирание излишков хлеба; а их имеют как раз кулаческие элементы деревни. В борьбе за этот хлеб против скрывающих его кулаков опорой могла быть только беднота, сама не имевшая хлеба, сама частично голодавшая, сама заинтересованная в открытии излишков. Союз рабочих с беднотой выражается в форме боевой организации крестьянских низов — в комитетах бедноты. Ком-

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 143.
[2] Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 591.

беды явились органами пролетарской революции в деревне. Именно они решительно проводили «раскулачивание», т.-е. экспроприацию крестьянской буржуазии — кулаков. На первых порах только при их помощи удавалось проводить продразверстку. Этим самым в деревне развертывалась прямая гражданская война с кулаками. В ответ на раскулачивание, на пролетарско-бедняцкое наступление кулацкая часть деревни становится главным внутренним резервом контр-революции. Кулак переходит на сторону белогвардейщины, на сторону буржуазно-помещичьего союза. Если первым источником белогвардейских нападений было вмешательство иностранного капитала, то вторым, внутренним, источником было кулацкое недовольство, кулацкие восстания, кулацкая поддержка интервентов.

Если в этот второй этап рабоче-крестьянской смычки пролетариат укрепил союз с беднотой и повел гражданскую войну с кулаками, то каковы же были взаимоотношения пролетариата со средним крестьянством?

Середняк находился на распутьи; целый период времени, в несколько месяцев, если не в целый год, он колебался; с одной стороны, «удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство» (Ленин), продразверстка была ему совсем не по вкусу, а от «раскулачивания» он получал несравненно меньше бедняков. Поэтому он не мог сразу встать на сторону бедняцко-пролетарского лагеря. С другой стороны, кулак был в союзе с главным исконным врагом середняка — помещиком - белогвардейцем. Поэтому от кулацко-белогвардейского лагеря середняк не получал ровно ничего, кроме «удовольствия» воевать против рабочих и перспективы возвращения барина. Середняк очутился между двух огней и некоторое время метался из стороны в сторону. На первых порах рабочий класс ограничивался задачей было н е й т р а л и з о в а т ь середняка, обезвредить эти его колебания. Но скоро — в 1919 г. — обстановка в деревне снова меняется, и нейтрализация середняка становится недостаточной. Пролетариат берет курс на то, чтобы совместно с беднейшими крестьянами заключить союз с середняком.

Создание рабоче-бедняцко-середняцкого союза.

Два обстоятельства превратили рабоче-крестьянский союз из рабоче-бедняцкого в рабоче-бедняцко-середняцкий и этим создали т р е т и й этап рабоче-крестьянской смычки. Прежде всего «раскулачивание», бедняцкая революция в деревне, в основном победоносно закончилось. Оно сильно сократило или почти совсем уничтожило крайние группы крестьянства; бедняки немного обогатились, кулаки обеднели, и в общем и те и другие приблизились к среднему уровню. Особенно важно было, что разница между двумя решающими группами — середняков и бедняков — сгладилась, так как бедняки «осереднячились».

Это сокращение крайних групп крестьянства и рост средних видны из следующих цифр:

Процент хозяйств

	без посева	с посевом до 2 дес.	с посевом от 2 до 10 дес.	с посевом свыше 10 дес.
1917	10,6	30,4	55,3	3,7
1920	4,7	47,9	46,9	0,5

Как видно, больше чем вдвое сократились беспосевщики; ясно, что в большинстве они перешли во вторую группу с небольшим посевом. Крупные хозяйства с посевом свыше 10 дес. уменьшились в семь раз. Конечно, это было двумя сторонами одного и того же «раскулачивания», одной и той же бедняцкой революции. Очень сильно выросла малопосевная группа, куда переходили и бедняки-беспосевники и часть середняков, разоряемых гражданской войной и разверсткой.

В общем, деревня сильно поравнялась, нивеллировалась, стала гораздо более однородной, середняцкой, чем до революции и во время ее. Поэтому в центре пролетарской политики стала более сложная задача: добиться союза с середняцкой массой крестьянства. На VIII съезде партии в 1919 г. Ленин резко и отчетливо говорит, что теперь недостаточно нейтрализовать среднее крестьянство. «...Дальнейшим шагом для партии, которая хочет создать прочные основы для коммунистического общества, выдвигается задача — правильно разрешить вопрос о нашем отношении к среднему крестьянству. Это задача более высокого порядка. Мы не могли ее поставить во всей широте, пока не были обеспечены основы существования Советской Республики... Мы вошли в такую стадию социалистического развития, когда надо выработать конкретно, детально, на опыте работы в деревне, основные правила и указания, какими мы должны руководиться для того, чтобы по отношению к среднему крестьянину стать на почву прочного союза, чтобы исключить возможность тех неоднократно случающихся уклонений и неправильностей, которые отторгали от нас среднего крестьянина, тогда как на самом деле мы могли бы рассчитывать на полное его доверие, как руководящая коммунистическая партия, впервые помогшая русскому крестьянству скинуть до конца помещиков и основать для него настоящую демократию».[1]

И эту задачу удалось не только поставить, но в основном осуществить уже, примерно, около 1919 г. Это объясняется тем, что середняк на опыте гражданской войны убедился, что власть пролетариата для него неизмеримо лучше, чем власть белогвардейцев, и что ничего третьего нет и быть не может. Несмотря на все недостатки, тяготы и зажимы, которые принуждена была вводить Советская власть для деревни, середняк все же увидел, что единственный — пусть тяжелый — путь спасения от кабалы есть поддержка Красной армии, Советской власти и ее руководителя — городского рабочего. Поэтому, в основном середняк выбрал и совместно с рабочими и бедняками стал вооруженной рукой отстаивать завоевания революции — свержение помещика и кулака. Союз пролетариата и деревенской бедноты присоединил к себе середняка. С этого времени мы имеем прочно сложившуюся, постоянную, до сих пор оставшуюся ступень союза рабочих и крестьян: пролетариат и деревенская беднота установили длительное сотрудничество со средним крестьянством. Сильно изменилась основа этого союза, но состав его членов остается до сих пор тем же.

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 94. (Подчеркнуто нами.)

§ 2. ЭКОНОМИКА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ («ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ»).

Пролетарская и общекрестьянская революция 1917 г. и бедняцкая деревенская революция 1918 г. сплотили против себя решительно все эксплуататорские классы в один белогвардейский лагерь. Крепостники-помещики, городские буржуа-заводчики, деревенские кулаки-мироеды — вот три столпа внутренней контр-революции, щедро поддерживаемой штыками и деньгами иностранного капитала. Рабоче-крестьянской Республике пришлось пережить целый период вооруженной борьбы за завоеванные земли, фабрики и власть против попыток восстановить старый буржуазно-помещичий порядок. Всякому понятно, что до этого нельзя было спокойно заняться хозяйственной работой и улучшением положения трудящихся. В период этой военной борьбы руководитель рабоче-крестьянского союза — пролетариат — вооруженной рукой, насильственными способами пригонял всю экономическую жизнь так, чтобы было лучше воевать, лучше побеждать и побольше ослаблять своего противника. Это была военно-экономическая политика, превращавшая хозяйство советской страны в военное хозяйство.

Первый период экономической политики — попытка соглашения с побежденными капиталистами.

Правда, непосредственно после Октябрьской революции был период, когда пролетариат попытался сделать первый приступ, первый подход к мирной работе по социалистическому строительству. Это было время, когда первая волна контр-революции была разбита, вторая волна еще только собиралась с силами, и всем казалось, что капиталисты окончательно побеждены, что необходимость подчиниться пролетарской диктатуре для всех них очевидна, что война кончена и нужно браться за хозяйственные задачи, которые выдвигаются на первый план. На самом же деле настоящая война еще не начиналась, и скоро пришлось перейти к военно-экономической политике.

Какие главные черты этого первого приступа к социалистическому строительству, сорванному начавшейся гражданской войной?

Руководящая пролетарская партия прекрасно понимала, что нельзя сразу, непосредственно ввести в нашей стране социалистический порядок производства и распределения. Главным препятствием этому было то, что у нас преобладает мелкое производство на рынок. Крестьянство составляет основную часть населения СССР, и крестьянское сельское хозяйство — основная часть нашего хозяйства. Крупная промышленная техника, крупное производство у нас сравнительно слабы: не они производят большую часть продуктов нашего хозяйства.

Главная задача социалистической работы в условиях 1917 г. и начала 1918 г. состояла в том, чтобы не поддаться мелкособственнической стихийности, анархичности и раздробленности: суметь собрать, укрепить, развить элементы крупного, технически развитого передового хозяйства и этим путем преодолеть мелкособственническую стихию, подчинить ее государственному регулированию и воздействию, а затем

уже «подтягивать» ее к социализму. Конечно, такую организацию и переделку нашей экономики нельзя сделать наскоком, с плеча, с налета. Это требует длительной и упорной хозяйственной работы. Поэтому Советская власть в 1917 г. стремится двигаться к социализму без особой ломки, возможно более постепенно, «с наибольшим приспособлением к существовавшим тогда отношениям» (Ленин).

Кого прежде всего мог использовать рабочий класс для своей хозяйственно-организационной работы? Ведь у него самого не было навыка, не было умения и культурности для того, чтобы полностью эту работу выполнить, мелкобуржуазную стихию преодолеть, крупное производство собрать, организовать, пустить в ход. Поэтому нужно было суметь чужими руками капиталистов делать социалистическое дело. Построить коммунизм только чистенькими руками самих коммунистов — совершенно ребячья мысль. Мало попросту ограбить, обобрать, конфисковать у капиталистов их средства. Нужно конфискованное учесть, подсчитать, не давать растаскивать, правильно использовать, пустить в ход. А этого нельзя сделать без помощи, без привлечения капиталистов, без соглашения с наиболее передовыми, культурными из них. Ибо у них весь опыт, все знание, все умение организовать, налаживать, управлять. Отсюда Ленин делает вывод: «мы можем и должны добиться теперь соединения приемов беспощадной расправы с капиталистами некультурными,.. с приемами компромисса или выкупа по отношению к капиталистам культурным, идущим на государственный капитализм, способным провести его в жизнь, полезным для пролетариата в качестве умных и опытных организаторов крупнейших предприятий...»[1] Это значит, что надо перед каждым капиталистом поставить выбор: или быть уничтоженным, дочиста экспроприированным, или в определенных размерах наживаться, получать прибыль и за это работать и помогать пролетариату организовывать все хозяйство. Должна быть налажена совместная работа, совместная борьба социалистического пролетариата с культурным, передовым, крупным капитализмом против дикости, отсталости и распыленности мелкособственнического капитализма. Эта борьба тем более трудна, что мелкособственнический капитализм раскинул миллионы своих щупальцев по всей стране и имеет «в каждом мелком буржуа своего агента»,[2] борющегося против всякой организованности, всякого контроля и учета.

Такая линия была ясно выражена во всей экономической политике первого периода нашей революции — до лета 1918 г. Экспроприация капиталистов проводилась очень медленно, осторожно, постепенно. На первых порах были национализированы только банки (14 октября 1917 г.) и водный транспорт (26 января 1918 г.; железные дороги перешли в руки пролетариата с захватом государственной власти, так как в огромной своей части они и раньше принадлежали государству). Ленин предупреждает, что мы слишком много национализируем, а подсчитывать и толком брать в руки всего захваченного мы

[1] Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 271—272.
[2] Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 265.

не поспеваем. Между тем, до 1 июня 1918 г. было национализировано всего 487 промышленных предприятий, при чем 70% из них были отобраны в наказание за неисполнение декретов Советской власти, т.-е. в случае отказа капиталиста от сотрудничества с пролетариатом. На остальных предприятиях капиталисты оставались владельцами, — а рядом с ними был поставлен рабочий контроль, который должен был проверять и следить, действительно ли капиталисты добросовестно руководят предприятием, не срывают ли они его работы, не набивают ли они чрезмерно свой карман. Вместе с тем, контролирующие рабочие должны были обучаться у хозяина приемам управления, чтобы впоследствии быть в состоянии заменить его. Ленин особенно поощряет попытки привлечь капиталистов к организации той или другой отрасли, организации той или другой формы сотрудничества пролетарского государства и передовых капиталистов.

Конечно, все это не означало прекращения классовой борьбы, но это означало, что борьба между пролетариатом и буржуазией будет происходить в рамках новых отношений, в условиях пролетарской диктатуры, при чем «система государственного производства и распределения и система частноторгового производства и распределения вступят между собой в борьбу, в таких условиях, что мы будем строить государственное производство и распределение, шаг за шагом отвоевывая его у враждебной системы».[1] Мы «предложили капиталистам: подчиняйтесь государственному реформированию, подчиняйтесь государственной власти, и, вместо полного уничтожения условий, соответствующих старым интересам, привычкам, взглядам населения, вы получите постепенное изменение всего этого путем государственного реформирования».[2] Рабочие хотели перевести борьбу на почву частных уступок буржуазии, на почву совместного хозяйствования и борьбы за экономическое руководство внутри пролетарского государства.

Весь этот расчет оказался неосуществимым, утопичным, наивным, ибо буржуазия не была еще окончательно побеждена в основном вопросе о самом существовании пролетарской, а не буржуазной власти. Буржуазия ответила: «сначала мы поборемся из-за коренного вопроса, есть ли вы вообще государственная власть, или вам это кажется, а этот вопрос решится не декретами, а войной, насилием». «Тактика буржуазии состояла в том, чтобы толкнуть нас на борьбу отчаянную и беспощадную, вынуждавшую власть к неизмеримо большей ломке старых отношений, чем мы это предполагали». «Логика борьбы и сопротивление буржуазии заставили нас перейти к самым отчаянным, ни с чем не считающимся приемам гражданской войны, которая разоряла Россию три года».[3]

Словом, буржуазия не пошла на компромисс с пролетариатом. Вместо того, чтобы подчиниться социалистическому государству и совместно с ним бороться против мелкого, отсталого, частного капитализма, крупный капитализм заключил союз с этими самыми мелкими капиталистиками-кулаками против социалистической организации,

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 391.
[2] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 393.
[3] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 393 и 394.

против самого существования рабочего государства. Городская буржуазия пытается опереться на кулака, недовольного комбедами, бедняцкой революцией в деревне и продовольственной разверсткой. Этим буржуазия перевела борьбу из области хозяйственного соревнования в область бешеной гражданской войны. Этим она вынудила рабочий класс перейти к военно-экономической политике, к насильническому, вооруженному вмешательству в хозяйственную жизнь.

Гражданская война и переход к военному коммунизму.

Помещичье буржуазно-кулацкий союз выступил в борьбу за свержение советского строя. Какие же главные хозяйственные задачи стояли перед защищавшимся рабочим классом, опиравшимся в своей борьбе на бедноту и присоединившего к себе середняка? Прежде всего, все отдельные экономические цели рабоче-крестьянского союза объединялись одной главной целью: отстоять самое существование рабоче-крестьянской власти, раздавить трехголовую «гидру контр-революции» и для этого обеспечить военную борьбу всем насущно необходимым и, прежде всего, спасти армию и ее руководителя и организатора — рабочий класс — от прямой голодной гибели.

Для достижения этой цели нужно было бороться по трем основным линиям. Во-первых, нужно было всячески укреплять рабоче-крестьянский союз. Нужно было предупредить колебание крестьянства. Нужно было преодолеть шкурничество, рвачество в свою личную пользу, привычку тянуть к себе, не считаясь с общими интересами, стихийность, шаткость, непривычку к выдержанной, упорной, самоотверженной, дисциплинированной борьбе, характерную для союзника рабочего класса — крестьянства. Без этого немыслима была не только победа, но даже серьезная борьба. Сама смычка в этот период является военным союзом, скрепленным железной, пролетарской дисциплиной, жестким и суровым пролетарским руководством. Во-вторых, нужно было решительно и бесповоротно разрушить, разбить, разломать главные основы старого экономического уклада. Нужно было в возможно большей степени уничтожить торгово-капиталистические порядки. Без этого буржуазно-помещичье-кулацкий союз продолжал иметь могучую экономическую опору, ибо у него оставалось руководство всей экономической жизнью, ибо только буржуазия могла и умела наладить торговую связь внутри хозяйства, организовать крупное производство на рынок и т. д. Пролетариат пока не мог соперничать в этой области с буржуазией. Раньше он хотел использовать это уменье, использовать эти старые экономические приемы для постепенного перехода к новому хозяйственному строю. Теперь буржуазия пыталась использовать все это для подрыва пролетарской диктатуры, для удушения ее «костлявой рукой голода». Поэтому задача была: *отнять все* у буржуазии и кулака, *разрушить всю* старую экономическую систему, *разломать весь* старый экономический уклад. В-третьих, нужно было не только отнять все у буржуазии, но и *собрать все* в руках пролетарского государства. Нужно *было так организовать хозяйство* страны,— в первую голову распределение хлеба и других важнейших продуктов,— чтобы буржуазия и кулаки были выбиты из седла, обезврежены и обессилены, а Советское государство создало бы такой хозяйственный по-

рядок, при котором можно было бы усиленно снабжать воюющую армию и пролетариат, и при котором все отобранное сохранилось бы в руках государства.

Посмотрим, какие же главные шаги были предприняты для достижения этих трех задач. Прежде всего пролетариат отнял у буржуазии все ее предприятия. Если до лета 1918 г. Советская власть проводила национализацию очень осторожно, и главным толкачом национализации были сами капиталисты, саботировавшие производство и не подчиняющиеся Советской власти, то с июня 1918 г. пролетариат взял курс на всеобщую национализацию. И по мере того, как усиливалась гражданская война, пролетариат забирал в свои руки все новые и новые отрасли хозяйства в городе, все более лишая экономической силы и влияния своего непримиримого врага — буржуазию. Декретом от 28 июня 1918 г. была экспроприирована вся крупная промышленность РСФСР; в ноябре 1918 г. пролетарская власть уничтожает внутреннюю капиталистическую торговлю, издав декрет о национализации всей внутренней торговли. В ноябре и декабре 1918 г. пролетариат накладывает свою руку на кооперативный аппарат, в котором засели меньшевистско-эс-еровские агенты буржуазии. Декретом от 30 ноября 1918 г. буржуазия лишается права голоса в кооперации, декретом от 7 декабря 1918 г. национализирован крупнейший кооперативный банк (Московский Народный). Наконец, к концу гражданской войны, в ноябре 1920 г., Советская власть доходит до национализации даже и мелкой промышленности. Фактически же и до этого времени широко применялась национализация (чаще муниципализация) самых пустяковых предприятий, в роде парикмахерских, прачешных, бюро похоронных процессий и т. п. Это было доведением до конца основной линии— линии полного искоренения всякого буржуазного хозяйства, изгнания, вычеркивания буржуазии из экономической жизни страны. Это была борьба даже с мелким капитализмом, даже со всяким частным предпринимательством, ибо они были опорой и агентурой контр-революционной буржуазии. Пролетариат решительно и энергично проводил линию экономической революции.

Основные экономические мероприятия периода военного коммунизма.

Как в этой обстановке складывалась самая главная связь в нашем хозяйстве — связь города и деревни? Как в этой области осуществлял рабочий класс свои военно-экономические задачи? Тут мы подошли к «душе», к центру всего военного коммунизма — продразверстке. Суть продразверстки в том, что Советская власть объявила все излишки хлеба и других важнейших сельскохозяйственных продуктов принадлежащими государству. «Это значит, что ни один пуд хлеба, который ненадобен хозяйству крестьянина, ненадобен для поддержания его семьи и скота, ненадобен ему для посева, — что всякий лишний пуд хлеба должен отбираться в руки государства. Как это сделать? Надо, чтобы были установлены цены государством, надо, чтобы каждый лишний пуд хлеба был найден и привезен».[1] Дело шло о том, сможет ли пролетариат

[1] Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 332—340.

добыть для армии и для себя хлеб, или нет. Каждому ясно, что эта борьба за хлеб решала судьбу гражданской войны. Задача была — во что бы то ни стало спасти рабочих от мук голода, снабдить армию хлебом, ибо без хлеба воевать нельзя, и, значит, без хлеба гибнет Советская власть. Такова была ясная, простая, оголенная задача рабочего класса. Противоположная задача стояла перед буржуазией: задушить «костлявой рукой голода» революцию, не допустить, чтобы хлеб попал в руки большевиков, создав такие каналы, по которым он уплыл бы из их рук в распоряжение союзников белогвардейцев — торговцев, кулаков и т. п. Кто был хозяйственно сильнее в этой борьбе? Конечно, хозяйственная сила была, во-первых, у кулаков — у них был хлеб; во-вторых, у купцов, у буржуазии — у них были умение, средства, навыки. Поэтому свобода торговли хлебом прямым путем вела к гибели рабоче-крестьянского дела и к победе буржуазно-кулацкого союза. Поэтому пролетариат железной рукой зажимал и не допускал всякую продажу хлеба. Свобода торговли хлебом передавала хлебную диктатуру тем, кто был хозяйственно сильнее, тем, у кого был хлеб, и тем, кто умел торговать: богатым крестьянам, торговцам буржуазии. Это значило поручить дело снабжения Красной армии и городских рабочих их заклятым, открытым врагам — прямым внутренним союзникам белых. Это значило сорвать снабжение Красной армии и городских рабочих. С другой стороны, свободная торговля хлебом означала бы победу в деревне кулака и завоевание кулаком руководства над середняком, над середняцкой массой. «Свободная торговля хлебом в голодной стране — это означает бешеную наживу кулаков, бессовестных богатых крестьян, набивающих мошну на нужде и голоде народа», это «означает победу богатых над бедными, ибо богатые купят хлеб даже по безумной цене, а бедные останутся не при чем» (Ленин). Свободная торговля так усилила бы экономическую мощь кулака, что бедняцкая революция в деревне кончилась бы неудачей. Допущение свободной торговли со стороны пролетариата означало измену бедняку.

Вдобавок, свободная торговля в тогдашних условиях пробудила бы в середняке-крестьянине спекулянта-торгаша, желающего нажиться. Этим она восстановила бы его против покупателя-рабочего, против бедняка-крестьянина, добивающегося поравнения, этим бы она толкнула середняка в объятия кулака. Таким образом вышел бы разрыв рабоче-крестьянского союза и расширение союза буржуазно-кулацкого. Поэтому пролетариат стремился на место торговли поставить распределение хлеба через специальный продовольственный аппарат.

Отряды рабочих двинулись в деревню и там, в союзе с бедняками, отбирали хлеб у кулаков. Этим путем продразверстка сокрушала силу кулаков и поддерживала пролетарскую, бедняцкую революцию в деревне. Поэтому борьба за хлеб была борьбой против деревенского капитализма, борьбой за социализм.

Рабочие завоевали хлеб, наладили аппарат по выкачиванию его из деревни. Следующей задачей было наладить централизованный, распределительный аппарат. «Только собрав весь хлеб в общие мешки, мы можем поделить его», пишет Ленин. Необходимо «объединение

всех вместе в одну общую работу, под руководством центра».[1] Этим путем удавалось направлять хлеб туда, где были решающие пункты борьбы, — на фронт, на «ударные», обслуживающие фронт, заводы и т. д.

В основном эта суровая политика была в интересах трудящегося крестьянства. Благодаря ей удалось победить помещика и кулака. Однако, отдельные группы крестьян не понимали того, что отдать хлеб рабочему необходимо именно с точки зрения крестьянских интересов. Поэтому рабочий класс применял насилие, вооруженной рукой заставлял крестьян отказаться от стремления к личной наживе, ради интересов всего крестьянства, ради борьбы с помещиком, буржуазией и кулачеством.

Строжайший централизм Советская власть проводила не только в распределении хлеба. Нужно было все хозяйство прочно держать в руках, не выпускать ничего сколько-нибудь важного, железной рукой направлять все на цели военной борьбы. Ленин говорит, что «первая наша мысль — это проводимая во всех декретах мысль о централизации».[2] В стране голод, в стране не хватает угля, нефти, сырья для промышленности, предметов потребления для населения, гражданская война разрушает и дезорганизует транспорт. Тиф косит направо и налево. В этих условиях надо воевать и надо победить. Для этого — захватить каждый пуд хлеба и угля, каждый аршин ситца и направить их туда, где, с точки зрения общих мотивов борьбы, он необходимее всего. Отсюда то, что «мы берем на учет, национализируем решительно все» (Ленин). Повсюду происходит работа по подсчету запасов ткани, обуви, керосина и т. д. Торговля всеми этими продуктами воспрещается, их распределение производится государством, по одному централизованному плану, через единый снабженческий аппарат. Без этого нельзя было избежать кризиса, срыва, в самых важных экономических пунктах.

По такому же типу была организована отнятая у буржуазии промышленность. Все крупные предприятия были разбиты по отраслям производства и затем объединены в государственные управления данной отрасли, т.-е. так называемые «главки» и «центры». Эти главки непосредственно управляли всеми предприятиями данной отрасли. В свою очередь, главки были подчинены ВСНХ через отделы последнего. Никакой самостоятельности ни отдельные предприятия, ни главки не имели; все делалось по планам и приказам из центра. Все необходимое должно было бесплатно получаться от соответственных государственных органов; например, топливо—от Главтопа, сырье от заготовительных органов, собиравших его по разверстке с крестьян, продовольствие от Наркомпрода, оборудование от другого, машиностроительного, главка и т. д. Все продукты данного предприятия или главка поступали в распоряжение ВСНХ и распределялись им в соответствии с ударными потребностями. Всего главков было 40 — 50. Назовем несколько крупнейших из них: Главуголь, Главсахар, Главторф, Главгвоздь, Главтекстиль и т. д.

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 319 и 320.
[2] Там же, стр. 320.

Как видно, промышленность была организована не по-торговому, не через рынок, а через государственно-административную организацию, через планы, приказы, ордера и т. п. Почти никакой торговли производить не имел права ни один главк; расчеты между госпредприятиями проходили безденежно, просто путем бухгалтерских записей и перечислений. Вообще все хозяйство Советской Республики должно было представлять собою единое целое, управляемое из центра, организованное наподобие какого-либо отдельного завода. Восстановление хозяйства предполагалось производить по строгому, заранее рассчитанному, единому плану. Такой план был создан, в первую голову, для ремонта страшно изношенного и сократившегося паровозного состава железных дорог. То же самое намечалось и для других отраслей хозяйства.

В области организации использования рабочей силы для военного коммунизма характерна попытка «милитаризации труда». Она состояла в том, что была объявлена «всеобщая трудовая повинность». Специальные органы по проведению этой повинности путем принудительных мобилизаций пытались собирать и распределять рабочую силу. Каждый рабочий не имел права по своей воле переходить с фабрики на фабрику. Он находился в распоряжении данного завода, и его рабочей силой распоряжались соответствующие органы. Словом, организация использования рабочей силы была построена на тех же сверхцентрализованных, военных началах, что и организация снабжения топливом, сырьем, продовольствием. В известном логичном единообразии военному коммунизму отказать нельзя.

Понятно, что при таком построении хозяйства и при таких способах его ведения деньги с каждым месяцем становились все более и более лишними: крестьянину торговать запрещалось, да и продать было нечего; он старался кое-как сам себя обслужить, ничего не покупая и не продавая, все потребляя натурой. Такое безденежное, натуральное хозяйство было и в промышленности: хлеб от крестьян получали не путем купли, а разверсткой, друг с другом не торговали, а сдавали и получали, т.-е. распределяли продукты без денег. Деньги становились лишними. Советская власть шла на уничтожение денег, и поэтому во-всю пускала печатный станок, выбрасывая на рынок массу совзнаков, которые быстро падали.

Таким образом, все хозяйство Советская власть стремилась превратить в единое организованное целое, в котором производство должно было происходить по планам, распределение по определенным нормам через государственные органы, связь между городом и деревней через организацию «продуктообмена», в котором город бесплатно получал бы хлеб и бесплатно снабжал бы промышленными продуктами крестьянина и т. д.

Такой строй внешне очень похож на социалистический порядок. До известной степени он является прообразом того, как будет организовано хозяйство при социализме. Однако это не был настоящий социализм. Это был вынужденный нищетой, разорением, условиями ожесточенной борьбы, военный, потребительский коммунизм. «Мучительный голод нас силой подвел к задаче чисто комму-

нистической».[1] «Потребительский коммунизм есть условие спасения рабочего. Ни перед какими жертвами нельзя останавливаться для спасения рабочего. По полуфунту капиталистам, по фунту рабочим — вот как надо выбираться из голодной полосы, из разорения. Потребление изголодавшегося рабочего есть основа и условие восстановления производства» (Ленин).

Пролетарская военная организация хозяйства не была подлинным строительством социалистического хозяйства. Более того, военно-коммунистические способы и не годились для такого строительства. Военный коммунизм был способом разгромить буржуазию и кулака, удержать в руках пролетариата все хозяйства, спасти от голода армию и рабочих. Военный коммунизм был поэтому хозяйственной политикой военного союза рабочих и крестьян; это нужно помнить, чтобы правильно оценить его результаты, его значение и причины отказа от него и перехода к нэпу.

§ 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА. ПЕРЕХОД К НЭПУ.

Результаты военного коммунизма в военной, политической и хозяйственной областях.

Военный коммунизм имел двойной результат. Первым результатом было то, что рабоче-крестьянский союз благодаря ему вышел победителем из гражданской войны. Удалось не только совершенно разгромить военную силу буржуазии. Удалось уничтожить, убить основную экономическую силу российского капитализма. Рабоче-крестьянский союз не только попросту добился мира, отогнав мешавших ему врагов. Рабоче-крестьянский союз захватил и удержал руководство хозяйством — пусть пока разоренным; этим захватом были созданы предпосылки восстановления и социалистической перестройки хозяйства нашей страны.

Сама победа Красной армии показывает, что военный коммунизм в условиях 1918—1920 гг. был в общем правильным способом ведения военного хозяйства, был правильной экономической политикой на время гражданской войны. Разве мог рабоче-крестьянский союз победить, если бы пролетариат вел ошибочную хозяйственную политику? Поэтому Ленин пишет: «тот факт, что мы победили, показывает не только, на какие чудеса героизма способны рабочие и крестьяне в борьбе за свое освобождение. Этот факт показывает также, какую роль лакеев буржуазии играли на деле меньшевики, эс-еры, Каутский и компания, когда они ставили нам в вину этот военный коммунизм. Его надо поставить нам в заслугу». (Последнее подчеркнуто нами.) Но если военный коммунизм был годен для обслуживания войны, то он совершенно не подходит для хозяйственного строительства. Поэтому Ленин продолжает: «но не менее необходимо знать настоящую меру этой заслуги. «Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть политикой, отвечающей хозяйственным задачам пролетариата. Он был временной мерой».[2]

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 318.
[2] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I. «О продналоге», стр. 214.

Это прежде всего видно из того, что в результате периода военного коммунизма усилились нищета, хозяйственный развал, падение производительных сил. За время гражданской войны и военного коммунизма сельское хозяйство сократилось почти в 2 раза; промышленное производство в $5^1/_2$ раз, транспорт в 5 раз. Связь как между городом и деревней, так и вообще между отдельными отраслями хозяйства была очень сильно ослаблена, почти порвана. Достаточно сказать, что общий пробег груза по железной дороге в 1919 г. составил 20% довоенного. А если исключить военные и хозяйственные железнодорожные грузы, то грузооборот, обслуживающий промышленность и сельское хозяйство, окажется равным 12% довоенного. Понятно, что это было равносильно «размычке» основных частей народного хозяйства. Следствием этого был страшный голод в городах и деревнях малоплодородных (потребляющих) губерний и отсутствие сахара, керосина, ситца и металлопродуктов у всего крестьянства. Годовое потребление хлеба сократилось в городах центра России с 14 пудов на душу до 8 пудов, в деревнях потребляющей полосы с 15 до 12 пудов. Голод и нищета вызвали массу эпидемий: за 1919 и 1920 гг. одним только сыпным тифом болели свыше 5 милл. человек. А если взять все виды тифа за один только 1920 год, больных будет $5^1/_2$ милл. человек. Успешную войну приходилось покупать ценой разрухи, голода и страданий.

Жизнь показала, что военно-коммунистическими способами можно собрать необходимые продукты для Красной армии, лишив их мирное население; можно всю хозяйственную жизнь страны приспособить для наибольшего напряжения военной борьбы. Но этими способами вообще невозможно поднять хозяйство, вырваться из нищеты.

Это особенно ясно обнаружилось в 1920 г. Война кончилась. Надо переходить на мирную работу. Надо восстанавливать хозяйство. И когда к этим задачам Советская власть попыталась подойти безрыночными, безденежными, сверхцентрализованными способами военного коммунизма, то они сейчас же дали осечку. Прежде всего, нельзя было заинтересовать крестьянство в увеличении посевов, в лучших способах ведения хозяйства, в развитии животноводства, когда все излишки, — а часто и не излишки, — у крестьянина отбирали, продавать что-либо ему не давали, а оставляли только в обрез, на прожитье. Теперь крестьянин отказывался сдавать бесплатно хлеб, ибо война кончилась, и помещика окончательно прогнали. Военный союз с рабочими казался крестьянину больше не нужным, а хозяйствовать, вылезать из нищеты рабочий класс ему не только не помогал, но попросту мешал: отбирал хлеб, не давая взамен почти что ничего, не позволял распоряжаться продуктом своего труда, закрывал торговлю. Если это можно было перетерпеть в годы войны, то после победы крестьянин на это совершенно не соглашался. Он проделал революцию и перетерпел гражданскую войну как раз для того, чтобы спокойно богатеть, развивать хозяйство, торговать и т. д. Теперь крестьянин требовал немедленного улучшения своего тяжелого положения. «Терпеть и ждать» он больше не мог. А у рабочих не было товаров, не было действующих заводов, чтобы снабдить многомиллионное крестьянство. Да и

если бы заводы работали и товары были, все равно невозможно спабдить каждое из 22 милл. крошечных крестьянских хозяйств всем необходимым без торговли, без обмена.

Более того, даже внутри промышленности без рынка нельзя было наладить связь и правильный оборот товаров. Вместо настоящего планомерного снабжения, выходила сплошная канитель: ничего не хватало, самые насущные потребности не покрывались; то, что было, распределялось с таким бюрократизмом и волокитой, что все обходилось страшно дорого, запаздывало к срокам, перепутывалось и т. д. Виною этого был громоздкий, страшно много средств съедавший, аппарат управления и распределения. Он связывал по рукам и ногам все предприятия, лишая их всякой самостоятельности, не давал им ни одного шага сделать, — хотя бы переставить или отремонтировать станок и купить какую-нибудь метелку, — без плана, без ордера, без разрешения, без груды бумаг. Словом, этот порядок гирей висел на производстве, совершенно не давая ему развиваться.

Между тем, наиболее простая, легкая и гибкая связь через торговлю, через рынок перестала быть опасной. Старая торговля была сметена. «Командиром» в хозяйстве оказывался не раздавленный капиталист, а пролетариат, прочно захвативший все хозяйство в свои руки. Поэтому бояться всякой торговли было излишне. Нужно было попытаться наладить свою, пролетарскую государственную торговлю и через нее связать завод с заводом и город с деревней. Продолжать военный коммунизм было бы безумной ошибкой, равносильной размычке с крестьянином и полной гибели промышленности и пролетариата. С полной очевидностью это показал тот факт, что небольшая затяжка военного коммунизма после окончания войны вызвала небывало резкий экономический и политический кризис — временную размычку рабоче-крестьянского союза. Военная основа союза отошла в прошлое, а хозяйственная еще не была подведена пролетариатом. «Разверстка в деревне и непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе, — эта политика мешала подъему производственных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы натолкнулись весной 1920 г.».[1]

Мы имели «необыкновенно обострившийся кризис крестьянского хозяйства, очень тяжелое положение его, которое к весне 1921 г. оказалось гораздо более тяжелым, чем можно было это предвидеть, а, с другой стороны, последствия этого положения сказались как на восстановлении нашего транспорта, так и на восстановлении нашей промышленности» (Ленин).

Конечно, одним из главных корней этого кризиса крестьянского хозяйства являлась тяжелая продразверстка. А в государственном хозяйстве одной из причин «ужасного краха» (Ленин) являлись неудачные планы и расчеты, вытекавшие из бюрократического главкизма и военной организации хозяйства. В результате всего этого к весне 1921 г. оказалась недостача хлеба и топлива. Небольшое улучшение осени и зимы 1920 г. было сорвано. Этим ясно и отчетливо был

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 373.

выявлен крах военно-коммунистического подхода к восстановлению хозяйства. Из экономической области кризис перекинулся в область политическую. «Народ переустал», военный зажим стал нестерпим, да и не нужен. Крестьянство начинает колебаться, начинает протестовать против пролетарского руководства. Его недовольство перекидывается в армию и в рабочий класс. По деревням ширится недовольство крестьян, на мелких фабриках забастовки рабочих; наконец, в Кронштадте — восстание матросов. И коренное отличие всех этих волнений от «обычной» контр-революции в том, что тут протестуют, борются, выступают свои: сами рабочие или союзники рабочих — крестьяне. Это не контр-революционная борьба помещичье-буржуазно-кулацкого союза; это недовольство мелкой буржуазии против лишившегося смысла военного коммунизма. С концом войны изменилось «отношение класса пролетариата к классу крестьянства» (Ленин). Нужно было построить новую, хозяйственную, а не военную смычку.

В чем «победа» и в чем «поражение» военного коммунизма?

Подведем теперь известный итог и спросим, как же нужно оценить военный коммунизм: был ли он ошибкой или заслугой, правильной или неверной политикой? Мы выше приводили слова Ленина, где он называет военный коммунизм нашей заслугой. В другом месте он пишет про военно-коммунистическую политику: «в основе, в тех условиях войны, в которые мы были поставлены, эта политика была правильна». Однако, как только речь идет о военном коммунизме, как приеме хозяйственного восстановления или способе перехода к социализму, Ленин резко и определенно называет его с этой стороны «ошибкой»... «Мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению... Мы рассчитывали, — или может быть вернее будет сказать, — мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку»...[1] «На экономическом фронте с попыткой перехода к коммунизму мы к весне 1921 г. потерпели поражение, более серьезное, чем когда-либо раньше»..[2]

После того, как мы разобрали, в чем состоял и для чего проводился военный коммунизм, нам ясно, что никакого противоречия между признанием военного коммунизма «заслугой» и «ошибкой» на самом деле нет. Как военно-хозяйственная мера разгрома, ломки буржуазного строя и обеспечения победы рабоче-крестьянского союза, военный коммунизм был вынужден гражданской войной с буржуазией, которая не пошла на госкапитализм. С этой стороны он был правильной политикой. Но когда «в горячке гражданской войны» эта роль военного коммунизма была «в роде того, что забыта», [3] и очень часто внешне стройная система военного, потребительского, вынужденного коммунизма рассматривалась как настоящий путь к социализму, а не «временная мера», то это было ошибкой.

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 369.
[2] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 373.
[3] Ленин. Собр. соч., т. VIII, ч. I, стр. 372.

Военный коммунизм победил как экономическая политика гражданской войны. Военный коммунизм потерпел поражение как план перехода к социализму. Военный коммунизм был правилен, когда он проводил экономический разгром буржуазии и поддерживал войну. Военный коммунизм стал ошибкой, когда он несколько затянулся после окончания гражданской войны, когда уже в самом конце 1920 г. намечалось принудительно, путем приказа, поднимать крестьянское хозяйство и приказом заставлять крестьян столько-то и так-то сеять ржи, а столько-то и так-то картошки. Это было попыткой «велениями государства» непосредственно, без предварительной долгой переделки крестьянского хозяйства, ввести коммунизм; и это было ошибкой. Все дело можно формулировать так: все то, что вытекало из военной и революционной необходимости, что поддерживало войну и подготовляло собиранием всего хозяйства в руках пролетариата и ломкой старой экономики предстоящее строительство, — все это было правильно; то же, что вытекало только из желания немедленно построить коммунистический порядок, из рассмотрения военного коммунизма как прямого пути к социализму, что не диктовалось требованиями войны, — все это было ошибочным. Понятно, что центральная часть ошибок падает на тот период (с конца 1920 г. по март 1921 г.), когда без гражданской войны продолжалась военно-коммунистическая политика. И тут-то вышло «поражение», выявленное кризисом весны 1921 г.

Переход рабоче-крестьянского союза на хозяйственную основу и перестройка экономической политики.

После этого кризиса начинается основательная и серьезная перестройка экономической политики пролетарского государства. Необходимо рабоче-крестьянский союз основать на новой базе: на совместной хозяйственной работе, на задаче экономического восстановления и развития страны. При этом крестьянин требует, чтобы ему дали, наконец, возможность реализовать революционные завоевания. На основе победы над буржуазно-помещичьим строем рядовой мужик-середняк хочет развивать свое мелкое хозяйство, хочет избавиться от нищеты, хочет разбогатеть. Рабочий тоже хочет развертывать хозяйство, но он стремится к тому, чтобы вновь восстановленное хозяйство оказалось перестроенным по новому, чтобы и городская, и деревенская экономика постепенно переделывались по социалистически.

Основная задача новой экономической политики пролетарского государства прямо вытекает из этой обстановки. Надо создать хозяйственный союз рабочих и крестьян. Надо обеспечить в этом союзе экономическое руководство пролетариата. Для этого надо сделать так, чтобы социалистическая работа пролетариата помогала работе крестьянина в его мелком частном хозяйстве. Надо установить смычку «между той новой экономикой, которую мы начали строить», и «крестьянской экономикой, которой живут миллионы и миллионы крестьян». [1] Надо добиться, чтобы была смычка между пролетарским стремлением к социалистическому хозяйству и стремлением мелкого собственника-

---

[1] Все, взятое в кавычки и специально не оговоренное, — из доклада Ленина на XI съезде ВКП (б). Собр. соч., т. XVIII, ч. II.

крестьянина к богатому хозяйству. Но это еще не все. Необходимо, чтобы пролетариат создал такую смычку, при которой он мог бы заинтересовать крестьянина в социалистическом строительстве. Необходимо, чтобы на основе личного интереса крестьянства пролетариат подводил бы его к отказу от обособленного хозяйства, к переходу на социалистическую организацию сельского хозяйства. Такова была основная задача новой экономической политики.

Какие главные «маневры» должен был проделать пролетариат для ее разрешения? Во-первых, он должен был отступить; во-вторых, он должен был перестроить ряды; в-третьих, он должен был перейти в наступление. [1]

В обстановке гражданской войны пытаясь прямо перейти к социалистической организации всего хозяйства, пролетариат оторвался от крестьянской экономии. «Огромное большинство крестьянства нашей страны ведет мелкое индивидуальное хозяйство. Постройка того, что мы могли сразу осуществить из намеченной нами программы коммунистической общественности, шла до известной степени в сторонке от того, что делалось в широчайшей крестьянской массе, на которую мы возлагали очень тяжелые повинности, оправдывая их тем, что война никаких колебаний в этом отношении не допускает» (Ленин. Подчеркнуто нами). Для восстановления смычки нужно было отступить от попытки непосредственного перехода к социализму во всем хозяйстве; нужно было признать крестьянина собственником своих продуктов и на место неудавшихся попыток «социалистического продуктообмена» поставить рыночную торговлю. Без этого восстановить смычку нельзя было. Поэтому X съезд партии начинает нэп с замены продразвестки продналогом, с разрешения свободной торговли хлебом. Сначала торговля была разрешена «в пределах местного оборота»; но это оказалось, разумеется, недостаточным, и пролетариат постепенно восстановил торговлю во всем ее объеме. В этом состояла главная суть, решающее и центральное содержание перехода к нэпу. Из этого пункта, из этого поворота вытекало все остальное.

Прежде всего восстановление торговли заставило пересмотреть способы борьбы с капитализмом. Пришлось отступить от полного, «стопроцентного» запрещения капитализма. Пришлось часть «хозяйственной территории» вернуть капиталистам. «Новая экономическая политика означает замену разверстки налогом, означает переход к восстановлению капитализма в значительной мере.... Ибо уничтожение разверстки означает для крестьян свободную торговлю сельскохозяйственными излишками, не взятыми налогом, а налог берет лишь небольшую долю продуктов. Крестьяне составляют гигантскую часть всего населения и всей экономики, и поэтому на почве этой свободной торговли капитализм не может не расти». [2] Ленин говорит, что это частичное допущение торговли и капитализма было отступлением на позиции, заранее приготовленные в 1917—1918 гг., когда мы пытались основать первый подход

---

[1] Формулировка Ленина и Бухарина.

[2] Ленин. Из речи на II Всероссийском съезде Политпросветов 17 октября 1921 г. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 374.

к социалистическому строительству на применении государственно-капиталистических приемов работы, налаживая учет и контроль‘ стараясь ломать возможно меньше и т. д.

Одновременно с этим отступлением пролетариат начинает перестраивать свои ряды, чтобы вновь перейти в наступление на старый экономический уклад, на капитализм и на частную торговлю. В чем состояла эта перестройка пролетарских рядов «на нэп»? Прежде всего, допустив торговлю и возродив рыночную организацию всего хозяйства, пролетариат должен был овладеть этой торговлей, должен был обеспечить себе руководящую роль в рыночном обороте. Без этого нельзя было осуществить связь пролетарской промышленности с крестьянством. Поэтому новая экономическая политика в значительной степени явилась «применением нами, коммунистами, приемов торговых, приемов капиталистических» (Ленин). Воспользовавшись старой, торговой формой связи и организации хозяйства (до сих пор всегда применявшейся капитализмом), пролетариат стремится превратить ее в орудие социалистического строительства.

На этой почве развертывается борьба за овладение торговлей между «допущенным» капитализмом и социалистическим государством, отступившим, но оставившим за собой все «командные высоты», все крупные, централизованные хозяйственные предприятия. Кто овладеет торговлей, тот овладеет крестьянством и организует его в своих целях и интересах. «Организуем ли мы мелкое крестьянство на основе развития его производительных сил, или подчинят его капиталисты, — от этого зависит исход борьбы». «Весь вопрос, за кем пойдет крестьянство — за пролетариатом, стремящимся построить социалистическое общество, или за капиталистом, который говорит: повернем назад, так оно безопаснее, а то еще какой-то социализм выдумали».[1]

И эта борьба происходит в форме экономического рыночного соревнования: «Хозяйничайте все. Капиталисты будут рядом с вами, рядом с вами будут и иностранные капиталисты, концессионеры и арендаторы, они будут вышибать у вас сотни процентов прибыли, они будут наживаться около вас. Пусть наживаются, а вы научитесь у них хозяйничать, и тогда только вы сумеете построить коммунистическую республику».[2]

Поскольку экономическое соревнование становится главной областью «последнего решительного боя» с русским капитализмом, постольку перестраиваются способы и ближайшие задачи антикапиталистической борьбы пролетариата. На место военно-революционного разгрома и немедленного уничтожения перед пролетарской государственной властью встает задача, «опираясь на крестьянство, держать господ капиталистов в надлежащей узде, чтобы направлять капитализм по государственному руслу и создать капитализм, подчиненный государству и служащий ему».[3] Другими словами, пролетариат в отношении борьбы с неизбежным «в известной мере и на известный

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 374—378.
[2] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 380.
[3] Там же, стр. 375.

срок» капитализмом переходит к «приемам, к способам, к методам деятельности **государственного капитализма**» (Ленин). При помощи всей экономической мощи **социалистической части** нашего хозяйства, пролетариат ограничивает, регулирует, «вставляет в рамку» и использует капиталистов.

Таким образом, перестройка рядов заключалась, во-первых, в том, что пролетариат перевел рабоче-крестьянский союз на основу совместной борьбы за подъем хозяйства. Это самый общий исходный пункт; во-вторых, в том, что пролетариат в деле строительства социализма стал пользоваться торговыми, рыночными приемами; в-третьих, в том, что свои отношения с капиталистическими элементами хозяйства пролетариат перестроил на государственно-капиталистических началах.

Экономическое наступление пролетариата на рельсах нэпа.

Новое экономическое наступление, в которое перешел пролетариат уже через 1—2 года после введения нэпа, состоит в том, что социалистический сектор нашей экономики вновь начинает расти и по своим абсолютным размерам, и, главное, по своему удельному весу в хозяйстве. Область капиталистических отношений или уменьшается, или растет несравненно медленнее развития социалистических элементов. Правда, в одних отраслях народного хозяйства социализму удается перейти в наступление раньше, в других — позже; но общая линия хозяйственного развития и экономической политики совершенно ясна и тверда: **это линия наступающего социализма**.

Но это новое решительное наступление социализма резко отличается от военно-коммунистической атаки. Военному коммунизму приходилось вместе с водой выплескивать из ванны и ребенка: ему приходилось уничтожать капиталистический уклад ценой приостановки производства и частичного **уничтожения** производительных сил; он сплошь и рядом был вынужден для изгнания капиталистов из данной области производства и торговли разрушать эту область производства и торговли, оставлять вместо них пустое место — заброшенную землю, стоящие фабрики, порванную экономическую связь внутри хозяйства и т. д.

Наступление на капитализм методами нэпа применяет совершенно другие способы вытеснения капитализма. При нэпе капиталистическое производство **уничтожается** путем его **замещения** производством, построенным на социалистических началах. При нэпе капиталистическая торговля **уничтожается** путем ее **замены государственной** или **кооперативной** торговлей; при нэпе **на место кулацко-капиталистического** подъема сельского хозяйства **ставится** его подъем **коллективный**. Поэтому наступление методами нэпа не только не разрушает хозяйства, но, наоборот, в **наибольшей** степени помогает ему подняться. В этом факте лежит гарантия прочности и твердости наступления на путях нэпа на капитализм.

Но оно имеет и еще одну **коренную** разницу по сравнению с военно-коммунистическим наступлением. Мы уже отмечали, что военно-коммунистическая поспешная переделка хозяйства на социалистический лад была оторвана от крестьянского хозяйства. «Смычки

между экономикой, которая строилась в национализированных, социализированных фабриках, заводах и совхозах и экономикой крестьянской не было...» (Ленин). Отступление и перестройка рядов достигли в этом отношении своей главной цели: они создали ту смычку, о которой говорит здесь Ленин. Благодаря нэпу удалось «сомкнуться, отступивши, с крестьянской массой и вместе с ней в сто раз медленнее, но зато твердо и неуклонно итти вперед, чтобы она всегда видела, что мы все-таки идем вперед. Тогда наше дело будет абсолютно непобедимо, и никакие силы в мире нас не победят». «Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем».[1]

Нэп есть наступление на капитализм вместе с крестьянской массой. Нэп есть продвижение к социализму, соединенное, сцепленное, сомкнутое с развитием крестьянского хозяйства.

Мы сможем подробнее и конкретнее выяснить это самое главное и основное современное содержание нэпа, разбирая отдельные области нашей экономической жизни и борьбы.

ЛИТЕРАТУРА.

I. Действительно серьезное представление об этапах развития рабоче-крестьянского союза и советской экономической политики можно получить, только изучив основные работы Ленина за период 1917—1922 гг. Укажем некоторые из них: 1) «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности». Собр. соч., т. XV, стр. 256—281. Здесь Ленин обосновывает важнейшие шаги первого периода экономической политики Советской власти («компромисс» с «культурными капиталистами», применение госкапиталистических методов для борьбы с мелкобуржуазной стихией и т. д.). 2) Речь на I Всероссийском съезде земельных отделов и т. д. Собр. соч., т. XV, стр. 589—599; здесь можно найти особенно ясную формулировку этапов рабоче-крестьянского блока. 3) По этому же вопросу надо использовать доклад об отношении к среднему крестьянству на VIII съезде партии. Собр. соч., т. XVI, стр. 158. 4) Для военного коммунизма характерны: «Великий почин» (коммунистические субботники). Собр. соч., т. XVI, стр. 241, и речи на IX съезде партии. Собр. соч., т. XVII. 5) Для последнего периода военого коммунизма очень важна речь «о концессиях» и доклад и заключительное слово на VIII съезде советов. Собр. соч., т. XVII, стр. 382 и 403—435. 6) Для перехода к нэпу особенно важна известная брошюра «О продналоге». Собр. соч., т. XVII, ч. I, стр. 202. 7) Поучительный по глубине и ясности анализ всех этапов советской экономической политики дают три работы Ленина: во-1-х, статья «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции». Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 362, во-2-х, речь на II съезде политпросветов. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 270, и в-3-х, речь на Московской Губпартконференции. Там же, стр. 387. Эти три работы надо считать самыми необходимыми для проработки первой главы. 8) Для уяснения сущности и этапов развития нэпа — см. доклад на XI съезде партии. Собр. соч., том XVIII, ч. II.

II. У нас почти нет серьезной литературы, специально посвященной развитию советской экономической политики. Довольно многочисленные брошюры, сборники статей, статистические сборники и т. д. не подходят для учебных целей. Большинство из них охватывают или проблемы какой-либо одной отрасли хозяй-

[1] Ленин. Доклад на XI съезде ВКП (б). (Подчеркнуто нами.)

ства или какого-либо одного исторического момента в развитии нашей экономической политики. Из работ, которые все же можно использовать для дальнейшего ознакомления с общим развитием советской экономической политики, укажем на хрестоматию, составленную Круминым: «Ленин. Экономическая политика». В ней имеются 6 введений к отделам, в общем удачно написанных Круминым. Каждое введение характеризует определенный период развития советского хозяйства. Есть цифровой материал. Использование этих введений следует всячески рекомендовать. По этой же хрестоматии можно проработать и Ленинские работы (хотя желательно, конечно, прочесть вышеуказанные работы полностью, по Собр. соч.). Специально военному коммунизму посвящена серьезная и обстоятельная работа т. Крицмана: «Героический период великой русской революции». Однако ряд ее положений, как и общая оценка эпохи военного коммунизма, являются спорными. К этой работе в виде приложения дана глава о трех годах нэпа. Много интересного, хотя и отрывочного и сырого материала, можно извлечь из книжки Сарабьянова «Экономика и экономическая политика СССР». Эта книжка, собственно, и представляет собою историю советской экономической политики. Но в виду очень неудачного построения, бессистемности расположения материала, зачастую преподносимого в совершенно сыром виде, как пособие она не годится. Рекомендовать для использования ее можно только подготовленному, умеющему разбираться в материале читателю. Цифровой материал за 1917—1926 гг. можно найти в издании Свердловского Университета: «Развитие народного хозяйства СССР за 1917—1926 гг. в диаграммах».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

§ 4. РОЛЬ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ. УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ НАШЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Мы начинаем разбор отдельных отраслей нашего хозяйства с промышленности, так как она играет исключительно важную роль в экономическом развитии советской страны.

Промышленность Советского Союза не является самой большой, преобладающей частью хозяйства. По количеству работников и по величине продукции сельское хозяйство далеко превосходит нашу промышленность. По сравнению с земледельческим населением, промышленные рабочие представляют довольно небольшую людскую горсть; из 72,4 милл. «занятых лиц» в 1925/26 г. в крупной промышленности было занято около 2700 тыс., в транспорте — 1350 тыс., в ремесленно-кустарной промышленности — 2200—2300 тыс.,[1] из которых большинство наполовину является крестьянами. В общей годовой продукции народного хозяйства на долю крупной промышленности до войны приходилось 28%, мелкой промышленности — 7% и сельского хозяйства—65%. Несмотря на это, крупная промышленность являлась и является такой частью народного хозяйства, которая возглавляет и руководит всем экономическим развитием нашей страны.

Руководящая роль промышленности в экономическом развитии страны.

В основном это объясняется двумя причинами. Прежде всего промышленность является самой передовой частью народного хозяйства. Вся современная техника—использование паровой и электрической энергии для производства и для транспорта, замена ручного труда машинным, беспрерывное усовершенствование способов производства и т. д., — все это развилось именно в промышленности и в ней же получило самое широкое применение. Сельское хозяйство стоит на гораздо более низкой ступени техники, чем

[1] «Контрольные цифры на 1926/27 гг.», стр. 284—285; по другим данным, число занятых в кустарной и ремесленной промышленности в 1926 г. равнялось 3 милл.

промышленность. Транспорт по своей технике зависит от промышленного производства.

Это в особенности верно по отношению к России. Дедовская соха продолжает господствовать в сельскохозяйственной технике в то время, как промышленность сделала ряд гигантских шагов вперед, и в ней место старинных ручных орудий заняли динамомашины, паровые и электрические молоты, электрические печи, механические станки и т. д. Поэтому и производительность труда в промышленности во много раз выше, чем в сельском хозяйстве.

Свой передовой технический уровень промышленность распространяет и на остальные хозяйственные области. Промышленность в значительной своей части является производителем орудий производства для всего народного хозяйства. Между тем, в развитии производительных сил решающее значение имеет как раз создание новых, все более усовершенствованных орудий производства. Поэтому развитие всех отраслей хозяйства оказывается зависимым от успехов промышленности, снабжающей их орудиями производства. Успехи промышленной техники переносятся в транспорт и в сельское хозяйство и производят там переворот в способах производства. Промышленность идет во главе развития производственных сил; промышленность двигает, толкает развитие производства всех отраслей хозяйства. Попадая во все уголки нашей страны и обслуживая потребность основной массы хозяйственных ячеек, продукты промышленности являлись и являются основой для изменения всего способа производства, всего экономического уклада. Стоит только представить себе, какой переворот произвело развитие железнодорожного и пароходного транспорта, основавшееся на успехах металлургической промышленности, во всем укладе крестьянского хозяйства, в способах и размерах торговли, в хозяйственных судьбах целых областей; или какое огромное значение имело развитие льняной, свеклосахарной, хлопчатобумажной, шерстяной и других отраслей промышленности для кустарного производства и для крестьянского хозяйства ряда районов, для перехода от натурального хозяйства к товарному строю. Или как основательно начало перестраиваться сельское хозяйство под влиянием успехов сельскохозяйственного машиностроения и роста фабричной переработки продуктов земледелия и животноводства. Развитие промышленности накладывало отпечаток на все остальные отрасли хозяйства; более того, развитие промышленности определяло основное направление, в котором шло развитие всего народного хозяйства.

Но для того, чтобы играть руководящую роль в хозяйстве, промышленность должна иметь достаточный количественный вес, занимать центральное командное место в жизни всего хозяйства. Только на основе этого она сможет оказывать достаточно сильное влияние на его экономическое развитие. Например, если бы в крестьянской России было всего 1 — 2 прекрасных технически-передовых завода, то они, несмотря на все свои «совершенства», все же потонули бы в крестьянском море и не могли бы играть никакой руководящей роли в развитии хозяйства. На деле этого не получается потому, что наша промышленность закрепила за собой командное место в хозяйстве, достигнув решительного преобладания во всем товарообороте страны. Рыночный

товарооборот является как бы центром всей экономической жизни нашей страны. Все изменения в укладе каждой отрасли нашего хозяйства происходят под диктовку рынка. Каждый шаг вперед в любой хозяйственной области обязательно происходит или в виде расширения и углубления рыночных отношений, или, если их раньше совсем не было, в виде втягивания в рыночный оборот отсталых натуральных хозяйств. Свое руководство промышленность как раз и осуществляет благодаря тому, что она господствует на рынке. Вся масса промышленных товаров целиком поступала в товарооборот страны. Из общего числа поступавших в 1913 г. на рынок товаров—11 509 милл. руб. (без ввоза)—целых 7011 милл., или 60,9%, падало на продукты крупной и мелкой промышленности; сельское хозяйство большую часть своих продуктов потребляло натурой, без всяких продаж и покупок; на рынок сельское хозяйство выбрасывало всего на 4498 милл. руб., или 30,1%, суммы всех продаваемых на рынке товаров. Коренных изменений в составе товарной массы у нас сейчас по сравнению с довоенным временем нет. Таким образом, промышленность выбрасывает основную часть товарной массы, она же предъявляет главный спрос на сельскохозяйственные продукты: на хлеб, лес, лен, хлопок, свекловицу и т. п. Первую скрипку в обмене играет промышленность, поэтому все хозяйства, так или иначе связанные с рынком, сталкиваются на нем с промышленностью и подпадают под ее влияние.

В чем состоит наша промышленная отсталость.

Если по сравнению с общим российским техническим уровнем и экономическим укладом наша промышленность могла быть передовой, руководящей отраслью народного хозяйства, то по сравнению с западно-европейской индустрией она была отсталой и недостаточной как по величине, так и по технике. Мы разберем важнейшие стороны этой отсталости, так как на них мы сможем выяснить некоторые основные черты нашей промышленности.

Если взять наше место в мировом промышленном производстве, то тут бросается в глаза резкое несоответствие наших природных возможностей и размеров нашего производства. По величине территории мы вторая страна в мире; по населению третья. По природным богатствам мы тоже занимаем одно из самых первых мест: специалисты вычислили, что в недрах Советского Союза сосредоточивалось 38% всех мировых запасов нефти, в то время как в С.-А. Соединенных Штатах всего 12%. По запасам нефти — мы самая богатая в мире страна. То же самое и по запасам торфа — у нас 78% мировых торфяных залежей. Каменным углем мы несколько беднее, мы стоим на 4 месте, имея всего 7% мирового запаса, в то время как в Соединенных Штатах сосредоточено до 50% всех угольных залежей мира. Но все же у нас вдвое больше угольных запасов, чем в Великобритании: там всего 3,2% мирового запаса. Не хуже, чем с топливом, обстоит дело с железной рудой. Огромные запасы руды сосредоточены на юге России, вблизи от угольных шахт (Криворожский район, Одесская и Екатеринославская губ.). Еще большие запасы обнаружены недавно в Курской губ. (так называемая Курская магнитная аномалия).

По запасам медных руд мы занимаем второе место; по необходимой для металлургии марганцевой руды первое и т. д. Наконец,

возможности добычи хлопка — этого основного сырья текстильной промышленности — у нас также чрезвычайно велики; достаточно сказать, что при наибольшей посевной площади в Туркестане в 714 тыс. дес. (1916 г.) неиспользованной пригодной (после орошения) земли там оставалось около 4 милл. дес. Словом, по богатству и разнообразию природных возможностей для развития промышленности Советский Союз далеко превосходит остальные страны. Единственно кто еще может тут с нами соперничать — это Соединенные Штаты. Таким образом, по нашей территории, населению и природным богатствам нам следовало бы занимать одно из самых первых мест в промышленном производстве мира. Но на самом деле мы не занимаем в нем ни первого, ни второго, ни третьего места. Благодаря слабому использованию природных возможностей мы чаще всего оказываемся на пятом, шестом, седьмом и т. д. месте. Так, по добыче железной руды мы в 1913 г. стояли на пятом месте, имея всего 6% мировой добычи. По запасам гораздо более бедные, чем мы, Соединенные Штаты добывали 38% и стояли на первом месте. По выплавке чугуна мы тоже стояли на пятом месте (на следующем после Франции), выплавляя 252 милл. пуд., или 5,3% мировой продукции. Соединенные Штаты и тут стояли на первом месте, давая 40% мировой выплавки. Угля в 1913 г. было добыто на территории СССР 29,2 милл. тонн,[1] что составляет 2,5% мировой добычи и дает нам шестое место. Только по добыче нефти мы занимали второе место, добывая 17% всей мировой нефтепродукции. Первое место и тут было у Соединенных Штатах (62%), несмотря на то, что наши запасы в 3 раза больше. По главной отрасли текстильной промышленности — по хлопчатобумажному производству — в 1913 г. Россия (без Польши, Финляндии и Прибалтики) стояла на четвертом месте, имея 7,245 тыс. веретен (5% мирового количества) и 192 тыс. (5,8% мирового количества) ткацких станков. На первом месте стояла Англия с 55 милл. веретен и 805 тыс. ткацких станков.

По своим техническим силам наша промышленность тоже сильно отставала от других стран. Общая мощность всех технических двигателей в промышленности, транспорте и сельском хозяйстве России до войны равнялась 13 милл. лош. сил; на всем земном шаре общая мощность двигателей равна 600 милл. лош. сил; значит, на долю России приходилось, примерно, 2,2% мирового количества механической двигательной силы. Тут тоже имеется недостаточное использование наших природных возможностей; из всех мировых запасов природных источников энергии — залежей угля, нефти, водных сил и т. д. — у нас в общем сосредоточено 10,4%. Наша доля в запасах источников энергии раз в 5 больше нашей доли в действующих механических двигателях. Еще разительнее видна наша техническая слабость при сопоставлении с передовыми странами. В Соединенных Штатах мощность механических двигателей превосходила нашу мощность в 10 раз: в 1916 г. они имели механических двигателей общей мощностью в 130 милл. лош. сил. На одного трудоспособного человека в Соединенных Штатах,

[1] Тонна равна 61,05 пуда.

Германии и Англии приходилось около 80 механических помощников (т.-е. механических сил, равных силе одного взрослого рабочего); во Франции — 26, в России — всего 9. Следовательно, самая главная техническая основа современной промышленности — превращение человеком сил природы в механическую энергию — в Советском Союзе была чуть ли не в 10 раз слабее, чем в передовых промышленных странах. Именно поэтому все отрасли нашей промышленности и по производительности труда, и по общей величине продукции далеко отставали от американской, английской и германской индустрии.

Из-за этого получалось недостаточное производство товаров на душу населения.

Так, если взять весь потребляемый[1] в довоенной России чугун и разделить на число жителей, то на душу годового потребления придется 18 *кг*, а в Англии душевое потребление составляло 137 *кг*, в Германии — 219, в Соединенных Штатах 291, т.-е. от 7 до 12 раз больше, чем у нас. Душевое потребление каменного угля у нас до войны составляло 218 *кг*, а в Англии 4586 *кг*, или раз в 20 больше. Сахара употреблялось в России 7,04 *кг*, а в той же Англии 41,6 *кг*, т.-е. почти в 6 раз больше.

Производство продуктов текстильной промышленности в Соединенных Штатах составляло на душу — 36,8 руб. в год, а у нас 9,2 руб., т.-е. в 4 раза меньше; химических продуктов: в Соединенных Штатах на 31 руб., а у нас на 1,3 руб.; бумажной продукции: в Соединенных Штатах на душу — 18,6 руб., а у нас 0,7 руб.; читать и писать 65% населения России не умело, так что и в бумаге особой потребности не было.

Единственный продукт, в производстве и потреблении которого мы не отставали от других стран, — это спирт. Душевое потребление в России до войны составляло 0,63 ведра; в Соединенных Штатах — 0,55 ведра; в Германии 0,57 ведра.

Как видно, тут другая сторона той же неразвитости и отсталости нашей промышленности по сравнению с промышленным развитием передовых стран; у нас имелось резкое несоответствие между огромным населением и недостаточной промышленностью.

Не все отрасли промышленности развиты у нас равномерно. Главными отраслями у нас были — текстильная, пищевая, горная и металлургическая. В них работало 84% всех рабочих нашей крупной промышленности, и их продукция составляла 82% всей промышленной продукции. По числу рабочих на первом месте стоит хорошо развитая у нас текстильная промышленность, работавшая в небольшой своей части даже на заграничный восточный рынок (в 1913 г. вывезено на 13 милл. руб. хлопчатобумажной ткани). В ней было занято около 33% всех рабочих. Однако, продукция ее по ценности составляла около 25% всей промышленной продукции, уступая тут пищевой промышленности, которая давала 33% промышленной продукции (т.-е. по

[1] Размеры потребления не совсем точно отражают отношение внутреннего производства к массе населения, так как в них отражается ввоз иностранных товаров и не отражается вывоз наших. Но все же основную картину они рисуют хотя и грубо, но верно.

продукции была на первом месте), занимая всего 16—17% рабочих. Пищевая промышленность являлась надстройкой над преобладающим в нашей стране сельским хозяйством, она давала его продуктам необходимую обработку. Горная промышленность имела третье место, давая 10% продукции и занимая 16—17% рабочих. Металлическая занимала 20% рабочих и давала больше 14% продукции. Слабее других были развиты химическая промышленность, бумажное производство, полиграфическое дело (печатное). Внутри металлопромышленности очень отставало от потребностей рынка сельскохозяйственное и промышленное машиностроение.

Понятно, что чем слабее была та или иная отрасль промышленности внутри нашей страны, тем больше нам приходилось дополнять недостаток продуктов путем иностранного ввоза. Поэтому, например, ввоз текстильных товаров составлял до войны около 10% внутреннего производства; при этом он на 40% уравновешивался вывозом текстильных продуктов за границу. Зато в химической промышленности ввоз составлял $^2/_3$ внутреннего производства, в бумажной $^1/_3$, в металлической 35% и т. д. Особенно важна наша зависимость от иностранного производства по линии оборудования самой промышленности: ввоз промышленных машин был раза в полтора больше внутреннего производства. В 1910 г. было ввезено на 104 милл. руб., а произведено внутри страны на 65 милл. руб. В 1912 г.—ввезено на 127 милл. руб., а произведено на 90 милл. руб. Поэтому оказывается, что наша промышленность *оборудована большей частью заграничными машинами*.

Интересно, что за малыми исключениями у нас плохо развивались более тонкие и сложные производства. Так, в металлопромышленности ввоз грубых изделий из-за границы составлял всего 9% внутреннего производства; в средних изделиях 66%, а в тонких—215%. Такое же положение имелось в химической промышленности, в обработке минеральных веществ, в текстильной промышленности и т. д. Всюду внутреннее производство преобладало для более простых или грубых изделий, а в снабжении сложными, тонкими изделиями главную роль играл ввоз.

Высокая концентрированность нашей крупной промышленности.

Оба эти обстоятельства—недостаточное развитие производства машин и неуменье наладить сложное и тонкое производство—говорят нам об одном и том же: о технической отсталости нашей промышленности.

Одной из своеобразных черт нашей промышленности было соединение этой технической отсталости с невиданной концентрированностью производства. По своей средней величине (если измерять ее числом рабочих) предприятия нашей крупной промышленности были впереди и Германии и даже Соединенных Штатов. Ни в какой другой стране пролетариат не был так собран, сгущен в огромные кулаки крупных предприятий, как в России; ни в какой другой стране крупные предприятия не имели такого преобладания в производстве, как у нас.

Посмотрим, какую долю рабочих охватывали предприятия различной величины в России и Германии.

Из каждых 100 рабочих было занято:	В России (1913 г.)	В Германии (1907 г.)
В предприятиях мелкой промышленности (до 20 человек на одно предприятие	38	43
В предприятиях крупной промышленности (свыше 20 человек на одно предприятие) .	62	57

Как видно, у нас крупная промышленность занимала большую долю рабочих, чем в такой передовой промышленной стране, как Германия; наоборот, там сравнительно большее значение имела мелкая промышленность. Но этого мало. Если взять только одну крупную промышленность (свыше 20 человек на предприятие), то и тут у нас концентрация окажется гораздо выше, чем в Германии.

Из каждых 100 рабочих было занято:	В России (1913 г.)	В Германии (1907 г.)
В небольших предприятиях от 21 до 100 рабочих в каждом	16	38,6
В средних предприятиях от 100 до 500 рабочих .	28	36,9
» крупных » » 500 » 1000 »	15	10,5
» крупнейших » » 1000 »	41	14,0
	100	100

Самая большая доля рабочих в германской промышленности приходилась на мелкие и средние предприятия, а в русской на крупнейшие. Крупнейшие предприятия не только имели у нас большую долю рабочих, чем в Германии (это было бы еще полдела, ведь у нас и весь пролетариат был меньше, чем в Германии, поэтому иметь такую крупную долю группе промышленных великанов было легче), но и по общему абсолютному числу на них рабочих было больше, чем в Германии: в группе предприятий свыше 1000 рабочих в кажлом в России было занято — 902 тыс., а в Германии 880 тыс. Если взять фабрики свыше 5000 тыс. рабочих в каждой, то окажется, что в Ленинграде на таких фабриках работало 142 000 человек. Таких крупных фабрик во всей Германии было меньше, чем в одном Ленинграде.

В Соединенных Штатах, в первой в мире по промышленной силе стране, в 1914 г. из каждой сотни рабочих, занятых в предприятиях с числом рабочих не менее пяти, на крупные и крупнейшие фабрики и заводы (т.-е. свыше 500 рабочих в каждом) приходилось 32,5 рабочих. Если же такой же расчет произвести по нашей промышленности, то из каждой сотни рабочих на крупные и крупнейшие придется 54 человека; опять-таки роль крупных предприятий у нас выше, концентрированность промышленности больше, чем в Соединенных Штатах. Добавим, что на одно предприятие свыше 500 человек у нас в среднем выходило по 1400 человек, в Соединенных Штатах по 1100 человек, а в Германии по 900 человек.

Ту же высокую концентрацию нашей промышленности мы увидим, если возьмем выпуск продуктов. В 1910 г. 5 самых крупных южных

заводов давали свыше 80% выплавки чугуна всей южной металлургии, или 60% выплавки во всей Российской империи. На все остальные заводы оставалось всего 40% выплавки. Из года в год величина заводов и фабрик увеличивалась. Так, средняя годовая выплавка чугуна одного завода в 1900 г. составляла 223 тыс. пуд., а в 1909 г. уже целых 1025 тыс. пуд.: увеличение средней продукции каждого завода в 4—5 раз за 9 лет. За это же время среднее число рабочих на один завод увеличилось на 72%. Росло не только число рабочих и выпуск продукции на один завод, но и размеры капитала: в 1900 г. средний капитал одного металлургического акционерного предприятия (а все большие заводы принадлежали не отдельным капиталистам, а целым акционерным обществам) составлял 2,4 милл. руб.; в 1905 г.— 4,4 милл., а в 1909 г. уже 5,7 милл. руб., т.-е. одно предприятие в среднем увеличило свой капитал за 9 лет больше чем в $2^1/_3$ раза. А количество заводов при этом не увеличивалось, а уменьшалось: в 1900 г. всего металлургических заводов было 207, в 1905 г. их число сократилось до 169, в 1909 г. осталось только 156. Небольшие и слабые заводы закрывались, не выдерживая соревнования с гигантами в роде Днепровского, Юзовского или Брянского (в Екатеринославе) заводов.

Таким образом, можно смело сказать, что до войны наша промышленность была самой концентрированной в мире; другими словами, что роль крупнейших предприятий во всей промышленной жизни у нас была больше, чем где бы то ни было.

Выдающаяся концентрированность нашей крупной промышленности тесно связана с той огромной ролью, которую играл в ней иностранный капитал. Притекая в Россию, иностранный капитал открывал в ней крупные предприятия, а не какие-либо полуремесленные заводики. Относительная финансовая слабость российской буржуазии и бедность России капиталами способствовали тому, что почти во всех отраслях промышленности «командные высоты» сосредоточились в руках акционерных обществ с «участием» иностранного капитала.

Это «участие» иностранного капитала в большинстве случаев было равносильно руководству, так как в его руках оказывалась очень большая доля акций. Все акционерные общества имели около 4 миллиардов акционерного капитала; из него 1340 милл., или целая треть, падает на иностранный капитал. Горной и металлообрабатывающей промышленности иностранный капитал уделял особое внимание: в эти отрасли было вложено около $^1/_2$ всех иностранных капиталов. Поэтому целая $^1/_4$ предприятий этих отраслей была целиком в руках иностранного капитала. В остальных предприятиях он имел только часть акций; в общем, половина акций этих отраслей падала на долю иностранного капитала. Поэтому почти вся угольная и металлургическая промышленность главного центра нашей горной промышленности — Донбасса — была в руках иностранного капитала. Из всех южных металлургических заводов только один работал с русским капиталом.

Акции электротехнической промышленности были на $^3/_4$ в руках иностранных капиталов; акции химической — на $^1/_3$, акции предприятий городского благоустройства (телефон, трамвай и т. п.) на $^1/_2$.

Казалось бы, что на основе такого значительного участия иностранных капиталов и такой высокой концентрированности наши предприятия могли бы быть образцами массового производствах и современной техники. Но на самом деле ничего подобного не было. «В Германии, — пишет один из лучших знатоков нашей промышленности, Гриневецкий, — машиностроительные заводы при 350 — 500 рабочих имели обычно законченную организацию крупного предприятия, а заводы с 2 — 3 тыс. рабочих считались очень крупными, имея мировую репутацию. В России нередко крупнейшие заводы с 5 — 10 тыс. рабочих представляли собою недостаточно согласованное сочетание отдельных мастерских, объединенных не столько технической организацией, сколько администрацией». [1]

При этом наши огромные заводы были плохо специализованы, разбрасывали свои силы на производство целой массы разнообразных изделий; оборудование было очень слабо, изношено, устарело, здания тесны и плохо приспособлены; заводы были расположены в огромном большинстве случаев довольно неудобно в отношении источников сырья, топлива или рынков. Именно поэтому наши заводы, превышая западные по своей величине, резко отставали от них по технике и организации производства.

Кустарно-ремесленная промышленность.

Одной из своеобразных черт нашей промышленности являлось то, что рядом с крупной промышленностью, состоящей из заводов-великанов, существовала мелкая, прямо-таки мельчайшая, к у с т а р н а я промышленность. Кустари, это — крестьяне, занимающиеся в свободное время, чаще всего зимой, у себя же дома, в избе, производством каких-либо изделий. Техника у них ручная, самая примитивная, отсталая и неподвижная. Способ производства из поколения в поколение, в течение веков почти совершенно не изменяясь и не совершенствуясь, переходит от отца к сыну. Кустарные промыслы у нас очень распространены — особенно в нечерноземном районе — на севере и в центре России. Малоземелье тут соединено с неплодородностью земли, и при плохих способах ведения сельского хозяйства крестьянин не может тут и впроголодь прожить без добавочных доходов. В течение длинной зимы сельскохозяйственной работы нет, свбодной рабочей силы много, и крестьянин вместе с семьей садится или за ручное ткачество льняных полотен (Костромская губ., Ярославская губ., например, с. Великое), или за плетение пеньковых рыболовных сетей (Тверская губ. и села, расположенные по течению реки Вятки), или за выделку замков, ножей, ложек (Нижегородская губ.), глиняной посуды (Калужская, Костромская губ.) и т. д., и т. п. В результате, в некоторых северных и центральных губерниях (Вятская, Московская, Нижегородская) число кустарей доходило до 8% всех жителей данной губернии.

Общая численность кустарей составляла около 2 милл., из них 617 тыс. работали по обработке волокнистых веществ (хлопчатобумажная ткань, льняная ткань, кружева, пеньковые изделия); 586 тыс. — по обработке дерева, 264 тыс. по обработке кожи и т. д.

[1] «Послевоенные перспективы русской промышленности», стр. 69.

Насколько ничтожной была производительность труда кустарей видно хотя бы из того, что продукции на одного кустаря приходилось от 150 до 200 руб. в год, в то время как в крупной промышленности на одного рабочего приходилось до 2 тыс. руб. годового производства, т.-е. раз в 10 — 13 больше. Правда, кустарь работал не круглый год, но зато рабочий день был у него очень длинный (до 16 часов), и ему всегда помогали подростки и дети из его же семьи, которые в расчет не принимаются. Тяжелые условия труда взрослых и эксплуатация малолетних, начиная с 6 — 8 лет, соединяясь с низким уровнем потребностей — работали целый день за 20 — 30 коп., — и создавали особую жизнеспособность отсталой кустарной промышленности. Важно также то, что обслуживала кустарная промышленность, главным образом, деревенский рынок, в большинстве случаев не конкурируя с крупной; она или дополняла ее путем доставки частей, доделки полуфабрикатов, или, если эта же отрасль в крупной промышленности была недостаточно развита и не покрывала потребностей населения, заполняла своими продуктами имеющуюся недостачу. Наконец, во многие медвежьи уголки России из-за отсутствия транспорта фабричные изделия почти что не проникали, и там деревня потребляла кустарные продукты.

Так и создалось характерное для нашей промышленности своеобразное сочетание в одной стране и даже в одной губернии промышленного великана завода и промышленного карлика — кустаря-крестьянина.

Третий вид промышленных предприятий, очень близкий к кустарям, — это ремесленная промышленность. Отличие ремесленников от кустарей в том, что, во-первых, они обычно живут в городах и крестьянами не являются; во-вторых, в том, что ремесло у них основное и единственное занятие; и, в-третьих, в том, что в то время, как кустарь изготовляет и сбывает товар на широкий рынок, ремесленник очень часто работает по определенным заказам. Например, деревенский кустарь ткет полотно или плетет лапти и продает их на рынке, а городской ремесленник — портной или сапожник — изготовляет пальто или сапоги на определенное лицо, заказавшее ему то или другое. Ремесленников в 1913 г. было (хозяев и рабочих вместе) около 600 тыс., а продукция ремесленных предприятий составляла не меньше 600 — 700 милл. руб., т.-е. около тысячи на одного работника в год, или в 2 раза меньше, чем приходилось на одного рабочего в крупной промышленности и в 5—6 раз больше, чем выходило на одного кустаря.

Таковы основные части нашей промышленности, как они сложились в течение ряда десятилетий довоенного развития.

Если подсчитать, на какую сумму выпускала вся наша промышленность различных продуктов, то окажется, что ценность всей продукции крупной промышленности в 1913 г. составляла 5620 милл. руб., а ремесленно-кустарной 1390 милл. руб. Всего, значит, — 7010 милл. руб. В процентах на крупную промышленность падало 80,3%, а на мелкую — 19,7%. Таким образом, крупная промышленность имела полное преобладание в общем промышленном производстве; мелкая же промышленность играла второстепенную, подсобную роль.

§ 5. ПАДЕНИЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ НАШЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗА ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ.

Пролетариат получил российскую промышленность вовсе не в том виде и не в том состоянии, в каком она находилась до войны. Во-первых, перед тем как перейти в руки пролетарского государства, промышленность подверглась серьезным изменениям под влиянием империалистической войны. Во-вторых, пролетарскую революцию в промышленности сопровождали огромные потрясения; они затянулись до самого конца военно-политической борьбы — до 1921 г.

Действие империалистической войны на нашу промышленность.

На первый взгляд может показаться, что империалистическая война сыграла благоприятную роль для развития нашей промышленности. В итоге двух лет войны, в 1916 г. все промышленные предприятия составили 121% от продукции 1913 г.; число рабочих выросло до 112% от 1913 г. Производительность труда рабочих выросла: 1916 г. дал в среднем 108% к 1913 г. Но на самом деле почти весь этот рост не имел под собой никакой здоровой основы: он целиком и полностью питался военными нуждами, работой «на оборону». Это видно хотя бы из того, что производство росло только в предприятиях, обслуживающих войну, остальные отрасли производства не только совершенно не развивались, но даже терпели значительные сокращения. В 1916 г. валовая продукция и число рабочих в процентах к 1913 г. составляли:

	Для произв., работающих на оборону	Для прочих	В среднем
Продукция	268	84	121
Число рабочих	191	94	112

Понятно, что с точки зрения всего народного хозяйства такой подъем военной промышленности и падение «мирных» отраслей означало усиленную р а с т р а т у материалов, денег и труда. Нормальное восстановление всех средств производства было невозможно, ибо продукты промышленности погибали в бездонной бочке войны, начисто уничтожались не только без пользы, но даже с прямым вредом для хозяйства.

Если капиталисты и наживались на таком «подъеме» промышленности, то страна беднела, и весь рост промышленного производства оказывался гнилым и мнимым.

Лихорадочные условия военной работы коренным образом дезорганизовали весь ход промышленного производства. Оборудование различных предприятий обновлялось неравномерно, без всякого учета постоянных, мирных потребностей. Топливный вопрос обострился, выявилась резкая нехватка угля. Стало не хватать сырья, в особенности привозного. Бесконечные мобилизации рабочих резко ухудшили состав рабочей силы по квалификации, по возрасту и т. д.; нажим фабрикантов на рабочих при ухудшении их материального положения создавал утомленность организма рабочих, что вело к усилению заболеваемости и смертности. Словом, все основные элементы производства потерпели от войны прямой ущерб и дезорганизацию. Этим империалистическая война

подготовила тот крах, который пережила наша промышленность в годы революции и гражданской войны.

Промышленность во время революции и гражданской войны.

Революция и гражданская война окончательно разорвали все экономические связи внутри страны и вырвали из-под ног промышленности всякую основу для сохранения и увеличения производства. Внешняя торговля почти совершенно прекратились из-за блокады, которую объявили империалисты (она была формально снята только в начале 1920 г.). Из-за падения денег, из-за военной обстановки, из-за небывалой транспортной разрухи — товарооборот внутри страны дезорганизовался, сжался или совсем приостановился. Промышленные предприятия оказались обособленными и поэтому остались без сырья, без топлива, без связи друг с другом.

Старая капиталистическая организация промышленности совершенно распалась уже в 1917 г. Новая организация наспех создавалась в обстановке жестокой классовой борьбы, в обстановке внутреннего саботажа интеллигенции и спецов, в обстановке гражданской войны. Новые пролетарские руководители отдельных предприятий и целых отраслей только начинали учиться хозяйственной работе. Новые формы управления промышленностью только еще нащупывались. Вся обстановка диктовала новую организацию промышленности, которая годилась для разгрома буржуазии, для обслуживания гражданской войны, но вовсе не подходила для восстановления и развития производства. Наконец, голод в городах привел к массовому бегству рабочих в деревню. Другая часть рабочих, — цвет пролетариата, — была в Красной армии. Оставшиеся, получая едва одну пятую довоенного заработка, давали совершенно ничтожную выработку.

К этим экономическим сторонам промышленной разрухи добавлялся прямой военный разгром ряда важнейших районов, в роде Урала, Донбаса, Азербейджана. В результате, мы имеем такую картину падения крупной промышленности:[1]

Годы	Валовая продукция по довоенн. ценам			Число рабочих	
	в милл. руб.	в %% к 1913 г.	в %% к пред. г.	в тыс.	в %% к 1913 г.
1913	5621	100	—	2518	100
1916	6831	121	—	2926	113
1917	4344	77	64	3024	116
1918	1941	35	46	2485	95
1919	1448	26	74	2035	78
1920	1007	18	69	1585	61
1920/21	981	17	—	1480	57

[1] См. Гухман. «Продукция и потребление СССР», стр. 114.

Военно-революционная буря сократила работу нашей крупной промышленности до 1/6 довоенных размеров. По отдельным отраслям дело доходило почти до совершенной приостановки производства. Так, выплавка меди в 1920 г. не составила и одной тысячной доли от 1913 г.; добыча руд — 1,7%; выплавка чугуна — 2,4%; производство строительных материалов — 2 — 3% и т. д.

Весь этот развал гораздо сильнее затронул крупную промышленность, чем мелкую. Вообще крупная промышленность пострадала от войны, революции и блокады сильнее всех других отраслей хозяйства, даже сильнее транспорта. Это объясняется тем, что крупное промышленное производство сложно по технике и организации, требует многочисленных разнообразных составных частей и при отсутствии или порче хотя бы нескольких из них разваливается все целое, и производство становится невозможным. Для кустарей и ремесленников легче было приспособиться к тогдашним тяжелым условиям. Развал транспорта, угольный кризис, распыление рабочей силы и т. д. имели гораздо менее разрушительное влияние на мелкие предприятия, чем на крупную промышленность. Мелкая промышленность в 1920 г. пала поэтому только до 43% довоенной величины. В годы разрухи ее доля в общем промышленном производстве повысилась: если для 1913 г. эта доля составляла 20%, то для 1920 г. она выросла до 40%.

Ход восстановления промышленности.

В тот первый период подъема нашего хозяйства, который наступил непосредственно после поворота к нэпу, мелкая промышленность оказалась опять-таки в более благоприятных условиях, чем крупная. «Нужда и разорение таковы, — пишет Ленин в «Продналоге», — что восстановить *сразу* крупное, фабричное, государственное, социалистическое производство мы не можем. Для этого нужны крупные запасы хлеба и топлива в центрах крупной промышленности, нужно заменить изношенные машины новыми и т. п... Значит, необходимо в известной мере помогать восстановлению мелкой промышленности, которая не требует машин, не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия, — которая может немедленно оказать известную помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы».[1]

Ход восстановления всей нашей промышленности виден из таблицы, помещенной на следующей странице.[2]

Крупная промышленность начала быстро догонять мелкую только с 1924/25 г. До этого времени, несмотря на то, что мелкая промышленность была восстановлена на больший процент, чем крупная, их рост был почти равномерен. Но в 1924/25 г. крупная промышленность сделала огромный шаг вперед. Соответственное продвижение мелкой промышленности было уже более чем вдвое меньше. Поэтому выдвинувшаяся было за годы гражданской войны и начала нэпа мелкая про-

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 215.

[2] Данные за 1921/22—1922/23—по Гухману, за остальные годы—по «Контрольным Цифрам Народного хозяйства на 1926/27 г.». Как известно, предположения этих «цифр» на 1926/27 г. преуменьшены, фактический рост будет больше.

мышленность вновь отодвигается на свое старое место. Ее доля в общей промышленной продукции вновь составляет сейчас около 20%, т.-е. сколько же, сколько до войны.

Восстановление крупной промышленности тоже происходило не во всех отраслях равномерно. В общем, оно шло в известном рыночном порядке: первыми сдвинулись с мертвой точки и энергично пошли в гору те промышленные отрасли, на продукты которых прежде всего предъявил спрос возрождающийся рынок. По мере того, как вместе с подъемом основных отраслей народного хозяйства рынок усложнялся и расширялся, появлялся спрос на все новые и новые отрасли промышленного производства. И они, одна за другой, начинали догонять ушедшие вперед отрасли производства. При этом плановое регулирование вносило в эту динамику некоторые свои поправки: государство субсидировало отстававшие, убыточные отрасли тяжелой промышленности, перераспределяло в их пользу кредиты и прибыли и т. п. Однако это только спасало эти отрасли от банкротства и разбазаривания их капиталов, не меняя в основном последовательности восстановления. Восстановление началось как бы с двух концов. С одной стороны, наиболее быстро поднималась легкая индустрия, т.-е. производство тканей, пищевых продуктов, спичек, табака и т. п. предметов потребления. На них прежде всего набросился изголодавшийся за прошлые годы потребитель.

Ход восстановления промышленности.

	Крупная		Мелкая		Итого	
	в милл. р. по дов. ценам	в %% к пред. году	в милл. р. по дов. ценам	в %% к пред. году	в милл. р. по дов. ценам	в %% к пред. году
1921/22	1490	—	480	—	1970	—
1922/23	1949	131	620	129	2570	131
1923/24	2627	—	787	—	3414	—
1924/25	4060	155	979	124	5039	148
1925/26	5797	143	126	115	6923	137
1926/27	6640	114 [1]	1215	108	7855	113

При среднем уровне восстановления нашей крупной промышленности в 1923/24 г. в 36,7%,[2] хлопчатобумажная промышленность дала 35% (т.-е., примерно, была на среднем уровне); соляная 59,2%; спичечная — 51%; табачномахорочная — 52,5% и т. д.; в 1924/25 г.,

[1] Данные преуменьшены, ВСНХ намечен прирост продукции по планируемой ВСНХ промышленности в 20,1%.

[2] По кругу, планируемому ВСНХ. См. «Контрольные Цифры на 1925/26 г.», 11 табл.

при среднем уровне в 60,2%, хлопчатобумажная дала 65%; соляная — 71,5%, спичечная 84%; табачно-махорочная — 75%. Как видно, все эти отрасли промышленности шли впереди общего восстановления крупной промышленности.

С другой стороны, сравнительно сильно восстановилась выработка топлива: в 1923/24 г. добыча нефти дала 64% довоенной, угля—55%: в 1924/25 г. нефти—72%, угля—55%. Понятно, что без топлива, без этого хлеба промышленности, и транспорта нельзя было сделать даже самых первых шагов промышленного возрождения. Поэтому топливный рынок восстановился в самом начале хозяйственного подъема.

Напротив, отставала в первые годы добыча руд, металлургия и металлообработка; в 1923/24 г. уровень металлопродукции равнялся 28,7% от довоенного; в 1924/25 г. — 55,2%, т.-е. в оба эти года наша металлопромышленность не достигла среднего уровня восстановления крупной промышленности. С добычей марганцевой руды дело обстояло еще слабее: 8,5% в 1923/24 г. и 15,3% в 1924/25 г. Это объясняется тем, что главным продуктом металлопромышленности являются орудия производства, в первую голову промышленное и транспортное оборудование. Поэтому рынком для сбыта продуктов металлопромышленности служат прежде всего остальные отрасли промышленности, нуждающиеся в смене станков, двигателей и других предметов оборудования. Между тем, на первых порах наша промышленность и не помышляла о немедленном обновлении своего оборудования. Благодаря незначительности производства и старое-то оборудование не было полностью нагружено. В лучшем случае заводы довольствовались самым необходимым ремонтом старых станков и установок. Поэтому первые рыночные толчки, первые «волны подъема» не докатились до металлопромышленности. Ленин, подводя первые итоги нэпа (в конце 1922 г. на IV Конгрессе Коминтерна), отмечая успехи легкой промышленности, говорит: «Теперь наша тяжелая промышленность находится все еще в очень трудном положении... без поднятия тяжелой индустрии, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, без нее мы вообще погибнем как самостоятельная страна».

Ускорение хода восстановления металлопромышленности не заставило себя долго ждать. По мере роста всего хозяйства, в особенности других отраслей промышленности и транспорта, все более и более усиливалась потребность в металле. Особенно важным стало развитие металлопромышленности, когда промышленность начала приближаться к довоенной выработке, к полному использованию имеющегося оборудования. На очередь дня встала «проблема металла». Темп роста металлопромышленности начинает обгонять развитие других отраслей; в 1924/25 г. продукция металлопромышленности (включая электротехнику) составила 209% по сравнению с предшествующим годом. Такого большого прироста в этом году не имела ни одна важная отрасль промышленности, если не считать резинового производства. В 1925/26 г. выработка металлопромышленности дала 156,6% от продукции 1924/25 г.; опять-таки прирост промышленности выше, чем в большинстве других отраслей. Наконец, промышленный план ВСНХ СССР намечает на

1926/27 г. прирост продукции крупной металлопромышленности на 23%, в то время как общий прирост промышленной продукции исчисляется в 20,1%, а текстильной промышленности всего на 18,5%, пищевой—на 11,2% и т. п.

Завершение восстановительной работы. Задача реконструкции (перестройки) нашей промышленности.

Такое ускоренное развертывание металлической промышленности стоит в связи с новым периодом в развитии нашей промышленности. Центральной работой в период 1921—1925/26 гг. была работа по залечиванию военно-революционных ран, по ликвидации той разрухи, расхлябанности, дезорганизации, которые внесли в промышленность война и революция. Борьба шла за восстановление «нормального» довоенного уровня. Мы видели, что каждый год наша промышленность делала огромный шаг вперед от невиданного упадка 1920/21 г. к восстановлению своих производственных сил. Благодаря этому за какие-нибудь 5—6 лет мы достигаем довоенной производительности, полностью восстанавливаем и используем все то старое оборудование, сырьевые источники и рабочую силу, которые хоть сколько-нибудь сохранились после семилетнего разрушения 1914—1921 гг.

Эту часть задачи социалистического строительства мы в основном уже разрешили. Бурный рост промышленности, в особенности резкий скачок вверх в 1924/25 г., подвели нашу промышленность к довоенному уровню. 1925/26 г. в общем явился годом завершения восстановления прежнего уровня нашей промышленности.

Однако, мы видели, насколько малоудовлетворителен был тот «довоенный уровень», за который мы боролись все эти годы и которого мы почти достигли. Все то, что мы говорили про отсталость и недостаточность довоенной русской промышленности,—все это в еще большей степени относится к советской промышленности, стоящей на исходе восстановительного периода. Поэтому центр последующей борьбы переносится на развертывание производительных сил нашей промышленности, на постройку новых заводов, на переход на новое оборудование, на создание новых сырьевых баз, на подготовку новых кадров рабочей силы,—словом, на очередь ставится задача ликвидации нашей промышленной отсталости и достижения технического уровня индустрии передовых стран. Эта задача приобретает тем более огромное значение, что перед развитием советской промышленности встает задача постепенной перестройки всего хозяйства Советского Союза. В следующих главах мы увидим, что только развертывание советской промышленности, этой передовой, руководящей части нашего хозяйства сможет подвести материальную, производственную базу под социалистическое преобразование Советского Союза, перестроив технико-экономический уклад остальных отраслей хозяйства. В деле строительства социализма в нашей стране решающим «звеном», «ухватившись» за которое можно овладеть и потащить вперед всю цепь, является работа над реконструкцией (преобразованием) и расширением нашей промышленности.

Именно поэтому партия на XIV съезде выдвинула в качестве генеральной экономической линии курс на индустриализацию нашей

страны путем реконструкции (преобразования) и расширения нашей промышленности. Содержание этого курса охватывает развитие всех частей хозяйства, и мы рассмотрим его поэтому только после разбора отдельных экономических областей. Мы уже практически проводим реконструкцию нашей промышленности; мы уже начали строить новые машиностроительные и металлургические заводы, текстильные фабрики, рудники и шахты. Мы начали обновлять оборудование старых заводов, заменяя его новым и современным по технике. В общем, мы двигаем вперед нашу промышленность быстрее других частей народного хозяйства. Но пока что мы находимся на самых первых ступенях этой работы; пока что мы еще даже не вполне закончили переход от восстановления к реконструкции, хотя главная часть этого перехода уже позади.

Все отдельные проблемы советской промышленности в связи с этим переходом от восстановления к развертыванию и преобразованию промышленности получают новую постановку и увязываются вокруг одной главной задачи: найти наиболее целесообразные, дешевые, доступные способы превратить бывшую промышленность Российской империи в мощную социалистическую индустрию, ни на йоту не уступающую (а впоследствии даже превосходящую) лучшим промышленным образцам мирового капитализма. Конечно, переход к работе над разрешением этой огромной задачи не может не означать новых трудностей — и по линии собирания капиталов, и по линии связи с мировым рынком, и по линии возможностей немедленного удовлетворения потребительского рынка. Некоторые из этих трудностей мы уже решили, но большая часть их все еще стоит перед нами. «Хозяйственные затруднения» 1925/26 г. (о которых речь впереди) в известной мере были связаны с первым подходом к этим новым задачам. Конкретнее и полнее мы уясним себе пути и способы их разрешения только при разборе отдельных проблем нашей промышленности.

§ 6. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

А. Частная промышленность.

В годы военного коммунизма решительно вся крупная промышленность была в руках органов пролетарского государства. К 1920 г. было официально национализировано центром 4547 предприятий. Несмотря на эту огромную цифру, ВСНХ стремится итти еще дальше: в ноябре 1920 г. издается декрет, объявляющий национализированными все предприятия, имеющие свыше 10 рабочих без механического двигателя, или 5 при механическом двигателе. В итоге всей местной и центральной работы по национализации, по переписи 1920 г. имелось всего 37 тыс. государственных промышленных предприятий. И вся масса этих предприятий не имела никакой самостоятельности, управлялась центральными или губернскими СНХ, должна была сдавать свои продукты государству и целиком находиться на государственном снабжении. С точки зрения полной ломки старого экономического уклада, такая политика имела смысл. Но когда в центр

стала задача во что бы то ни стало наладить производство, то, конечно, сейчас же выяснилась полная бессмысленность и вредность оставлять в руках пролетарского государства все эти часто крохотные, полукустарные предприятия. С одной стороны, необходимо было как можно скорее оживить мелкую промышленность, чтобы начать выбираться из голода на продукты промышленности, а государство, конечно, не могло оживить десятки тысяч мелких предприятий. С другой стороны, эти мелкие предприятия гирями висели на организме государственного хозяйства, не давали сосредоточить силы и средства на тех важных, крупных, передовых предприятиях, которые по своим размерам и по своей технике действительно подходили для социалистической организации производства. Государство начинает разгружаться от лишних производственных единиц, стремясь оставить за собой только «командные высоты» промышленности.

Частичная денационализация промышленности.

Разгрузка происходит и путем частичной денационализации самых мелких предприятий (до 20 рабочих без двигателя и до 10 с двигателем), и путем предоставления кустарям свободы вести свои предприятия, как им наиболее выгодно, и путем сдачи в аренду второстепенных государственных предприятий частным лицам и кооперации. В результате этого, внутри нашей промышленности создается известный капиталистический участок, состоящий из арендованных и частнособственнических предприятий. Посмотрим, какое же место занимает этот капиталистический участок в нашей промышленности.

В крупной промышленности полное преобладание осталось за государством. Тут роль частного капитала совершенно незначительна.

Согласно советским законам, крупные промышленные предприятия не могут быть в частной собственности (ст. 54 Гражданского Кодекса); ими частный капитал может владеть только на основании аренд и концессий. Соответственно с этим, по данным ЦСУ и Госплана, капитальные фонды крупной промышленности разделены следующим образом:

	Государству принадлежит	Кооперации принадлежит	Частн. капиталу принадлежит	Итого
В милл. руб.	4572	87	33	4692
В %% к итогу	97,5%	1,8%	0,7%	100%

В общей сумме продукции крупной промышленности капиталистические предприятия всех видов тоже играют очень незначительную роль: в 1923/24 г. частная и концессионная промышленность дала всего 4,3% всей продукции крупной промышленности. В 1924/25 г. и того меньше — 3,9%; в 1925/26 г. — 4,1%, в 1926/27 г. (предположительно) — тоже 4,1%. При этом важно отметить, что по абсолютной величине продукция частной и концессионной промышленности увеличивается со 193 милл. (в червонцах) рублей в 1923/24 г. до 439 милл. (в червонцах) рублей в 1926/27 г., т.-е. на 132%; некоторое уменьшение доли произошло из-за того, что рост государственной и кооператив-

ной промышленности происходил более ускоренным темпом: за этот же сроких продукция вырастает на 140%.[1]

Государственный капитализм в промышленности. Даже эта незначительная капиталистическая доля нашей промышленности отнюдь не находится в полном, безраздельном распоряжении частного капитала. В большинстве случаев участие частного капитала в крупной промышленности построено на началах государственного капитализма. Это значит, что Советское государство и частный капиталист входят друг с другом в определенное соглашение и создают совместное предприятие.

В таком предприятии двойной хозяин: с одной стороны, капиталист, чаще всего непосредственно ведущий все дело; с другой — рабочее государство, сохраняющее собственность на само предприятие, получающее часть прибыли (деньгами и долей продукции), имеющее право контролировать капиталиста, наблюдать за выполнением его обязательств и т. д. В этих предприятиях под одной оболочкой соединено два противоположных начала: начало пролетарское, государственно-социалистическое, и начало частнокапиталистическое, эксплуататорское. Вся задача состоит в том, чтобы через такие предприятия мы смогли бы подчинить своему влиянию, поставить на службу нашим целям, ограничить и использовать капитализм.

Аренда и концессии. По отношению к частному, «нэпманскому», капиталу основным способом его использования в целях оживления промышленности служит сдача в аренду второстепенных госпредприятий. К 1923 г. было сдано одним только частным лицам 3614 заведений, а так как наш частный капитал был очень слаб и распылен, то этот способ применялся большей частью для мелких предприятий: в среднем на одно частное предприятие приходилось 11 рабочих. При сдаче в аренду государство обязывало арендатора производить определенный ремонт, вести производство не ниже установленного в договоре уровня, заботиться о хорошем состоянии предприятия, исправно вносить арендную плату и т. д.

Если аренда рассчитана на использование капитала наших нэпманов, то концессии должны явиться формой привлечения в нашу промышленность иностранного капитала. Мы видели, какую огромную роль играл раньше иностранный капитал в развитии русской промышленности. Понятно, что и современная промышленность может значительно ускорить темп своего роста, если ей на помощь придет приток средств из передовых богатых стран. При условии усиления роста наших собственных, внутренних, экономических сил и при правильной организации дела мы вполне сможем обезопасить себя от кабальных условий в концессионных сделках. Между тем, от концессий «Советская власть получает выгоду в виде развития производственных сил, увеличения количества продуктов немедленно или в кратчайший срок...»

---

[1] Поскольку данные на 1926/27 г. предположительные (по «Контрольным цифрам»), постольку цифры возрастания за весь период 1923/24—1926/27 гг. могут быть не вполне точны.

«Политика концессий в случае успеха дает нам наибольшее число образцовых, по сравнению с нашими, крупных предприятий, стоящих на уровне современного передового капитализма; через несколько десятков лет эти предприятия перейдут целиком к нам». Концессии — «это договор, блок, союз Советской, т.-е. пролетарской, государственной власти с государственным капиталом против мелкособственнической стихии»... «Насаждая государственный капитализм в виде концессий, Советская власть усиливает крупное производство против мелкого, передовое против отсталого, машинное против ручного, увеличивает количество продуктов крупной индустрии в своих руках (долевое отчисление), усиливает государственно-упорядоченные экономическое отношения в противовес мелкобуржуазным, анархическим. В меру и осторожно проведенная концессионная политика несомненно поможет нам улучшить быстро (до известной небольшой степени) состояние производства, положение рабочих и крестьян, — конечно, ценой известных жертв, отдачи капиталисту десятков и десятков миллионов пудов ценнейших продуктов. Определение той меры и тех условий, при которых концессии выгодны и не опасны нам, зависит от соотношении сил, решается борьбой»... Так намечает Ленин основы нашей концессионной политики.[1]

Органом, проводящим привлечение иностранного капитала, является Главный Концессионный Комитет. Он намечает, какие предприятия или естественные богатства могут быть сданы на концессию, он же тщательно проверяет предложения и солидность иностранных фирм, ведет с ними переговоры и заключает концессионные договоры (окончательно утверждаемые СНК СССР). До июля 1925 г. было всего заключено 103 концессионных договора, из которых действующими являлись 90. Из них 22 заключены с германскими фирмами, 17 с английскими, 8 с американскими и т. д. На обрабатывающую и добывающую промышленность падает 30 договоров, на лесное дело 6, остальные на торговлю, сельское хозяйство, транспорт и т. д. По всем концессиям подлежит вложению 80 милл. руб. капитала. Самое большое значение имеют: 1) лесные концессии, 2) недавно заключенные договоры с «Лена-гольдфильд К°» (Англия), с обществом «Грузинский марганец» Гарримана (Америка). (Эта последняя концессия не включена в вышеприведенные цифры.) Оба эти договора отдают в разработку концессионерам очень важные природные богатства СССР — Ленские золотые прииски и первые в мире залежи марганца в Чиатурах (Грузия). Обе эти концессии требуют вложений десятков миллионов рублей капитала.

Важным способом привлечения иностранных капиталов являются смешанные акционерные общества. В них акции делятся между Советским правительством и иностранными капиталистами, при чем обычно Советское правительство имеет немного больше половины (51%) акций и поэтому может руководить делами предприятия. Подобным образом организуется ряд лесных концессий; всего в 1925 г. у нас насчитывалось 23 смешанных общества.

---

[1] «О продналоге». Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 217—218.

Мелкая промышленность. Из приведенных цифр видно, что пока концессии не получили у нас сколько-нибудь большого значения. Поэтому в крупной промышленности государство является не только главным, но даже почти единственным непосредственным хозяином. Наоборот, в ремесленно-кустарной промышленности почти все производство находится в руках мелких частных хозяйчиков. Из 544 милл. капитальных фондов[1] на долю государства приходится всего 19 милл., или 2%, на долю кооперации 86 милл., или 13%, и остальные 544 милл., или 85%, принадлежат частным владельцам. Та же картина и в распределении продукции мелкой промышленности; в 1924/25 г. государственные и кооперативные предприятия вместе дали на 30 милл. руб., или 15,6%, продукции, а частные предприятия 1699 мил., или 84,4%.

При нашей промышленной отсталости нам необходимо использовать все наличные источники производства; в особенности важно добиться максимального выпуска промышленностью предметов потребления, весь спрос на которые не может покрыть крупная промышленность. Между тем, мелкая промышленность может оказать нам очень серьезную помощь в деле снабжения рынка целым рядом деревообделочных, шерстяных, слесарных, пеньковых и т. п. товаров. С другой стороны, развитие кустарной промышленности приносит огромную помощь крестьянству: в кустарной промышленности находит себе применение избыточная рабочая сила крестьянства. Слабое крестьянское хозяйство от кустарных промыслов получает очень заметный источник дополнительных доходов; в 1924 г. доходы промыслов составляли в потребляющем районе 21,1% всех крестьянских доходов; при этом в бедных хозяйствах этот процент был значительно выше.

Советская политика по отношению к кустарной промышленности. Конечно, крестьяне-кустари в огромном большинстве вовсе не являются капиталистами. Зато они обычно очень легко попадают в кабалу торговца-скупщика, снабжающего их в кредит сырьем и связывающего их с рынком. Поэтому перед Советской властью встает двойная задача. Во-первых, надо помочь кустарям повысить производительность своего труда. Для этого их нужно снабдить сырьем и полуфабрикатами, улучшенным оборудованием; нужно наладить для них специальные шерсточесальные, красильные, катальные и т. п. заведения. Во-вторых, кустарей нужно высвободить из-под влияния частных скупщиков, дать им дешевый кредит, организовать совместную закупку, сбыт, хранение материалов и продуктов. Все это втянет их в общую систему советского хозяйства, тесно свяжет их работу с государственным хозяйством и даст возможность планомерно руководить развитием кустарного производства.

Рычагами такого подъема и организации кустарной промышленности служат крупная промышленность и промысловая кооперация. Крупная госпромышленность должна рассматривать кустарей и ремесленников не как своих конкурентов, а как своих помощников. Как

---

[1] Т.-е. стоимости оборудования, инструментов и т. д., используемых мелкой промышленностью.

мы уже говорили, никакого соперничества в снабжении рынка быть не может, так как в основном сам рынок требует пополнения продукции нашей крупной промышленности со стороны кустарей. С другой стороны, потребность кустарей в станках, инвентаре, полуфабрикатах открывает перед геспромышленностью значительный рынок сбыта, ее продуктов. В частности, госпромышленность может и должна взять на себя задачу рационально организовать ряд промышленных заведений, обслуживающих кустарей. Наконец, «кустари явятся пополнением новых кадров квалифицированных промышленных рабочих, и районы, которые занимаются той или иной отраслью кустарной промышленности, смогут явиться базой для постройки соответствующих новых фабрик и заводов, где механическая сила заменит труд человека».[1]

Специальное значение имеет развитие мелкой, в частности кустарной промышленности, в отсталых национальных республиках. Тесно связанная с местным рынком, работающая на местном сырье и имеющая кадры подготовленной рабочей силы, кустарная промышленность сможет здесь быстро расширяться, подтягивая отсталые районы и подготовляя в них развитие крупной промышленности. Для этого нужны только экономическая поддержка и хорошее организационное руководство. Госпромышленность налаживает снабжение кустарей своими продуктами на льготных *кредитных* условиях; она увязывает работу кустаря с фабричным производством, постепенно подготовляя объединение разрозненных кустарных светелок в могучие механизированные заводы. Посредствующим звеном между промышленностью и кустарем будет служить промысловая кооперация. «Наша крупная промышленность должна вступить в братский союз с кустарем *через промысловую кооперацию*».[2]

Кооперативные артели, в которые объединяются кустари, большею частью занимаются сбытовыми и снабженческими операциями; реже имеют собственные мастерские и даже небольшие фабрики, на которых по закону должны работать только члены артели (для вспомогательных работ можно приглашать наемных рабочих, но не свыше 20% всего состава членов товарищества). В 1924 г. промысловых артелей было 11 тысяч, и членов в них насчитывалось 400 тыс. К 1926 г. число артелей выросло до 13 тыс., число членов в них до 580 тыс. В общем, во всей промкооперации в 1926 г. состояло около 23% всей массы кустарей. Однако, надо иметь в виду, что не все кустарно-промысловые артели входят в *систему промысловой кооперации*, т.-е. в губернские и областные союзы промысловой кооперации, объединяемые по РСФСР Всероссийским Союзом Промысловой Кооперации (Всекопромсоюз). Около 60% артелей находится вне этих объединений, вне постоянного и систематического руководства советской кооперацией и социалистическими «командными высотами». Несомненно, что в числе этих «диких» артелей есть известная доля лжекооперативов.

Система промкооперации охватывает около 13,4% кустарей — как видно, долю все еще недостаточную. Работа этой системы состоит

---

[1] *Дзержинский*. «Наша промышленность, ее достижения и задачи», стр. 37.
[2] Там же, стр. 38.

в том, что через нее наши кредитные учреждения направляют средства для кредитования кустарей. Далее, заказы, идущие от государственных промышленных предприятий, от различных учреждений, от торговых организаций, тоже проходят до кустаря не через руки частного посредника, а кооперативным путем. Этим кооперация освобождает кустаря от необходимости итти в кабалу к капиталистам и связывает его с «командными высотами» нашего хозяйства — в первую голову с социалистической госпромышленностью. Надо сказать, что до сих пор в сбыте кустарной продукции и снабжении кустаря средствами производства все еще очень велика роль частного капитала. В операциях с неорганизованными кустарями частный капитал занимает почти монопольное положение. Но даже в оборотах низовой сети промкооперации роль частника очень значительна: она колеблется от 10,5 до 65,6%.[1] Февральский пленум ЦК ВКП(б) 1927 г. следующим образом формулировал наши задачи в этой области: «Пленум указывает на громадную важность задачи охвата госторговлей и кооперацией сбыта кустарной продукции и ограничения роли частников в этой области. Пленум поручает Политбюро рассмотреть фактическое положение дел в кустарной промышленности, разработать и провести в жизнь меры, которые еще теснее связали бы кустарную промышленность с государственным и кооперативным хозяйством как в отношении организации снабжения кустаря сырьем, так и в отношении сбыта его продукции».

Б. Крупная госпромышленность; ее «социальное существо» и организация.

Государственная крупная промышленность Советского Союза организована на социалистических началах. Это значит, во-первых, что все средства производства предприятий, земля, на которой они стоят, наконец, сами предприятия в целом принадлежат не какому-либо частному лицу, а рабочему государству.[2] Это значит, во-вторых, что владелец предприятий — рабочий класс в лице своих государственных огранов — сам налаживает и ведет производство так, как это требуется для его целей и интересов. «Государство является владельцем основных средств производства и транспорта. Отдельные хозяйственные ведомства и внутри этих ведомств отдельные органы, учреждения и объединения (тресты) управляют порученными им частями государственного хозяйства в тех пределах самостоятельности, которые вызываются потребностями хозяйствования в нынешних рыночных условиях и которые определяются сверху, т.-е. выше стоящими государственными органами. Право государства распоряжаться всем свободным от обязательств достоянием трестов, железных дорог и проч. остается неограниченным. Фактический предел и форма вмешательства государственной власти

---

[1] См. «Эконом. Жизнь» № 45 (2466) от 24 февраля 1927 г., доклад ВСНХ СТО о положении мелкой и кустарной промышленности.

[2] См. Ленин. «О кооперации». Собр. соч., т. XVIII, ч. II.

в текущую работу хозяйственных органов определяется исключительно с точки зрения хозяйственной целесообразности и регулируется соответствующими положениями». — Так XII, съезд партии подтверждает и закрепляет незыблемость социалистической организации нашей государственной промышленности. Все советские законы о промышленности основаны на этом же центральном положении — принадлежности всех промышленных предприятий наших трестов, комбинатов и всех других советских организаций одному собственнику — рабочему государству. Поэтому все эти предприятия, их оборудование, строения и т. д. нашим гражданским кодексом «изъяты из частного оборота, не могут быть отчуждаемы (т.-е. продаваемы. *А. А.*) и закладываемы теми органами, в ведении которых они состоят, а также обращаемы на удовлетворение кредиторов» (ст. 22 Гражданского кодекса). Это предупреждает всякую возможность утечки крупных предприятий из рук государства в руки частных лиц.

Общественные отношения в госпромышленности. Поскольку само рабочее государство владеет крупно-промышленными предприятиями и организует на них производство, постольку все отношения между участниками этого производства складываются по-новому, в основе — по-социалистически.

Прежде всего «пропадает» фигура владельца — капиталиста, командира над наемными рабочими, верховного руководителя всего производства, присваивающего себе главную часть прибавочного продукта. Если в государственно-капиталистических заводах (аренды, концессии) капиталист все же остается, хоть и «ограниченный», «подчиненный», «вставленный в рамку» пролетарским государством, то в чисто государственных предприятиях капиталиста нет совсем.

Если при капитализме рабочая сила сосредоточена у одного класса, пролетариата, а все средства производства оторваны от нее и собраны в руках другого капиталистического класса, то в советской промышленности рабочий класс соединил в своем владении в своих, руках и то, и другое. Отсюда меняется все дело. Раньше центральным вопросом была борьба рабочих и капиталистов за их доли в продукте труда. Теперь в центре встает вопрос о том, как полновластному хозяину промышленности — пролетариату — лучше использовать производительные силы промышленности и паладить их развитие.

Конечно, можно попросту поделить между рабочими все средства хозяйства и отдать каждому его долю в полное распоряжение. Но это будет равносильно уничтожению всякого крупного производства и растаскиванию наших заводов. Немногим лучше было бы установить такой порядок, что рабочие каждой фабрики владеют и управляют именно своим предприятием. Это вернуло бы нас к частной собственности, только в форме артелей. Каждый рабочий превратился бы в мелкого буржуа, интересующегося только своим предприятием. Рабочий класс раздробился бы на тысячи группочек, более или менее зажиточных; никакого общего плана в промышленность ввести было бы нельзя, так как единого владельца не было бы. В конце концов, мы бы скатились к капитализму, так как одни рабочие — буржуа разорились бы, другие разбогатели и прибрали к рукам всю промышленность.

Поэтому у нас весь рабочий класс в целом через свое государство управляет всей промышленностью.

Рабочая сила находится в личном распоряжении отдельного рабочего, средства производства — в коллективном распоряжении всех рабочих вместе. Встает задача наладить определенную связь между одиночками-рабочими и всем пролетарским государством, найти наиболее целесообразные способы сочетания рабочей силы и средств производства и этим самым организовать каждый отдельный участок производства. Для этого рабочий класс прежде всего должен выделить своих лучших, наиболее культурных и надежных представителей для исполнения общепролетарского дела: управления госпромышленностью от имени рабочего государства. Эта управленческая деятельность — часть необходимой для промышленности работы. Но так как всем вместе, скопом, нельзя проводить сложной организационной и управленческой работы, и так как не все рабочие годятся для этого, то внутри рабочего класса и проводится подобное разделение труда, подобное выделение лучших рабочих-организаторов. Они являются представителями общих интересов рабочего класса в целом, они соединяют данную часть рабочего класса с общепролетарским целым — советским государством.

Роль специалистов в государственной промышленности.

Передовые рабочие не могут справиться с задачей управления производством без помощи технической интеллигенции, без специалистов.

«Без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта, переход к социализму невозможен, ибо социализм требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капиталистической и на базе достигнутого капитализмом». «Нам надо сейчас же, не ожидая поддержки от других стран, поднять производительные силы. Сделать это без буржуазных специалистов нельзя... Их надо окружить атмосферой товарищеского сотрудничества, рабочими комиссарами, коммунистическими ячейками, поставить их так, чтобы они не могли вырваться, но надо дать им возможность работать в лучших условиях, чем при капитализме...» (Ленин). Специалисты являются важнейшим средним звеном внутри советского промышленного производства. С одной стороны, они стоят над огромными массами рабочих, управляют людьми, распоряжаются производством. С другой стороны, в этой своей работе они руководятся пролетарским государственным целым, они являются только исполнителями и проводниками коллективной воли рабочего класса. Отсюда вытекает, что специалисты не являются каким-либо чуждым, враждебным, посторонним слоем в пролетарском хозяйственном организме. Наоборот, они входят в него, становятся его частицей, срастаются с рабочим классом, превращаются тем или иным путем в одну из его прослоек.

Участие рабочих в организации и управлении промышленностью.

Однако, было бы неправильно думать, что работа по управлению нашей промышленностью захватывает только представителей Советского государства, рабочих организаторов и специалистов, и оставляет в стороне отдельных рядовых рабочих. Если нельзя немедленно передать в руки всей рабочей массы управление отдель-

ными отраслями государственного хозяйства, то надо постепенно воспитывать, подготавливать самые широкие слои рабочих для участия в управлении хозяйством. Уже сейчас, рядом с налаживанием нового аппарата из представителей рабочего государства, происходит вовлечение каждого рядового рабочего, т.-е. каждой частицы пролетариата в активное промышленное строительство. Пролетарский авангард, непосредственно управляющий предприятиями, имеет главную свою опору именно в сознательной поддержке рабочих каждого цеха, завода, треста, отрасли промышленности и т. д. Каждый участник производства выступает не только как наемный рабочий; все рабочие на практическом, повседневном деле выявляют тот основной факт, что они являются «совладельцами» госпромышленности: они через свои профессиональные союзы участвуют в организации всей системы управления промышленностью и в разрешении всех основных вопросов промышленной жизни. Задачей советских профсоюзов и является соединить пролетарское государственное управление промышленности с непосредственным активным участием всей массы рабочих в хозяйственном строительстве. Для этого профсоюзы заботятся о том, чтобы найти правильное согласование общепролетарских государственных интересов с нуждами и требованиями данной части рабочего класса. Профсоюзы должны «защищать интересы трудящихся, способствовать по мере возможности повышению материального их быта, постоянно поправляя ошибки и преувеличения хозяйственных органов, поскольку они вытекают из бюрократического извращения госорганов» (из резолюции XI съезда ВКП(б).

Представлять и защищать экономические интересы рабочих — это только одна сторона деятельности профсоюзов. На ряду с этим надо воспитать рядовых рабочих, как хозяев промышленности, надо внедрить в сознание масс умение и необходимость подходить к этим вопросам не только с точки зрения своей колокольни, но и с точки зрения интересов пролетариата, как владельца промышленности; надо показать, что интересы отдельного рабочего неотделимы от интересов пролетариата в целом; надо организовать участие широкой рабочей массы в организации и управлении промышленностью. Для этого профсоюзы участвуют в составлении всех хозяйственных и государственных органов, связанных с работой промышленности, выдвигая своих кандидатов, подготовляя «администраторов из рабочих и трудящихся масс вообще». Для этого «представители профсоюзов должны привлекаться ко всем работам планового характера, в частности к рассмотрению всех производственных программ...» (XI съезд). Для этого профсоюзы развертывают широкую сеть производственных совещаний рядовых рабочих, в качестве «наилучшей формы втягивания широких рабочих масс в дело практического строительства советского хозяйства» (XIV съезд).

Для этого же, наконец, по постановлению XV партконференции, проводится опыт создания временных контрольных комиссий, избираемых из среды рабочих производственными совещаниями. Эти контрольные комиссии будут практическими щупальцами производственных совещаний, которые при их помощи будут обследовать и выяснять

положение той или иной отрасли работы предприятия. Контрольные комиссии не имеют, конечно, административных прав и существуют только в течение определенного периода времени, потребного для выяснения какого-либо вопроса и подготовки его к производственному совещанию.

Всеми этими способами и достигается основная черта советской организации промышленности: соединение управления промышленностью «сверху» (пролетарским государством через рабочих передовиков и советских спецов) с массовым, непосредственным участием рядовых рабочих.

Вопрос об эксплуатации в гospромышленности.

При таком построении отношений между участниками производства внутри советской промышленности не может быть и нет никакой классовой борьбы и никакой эксплуатации. Эксплуатация состоит в том, что другой, враждебный, класс отнимает в свою пользу часть продукта, созданного трудящимися. Происходит ли такая вещь внутри нашей госпромышленности? Разумеется, нет, ибо там есть всего на всего один рабочий класс, забирающий себе весь продукт труда целиком и распределяющий его, в соответствии со своими пролетарскими интересами, на различные нужды и цели. Никакого другого, враждебного класса в госпромышленности, как мы видели, нет; есть только определенное разделение труда внутри рабочего класса. Однако, скажут нам, часть продукта труда рабочих идет в виде прибыли к государству. Но ведь само государство есть тот же самый рабочий класс, только определенным образом организованный для подавления буржуазии, развертывания хозяйства, обслуживания общих нужд рабочего класса. Значит, как бы мы ни вертелись, мы все время будем находиться в пределах распределения продукта труда между различными «карманами» одного и того же класса: один «карман» (или, вернее, миллиона два-три маленьких карманов) — это личное потребление самих рабочих с их семьями; при этом соответственно выучке, способностям или стараниям каждый член рабочего класса получает в свой личный карман больше или меньше среднего уровня. Второй «карман» — это содержание государственных учреждений (школ, больниц, клубов, Красной армии и т. д.); третий «карман» — это накопление коллективным пролетарским собственником — государством — новых богатств: расширение заводов, постройка сооружений, электрификация и т. д. Вся задача, во-первых, в том, чтобы правильно распределить продукт труда по этим трем карманам, чтобы не просчитаться, не растратить средств попусту, чтобы пооснователькое экономить там, где это можно и нужно (скажем, сокращением и улучшением госаппарата); во-вторых, в том, чтобы избавиться от нищенских общих размеров продукта труда, чтобы постоянно повышать уровень производства.

Правда, известная частичка прибыли, созданной трудом рабочих госпромышленности, все же может попасть, и на деле попадает, в руки капиталистов. Речь идет хотя бы о торговой прибыли нэпманов, продающих товары государственных предприятий. Источником этой нэпмановской прибыли, несомненно, в известной мере является

труд советских рабочих. Правда, эта доля очень невелика уже сейчас. С каждым годом она все более уменьшается, по мере вытеснения или подчинения нами частной торговли, но все же полностью отрицать возможность ее наличия нельзя.

Однако, во-первых, эти частнокапиталистические элементы не входят непременной составной частью во внутреннее строение государственной промышленности; более того, они вообще даже отнюдь не всегда обязательны и для торговых оборотов промышленных товаров: огромная часть нашего промышленного оборота вообще обходится совсем без участия частника. Поэтому они являются как бы случайными, посторонними социалистической промышленности явлениями.

Значит, ни с внутрипроизводственной, ни даже с торговой точки зрения частный капитал (а значит, и эксплуатация) не составляет неотъемлемой составной части и всего торгово-производственного оборота госпромышленности.

Во-вторых, если это посредничество торговца-капиталиста имеет место, то оно отчасти обслуживает рост социалистических отношений: частный торговец продвигает гостовары в отдаленные и отсталые районы советского хозяйства и вообще дополняет наш собственный кооперативный и государственный торговый аппарат; поэтому пролетарское хозяйство может подчинять и использовать эти частнокапиталистические элементы в целях наиболее быстрого расширения своего влияния.

Отсюда надо сделать тот вывод, что госпромышленные предприятия в основном построены без участия капиталистических элементов. В них не только нет полного владычества капитала, но нет даже сочетания, смешения двух начал — частнокапиталистического и государственно-социалистического. Поэтому Ленин отчетливо различает предприятия госкапиталистические (т.-е. построенные на началах капитализма, «подчиненного государству и служащего ему») от «предприятий последовательно социалистического типа».

Социалистическая организация нашей крупной промышленности имеет огромное значение для развития всего советского хозяйства. Мы выше говорили, что промышленность — передовая, руководящая часть советского хозяйства. Поэтому ее социалистическое построение дает основу для борьбы за социалистическую переделку всего хозяйства. Поэтому промышленность является нашей главной базой социализма, главной экономической основой пролетарской диктатуры.

Организация госпромышленности на торгово-рыночных началах.

Социалистическая госпромышленность существует не в безвоздушном пространстве. Она — только часть нашего хозяйства. Промышленность должна быть организована так, «чтобы была смычка между нашей социалистической работой по крупной промышленности и той работой, которой занят каждый крестьянин...» (Ленин). Эта смычка устанавливается тем, что советские предприятия организуются по-торговому и через рынок связываются с крестьянским хозяйством в одно экономическое целое.

Но даже внутри промышленности самым простым, дешевым и удобным способом связи между предприятиями в большинстве случаев пока

оказывается рыночная, торговая связь. Мы еще не нашли новых способов учитывать затраты на те или другие предметы, кроме как путем их цен; в распределении продуктов госпромышленности мы не можем еще обойтись без оплаты, без денежных расчетов. Опыт военного коммунизма показал полную невозможность наладить экономическую жизнь без помощи рынка, одним централизованным управлением и распределением всех продуктов самим государством. Из этого ничего, кроме волокиты, бюрократизма и путаницы, выйти не может.

Поэтому советская организация промышленности должна соединить государственное руководство с рыночной работой каждого предприятия. Государство разделяет всю принадлежащую ему промышленность на ряд самостоятельных хозяйственных единиц — трестов. В одном тресте объединяется несколько предприятий (фабрик, мастерских, промыслов, шахт и т. п.). Каждое отдельное предприятие (скажем, фабрика) является частью единого трестовского организма. Коммерческая самостоятельность предприятий ограничена определенными рамками: продукцией своих заводов распоряжается трест, закупку главнейших средств производства трест производит сам, коллективный договор с профсоюзом заключается трестом для всех заводов, движение товаров внутри треста совершается без всяких оплат, без всякой торговли и т. д. Однако, в последнее время наметилась тенденция к ослаблению централизации оперативной деятельности наших трестов. Пленум ВСНХ СССР (март 1927 г.) принял «Тезисы» о «системе промышленного управления», в которых признается необходимость «практического осуществления принципа децентрализации оперативных функций».[1] «Существующая система управления, — говорят «Тезисы», — характеризуется всепроникающей мелочной регламентацией и гипертрофией (чрезмерным развитием. *А. Л.*) централизма». «Основным принципом при пересмотре системы управления должно быть: централизация планового руководства и регулирования и децентрализация оперативных функций». В этих целях «Тезисы» считают необходимым «установить такие взаимоотношения треста с предприятием, которые обеспечили бы последнему надлежащую самостоятельность в текущей работе, полную ответственность за производственные и финансовые операции предприятия и четкое выявление самостоятельного лица предприятия. Предоставление большей, чем в настоящее время, самостоятельности отдельным предприятиям, входящим в трест, необходимо провести путем предоставления им большей суммы полномочий на основании доверенности правления треста, являющегося единственным юридическим лицом и распорядителем капиталами треста на основе советского законодательства». Путем выдачи такого рода доверенностей правления трестов предоставляют предприятиям право «самостоятельного снабжения и сбыта, а также приема и дачи заказов в определенных размерах, устанавливаемых трестом»; заключение арендных сделок; отчуждение — в известных границах — имущества; выдачу от имени треста векселей — не свыше определенной суммы и т. д. и т. п. Особое

[1] Цитируем по «Правде» от 20 марта 1927 г. Все следующие неоговоренные особо цитаты из этих же тезисов.

значение для «выявления лица предприятия» имеет самостоятельная калькуляция и самостоятельный баланс в каждом предприятии. «Мелкий и средний ремонт, установка мелких машин и подсобного оборудования производятся директором (предприятия *А. А.*) самостоятельно в пределах годовой сметы, утвержденной трестом. Разумеется, внутренний распорядок производства устанавливается самостоятельно на каждом заводе.

В задачу треста входит создание «планомерного и гибкого руководства оперативным выполнением плана, утвержденного ВСНХ», т.-е. плана производственной и финансовой работы данной группы предприятий. Тресты устанавливают производственную программу, финансовый план и сметы для каждого отдельного предприятия; тресты, как мы уже сказали, заключают тарифный коллективный договор; тресты определяют размеры и конкретный план нового строительства, переоборудований, капитального ремонта и т. д.; тресты контролируют фактическое проведение работ такого рода; тресты, наконец, назначают директоров предприятия, утверждают главного бухгалтера и т. д. и т. п.

Посмотрим теперь, как складываются отношения трестов с «собственником» — государством. Государство предоставляет трестам «самостоятельность в производстве своих операций, согласно утвержденного для каждого из них устава»; тресты «действуют на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли» — так формулирует основу деятельности трестов действующий ныне декрет ВЦИК'а. Коммерческий расчет состоит в следующем. Государство, передав данному тресту часть своего имущества в виде основного и оборотного капитала, предоставляет ему самостоятельность в вопросах управления и пользования этим имуществом. Государство, как правило, отказывается от права требовать в свою пользу бесплатного отпуска продукции, сырья или топлива. За собой государство оставляет только общее руководство и контроль за ходом работ треста и верховное распоряжение его основным капиталом (перераспределение, сокращение, прибавка основного капитала, полная ликвидация треста и т. д.). В повседневной работе, в осуществлении своих целей трест самостоятелен. Он распоряжается своей продукцией, реализуя ее на широком рынке или по специальным заказам. На вырученные от продажи средства трест заготовляет сырье и топливо, расплачивается с рабочими, ремонтирует и возобновляет здания и оборудование, — словом, ведет все дело. На первых порах от трестов требовалось этим путем достигнуть хотя бы самоокупаемости, безубыточности и не сосать средств из госбюджета. Теперь этого мало: целью трестов поставлено получение прибыли. Это отнюдь не следует понимать так, что единственно, к чему стремится трест, это — прибыль. Действительной целью трестов является работа для удовлетворения потребности трудящихся масс Советского Союза. Но поскольку абсолютно необходимо, именно с точки зрения интересов трудящихся масс и Советского Союза, и даже всего мира, чтобы советская промышленность развивалась возможно более быстрым темпом, постольку задача накопления новых средств имеет первостепенное значение. Дальше мы увидим, что было бы неверно думать, что стремление к прибыли должно означать высокие цены, грабеж потребителя и т. п.

Организация нашей промышленности на началах коммерческого расчета имеет много преимуществ. Главное из них в том, что она соединяет государственное руководство, государственную собственность на промышленность с теми гибкими, самостоятельными формами и способами непосредственного ведения дела, которые являются основным достоинством всякого частнокапиталистического предприятия. По сути дела трест — только часть государственного хозяйства. Но при этом эти части государственного хозяйства организованы по типу самостоятельных частных предприятий. Поэтому тресты не оказываются стесненными на каждом шагу бюрократическим управлением и могут достаточно подвижно и свободно маневрировать на нашем рынке. Словом, государственная социалистическая промышленность использует для лучшей работы в рыночных условиях частнокапиталистическую форму — форму трестов.

Увязка всех госпредприятий единым плановым руководством.

Однако, наши тресты только по внешней форме являются самостоятельными предприятиями, связанными исключительно через рынок. На самом деле принадлежность всех трестов к единому государственному социалистическому хозяйству создает рядом с рыночной связью совершенно другой, невиданный при капитализме, второй вид связи, объединяющей всю крупную госпромышленность в одно организованное целое. Эта нерыночная увязка всех трестов государством имеет огромное значение для всех важнейших вопросов работы промышленности. Во-первых, государство—в лице ВСНХ и Совета Труда и Обороны—регулирует распределение капиталов[1] между отдельными отраслями и предприятиями нашей крупной промышленности. Каким путем это проделывается? Прежде всего, с самого начала трест получает весь свой капитал от государства, и государство имеет право им распоряжаться — уменьшать, увеличивать, передавать этот капитал другому тресту и т. д. Вместе с этим финансовый результат деятельности трестов — прибыль—почти целиком поступает в распоряжение государства. Только 20% прибыли трестов отчисляются в резервный капитал, служащий для покрытия убытков и для расширения предприятий, да известный процент идет в фонд улучшения быта рабочих и служащих. Остальное вносится в доход казны. С другой стороны, если данный трест не встал еще на ноги, не окреп в рыночном отношении и потерпел убыток, то государственная казна обычно приходит к нему на помощь и покрывает его дефицит за свой счет. Таким образом, само государство непосредственно распоряжается всей промышленной прибылью и организованно распределяет ее сообразно общехозяйственным интересам, не считаясь с тем, какой именно трест ее «заработал».

На таких же основаниях происходит снабжение промышленности кредитом. Опять-таки тут само государство решает, какую отрасль на

---

[1] Здесь, как и все время, мы употребляем обычную у нас терминологию, заимствованную из практики товарно-капиталистического общества. Из всего предыдущего ясно, что она имеет у нас особый, условный, смысл, ибо под внешней старой формой «прибыли», «капитала» и т. д. и скрывается новое общественное отношение.

какую сумму нужно кредитовать, откуда эти средства взять, на какой срок их дать и т. д. В результате, распределение капиталов внутри промышленности происходит не под диктовку рыночных, стихийных законов, но путем государственного, планомерного регулирования. Все тресты отдают свою прибыль и свои свободные капиталы в один центральный государственный кошелек и оттуда же, «сверху», получают новые средства. Таким образом, капиталы отдельных трестов становятся только частями единого государственного промышленно-торгового капитала, связанными одна с другой планомерным распределением из общего центра.

Определяя величину притока капиталов в данную отрасль или данный трест, государство уже этим самым оказывает решающее влияние на размер и на постановку производства. Но государство-хозяин не ограничивается таким косвенным действием на работу своих трестов. Оно во всех важнейших вопросах непосредственно руководит их производственной и технической работой. Во-первых, оно назначает и сменяет правления трестов, подбирая таким путем наилучший кадр руководителей промышленных предприятий. Во-вторых, государство, опираясь на учет всех рыночных, денежных и производственных факторов, составляет общий промышленный план и определяет роль каждого треста в его осуществлении. На основании этого устанавливается, сколько каких товаров должен произвести данный трест, т.-е. создается его производственная п р о г р а м м а. Финансовые сметы трестов тоже подлежат утверждению госорганов. Самостоятельность трестов ограничивается рамками осуществления этих смет и программ. Наконец, в-третьих, цены на свои изделия тресты не могут устанавливать, как хотят. Государственные органы — Наркомторг и ВСНХ — регулируют не только цены, но часто даже районы сбыта важнейших промышленных товаров. Известные ограничения имеются и в способах торговой работы. «При покупках и продажах тресты обязаны при прочих равных условиях отдавать преимущество госорганам и кооперативным объединениям»; «все тресты обязаны состоять членами бирж и регистрировать на бирже свои торговые сделки». (Из декрета ВЦИК'а о трестах от 10 апреля 1923 г.)

Огромное значение для регулирования торговой деятельности трестов имеет то обстоятельство, что тресты на добровольных началах объединены в синдикаты, «выполняющие функции реализации промышленной продукции, а также снабжения промышленности основным сырьем».

«В целях обеспечения планового воздействия на рынок синдикаты должны стремиться к возможно полному охвату массовой продукции соответствующих отраслей промышленности, за исключением идущей на местное потребление доли продукции, которая должна проводиться трестом через местные торги и кооперацию или непосредственно.

Синдикаты не должны вмешиваться в производственную деятельность трестов и заниматься как эксплуатацией промышленных заведений, так и постройкой таковых.

Отношения синдикатов с трестами должны строиться на началах договорных за твердый счет или комиссионных».

Таким образом, организационная схема нашей промышленности состоит из трех «оперативных» звеньев — предприятия (завод, фабрика, шахта, рудник), треста и синдиката. «Тезисы» о «системе промышленного управления» говорят, что «огромные и бесспорные преимущества этой схемы, хотя бы в области организации производства, сбыта и проч., отнюдь не исчерпаны».

Органы управления и регулирования промышленности. Регулирование государством деятельности всех этих оперативных организаций осуществляется Советами Народного Хозяйства. Конечно, ВСНХ СССР не может сам контролировать, назначать правления, утверждать планы и сметы для всех 400—500 трестов СССР. Вдобавок, большинство этих трестов очень не велики по размеру и, имея большое значение для хозяйства данной области и губернии, не играют самостоятельной роли в народном хозяйстве СССР. Местные — губернские и областные — хозорганы могут гораздо полнее и гибче руководить всеми сторонами работы этой части промышленности. Поэтому все небольшие тресты местного значения находятся в ведении губернских Отделов Местного Хозяйства или губернских СНХ. Более крупные тресты, имеющие значение для целой Республики, включены в группу трестов республиканского значения; их всего 92, из которых 48 в РСФСР и 36 в УССР. Они управляются ВСНХ Союзных Республик. В непосредственном ведении ВСНХ СССР состоят только тресты, имеющие общесоюзное значение; сюда относятся предприятия, важные для «обороны Союза и охраны его интересов на мировом рынке», для «планового восстановления народного хозяйства» и т. п.[1] Такими трестами являются обычно крупные объединения больших заводов, играющие первостепенную роль в снабжении рынка товарами данного вида. Сюда же относится вся военная промышленность, предприятия, связанные с внешним рынком, производство особо важных и редких продуктов и т. д.

Всего общесоюзных трестов 80; в них занято около 70% всех рабочих трестированной промышленности. До последнего времени они управлялись одной из двух главных частей ВСНХ СССР — Центральным Управлением Государственной Промышленности. На ЦУГПРОМ было возложено распоряжение капиталами, назначение руководящего состава трестов, контроль за их деятельностью, составление производственных планов и т. д., — словом, ЦУГПРОМ непосредственно управлял госпромышленностью общесоюзного значения. Теперь аппарат ВСНХ реорганизован: на место ЦУГПРОМА поставлены особые управляющие центры по отдельным отраслям промышленности (по металлической, текстильной, химической и т. п.), руководящие работой соответственной группы трестов.

Другой стороной работы ВСНХ является общее регулирование всей промышленности. Органом такого регулирования является Главное Экономическое Управление. Регулировочная работа ГЭУ состоит в «общем руководстве деятельностью высших Советов Народного Хозяйства Советской Республики», в «разработке законодательных предположе-

---

[1] Гинзбург. «Экономия промышленности», ч. I, стр. 239.

ний по всем вопросам, касающимся кооперативной и частной промышленности», «в разработке общих вопросов промышленной политики, как-то: организации государственной, кооперативной и частной промышленности, организации сбыта продукции промышленности, организации труда, финансирования и кредитования промышленности» и т. д.; в «разработке планов постановки новых производств, вопросов рационализации производства, рационального распределения предприятий по районам» и пр.; в «разработке для внесения через Государственную Плановую Комиссию в Совет Труда и Обороны общего производственного плана и промышленного бюджета для всего СССР», в «наблюдении за выполнением утвержденных планов» («Положение о ВСНХ СССР»).

Последнюю из означенных задач — работу по выработке планов работы промышленности — выполняет Промышленная Плановая Комиссия (Промплан). Руководство плановой работой промышленности и увязка промышленности с отдельными частями народного хозяйства составляет задачу Госплана и СТО.

«Тезисы» о «Системе промышленного управления» намечают следующие новые положения о работе ВСНХ Союза и союзных республик. Прежде всего, в виду того, что углубленная и систематическая увязка работы промышленности с экономикой района является одной из предпосылок, гарантирующих нас от крупнейших просчетов в области производства и капитального строительства», «Тезисы» считают необходимым «твердо встать на путь признания того обстоятельства, что ВСНХ СССР в своей работе должен в значительно большей степени, чем до сих пор, опираться на органы, возглавляющие промышленность данного района. Отсюда необходимость предоставления больших прав ВСНХ союзных республик». Это расширение прав ВСНХ союзных республик должно выразиться в том, что «управление предприятиями республиканской промышленности и руководство местными органами ВСНХ союзных республик осуществляются исключительно ВСНХ соответствующей республики»; в том, что ВСНХ СССР должно по всем вопросам работы «республиканских» и местных трестов сноситься только с ВСНХ соответствующей республики; в том, что производственные и финансовые планы республиканской промышленности прорабатываются самими республиканскими ВСНХ; за ВСНХ СССР остается проработка и утверждение только самых основных показателей динамики промышленности и т. д. и т. п.

За ВСНХ СССР остаются следующие важнейшие функции:

«а) разработка основ промышленного законодательства;

б) установление основных лимитов, определяющих динамику развертывания и технического развития промышленности;

в) составление сводного промышленного плана и представление его на утверждение правительства Союза;

г) установление основных директив в области экономической политики промышленности, в частности установление отпускных цен;

д) непосредственное управление предприятиями, кои постановлением правительства переданы в ведение ВСНХ Союза (союзные тресты);

е) руководство капитальным строительством союзной промышленности в части новых работ и реконструкции действующих предприятий;

ж) утверждение планов нового строительства республиканской промышленности, а равно планов и проектов реконструкции действующих предприятий, требующих затрат свыше установленных лимитов;

з) непосредственное руководство синдикатами;

и) распоряжение финансово-кредитными ресурсами промышленности на основе утвержденных планов, с соблюдением установленных взаимоотношений между ВСНХ Союза и ВСНХ союзных республик;

к) право самостоятельной организации союзных трестов и утверждения их уставов».

Таковы основные черты организации советской крупной промышленности. Совершенно ясно, что если бы наши тресты были разрозненными, частнособственническими предприятиями, какими являются тресты Европы и Америки, то все регулирование и управление промышленностью строилось бы совершенно по-другому: игра стихийных сил и рыночная борьба определяли бы и размеры производства, и цены, и быстроту прироста промышленной продукции отдельных отраслей. Как мы видели, социалистическая организация нашей промышленности создает новую увязку всех «самостоятельных» промышленных предприятий в одном центре, под одним сознательным руководством государства. Эта новая связь превращает наши предприятия в ячейки единого целого и этим самым на место рыночного руководства выдвигает «предвидение и согласование» размеров основных частей нашей промышленности друг с другом и всей промышленности в целом — с сельским хозяйством и другими экономическими отраслями, т.-е. выдвигает планирование нашей промышленности со стороны единого собственника — государства.

При этом планирование основных элементов промышленной деятельности отнюдь не отменяет, не упраздняет рыночную форму бытия и развития наших трестов. Государство проводит свой план не помимо рынка, но путем регулирования рыночной работы своих промышленных ячеек. Этим способом внутрь рыночного аппарата государство вставляет новый регулятор — план. Рыночные отношения между промышленными предприятиями по внешности остаются такими же, как и в любой капиталистической стране. Но на самом деле эти рыночные отношения регулируются планом; используются государством для проведения своего руководящего влияния. Опираясь на увязанную общим планом промышленность, государство маневрирует на всем народнохозяйственном рынке. Поскольку промышленность — главный участник всего товарооборота, поскольку промышленность — руководящая часть народного хозяйства, постольку умелое планирование рыночными выступлениями промышленности может дать государству чрезвычайно мощный рычаг воздействия на весь рынок в целом, на все части хозяйства.

§ 7. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И РЫНОК.

Советская промышленность сбывает свои продукты почти целиком на внутреннем рынке; вывоз за границу играет значительную роль только в нефтяной и лесной промышленности. Посмотрим, какое же строение внутреннего рынка промтоваров.

Строение внутреннего рынка промтоваров. До войны 30—35% промпродуктов, в виде средств производства, топлива, полуфабрикатов, машин и т. д., покупали сама промышленность и транспорт; 35—40% покупало городское население для личного потребления, и только 30% составляло потребление деревенского населения и сельского хозяйства. Если взять данные за 1922/23 г., то на долю промышленности и транспорта придется 32% всего рынка промтоваров, на долю городского населения — 26%, на долю сельского населения — 29% и на долю сельского хозяйства — 4% (вместе весь деревенский спрос равен 33%), прочие потребители (государственные учреждения и т. п.) — 6%. Если взять только промышленные предметы потребления, изготовляемые промышленностью, то в 1922/23 г. 16% городского населения купили 47% всех товаров, а 84% сельского населения купили всего 53% товаров. За время с 1923/24 по 1925/26 г. расходы земледельческого населения на промтовары выросли с 1978 милл. руб. до 3325 милл. руб., т.-е. на 68%; расходы городского населения на эти же товары за это же время выросли (без производительного потребления, т.-е. потребления заводов, железных дорог и т. д.) с 1792 милл. руб. до 3101 милл. руб., или на 73%, т.-е. немного больше, чем расходы деревенского населения. Таким образом, приведенные данные в общем характеризуют также и современную структуру рынка на предметы потребления, изготовляемые промышленностью.

Из этих данных прежде всего бросается в глаза несоответственно низкая доля крестьянского потребления промтоваров. В общем, на долю многомиллионного сельского населения и сельскохозяйственного производства падает около трети общего рынка промтоваров. Такое несоответственно низкое крестьянское потребление промтоваров объясняется всем строем деревенской жизни: оставшейся нищетой, примитивными средствами производства нашего сельского хозяйства, полунатуральным хозяйством, жестокой дореволюционной эксплуатацией со стороны помещиков и царя и т. д. Однако деревенский участок нашего промышленного рынка играет большую роль, чем это можно было бы подумать, судя только по этим данным. Во-первых, целый ряд частей современного промышленного, и в особенности транспортного, спроса у п и р а е т с я в крестьянский рынок; так, размер потребности самой промышленности в средствах производствах — в угле, машинах, полуфабрикатах — в значительной мере зависит в конечном счете от того, сколько смогут купить крестьяне и рабочие предметов потребления. Ведь промышленность производит и покупает свои средства производства для того, чтобы при их помощи наладить производство отраслей легкой индустрии и снабдить потребительский рынок своими товарами. Какая-нибудь текстильная или сахарная промышленность, работающая, главным образом, на широкий крестьянский и рабочий рынок, покупает себе продукты металлургии, горного дела и машиностроения в зависимости от необходимых размеров своего собственного производства, т.-е. в зависимости от того же крестьянского и рабочего рынка. Поэтому спрос самой промышленности на средства производства оказывается, собственно говоря, тем же крестьянским и рабочим потребительским

спросом, только косвенным образом: через отрасли легкой промышленности рабоче-крестьянский рынок создает спрос на промышленные средства производства.

Еще очевиднее зависимость транспортного спроса на паровозы, вагоны, уголь и т. д. от торговли сельскохозяйственными продуктами. Известно, что рожь и пшеница «питали» наши железные дороги, составляя очень значительную часть перевозимых грузов.

Во-вторых, крестьянский рынок имеет первостепеннейшее, решающее значение для развития промышленности. Крестьянский спрос не останется на нищенском довоенном уровне. Он будет быстро расти вместе с подъемом крестьянского хозяйства. Поэтому подъем сельского хозяйства будет сопровождаться созданием колоссального рынка для промышленных товаров. В этом смысле можно сказать, что в недрах нашего сельского хозяйства лежит настоящий рыночный «клад» для промышлнености. Она должна только суметь использовать этот «клад», помочь расширению крестьянского рынка, — и этим создать мощную основу для своего развития.

Основы рыночной политики промышленности.

Из всего этого следует, что в центре всех рыночных вопросов нашей промышленности стоит связь с крестьянским хозяйством. Поэтому генеральная линия рыночной политики советской промышленности должна быть линией смычки с деревней, деревенским рынком. «Государство должно научиться торговать так, чтобы промышленность удовлетворяла крестьянство, чтобы крестьянство торговлей удовлетворяло свои нужды».[1] Надо научиться снабжать крестьянство лучше, чем это делала капиталистическая промышленность. Только при победе в соревновании с капиталистами за лучшее обслуживание крестьянского рынка советская промышленность окончательно укрепит свое руководящее хозяйственное положение, а вместе с тем пролетариат — свое политическое господство. Только приспособив цены, качество, размеры своей продукции к требованиям и возможностям крестьянского рынка, наша промышленность сможет выйти на дорогу бурного подъема. В этом отношении за годы нэпа промышленность добилась крупных результатов, преодолев ряд трудностей, стоявших на пути ее рыночного развития.

Изменения политики цен.

Первый выход советской промышленности на рынок выпал на голодный 1921/22 г. Почти полное отсутствие средств у только что созданных трестов, узость рынка, неумение вести торговлю, «диктатура хлеба», связанная с голодом, — все это вынуждало тресты спускать свои товарные запасы и свою продукцию по чрезвычайно низким ценам. В среднем, промышленные цены в октябре 1922 г. составляли 108% от довоенного уровня. Конечно, прибавка 8% к довоенным ценам совершенно не соответствовала тому огромному повышению себестоимости промышленных товаров, которое получилось в результате гражданской войны, разрухи, незагруженности заводов, дороговизны сырья и топлива и т. д.

---

[1] Ленин. Речь на II Всероссийском съезде политпросветов. Собр. соч., т. XVIII, ч. I.

В результате, промышленность работала в убыток, попросту «разбазаривая» свои запасы, растрачивая свои капиталы.

Пытаясь выкарабкаться из убыточности, промышленные организации резко поворачивают руль своей политики цен: с 1922 г. цены на промышленные товары быстро идут вверх. В октябре 1923 г. уровень промышленных цен составлял уже 179% от довоенного; по отдельным товарам цены составляли 200, 300 и больше процентов от довоенного. Такое взвинчивание цен объясняется целым рядом производственных и рыночных причин. Прежде всего себестоимость промышленных товаров была несравненно выше довоенной. Нагрузка заводов обычно была меньше половины довоенной; из-за этого каждый товар обходился гораздо дороже. Производительность труда была очень низка; сырье и топливо тратилось неэкономно; высокие накладные расходы из-за раздутых штатов и неумелой торговой деятельности добавляли к заводской себестоимости очень значительные накидки. Недостаток оборотных капиталов, стремление поскорее восстановить разрушенное, покрыть убытки, — все это толкало тресты и синдикаты к так называемым «восстановительным ценам», т.-е. ценам, включавшим в себя расходы на быстрейшее возобновление всех утрат и утечек.

Общая рыночная обстановка не могла на первых порах задержать рост промышленных цен. Восстановление промышленности отстало от восстановления сельского хозяйства. В 1922/23 г. продукция промышленности составила 36,6% довоенной, а продукция сельского хозяйства, вследствие хорошего урожая, — 72,2%. Благодаря этому распределение товарной массы изменилось в сторону повышения доли сельскохозяйственных товаров за счет промышленных. Равновесие внутри народного хозяйства было нарушено. Если до войны промышленность выбрасывала на рынок 63% всей товарной массы, сельское хозяйство — 37%, то в 1922/23 г. промышленность смогла выбросить на рынок только 43% всей товарной массы, а остальные 57% дало сельское хозяйство. В предыдущем 1921/22 г. промышленность дала 49% товарной массы, а сельское хозяйство 51%; как видно, по сравнению с 1921/22 г. доля промышленных товаров упала, а сельскохозяйственных возросла. Как должно было отразиться на ценах такое изменение в соотношении промышленности и сельского хозяйства? Конечно, сельскохозяйственные цены должны были полететь вниз, а промышленные цены полезть в гору.

«Ножницы» цен и борьба с ними.

Так и получилось. Резкий подъем цен трестами и синдикатами совпал с падением хлебных цен из-за хорошего урожая 1922 г. Линии движения цен обеих групп товаров встретились, прошли друг через друга крест-на-крест, и дальше обе линии стали все больше и больше уходить — одна вверх, другая вниз, наподобие концов раскрытых ножниц. Эти знаменитые «ножницы» цен привели к тому, что крестьянину обмен хлеба на продукты промышленности стал очень невыгоден: к концу 1923 г., когда раствор «ножниц» достиг наивысшего размера, крестьянин за хлеб получал в три раза меньше ситца, гвоздей или керосина, чем до войны.

Понятно, что такое соотношение цен сельскохозяйственный рынок выдержать был не в силах. Несмотря на неслыханную нужду в одежде, обуви, сельскохозяйственном оборудовании и т. д., крестьянин не мог покупать промтоваров. Экономическая связь между промышленностью и сельским хозяйством нарушилась, наша промышленность стояла перед угрозой новой «размычки» с крестьянством, подобно размычке конца военного коммунизма. Создался кризис сбыта промтоваров; дорогие товары трестов и синдикатов не находили покупателей. Рост промышленности застопорился. Встала задача во что бы ни стало найти выход из этого тупика.

XIII конференция ВКП(б) следующим образом объясняет кризис осени 1923 г. «В погоне за покрытием убытков, понесенных промышленностью за первый год непа, ряд хозорганов неправильно применил директиву XII съезда о необходимости стремиться к прибыльности и чрезмерно поднял цены до уровня, доступного лишь более платежеспособному рынку. Высокие цены на товары наткнулись на низкую платежеспособность массового крестьянского рынка. Товары остались непроданными и не только не принесли промышленности ожидаемых прибылей, но поставили ее предприятия перед угрозой неплатежей и сокращения производства».

В поисках выхода партия вырабатывала свою генеральную линию политики цен. Развертывается дискуссия 1923/24 г. С одной стороны, «у оппозиции ставка на возможность немедленно заполучить куш для промышленности на основе высоких цен» и «высокой прибыли на единицу товаров».[1] Другими словами, оппозиционный «выход» сводился к дальнейшему *отрыву* промышленности от крестьянского хозяйства, к политике *задержки* роста сельского хозяйства и подъему промышленности за счет такой задержки, путем эксплуатации мужика высокими ценами и налогами. Партия отвергает эту линию промышленной политики, как не-ленинскую и практически вредную: высокие цены сокращают емкость внутреннего рынка, замедляют сбыт товаров и этим задерживают рост промышленности, уменьшают энергию, направленную на понижение себестоимости, а всем этим, в конечном счете, вредят промышленному развитию. Наоборот, понижение цен расширяет рынок, укрепляет влияние советской промышленности на деревню, подталкивает развертывание производства, побуждает всячески бороться за снижение себестоимости и всем этим дает, в конечном счете, наиболее быстрый темп промышленного развития. «Но для того, чтобы увидеть это, — пишет тов. Бухарин, — нужно смотреть дальше своего носа, что не всякий ведь может. И нужно при этом выйти из своей «промышленной» скорлупы и видеть элементы всего народного хозяйства и в их связи и взаимозависимости, и в их взаимно обусловленном движении».[2]

Политика снижения цен, принятая XIII конференцией ВКП(б), стала с 1923/24 г. основным рычагом смычки между промышленностью и сельским хозяйством. Государство в плановом порядке начало регулировать цены и систематически понуждать тресты и синдикаты снижать их часто *даже ниже себестоимости*. Путем экономии,

---

[1] *Бухарин*. «К вопросу о троцкизме», стр. 181.
[2] Там же, стр. 183.

технических улучшений, поднятия производительности труда и т. д. тресты должны были подгонять себестоимость к пониженным ценам, всеми силами не допуская убыточности. И, действительно, в 1923/24 г. снижение промышленных цен часто происходило путем государственного нажима, без соответствующего снижения себестоимости; но в дальнейшем промышленность сумела сокращением себестоимости подвести базу под низкие цены и даже провести дальнейшее удешевление товаров. В основном, советская промышленность одержала в борьбе за понижение цен ряд крупных побед. Начиная с конца 1923 г., промышленные цены стали почти неуклонно спускаться. В итоге двух лет, к концу 1924/25 г. отпускные цены промтоваров снизились по сравнению с октябрем 1923 г. на 33%.

Под влиянием этого понижения промышленных цен (соединившегося с повышением хлебных цен) «ножницы» из месяца в месяц сжимались, и их угрожающий раствор в значительной мере удалось ликвидировать. Это было первое крупное достижение плановой промышленной борьбы за годы нэпа. Благоприятные последствия политики снижения цен не замедлили сказаться. Тов. Дзержинский следующим образом подытоживает борьбу за дешевые цены:

«Когда политика высоких цен была изменена на политику снижения цен, заполненные промышленными изделиями склады в течение одного-двух месяцев совершенно опорожнились.

«Мы нашли тот рычаг, тот основной метод, при помощи которого мы находим осуществление нашей смычки с сельским хозяйством и крестьянством, тот рычаг, который одновременно должен поднять нашу промышленность на небывалую высоту. Тогда, вместо разговоров о сужении нашего производства, все заводы стали искать средства и методы для расширения производства.

Весной, в апреле 1924 г., когда проводилась денежная реформа, промышленность снова ответила на нее снижением промышленных цен. Осенью 1924 г., когда в некоторых районах наметился недород, и когда стали раздаваться малодушные голоса о том, что придется в связи с этим сократить нашу промышленность, наша партия и правительство приняли прямо противоположную политику, и промышленность ответила на это народное бедствие новым снижением цен. И, действительно, несмотря на этот недород, благодаря политике снижения цен развитие нашей промышленности пошло небывалым темпом. Этот рост был результатом плановой политики нашего правительства и нашей партии, — в первую очередь, политики снижения цен на промышленные изделия и борьбы с так называемыми «ножницами».

Политика снижения цен, вызывая все растущий платежеспособный спрос на промышленные изделия, велась с неослабляемой энергией, несмотря на то, что почти по всем изделиям и по всем отраслям промышленности спрос превышал предложение; таким образом, мы совершенно сознательно проводили политику, которая для буржуазных стран могла бы показаться невероятной, не отвечающей незыблемым капиталистическим законам спроса и предложения». [1]

---

[1] Из доклада тов. Дзержинского на III Всесоюзном Съезде Советов.

Рост платежеспособного спроса и товарный голод. Снижение цен оказалось тем ключом, которым промышленность отперла двери широкого крестьянского рынка. Уже сами по себе дешевеющие промышленные товары, доступные для крестьянина, оживляли все сельское хозяйство, втягивали в товарооборот все новые и новые слои деревни, помогали подниматься всем частям народного хозяйства. Навстречу этому шел рост посевной площади, облегчение налогов, повышение хлебных цен — в деревне, приближение заработной платы к довоенному уровню — в городе. В результате за 2 года — с конца 1923 по конец 1925 — вся рыночная обстановка работы нашей промышленности в корне изменилась. Рыночные предпосылки для развертывания промышленности создались в полной мере. Более того, несмотря на очень энергичный, прямо-таки бурный рост, наша промышленность не смогла угнаться за расширяющимся рынком. Платежеспособный спрос на промышленные товары превысил предложение их, и на рынке создался **товарный голод**.

Самая общая и глубокая основа товарного голода в том, что наша промышленность недостаточна по сравнению с огромным «массивом» крестьянского сельского хозяйства. До войны, до революции, с одной стороны, ввоз иностранных фабрикатов покрывал недостачу внутреннего производства, с другой стороны, жестокая эксплуатация и обирание нашего крестьянства помещиками и царским правительством сильно снижали его покупательную способность. Теперь, когда и промышленность и сельское хозяйство, примерно, одновременно достигают довоенного уровня, мы имеем, во-первых, относительно довольно слабый импорт предметов промышленного потребления, во-вторых, — и это особенно важно, — чрезвычайно быстрый рост покупательной способности крестьянства. Крестьянин, еще в 1917 г. освободился от колоссальных платежей царю и помещикам; однако он смог использовать это освобождение только после нескольких лет нэпа, только после значительного приближения к довоенному уровню благосостояния. Зато теперь его спрос на промышленные товары растет чрезвычайно быстро. В то же время от прежней территории России отделены и не входят в СССР некоторые промышленные районы и центры. Сюда относится, например, Лодзь, Домбровский бассейн, Рига (в которой имеется ряд крупных заводов), отчасти Финляндия (бумажная промышленность) и т. д. Промышленность отошедших от нас районов давала значительный процент продукции всей российской промышленности в старых границах.

Ко всем этим общим факторам в 1925/26 г. прибавились еще существенные добавочные причины. Хороший урожай 1925 г. выпал после плохого урожая предыдущего года. Между тем, продналог был снижен на 100 милл. руб., и соответственная дополнительная сумма средств могла быть направлена крестьянином на покупку промтоваров. Одновременно рост доходов городского населения, благодаря значительному повышению номинальной (денежной) зарплаты и увеличению доходов мелкобуржуазных и отчасти буржуазных слоев населения, по своей быстроте превзошел прирост промышленной продукции. Усиленное финансирование хлебозаготовительных организаций создало избыток денег в обращении, создало нездоровый платежеспособный спрос. Сло-

вом, вся хозяйственная конъюнктура (положение) способствовала обострению товарного голода и связанных с ним хозяйственных затруднений. Ликвидация товарного голода затруднялась тем, что промышленность, подходившая к довоенному уровню, уже начинала массу средств вкладывать в новое строительство, в производство оборудования, которое пока что не дает крестьянину и рабочему ситца, гвоздей и т. п. Конечно, через несколько лет это новое строительство фабрик, шахт, электростанций и т. д. увеличит выпуск готовых изделий и насытит рынок товарами. Но пока что эта часть промышленности сама требует для своих рабочих ткани, сахара, хлеба и других изделий, не выбрасывая на рынок ни одного фунта продуктов потребления.

Недостаток на рынке ряда важнейших товаров способствовал тому, чтобы то снижение оптовых цен, на которое шла промышленность, далеко не по всем товарам полностью доходило до розничных цен. А ведь именно по этим ценам фактический потребитель покупает промтовары. Более того, начиная, примерно, с середины 1925 г., розничные цены начинают расти, прежде всего у частных торговцев, но затем и у кооперации и госрозницы. В общем, уровень розничных цен на промышленные товары, судя по индексу Конъюнктурного Института, вырос с 1 мая 1925 г. по 1 мая 1926 г. на 28% (с 225 до 271, принимая довоенные цены за 100; см. «Сводный Производственно-Финансовый План на 1926/27 г.» ВСНХ, стр. 296). Если даже эти данные преувеличены, то, во всяком случае, наличие повышения розничных цен не меньше, чем на 10—15%, никем не оспаривается. Благодаря этому, соотношение между оптовыми и розничными ценами изменилось в сторону увеличения разницы между ними; другими словами, произошло «раздвижение» оптово-розничных «ножниц».

Оппозиционные предложения по вопросу о ценах.

Товарный голод, рост розничных цен, хозяйственные затруднения 1925/26 г., начавшиеся с неудач в области хлебозаготовок и невыполнения намеченных размеров вывоза и ввоза, что дало себя знать и в других областях хозяйственной работы, — все эти обстоятельства вновь выдвинули проблему политики цен, эту поистине самую боевую и центральную проблему всей нашей экономической политики. Пытаясь использовать хозяйственные затруднения, «оппозиционный блок» выступил со своей программной линией, являвшейся только немного подновленной старой линией троцкистской оппозиции. Оппозиция заявила, что товарный голод является результатом хвостистской политики партии, недостаточно быстро двигавшей промышленность вперед, своей политикой понижения цен не дававшей ей накоплять необходимые капиталы. Тов. Троцкий видел корень всех зол в том, что, по его мнению, основной установкой экономической политики был принцип: «промышленность, не забегай вперед!». Выход, по мнению оппозиции, состоял в том, чтобы дать возможность промышленности использовать высокую, благоприятную рыночную конъюнктуру путем повышения оптовых (отпускных) цен. Одни оппозиционеры предлагали это совершенно открыто (В. М. Смирнов), другие маскировали требование повышения цен предложением ввести «соответствующий налог на те товары, розничные цены на которые стоят непомерно высоко» (точно они от

такого налога упадут, а не повысятся еще больше!), или «в зависимости от конкретных условий рынка... поднять те или иные оптовые цены для того, чтобы их после снизить на основе расширения производства».[1] Одним словом, оппозиция хотела проделать следующий «мудрый» маневр: поднять цены, нагреть руки на товарном голоде, заполучить солидный куш, употребить его на максимальнейшее развертывание промышленности, и потом уже, повидимому, она обещала начать понижать розничные цены.

Совершенно ясно, что подобные предложения на деле означали не что иное, как отказ от настоящей борьбы за снижение цен, — «обещание» — и то нетвердое — бороться за это в будущем, а пока что, на практике, — курс на повышение цен, т.-е. курс на кризис. Ибо не может быть ни малейшего сомнения в том, что всякое повышение отпускных цен в обстановке товарного голода, в обстановке, когда розничные цены даже и без роста оптовых идут в гору, означало немедленное взвинчивание уровня цен розницы. Сначала это взвинчивание затронуло бы отдельные товары, а потом от звена к звену оно могло бы распространиться и на общий уровень товарных цен: вслед за ценами на одни промышленные товары поползли бы вверх цены на другие, а вслед за ценами на фабрикаты пошли бы кверху и сельскохозяйственные цены. Легко понять, что от последствий такой политики не поздоровилось бы не только мужику, но и самой промышленности, ибо, с одной стороны, цены на промышленные товары уже и так стоят сравнительно выше уровня сельскохозяйственных цен. Так, например, если в 1913 г. крестьянин за 1 аршин ситца отдавал 5,5 фунта ржаной муки, то на 1 января 1926 г. он за этот же аршин отдавал 9,4 фунта; за фунт чугунной посуды в 1913 г. — 2,7 фунта, на 1 января 1926 г. — 4,6 фунта. То же самое невыгодное для деревни соотношение мы имеем почти по всем промышленным товарам. Это соотношение нисколько не улучшилось — а частично даже ухудшилось — в течение прошлого (1926) года. В таких условиях дальнейший подъем цен на промтовары не может не вызвать подъема цен на сельскохозяйственные продукты. А это, в свою очередь, поведет к удорожанию сельскохозяйственного сырья, покупаемого промышленностью, поведет к затруднениям в вывозе хлеба, льна, кожсырья и т. д. и в привозе в обмен на них из-за границы промышленного оборудования и сырья. Промышленность окажется в тупике, так как, с одной стороны, ей уже сейчас не хватает сельскохозяйственного сырья, а с другой — без ввоза ряда важных товаров (машин, хлопка, химических продуктов и т. п.) она развиваться не может.

Вместе с тем, общее повышение цен пошатнуло бы наш червонец и создало бы серьезный финансовый кризис. В общем, повышение промышленных цен дезорганизовало бы все хозяйство, задержало бы расширение сырьевой и сбытовой базы нашей промышленности, разорвало бы ее экономическую смычку с сельским хозяйством и вызвало бы политический кризис рабоче-крестьянского союза.

---

[1] Речь Пятакова на заседании в Комакадемии 26 сентября 1926 г. См. «Вестник Коммунистической Академии», № 17, стр. 215. (Подчеркнуто нами.)

Учитывая все эти обстоятельства, партия на XV конференции вновь отвергла оппозиционную политику цен и поставила себе целью продолжать свою генеральную линию борьбы за снижение цен. Задача усиленного развертывания промышленности, подталкивания ее к тому, чтобы она давала как можно больше дешевых товаров, — вот задача, которая стоит теперь в центре внимания. Одновременно встает задача снижения и розничных цен на промтовары. Борьба за понижение себестоимости промизделий, с одной стороны, и борьба за низкие розничные цены, с другой, — вот каково основное конкретное содержание работы по снижению цен в современных условиях.

Себестоимость промизделий.

Что касается вопроса о себестоимости промизделий, то здесь дело обстоит следующим образом. Себестоимость определяется целым рядом факторов, из которых наибольшее значение имеет сумма заработной платы, падающая на единицу продукта, стоимость затрачиваемого сырья и топлива, размеры отчислений на возобновление оборудования и зданий (амортизация), правленческие и торговые расходы производящих предприятий и т. п.

В 1924/25 г. действие всех этих факторов складывалось довольно благоприятно. Производительность труда росла, нагрузка предприятий увеличивалась, оборудование использовалось лучше, сырье расходовалось более экономно, быстрый рост продукции уменьшал сумму накладных расходов на единицу товаров и т. д. В итоге ВСНХ определяет снижение стоимости производства в 1924/25 г. по сравнению с 1923/24 г. по кругу, планируемому им, в размере 13,3%. Такое значительное снижение было связано с известной стадией восстановительного процесса в нашем промышленном хозяйстве. Поэтому, когда эта стадия была пройдена, когда лучшие заводы были уже в основном нагружены, и приходилось пускать в ход технически более слабые предприятия, вовлекать малоквалифицированные слои рабочих, бороться за повышение производительности труда более сложными способами и т. д., — тогда процесс снижения себестоимости замедлился, усложнился, местами даже приостановился. К этому обстоятельству присоединилось, во-первых, то, что общий уровень розничных цен в 1925/26 г. повышался, удорожая ряд элементов себестоимости; в частности, вздорожало топливо и некоторые виды сырья (лен, подсолнух, кожа, лесоматериалы и др.), во-вторых, производительность труда росла медленнее номинальной заработной платы, в-третьих, возросли железнодорожные тарифы, акцизы и некоторые другие подобные расходы. Все эти обстоятельства привели к тому, что «стоимость производства в 1925/26 г. по сравнению с 1924/25 г. показывает вздорожание без учета акциза на 2%».[1]

Такое неблагоприятное движение себестоимости вынуждает поставить на 1926 — 1927 г., в качестве одной из важнейших директив для промышленности, задачу создать новый перелом в кривой себестоимости, вновь сделать хотя бы небольшой шаг в сторону ее понижения.

---

[1] «Сводный производственно-финансовый план на 1926/27 г.», стр. 79. Другие цифры оттуда же.

Препятствием, которое должна преодолеть промышленность в этой работе, является повышение суммы публично-правовых расходов (ж.-д. тарифы, налоги, таможенные пошлины и т. д.), падающих на промышленность. Это повышение, по предположениям, составит около 700 милл. руб. по сравнению с предыдущим годом. Этот рост расходов удорожит производство, примерно, на 2,5%; следовательно, чтобы быть в состоянии понизить себестоимость, а вслед за этим и отпускные цены, промышленность принуждена будет, во-первых, преодолеть, покрыть эту сумму за счет экономии в каких-либо других статьях, и, во-вторых, произвести еще дополнительное понижение, которое уже прямо отразится в сторону чистого сокращения себестоимости. ВСНХ считает, что в этих условиях промышленности удастся реально снизить стоимость производства в 1926/27 г., примерно, всего на 1%. СТО и СНК, однако, признали необходимым дать промышленности директиву в сторону снижения себестоимости на 5%.

Партия и весь рабочий класс напрягают свои силы также и для того, чтобы подойти к проблеме цен с другого конца — со стороны снижения розницы. Правда, в настоящее время удалось задержать рост розничных цен и даже несколько понизить их, но это снижение с 1 мая по 1 декабря 1926 г. составило всего-на-всего 1%. Торговый аппарат все еще не проводит в достаточной степени работы по снижению цен, зачастую используя высокую конъюнктуру для получения огромных прибылей. В мае 1926 г. СТО признал необходимым снизить на 10% розничные цены тех товаров, в которых ощущается недостаток на рынке. Как мы только-что сказали, эта деректива до сих пор осталась неосуществленной. Достижения в борьбе за снижение розничных цен все еще совершенно недостаточны, и эта задача продолжает оставаться в центре внимания всей рыночной политики. Общая рыночная обстановка, повидимому, будет в ближайшие месяцы более благоприятной для работы по снижению цен, ибо, — вопреки довольно широко распространенным ожиданиям и мрачным пророчествам оппозиции, — товарный голод смягчился, состояние рынка в общем довольно спокойное, и поэтому стихийные факторы будут с меньшей силой противодействовать снижению цен. Смягчение товарного голода объясняется прежде всего тем, что в первом квартале 1926/27 г. промышленность выбросила на рынок массу продукции, более чем на 20% превышающую продукцию соответственных месяцев 1925/26 г. Вместе с тем, хлебозаготовки в этом году идут сравнительно с прошлым гораздо более успешно и плавно. Цены на хлеб не находятся на том нездорово-высоком уровне, на котором они были в 1925/26 г. В выпуске червонцев также нет того разбухания, которое обострило положение в прошлом году. Коротко говоря, все оппозиционные заявления о том, что урожай 1926 г. будет означать «воспроизведение нынешних трудностей в возросшем масштабе» (Троцкий), или что «хозяйственный период, в который мы вступаем, способен в случае хорошего урожая — на ряду с общим ростом хозяйства — даже обострить обрисованные затруднения» (Каменев), оказались вредным и ошибочным паникерством. Уверенность оппозиции в невозможности разрешить проблему смягчения товарного голода и достичь

снижения розничных цен на основе политики партии оказалась не чем иным, как пораженчеством, т.-е. ставкой на неудачу работы партии.

Успешный рост промышленности, успокоение рынка, первые удачные шаги по ликвидации товарного голода и известные (правда пока-что недостаточные) результаты борьбы за снижение цен,— все это явилось практическим подтверждением того, что только на основе линии партии мыслимо разрешение рыночных проблем промышленности.

§ 8. ПРОБЛЕМА РАБОЧЕЙ СИЛЫ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА.

Для того, чтобы наша промышленность могла удовлетворять быстро растущий городской и крестьянский рынок, она должна прежде всего справиться с рядом задач в области производства. Главных таких задач имеется три: во-первых, увеличение количества производимых продуктов: без этого нельзя повышать уровня жизни трудящихся, нельзя двигать все хозяйство, нельзя окончательно преодолеть товарный голод; во-вторых, понижение издержек производства товара: без этого нельзя проводить нашу основную линию — борьбу за дешевые цены; в-третьих, улучшение качества производимых промышленных товаров: без этого нельзя соперничать с западной капиталистической промышленностью, без этого теряют очень большую долю своей ценности все достижения в области увеличения и удешевления продукции. Все эти три задачи тесно связаны друг с другом. Ни одной из них нельзя на практике разрешать поодиночке, в отдельности от других.

Повышение производительности труда — вот главный способ, при помощи которого рабочий класс СССР сможет разрешить все эти три задачи.

У нас принято понимать под производительностью труда количество продуктов определенного сорта и качества, создаваемое рабочим в течение данной единицы времени. [1]

Чем больше это количество, тем меньше тратится труда на единицу продукции, тем меньше, следовательно, издержки ее производства, тем больше можно выпустить продуктов по пониженным ценам. Понятно, что качество выпускаемых изделий тоже является составной частью определения производительности труда. Если, скажем, раньше

---

[1] Это определение не совсем точно. Маркс под производительностью труда понимал способность данного количества трудовой энергии произвести ту или иную массу продуктов. Другими словами, из понятия «производительность труда» исключалась интенсивность, которая выделялась в самостоятельную категорию. При такой терминологии требуется третий термин, который объединил бы все факторы, определяющие выработку рабочего. Для простоты мы пользуемся обычной у нас терминологией, так как ни к каким практическим или теоретическим ошибкам она сама по себе не ведет.

за час производился пуд дрянных, ломких и тупых гвоздей, а теперь тоже только пуд, но зато вдвое крепче, удобнее, острее и т. д., то это значит, что производительность поднялась вдвое.

Факторы производительности труда.

Производительность труда рабочего (т.-е. количество вырабатываемой им в единицу времени продукции) зависит от двух главных причин: во-первых, от количества трудовой энергии, которую он затратит в течение своего трудового дня. Если работа идет медленно, время используется плохо, у рабочего недостает внимательности, то продукт его труда будет не велик. Но чем быстрее, напряженнее, внимательнее трудится рабочий, словом, чем больше он затрачивает своей мускульной и нервной энергии, тем больше он произведет. Эта первая причина называется напряженностью, или интенсивностью, труда.

Во-вторых, то же самое количество трудовой энергии рабочего может иметь совершенно различную производительную силу. Рабочий, трудясь одно и то же время и с одинаковым напряжением, может создать в одном случае 5 пуд. гвоздей, в другом 10 пуд., в третьем 30 и т. д. От чего это может зависеть, понять нетрудно: во-первых, от уровня техники, от приемов работы; во-вторых, от естественных условий (скажем, для крестьянина — от качества земли, для шахтера — от угольного пласта); в-третьих, от организации трудового процесса. В-четвертых, наконец, от умелости, квалифицированности самого рабочего. Маркс пишет об этом следующее: «Производительная сила труда определяется разнообразными условиями, между прочим: средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и техники, общественной организацией производственного процесса, размерами и дееспособностью средств производства, наконец, естественными условиями».[1]

Рост производительности труда рабочих может итти по этим двум линиям: и по пути увеличения интенсивности труда, и по пути повышения результатов затраты одной и той же трудовой энергии.

Этот рост имеет прямо-таки решающее значение для судьбы советской промышленности. Каждый новый общественный строй может окончательно укрепиться и развернуться только в том случае, если он докажет свою способность развивать и увеличивать производительность труда. Ведь без повышения производительности труда не будет увеличиваться количество продуктов, приходящихся на одного работника, и поэтому нельзя будет повышать уровень жизни. Если новый общественный строй не обгонит по части производительности труда своего предшественника, то тогда замена одного другим теряет почти всякий смысл. Ленин пишет, что «производительность труда, это — в последнем счете самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда».

---

[1] «Капитал», т. I, гл. 1, стр. 7.

Уровень производительности труда в советской промышленности.

Советская промышленность должна на деле доказать, что социализм сможет повышать производительность труда не медленнее, а скорее капитализма. Особенно остро этот вопрос стоит у нас потому, что наш уровень производительности труда во всех отношениях недостаточен. Социализм впервые победил в отсталой России. Поэтому первая по социалистическому типу организованная промышленность оказалась хотя и крупной, но все же довольно-таки потрепанной, подержанной, отсталой промышленностью. Не удивительно, что сейчас еще промышленно-капиталистические страны имеют гораздо более высокую производительность труда, чем мы. Наша задача состоит в том, чтобы эта разница постепенно сошла на нет, чтобы советская промышленность достигла сначала такого же, а потом еще более высокого уровня производительности труда. Без этого мы не только не сможем соперничать с капиталистами вне нашей страны, но и на нашем собственном крестьянском рынке нам придется держаться только всяческими запрещениями и затруднениями ввоза иностранных дешевых товаров. Но на таких запрещениях вечно держаться нельзя. Если иностранные товары все время будут дешевле наших, крестьянину будет выгоднее сомкнуться с капиталистической иностранной промышленностью, чем с нашей, советской.

Эту проблему соревнования с мировым капиталом нам приходится разрешать, исходя из очень отсталой и неудачной основы — из промышленности бывшей Российской империи. Поэтому оказывается, что даже после нескольких лет восстановления и залечивания военно-революционных ран и издержек, у нас производительность труда значительно ниже, чем в капиталистической промышленности Западной Европы и Америки.

Так, например, у нас в 1923 г. на 1 донбасского шахтера приходилось 64 тонны выработки угля в год; а в Западной Европе производительность колеблется от 138 до 217 тонн, т.-е. в 2 — $3^1/_2$ раза выше нашей; бумаги на наших заводах на 1 рабочего за день производится 1,62 пуд., а в Германии (1920 г.) — 3,32 пуд., т.-е. в два с лишним раза больше, в Америке (1908 г.) — 12,5 пуд. В текстильной промышленности на 1000 веретен у нас приходится 11 — 12 рабочих, в Англии — $2^1/_2$ — 4 человека; в металлической промышленности еще до войны мы имели такую картину: [1]

На 1 рабочего приходится продукции в год в рублях (с учетом разницы цен).

В среднем по 5 крупным русским заводам (1912—1913 г.)	1639
По 18 русским паровозо- и вагоно-строительным заводам (1908 г.)	1796
Германский машиностроительный завод Аугсбург (1909—1910 г.)	3659
Германский завод Нюренберг (1911—1912 г.)	3085
Среднее по американскому машиностроению	5400

[1] Таблица взята из Гриневецкого. «Послевоенные перспективы русской промышленности», стр. 80.

Как видно, производительность труда по нашим заводам была в 2 — $2^1/_2$ раза ниже германских и более чем в 3 раза ниже американских заводов. Благодаря этому и стоимость машиностроительных изделий в России была в среднем на 40% выше иностранной стоимости.

Движение производительности труда и заработной платы.

Но если даже сравнить современную производительность труда с ее довоенным уровнем, то и тут окажется, что мы не всюду достигли еще даже довоенной производительности. Дело в том, что в годы общего падения нашей промышленности производительность труда рабочих упала даже ниже, чем другие главные показатели положения и использования рабочей силы. Так, за 1917—1920 гг. число рабочих уменьшилось вдвое, дойдя до 61,2% довоенного, в 1920 г. зарплата снизилась на еще больший процент: до 34% довоенной; но падение производительности труда побило все рекорды — выработка на 1 рабочего в 1920 г. составила всего 29% от довоенных размеров. С 1921/22 г. начинается значительный рост производительности труда. В этом году зарплата выросла на 23%, а производительность труда в 3,5 раза быстрее — на целых 81,5%; поэтому в 1922/23 г. производительность труда составила 63,3% довоенной, а зарплата — 54%.[1]

Но начиная с 1922/23 г. рост зарплаты начал обгонять рост производительности труда. За 15 месяцев, с октября 1922 г. по январь 1924 г., зарплата выросла на 90%, а производительность труда только на 23%; в это время рост производительности труда происходил почти в 4 раза медленнее повышения зарплаты. Отчасти это отставание роста производительности труда от зарплаты было необходимым: уровень зарплаты был настолько низок, организм рабочих был настолько истощен длительной голодовкой, холодом и прочими тяжелыми последствиями империалистической и гражданской войны, что сначала нужно было обеспечить рабочим хоть самый минимальный уровень жизни, при котором они могли бы работать. Затем уже можно было перейти к серьезной работе по повышению производительности труда. Но такое соотношение роста зарплаты и производительности труда не могло оставаться продолжительное время: источником повышения зарплаты может быть только рост выработки рабочего. Поэтому, как только зарплата подтягивается, примерно, к уровню производительности труда (в 1923/24 г. зарплата равнялась 70% довоенной, а производительность труда = 73,5%), рабочий класс берет линию на то, чтобы в дальнейшем зарплата росла только вместе с ростом производительности труда, только в ногу с этим ростом. Борьба за повышение производительности труда становится постоянной важнейшей заботой пролетариата. Эта борьба не представляет собою какой-либо временной кампании; эта борьба является необходимой основой всего развития нашей промышленности и улучшения положения рабочего класса.

Первыми результатами этой борьбы явилось то, что в росте зарплаты и производительности труда установилась известная равномерность: со II квартала 1923/24 г. (т.-е. с января 1924 г.) по

[1] Данные Гухмана. «Производительность труда и заработная плата».

IV квартал 1924/25 г. зарплата выросла на 56%, а производительность труда на 53%. В течение 1924/25 г. за каждую четверть года производительность труда возрастала в среднем на 8,4%, а зарплата на 9,5%. В результате такого подъема мы имели в 1924/25 г. 85% производительности труда и 83% зарплаты от довоенной нормы.

Однако, еще с конца 1924/25 г. имеется некоторая приостановка роста производительности труда: дело в том, что бурный рост промышленности втянул в производство отсталые, плохо оборудованные, до сих пор стоявшие заводы. В ряде отраслей происходила «подчистка» всего, еще не использованного оборудования. А так как не использовались как раз худшие предприятия и худшее оборудование, то это вовлечение в процесс производства и затрудняло рост производительности труда. Вдобавок, рост промышленности начал втягивать в производство новые слои необученных или разучившихся (деквалифицированных) за время разрухи рабочих. Низкая дисциплинированность этих слоев рабочих в соединении с усилившимся пьянством увеличила количество прогулов и понизила интенсивность труда.

Поэтому 1925/26 г. не дал того прироста производительности труда, которое было предположено по планам. Если по промышленности, планируемой ВСНХ, производительность труда в 1923/24 г. дала прирост в 17%, в 1924/25 г. в 39,1%, то в 1925/26 г. прирост производительности составил всего 11,8%, в то время как контрольные цифры намечали этот прирост в 15%. Заработная плата в 1925/26 г. росла быстрее производительности труда — она дала прибавку в 25,1% по номиналу (т.-е. по сумме червонных рублей) и в 14,7% в переводе на реальные рубли (т.-е. с учетом движения товарных цен). В абсолютных числах средняя месячная зарплата рабочего в 1925/26 г. равнялась 52 червонным руб. 19 коп., или 27 руб. 67 коп. в довоенных («условных московских») рублях. Это составляет около 90% довоенного уровня зарплаты. На 1926/27 г. производственно-финансовый план ВСНХ намечает по заработной плате достижение и даже превышение довоенного уровня: средний ее прирост составит 9,9%, при чем около 6% из этой прибавки падает на рост зарплаты, связанной с повышением производительности труда, а 4% приходится на долю механического повышения ставок при перезаключении колдоговоров. При этом последнее повышение охватывает, главным образом, наиболее отсталые и низкооплачиваемые слои рабочих и должно несколько уменьшить резкость различия между оплатой высококвалифицированных и необученных рабочих. Учитывая то, что в истекшем году имело место отставание производительности труда от зарплаты, ВСНХ намечает на 1926/27 г. прирост производительности труда, несколько превосходящий по своим размерам повышение зарплаты. Если, как мы сказали, средний прирост зарплаты составляет 9,9%, то повышение производительности намечено на 12,6%. Необходимость борьбы за достижение такого повышения диктуется всей хозяйственной обстановкой — неликвидированным товарным голодом, высокими ценами, ослаблением работы по повышению производительности труда в прошлом году и т. д.

Пути увеличения производительности труда. Какими же путями добивается российский пролетариат увеличения производительности своего труда? Это увеличение до сих пор происходило и будет происходить в дальнейшем по двум основным линиям: во-первых, за счет роста интенсивности труда, во-вторых, путем повышения техники, улучшения организации процесса производства, лучшего обучения рабочих. Конечно, больше всего результатов можно добиться, идя по второму пути, — по пути улучшения техники и организации. Тут мы имеем возможность полного *переворота* в уровне производительности труда. Рост выработки путем интенсификации труда имеет гораздо более узкие рамки. На одном напряжении нервов и мускулов далеко пойти нельзя, и, конечно, если говорить о длительной, многолетней борьбе пролетариата Советского Союза за производительность труда, то в ней главное место занимают техническо-организационные меры. Интенсивность труда играет хотя и *важную*, но все же *второстепенную* роль. Ленин так определяет соотношение двух способов подъема производительности труда: «Конечно, *ударение* в работе по повышению продуктивности живого человеческого труда в условиях Советского государства мы должны делать на повышении квалификации труда и улучшении его качества путем применения добытых наукой и практикой приемов работ, *экономящих затрату человеческой энергии*. Но было бы *ошибкой принципиально отрицать возможность повышения интенсификации труда в тех областях промышленности, где современный уровень интенсификации отстает от соответствующего уровня в капиталистических странах.* Повышение интенсификации труда при условии диктатуры пролетариата не является эксплуатацией рабочего класса, а лишь усилиями самого рабочего класса в деле отстаивания завоеванных им у буржуазии экономических позиций».

Интенсивность труда. Если в *основном* «ударение» будет стоять на техническо-организационных мерах, то в *отдельные* периоды на *первое место* может выпячиваться и роль интенсивности. Как раз на первых шагах кампании повышения производительности труда увеличение интенсивности имело во всяком случае *не меньшее* (если не большее) значение по сравнению с мерами технического и организационного порядка. Такое особое значение интенсивности труда объяснялось прежде всего значительным падением производственной дисциплины, неполным использованием 8-часового рабочего дня, увеличением числа прогулов и т. д. Нужно было прежде всего ликвидировать эти ненормальные явления. На основе выросшей зарплаты необходимо было добиться полного использования рабочей силы. Насколько действительно важно было поднять интенсивность труда, видно из следующих данных. Весь наш нормальный рабочий год (т.-е. количество рабочих дней в году) равен 305,1 дня, из них неявок по различным причинам (включая отпуск и болезни) в 1920/21 г. на 1 рабочего было 77,4 дня; к 1923/24 г. эту цифру удалось снизить чуть ли не вдвое, до 42,1. В 1913 г. эта цифра составляла всего 12,6 дня. Возьмем цифры неуважительных неявок на работу,

т.-е. прогулов. В 1920/21 г. она равнялась 34,6 дням; в 1923/24 г. снизилась до 13,3 дней, в 1913 г. прогулов было несравненно меньше — всего 4,6 дня. В 1924/25 г. цифра неуважительных прогулов упала до 9,6 дней, но 1925/26 г. дал новое значительное повышение прогульности. Хромало — а частично и сейчас хромает — также использование рабочего времени на самом заводе. Очень значительная часть 8-часового рабочего дня пропадала даром, не использовалась, отчасти по вине рабочего, отчасти из-за плохой организации дела, частой порчи станков, несвоевременной подачи материалов и т. д. В металлической промышленности для 1924 г. в большинстве случаев только 60% рабочего дня уходило на фактическую работу; остальные 40% уходили на непроизводительную затрату времени, главным образом, на простои. По обследованию 1924 г. на текстильных фабриках процент полезной работы колебался в пределах 18—79%, в большинстве случаев не превышая 60%. В угольной промышленности (ряд шахт Донбасса) рабочий день забойщика использовался не больше, чем на 50 — 60%, при чем из этого времени только около половины приходилось на основную работу, а другая половина уходила на вспомогательную. Из этих данных видно, что повышение интенсивности труда путем уплотнения 8-часового рабочего дня имело огромное значение для борьбы за рост выработки и могло принести—и на деле принесло — значительные результаты. Особенно важно было использовать это средство подъема выработки еще потому, что оно не требовало затрат крупных капиталов и немедленно приносило благоприятные результаты. Между тем, повышение производительной силы труда, в особенности путем введения технических улучшений, требует немедленной затраты больших средств. Такие мероприятия нужно было предварительно подготовить, доведя нашу промышленность до безубыточного состояния, ликвидировав растрату рабочей силы и установив нормальное ее использование.

Конечно, и помимо интенсификации труда в промышленности имеется ряд достижений, повышающих выработку. Сюда относятся увеличение нагрузки предприятий, улучшение в снабжении рабочих сырьем, материалами, инструментами, улучшение отопления, освещения, ремонт заводских зданий и т. д.

Трудно сказать, какую именно роль в подъеме производительности труда играла интенсификация, какую — все эти объективные факторы. Несомненно одно: роль интенсивности была очень значительна, достижения в этой области играли одну из первых ролей. И по мере ликвидации недисциплинированности и расхлябанности соотношение ролей изменяется в ту сторону, что в центре встает проблема более высокого и сложного порядка: повышение производительности труда должно будет происходить, главным образом, за счет улучшения техники и организации производства. В дальнейшем, по мере приближения к довоенной интенсивности труда — а в ряде отраслей она уже достигнута, — все меньше и меньше можно будет ожидать резкого, немедленного повышения производительности труда за счет интенсификации труда. Ее дальнейшее повышение будет итти значительно медленнее.

Однако, и сейчас остается в полной мере огромное значение борьбы против прогулов, наносящих серьезнейший ущерб нашей промышленности.

Техника и организация производства. Что касается техники и организации производства, то здесь мы только начали работу, закончили только несколько предварительных шагов к простейшей рационализации производства. Дальнейший значительный подъем производительности труда уже невозможен без основательной технической и организационной перестройки всей промышленности. В связи с переходом от простой «борьбы с разрухой» к постепенному изменению всего строя, всего уклада промышленного производства, в центр внимания становится именно этот фактор производительности труда. Разрешение технических и организационных задач и будет тем созданием «новой, гораздо более высокой производительности труда», о котором писал Ленин.

Самыми главными вопросами борьбы на этом участке общего технико-экономического фронта являются: во-первых, повышение техники нашей промышленности, в особенности, ускоренная механизация производства; во-вторых, рационализация нашей промышленности, т.-е. организация всего производства с точки зрения наибольшей экономии, целесообразности и соответствия требованиям науки; в-третьих, научная организация труда, т.-е. наиболее рациональное, полное и экономное использование энергии рабочего. Что касается техники нашей промышленности, то ее повышение диктуется прежде всего чрезвычайно большой изношенностью и устарелостью оборудования наших предприятий. При расшатанных, поломанных и на скорую руку исправленных станках, в плохих, тесных, неприспособленных зданиях, при медленной, ручной подаче материалов нельзя добиться высокой производительности труда. Тут перед нами стоял или стоит ряд задач. Во-первых, нужно было проделать простое приведение в порядок станков, инструмента, транспортного оборудования; нужно было наладить его чистку, смазку, текущий ремонт, — словом, позаботиться о сохранении имеющегося оборудования в наилучшем состоянии. Только после этого производство смогло развиваться, так как поломка уменьшилась, число лишних задержек сократилось, работать стало легче и удобнее. Во-вторых, надо, конечно, не только привести в порядок и по возможности сохранить имеющееся у нас оборудование. Помимо этого, надо было ликвидировать те разрушения, которые война и революция принесли в промышленности; надо было восстановить имеющиеся заводы и их оборудование путем капитального ремонта. Это уже вещь более трудная, чем простое приведение в порядок и сохранение. Это требует затрат крупных капиталов, зато и дает большие возможности увеличить выработку. Но и этого мало. Необходимо, в-третьих, обновить оборудование наших предприятий, сменить устарелые машины новыми, более производительными. Надо дать заводам и фабрикам новые мощные и экономные источники энергии — в первую голову электрифицировать ряд производств. Надо создать ряд совершенно новых заводов и даже новых отраслей промышленности, целиком построенных по последнему слову техники. Только все это коренным образом изменит

производительность труда советских рабочих, так как даст их труду высшую техническую основу. Но для коренной переработки всей техники нашей промышленности необходимы прежде всего новые капиталы, на которые можно было бы осуществить все эти работы. Здесь, как и в вопросе о капитальном ремонте, проблема производительности труда упирается в необходимость добыть средства для возобновления и расширения основных капиталов нашей промышленности.

Отметим еще, что потребности технического развития нашей промышленности требуют немедленной механизации ряда процессов в важнейших отраслях производства. Переход к механическому транспорту сырья, полуфабрикатов и готовых продуктов внутри завода необходим почти во всей нашей промышленности. Он дает возможность сэкономить очень много рабочей силы, лучше использовать труд станковых рабочих и этим повысить выработку и удешевить товар. Огромная работа по механизации самого процесса производства предстоит в угольной промышленности (введение вместо ручного забоя врубовых машин), в текстильной, в типографской, переплетной и многих других отраслях.

Повышение техники наших предприятий связано с крупными изменениями и улучшениями в их организации. В первую голову все технические улучшения должны помогать переходу на массовое производство продуктов промышленности. Наладить массовое производство, организовать его наиболее дешевым, целесообразным и научным образом, — это и значит провести так называемую рационализацию производства.

Главным современным способом целесообразно организовать массовое производство является строгая специализация фабрик и заводов по выработке однородных и однотипных изделий. В самом деле, если даже данный завод оборудован новейшими машинами, если транспорт в нем механизирован, энергией служит электричество и т. д., но если ему приходится производить сотни разнообразных изделий (скажем, металлическому заводу — разнообразные продукты, начиная с паровозов и кончая гвоздями, сковородками, кроватями и т. д.) или сотни типов, размеров и номеров одного и того же продукта, то, несмотря на все его техническое совершенство, на нем невозможно наладить работу вполне целесообразно и достигнуть максимума производительности труда. Наибольшую производительность дает только тот завод, в котором само оборудование, состав рабочих, служащих, инженеров подобран с точки зрения приспособления всех элементов производства к наибольшему выпуску определенного типа и сорта продукции. При такой специализации легче устранить все лишние затраты труда, сырья, топлива, легче найти наиболее целесообразные, быстрые и дешевые способы производства. Для проведения такой полнейшей специализации заводов необходимо устранить излишнее разнообразие типов продукта и свести их число до наименьшего количества. Заводы должны точно определить, сколько типов данного продукта действительно нужно для удовлетворения потребности рынка, и после этого никаких других типов не должно производиться. Подсчитано, например, что на рынок выпускается 150 000 сортов перочинных ножей; между тем, для удовлетворения разнообразных вкусов хватило бы и 1000 сортов. Наша резиновая промышленность производила до 189 типов автомобильных шин. Между

тем, заграничные фирмы имеют не больше 20—30 типов. В бумажной промышленности насчитывалось до 200 форматов бумаги; теперь число форматов сведено до 8. В Америке такая **типизация** промышленных продуктов получила наибольшее распространение; там в ряде отраслей промышленности установлено определенное число типов продуктов, и каждый завод сосредоточивает свое производство часто только на одном единственном типе. Так, каждая текстильная фабрика вырабатывает только один вид ткани или один номер пряжи; знаменитый автомобильный фабрикант Форд развернул свое производство именно путем массового выпуска только одного единственного типа автомобиля. Устранение бесконечного числа типов одного и того же продукта дает возможность установить совершенную однородность отдельных экземпляров и отдельных частей. Все заводы условливаются производить товар данного типа по определенному общему **стандарту**, т.-е. по одной и той же форме, одного и того же размера, из одних и тех же составных частей. При этом каждая часть данного продукта,— скажем, каждый винтик, гайка, шестерня и т. д. машины данного типа,— должны быть сделаны совершенно одинаково у всех экземпляров. Нужно, чтобы часть одной машины могла заменить соответственную часть другой; эта заменимость частей очень важна при поломках, при ремонте и т. д.

Увеличение производительности труда от типизации и стандартизации огромно: рабочие привыкают к определенной простой работе, затраты на обучение удается свести до минимума, устраняется трата времени и средств на переход от одной работы к другой; сырье расходуется наиболее экономно и т. д. Весь строй предприятия, весь «отработочный поток», т.-е. ход производства, начиная с получения сырья и кончая выпуском готового продукта, организуется по определенному однообразному, точному плану, приспособленному к данному виду производства. Этим достигается полная рациональность и экономия.

В советской промышленности проведение стандартизации облегчается тем, что вся крупная промышленность является собственностью государства и регулируется из одного центра. При таких условиях легче устранить разнобой в типах продуктов, легче выработать и ввести во всех промышленных отраслях стандартное производство. Эту работу проводит специальная комиссия по стандартизации при ВСНХ СССР под общим руководством НК РКИ.

Специализация заводов и стандартизация изделий является основой для правильной организации фабрично-заводского производства и в первую голову — для **научной организации труда**. Задача НОТ'а — организовать наиболее полное и целесообразное использование рабочей силы. НОТ достигает этого путем внимательного изучения всех **условий** затраты рабочей энергии и всего **хода** трудового процесса. Для этого НОТ применяет, во-первых, так называемый хронометраж, т.-е. точный подсчет времени, потребного (при данных технических условиях) для производства единицы продукта; во-вторых, изучение движений, при помощи которых рабочий проделывает данную операцию; в-третьих, организацию перехода материала, полуфабриката и готового продукта из склада в цех, из одного цеха в другой, со станка на станок и т. д.; в-четвертых, подбор работников в соответ-

ствии с их способностями для той или другой профессии. Помимо этого, НОТ работает над целым рядом других сторон производственной деятельности. Часть нотовских мероприятий увеличивает затрату рабочим его энергии; но другая часть сосредоточивает эту энергию на самом необходимом, налаживает процесс труда так, что каждая частица энергии расходуется именно там, где надо, именно наиболее целесообразным и экономным способом. В капиталистических условиях НОТ как раз и сводится к тому, чтобы найти такую организацию всего производства, при которой рабочий был бы вынужден как можно больше напрягаться. Конечно, частично и в нашей промышленности НОТ должен выяснять возможности увеличить интенсивность труда и провести это увеличение в жизнь. Но центральная задача НОТ'а в советской промышленности — в целесообразном и экономном использовании каждой частицы рабочей силы. Прежде всего, надо, чтобы рабочая сила тратилась п о л е з н о, чтобы часть рабочей силы не затрачивалась впустую: на беспорядочные поиски мастера, на беготню за материалом, на розыски инструмента, на установку и перестановку материала и т. п. НОТ должен всю ту энергию, которую непроизводительно тратят даже самые квалифицированные рабочие, превратить в работу у станка. Далее, НОТ должен в самой работе на станке устранить всякие лишние движения, помочь рабочему проделать работу наименьшим числом движений. Не менее важная работа НОТ'а, это — расстановка машин в цеху, р а с п л а н и р о в к а всего оборудования, расположение цехов и отделов по территории завода и т. д. Это имеет иногда прямо решающее значение для развертывания производства, для борьбы с излишней тратой сил и для достижения н е п р е р ы в н о г о х о д а производства.

Никакой серьезной борьбы за заполнение 8-часового рабочего дня нельзя вести без учета времени, уходящего у рабочих на различную работу. Подсчет этого времени служит также основой установления н о р м в ы р а б о т к и, т.-е. определения количества штук продукта, которое рабочий должен выработать за 8-часовой рабочий день и за которое он получает свою ставку. Улучшенная постановка этого учета и нормирования тоже входит в задачи НОТ'а.

Как видно, работа НОТ'а имеет очень важную область, и ее успехи могут дать серьезный результат для поднятия производительности труда. Особенная важность НОТ'а в советской промышленности усугубляется тем, что у нас живой труд пока-что играет гораздо большую роль, чем в Западной Европе. Поэтому научная организация этого труда может дать еще больше, чем за границей.

Связь производительности труда и жизненного уровня рабочих. Охрана труда в СССР.

Вопрос о лучшем использовании рабочей силы нельзя отделить от того положения, в котором находится рабочий класс. Огромное влияние на интенсивность труда имеют условия, в которых приходится трудиться и жить рабочему. Всякое улучшение этих условий всегда поднимает работоспособность трудящихся и повышает производительность труда. Поэтому борьба Советской власти за возможно больший подъем уровня жизни рабочих создает основу новой, высшей производительности труда.

Ни в одной капиталистической стране интересы рабочего не имеют такой полной законодательной охраны, как в СССР. Советский Кодекс законов о труде устанавливает для всех обязательные правила, обеспечивающие рабочему основные условия нормальной, не чрезмерной работы: 8-часовой рабочий день для взрослых (6 часов для подземных и вредных работ), 6-часовой — для подростков, еженедельный 42-часовой отдых, двухнедельные отпуска (в то время как в Германии, Чехо-Словакии и других странах до сих пор рабочие не добились сколько-нибудь удовлетворительного разрешения этого вопроса), установленный государством минимум зарплаты и многое другое, — все эти статьи нашего законодательства хорошо известны каждому советскому рабочему. Трудовое законодательство поддерживает профсоюзы в качестве полноправных представителей работников наемного труда в вопросах их экономического положения. Дальнейшим развитием и конкретным применением общих положений трудового законодательства являются коллективные договоры, заключаемые профсоюзами с нанимателями. При этом все законодательные установления должны соблюдаться колдоговорами, как минимальный предел. Нарушение колдоговоров со стороны нанимателей преследуется в уголовном порядке.

Большая работа ведется по охране труда, по борьбе с несчастными случаями, по установлению санитарных условий работы, по выдаче спецодежды, специального питания и т. д.

Наконец, обязательное социальное страхование за счет нанимателя обеспечивает рабочего на случай болезни или еще какого-либо тяжелого положения достаточным пособием. Этим поддерживается «ремонт» рабочей силы, облегчается ее восстановление.

Все эти мероприятия должны не только улучшить положение рабочих; одновременно они должны повысить качество рабочей силы, уменьшить уставаемость рабочего, сделать его работу более внимательной и напряженной. Так, 8-часовой рабочий день вовсе не должен дать всего $^{8}/_{10}$ выработки старого (в большинстве случаев 10-часового) рабочего дня. Имея больше отдыха, рабочий сможет поднять часовую выработку выше прежнего, и результат трудового дня не должен отставать от прежнего уровня. Как правило, введение 8-часового рабочего дня за границей не понижало, а часто даже повышало дневную выработку. Более длинный воскресный отдых и двухнедельный отпуск, восстанавливая рабочую силу, не допуская ее изнашивания, тоже должны привести к росту результатов труда. Наконец, предупреждение несчастных случаев, хорошая вентиляция, нормальная температура, удовлетворительное освещение помещения, где происходит работа, и т. п., — все это значительно повышает производительность труда. Как видно, все меры охраны труда могут и должны приводить к росту выработки. Если этого нет, то они, во-первых, теряют половину своей ценности, а во-вторых, становятся непрочными, так как они не получают оправдания с точки зрения развития производства. Поэтому важнейшей задачей здесь должно быть соединение всех этих мер с подъемом производительности труда.

Такое же значение должен иметь и рост заработной платы. От ее уровня зависит: что рабочий ест, где он живет, во что одевается и т. д.

Поэтому размер и способ оплаты рабочих имеет огромное влияние на напряженность, внимательность, даже умелость их труда. Чем лучше питается рабочий, тем больше энергии он может затрачивать; в этом отношении рабочий похож на машину: «чтобы работать,.. человек нуждается в источнике энергии. Таким источником энергии для человека является питание, которое играет для человека ту же роль, что топка для котла». [1]

Чем труднее или сложнее работы, тем лучше должен питаться ее исполнитель. «Квалифицированный рабочий должен потреблять пищу более высокого органического состава, получать больше белков, жить в более гигиенических и просторных квартирах, иметь больший отдых и умственную пищу». [2]

Зависимость между питанием и работоспособностью резко выявилась в годы революции: мы выше видели, что только с повышением зарплаты стала возможной борьба за производительность труда. Мы имели такое движение питания и выработки рабочего:

	Суточная энергия питания	Суточная работоспособность
1913/14	100	100
1920/21	65	30
1921/22	69	37
1922/23	78	55

Такое же значение для производительности труда имеют жилищные условия рабочих. Чрезвычайная жилищная теснота, имеющая место почти во всех промышленных районах СССР, самым серьезным образом затрудняет повышение производительности труда. Рабочие не имеют возможности нормально отдохнуть после работы, часто им приходится терять массу сил на ходьбу или езду до своей квартиры. А заводы не могут набирать необходимый им кадр рабочих, так как их некуда поселить. Поэтому разрешение жилищного кризиса надо считать одной из важнейших предпосылок поднятия производительности труда.

Таким образом, вся борьба за улучшение положения рабочих неразрывно связана с борьбой за повышение производительности труда. Каждый новый шаг, улучшающий условия труда и жизни советского рабочего, должен служить основой для подъема производительности труда на высшую ступень. И обратно, рост производительности труда должен являться двигателем для повышения жизненного уровня.

Конечно, вовсе не всегда обязательно, чтобы сначала произошло повышение производительности труда, а за ним уже следовало бы улучшение положения рабочих — хотя бы рост заработной платы. В годы революции у нас иногда был обратный порядок; сначала росла зарплата, а потом к ней подтягивалась производительность труда. Мы сначала провели 8-часовой рабочий день, и только теперь стремимся обогнать довоенный уровень производительности труда. Возможно, что

---

[1] Рабинович. «К проблеме производительности труда», стр. 171.
[2] Гинзбург. «О производительности труда», стр. 11—12.

и в будущем зарплата временами может забегать вперед, и производительность труда будет потом ее догонять. Вероятно, будут и обратные периоды: рост производительности труда будет временно итти впереди повышения зарплаты. Наиболее желательным является возможно более тесная, непосредственная связь в движении и того и другого. Наибольшая равномерность в повышении производительности труда и заработной платы имеет то преимущество, что она с полной ясностью показывает заинтересованность трудящихся в подъеме производительности труда.

При капитализме для рабочего главным способом борьбы за увеличение зарплаты является борьба за большую долю в продукте его труда. Рост производительности труда сам по себе еще вовсе не улучшал положения рабочих; для такого улучшения надо было еще выдержать борьбу с буржуазией за раздел продукта труда. Иначе она всю прибавку забирала себе, и рабочий оставался ни при чем. В советской госпромышленности дело обстоит не так. Поскольку весь продукт поступает в распоряжение рабочего класса, постольку единственным способом борьбы за улучшение его положения внутри советской промышленности является подъем производительности труда. Подъем производительности труда, улучшение положения рабочих становятся двумя сторонами одной и той же медали.

Основные черты оплаты труда в советской промышленности.

Деление вновь созданного продукта в советской промышленности происходит не между буржуазией и пролетариатом, а между годовым потреблением рабочего класса (главным образом, заработной платы) и новым вложением в промышленность — вложением, которое необходимо для расширения производства и улучшения положения рабочих в следующие годы. Помимо этих двух главных долей, часть продукта труда уходит на содержание государственного аппарата и т. п. цели.

Сам пролетариат в лице своего государства, профсоюзов, партии намечает обе эти главные части продукта; при этом он руководится прежде всего двумя вещами: во-первых, необходимостью восстановить затраченную трудящимися рабочую силу, «воспроизвести» самого себя; во-вторых, необходимостью обеспечить определенный рост промышленности, выполнить основные требования всего народного хозяйства и сделать очередной шаг на пути к достижению уровня передовых промышленных стран.

Связь между размером зарплаты и производительностью труда должна быть понятна каждому советскому рабочему. Система (способ) оплаты труда должна строиться на принципе: за большую выработку — большая плата. Именно так и построена сдельная зарплата, очень широко применяемая в советской промышленности.

Как известно, сдельная система состоит в оплате работы не по часам, а поштучно. При этом оплата труда прямо пропорциональна фактической выработке. Главное преимущество этой системы состоит в том, что сам рабочий заинтересован в повышении своей производительности. Стремление к большему заработку побуждает рабочего прилагать все силы к тому, чтобы выработать побольше продуктов. Капи-

талисты часто используют эту систему для того, чтобы гнать вверх интенсивность труда, вытягивать из рабочего все силы. При этом они после повышения интенсивности труда снижают поштучную оплату и этим снова понуждают рабочих напрягать свои силы. В результате, рабочий перенапрягается, и наступает истощение его организма. В условиях советской промышленности мы имеем достаточно средств, чтобы не допускать такой чрезмерной интенсивности труда. На страже здоровья рабочего стоят закон, профсоюз, коллективный договор. Поэтому Советская власть держит курс на применение сдельщины повсюду, где это возможно по условиям производства. Уже в сентябре 1924 г. 51,4% рабочих нашей промышленности оплачивались сдельно. В настоящее время на сдельной оплате состоит около 60% всей рабочей силы, занятой в советской промышленности.[1] Наибольшее распространение сдельщина имеет в металлообработке, в текстильной промышленности, в кожевенном производстве и в других отраслях. Трудно применить сдельщину на транспорте, в торговом, в канцелярском труде. В некоторых отраслях промышленности тоже преобладает повременная оплата (полиграфическая промышленность для 1924 г.: 10,6% сдельной оплаты и 89,4% повременной; деревообделочная промышленность: 57,6% повременной и 42,4% сдельной; писчебумажная — 81,7% повременной и 18,3 сдельной и проч.).

Оплата труда должна соответствовать квалификации работника. В годы военного коммунизма у нас господствовала голодная уравнительщина — разница между оплатой труда квалифицированных и неквалифицированных рабочих была не велика, так как все получали едва столько, чтобы спастись от голодной смерти. Для периода строительства социалистического хозяйства такая уравнительщина не пригодна. Она в корне противоречит одному из основных принципов нэпа — использованию личного интереса и рыночных способов работы. Квалифицированная рабочая сила более дорогой товар, чем необученная или малообученная рабочая сила; поэтому и оплата ее должна быть выше. Иначе произойдет то же самое, что произошло бы при оплате хороших сапог одной ценой с дешевыми ботинками: производство плохо оплачиваемого товара прекратится. Между тем, для подъема производительности труда нам непременно нужно не сокращение, а расширение производства высококвалифицированной рабочей силы.

В соответствии с этим Советская власть стремится установить наибольшее соответствие оплаты труда и квалификации. Для этого все рабочие и служащие в каждой отрасли промышленности разделяются по разрядам и получают основной заработок в виде соответственной тарифной ставки. Правда, до сих пор оплата рабочей силы одной и той же квалифицированности часто колеблется по различным отраслям производства и даже по отдельным предприятиям одной отрасли. Так, например, в марте 1924 г. средний заработок слесарей по различным отраслям расходился на 51—52%. Эта разница обычно объясняется финансовым состоянием данной отрасли, разнобоем в распределении по разрядам и другими причинами.

---

[1] Гинзбург. «Экономия промышленности», ч. II, стр. 219.

Задачу в этой области наметил еще XII съезд партии: необходимо, «чтобы рабочие однородной или равноценной квалификации оплачивались приблизительно одинаково в разных отраслях промышленности, по возможности независимо от частных колебаний рынка».

Там, где проведена сдельная система, оплата рабочих производится следующим образом. Прежде всего для каждой работы устанавливается норма выработки, т.-е. количество времени, необходимое для производства данного продукта, и число предметов, которое должен сделать рабочий за 8 часов. Это самая важная и самая трудная часть установления сдельной системы. Норма выработки определяется прежде всего хронометражем каждой работы. Дополнительными способами служат теоретические расчеты и опытные фактические данные о размерах выработки. Конечно, определение нормы должно производиться очень тщательно. Необходимо выбрать подходящего рабочего, нужно учесть качество сырья, состояние станка и все другие важные и второстепенные условия работы. Задача нормирования— обследовать весь рабочий процесс, выявить неизбежные простои, непроизводительную трату времени и на основании всего этого установить наибольшую возможную норму выработки. Эта норма должна быть взята в основу определения сдельных расценок; эти последние «должны определяться путем деления установленной тарифной ставки на определенную максимальную норму. В сдельные расценки должна включаться оплата неизбежного по характеру производства брака и простоя». [1]

Установленные таким образом расценки служат основой оплаты рабочего. Обычно эти расценки закрепляются на определенный срок— чаще всего на срок действия колдоговора. Рабочий получает столько, сколько он выработает: за выполненную норму он заработает свою тарифную ставку, если же он выработает сверх нормы, то он будет иметь приработок. Например, если норма будет превышена на 50%, то рабочий получит приработок в половину тарифной ставки. Размер приработка сейчас обычно не ограничивается, так что рабочий в полной мере заинтересован в том, чтобы повышать производительность труда. Норма и расценка могут быть повышены только в случае, если они были установлены чересчур низко, или если введено какое-либо техническое или организационное улучшение. Но и в этом случае изменение нормы допускается только по истечении срока действия колдоговора, утвердившего данные нормы.

Нормирование работы является пока что единственно возможной более или менее научной основой для определения зарплаты. Постановка нормировочной работы на заводах должна быть одной из центральных задач политики зарплаты и научной организации труда.

Применение сдельной системы и правильное нормирование труда послужили одними из самых важных факторов подъема выработки и роста зарплаты. Сдельщина дала известную меру для того, чтобы оплату каждого работника связать с результатом именно его собственного труда. Нормирование уплотнило рабочий день, так как побу-

---

[1] Рабинович. «Проблема производительности труда», стр. 198.

ждало рабочих в их собственных интересах увеличивать выработку и полностью использовать рабочее время. Вместе с этим, нормирование, вводя оплату «простоев не по вине рабочего», толкало администрацию на устранение всех минусов организации производства, мешавших рабочему целесообразно использовать рабочий день.

Вовлечение рабочей массы в борьбу за производительность труда.

Личная заинтересованность рабочего в повышении своей производительности достигается системой зарплаты. Но в советской промышленности участие рабочего в борьбе за повышение производительности труда построено не только на его личной заинтересованности в хорошей получке. Пролетариат нашел также новые, невиданные при капитализме способы подъема производительности труда. Речь идет о том широком вовлечении рабочей массы в борьбу за улучшение техники и организации наших заводов, которая является одной из главных задач советских профсоюзов.

Каждый рядовой рабочий должен весь свой повседневный трудовой опыт использовать для участия в борьбе за подъем производства. Легко понять огромное значение того, что тысячи рабочих на основании своих наблюдений, своего знания производства сознательно примут участие в обсуждении программы предприятия, в борьбе с накладными расходами, в повышении трудовой дисциплины и т. д. Масса недостатков, которые сама администрация не может увидеть и исправить, будут легко устранены при совместных усилиях рабочей массы и администрации завода. Рабочие на деле почувствуют, что они — участники социалистического строительства. В них будет вырабатываться новое отношение ко всему заводскому производству: заботливый подход хозяина, стремящегося экономить каждую советскую копейку. С другой стороны, такое участие рабочих создаст массовый контроль, строгую массовую проверку работы администрации. Этот формально обязательный контроль будет во многих случаях гораздо действительнее контроля всевозможных комиссий, ревизоров и инспекторов.

Основной формой такого участия рабочей массы в подъеме производства являются производственные совещания, широко распространившиеся начиная с 1923—1924 гг. Производственные совещания обсуждали все важнейшие хозяйственные вопросы наших заводов, заслушивали и обсуждали доклады директоров, заведующих цехов, заводских нормировочных бюро и т. д. Все это они делали не как какое-то обязательное второе управление заводом. Непосредственное вмешательство производственных совещаний в административно-управленческую работу недопустимо, так как оно нарушает всю нормальную заводскую организацию. Но и без обязательности, просто авторитетом рабочей массы производственные совещания добивались обычно внимательного отношения администрации и достаточного влияния на ее работу. Трудно учесть ту огромную пользу, которую принесли производственные совещания нашей промышленности. Приведем только в виде примера данные о результатах работы производственных совещаний в Ленинграде. С 1924 г. по февраль 1925 г. по 9 важнейшим профсоюзам производственные совещания передали администрации

всего 6156 различных предложений. Из них за это время только 7% (432 предложения) были отклонены или не рассмотрены администрацией; 60% (3685) были за этот период проведены в жизнь и 33% (2039) находились в стадии проведения. Если много в числе этих предложений попадалось сравнительно мелочных исправлений, то, с другой стороны, встречались и очень серьезные, деловые предложения, экономившие крупные средства.

Согласно постановлению XV партконференции, сейчас проводится опыт введения временных контрольных комиссий, обследующих тот или другой вопрос по поручению производственных совещаний. Мы о них уже упомянули, говоря об организации советской промышленности.

Сознательное участие рабочей массы в повышении производительности труда имеет огромное принципиальное значение. Ленин писал, что «коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольно объединенных, использующих передовую технику рабочих». Производственные совещания и есть один из ростков «нового хозяйственного строительства, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных рабочих, творящих крупное социалистическое производство». Применение подобных средств подъема производительности труда немыслимо в условиях, когда промышленность является полем капиталистической эксплуатации. Поэтому здесь имеется одно из серьезных преимуществ советской промышленности над капитализмом.

Воспроизводство квалифицированной рабочей силы.

Расширение промышленности требует все новых и новых кадров рабочих и ставит на очередь проблему воспроизводства квалифицированной рабочей силы. За 4—5 лет нэпа число рабочих крупной промышленности выросло с 1228 тыс. в 1921 г. до 2220 тыс. на первое октября 1925 г. За 1925/26 г. число рабочих в крупной промышленности, планируемой ВСНХ, возросло еще на 387 тыс. человек; на 1926/27 г. ВСНХ намечает прирост на 135,5 тыс. человек. Этот огромный прирост числа рабочих с избытком покрывается двумя путями: во-первых, возвращением назад из армии в деревню старых промышленных кадров; во-вторых, подрастанием нового поколения рабочих и приливом из деревни рабочего сырья, никогда раньше на заводе не работавшего. В результате не только нет недостатка в рабочей силе, но в городах даже создалась значительная армия безработных. В январе 1924 г. она составляла 1240 тыс., а в сентябре 1925 г.— 1000 тыс. человек, к началу 1927 г. она вновь выросла до 1,2 милл. чел. [1] Поэтому об общем недостатке в рабочей силе не может быть и речи. Наоборот, наше хозяйство еще не может полностью втянуть в производство все свободные рабочие руки. Проблема безработицы стоит в наших условиях очень остро. Деревня, благодаря отсталому, не требующему больших затрат рабочей силы способу ведения хозяйства, не может дать работу всей массе ежегодно увеличивающегося трудо-

[1] Считая только зарегистрированных биржами безработных.

способного населения. В поисках заработка излишние рабочие руки идут в города, частью находят там работу, частью остаются без нее, но все же в городах задерживаются. Промышленность не может поглощать всех «выделяемых» деревней, ищущих работу людей, ибо их масса, по некоторым исчислениям, доходит чуть ли не до 2 милл. ежегодно. Разрешение этой проблемы нельзя найти в пределах одной промышленности. Это разрешение по сути дела совпадает не с чем иным, как с реконструкцией всего нашего народного хозяйства. Конкретно говоря, интенсификация сельского хозяйства (о ней мы будем говорить в следующей главе), развитие кустарной промышленности, увеличение роли крупной промышленности в народном хозяйстве, — вот каковы способы разрешения этой большой проблемы нашей действительности.

Своеобразный, в значительной степени «аграрный» характер нашей безработицы иллюстрируется хотя бы тем, что уже сейчас мы имеем некоторую нехватку ряда профессий квалифицированных рабочих. Между тем, из миллиона безработных всего около 25% приходится на долю квалифицированных индустриальных рабочих. Остальные безработные относятся или к лицам конторского и интеллигентного труда, или к чернорабочим. Да и среди тех безработных, которые числятся по группе квалифицированных, очень значительная часть падает на «малоквалифицированных» или «мнимоквалифицированных». Поэтому, когда в 1925/26 г. промышленность делает очередной шаг вперед и предъявляет спрос на сотни тысяч новых рабочих, в армии безработных ей удается найти только около 40% всего потребного числа квалифицированных рабочих. Одно это уже показывает необходимость широкой подготовки новых кадров квалифицированных рабочих. О том же очень определенно говорит факт замедления роста производительности труда: одной из его причин было вовлечение в производство малоподготовленных рабочих, ухудшение состава рабочей силы по квалификации. Первым источником воспроизводства квалифицированной рабочей силы является обучение нового поколения рабочих. Для того, чтобы из подростков подготавливать новых квалифицированных работников, Советская власть проводит ряд мероприятий: во-первых, бронируется определенный твердый процент подростков, который должны иметь в своем составе все промышленные предприятия. Во-вторых, развертывается сеть школ фабрично-заводского ученичества; эти школы являются главной формой рабочего образования. Они должны готовить высококвалифицированных рабочих важнейших промышленных профессий. В-третьих, на ряду со школами развертывается бригадное и индивидуальное обучение подростков непосредственно в самом производстве. Правда, этот вид обучения не способен сам по себе подготовить высококвалифицированных рабочих; но зато он гораздо дешевле школ фабзавуча и поэтому может охватить очень широкие массы молодежи и дать промышленности десятки и сотни тысяч рабочих средней квалификации.

Рядом с профессионально-техническим обучением подростков стоит повышение квалификации взрослых рабочих. Это повышение по отношению к занятым рабочим достигается передвижением «на более

сложные работы рабочих низкой квалификации».[1] Иногда такую передвижку можно сделать без специального предварительного обучения, иногда требуется пропустить передвигаемых рабочих через краткосрочные курсы. Подобные же курсы обучения и переобучения должны охватить также часть безработных. В 1925/26 г. такие курсы для безработных были организованы в довольно широком масштабе.

Таковы те основные пути, при помощи которых советская промышленность воспроизводит необходимую ей квалифицированную рабочую силу.

§ 9. ПРОБЛЕМА ПРОМЫШЛЕННЫХ КАПИТАЛОВ.

Деление промышленных капиталов на основную и оборотную части.

В каждом предприятии одна часть капиталов вложена в такие средства производства, которые обслуживают большое число производственных актов. Сюда относятся машины, инструменты, заводские строения, транспортное оборудование и т. д. Все эти средства производства участвуют в выработке многих сотен и тысяч штук продукта, не теряя своих основных качеств, не уничтожаясь, сохраняясь в основных чертах на долгие годы. Эта часть капитала изнашивается постепенно и возвращается в виде денег владельцу предприятия тоже постепенно, путем так называемых амортизационных отчислений: в цену каждой штуки продукта включается надбавка, равная стоимости износившегося при его производстве оборудования. Поэтому сумму денег, равную ценности основного капитала, хозяин завода собирает постепенно, после продажи ряда партий своего товара. Возобновление этой части средств производства происходит не ежемесячно, а раз в несколько лет, сразу на большой период. Эта часть капитала называется *основным капиталом*. Наш закон о трестах устанавливает, что «под основным капиталом понимается все имущество, которое не уничтожается целиком в одном акте производства, как-то: фабричные и другие строения, машины, оборудование, инструменты, живой и мертвый инвентарь». Другая часть капитала, оборачивающаяся несколько раз в год, вложена в сырье, в фонд зарплаты, в топливо и т. д. Она целиком уничтожается в каждом акте производства и каждый раз должна полностью возобновляться. Эта часть капитала называется *оборотным капиталом*. «Под оборотным капиталом понимаются деньги, ценные бумаги, продукция, а равно все предметы, которые могут быть только однажды использованы в процессе производства, как-то: топливо, сырье, разные металлы и пр.» (там же).

Конечно, обе части капитала — основная и оборотная — необходимы для правильной работы каждаго предприятия. Какая доля вкладывается в одну часть, какая в другую, — зависит от того, что собою представляет данное предприятие. Большой металлургический завод требует огромных основных капиталов и *сравнительно с ними* — небольших оборотных средств. А, скажем, маслобойный, картофельно-

[1] Сборник «Вопросы труда», стр. 77.

терочный или паточный заводы требуют небольшого основного капитала и сравнительно с ним — значительных средств для закупки сырья, топлива и оплаты рабочей силы.

Обычно все промышленные предприятия ведут дело не только на собственный капитал, но используют также и чужие средства — путем займов на короткие или долгие сроки. Если капиталы получены взаймы на короткие сроки (12 месяцев), то они обычно употребляются для усиления оборотных средств предприятия. Если же заводу удалось получить долгосрочный кредит на несколько лет, то он может затратить эти чужие средства и на основной капитал.

Для развития промышленности необходим прилив новых капиталов. В самом деле, если из года в год капитал только возобновляется все время в одних и тех размерах, то расширению производства поставлены очень узкие границы. Скорее всего оно будет топтаться на одном месте. Размеры и число заводов, количество рабочих, выпуск продукции будут увеличиваться только тогда, когда вместе с восстановлением старых капиталов в промышленность вливаются новые средства. Если же, наоборот, капиталы в промышленности будут таять и уменьшаться, то и производство неизбежно начнет сжиматься.

Капиталы нашей промышленности.

Как же обстоит дело с капиталами в нашей промышленности? До войны в нашу промышленность было вложено на $3^1/_2$ млд. руб. основного капитала;[1] за 1913 — 1917 гг. в некоторых отраслях происходило усиленное проедание и уничтожение основных капиталов. Зато в другие отрасли были вложены крупные новые средства. В итоге, основные капиталы все-таки выросли, и пролетарская власть в Октябре получила промышленность с основным капиталом в 3,7 млд. руб. С 1917 до 1921 — 1923 гг., благодаря военно-революционной обстановке, происходила растрата основных капиталов. Примерно, до 30% основного капитала было разрушено, до конца использовано и пришло в негодность от бездействия. Еще более пострадали оборотные капиталы промышленности. А одна часть их, которая состояла из ценных бумаг, денежной наличности, попросту была начисто уничтожена революцией, падением рубля и ликвидацией старой кредитной системы. Другая часть — запасы топлива, товаров, материалов и т. п. — за годы военного коммунизма тоже большей частью была уничтожена и съедена. Наконец, снабжение промышленности чужими оборотными капиталами совершенно сошло на нет, вместе с разрушением старой кредитной системы. Поэтому оборотные капиталы были уничтожены гораздо сильнее, чем основные. Если до войны оборотные капиталы составляли в среднем $^3/_4$ суммы основных, то в 1923 г. оборотные средства наших трестов составляли не более половины основных капиталов.

Но это было еще полбеды. Дело в том, что самый состав оборотных капиталов, полученных трестами, был чрезвычайно малоподвижен, «неликвиден»: оборотные средства капитала состояли из таких товаров, которые продать было невозможно, а самим владельцам — трестам — они были не нужны. Это обостряло недостаток оборотных средств.

---

[1] В переводе по среднему оптовому индексу Госплана за 1924—1925 гг. (1,8).

Поэтому на первых шагах нэпа наша промышленность сразу же попала в жестокий кризис оборотных капиталов, чрезвычайно затруднявший всю ее работу.

Только после нескольких лет положение с оборотными капиталами значительно улучшилось. Прежде всего промышленность своими собственными силами добилась известного прироста своих оборотных средств и значительно улучшила их использование. Начиная с 1923/24 г. промышленность перестает давать убыток и по большинству отраслей кончает год с прибылью. С другой стороны, рынок промышленности расширился, товары стали легко продаваться, оборот ускорился, и поэтому с этой стороны промышленность смогла лучше использовать свои оборотные капиталы. Так, в 1922/23 г. капитал в текстильных трестах оборачивался в среднем 1,53 раза, а в 1923/24 г. уже 1,85 раза. Это ускорение оборотов дало возможность съэкономить 75 милл. руб. капитала и расширить производство на 113 милл. руб. Наконец, тресты распродали известную часть своих «неликвидных фондов».

Финансирование и кредитование промышленности.

Увеличение капиталов в промышленности шло не только путем использования внутренних возможностей: на ряду с этим в промышленность приливали средства из государственного бюджета и из банков. Правда, частично этот приток средств просто возвращал промышленности то, что было взято у нее через отчисление прибылей, через налоги или через вклады промышленностью своих свободных средств в банки. Но такой обратный приток составлял только часть средств, притекающих в промышленность из бюджета и в особенности из банков. Поэтому капиталы промышленности усиливались и возрастали за счет прибавки средств «со стороны». Государство частично шло на покрытие убытков, имевшихся в некоторых отраслях промышленности, частично же помогало промышленности расширять свои основные и оборотные капиталы. По мере того как все новые и новые отрасли промышленности начали работать с прибылью, все большая часть государственных дотаций шла на увеличение капиталов.

На первых шагах нэпа приток средств из бюджета был главным источником пополнения промышленных капиталов; банки были еще так слабы, что не могли предоставлять значительного кредита. Так, в 1922/23 г. промышленность получила из госбюджета 112% суммы банковских кредитов. В 1923/24 г. бюджетное финансирование составило уже только около 50% от банковского кредитования; наконец, в 1924/25 г. бюджетное финансирование составило не более 20 — 25% от банковых кредитов. Как видно, первую роль стало играть кредитование промышленности банками.

Наша промышленность кредитуется, главным образом, в Госбанке и в Промбанке (Торгово-Промышленном банке). При этом Промбанк специально обслуживает промышленность и ее торговую деятельность; поэтому он развивает кредитование промышленности энергичнее остальных банковских учреждений, и его роль за последние годы увеличивается. Госбанк очень значительную часть своих средств, предназначенных для промышленности, направляет в нее не непосредственно, а путем выдачи ссуд Промбанку.

Общая сумма задолженности госпромышленности банкам на 1 января 1926 г. составляла 1355 милл. руб. Распределение кредитов по отдельным отраслям изменялось в соответствии с их ростом. На первых порах львиная доля кредита шла в легкую промышленность — главным образом в текстильную и пищевую. Даже на 1 мая 1925 г. эти две отрасли имели 52% всей задолженности трестов и синдикатов, в то время как на долю всей тяжелой индустрии (металлической, электротехнической, топливной, горной) приходилось всего 23%. Но с 1924/25 г. уже началась известная передвижка. Тяжелая промышленность переставала давать убытки и жить на счет бюджета, и потому банки могли без особого риска усиливать ее кредитование. И на самом деле уже за 1924/25 г. рост задолженности тяжелой (особенно металлической) промышленности происходил быстрее, чем в других отраслях. Так, по Промбанку задолженность металлической промышленности за 1924/25 г. выросла значительнее всех — на 43 милл. руб., в то время как задолженность текстильной промышленности выросла на 30 милл., пищевой на 26 милл. и т. д.

Проблема основных капиталов.

Все эти средства шли, главным образом, на усиление оборотных капиталов нашей промышленности. Между тем, если в первые годы нэпа наша промышленность ощущала недостаток почти исключительно в оборотных средствах, то совсем по-другому обстоит дело сейчас. Положение с оборотными капиталами в ряде отраслей продолжает быть затруднительным. Однако, прежняя острота положения сгладилась. Зато на первое место все более и более выдвигается необходимость увеличения и обновления *основного* капитала.

Проблема основных капиталов является, собственно говоря, проблемой сохранения, обновления и расширения всей технической базы нашей промышленности. Сейчас все отдельные вопросы промышленного развития упираются в эту решающую и центральную задачу. Это объясняется тем, что наша промышленность находится на переломе. Быстрый подъем в промышленности до сих пор происходил, главным образом, путем пуска в ход стоящих заводов, путем увеличения нагрузки тех заводов, которые хотя и работали, но не целиком, не во всех цехах и не всем оборудованием. Мертвый, заброшенный заводский инвентарь снова оживлялся, его подновляли более или менее значительным ремонтом и снова пускали в ход, расширяя при его помощи размеры производства. Теперь этот период заканчивается. *Все* промышленное наследство, которое мы получили, в основном *уже* использовано, *уже* пущено в ход. Остались не использованными или незначительные частицы, или совершенно изношенное, разрушенное, безнадежное оборудование. Это видно из одного того, что продукция промышленности составила в 1925/26 г. около 90—95% довоенного уровня. А пригодного основного капитала у нас осталось по сравнению с довоенным около 80%. Значит, наш основной капитал сейчас загружен в среднем едва ли в меньшей степени, чем до войны. И, действительно, в ряде отраслей легкой индустрии наличный основной капитал уже к концу 1924/25 г. был загружен на 100%. В других отраслях загруженность еще в на-

чале 1925 г. составляла 65—70%. Рост продукции за 1925/26 г. почти целиком покрыл весь остаток. Перед нашей промышленностью встает новая задача второго периода: опираясь на оживленное и использованное наследство, начать увеличивать основной капитал — создавать новые заводы, новое оборудование.

Конечно, задача состоит не только в том, чтобы просто прибавить к существующему у нас основному капиталу новый. Этого мало: ведь наш основной капитал, который мы имеем и теперь почти целиком используем, по своему качеству чрезвычайно плох, устарел, расшатан. Прежде всего, весь наш основной капитал работал, примерно, до 10 лет без достаточного ремонта и возобновления. Специалисты считают, что заводское оборудование сейчас изношено на 30—40%. Огромную часть нашего оборудования давно пора сменить новым, ибо оно попросту уже отслужило нормальный срок работы. Так, в хлопчатобумажной промышленности 49,4% машин находятся в работе свыше 25 лет, т.-е. свыше нормального предельного срока. В Московской губ. — 40% паровых котлов работают уже свыше 25 лет; 65% паровых машин тоже переступили этот срок.[1] Такой же солидный возраст имеют паро-силовые установки и в других районах. Не многим лучше обстоит дело с двигателями внутреннего сгорания: по большей части они установлены 15—20 лет тому назад.

Результатом такой устарелости нашего оборудования является не только чрезвычайная физическая изношенность машин; к этой изношенности присоединяется еще так называемая «моральная изношенность», т.-е. техническая отсталость. Ведь за все эти 20-летние и 25-летние периоды техника сделала ряд крупнейших шагов вперед. Изменился тип машин, их производительность, потребность в топливе и рабочей силе и т. д. Весь этот технический прогресс почти целиком прошел мимо нашей промышленности. В ряде основных отраслей мы остались на тех же позициях, на которых находилась западная и американская промышленность 20—30 лет тому назад. Так, в добыче угля у нас почти целиком (на 96,4%) господствует ручной забой. А в Америке 75% всего угля добывается врубовыми машинами. В хлопчатобумажной промышленности у нас почти совершенно нет тех усовершенствованных автоматических станков, на которых работают западные и американские фабрики. Далее, в технике мировой нефтепромышленности за последние 10 лет произошло коренное изменение, и нам необходимо сменить почти все оборудование бакинских и грозненских промыслов. Правда, мы приступили уже к этой смене, но еще далеко ее не закончили.

Следствием нашей технической отсталости являются очень большие, сравнительно с Западом, затраты топлива и рабочей силы на производство единицы продукта; отсюда получается и их высокая себестоимость. Пуд нефти в Баку обходится в 32 коп., а в Америке в 7 коп. На выплавку тонны чугуна у нас расходуется 12 рабочих часов, а в Америке 2—4 часа; топлива на 1 пуд металла за границей уходит 0,3 пуд., а у нас 1,7 пуд.; для обслуживания 1000 веретен

---

[1] Данные относятся к 1924/25 г.

нам нужно 10—11 рабочих, а в Соединенных Штатах 2,5—3,5 рабочих и т. д.

Задача технической перестройки нашей промышленности. Техническая разница между нашей и американской промышленностью настолько велика, что ее даже сравнивают с различием между нашей мелкокустарной и крупной промышленностью. Как бы там ни было, бесспорным является то, что проблема основного капитала может быть разрешена только путем решительной перестройки нашей промышленной техники, только полным переоборудованием наших предприятий на основе последних достижений мировой техники. Создание новой технической базы для социалистической промышленности будет основным содержанием всего экономического строительства на ближайший ряд лет.

Уже сейчас ближайшие шаги по увеличению промышленной продукции не могут быть сделаны без вложения новых средств в основные капиталы нашей промышленности. В своем продвижении вперед мы уже почти что натолкнулись на пределы, которые ставят росту продукции ограниченные размеры материальных производительных сил промышленности. Дальнейшего роста выработки в ряде отраслей можно добиться исключительно при постройке новых заводов и при улучшении оборудования старых предприятий.

Капитальные затраты. Разрешения проблемы основных капиталов можно добиться только путем «капитальных затрат», т.-е. путем затраты определенных сумм на восстановление и расширение основных капиталов промышленности.

Конечно, прежде всего надо было наладить хотя бы простое восстановление изнашиваемой, используемой части основного капитала. Другими словами, надо было наладить амортизационные отчисления, т.-е. добиться, чтобы определенный процент стоимости основного капитала начислялся в цену и чтобы этим путем составлялись суммы, которые шли бы на ремонт или на восстановление машин, зданий и т. д. Без этих отчислений основной капитал будет постепенно таять, «проедаться».

Мы уже сказали, что с 1916/17 г. до 1923 г. у нас дело обстояло именно так. Промышленность работала в убыток, никакого правильного учета затрат и стоимости продуктов не велось, основной капитал изнашивался, но никаких шагов к его восстановлению не предпринималось. В деле простого сохранения наших основных капиталов образовался долголетний «провал», который нам и приходится постепенно заполнять и покрывать. Если в последние годы этого периода «провала» и делались амортизационные отчисления, то обычно они не шли по прямому назначению; тресты их использовали для усиления оборотных капиталов, т.-е. тратили на зарплату, на покупку сырья и т. д. Этот первый период «проедания» основного капитала советской промышленности в общем закончился к 1923/24 г. С этого года на основе твердой валюты, на основе улучшившихся условий сбыта, промышленность смогла начать регулярно поддерживать свое оборудование и свои здания. В этот год амортизационные отчисления целиком уходят на ремонт и восстановление; более того,

к ним уже начинают добавляться некоторые суммы из других источников. Так, на 1 октября 1923 г. амортизационные фонды составляли по 70 крупнейшим трестам 189 милл. руб., а капитальные затраты 106 милл. руб. Другими словами, только часть амортизационных отчислений шла на восстановление основного капитала, а другая часть, в 83 милл. руб., уходила на какие-то другие цели; но за 1923/24 г. капитальные затраты и амортизационные отчисления сравнялись, т.-е. все амортизационные отчисления шли целиком на капитальные затраты (138,2 милл. руб. амортизационных отчислений и 137,7 милл. руб. капитальных затрат). [1]

В 1924/25 г. начался, правда, еще очень слабо и медленно, процесс некоторого накопления основного капитала или его расширенного воспроизводства: вся крупная промышленность ВСНХ [2] произвела в этом году капитальных работ на сумму около 385 милл. руб., что примерно, на 100 милл. руб. превышало сумму амортизационных отчислений за этот же год. [3]

Первым годом действительно крупного накопления явился прошлый 1925/26 г. Первоначально план капитальных затрат был намечен с большим, оказавшимся непосильным, размахом. Его пришлось неоднократно сокращать, и, в конце концов, он был утвержден в размере 862,8 милл. руб., из которых 74,5 милл. руб. были намечены условно, в зависимости от возможности получения в кредит оборудования в Германии и других странах. [4] На деле иностранные кредиты удалось использовать на небольшую сумму, и поэтому фактический размер капитальных затрат в 1925/26 г. составил 780 милл. руб., или 90,5% от всего плана и 99% от безусловно намеченного плана затрат.

В 1926/27 г. промышленность должна увеличить размеры своих капитальных затрат, должна сделать еще более крупный шаг в деле накопления, чем это ей удалось сделать в 1925/25 г. По плану капитальных работ на 1926—1927 г. общий их размер намечен в 947,8 милл. руб., при чем 917,8 милл. руб. распределены по отдельным отраслям промышленности, а 30 милл. руб. остаются в резерве. Из этих 917,8 милл. руб. затраты в 874,2 милл. руб. отнесены к работам первой очереди, а 43,6 милл. руб. — к работам второй очереди. Эта цифра в 947 милл. руб. не включает в себя затрат на электростроительство, которые намечены в 153,6 милл. руб. Вместе с этими затратами капитальные вложения в промышленность в 1626/27 г. составят 1,100 милл. руб.

Как распределялись капитальные затраты по отдельным целям вложения в 1925/26 г. и как они будут распределяться теперь, видно из следующей таблицы (взятой из «Сводного плана», стр. 141).

---

[1] Данные Гинзбурга. «Проблема капитала в советской промышленности», стр. 64.

[2] Не путать с теми данными о 70 трестах, которые мы только что приводили для 1922/23 и 1923/24 гг.

[3] См. «Сводный производственно-финансовый план на 1926/27 г.», стр. 120. Следующие данные оттуда же.

[4] См. там же, стр. 122.

Строение капитальных работ (без электростроительства; в милл. руб. и в %%).

Цели вложения	Фактически выполнено в 1925/26 г.	в %% к итогу	По плану на 1926/27 г.	в %% к итогу
1. Капитальный ремонт, переоборудование и расширение	592,6	75,8	640,2	69,7
2. Жилстроительство на существующих фабриках . . .	85,0	10,9	89,9	9,8
3. Новые заводы, фабрики, шахты и проч. сооружения				
а) строительство и оборудование	93,6	12,1	179,8	19,6
б) жилстроительство . . .	9,5	1,2	7,9	0,9
Итого по новым заводам	103,1	13,3	187,7	20,5
Всего	780,7	100%	917,8 [1]	100%

Из сравнения затрат 1925/26 г. и плана 1926/27 г. мы видим значительное усиление доли нового строительства в общей сумме капитальных затрат. Эта доля вырастает с 13,3% до 20,5%, а по абсолютной величине—с 103,1 милл. руб. до 187,7 милл. руб. Такое значительное возрастание затрат на новые заводы, фабрики, шахты и т. д. показывает, что работа по коренному преобразованию нашей промышленности с каждым годом продвигается вперед и приобретает все большее и большее значение. О том же говорит тот факт, что из затрат на уже существующие заводы в 1926/27 г. около 85% предполагается вложить в переоборудование и расширение, и только 15% — в капитальный ремонт.

Не меньшее значение для всего развития народного хозяйства СССР имеет тот фак, что главная часть затрачиваемых капиталов идет в основной капитал тех отраслей производства, которые преимущественно производят средства и орудия производства. Если из 780,8 милл. руб. прошлогодних затрат на воспроизводство основного капитала «группы А» (преимущественно производство средств и орудий производства) пошло 536 милл. руб., или 68,6%, то в 1926/27 г. эта доля еще более увеличится; она составит 675 милл. руб., или 72,5% всех капитальных затрат, в то время, как доля «группы Б» (производство преимущественно предметов широкого потребления) упадет с 31,4% (244,8 милл. руб.) до 27,5% (243,6 милл. руб.).

В особенности усиленно растут капитальные вложения в металлопромышленность, т.-е. в ту отрасль промышленности, в которой сосредоточено производство орудий производства, машин, станков, транс-

[1] Без резерва в 30 милл. руб.

портного оборудования и т. д. Если в 1925/26 г. в нее было вложено 188,6 милл. руб., то по плану на 1926/97 г. она получит 237,3 милл. руб., или больше четверти всех капитальных затрат в промышленности.

Почему такое огромное внимание уделяется подъему именно отраслей, производящих средства производства, и в особенности металлургии и машиностроения? Это вытекает из центральной задачи того периода, который переживает сейчас все наше хозяйство. Задачу преобразования всего хозяйства можно осуществить только путем развертывания промышленности, только путем снабжения всех отраслей народного хозяйства промышленной техникой, индустриальными средствами производства. Если бы мы развертывали, главным образом, производство предметов широкого потребления, забросив металлопромышленность и т. п. отрасли, то тогда задача реконструкции нашего хозяйства была бы неосуществима. Нам пришлось бы прибегать к технически-передовым странам, самим оставаясь в положении зависимой и отсталой страны.

Между тем уже сейчас, благодаря курсу на развитие тяжелой промышленности, мы можем отметить серьезные достижения в производстве ряда важнейших орудий производства для основных отраслей народного хозяйства. В 1926/27 г. производство оборудования внутри СССР на 33,4% превысит довоенный уровень. В частности, по сельскохозяйственному оборудованию превышение составит 41,40%. «Узким местом», затрудняющим сейчас дальнейшее развитие всей металлопромышленности, является цветная металлургия (слабо развитая у нас еще и до войны) и черная металлургия (достигающая в 1926/27 г. всего 82—85% от довоенного уровня).

Конечно, все то напряжение, с которым связано ассигнование сотен миллионов рублей на постройку и переоборудование заводов, не сразу, не немедленно даст необходимый эффект. Постройка машиностроительных и т. п. заводов требует нескольких лет. Из общей суммы полной стоимости всех строящихся заводов (и начатых в предыдущие годы, и намеченных к началу строительства в 1926/27 г.), из 650 милл. руб., в 1925/26 г. было готово заводов всего на 25 милл. руб., в 1926/27 г. будет готово на 110 милл. руб., в 1927—1928 г.—на 188 милл. руб. и в 1928—1929 г. на 331 милл. руб.

Как видно, вкладывая сейчас огромные суммы в капитальное строительство, пролетариат Советского Союза подготавливает крупнейшие шаги по пути развертывания промышленности в ближайшие годы. И чем дальше, тем более крупные средства будут необходимы для того, чтобы неуклонно продолжать создание мощной, передовой советской промышленности.

Источники накопления промышленных капиталов.

Но откуда же можно будет брать эти новые средства на увеличение промышленных капиталов? Какие источники накопления есть у нашей промышленности? Все возможные источники, откуда могли бы образоваться новые капиталы, распадаются на три группы: к первой группе источников относятся те капиталы, которые может выделить для накопления сама промышленность; ко второй группе — те средства, которые созданы в других отраслях советского хозяйства, в первую голову в сельском хозяйстве, и которые тем или иным путем можно перевести

в промышленность; наконец, третьим источником промышленного накопления может быть приток иностранных капиталов — или в форме займов, или в форме концессий. Рассмотрим, что собою представляет каждый из этих трех источников, и какое значение он может иметь в деле промышленного накопления.

Самым близким и естественным источником накопления промышленности являются ее собственные доходы и капиталы. Прежде всего, сверх возврата всех сделанных затрат, сверх амортизации своего основного капитала, промышленность получает прибыль; она образуется благодаря прибавочному труду советского пролетариата. Этот прибавочный продукт в форме прибыли и должен составить первый источник для новых вложений в промышленность. До войны наша крупная промышленность ежегодно давала прибыль в среднем в 13,1% основного капитала, или в 10,2% всех вещных фондов (основной капитал плюс товары; с учетом оплаты труда хозяев — 8,9%). Часть этой прибыли буржуазия тратила на свое личное, непроизводительное потребление. Другая часть шла на расширение капиталов, на накопление. Ежегодное накопление (т.-е. ежегодный прирост промышленных капиталов) в среднем составлял за предвоенные 28 лет (1885—1913 гг.) 6% всего капитала крупной промышленности. Как видно около половины прибыли съедала российская буржуазия разного сорта и вида, и только оставшаяся часть шла на цели накопления. Если принять, что для 1913 г. капиталы крупной промышленности (строение, оборудование, нормальные запасы товаров и материалов) равнялись 3860 милл. руб., то 6% накопления составит 238 милл. руб. [1] Таков размер накопления новых промышленных капиталов в последний год перед войной.

Советская промышленность не отдает части своей прибыли на прокормление никому ненужных «хозяев», акционеров-рантьеров, банкиров и т. п. В этом наше огромное преимущество; оно дает нам возможность развить усиленное, быстрое накопление, на основе которого мы будем догонять и обгонять западные страны. Однако, пока что это преимущество ослабляется тем, что общая величина нашей промышленной прибыли еще очень не велика. Промышленность дает прибыль только с 1923/24 г., а некоторые ее отрасли остались убыточными до настоящего времени. Поэтому накопление за счет промышленной прибыли не могло пока достичь даже довоенной нормы (6%, или 238 милл. руб.). Вся прибыль промышленности, подведомственной ВСНХ и его местным органам, в 1925/26 г. составила (без синдикатов) 431 милл. руб., а в 1926/27 г. должна составить 489 милл. руб. Как видно, размер промышленной прибыли уже сейчас настолько значителен, что почти достигает ежегодного накопления нашей промышленности до войны (238 милл. рублей, и будет около 480—500 милл. черв. руб). Поэтому промышленные прибыли могут уже служить довольно широкой основой накопления. Несомненно, что они будут постепенно завоевывать все более и более крупную роль, выдвигаясь и закрепляясь в качестве главного источника новых капиталов.

---

[1] Все эти расчеты взяты из книжки Струмилина «Проблемы промышленного капитала СССР», гл. I, стр. 35 и 43—44.

Но, помимо прибылей, внутри промышленности можно найти и другие источники накопления; хотя они по своему значению и будут уступать прямому образованию новых капиталов из прибылей, но, тем не менее, они смогут очень сильно ускорить развертывание нашей промышленности. Сюда, во-первых, относится экономия в расходовании промышленных средств, тщательное сокращение и изгнание всяких лишних расходов; во-вторых, огромное значение в деле увеличения производства может играть ускорение оборота капитала. Это ускорение оборота может давать такие же результаты, как и прямое увеличение капитала: ускорение оборота данного капитала вдвое даст такой же прирост продукции, как если бы капитал возрос вдвое, но обращался бы с неизменной скоростью.

И по части экономии и рациональности и по части ускорения оборота капиталов у нас до сих пор сделано еще не очень много. Наши хозяйственные организации не сумели до сих пор в полном объеме провести режим экономии и бережливости. Сотни миллионов рублей поглощает громоздкий бюрократический аппарат; расходование различных ассигнований и сумм производится часто без соблюдения необходимой плановой дисциплины и оказывается технически и экономически нерациональным; на некоторые расходные статьи выбрасываются десятки миллионов рублей, без учета действительной потребности в производстве данных расходов. Приведем хотя бы известный пример об излишней и подчас прямо нелепой рекламе. Подсчитано, что за 1924/25 г. наша промышленность истратила на рекламу 21 милл. руб., и при этом большей частью эти огромные средства давали очень незначительные результаты.

Рядом с жестким вытравливанием всякой расточительности, всяких излишеств, надо проводить рационализацию в производстве, транспорте и организации промышленности. Крупные средства будут освобождаться при проведении стандартизации производства (см. выше); так как с ней связана возможность сильного сокращения затрат топлива и сырья на единицу продукта. Движение в направлении экономии топлива и сырья может вообще дать очень крупные результаты. Достаточно указать хотя бы на тот факт, что из-за недостатка измерительных приборов, из-за низкой квалификации рабочих и т. д. в нашем теплосиловом хозяйстве зря растрачивается очень большая масса топлива. Подсчитано, что одно только установление достаточного количества измерительных приборов при котлах даст экономию топлива в 10% (в некоторых отраслях — 25%) и этим сбережет в год 35 милл. руб. И подобных возможностей крупной экономии, — а, значит, и источников капиталов, — в нашей промышленности скрыто очень много.

Накопец, помимо простого увеличения размеров капитала мы должны добиться интенсивного использования имеющихся капиталов. Часто оказывается, что нехватка у какого-либо треста оборотного капитала объясняется тем, что у него весь промышленно-торговый оборот происходит с черепашьей медленностью. Сырье и топливо, перед тем как попасть в работу, месяц-два без движения лежат на складе: готовый товар продается медленно, путешествует со склада на склад и т. д. Оказывается, что капитал такого треста увязан во всех этих

товарных ценностях, и что потому трест сидит без денег, просит кредитов и т. п. Между тем, если бы затрачиваемые деньги быстро оборачивались и без затяжки возвращались бы тресту, то ему нужно было бы гораздо меньше оборотного капитала, и он отнюдь не чувствовал бы никаких денежных затруднений. Мы уже приводили данные, показавшие, что ускорение оборотов капитала хлопчатобумажной промышленности с 1,53 раза в год до 1,85 дало экономию на 75 милл. руб. оборотного капитала. В 1924 г. было также подсчитано, что ускорение оборота капитала по всей госпромышленности всего лишь на один день даст экономию в $4^1/_4$ милл. руб., или даст прирост продукции без затраты новых капиталов в 9 милл. руб.

По сравнению с Северной Америкой капиталы нашей промышленности обращаются очень медленно: скорость оборотов в электротехнической промышленности у нас в пять раз меньше Северной Америки; в нефтяной — в два раза, в химической — в пять раз и т. д. В автомобильном производстве Форда достигнута прямо поразительная скорость оборота капитала. Обычный срок производства автомобиля у Форда еще недавно составлял 14 дней (со дня получения руды до дня сдачи на склад или продажи); теперь этот срок сокращен менее чем до трех дней. А у нас срок производства пары обуви (со дня получения готового материала до выхода готового изделия) на Ленинградской фабрике «Скороход» составляет 31 день. Между тем, полезная работа занимает всего 5 часов, а все остальное время — это передвижка из цеха в цех, от станка к станку, из склада в склад и т. д.[1] При максимально ускоренном производстве можно было бы с помощью того же капитала в несколько раз увеличить выработку. Как добиться ускорения оборота? Для этого необходимо сократить период производства, устранить ряд простоев, задержек, приблизить производство к источникам сырья и топлива, этим путем уменьшить транспортные потери, сократить путь от производителя к потребителю, добившись правильной организации сбыта. Каждое вложение новых средств обязательно должно быть связано с подобной интенсификацией использования всех капиталов. Новые средства должны являться толкачом, двигателем в деле сокращения расходов, улучшения способов пользования оборудованием, ускорения производства и транспорта и т. д. Тогда вложение новых средств будет иметь двойной результат: во-первых, непосредственное расширение производства благодаря росту капитала и, во-вторых, повышение продуктивности старых капиталов.

Таковы те источники новых капиталов, которые имеются внутри самой промышленности. Несомненно, что даже только на их основе мы можем в ближайшие годы довести темп накопления в промышленности до довоенных размеров, т.-е. до 6% ежегодного прироста капиталов. Но тут мы сталкиваемся с тем, что этот довоенный темп накопления для нас явно недостаточным. «Провал» в амортизации основного капитала, его чрезвычайная изношенность и устарелость требуют огромных средств для своей ликвидации путем капитального ремонта, путем нового строительства (в особенности жилищного), путем

---

[1] Все эти факты взяты из статьи Ледера в «Правде» от 16 марта 1926 г.

широкой замены старого оборудования новым и т. д. Обойтись без всего этого наша промышленность не может, ибо недостаточный и, главное, изношенный, устарелый основной капитал требует энергичной работы по его полной реконструкции. Нам предстоят не годы обыкновенного «нормального» накопления. Наша промышленность стоит перед периодом коренного изменения всей техники; а для этого нужны капиталы, капиталы и капиталы.

С другой стороны, раз мы далеко отстали от капиталистических стран, то нам необходимо развернуть такой темп накопления, который дал бы нашей промышленности возможность догонять и обгонять западные промышленные страны. Только создание самостоятельной мощной промышленности поставит Советский Союз в ряд передовых стран и окончательно обезопасит нас от возможности экономического подчинения и превращения нашей страны в аграрное дополнение Западной Европы. Только высоким темпом накопления мы сможем на практике доказать преимущество советской социалистической организации народного хозяйства над капиталистической хозяйственной системой. Только ускоренным темпом накопления наша промышленность будет в состоянии создавать основу для социалистической перестройки всего хозяйства. Только развернутая тяжелая и легкая промышленность будет являться прочной основой нашей военной мощи, нашей способности обороняться в случае нападения окружающих нас капиталистических стран. Из всего этого вытекает необходимость увеличения темпа промышленного накопления, стремления довести его до уровня, превышающего темп накопления капиталистических странах. Отсюда следует, что в деле промышленного накопления мы не можем удовольствоваться только внутренними источниками самой промышленности; чтобы добиться максимального темпа накопления, нам нужно наладить приток капиталов со стороны.

Использование промышленностью накопления в сельском хозяйстве.

Внутри Советского Союза только одно сельское хозяйство может явиться для нашей промышленности важным источником дополнения ее собственных средств. Крестьянин создает прибавочный продукт, который служит источником накопления в сельском хозяйстве. Можно использовать это крестьянское накопление, тем или иным способом перенеся накопленные крестьянином капиталы в промышленность. Однако такой способ усиления промышленного накопления может — в виде оборотной стороны той же медали — иметь своим последствием замедление крестьянского накопления. В этом случае выйдет, что, помогая таким способом промышленности, мы задержим рост сельского хозяйства. Такое положение как раз создалось бы, если бы промышленность для извлечения дополнительных средств стала вести политику повышения промышленных цен, или государство проводило бы усиленный налоговый нажим на широкие крестьянские массы, чтобы отнятые у них средства передать промышленности. В этих случаях вышло бы, что мы пытаемся основать ускорение подъема промышленности на задержке развития сельского хозяйства. А такая попытка, во-первых, экономически неправильна, ибо она упускает взаимную зави-

симость между успехами промышленности и сельского хозяйства; во-вторых, она противоречит самой основе всей нашей экономической политики: стремлению сделать социалистическое строительство выгодным, близким, полезным для крестьянина делом, и ни в коем случае не допускать противопоставления развития социалистической промышленности росту крестьянского хозяйства; в-третьих, она неизбежно вызвала бы экономический и политический протест крестьянства против подобных помех развитию его хозяйства. В результате получилась бы «размычка» промышленности и сельского хозяйства, пролетариата и крестьянства, и за этим последовали бы крупные экономические и политические осложнения.

Между тем, задержка крестьянского накопления вовсе не нужна для того, чтобы наша промышленность могла получать дополнительные средства из сельского хозяйства. Более того, как раз самые широкие возможности притока дополнительных средств дает наибольшее, максимальнейшее развитие сельского хозяйства. На деле оказывается вполне возможным наладить использование крестьянского накопления для нужд промышленности без всякой задержки роста крестьянского хозяйства. Наоборот, это использование промышленностью крестьянского накопления может быть построено так, что оно будет служить необходимым толкачом, необходимой составной частью подъема крестьянского хозяйства. Для этого государство и государственная промышленность должны выступить организатором и помощником крестьянского накопления. Поясним на практических примерах, как можно усиливать промышленные капиталы за счет сельского хозяйства, не задерживая, а подталкивая крестьянское накопление.

Во-первых, накопление промышленности может опереться на крестьянские денежные сбережения. Крестьянин накопляет свой прибавочный продукт не только в виде новых орудий труда, нового скота или новой пашни. Часть крестьянского накопления происходит в виде собирания денежных сумм (пусть даже и предназначенных в будущем для затрат на расширение хозяйства). Вот эти денежные сбережения самому крестьянину выгодно держать не в виде денег и зерна, не в кубышке у себя дома, а или в сберегательных кассах, или в каких-либо ценных бумагах, приносящих доходы, — скажем, в облигациях какого-либо займа. Организуя сеть сберегательных касс, выпуская займы, государство может собрать очень крупную сумму для промышленности. При этом крестьянское накопление не только не будет срезаться и задерживаться, но, наоборот, будет обеспечено и усилено, так как получит удобную и разнообразную форму. По сути дела все это сведется к тому, что крестьянин временно, взаймы будет отдавать свои средства на развитие промышленности. Какие огромные суммы можно собрать таким путем, видно из того, что в довоенных сберегательных кассах было свыше $1^1/_2$ млд. руб. вкладов. Огромные суммы составлялись таким путем во всех странах: путем выпуска различного рода займов, путем продажи облигаций промышленных предприятий и т. д. В результате последних лет подъема сельского хозяйства у нашего крестьянства, несомненно, есть известные сбережения, и все дело в том,

чтобы собрать эти распыленные средства в крупные капиталы и направить их в самые важные участки народного хозяйства. Понятно, что такое использование сбережений можно и нужно применить и к городскому населению: к части рабочих, к служащим и нэпманам.

Во-вторых, государство у нас является главным оптовым торговцем крестьянскими продуктами внутри СССР. Что касается экспорта крестьянских продуктов, то тут государство единственный, монопольный торговец. Всякое усиление, улучшение внутренней и внешней государственной хлебной, льняной, мясной и т. п. торговли расширяет перед крестьянским хозяйством рынок, вовлекает его в товарооборот и этим помогает крестьянину увеличивать доходность своего хозяйства. Но, производя такое торговое обслуживание крестьянского хозяйства, государственный торговый аппарат получает определенную прибыль, часть которой состоит из известной доли прибавочного продукта крестьянина. Эта доля прибавочного продукта должна достаться оптовому торговцу и экспортеру — кто бы он ни был, частный купец, иностранный агент или государственная организация: так уж «полагается» по законам товарного хозяйства. Кроме того, крупный доход государство будет получать от внешнеторгового обслуживания сельского хозяйства, в первую голову, от разницы цен на сельхозпродукты у нас и на Западе. Как видно, на основе развития торговли продукцией сельского хозяйства государство может получить крупные добавочные средства для промышленности, нисколько при этом не нарушая, а, наоборот, поддерживая рост крестьянского накопления.

Наконец, в-третьих, некоторые наши промышленные предприятия могут прямо и непосредственно основываться на средства крестьян. Речь идет о так называемой сельскохозяйственной индустрии, т.-е. о переработке мясных, молочных, хлебных, корнеплодных (картофель, свекла) и других продуктов сельского хозяйства. Эта переработка играет значительную роль в нашей промышленности. Напомним, что пищевое производство — первая по стоимости продукции отрасль нашей промышленности. Вдобавок эта переработка совершенно необходима для выгодного экспорта. Без такой переработки почти немыслимо развить вывоз сельхозпродуктов. Все такие предприятия, обычно небольшие по размерам, — бэконные, маслобойные, картофелетерочные, паточные, льноочистительные заводы, мельницы, крупорушки, и т. п. — по сути дела прямо продолжают и заканчивают сельскохозяйственное производство. Они стоят на границе между сельским хозяйством и промышленностью, и поэтому их развитие является одновременным развитием одной из важнейших отраслей промышленности и усовершенствованием производства сельхозпродуктов. Поэтому создание капиталов таких предприятий может в значительной мере опираться на средства самих крестьян, продукт хозяйств которых данный завод перерабатывает. Те затраты, которые крестьянин все равно должен был бы произвести на налаживание переработки своих продуктов в каждом отдельном хозяйстве, без всякого ущерба для крестьянского накопления могут быть собраны, хотя бы через кооперацию, и затрачены на оборудование такого завода. От этого сельское хозяйство только выиграет, а промышленность получит дополнительные средства. Особое значение эта форма

привлечения крестьянских средств может иметь для нашей кооперативной промышленности, на $^2/_3$ занимающейся переработкой продуктов сельского хозяйства.

Как видно, наша промышленность и ее владелец—пролетарское государство — могут получать дополнительные средства от сельского хозяйства, работая над созданием определенной торговой и промышленной «надстройки» над огромным сельскохозяйственным производством Советского Союза. Если сюда добавить привлечение крестьянских сбережений путем сберегательных касс и займов, то мы получим несколько важнейших линий, по которым будет проходить использование в нашей промышленности сельскохозяйственного накопления.

Разумеется, все эти пути привлечения средств в промышленность не должны привести к забвению роли бюджета. Наш государственный бюджет налогами, пошлинами, займами и другими средствами собирает в своем распоряжении крупные суммы из всех отраслей хозяйства и перераспределяет их, стремясь возможно больше средств уделить для индустрии. Так, если взять финансовые предположения на 1926/27 г., то промышленность получит от государственного местного бюджета (включая заем хозяйственного восстановления) 574 милл. руб., в то время как она уплатит ему неперелагаемых на потребителя налогов, отчислений от прибылей и др. всего 365 милл. руб. Сальдо в пользу промышленности равняется 209 милл. руб.

Используя бюджет, как мощный рычаг промышленного накопления, надо, однако, помнить, что при чрезмерном нажиме на него может получиться или переобложение крестьянства, или даже расстройство всей нашей денежно-валютной системы.

Привлечение иностранных капиталов.

Несомненно, что на основе всех перечисленных источников наша промышленность сможет достигнуть довольно значительного темпа накопления. Но не менее несомненно и то, что привлечение капиталов из передовых капиталистических стран значительно ускорит развитие нашей промышленности и облегчит ее техническую перестройку; стоит вспомнить ту огромную роль, которую сыграли иностранные капиталы в дореволюционном развитии промышленности (в особенности тяжелой).

Иностранные капиталы могут притекать в нашу промышленность в двух основных формах: в виде концессий и в виде займов. Мы выше уже видели, что до сих пор концессии играют еще очень небольшую роль в нашей промышленности. Не лучше обстоит дело и с иностранными займами. До 1926 г. мы имели исключительно краткосрочные кредиты, которые открывают нашим внешнеторговым организациям их заграничные контрагенты. Эти кредиты могли усилить только оборотные капиталы наших торговых и промышленных организаций. В 1926 г. впервые германские банки (при поддержке германского правительства) приступили к более широкому кредитованию нашей промышленности: нам открыт кредит в 300 милл. марок (около 150 милл. руб.), который мы должны использовать путем закупок продуктов германской промышленности. Часть этого кредита предоставляется на несколько лет, так что мы сможем употребить ее на воспроизводство основного капитала.

Несмотря на всю ту ненависть, которую питает к нам мировая буржуазия, за этими первыми концессионными и кредитными ласточками может последовать некоторый дальнейший прилив иностранных капиталов. По мере нашего укрепления и промышленного подъема, отпадают некоторые из причин, задерживающих приток иностранных капиталов: надежда на крах советского хозяйства, неверие в возможность спокойной работы. Мировой капитализм не в состоянии отказаться от использования такого мощного рынка сбыта и источника сырья, каким является Советский Союз. Монополия внешней торговли и ввозные пошлины не позволяют использовать все эти возможности из-за границы. Единственным способом получить необходимые ресурсы для иностранного капитала является только перенесение своей работы внутрь советских границ. К этому добавляется то важнейшее обстоятельство, что капитал приносит в Советском Союзе гораздо больший процент, чем внутри западно-европейских стран. Дело в том, что из-за бедности капиталами у нас процент гораздо выше, чем в Западной Европе. В то время, как по первому государственному добровольному денежному займу [1] в общей сложности доход составил 28% на капитал, а в дальнейшем, даже после снижения, наши займы все же дают не менее 10—12%, за границей доходность государственных займов не превышает 6—7½%. Понятно, что собственная выгода будет пробуждать иностранный капитал притекать в Советскую Республику. Два мотива, два стимула будут бороться в «душе» мирового капитализма: стремление к наживе, стремление получить ценные виды сырья, руды, топлива, и боязнь помочь нам развивать **советское** хозяйство. В одни периоды или для одних капиталистов перевешивать будут мотивы классовой ненависти, но в другие периоды или для других капиталистов могут возобладать стремления делать «хорошие дела» с нами. Однако совершенно ясно, что, поскольку не может быть даже тени уверенности в будущем приливе иностранных капиталов, постольку в деле промышленного накопления **нельзя ставить ставку** на приток капиталов извне.

Так обстоит дело с основными источниками, при помощи которых наша советская промышленность будет разрешать проблему добычи капитала. Как видно, мы имеем достаточно широкие возможности для того, чтобы успешно разрешить этот труднейший вопрос и тем самым обеспечить нашей промышленности роль растущей и крепнущей основы социализма.

ЛИТЕРАТУРА.

I. При проработке главы о промышленности надо использовать следующие работы **Ленина**: 1) Из брошюры «О продналоге» те места, где Ленин говорит о концессиях, о мелкой и крупной промышленности, о путях ее восстановления. См. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 212—225. 2) Очень яркая формулировка наших задач в области промышленности дана в докладе на Всероссийской Конференции РКП. **Ленин**. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 259—261. 3) О первых

[1] Выпущен по 82 за сто плюс 5% годовых.

шагах в области восстановления промышленности Ленин говорил в докладе на IX съезде советов. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 443—446. 4) О первых наших достижениях и о роли тяжелой промышленности—см. доклад на IV конгрессе Коминтерна. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 93 — 95. 5) Наконец, по проблеме накопления и собирания средств замечательные формулировки даны, во-первых, в «Письме к V Всероссийскому съезду профсоюзов». Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 76, и, во-вторых, в статье «Лучше меньше, да лучше», там же, стр. 137—139.

II. Для изучения вопросов общего уровня развития нашей промышленности, ее динамики в годы войны и революции и т. п. можно рекомендовать следующие основные пособия: 1) Гриневецкий. «Послевоенные перспективы русской промышленности». Эта книга, написанная буржуазным профессором, содержащая ряд выпадов против революции и Советской власти, тем не менее представляет собою чрезвычайно ценный, серьезный и глубокий анализ основных данных нашей промышленности. Даже сейчас, лет через десять после ее написания, она дает читателю очень много. Стремление Гриневецкого затушевать факторы, задерживавшие рост промышленности в старой России, и представить пролетариат неспособным взять в свои руки крупное производство сейчас звучит уже просто странно и даже смешно. 2) Розенфельд. «Промышленная политика СССР». М. 1926 г. В этой серьезной работе имеется ряд глав (с II по VII) о довоенном состоянии нашей промышленности и ее динамике с 1914 г. по годы нэпа. 3) Сборник «Промышленность и народное хозяйство», изд. «Эконом. Жизнь». М. 1927, стр. 79—102 (статья Гухмана). В этом же сборнике, в 3 части, даны обзоры природных ресурсов СССР и их использования промышленностью.

III. По вопросу об организации советской промышленности и о мелкокустарной промышленности можно использовать следующие книги: 1) Карасс. «Советское промышленное право. Обзор и материалы». Гиз. 1925 г. В книге собраны и комментированы важнейшие документы по вопросам промышленного управления, планирования и т. д. К сожалению, сейчас книга уже немного устарела (пересматривается декрет о трестах, изменена структура ВСНХ и т. п.) 2) Гинзбург. «Экономия промышленности», ч. I, главы VII—X, ч. II, гл. VIII. 3) Сабсович. «Организация промышленности». М. 1926 г. В этой брошюре изложено общее строение всех звеньев нашей системы промышленного управления. Местами брошюра устарела (в частности, по вопросу о структуре ВСНХ). 4) Необходимо использовать тезисы об управлении промышленностью, принятые пленумом ВСНХ (см. ссылки в тексте). 5) «Промышленность и народное хозяйство», статья Сабсовича, стр. 154—179. 6) В указанной выше книге Розенфельда, в главах X, XI и XII, имеется изложение вопросов промышленного законодательства, управления (в частности, участья в управлении промышленностью профсоюзов). 7) Интересный фактический материал специально о кустарной промышленности содержится в книге Рыбникова. «Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства». М. 1922 г. 8) «Кустарная промышленность СССР». Сборник под ред. Середы, с предисл. Дзержинского. 9) «Промышленность и народное хозяйство», стр. 102—123 (статья Лаврова). 10) Дзержинский. «Промышленность СССР, ее достижения и задачи», стр. 36—41.

Принципиальные вопросы «социального существа» нашей госпромышленности можно выяснить, во-первых, по резолюциям XII и XIV съездов партии (для XII съезда — специальная резолюция о промышленности, для XIV — отдельные места из резолюции по отчету ЦК), во-вторых, по докладу и заключительному слову Сталина и речи Бухарина на XIV съезде.

IV. Рыночные вопросы и, в особенности, проблему цен надо прорабатывать по следующим материалам: 1) Резолюции XIII и XV партконференций по хозяйственному вопросу. Резолюции апрельского (1926 г.) и в особенности февральского (1927 г.) пленумов ЦК ВКП(б). 2) Бухарин. «К вопросу о троцкизме», стр. 78 — 85 и 164 — 174. 3) Его же. «Международное и внутреннее положение СССР», стр. 33 — 42. 4) Дзержинский. «Промышленность СССР, ее достижения и задачи», стр. 7—15, 43 — 46, 59 — 69. 5) Куйбышев. «Промышленность СССР на 1926/27 г.». «Промиздат» 1927 г. 6) «Сводный производственно-финансовой план госпромышленности на 1926/27 г.», разделы III, VII и XI. 7) Гинзбург. «Экономия промышленности», ч. II, гл. I, II и в особенности VI и VII. 8) Борисов. «Цены и торговая поли-

тика». В книге имеется большой материал по динамике себестоимости и цен. Однако он несколько устарел.

V. По проблеме рабочей силы и производительности труда у нас довольно много литературы. Укажем из нее следующее: 1) Дзержинский. «Речи и статьи по вопросам производительности труда». К этой брошюре приложены выдержки из Ленина, касающиеся производительности труда. 2) Б. А. Гухман. «Производительность труда и заработная плата». В книге дан прекрасно систематизированный материал по динамике производительности труда за годы войны и революции. 3) «Вопросы труда в промышленности». Сборник под ред. Краваля. Имеются содержательные статьи по всем важнейшим вопросам экономики труда. 4) Рабинович. «О производительности труда». Материал в книге недостаточно обработан, местами загроможден. Однако есть много интересных фактов, таблиц, наблюдений и т. п. 5) Халатов. «Производительность труда и заработная плата». Несмотря на то, что книга устарела, она все же дает интересный материал к постановке ряда проблем. 6) Гинзбург. «Экономия промышленности», ч. II, гл. IV. 7) «Сводный производственно-финансовый план», раздел II и стр. 195—201.

VI. Финансирование и кредитование промышленности, а также проблему накопления можно проработать по следующим материалам: 1) «Финансовые проблемы промышленности». Сборник под ред. Гинзбурга. ЦУП ВСНХ. 1925 г. 2) Кириллов. «Финансирование промышленности». М. 1926 г. 3) Дезен. «Банковское кредитование промышленности». 4) Штерн. «Государственное финансирование промышленности в 1918—1924 гг.». 5) Гинзбург. «Экономия промышленности», ч. II, гл. V. 6) Его же. «Проблема капитала в Советской России». 7) Струмилин. «Проблема промышленного капитала в СССР». Очень ценная работа, с интересным статистическим анализом довоенного и современного положения промышленных капиталов СССР. 8) «Проблема основного капитала в промышленности». Сборник статей. Изд. Цуп'а. Есть статьи, по своей точки зрения приближающиеся к оппозиционной постановке вопроса (Пятакова, Быка). 9) Бухарин. «К вопросу о троцкизме», стр. 180—190. 10) «Сводный производственно-финансовый план», раздел XI и XII.

Помимо указанных работ, при проработке проблем советской промышленности надо пользоваться последними докладами тт. Бухарина, Рыкова, Куйбышева, дающими обычно новую постановку каждого из затронутых нами вопросов.

Общие статистические сведения и материалы как за прошлые годы нэпа, так и за последний период можно найти в «Контрольных цифрах» Госплана, в сборниках ВСНХ: «Промышленность СССР» за соответственный год (выходят обычно под ред. Кафенгауза) и в указанном выше «Сводном плане».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

§ 10. СОСТОЯНИЕ НАШЕГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ПО ЕГО РАЗМЕРАМ И УРОВНЮ РАЗВИТИЯ.

Мы раньше уже говорили, что в нашей стране преобладает сельское хозяйство: 84 человека из каждой сотни живет в деревне, в подавляющем большинстве являясь крестьянами, т.-е. мелкими сельскими хозяевами; 60 — 70% всех производимых у нас продуктов дает сельское хозяйство.

Сельское хозяйство имеет два главных вида: во-первых, земледелие, т.-е. обработка земли для выращивания на ней разнообразных полезных растений; во-вторых, животноводство (скотоводство, птицеводство). Кроме того, большое значение для нашего хозяйства имеют лесоразработки и лесоводство.

В нашей стране имеются в общем очень благоприятные условия для развертывания сельскохозяйственной деятельности.

Природные условия сельского хозяйства в Советском Союзе.

Большая часть 21 милл. кв. километров, которые занимает Советский Союз, представляет собою огромнейшую в мире равнину с плодородной почвой. Частенько наши крестьяне вину за плохие урожаи сваливают на землю. Однако это совершенно не верно: в среднем почва в Советском Союзе не хуже, а лучше, чем в других странах. Известно, что юго-восточная половина европейской части Советского Союза представляет собою самую большую в мире площадь отличного, тучного, плодородного чернозема (т.-е. такой почвы, которая содержит от 4 до 16% перегноя). У нас свыше 100 милл. десятин чернозема; такого количества нет нигде в мире, не говоря уже о Европе, в западной части которой чернозема вообще нет. За Уральским хребтом, в Сибирской равнине, тоже тянутся черноземные почвы (Тобольская, Томская губернии, часть Енисейской и Иркутской и т. д.). В *нечерноземной полосе* Советского Союза (северо-западная половина европейской части) почва хотя и значительно хуже (полуглинистая, полупесчаная и т. п.), но все же вполне пригодна для ведения сельского хозяйства. При такой же или худшей почве в Дании, Германии или Англии получаются огромные урожаи, о которых наш крестьянин и мечтать не смеет.

Несколько хуже у нас дело обстоит с климатом (т.-е. со средним течением погоды): он у нас отличается большей суровостью, сухостью и более резкими колебаниями температуры зимы и лета, чем в Западной Европе. Это объясняется тем, что большая часть Советского Союза лежит в глубине Евразийского материка,[1] вдали от моря, не имеет такой изрезанной береговой линии, какой отличается Западная Европа. Кроме того, равнина, занимаемая европейской частью СССР, как раз имеет два неблагоприятных для климата понижения: во-первых, к Ледовитому океану (холодные северные ветры), во-вторых, к юго-востоку, к Каспийскому морю, откуда дуют сухие ветры средне-азиатских степей и пустынь. А от теплых течений Атлантического океана с северо-запада нас отгораживают Скандинавские горы. Влажные ветры, идущие с Средиземного и Адриатического морей (юго-запад), тоже не доходят до нас, благодаря Карпатским горам. Наконец, Крымские горы задерживают черноморские теплые ветры. Словом, расположение горных хребтов территории СССР неблагоприятное. Благодаря этому у нас осадков (дождя и снега) выпадает значительно меньше, чем в Германии, Франции или Англии, и наше сельское хозяйство, особенно на юго-востоке, страдает от засух; все благополучие крестьянина основывается на «дождичке».

Правда, и в Германии, и в Северной Америке засухи тоже бывают. В Северной Америке засушливость, примерно, такая же, как у нас, но там умеют бороться с вредными действиями засухи. Во время сильных засух в Германии урожаи снижались не более, чем на 10%, а у нас такие же засухи понижают сбор в 2, в 5, а иногда и в 10 раз (т.-е. на 90%). Следовательно, тамошнее сельское хозяйство, в противоположность нашему, очень слабо зависит от колебаний погоды. Поэтому было бы неправильно сваливать на климат вину за наши плохие урожаи.

Отметим еще, что ни в одной стране нет такого разнообразия климатических поясов, как у нас: в Советском Союзе имеются и полярные районы, и подтропические области в роде Крыма, Кавказского побережья, Черного моря и т. д. Поэтому наше сельское хозяйство может быть очень разнообразным: на лицо условия и для зерновых хлебов, и для льна, конопли, и для хлопка, риса, чая, винограда и т. п.

Что касается лесов, то в Советском Союзе сосредоточено 46% мировой лесной площади: в этом отношении мы являемся самой богатой страной. Словом, вполне можно сказать, что народы Советского Союза имеют лучшие условия для развития огромного сельского хозяйства, чем народы какой-либо другой страны.

Общие размеры нашего сельского хозяйства и его мировое место.

Неудивительно поэтому и то, что наше сельское хозяйство не только преобладает внутри народного хозяйства Советского Союза, но благодаря колоссальности своих размеров занимает очень видное место в мировом хозяйстве. По посевной площади под зерновыми хлебами (пшеница, рожь, овес, кукуруза, ячмень) мы были первой в мире страной: до войны 31,7% всех посевов этих хлебов на земном шаре приходилось на Россию (в старых границах); на втором месте были

[1] Т.-е. той части земной суши, которая состоит из Европы и Азии.

С.-А. Соединенные Штаты, имевшие 27%. Всего посевная площадь на территории Советского Союза в 1913 г. составляла 106 милл. десятин. За время войны и революции положение изменилось. Наше сельское хозяйство разрушалось, крестьяне сокращали посевы. Особенно сильно ударил по истощенному войной сельскому хозяйству голод 1921 г. В результате, к 1923 г. посевная площадь составляла 86 милл. десятин. А в это же время С.-А. Соединенные Штаты кормили воюющую Европу своей пшеницей, энергично расширяя обработку земли. И хотя начиная с 1923 г. наше сельское хозяйство быстро возрождается, все же посевная площадь в 1925 г. составила всего 98 милл. десятин, или 92% от довоенного.[1] В 1926 г. посевная площадь составила 102,5 милл. дес. или около 96% от довоенного. Поэтому сейчас Соединенные Штаты оттеснили нас по посевной площади зерновых хлебов с первого на второе место в мире. Только в отношении ржи и ячменя посевы Советского Союза продолжают занимать первое место. По пшенице и овсу мы на втором месте, по кукурузе на третьем. Однако, если Россия имела до войны первое место по размерам посева хлебов, то собирали мы с этой огромной площади и тогда гораздо меньше, чем С.-А. Соединенные Штаты со своей меньшей площади: обладая почти одной третью мировой посевной площади, Россия собирала всего 22% (т.-е. немногим больше одной пятой) всего сбора хлебов на земном шаре; а Соединенные Штаты со своей посевной площади в 27% мировой собирали целых 33,5%, т.-е. треть мировой продукции. Если же взять только Европу, то окажется, что Россия имела 53% всей европейской посевной площади, а собирала с нее всего 38% европейского сбора.

Как видно, имея наибольшее в мире количество обрабатываемой земли, и хорошей земли, мы собирали несоответственно мало. Мы дальше увидим, что причиной этого были плохие урожаи из-за плохой обработки. Как с посевной площадью, так и со сбором хлебов за время войны и революции наше мировое положение ухудшилось. Правда, мы, как стояли на втором месте по сбору хлебов, так и остались на нем. Но у нас с 1913 по 1925/26 г. сбор главнейших хлебов уменьшился с 5,4 млд. пуд. до 4,4 млд. пуд.,[2] а в это же время американское земледелие быстро развивалось. Поэтому наша доля в мировом производстве важнейших хлебов понизилась до 19,9% (1925 г.). Конечно, по различным культурам (т.-е. выращиваемым растениям) доля нашего сбора в мировом производстве различна. Так, до войны Россия давала 56% мирового сбора ржи, 30% ячменя, приблизительно по четвертой доле картофеля и овса и 26% пшеницы. В 1925 г. доля СССР в мировом производстве ржи равна 43,4%, пшеницы — 14,8%, ячменя — 15,9% и овса — 14,1%. Как видно, у нас огромнейшую роль играла и играет рожь — наименее ценный хлеб, который в более культурных странах сеется в неизмеримо меньшем количестве. У нас же вся нечерноземная Россия сеет огромное количество ржи и оказывается «ржаной страной».

Вообще, все наше земледелие «по специальности» — зерновое, т.-е. по преимуществу производящее зерновые хлеба. Остальные куль-

---

[1] Данные «Контрольных цифр 1926/27 г.», стр. 333.
[2] Там же, стр. 310 — 341.

туры у нас играют второстепенную роль. Среди них надо отметить так называемые технические растения — хлопок, лен, коноплю. Первый из них у нас культивируется в Туркестане и Закавказьи. Несмотря на огромную пригодную (хотя и требующую орошения) площадь, у нас хлопка производилось не больше 28 милл. пуд., или около 8% мирового производства. Мы уже говорили, что по части хлопка наше сельское хозяйство даже просто по размерам недостаточно: огромные массы хлопка мы ввозили (и сейчас ввозим) для текстильной промышленности из Америки и Египта.

Со льном и коноплей положение обратное: наши нечерноземные губернии поставляли на мировой рынок 80% общего количества льна и конопли, давая России первое место.

Что касается скотоводства, то наше сельское хозяйство занимает одно из первых мест по общему количеству рабочего скота. Так, в 1916 г. общее число лошадей в России равнялось 35,5 милл. — самое большое число из всех стран мира. К 1923 г. количество лошадей упало до 23,3 милл.; к 1926 г. число лошадей возросло до 28,2 милл.; к 1927 г. (предположительно) — до 29,0. Несмотря на то, что, как видно, мы еще довольно сильно отстаем от довоенного уровня, в отношении числа лошадей СССР остался на первом месте. По числу крупного рогатого скота мы и до войны, и сейчас занимаем третье место. По овцеводству и свиноводству мы стоим на втором-третьем месте. Однако, если подсчитать сколько у нас приходится скота на душу населения, то выйдет меньше, чем в других сельскохозяйственных странах. Так, крупного рогатого скота на каждую тысячу жителей у нас в 1913 г. приходилось 428 голов, а в Соединенных Штатах — 658. Такие же страны, как Аргентина, Бразилия, Австралия имели от 1000 до 4000 голов крупного рогатого скота на 1000 жителей (специальностью их сельского хозяйства и является скотоводство). Совсем мало у нас свиней: 166 голов на 1000 жителей, тогда как в Соединенных Штатах — 714, в Германии — 338 и т. д.

В общем, в нашем сельском хозяйстве преобладает именно зерновое земледелие. Это ярко видно из той роли, которую Россия играла в довоенной мировой хлебной торговле: 35% всего привозимого в различные страны хлеба бралось из России, и только 10% из Соединенных Штатов, 16% из Аргентины и т. д.

Если же взять довоенный привоз живого скота, кож и т. п., то окажется, что доля России была совершенно ничтожной: для крупного рогатого скота — 0,3%; для кож и шкур — 5 — 6% и т. п. Это лишний раз показывает «лицо» нашего сельского хозяйства: огромные размеры зернового земледелия и гораздо меньшее развитие всех остальных сельскохозяйственных отраслей.

Уровень техники и способы полеводства в нашем сельском хозяйстве.

Та же самая зерновая «однобокость» видна из состава наших посевов. В Советском Союзе из каждой сотни десятин посева в 1913 г. приходилось 90,8 на зерновые хлеба. На все же другие культуры оставалось каких-нибудь 9,2 десятин. Они делились так: корнеплоды (картофель, свекла и др.) имели 3,8 дес. из каждой сотни десятин; волокнисто-масличные растения (лен, конопля, подсол-

нухи) — 3 десятины; бобы — 1,2 дес.; кормовые травы (клевер, вика, люцерна и т. д.) тоже всего 1,2 десятины.

Сравним эти данные с довоенным разделением посевной площади в странах с передовым сельским хозяйством — Англией и Соединенными Штатами:

Из каждой сотни десятин посева приходилось:

	на долю зерновых хлебов и бобовых	на долю корнеплодов	на долю маслян. и пром. культур	на долю кормовых трав
В Англии	47,3	18,5	0,3	33,9
» Соединенных Штатах .	69,8	1,8	10,5	17,5

Совершенно очевидно, насколько у нас чрезмерна доля зерновых культур, и насколько слабо травосеяние, недостаточна доля корнеплодов и т. д. Этот-то «пересол» по части зерна и составляет одну из главных сторон нашей сельскохозяйственной отсталости.

При этом наши урожаи хлебов были очень невелики. В среднем, ржи в Советском Союзе с десятины до войны снималось всего-навсего 52 пуд., а в Англии — 187 пуд., Германии — 121 пуд., Соединенных Штатах — 65 пуд., пшеницы в России — 42 пуд., а в Англии — 141 пуд., Германии — 142 пуд., Соединенных Штатах — 65 пуд. и т. д. Словом, урожаи западных стран с их худшими почвенными условиями превышали наши урожаи в 2 — 3 раза. Сейчас у нас урожаи еще более понизились. В 1926 г., например, урожайность зерновых хлебов была ниже довоенного уровня, примерно, на 16%.

Чем же объяснить такой низкий уровень наших урожаев и такое невыгодное распределение посевов между культурами?

Главными причинами такого состояния нашего сельского хозяйства являются низкий уровень земледельческой техники и преобладание трехпольной системы полеводства.

Откуда видно, что у нас очень низкая земледельческая техника? Возьмем сельскохозяйственные орудия: оказывается, что к началу войны в Европейской России было всего-на-всего 3342 тыс. железных плугов; на каждые 100 десятин посева приходилось всего 13,7 плуга. А разных сох, косуль и т. п. было 4408 тыс., по 18,2 на сто десятин, или на одну треть больше. Если даже таких простых орудий, как плугов, и то было совсем не много, то о более сложных и дорогих машинах и говорить нечего; например, уборочных машин было всего 253 тыс., по 0,6 на 100 десятин. Паровых молотилок 4,2 тысячи, по 0,1 на 100 десятин и т. д.

Еще хуже дело обстояло с минеральными удобрениями. До войны на десятину посева в России, в среднем, тратилось 0,4 пуд. минеральных удобрений. В то же время Германия тратила 8,8 пуд. на десятину, а Бельгия 21,4 пуд. У нас главным источником удобрений — навоза — были тощая крестьянская корова и кляча. А мы видели выше, что скота у нас на душу приходится совсем не много, меньше, чем в других сельскохозяйственных странах. Понятно поэтому, что и удобрений не хватало.

За годы войн, империалистической и гражданской, дело, конечно, нисколько не поправилось; наоборот, уровень техники опустился еще ниже. Достаточно сказать, что в 1920 г. только 46% крестьянских хозяйств в 10 губерниях Европейской России имели плуги. В 1924 г. этот процент повысился до 52%; однако в этом же году на Украине только 39% крестьянских хозяйств имели плуги. В других районах этот процент спускается до 25%. Как видно, большая половина крестьянских хозяйств СССР в 1924 г. не имеет даже плугов.[1] Конечно, несмотря на успехи за последние годы, коренным образом положение сельскохозяйственной техники в советской деревне за 2 — 3 года измениться не могло.

Отсталым способам обработки соответствуют такие же отсталые способы полеводства (т.-е. использования сельскохозяйственной площади). Наш крестьянин обыкновенно делит свою землю на три равных поля. Одно засевается озимым (рожью или пшеницей), другое яровым, хлебом или картофелем, а третье отдыхает под паром. Такая «паровая», зерновая, или трехпольная, система когда-то господствовала и в Западной Европе, но там уже давно перешли к интенсивному земледелию.

Интенсивной называют такую обработку земли, которая требует большей затраты труда и средств на ту же площадь (скажем, на одну десятину) и дает повышение продукции без добавочных земельных угодий.

Сейчас в Западной Европе применяется так называемая плодосменная (многопольная) система. При ней вся сельскохозяйственная площадь обращается в пашню (пара почти совершенно не бывает), делится на восемь, девять и больше (до восемнадцати) полей, на которых чередуются различные растения в таком порядке, чтобы одна культура подготавливала почву для другой; скажем, если лен истощает верхние слои почвы, то в следущем году сеются растения, берущие из земли другие питательные вещества, из более глубоких ее слоев. Или, скажем, засевается клевер, обогащающий землю азотом, необходимым для следующих растений, и т. п. Благодаря этому удается не только избежать истощения плодородия земли, но даже при помощи удобрения сильно повысить его, увеличивая сбор с той же земледельческой площади. Плодосменная система предполагает работу на рынок: свекла, овощи, картофель, технические растения, табак, бобовые растения и т. п. интенсивные культуры производятся не для продовольствия крестьянской семьи, а на продажу. Поэтому без рынка никакое интенсивное хозяйство жить не может. Наоборот, гораздо большая часть продуктов трехпольного, зернового, земледелия потребляется в том же самом крестьянском хозяйстве, где они произведены. Поэтому там, где выгодного рынка нет, городов и промышленности мало, железная дорога далека, — господствует трехполье. А у нас в России дело обстоит именно так.

Наша трехполка, несмотря на то, что целая треть пашни не используется, «отдыхает», чрезвычайно истощает почву, так как через два года на третий на том же поле сеется одно и то же расте-

---

[1] Данные из статистического справочника ЦСУ «Народное хозяйство СССР в цифрах», год 2-й. М. 1925 г., стр. 313 — 315.

ние, высасывающее из почвы все одни и те же питательные вещества. Отсюда и невысокие урожаи, и большая подверженность недородам и засухам и т. п. Удобрения же в лучшем случае поддерживают плодородие на одном и том же уровне. Поэтому единственный способ увеличить при трехпольи производство земледельческих продуктов, это — расширить площадь обработки, прибавить «землицы». Распашка лугов и степей, служивших пастбищем скоту, при отсутствии в трехпольи травосеяния, ставит скотоводство в затруднительное положение: скот нечем кормить. А сокращение скота равносильно сокращению удобрений. Получается, что трехпольное сельское хозяйство попадает в круг: расширение пашни сокращает количество скота, а без скота нет удобрений, и поэтому нет хлеба. Именно такое положение создавалось и в России, задерживая развитие нашего скотоводства, а иногда даже прямо сокращая его.

Вообще все жалобы нашего крестьянина на малоземелье, все его стремления к расширению, все поиски новых земель в Сибири, Киргизии, на Дальнем Востоке и т. д., — все это в значительной степени результаты трехпольного полеводства. Неверно думать, что у нашего крестьянства просто мало земли. Западно-европейские крестьяне имеют земли еще меньше, а дохода с нее получают гораздо больше. Корни «малоземелья» и нищеты нашего крестьянства — в плохом использовании имеющейся земли. Выход из нищеты не столько в расширении посевной площади, сколько в лучшей, более интенсивной обработке имеющейся сельскохозяйственной площади.

Мелкокрестьянский уклад сельского хозяйства.

Господствующий в нашем сельском хозяйстве экономический уклад соответствует низкому уровню земледельческой техники и отсталым способам полеводства. Даже до революции наше сельское хозяйство отличалось чрезвычайной размельченностью огромного большинства своих предприятий — крестьянских дворов. Крупные помещичьи имения, которых в Европейской России было всего 110—120 тыс., редко сами обрабатывали всю свою землю: около половины помещичьей земли сдавалось в аренду крестьянам. На ряду с этим, помещики из года в год распродавали часть своих земель, которые по высоким ценам переходили в руки более или менее крепких крестьян. Уменьшение, таяние помещичьего землевладения объяснялось тем, что помещики обычно не вели культурного хозяйства на своих крупных земельных площадях. Уровень помещичьего хозяйства очень немногим превышал крестьянскую отсталость; так, на земле, обрабатываемой помещиками, урожаи, в с р е д н е м, были всего на 20% выше урожаев крестьянских полей. В помещичьих имениях преобладала та же самая трехполка и зачастую та же самая соха, что и у крестьян. Между тем, крупное сельскохозяйственное предприятие выгоднее мелкого, только благодаря возможности применять лучшие машины и удобрения, рационально, по-научному, вести полеводство и т. д. В условиях одинаково скверной обработки земли, помещичьи хозяйства теряли все свои преимущества, и большинство их просто разорялось. Именно благодаря этому происходило постепенное раздробление крупных имений, и земля тем или иным путем переходила в руки крестьян. В результате, уже до войны

свыше 80% всей посевной площади находилось в крестьянских хозяйствах. Октябрьская революция, в соединении с работой комбедов и раскулачиванием, ликвидировала большинство крупных сельскохозяйственных предприятий, значительно поровняв само крестьянство. Все наше сельское хозяйство окончательно «окрестьянилось»; достаточно сказать, что 97% всей сельскохозяйственной площади оказалось в руках огромной массы мелких крестьянских хозяйств. В этом крестьянском море пока еще очень редко разбросаны островки сравнительно крупных сельскохозяйственных предприятий — совхозы и коммуны.

Всего крестьянских хозяйств в Советском Союзе в 1924 г. было 22 милл. Благодаря беспрерывному измельчанию, раздроблению число этих хозяйств все время растет и сейчас, в 1927 г. доходит до 24 милл. Что собою представляют эти «предприятия», видно из следующих цифр: в среднем, на одно хозяйство в 1924 г. приходилось 5 душ семьи, 3,3 десятины посева, 0,8 рабочих лошадей (т.-е. 8 лошадей на 10 хозяйств). Интересно сравнить размеры наших крестьянских хозяйств с северо-американскими фермами. Последних в 1920 г. насчитывалось 6,5 милл., т.-е. раза в 3½ меньше, чем крестьянских хозяйств СССР; из них 43% имели сельскохозяйственную площадь от 37 до 64 десятин на каждую ферму, 25,5% — от 65 до 369 десятин, 24% — менее 37 десятины и 7,5% — 370 и больше десятин. Если взять две первые крупнейшие группы, охватывающие вместе 68,5% всех ферм, то превышение их сельскохозяйственной площади над посевной площадью нашего среднего крестьянского хозяйства колеблется от 7 до 70 раз. Даже если учесть, что не вся сельскохозяйственная площадь в Северной Америке ежегодно засевается, и что поэтому сравнение посевной площади с сельскохозяйственной неточно, все же разница останется достаточно разительной.

Разумеется, данные о среднем крестьянском хозяйстве могут дать нам еще очень мало. Во-первых, слишком крупное, прямо-таки коренное различие имеется между всем производственно-экономическим укладом крестьянского хозяйства отдельных районов СССР; зерновое земледельческое хозяйство на Кубани и молочное, с значительным засевом льна и конопли, хозяйство ряда губерний центрально-промышленного района очень серьезно отличаются друг от друга. Во-вторых, даже в одном и том же районе крестьянские хозяйства отнюдь не представляют собой ровной, сплошной массы. Мы дальше увидим, что крестьянство СССР в условиях нэпа частично подвергается процессу *расслоения* на различные группы.

Однако, все эти различия не нарушают основного фона деревенской экономики: распыленности, измельченности нашего крестьянского хозяйства. Даже в большинстве самых крупнопосевных районов (Дон, Кубань, Украинские степи, Нижневолжский район и др.) средний размер посевной площади одного крестьянского хозяйства в 1924 г. не доходит и до 6 дес. (только в одном Нижневолжском районе этот размер составлял 18,8 дес.).[1] *Даже самая крупная* группа

---

[1] См. «Народное хозяйство СССР в цифрах». Статистический справочник ЦСУ, год 2-й, стр. 232—259.

хозяйств этих районов имела в среднем от 20 до 27 десятин посева на 1 хозяйство, т.-е. едва ли доходила до уровня самых мелких американских ферм.

Связь нашего сельского хозяйства с рынком.

Рядом с распыленностью, общий фон деревенского уклада составляла довольно значительная товарность основной массы крестьянских хозяйств. До войны на рынок поступало 34,7% всей сельскохозяйственной продукции; в 1924/25 г. соответственная доля составила 32,0%.

Однако, нельзя сказать, чтобы такой размер товарности был достаточным с точки зрения современного уровня хозяйственного развития. В других странах товарность сельскохозяйственной продукции гораздо выше: например, в Швейцарии она доходит до 79%. Между тем, связь с рынком как раз является основным толчком к переходу на интенсивное хозяйство и к общему преобразованию всего сельскохозяйственного строя. Мы уже говорили, что почти все продукты интенсивного сельского хозяйства производятся крестьянином для продажи, а главная масса «отсталых», экстенсивных, продуктов потребляется внутри его собственного хозяйства. Это можно подтвердить следующими данными. На рынок до войны поступало 100% табачной продукции, 85% льна, 90% сахарной свеклы, 48% бобов и чечевицы, 97% животного сырья и т. д. В то же время рыночность главных зерновых хлебов составляла 32%, при чем для более ценных хлебов, в роде пшеницы и ячменя, она была гораздо выше этой цифры, а для ржи, проса, овса и т. п. значительно ниже (для ржи всего 10%, проса 6%, овса 20%).

Таким образом, можно сказать, что товарная, рыночная «сторона» является как раз самой прогрессивной «стороной» нашего крестьянского хозяйства. При переходе к работе на сбыт крестьянин заинтересовывается в улучшении своего хозяйства и получает возможность специализировать его на производстве наиболее выгодных продуктов. Взамен их в крестьянское хозяйство с рынка вливаются из промышленности новые средства производства, в корне меняющие сельскохозяйственную технику. Поэтому во всем развитии нашего сельского хозяйства рыночная связь являлась и является решающей движущей силой, а слабость этой связи — одной из самых главных причин застоя и отсталости.

Целиком и полностью перестроиться по товарно-рыночному типу наше крестьянское хозяйство не могло, благодаря общему низкому экономическому уровню и земледельческой однобокости СССР. Промышленность у нас развита недостаточно; доля городского населения невелика (всего 16%); сеть железных дорог очень не густа: на 100 кв. километров в СССР приходится 1,1 километра железных дорог, а, скажем, в Бельгии—29,9 километров. Словом, у нас не хватает основных предпосылок для создания товарного, а значит, и интенсивного сельского хозяйства.

Правда, развитие нашего сельского хозяйства опиралось, опирается и будет опираться не только на внутренний рынок, но в очень значительной мере и на мировой рынок сельскохозяйственных продуктов. Роль внешнего рынка для основных отраслей нашего сельского хозяйства очень и очень велика. Так, в 1913 г. вся товарная часть

сельскохозяйственной продукции следующим образом распадалась на три основные рыночные группы:[1]

Валов. прод. с.-х. составляла в милл. руб.	Товарн. часть продукции составляла		Доля в товарной продукции					
			внутри крестьянск. рынка		городского рынка		вывоза за границу	
	в милл. руб.	в % к валов.	милл. руб.	% к товарн. прод.	милл. руб.	% к тов. прод.	милл. руб.	% к тов. прод.
11554	4010	34,7%	989,7	25%	778	44%	1242	31%

Таким образом, за границу вывозилось 31% всей товарной массы сельскохозяйственных продуктов. По отношению к валовой продукции вывоз дает около 10%. Для отдельных культур роль мирового рынка была еще выше. Так, в 1913 г. за границу было вывезено: 12% всей произведенной пшеницы, 31% ячменя, 61% льна и кудели и т. д. Война и революция сильно ослабили связь нашего сельского хозяйства с мировым рынком. В 1923/24 г. за границу было вывезено всего 10% товарной части сельскохозяйственной продукции, всего 6% валовой продукции пшеницы, 23% льна, 7% ячменя, 9% кукурузы и т. д. В 1924/25 г. (год недорода) внешний рынок поглотил около 8% товарной массы сельскохозяйственных продуктов.

Однако, транспортная и промышленная недоразвитость нашего хозяйства не давали возможности поставить сельскохозяйственный экспорт так, чтобы он действительно являлся фактором энергичной интенсификации сельского хозяйства. Мы в главе о торговле увидим, что благодаря нашей внутренней экономической слабости наш экспорт носил на себе отпечаток отсталости, плохой организации и маловыгодности. Поэтому совершенно неправильно было бы думать, что наше сельское хозяйство может развиваться на основе простого расширения связей с мировым рынком. Без развертывания нашей промышленности, без роста городов, без увеличения железнодорожной сети наше сельское хозяйство не сможет использовать экспорт как орудие своей действительной интенсификации. Наоборот, в этом случае он сможет явиться средством закабаления крестьянского хозяйства западным капиталом и даже известной задержкой развития ряда наиболее выгодных отраслей земледелия и животноводства.

Падение и восстановление сельского хозяйства.

Сейчас наше сельское хозяйство в основном уже оправилось от трех страшных ударов, один за другим обрушившихся на него за 1914—1921/22 гг.: империалистической войны, гражданской войны и голода 1921 г. Эти удары не только разрушали сель-

[1] Таблица составлена по «Контрольным цифрам Госплана на 1924/25 г.», стр. 66 и 67, и по Кауфману «Организация и регулирование внешней торговли России», стр. 96. Данные приблизительные.

скохозяйственные средства производства и сокращали размер сельскохозяйственной продукции; вместе с этим они тянули наше сельское хозяйство назад, усиливали его самые отсталые стороны и уничтожали всякие зачатки интенсивного хозяйства. Это объясняется, в первую голову, тем, что товарообмен под влиянием войны и разверстки расстроился, а на сжатом, стиснутом, дезорганизованном рынке эпохи гражданской войны самую высокую цену до 1922 г. имел хлеб. Поэтому крестьяне всех районов забрасывали интенсивные культуры и переходили к посеву ржи, пшеницы, проса и т. д. Так, при общем сокращении посевной площади на одну треть, посев хлопка сократился в 9 раз, свекловицы в $4^1/_2$ раза, льна в 2 раза и т. д. А такая экстенсивная продовольственная культура, как просо, дала к 1920 г. прирост посева на $8^0/_0$. В итоге, к 1922/23 г. мы были отброшены назад, примерно, к уровню начала 1900-х г. Так, вся посевная площадь 1923 г. составила $94^0/_0$ от средней площади 1901 — 1905 гг., и всего $76^0/_0$ площади 1916 г.

Все же сельское хозяйство пострадало гораздо меньше промышленности. Если продукция последней пала (к 1921 г.) до $17^0/_0$ довоенного уровня, то посевная площадь не спускалась ниже $60^0/_0$, а валовая продукция сельского хозяйства — ниже $52^0/_0$. Эта большая устойчивость сельского хозяйства объясняется примитивностью его техники; основное сельскохозяйственное средство производства — земля, почва, — очень мало подвергается разрушению. Сельскохозяйственный живой и мертвый инвентарь стоит дешевле и восстанавливается гораздо легче, чем оборудование крупной промышленности.

Восстановление сельского хозяйства началось с 1922/23 г. и за три-четыре года, до 1926 г., посевная площадь успела дойти до $96^0/_0$ от довоенного уровня. Количество лошадей восстанавливается медленнее посевной площади, из-за чего создается недостаток в рабочем скоте и удобрениях: в 1926 г. число лошадей составляло $79{,}4^0/_0$ от уровня 1917 г. Зато количество крупное рогатого скота к 1926 г. достигло $102{,}4^0/_0$ от 1916 г.

С восстановлением рынка очень быстро возродились посевы интенсивных культур. По темпу прироста они обгоняли все остальные отрасли земледелия. Поэтому большинству из них удалось покрыть тот особенно сильный урон, который нанесло им время голода и безрыночности. Так, хлопководство в 1923 г. дало прирост в $240^0/_0$ по сравнению с 1922 г.; в 1924 г. (по сравнению с 1923 г.) в $121^0/_0$; в 1925 г. (по сравнению с 1924 г.) в $29^0/_0$; прирост свеклосеяния составит соответственно $37^0/_0$, $45^0/_0$ и $36^0/_0$; льноводства — в 1924 г. на $23^0/_0$; в 1925 г. на $25^0/_0$; травосеяния — в 1924 г. на $31^0/_0$; в 1925 г. на $17^0/_0$ и т. д. В итоге, уровень восстановленности интенсивных культур уже к 1925 г. не только не отставал, но часто даже превышал общий уровень восстановления нашего сельского хозяйства; в 1925 г. при общей посевной площади в $92{,}8^0/_0$ от довоенного уровня, посевная площадь картофеля составляла $124^0/_0$ от 1913 г.; подсолнуха — $197^0/_0$; конопли — $119^0/_0$; льна — $90^0/_0$; хлопка — $113^0/_0$; табака и махорки — $115^0/_0$; бахчи и огороды — $111^0/_0$ и т. д.

Таким образом, можно сказать, что так же, как в промышленности, и в сельском хозяйстве мы в общем и целом закончили восстановле-

ние довоенного производственного уровня. Но этот уровень является настолько отсталым, что с момента его восстановления основная хозяйственная работа пролетарской власти еще только начинается.

§ 11. ПОДХОД К ПЕРЕДЕЛКЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ПЕРИОД ВОЕННОГО КОММУНИЗМА И ПРИ НЭПЕ.

Можно сказать, что наша деревенская действительность имеет две самые главные характерные черты. Во-первых, однобокое, чрезмерное преобладание посевов зерновых хлебов (в частности — ржи); очень низкая урожайность этих хлебов, происходящая из-за плохого способа обработки, из-за неслыханной технической отсталости и т. д.; недоразвитость всех других видов сельского хозяйства (животноводства, технических культур). Все это и есть то, что мы называем отсталостью нашего сельского хозяйства со стороны производства.

Во-вторых, страшная распыленность, раздробленность, измельченность крестьянских хозяйств, отсутствие значительного слоя крупных сельскохозяйственных предприятий.

Вот из этого-то состояния нашего сельского хозяйства, т.-е. из этой отсталости и распыленности, из этих «двух китов» современной советской деревни, надо исходить при определении линии пролетарской экономической политики в деревне.

Основные задачи советской деревенской политики.

Главная задача, стоящая перед нашей экономической политикой в области сельского хозяйства, имеет две стороны: во-первых, нам нужно поднять производительные силы сельского хозяйства. Нам нужно преодолеть отсталость и создать передовое, доходное, богатое сельское хозяйство. Этим мы подведем техническую, производственную, культурную основу под социалистические отношения, под пролетарскую диктатуру. Во-вторых, нам необходимо, чтобы деревня богатела не по-старому, не по-капиталистически, а по-новому, социалистическими путями.

Наша задача — добиться того, чтобы поднималось все крестьянство; чтобы его хозяйства объединялись не так, когда сотни разоряются, а один прибирает все к своим рукам, «объединяет» сотни десятин земли и лучшие машины у себя в собственность, а так, когда крестьяне сами добровольно объединяются в коллективные крупные хозяйства, совместно закупают все машины, совместно ведут обработку земли, постепенно организуя сельское хозяйство, примерно, так же, как у нас сейчас организована госпромышленность или совхозы. В общем, мы добиваемся социалистического развития сельского хозяйства, социалистического повышения его производительных сил.

Конечно, никак нельзя разделять социалистическую переделку деревни от повышения производительных сил сельского хозяйства. Во-первых, социализм в деревне может укрепиться только на основе таких способов обработки земли, которые не под силу мелкому крестьянскому хозяйству, а требуют большого, крупного, по-научному поставленного предприятия. Во-вторых, по социалистическому пути деревня

пойдет только в том случае, ежели этот путь обеспечит самое скорое, самое основательное повышение производительных сил. Если бы социалистическая политика задерживала рост производительных сил, то тогда она не могла бы иметь успеха. Но на деле самый быстрый и верный путь подъема производительных сил и есть путь к социализму. Можно сказать, что, только по-социалистически переделывая деревню, возможно по-настоящему, «во всю» поднять уровень сельского хозяйства. Мы в дальнейшем на деле убедимся, что социалистические мероприятия Советской власти как раз выводят нашу деревню на широкую дорогу технических и культурных улучшений.

Работа по технико-производственному преобразованию нашего сельского хозяйства неразрывно связана с развертыванием советской социалистической индустрии. В предыдущей главе мы говорили уже о том, что в теперешний период хозяйственного развития СССР индустрия играет роль того рычага, при помощи которого будет перестраиваться все народное хозяйство. Ключ к разрешению трудных проблем развития сельского хозяйства лежит в настоящее время в развертывании промышленности. Только это развертывание в состоянии создать технические, рыночные, транспортные и т. п. предпосылки, необходимые для преобразования сельского хозяйства. С другой стороны, поскольку в центр внимания пролетариата СССР входит задача форсированного подъема индустрии, постольку реконструкция (преобразование) сельского хозяйства становится совершенно необходимой с точки зрения создания сырьевой, продовольственной и рыночной базы для промышленности.

XV партконференция в резолюции о хозяйственном положении следующим образом формулирует наши задачи в области сельского хозяйства и связь этих задач с работой по развертыванию индустрии. «Держа в дальнейшем неуклонно курс на развитие производительных сил сельского хозяйства, которое обеспечивает возможность быстрейшего развития промышленности и всего народного хозяйства, необходимо в практической работе в отношении крестьянства продолжать политику, направленную на развитие технических культур и животноводства, механизацию и интенсификацию сельского хозяйства, развитие отраслей промышленности, перерабатывающих сельскохозяйственные продукты, развитие совхозного и колхозного строительства». [1]

«Наступающий хозяйственный период, — читаем мы в другом месте той же резолюции, — вскрывает новые трудности как в развитии сельского хозяйства, так и в общественных отношениях в деревне. Недостаточность сельскохозяйственного инвентаря и машиноснабжения деревни служит причиной замедления хода развития сельскохозяйственного производства и может быть изжита лишь в связи с успешным развитием индустриализации. Недостаточное развитие сельскохозяйственной культуры, преобладание отсталых форм хозяйства, — все это служит громадным препятствием для дальнейшего развития всего народного хозяйства». [2]

---

[1] «Резолюции, принятые XV партконференцией». Гиз., 1927 г., стр. 19.
[2] Там же, стр. 16.

Отсюда вытекает то, что упорная борьба за постепенное изживание этой недостаточности и отсталости развития нашего сельского хозяйства является одной из самых важных и центральных и самой крупной по объему задачей реконструктивной работы пролетариата.

Военно-коммунистический план государственного регулирования крестьянского хозяйства.

Первая попытка подойти к переделке крестьянского хозяйства была сделана еще в годы военного коммунизма: на VIII Съезде Советов, в конце 1920 г., был принят определенный план подъема и перестройки нашей деревни. Он в главных чертах сводился к следующему.

Хорошая обработка земли и полный засев полей были объявлены «великой государственной обязанностью крестьянского населения».[1] Предлагая всем советским учреждениям, всем городским и деревенским советским предприятиям напрячь все силы и всемерно помочь крестьянину, VIII Съезд Советов одновременно «требует от всех земледельцев полного засева полей, по заданию государства, и правильной их обработки по примеру лучших, наиболее старательных хозяев, середняков и бедняков». Сколько сеять, что сеять, как обрабатывать землю,— все эти вопросы решает не отдельный крестьянин сам по себе, как он этого хочет, как ему это выгодно,—все эти вопросы заранее разрешаются «по единому плану и под единым руководством». Составляется особый «общегосударственный план обязательного посева», который разверстывается по губерниям, уездам, волостям и т. д., чуть ли даже не по отдельным дворам, при чем каждый крестьянин обязан выполнить свою часть такого плана. Для руководства всей этой работой создаются особые посевные комитеты в губерниях, уездах и волостях.

Как видно, основная мысль всего этого плана состоит в принудительном регулировании государством крестьянского хозяйства. Такое государственное принуждение при подъеме крестьянского хозяйства должно было соединяться с огромным размахом убеждения, агитации, призывами крестьянства к улучшению своего хозяйства. Одновременно Советская власть должна была притти на помощь крестьянину: все комиссариаты, кто чем мог, должны были облегчить тяжелое положение крестьян. Наконец, для поощрения тех деревень или отдельных старательных хозяев-крестьян, которые достигли «наибольших успехов путем точного выполнения планов засева и правил улучшенной обработки земли», устанавливаются особые премии. Эти премии должны были состоять в усиленном снабжении сельскохозяйственными орудиями, фабричными товарами, или в снижении продразверстки и других льготах. Однако, насчет премирования отдельных домохозяев в постановлении VIII Съезда Советов есть оговорка: оно «должно быть поставлено на второй план», премировать их можно только при условии, если они ведут хозяйство «без малейшего применения кулацких приемов», и если есть «непременная гарантия», что премия не станет «орудием превращения хозяина в кулака». Эти оговорки в тогдашних условиях почти что сводят на нет всякую возможность сколько-

[1] Все неоговоренные особо цитаты — из резолюции VIII Съезда Советов «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства». (Подчеркнуто всюду нами.)

нибудь широко премировать отдельных крестьян. А это окончательно уничтожает личную заинтересованность отдельного крестьянина в хорошем ведении хозяйства: на премию надежда слаба, продавать хлеб нельзя, почти все нужно сдавать по разверстке, — какой же интерес улучшать хозяйство? Поэтому центральным способом и должно было явиться «принуждение» и «убеждение» да «помощь» Советской власти (тогда тоже сомнительная).

Этим путем рассчитывали шаг за шагом подвести крестьянство к социалистическому хозяйству: сначала борьба с недосевом и общий план засева, потом полное регулирование севооборота; дальше — мобилизация людей, лошадей, инвентаря, их перераспределение сообразно размеру запахиваемой площади, создание общественной запашки, коллективного выполнения государственной повинности — обработки земли. Как видно, постепенно дело переходит от простого регулирования крестьянского хозяйства к организации социалистического сельскохозяйственного производства. При этом, понятно, исключался всякий обмен, всякая торговля. Все продукты сельского хозяйства (сверх необходимых для пропитания и корма скота и семян) крестьяне сдают государству. Свободная торговля запрещается, крестьянское стремление к наживе, к продаже всячески ущемляется, запирается, так как при свободе торговли немыслимо было втиснуть каждого крестьянина в рамки плана. Взамен отбираемого хлеба крестьяне должны были натурой получать все необходимые городские товары. А пока их не было, пока заводы и фабрики стояли, крестьяне должны были дать голодному рабочему хлеб взаймы, в долг. Рабочий восстановит промышленность, фабричные трубы снова задымятся, начнется перестройка советского хозяйства на основе крупных машинных способов производства, и крестьянин сторицей получит назад свою ссуду хлебом. Тогда наладится правильный, безденежный, безрыночный обмен продуктами между городом и деревней, тогда крестьянин будет снабжен сельскохозяйственными орудиями и предметами широкого потребления. И тогда уже в деревне не будет отсталых, полудиких, нищих крестьянских хозяйств.

Неудача этого плана.

Как нам уже известно (см. гл. I, § 3), оказалось, что этот план осуществить невозможно. Во-первых, в мирной обстановке лишить мелкого крестьянина рынка, запретить ему торговать, — это то же самое, что отнять у него воздух и порвать с ним экономическую связь. Во-вторых, всякое ослабление личной заинтересованности крестьянина было равносильно дальнейшему ухудшению способа ведения им своего хозяйства. В-третьих, подействовать на хозяйственную работу некультурной, распыленной, многомиллионной крестьянской массы словесным убеждением или принуждением было совершенно невозможно. Тем более невозможным оказалось построить такой план сельского хозяйства, который бы охватил всю многомиллионную массу крестьянских хозяйств. Для такого плана нужно предварительно превратить нашу деревню из совокупности массы крошечных хозяйств в совокупность ряда крупных культурных, машинных сельскохозяйственных предприятий; 22 — или даже 24 — милл. крестьянских хозяйств, из которых половина ведут свое хозяйство с сохой, не имея даже плуга, никакими планом не охватишь.

Нэп и переход к постепенной переделке крестьянского хозяйства.

Поэтому понятно, что с нэпом Советская власть подошла к делу переделки нашего сельского хозяйства с совсем другими приемами.

Ленин следующим образом определяет сущность нового подхода к переделке экономического уклада нашего сельского хозяйства.

Старый, военно-коммунистический подход (который мы только что разобрали) состоял в «прямой и полной ломке старого для замены его новым общественно-экономическим укладом». Но «с весны 1921 г. мы на место этого подхода, плана, метода, системы действий ставим совершенно иной, типа реформистского: не ломать старого общественного экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими или получая возможность подвергать их государственному регулированию лишь в меру их оживления.

Совершенно иной подход к задаче».[1]

Новый подход потому является «реформистским», что он переделывает крестьянское хозяйство «осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше» (Ленин); он не разрушает сразу же все основные привычки, навыки, способы хозяйственной жизни и работы, самостоятельность крестьян, их право распоряжаться продуктом их труда, их торговую, рыночную связь с городом и друг с другом, их стремление к личному богатству и т. д. Все это, так строго запрещавшееся, ломавшееся до 1921 г., современный подход к делу кладет в основу улучшения сельского хозяйства и его социалистической переработки. Разберемся, каким образом это достигается.

Чтобы серьезно, основательно и широко двигать наше сельское хозяйство вперед, надо проводить такие меры, которые захватили бы основную массу нашей деревни. Никуда не годился бы такой подход к делу, при котором переделка захватила бы совхозы, колхозы, небольшую кучку передовых крестьян, а основная крестьянская масса осталась бы нетронутой. При таком подходе наше сельское хозяйство в целом еще очень и очень долгое время находилось бы на мертвой точке. Надо подойти к делу так, чтобы улучшения захватили все крестьянское море; надо проводить такие меры, которые бы рассчитывали на крестьянскую массу, которые толкали бы среднего, рядового крестьянина улучшать свое хозяйство и помогали ему в этом нелегком деле. Встает вопрос, как же можно улучшать сельское хозяйство так, чтобы в этом улучшении могло участвовать каждое рядовое крестьянское хозяйство? Для этого прежде всего нужно начинать переделку сельского хозяйства с доступного, понятного, выгодного именно среднему, рядовому мужицкому хозяйству. Надо не огорашивать крестьянина чем-то новым, неслыханным, чуждым ему (например, запрещение торговли, посев по плану и т. д.); надо, наоборот, считаясь с его привычками, с укладом его мелкого частного хозяйства, постепенно показывать ему сначала небольшие, сравнительно мелкие

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 410. (Курсив Ленина.)

улучшения, в ближайшее же время укрепляющие его хозяйство и приносящие ему очевидную пользу, прямую выгоду, даже попросту прямую наживу. Надо, чтобы каждое улучшение соответствовало интересам крестьянина, делало бы его более богатым. Если крестьянин на живом деле, на примере убедится в том, что ему выгодно провести такое-то улучшение, и если он получит известную поддержку в своем стремлении перенести его к себе в хозяйство, то он, конечно, сам начнет переделывать собственное хозяйство, сам пойдет по тому пути, по которому его хочет направить Советская власть. Таким образом, дело государства не приказывать крестьянину улучшать свое хозяйство, а показывать ему, какие улучшения ему доступны и выгодны, т.-е. заинтересовывать его в этих улучшениях, подталкивать его к ним и поддержать его самодеятельность, его стремление к улучшениям ради собственной выгоды.

Задача увеличения товарности крестьянского хозяйства.

Но для того, чтобы крестьянину выгодно было проводить улучшения своего хозяйства, чтобы он был заинтересован в переходе к интенсивному, передовому ведению хозяйства, для этого необходимо, чтобы он имел тесную связь с рынком. Только превратив крестьянское хозяйство в хозяйство товарное, работающее на рынок, можно заинтересовать его в улучшениях и наладить его переделку.

Мы выше уже говорили, что все выгодные, доходные сельскохозяйственные культуры предназначаются большей частью в качестве сырья для промышленности, или корма для скота, или продуктов питания для городского населения и т. д. Да и вообще говоря, любую отрасль сельского хозяйства стоит как следует развивать, добиваться наибольшего количества продуктов, усиленно трудиться, применять машины и хорошее удобрение и т. д. только в случае, если есть рынок, куда эти продукты можно выгодно сбыть и купить взамен их сельскохозяйственные машины, удобрения, предметы широкого потребления и т. д. Если хозяйство работает только само на себя, без значительного обмена, то нет никакого смысла особенно его расширять и улучшать. Наоборот, развитая торговля толкает крестьянина к переходу на культурное хозяйство.

Без развития обмена сельское хозяйство не может двигаться вперед еще и потому, что невозможно провести специализацию каждого района на той отрасли сельского хозяйства, которая больше всего ему подходит по природным условиям. Ведь в каждой полосе Советского Союза выгоднее всего засевать ту или иную группу культур (рожь, овес, картофель или пшеницу, ячмень, свеклу, виноград, фрукты, табак и т. д.) или разводить тот или другой вид скота и т. п. Но, чтобы отдать все силы целесообразному и выгодному использованию этих возможностей, нужно, чтобы была меновая связь между отдельными частями нашего сельского хозяйства. Если все сельские хозяева будут работать на продажу, если обмен будет развит, тогда они могут все свои силы отдать на те растения или виды скота, которые составляют специальность их района. Все остальное они будут покупать в обмен на свои товары. Внутри сельского хозяйства, сообразно природным условиям, будет проведено разделение труда.

Наконец, для развития сельского хозяйства нужна связь с промышленностью. Для замены отсталого оборудования усовершенствованным, для получения хороших удобрений, для научной постановки сельского хозяйства нужно торговать с заводами и фабриками, нужно использовать городскую культуру. А такая связь опять-таки возможна только через рынок, только через торговлю. Значит, с какой стороны ни подходи, а при современной организации нашего хозяйства только товарная, рыночная связь толкает крестьянина к применению улучшений в своем хозяйстве и дает ему возможность их провести. Вместе с тем, подъем сельского хозяйства через развитие товарооборота как раз является подходом, доступным и понятным каждому мелкому крестьянину. Рынок как раз зацепляет крестьянина за его стремление к выгоде, к богатству и ведет его на основе этого стремления к необходимым улучшениям. Значит, рыночная форма подъема сельского хозяйства — самая подходящая, самая близкая и понятная для мелкого крестьянского хозяйства. Тут не нарушается, не ломается сразу же весь привычный мелкособственнический уклад; наоборот, все улучшения основываются на практическом укреплении мелкого крестьянского хозяйства, все они вытекают из интересов самого крестьянина.

Теперь нам не трудно понять, какой подход к переделке крестьянина должна была выбрать Советская власть в условиях новой экономполитики. Как видно, самым верным способом улучшить и перестроить крестьянское сельское хозяйство — является подход к нему со стороны торговли, со стороны рыночного интереса крестьянина. Вместо того, чтобы по плану приказать крестьянину засеять побольше земли и провести такие-то улучшения, Советская власть стремится, чтобы рынок показал крестьянину, что его же собственная выгода требует большого посева, хорошей обработки, введения в севооборот технических растений и т. д.

Задача соединения развития товарности и движения к крупному социалистическому хозяйству.

Можно подумать, что, держа курс на торговлю, на развитие товарности мелкого крестьянства, Советская власть этим самым как бы отрекается от задачи перестроить нашу деревню на основе крупных, социалистических сельскохозяйственных предприятий и хочет увековечить мелкое крестьянское хозяйство. Но это не верно. Конечно, Советская власть через торговлю оживляет и поднимает мелкое крестьянское хозяйство. Но она это делает для того, чтобы через эту же самую торговлю повести мелкокрестьянскую деревню по пути к социалистическому сельскохозяйственному производству. Все дело в том, что Советская власть подходит через торговлю и рынок к крестьянину, берет его «на буксир» за его частный интерес, и потом постепенно начинает подводить сотни крестьянских хозяйств к совместному, коллективному ведению хозяйства. Мы увидим дальше, какими практическими путями удается соединить продвижение к социалистическому сельскому хозяйству с подъемом основной массы мелких крестьянских хозяйств.

§ 12. ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

Первым важным вопросом, стоящим перед Советской властью в ее сельскохозяйственной политике, является вопрос о том, как организовать пользование пригодной землей, кому и на каких началах отдать ее в обработку, какие установить правила ее передачи из рук в руки, как провести правильную распланировку крестьянских земель и т. д. Установление определенного порядка пользования землей и называется земельной (аграрной) политикой.

Национализация земли и трудовое землепользование.

Главной основой советского земельного порядка является национализация земли. Это значит, что вся земля Советского Союза составляет собственность советского государства: первая статья советского Земельного Кодекса[1] устанавливает, что «право частной собственности на землю, недра, воды и леса в пределах РСФСР отменено навсегда». Конечно, само государство не является фактическим пользователем всей принадлежащей ему огромной сельскохозяйственной территории. Подавляющая часть удобной для земледелия площади разбита на сравнительно мелкие крестьянские участки. Но крестьяне, как и все другие сельские хозяева, не являются в Советском Союзе собственниками «своей» земли. Государство предоставило им землю только в «трудовое пользование». Разберемся, в чем заключается последнее.

Раз получив в пользование землю — или на основании бесспорного фактического пользования землей по обычаю, или путем отвода земельным органом, или через постановления земельного общества, — крестьянин имеет право пользоваться ею бессрочно. «Право на землю, предоставленную в трудовое пользование, бессрочно» — гласит II статья Земельного Кодекса. Землепользователь может быть совершенно спокоен за прочность обладания своим участком: по закону никто не может отнять у него землю, если он сам ее не забросит, не прекратит ее обработку, или если его земля не понадобится для каких-либо государственных нужд (проведение путей сообщения, разработка ценных ископаемых и т. д.). В последнем случае ему будет отведен другой, равноценный участок, и убытки должны быть ему возмещены. Однако, это обладание землей постоянно и прочно только до тех пор, пока крестьянин по-трудовому ее использует. Государство передает крестьянам землю не для того, чтобы они проделывали с ней все, что им вздумается; крестьяне получают землю только для того, чтобы приложить к ней свой труд, свой инвентарь, чтобы наладить на ней свое хозяйство. Поэтому крестьянин может вполне самостоятельно распоряжаться землей только до тех пор, пока он ведет на ней свое хозяйство. Но если он захочет распоряжаться ею, как своей собственностью, если он скажет: земля моя, могу ее продать, могу под залог земли взять взаймы денег, могу сдать этак лет на 20—30 землю в аренду,— словом, могу, как хочу, передавать ее из рук в руки, — то тут он натолкнется на закон, который ответит ему: земля дана тебе не в собственность, а в трудовое пользование. Если ты ею по-трудовому пользуешься,— тебе никто не может

[1] Кодексом называют свод законов по какому-либо вопросу.

мешать, отнимать у тебя землю и т. п. Но если ты совсем бросаешь по-трудовому использовать землю, то ты теряешь всякие права на нее. Поэтому ты не можешь торговать землею так, как торгуешь коровой, лошадью или какой-либо другой своей собственностью. При попытках торговать землей крестьянин перестает быть ее хозяином, и она переходит в распоряжение крестьянского земельного общества или органа государственной власти.

Тут ясно видна разница между собственностью и трудовым пользованием: прочное обладание землей при трудовом пользовании связано с трудом. Если крестьянин сам ведет хозяйство, если он не хочет спекулировать «своей» землей, то он также постоянно и прочно держит ее в руках, как если бы она была его собственностью. Но он не может ею распоряжаться, если он хочет превратить ее из своего главного средства производства в предмет купли и продажи. В пределах Советского Союза земля не является предметом торговли; «покупка, продажа или запродажа, завещание или дарение, а также залог земли запрещается» (ст. 27 Земельного Кодекса).

Таким образом, трудовое землепользование, с одной стороны, обеспечивает крестьянину прочное обладание землей, а, с другой, сохраняет национализацию земли, оставляя Советское государство единственным собственником всей земли. Трудовое землепользование соединяет национализацию земли с существованием миллионов крестьянских хозяйств.

Отсутствие собственности на землю имеет значение меры, предупреждающей скупку земли богатеями, разорение крестьянства и образование нового слоя земельных капиталистов. Правда, от одного отсутствия прав частной собственности на землю в сельском хозяйстве еще не получается никакого социализма. Но все же получается известная преграда развитию капитализма, *частичное стеснение и предупреждение* такого развития.

Аренда и наемный труд. Трудовое землепользование должно все-таки дать крестьянину известную возможность «маневрировать». Нельзя попросту заявить, что, только пока ты работаешь своими руками на данном участке, он в твоем распоряжении, а раз ты нанял батрака или временно сдал свою землю в аренду, то ты теряешь все свои прова. Такие законы прежде всего сильно ударили бы по состоянию сельского хозяйства, не давали бы ему подниматься. Ведь рабочая сила, скот и инвентарь могут не соответствовать земельному наделу данного крестьянина. Скажем, у вдовы с подрастающими ребятами нет сил и средств обработать всю ее землю. А рядом крепкий крестьянин с семьей в несколько взрослых работников, с хорошим инвентарем и накопленными денежными средствами может обработать земли больше, чем ему отведено. Если бы запретить аренду и наемный труд, то тогда или нужно было бы все время отнимать землю у одних, слабых крестьянских хозяйств и передавать ее другим, или пойти на то, что часть земли будет пустовать, а рядом рабочая сила и инвентарь будут пропадать без работы. Это было бы невыгодно всем крестьянам и задерживало бы рост сельского хозяйства. Поэтому советские законы разрешают передачу земли во временное пользова-

ние другому лицу, т.-е. разрешают аренду. При этом срок аренды ограничивается тремя севооборотами Если за это время основной землепользователь не сможет подняться, укрепиться и повести обработку всей отведенной ему земли, то это значит, что ему вообще почему-либо приходится забрасывать сельское хозяйство; поэтому эта земля должна поступить в «местный земельный фонд для удовлетворения потребности в земле других членов данного общества» (т.-е. крестьянского земельного общества; ст. 30 Земельного Кодекса).

Конечно, разрешение аренды может дать известную свободу развивающемуся хозяйству кулака. Кулаки могут использовать этот закон в целях увеличения массы обрабатываемой ими земли. Но бороться с кулаком мы должны не запрещением всего того, что он может использовать; тогда бы мы скатились к военному коммунизму, ибо нам пришлось бы ставить всякие рогатки торговле. Настоящая борьба с кулаком должна итти по линии экономической поддержки и объединения бедняков и середняков. Между тем, запрещение аренды одним своим концом как раз могло бы ударить по тем ослабленным крестьянским хозяйствам, которые в большинстве случаев как раз и сдают землю. Вышла бы не поддержка бедняка, а помеха ему.

Примерно, так же обстоит дело с наемным трудом в сельском хозяйстве. В нашей деревне имеется значительное аграрное перенаселение, т.-е. огромный избыток рабочих рук. Число неиспользованных работников в нашей деревне по некоторым исчислениям превышает шесть миллионов. Излишнее население как раз сосредоточено в малопосевных, слабо обеспеченных скотом и инвентарем бедняцких хозяйствах. С другой стороны, верхние слои крестьянства — кулаки и полукулаки — нуждаются в дополнительных рабочих руках. Часто и слабым хозяйствам красноармейцев, вдов и т. п. приходится прибегать к наемным рабочим. Запрещать и преследовать наемный труд было бы бессмысленно и вредно; сельское хозяйство от этого бы пострадало, да и бедняки, ищущие заработков, были бы недовольны. Поэтому Советская власть разрешает наемный труд, стремясь оградить интересы батраков их профессиональной организацией и определенным контролем советских органов.

В настоящее время охрана труда деревенских батраков регулируется на основе изданных в 1925 г. «Временных правил об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах». Эти правила предусматривают письменные соглашения между нанимателем и нанимаемым, при чем они могут от имени батрака подписываться также профсоюзом. Эти соглашения не могут ухудшать положение батрака или батрачки по сравнению с установленными «Правилами» условиями. Письменные соглашения регистрируются в сельсоветах и приобретают силу с момента их подписания сторонами. Максимальный срок соглашения — 1 год. «Правила» устанавливают обязательность предоставления батракам и батрачкам 1 дня отдыха в неделю и освобождения их от работы во все другие праздничные дни. «В случае необходимости в страдную пору и для нанимателя, и для батрака (батрачки) работать в какой-либо праздничный

день, неиспользование праздничного дня возмещается батраку (батрачке) или другим днем или денежной оплатой по особому соглашению. «Правила» устанавливают в качестве минимума зарплаты тот государственный минимум, который публикуется для данной местности. В случае болезни батрака или батрачки, а также в случае беременности последней, наниматель обязан не менее месяца (при найме на год) или двух недель со дня прекращения работы (при найме на сезон) выплачивать им установленную в соглашении зарплату. Социальное страхование обязательно только для хозяйств, «пользующихся одновременно наемным трудом не менее трех батраков или батрачек в течение целого сельскохозяйственного года». В случае, если батрак (батрачка) застрахован, за время его болезни или беременности батрачки выплата зарплаты производится страхкассой.

«Правила», учитывая реальные условия сельскохозяйственных работ в нашей деревне, допускают «удлиненный рабочий день» (т.-е. рабочий день свыше 8 часов) «по соглашению сторон, в зависимости от характера работ в отдельные сельскохозяйственные периоды».

Минимальный возраст наемных сельскохозяйственных рабочих устанавливается в 14 лет, при чем для особо легких работ допускаются подростки не моложе 12 лет. «Запрещается применять труд подростков и беременных женщин на непосильных и вредных для их здоровья работах». «Правила» предусматривают также предупреждение об увольнении (или же выходное пособие), вознаграждение в связи с увечьем или смертью и ряд подобных мер, защищающих интересы батрачества.

За осуществлением этих правил следит, с одной стороны, государственная сельскохозяйственная инспекция труда, с другой стороны — профессиональная организация батраков, пастухов, работников леса, рабочих совхозов и т. д., союз сельскохозяйственных и лесных рабочих (Всеработземлес). Конечно, инспекции труда не под силу наблюдать за сотнями тысяч крестьянских хозяйств, применяющих наемную рабочую силу. Поэтому особое значение приобретает организация батраков, популяризация среди них «Временных Правил», усиление работы низовых органов «Всеработземлеса». Только укрепление самой профессиональной организации батраков сможет обеспечить действительную охрану их труда.

Землеустройство.

Таким образом, Советская власть, с одной стороны, сохраняет национализацию земли, а с другой — передает крестьянскому хозяйству землю в постоянное пользование на удобных и нестеснительных для крестьянина основаниях. Но мало передать крестьянам землю и установить основные правила пользования ею. В наследство от старого земельного порядка нам осталось очень неудобное расположение крестьянских земель. Даже назревшие, понятные и доступные улучшения нельзя провести в жизнь, если небольшой крестьянский надел состоит из многочисленных узких полосок, разбросанных по разным концам земельной площади села, вперемежку с полосами других хозяев, в большом расстоянии от двора и т. д. При таких условиях нельзя вести правильный севооборот, нельзя как следует удобрять землю, нельзя рассчетливо и экономно тратить рабочую силу, силу лошади и т. д. Между тем, у нас в деревне

как раз господствует такое чересполосное расположение наделов, многочисленность полос и вытекающая из них узкополосица, отдаленность земли от двора и т. п. Приведем примеры такого «землеустройства». В Северо-Западном районе до войны 86% крестьянских хозяйств имели свою землю разбитой на 21—100 полос; на севере—98% хозяйств имело землю в 21—100 полос; в центре—48%. На северо-западе—27% крестьянских хозяйств имели землю не меньше, чем в 60 полосах. Понятно, что такая лоскутность не дает крестьянину улучшать свое хозяйство.

С другой стороны, дальноземелье (т.-е. отдаленность земель от двора) срывает необходимое удобрение полей. Обычно при трехпольи необходимое удобрение вывозится крестьянином только на полосы, лежащие не дальше 3—4 верст от усадьбы. А при больших селах пашня удалена обычно на 3, 5 и более верст. Так, в Курской губ., в небольших селах до 100 дворов, 65% пашни удалены менее чем на 3 версты от двора. А в селах свыше 100 дворов—59% пашни отстоят более чем на 5 верст от усадьбы: следовательно, вывоз навоза на них невозможен. На юго-востоке, где села в несколько тысяч дворов встречаются очень часто, расстояние от усадьбы до поля доходит до 30—40 верст. Даже если там и не требуется удобрений, все же это приводит к огромной затрате энергии на передвижение средств производства и перевозку продуктов. Понятно, что устранение этих недостатков и наиболее целесообразное устройство нашего землепользования является одною из самых центральных, самых первоочередных задач Советской власти. Такое землеустройство можно проводить путем различных удобных способов распланировки земель. Задача Советской власти—помочь крестьянину найти самые удобные и жизненные формы землепользования.

У нас существует три главных вида крестьянского землепользования: 1) общинный порядок—при нем земля данного крестьянского земельного общества распределяется поровну среди его членов, обычно по числу едоков в семье. Не чаще, чем через три севооборота, могут производиться общие переделы земли; в промежутки между ними уравнительность наделов соблюдается «скидками и накидками» в соответствии с убылью или приростом в числе едоков данного крестьянского двора; 2) участковый порядок—при нем за каждым двором закрепляется участок земли в неизменном размере. Эти участки или могут состоять из ряда разбросанных и перемешанных полос (участково-чересполосный), или могут быть выделенными в один участок, при чем усадьба остается в общем поселении («отруб»), или же усадьба переносится из села в состав участка («хутор»); 3) товарищеский порядок—при нем отдельным членам товарищества не отводится особых участков во всех угодьях; землепользование частично или полностью производится совместно, коллективно. Степень общности труда членов товарищества может быть очень различной. В одних товариществах совместное пользование охватывает только пастбища и луга, а в остальных угодьях имеется только некоторая взаимопомощь в деле лучшего земельного устройства, борьбы с дроблением земли и т. д. Такие товарищества называются артелями или «товариществами с общественной обработ-

кой». В других — вообще нет никаких особых земельных долей участников; в общей собственности находятся средства производства, скот и т. д. Такие товарищества являются сельскохозяйственными коммунами.

Сравним эти три порядка землепользования и выясним, какой из них самый целесообразный.

Современная форма общинного землепользования очень часто сильно тормозила и тормозит развитие сельского хозяйства: в ней господствует чересполосица, многополосица и т. д. Неизбежные переделы земли и принудительный севооборот не дают крестьянину свободно и уверенно развертывать работу по улучшению своего хозяйства. Правда, все эти недостатки можно в значительной мере свести на нет запрещением частых переделов и хорошим землеустройством; но все же они заставляют признать общинную форму малоподходящей для быстрого развития нашего сельского хозяйства. Участковое землепользование, имея некоторые преимущества перед общинным, имеет также и свои специальные недостатки: устраняя чересполосицу и т. д., собирая всю землю в один участок, прекращая переделы, участковая форма землепользования дает возможность крестьянскому хозяйству сделать шаг вперед. Но только **один** шаг: разрывая связь между крестьянскими хозяйствами, обособляя их друг от друга, участковая форма затрудняет применение взаимопомощи и совместных способов ведения хозяйства. Поэтому участковая форма обостряет все недостатки, которые свойственны мелкому, слабосильному земледельческому хозяйству.

Между тем, товарищеское землепользование не имеет ни недостатков общины, ни недостатков участка. В земельном товариществе можно устранить переделы, можно самым лучшим образом произвести разбивку части угодий на отруба или на удобные широкие полосы, можно оставить специальный запасный фонд для наделения быстро растущих или разделяющихся семей и т. д. Вместе с тем, можно постепенно все больше и больше переходить на общественную обработку и этим вырываться из узких рамок слабосильного, распыленного хозяйства.

Признавая товарищеское землепользование самым удобным и подходящим для развития сельского хозяйства, Советская власть отнюдь не стремится силком навязать его крестьянам. Наоборот, Советская власть предоставляет крестьянам полную свободу выбора форм землепользования. Конечно, содействие и покровительство Советская власть оказывает тем формам, которые она считает наиболее целесообразными: земельным товариществам, поселкам и улучшенной общине; наоборот, выход на хутора не пользуется поддержкой Советской власти, хотя отнюдь не запрещается.

Понятны причины такого подхода Советской власти к выбору крестьянином форм землепользования. Нельзя прямо, сейчас же, перевести все крестьянство на самую лучшую — товарищескую — форму. Для этого нет еще ни достаточных экономических толкачей, которые вызывали бы соответствующее стремление крестьян, ни привычки, ни понимания преимуществ этих форм. Поэтому для того, чтобы переход к улучшенному землепользованию охватывал бы всю массу крестьян,

нужно дать им возможность пока достигать хотя бы небольших, но зато более легких и доступных улучшений, в роде перехода общины на широкие полосы или разбивки больших сел на отруба, поселки и т. д. К этому надо добавить еще то важное обстоятельство, что к разным районам СССР подходят разные формы землепользования. Применимость той или иной формы землепользования в данном районе зависит от природных условий, от способа полеводства, от количества земли на хозяйство и т. д. Поэтому нельзя попросту, с одной меркой подойти к выбору землепользования в различных районах, нельзя навязывать крестьянину той или иной формы.

Курс на поддержку коллективных способов землепользования или хотя бы на подготовку таких форм связан с классовой линией советской землеустроительной работы. Хуторская форма больше всего подходит для развития в деревне отдельных одиночек-кулаков. Выехать на хутор, перенести постройку и обзавестись всем необходимым в обособленном хозяйстве может только зажиточная верхушка крестьянства. Для бедняка и середняка как раз больше подходят другие формы землеустройства. При проведении землеустройства обязательно возникает известная борьба за лучшие участки земли, за близкие к дорогам, обеспеченные водой и выгонами и т. д. Местные земельные органы должны в этих случаях отводить эти участки слабо обеспеченным слоям деревни.

Советская власть всячески стремится сделать землеустроительные работы доступными для самых широких слоев крестьянства, особенно для бедноты. Все же из-за недостатка средств их приходится проводить за счет самого заинтересованного населения. Государство берет на себя расходы по землеустройству только беднейшей части крестьянства. Так, в 1925 г. освобождено от оплаты 22%, а в 1926 г. 25% землеустроенных хозяйств. Вдобавок оплата землеустроительных работ установлена в 2 — 3 раза ниже довоенной (от 50 коп. до 2 руб. с землеустроенной десятины, а до войны 1 руб. 50 коп. — 4 руб.); не эксплуататорским слоям крестьянства предоставляется долгосрочный кредит (до 8 лет).

Провести землеустройство по всей территории Советского Союза— дело очень трудное и длительное. Наркомзем выработал 10-летний план проведения землеустройства и прилагает все силы, чтобы его осуществить. Само крестьянство стремится выбраться из земельного беспорядка и создать благоприятные условия для улучшения сельского хозяйства. Из года в год количество земли, па которой проходит землеустройство, увеличивается. Так, по РСФСР было землеустроено:

В 1921 г.	14 959 000 дес.
» 1922 »	14 007 000 »
» 1923 »	12 887 000 »
» 1924 »	23 162 000 »

Однако все еще большинство земель не захвачено землеустройством: на 1 января 1925 г. междуселенное землеустройство было проведено на $23^1/_2$% сельскохозяйственной площади РСФСР, а самое важное и нужное — внутринадельное землеустройство охватило всего $6^1/_2$% этой площади.

Преобладающей формой крестьянского землеустройства является групповое землеустройство, т.-е. поселки, улучшенные общины и т. д. Единоличные формы, очевидно, под влиянием неблагоприятного отношения земельных органов, сократили свою долю в землеустроенной за год площади с 13,2% (1923 г.) до 3,5% (1925 г.). Значит, рост отрубной и хуторской форм сильно замедлился. Коллективные формы в первые годы нэпа очень сильно сократились; однако в последующие годы коллективные хозяйства начинают снова крепнуть и численно увеличиваться. В 1926 г. по СССР мы имеем 22 000 коллективных хозяйств, из которых только около половины являются землеустроенными.

Переселение. Наилучшая организация имеющейся сельскохозяйственной площади — центральная очередная задача земельной политики Советской власти. На ряду с ней стоит вопрос и о расширении используемой земельной площади. Новые земли для сельского хозяйства можно достать только двумя путями: во-первых, мелиорацией, т.-е. превращением неудобной земли в пригодную для земледелия путем орошения или осушения и т. п.; во-вторых, — переселением избыточного населения наших деревень в те районы, где есть еще никем не обрабатываемая пригодная земля.

Что касается переселения, то ряд обстоятельств затрудняет широкую переброску крестьянства. Дело в том, что до войны царское правительство содействовало переселению крестьян, и за 20 довоенных лет главная масса вполне пригодных и удобных земель была занята. Сейчас поэтому приходится, с одной стороны, проводить ряд мероприятий по подготовке переселенческого фонда, в первую голову в тех районах, которые являются сравнительно «обжитыми», а с другой стороны, изучать и подготавливать к заселению такие районы, которые нуждаются в предварительных крупных мелиоративных работах, как Сибирская тайга, Дальний Восток, Киргизская Республика и другие азиатские части СССР. Согласно намеченному плану, за ближайшие 10 лет всего должно быть переселено 5 200 000 человек, преимущественно из губерний, особенно «богатых» избыточным населением (Центральная черноземная область, западный край, Белоруссия и т. д.)

Мелиорация. Вопрос о массовом переселении в значительной степени упирается в необходимость мелиорировать земельную площадь окраин Союза. Между тем, если как следует поставить дело мелиорации, то огромное количество неиспользуемой земли можно найти в самых густонаселенных губерниях, прямо «под носом» у тех крестьян, которые собираются переселяться за многие тысячи верст. Практически сейчас речь должна итти прежде всего о простых массовых мероприятиях по борьбе с оврагами и песками, по улучшению лугов, по осушению или орошению их и т. д. Эта работа должна быть основана на самодеятельности крестьян, и задача Советской власти только возбудить и направить эту самодеятельность. Поскольку одному крестьянину не под силу провести какую-либо, даже сравнительно небольшую мелиоративную работу, постольку необходимо объединение крестьянских средств и крестьянского труда для совместной мелиоративной работы. Для этого создаются мелиоративные товарищества, т.-е. крестьянские кооперативные объединения для осуществления того

или иного мелиоративного плана. Мелиоративные товарищества вполне доступны бедноте, так как в них прежде всего требуется приложение живого труда, а не каких-либо капиталов. Кроме того, мелиоративные товарищества легко подходят к коллективной обработке земли: раз уж вместе вырвали данный кусок земли из-под болота или песка, то и использование его крестьяне могут провести совместно. В начале 1925 г. по РСФСР имелось 2696 мелиоративных товариществ с 200 тыс. членов и намеченной для мелиорации площадью в миллион с лишним десятин. Огромное, специальное значение мелиорация имеет в засушливых областях и в некоторых юго-восточных республиках. Например, путем мелиорации в Туркестане можно будет создать несколько миллионов десятин полей, пригодных для хлопководства.

И землеустройство, и мелиорация, и переселение должны только подготовить землю для хорошей, культурной обработки. Все эти меры теряют большую долю своего смысла, если за ними не последует смена устарелых, главным образом, трехпольных способов обработки земли более передовой системой полеводства. Землю нужно подготовить не для ковыряния сохой, не для потери $^{1}/_{3}$ под паром, а для полного целесообразного, научного использования.

§ 13. ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА.

Доходность нашего крестьянского хозяйства находится на нищенском уровне; в деревне имеется огромный излишек населения, которому почти что нечем кормиться и которому, по сути дела, нечего делать, так как земля при трехпольном полеводстве может быть обработана чуть ли не в полтора-два раза меньшим числом взрослых крестьян, чем на ней сейчас «сидят». Более того, выясняется, что, несмотря на огромную сельскохозяйственную площадь, от нас недалеко то время, когда у нас не будет никакого излишка хлеба, если не произойдет коренного перерождения нашего сельского хозяйства. Посмотрим на следующую таблицу. В 1913 г. на одну душу населения было произведено всякого рода зерна: [1]

В странах, вывозящих хлеб				В Германии, ввозящей хлеб
Канада (Северн. Америка)	Аргентина (Южн. Америка)	Соед. Штаты (С. Америка)	Россия	
73 пуд.	68 пуд.	48 пуд.	21 пуд.	17 пуд.

Оказывается, что мы вовсе не богаты даже зерном. Мы по размерам производства зерном на душу населения куда ближе к Гер-

[1] Сборник «Сельское хозяйство на путях восстановления», стр. 460.

мании, которая принуждена ввозить хлеб, чем к вывозящим излишний хлеб американским странам. Население у нас растет быстро, и через несколько лет роль «житницы Европы» может стать для нас совершенно недоступной. Надо во что бы то ни стало поднимать размеры сельскохозяйственного производства. Как это сделать? Мы уже говорили, что быстро увеличивать сельскохозяйственную площадь нам довольно трудно. Почти все удобные земли уже заняты под крестьянскими хозяйствами. Мелиорация—дело дорогое и сравнительно медленное. Значит, путем одного простого расширения сельскохозяйственной площади нам итти нет возможности. Поэтому крестьянского «малоземелья» прибавкою земли не разрешить: достаточного количества новой, не занятой крестьянами земли попросту нет. Есть только один способ увеличить продукцию сельского хозяйства и выбраться из нищеты, малоземелья и деревенской перенаселенности: лучше использовать ту землю, которая уже в руках крестьянства. И как раз тут перед нами открываются огромные возможности. Так, под паром ежегодно у нас пустует около одной трети всей обрабатываемой земли. Только по европейской части СССР этот паровой клин составляет 28 — 30 милл. десятин. При переходе к интенсивной обработке (например, к 10-полью) размер паровой площади сократился бы до 9 — 10 милл. десятин, и крестьяне получили бы добавку в 18 — 20 милл. десятин. Насколько это большая прибавка, видно из того, что за все 30 лет (1883 — 1913 гг.) до военного переселения из Европейской России в Азиатскую там было занято всего 9 милл. десятин, или вдвое меньше. Значит, единственный достаточно широкий выход из кризиса состоит не в расширении площади по-старинке обрабатываемой земли, а в коренном изменении способов обработки, в перерождении всего сельского хозяйства.

Пути развития нашего сельского хозяйства. В наших условиях имеется полная возможность интенсивного развития сельского хозяйства. Пала главная задержка — зависимость крестьян от помещика. Советская власть создала земельный порядок очень удобный, нестеснительный для крестьянина, всемерно облегчающий ему землеустройство, необходимое для перехода к интенсивному хозяйству; с введением нэпа восстановился и развивается рынок для сельскохозяйственных продуктов. Особенно развитие промышленности создает хороший спрос для технических и сырьевых культур; наконец, в Советской власти крестьянин имеет первого друга всевозможных улучшений, всячески поддерживающего и поощряющего каждого крестьянина, вступившего на дорогу к интенсивному хозяйству. Конечно, это дорога не легкая и гладкая, а трудная. Зато это действительно верная дорога и достаточно широкая, чтобы по ней пошла основная масса крестьянства. Трудность состоит в том, что для увеличения продукции и дохода, получаемого с уже обрабатываемой земли, надо вкладывать в нее больше труда и больше капитала (т.-е. материальных средств в виде удобрений, орудий производства, двигательной энергии лошади или трактора и т. д.). Если трудовые силы у нас имеются в избытке, то капиталов, наоборот, очень мало. Вдобавок у крестьян нет уменья, нет привычки добиваться от земли хорошего дохода.

Посмотрим, в чем должны состоять практические ближайшие шаги развития нашего сельского хозяйства. При этом надо прежде всего сказать, что в различных районах СССР сельское хозяйство будет развиваться очень различными путями. В Центрально-Промышленном, Северо-Западном, на Украине и во многих других районах первым очередным шагом должен явиться переход от трехполья к многополью. Крестьяне этих районов будут вводить в свой севооборот много разнообразных культур: кормовые травы (клевер, люцерну, вику), корнеплоды (картофель, сахарную свеклу), масляничные растения (лен, коноплю), бобовые (горох, бобы) и т. д. Доход от этих растений неизмеримо выше, чем от каких-нибудь 35 — 40 пуд. ржи, которые снимает крестьянин центральной России с десятины надела. Близость городов, развитая железнодорожная сеть дают возможность легко и выгодно сбывать все эти продукты и взамен их прикупать зерновые хлеба, которые гораздо выгоднее сеять в более плодородных юго-восточных и южных губерниях. Советская власть развивает большую работу по содействию крестьянам, переходящим на многополье. Организуется широкая пропаганда травосеяния, агрономы показывают крестьянам, как правильно вести многопольный севооборот, всячески поддерживается производство семян клевера и других кормовых трав. К многополью сейчас тянутся сами крестьянские массы, так что еле хватает семенного материала.

Результаты всей этой борьбы за многополье видны хотя бы из следующих цифр. В 1923/24 г. многополье охватывало 1500 тыс. дес., или 3,2% посевной площади. В следующем хозяйственном году (1924/25) соответственные цифры выросли до 3150 тыс. дес., или 6,3%.

Вместе с изменением состава посевов, огромное значение имеет немедленное улучшение приемов обработки земли и качества семян. Такие простейшие меры, как ранний взмет пара, зяблевая вспашка, широкорядный посев, не требуют каких-либо особо сложных орудий производства или больших средств. Они немедленно доступны крестьянской массе. Между тем, они дают очень основательное увеличение урожая; например, зяблевая вспашка увеличивает урожай на 15 — 20%, ранний пар — на 20 — 25%. Сюда же относится забота о том, чтобы крестьяне сеяли сортированным и очищенным семенным материалом. Для очистки, сортировки и протравливания зерна имеется целая сеть зерноочистительных пунктов со специальными машинами.

Наконец, особую важность для юго-восточных районов — Донские степи, Предкавказье, нижнее Поволжье и Заволжье — имеет улучшение тамошнего зернового сельского хозяйства. Первая задача развития земледелия в этих засушливых районах состоит в том, чтобы добиться устойчивых и высоких урожаев зерна и ввести некоторое разнообразие в тип хозяйства. Это можно сделать путем, во-первых, улучшения способов обработки земли, во-вторых, распространения так называемых засухоустойчивых культур (в роде кукурузы или озимой пшеницы). Они требуют самого незначительного количества влаги. Поэтому их распространение в Поволжьи, Заволжьи и т. д. обеспечит в этих районах устойчивые урожаи и спасет их от опасности периодических недородов и голодовок. В этих районах должно развиваться улучшенное зерновое земледелие. Они не только должны стать хлебными житни-

цами всего СССР, но и давать достаточную массу хлеба для вывоза. Но для этого необходимо поставить их земледелие на правильные, рациональные основания.

Развитие земледелия почти во всех районах будет связано с развитием того или иного вида животноводства. Травосеяние дает хороший, питательный корм скоту. Поэтому, если при трехпольи всякое расширение пашни отнимало пропитание у скота, так как сокращало луга и пастбища, то при многопольной системе земледелие поддерживает скотоводство, создает ему основу. Конечно, по разным районам СССР будут налицо и разнородные виды скотоводства. В Центрально-Промышленном, Северо-Западном и Западном районах будут преобладать молочное скотоводство, маслоделие, сыроварение и т. д., а отчасти — свиноводство; на юго-востоке, в юго-западной Украине будет развиваться мясное животноводство (крупный рогатый скот, свиноводство и овцы), в донских степях имеется возможность развертывать коневодство и т. д. и т. п. Развитие животноводства выпрямит нашу земледельческую однобокость и устранит нашу бедность скотом по сравнению с Западной Европой и Америкой. В некоторых районах, например, на севере и северо-востоке, скотоводство часто будет играть главную роль, так как от него можно там извлекать гораздо больше доходов, чем от земледелия. Развитие нашего скотоводства должно проходить не только по линии простого роста стад, но также и по линии массового улучшения крестьянского скота, в большинстве случаев находящегося на очень низком уровне. В этом деле НКЗ стремится опереться на самую крестьянскую массу. Налицо имеется ряд хороших русских пород скота, приспособленных к нашим условиям и имеющихся у значительного слоя передовых крестьян. Государство всячески распространяет эти улучшенные виды крестьянского скота, премирует племенной скот, использует его для покрытия маток, принадлежащих окружному населению, раздает племенных производителей по кооперациям и другим общественным крестьянским организациям. Особенно важную роль играет улучшение коневодства. Без хорошей лошади не может крестьянское хозяйство развиваться. Между тем, коневодство до сих пор не оправилось от военного урона. Тут советские земельные органы широко организуют случную кампанию, т.-е. покрытие крестьянских кобыл государственными, кооперативными или частными племенными производителями. Для того, чтобы скот давал большее количество молока, чтобы он давал здоровый приплод и сам находился в хорошем состоянии, нужен соответственный нормальный уход, правильное кормление и т. д. Задача советского агронома, сельскохозяйственных выставок, курсов и т. д. — показать крестьянину, как нужно кормить скот и ходить за ним.

Проблема сельскохозяйственного сырья для промышленности.

Интенсификация земледелия и развертывание скотоводства имеют огромное значение не только для подъема крестьянского хозяйства. Без них немыслимо также развитие нашей промышленности, а следовательно, и перестройка всего хозяйства СССР.

Дело в том, что уже сейчас ряд отраслей нашей промышленности ощущает прямой недостаток сельскохозяйственного

сырья — шерсти, сахарной свеклы, кожсырья, пеньки, маслосемян и др. (не говоря уже о хлопке, на ввоз которого из-за границы мы ежегодно затрачиваем огромные суммы). Недостаток сельскохозяйственного сырья для промышленности становится одной из задержек в ее развитии. Промышленность, занятая переработкой сельскохозяйственного сырья, играет для нас огромную роль: она составляет почти половину — 47% — всей промышленности. Между тем, как видно уже из самого перечисления видов сельскохозяйственного сырья, его производителями являются, с одной стороны, интенсивные отрасли земледелия, а с другой — животноводство. Поэтому сырьевая проблема нашей промышленности в этой своей части прямо совпадает с проблемой переобразования сельскохозяйственного производства. Надо сказать, что в области развертывания производства сельскохозяйственного сырья у нас далеко не все обстоит благополучно. Правда, посевная площадь сырьевых культур, вместе взятых, уже к 1925 г. перешагнула довоенную норму. Только лен и сахарная свекла не достигали еще довоенной величины посевов (84,8% и 85,2% в 1926 г.). Однако, если взять динамику посевов сырьевых культур в 1926 г. по сравнению с 1925 г., то мы увидим сокращение посевной площади по конопле, маслосеменам, табаку, некоторую стабильность (т.-е. неизменность) или слабый рост посевной площади по льну, сахарной свекле, и в итоге общее замедление роста посевной площади сырьевых культур. К этому нужно добавить их невысокую урожайность. По уровню урожайности мы еще довольно сильно отстаем от довоенного состояния. Отсюда получается, что рост валовых сборов у нас отстает от роста посевных площадей (по льну при посевной площади в 84,8% от довоенного в 1926 г., сбор в этом же году дал 65,8%, по конопле соответствующие цифры — 124,3% и 111,3%; по табаку — 113,7% и 100,0% и т. д.). Неважный урожай 1926 г. понизил по сравнению с 1925 г. валовой сбор льна, конопли, маслосемян, сахарной свеклы и некоторых других культур. Заготовка сырья прошла тоже не вполне удачно, крестьянство оставляло у себя в хозяйстве долю сырья, превышавшую по размерам обычную величину «оседания» сырья в деревне, выход товарного сырья на рынок уменьшился, и в результате всего этого в ряде промышленных отраслей создалось напряженное положение с сельскохозяйственным сырьем. Большую роль в создании этих неблагоприятных явлений сыграло невыгодное соотношение розничных промышленных и хлебных цен, с одной стороны, и цен на сырье — с другой. Так, в 1925/26 г. в льноводческих районах индекс цен на лен равнялся в среднем 1,4[1] и имел тенденцию к понижению, в то время как индекс ржи (в рознице) колебался в пределах 1,5 — 2,15, с тенденцией к повышению. Уровень цен на промтовары стоял еще выше. Не лучше обстояло дело с хлопком: в то время как до войны цена пшеницы относилась к цене хлопка, как 1 : 3, теперь это отношение равно 2 : 3. Примерно, такое же положение мы имеем с маслосеменами, шерстью и некоторыми другими важными видами сырья. Отсюда получилось, что доходность

---

[1] Т.-е. если принять довоенные цены за 1, то цены в червонных рублях равнялись 1,4.

интенсивных отраслей хозяйства стояла несоответственно низко, и поэтому у крестьянства пропадали стимулы (побудители) к интенсификации его хозяйства.

Отсюда встает задача налоговыми, рыночными и агрикультурными мерами преодолеть это ухудшение с производством сырья, опасное для дела развития нашей промышленности и преобразования нашего сельского хозяйства. Необходимо уделить самое пристальное внимание уровню цен на сельскохозяйственные продукты, изменив соотношение цен на хлеб и сырье в благоприятную для последнего сторону. Это необходимо сделать как путем понижения розничных цен на хлеб и промтовары, так и путем повышения, — правда, осторожного, — заготовительных цен на некоторые виды сырья. С другой стороны, необходимо довести урожайность сырьевых культур до нормального уровня, ликвидировав значительное падение урожаев, наблюдаемое в настоящее время, путем применения удобрений, лучшего орошения, механизации обработки и т. д.

Наконец, «необходимо установить премирование маломощных середняцких крестьянских хозяйств, применивших улучшенные способы возделывания культуры и достигших улучшений, превышающих средний уровень урожайности в данном районе».[1]

Мероприятия Советской власти, направленные в сторону подъема крестьянского хозяйства.

В своей работе по улучшению нашего сельского хозяйства, в своей борьбе за его интенсификацию, за развертывание таких его отраслей, которые могут служить сырьевой базой для промышленности, Советская власть создает и развивает ряд агрикультурных учреждений и сельскохозяйственных предприятий.

Непосредственную помощь и совет крестьянину дает участковый агроном. Он должен стоять в центре всей общественной массовой работы по улучшению сельского хозяйства. Только тогда он сможет действительно поднять широкие слои крестьян. Уже сейчас сеть агрономической помощи превышает довоенную; все же она недостаточна; на одного агронома в среднем приходится 162 населенных пункта, или 10 000 крестьянских хозяйств. НКЗ ставит своей задачей добиться, в течение ближайших лет, хотя бы такого развертывания агросети, при котором на одного агронома приходилось бы 4—5 тысяч крестьянских хозяйств, в окружности от 10 до 25 верст.

Однако, недостаточно просвещать крестьянство и помогать ему советом. Нужно на деле показать ему лучшие способы ведения хозяйства; нужно помочь ему перенять их, нужно создать рассадники улучшенных семян, хороших пород скота и т. п. Для этой цели служат государственные сельскохозяйственные предприятия, среди которых на первом месте стоят совхозы.

Совхозы представляют собою крупные сельскохозяйственные предприятия, организованные большею частью на месте крупных культурных помещичьих имений. Земельная площадь, занимаемая совхозами, сравнительно очень не велика — в 1924/25 г. все совхозы СССР имели около 3 милл. десятин пашни. Поэтому их роль должна состоять

---

[1] «Сводный производственно-промышленный план госпромышленности на 1926/27 г.», стр. 64.

вовсе не в том, чтобы самостоятельно, одними своими силами увеличивать нашу сельскохозяйственную продукцию и снабжать хлебом, мясом и т. д. города и рынки. Совхозы должны служить опорными пунктами хозяйственного подъема окружающей их крестьянской массы. Часть совхозов добивается этой цели, разводя улучшенные сорта семян для продажи крестьянам. Эти же совхозы являются центрами по очистке и сортировке семян окружного населения. Другая группа, так называемые племхозы (племенные хозяйствв, конские заводы), проделывают такую же работу для животноводства: они разводят лучшие сорта скота и распространяют его среди крестьян путем продажи племенного молодняка. Они улучшают крестьянский скот, предоставляя за недорогую плату своих племенных производителей: жеребцов, быков или боровов для случки с матками, принадлежащими крестьянам. Третья часть совхозов строит свою работу на переработке продуктов крестьянского хозяйства: свекловично-сахарные совхозы, винодельческие совхозы и т. д. Этим они способствуют расширению посевов крестьянских культур. Четвертая группа совхозов может помогать крестьянам, организуя передачу на прокат дорогих сельскохозяйственных орудий. В общем, все совхозы должны являться первыми застрельщиками сельскохозяйственных улучшений, показывающими дорогу всем крестьянам.

Совхозы работают на началах самоокупаемости; все они об'единены в областные или губернские тресты, а эти тресты — в Госсельсиндикат. Постановка дела в совхозах до самого последнего времени была очень и очень слаба, они недостаточно осуществляли вышеизложенные свои задачи, в большинстве случаев были убыточными и т. д. Но за последнее время, после сокращения числа совхозов, заметен некоторый перелом: убыточность ликвидируется, совхозы начинают приносить прибыль и повышать качество своей работы. Так, если в 1923/24 г. валовая продукция совхозов на десятину удобной земли составляла 20,4 руб., то в 1925/26 г. соответственная цифра поднялась до 51 руб.

На ряду с совхозами работают опытные сельскохозяйственные станции. Их задача — нащупывать самые выгодные и применимые в данном районе сельскохозяйственные культуры. После того, как опытные учреждения установили выгодность того или иного сорта зерна или способа удобрения, или приема обработки, совхозы должны перенимать их в свое хозяйство, а агрономы должны знакомиться с ними и проталкивать эти меры в крестьянское хозяйство.

Таковы те главные государственные учреждения, через которые Советская власть проводит свой курс на массовый подъем крестьянского хозяйства.

§ 14. БОРЬБА ЗА ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ.

Мы выше говорили о тех простейших изменениях в приемах обработки земли, которые уже сейчас стоят на очереди в каждом крестьянском хозяйстве. Однако, это только первые шаги к улучшению крестьянского хозяйства, но еще не перестройка всего нашего деревенского

уклада. Основательная и полная переделка всего нашего сельского хозяйства возможна только при совершенно новой сельскохозяйственной технике: старые средства производства — соха, примитивный плуг, деревянная борона, исключительно навозное удобрение, слабенькая клячонка — должны уступить место современным сельскохозяйственным машинам, химическим удобрениям, электрической или моторной тяге и т. д. Только такая новая техника может дать нужную основу многополью, рациональному зерновому хозяйству и вообще крупному и культурному сельскому хозяйству.

Технический переворот — вот путь к новому социалистическому сельскому хозяйству.

Начнем с применения химических (минеральных) удобрений.

При трехпольи крестьянин вертится как белка в колесе: земли не хватает, поэтому луга распахиваются; лугов нет — скот кормить нечем; сокращается кормежка скота — не хватает навоза; а без навоза нечем удобрять землю, она истощается, и урожаи падают до жалкого уровня. Если даже навоза и хватает, то и тогда плодородие земли поддерживается на одном и том же уровне, совсем не увеличиваясь.

Значение химических удобрений.

Основой интенсивного хозяйства является борьба за увеличение естественного плодородия земли. Вместо того, чтобы предоставить земле собственными силами восстанавливать свое плодородие, человек помогает ее природным способностям, развивает ее плодородие, вкладывая в почву те элементы, которые больше всего потребляются при росте данной культуры. Этим путем германские земледельцы сумели поднять в течение 30 лет (1885—1913 гг.) урожай одной десятины с 100 до 152 пуд. зерна, т.-е. на $52^0/_0$. Главную роль в этом увеличении как раз играли химические удобрения, широко применяемые в германском сельском хозяйстве. У нас минеральные удобрения могут принести не менее серьезные результаты, чем в Западной Европе.

На основании опыта применения минеральных удобрений в ряде областей сельского хозяйства (Украина, Центральная Россия и др.) выяснилось, что небольшое количество минеральных удобрений дает повышение урожая зерна на 50 и больше процентов. 20 пуд. суперфосфата на одной десятине земли заменяют 1200 пуд. навоза. Если учесть острый недостаток навоза, не дающий крестьянам вывозить его в необходимом количестве, то будет понятно, какое огромное будущее имеет у нас распространение минеральных удобрений. Главная задержка, не дающая широко применять химические удобрения, это — их дороговизна. Они могут подешеветь только при массовом крупном производстве, а у нас его пока нет, несмотря на наличие залежей минералов, из которых приготовляются химические удобрения. Тут интересы сельского хозяйства требуют развертывания химической промышленности, вместе с частичным ввозом химических удобрений из-за границы.

Второй линией, по которой пойдет технический переворот в сельском хозяйстве является замена ручного труда машинным, или так называемая машинизация сельского хозяйства. Применение сельским хозяйством машин, во-первых, дает огромную экономию крестьянского труда и, во-вторых, улучшает обработку земли и повышает ее урожайность. По-

этому все важные сельскохозяйственные работы в передовых странах теперь производятся не в ручную, а машинами: пахота — плугом и трактором, уборка — косилкой, жнейкой, сноповязалкой; молотьба — молотилкой — паровой или электрической.

Машинизация нашего сельского хозяйства.

Машинизация нашего сельского хозяйства упирается в ту же проблему, что и применение химических удобрений: в необходимость снабдить деревню дешевыми сельскохозяйственными машинами. Для этого надо всемерно расширять производство сельскохозяйственных орудий. В развертывании этой отрасли промышленности сельское хозяйство заинтересовано самым прямым и очевидным образом. В главе о промышленности мы уже отмечали наши достижения в этой области: внутреннее производство сельскохозяйственных машин в 1926/27 г. превысит довоенный уровень на 41,4%.

Учтя огромное значение распространения сельскохозяйственных орудий для перестройки крестьянского хозяйства, Советская власть еще в начале 1924 г. провела снижение цен на сельскохозяйственный инвентарь до довоенного уровня. Вдобавок крестьянам при покупке сложных машин предоставляется кредит до 3—4 лет, ранее распространявшийся только на машины стоимостью в 48 р. и дороже, а теперь расширенный до машин стоимостью в 12 руб. В результате этого, спрос на сельскохозяйственные машины растет с чрезвычайной быстротой. Наши производственные и торгующие организации часто даже не могут его целиком покрыть. Если в 1923/24 г. было продано сельскохозяйственных машин на 22,4 милл. руб., то в 1924/25 г. уже на 55,8 милл. руб. В общем, машиноснабжение деревни в 1926/27 г. будет уже на 11,7% выше довоенного.

Третьим, самым коренным вопросом технической революции в сельском хозяйстве является переход всех процессов сельскохозяйственного производства на новый вид энергии (двигательной силы). У нас основным источником энергии является мускульная сила крестьянина и лошади. Между тем, в передовом современном сельском хозяйстве главную роль играет механическая энергия — тракторная или электрическая.

Сравним затраты энергии на одну десятину земли в России и в Северо-Американских Соединенных Штатах.

На одну десятину затрачивалось энергии:

	В СССР	В С.-А. С. Ш.
	В киловат-часах	
Всего	190	537
	Из них в % %	
Людская	25%	5%
Конная	55%	15%
Машинная	20%	80%
Итого	100%	100%

Как видно, у нас энергии на одну десятину затрачивается в $2^1/_2$ раза меньше, чем в Америке; кроме того, у нас эта затрата на $^4/_5$ состоит из работы самого земледельца с его лошадью, а в Америке на $^4/_5$ — из работы механических двигателей. Между тем, широкое распространение и целесообразное использование современных сельскохозяйственных машин возможно только при переходе к механической энергии. И тут, в виде непосредственной задачи, встает тракторизация нашего сельского хозяйства, а в виде конечной, действительно решающей работы — его электрификация.

Трактор, как двигатель, может быть применен почти во всех частях сельскохозяйственного производства, в особенности если они переведены на машинную работу. Главным использованием трактора обычно служит пахота — самая трудная сельскохозяйственная работа. Тракторная вспашка имеет большие преимущества перед обычной — конной. При ней почва захватывается плугом значительно глубже, на поверхность извлекается нижний комковый пласт, хорошо вбирающий и удерживающий влагу. Поэтому тракторная вспашка служит прекрасным средством против засушья. В недородном 1924 г. в засушливом районе поле, обработанное трактором, давало по 60 пуд. пшеницы, в то время как при обыкновенной пахоте не родилось почти ничего.

Американский трактор «фордзон», с доставкой в СССР, обходится около 1800 руб. Вычисляют, что он в пахоте заменяет до 27 лошадей. Стоимость тракторной вспашки на юго-востоке оказалась ниже стоимости воловьей вспашки на 15—20% и ниже конной на 30—40%. Вдобавок трактор имеет ряд преимуществ перед лошадью: он требует для себя «пищи» — керосина или нефти — только при работе, а лошадь нужно кормить даже и тогда, когда она совсем не используется. Лошадиная пахота требует большего количества людского труда, чем тракторная. Конечно, на тракторе можно не только пахать. Трактор пригоден в качестве двигателя в самых разнообразных сельскохозяйственных работах — начиная с жатвы и молотьбы, кончая крупорушкой, мельницей и сепаратором.

Переход на тракторную энергию в Германии, Дании, Соединенных Штатах уже в значительной мере совершен. Одних «фордзонов» во всем мире работает больше 2 милл. штук.

Внедрение трактора в наше сельское хозяйство, особенно переход к тракторной обработке земли в ровных, необъятных южных и юговосточных степях — вполне назревшая задача. Распространение тракторов стало в особенности жгучим и неотложным делом в связи с резким недостатком лошадей. Известно, что у нас до 7—8 милл. безлошадных. Всех снабдить их лошадьми невозможно. Поднять, вспахать, обработать все наши земли при наличном конском составе — задача неразрешимая. Отсюда прямая неизбежность привлечения тракторов в ряд районов СССР.

Понятно поэтому, что спрос крестьян на тракторы так велик, что ввоз и только пока еще налаживающееся внутреннее производство далеко его не покрывают. Всего заявок на тракторы в НКЗ за 1925 г. было до 17 тыс. В 1926/27 г. общее количество тракторов в СССР составило 27 тыс. (до революции имелось на всю Россию 800 тракторов),

из которых огромное большинство в руках крестьян. Главная масса этих тракторов — привозные, ибо внутреннее производство тракторов на наших машиностроительных заводах еще очень невелико. В этой области перед промышленностью стоит задача — дать крестьянину дешевый, подходящий к условиям нашей деревни советский трактор.

Тракторизация нашей деревни равносильна началу решительной переделки крестьянского хозяйства. Трактор не будет работать рядом с сохой, с цепом, с ручным серпом. На основе двигательной энергии тракторов будет расширяться применение усовершенствованных орудий и машин. Немыслимо сожительство с трактором и навозного удобрения (хотя бы уже по одному тому, что трактор устраняет прямую зависимость размеров пашни от количества рабочего скота и навоза).

Можно сказать, что на ближайший период трактор будет центром, вокруг которого будут группироваться элементы новой сельскохозяйственной техники. Новая техника, в частности трактор, будут толкать крестьян к постепенному производственному объединению их мелких хозяйств в крупные коллективные предприятия. Понятно, что одному крестьянину не под силу купить трактор; для этого крестьяне объединяются в особый вид кооперативов — машинные товарищества. 64,8% тракторов в СССР и принадлежит не отдельным лицам, а именно кооперативным крестьянским организациям того или другого типа. Правда, со стороны кулацкой верхушки деревни делаются попытки забрать хотя бы часть тракторов в свои руки и сделать их опорой эксплуатации. Но основная линия, проводимая Советской властью довольно удачно, состоит во внедрении трактора в самую гущу крестьянства путем машинных товариществ и других подобных объединений. Поэтому в руках частных лиц находится всего 2,4% общего числа тракторов. Даже сделав сюда некоторую прикидку на лже-кооперативы, мы все же видим незначительность этой доли. Остальная масса тракторов (32,8%) принадлежит государственным организациям.

Трактор может произвести полную революцию в деревне в том смысле, что при машинном производстве выгоднее перейти к общественной обработке земель. «Вот круг вопросов, последовательно разворачивающихся перед машинной артелью, купившей трактор. Первым встает вопрос: распахивать ли каждое поле отдельно с соблюдением линии, или распахать все поля зараз, как одно? Последнее выгоднее. Когда земля вспахана, встает другой вопрос: поделить ли вспаханную или ее засеять вместе и поделить урожай? Когда хлеб вырос: — делить его на корню или вместе убрать и поделить снопы? Когда жатва снята совместно, встает вопрос: делить ли эти снопы, или совместно обмолотить? Затем, после совместной молотьбы,—разделить ли зерно по дворам или продать через кооператив и поделить деньги? Вот ход мыслей, возникающих у крестьянина при внедрении тракторов в сельское хозяйство, иллюстрирующих возможный путь обобществления процессов сельскохозяйственного производства».

Так тов. Рыков охарактеризовал роль трактора в современной деревне. [1]

---

[1] Речь на XIV партконференции.

Несмотря на такое свое огромное значение, тракторизация не является советской «программой максимум» в сельском хозяйстве. Полная, окончательная перестройка деревни на коммунистических началах возможна только на основе электрификации. Однако это более трудная задача, и ее полное осуществление — дело нескольких десятилетий.

Электрификация сельского хозяйства.

Что такое электрификация сельского хозяйства? Это означает переход сельскохозяйственного производства на электрическую двигательную силу (энергию). Такой переход всех сельскохозяйственных процессов на электрическую двигательную силу совершенно преобразует все сельское хозяйство по типу современных передовых промышленных предприятий. От современного сельского хозяйства останется только одно неприятное воспоминание.

Электрический двигатель может быть очень широко применен в сельском хозяйстве. При этом уже сейчас он зарекомендовал себя как самый удобный, прямо-таки идеальный двигатель для ряда важнейших сельскохозяйственных машин. Энергия может вырабатываться на отдаленных крупных станциях. Однако она легко, без всякой потери или задержки, передается на десятки и сотни верст. Мотор любой силы может быть включен в сеть проводов одним поворотом рычага. Он начинает действовать сейчас же после включения и так же просто останавливается и перестает потреблять энергию тотчас же, как только работа кончилась. Электродвигатель легок на вес, легко передвигается и очень просто приспособляется к обслуживанию самых разнообразных машин: плуги, жатки, молотилки, веялки, сортировки, маслобойки, крупорушки, мельницы и т. д. — более 40 типов различных сельскохозяйственных машин и приспособлений могут быть переведены на электрическую энергию. При этом он совершенно не опасен с пожарной точки зрения, и научиться обращаться с ним — очень просто.

Электродвигатель дает в крестьянскую избу, крестьянский двор — электрический свет. Помимо огромного культурного значения, помимо спасения от ежегодных пожаров, пожирающих крестьянское имущество на огромные суммы, электрический свет ежедневно сбережет миллионы крестьянских трудовых часов, даром пропадающих зимой из-за темноты.

Специальное значение имеет электричество для мелиоративных работ. Всякая значительная мелиорация требует производства крупных земляных работ, в которых обязательно нужно применить механическую энергию. Наиболее подходящим видом энергии является электричество: ее легче всего передать на расстояние, продвинуть даже в самые бездорожные и неудобные места, распределять по необходимым частям, использовать для ее производства торф, обычно имеющийся на местах мелиоративных работ, и т. д. Поэтому борьба за новые удобные земли неразрывно связана с электрификацией ряда районов.

Электрификация сельского хозяйства в настоящее время происходит, главным образом, в виде построек небольших станций местного значения. Эти станции разной мощности строятся усилиями самих крестьян при кредитной поддержке государственных организаций. Конечно, они не переводят всего сельскохозяйственного производства

на электрическую энергию. Обычно они обслуживают целую группу предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов и освещают окрестные деревни. Главными потребителями их энергии являются именно всякого рода заводы по переработке льна, маслобойки, мельницы, лесопильные рамы, крупорушки и т. д., группирующиеся вокруг электростанций.

Полевые работы крестьянина остаются пока в стороне, и их обслуживание выпадает на долю трактора. Но уже одним только налаживанием переработочных предприятий местные электрические станции дают основу для полного преобразования всего сельского хозяйства данного района, для развития рыночных культур и животноводства и для повышения доходности крестьянского хозяйства. Вместе с тем, эти мелкие электростанции, являясь коллективной собственностью крестьян данного района, подготовляют очень серьезный шаг в сторону обобществления сельскохозяйственных средств производства.

Для того, чтобы электричество могло быть использовано непосредственно на поле, хотя бы при вспашке, необходимо, чтобы сеть электрических проводов подходила бы к самым полям и чтобы станции обладали достаточной мощностью. Если мы вспомним всю необъятность нашей сельскохозяйственной площади, то будет понятно, насколько сложна и трудна эта задача. К ее разрешению мы будем подходить путем электрификации других потребителей электрической энергии. Строить для сельского хозяйства специальные крупные установки в ближайший период не придется: само сельское хозяйство слишком сезонный потребитель электрической энергии. Зато при электрификации транспорта и промышленности путем некоторых добавочных расходов удастся включать сельское хозяйство в качестве дополнительного потребителя.[1]

И электрическая энергия, и тракторы являются основными элементами крупнопроизводственной техники. Применять мощные машины на узеньких клиньях земли невозможно. Применить электрическую энергию при современных примитивных орудиях производства — дело и невозможное и бессмысленное. Новая механическая энергия должна быть соединена с полным комплектом дорогих, сложных, современных машин. А это, в свою очередь, властно требует постановки крупных сельскохозяйственных предприятий, постановки массового производства зерна, корнеплодов, технических растений и т. д. Понятно, современное карликовое крестьянское хозяйство не может сохраниться в условиях новой механической техники. Даже капиталистическое сельское хозяйство, сравнительно крупное, не может с полной целесообразностью справиться с задачей электрификации. Этому мешает частная собственность, без всяких производственных оснований разрывающая землю на участки. Капиталистическим условиям противоречит также необходимость планового проведения электростроительства. Только социалистическая организация сельского хозяйства сможет в полной мере развернуь перестройку всего производственного уклада на основе электрификации.

---

[1] См. Степанов. «Электрификация», стр. 222 — 223.

§ 15. ПУТИ РАЗВИТИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

Подъем крестьянского хозяйства начался, и наша деревня двинулась по пути к культурному, развитому, технически передовому сельскому хозяйству. В ходе этого производственного подъема крестьянское хозяйство будет развиваться и перестраиваться. Для действительного подъема это развитие должно итти по двум главным линиям. Во-первых, нужно, чтобы в крестьянском хозяйстве образовались новые денежные средства, которые вкладывались бы в те или иные улучшения сельскохозяйственного производства, другими словами, нужны капиталы, нужно накопление в крестьянском хозяйстве. Во-вторых, по мере подъема крестьянского хозяйства, оно все более и более тесно будет втягиваться в торговлю: крестьянское хозяйство, с одной стороны, будет снабжаться всем необходимым для производства и для личного потребления, а с другой — будет сбывать все большую и большую долю своей продукции. Конечно, торговая связь крестьянства с рынком должна быть каким-то образом организована. Кто-то должен объединять крестьянские хозяйства и налаживать торговые связи сотен и тысяч крестьянских дворов. Но, помимо такого торгового объединения крестьян одним скупщиком, одной лавочкой или какой-либо торгующей организацией, необходимо и производственное объединение крестьянских хозяйств. Тенденция к раздроблению и размельчению крестьянских хозяйств неизбежно будет преодолена. Мы уже говорили, что новая техника, тракторы, электродвигатели, сложные сельскохозяйственные машины требуют укрупнения хозяйства. Электрическая станция объединяет уже сейчас сотни и тысячи крестьянских хозяйств, трактор — десятки и т. д. Поэтому капиталы, затрачиваемые в сельское хозяйство, не должны вкладываться исключительно небольшими массами в отдельные крестьянские хозяйства. Все большая часть капиталов должна тратиться в крупных размерах, в расчете на обслуживание сотен десятин земли, десятков работников, целых стад скота и т. д. Таким образом, подъем нашей деревни должен происходить, во-первых, через накопление крестьянами новых средств, новых капиталов и, во-вторых, через постепенное объединение крестьянских хозяйств в крупные сельскохозяйственные предприятия.

И накопление капиталов, и объединение сельскохозяйственного производства может происходить двумя путями. Первый путь — это, когда отдельный крепкий крестьянин как следует наживается, накопляет солидный капитал и начинает объединять под своей экономической властью, в своих цепких руках, сотни десятин земли, десятки батраков, современное оборудование и т. д. Это будет развитие нашей деревни в сторону сельскохозяйственного капитализма.

Совсем другое накопление и объединение можно наладить в советской деревне путем совместного, добровольного сложения крестьянских средств и путем самодеятельной организации общей крестьянской торговли и общего крестьянского производства. Основная масса крестьянства будет шаг за шагом объединять и свои сбережения, и свою торговлю и — сначала хотя бы в незначительной части — свое производство. Этим путем тоже будет происходить крестьянское накопление

и создаваться крупное хозяйство, только они будут основаны не на личных, а на коллективных началах. Главной дорогой такого социалистического объединения крестьянских хозяйств является кооперация — в первую голову сельскохозяйственная и кредитная.

Организация крестьянского накопления и кредитная кооперация.

Наше крестьянство очень бедно капиталами, которые оно могло бы вкладывать в свое хозяйство. Это служит большим препятствием подъему производительных сил сельского хозяйства. Поэтому нужно прежде всего наладить полное, тщательное собирание всех денежных сбережений и капиталов, которые могут быть вложены в сельскохозяйственные машины, в мелиорацию, в улучшение семян, скота и т. д. Далее, нужно самым правильным и экономным способом распределить все эти собранные денежные средства на те или другие затраты в сельском хозяйстве. Вот эту задачу собирания и распределения капиталов осуществляет система сельскохозяйственного кредита.

Основой, на которой строится наш сельскохозяйственный кредит, является низовая сеть крестьянских кредитных кооперативов. Каждый крестьянин, входящий в крестьянский кооператив, вносит пай определенных размеров; из таких крестьянских паев составляется общий капитал данного кооператива. Помимо этого, на помощь приходит государство в лице своих кредитных организаций: оно тем или иным путем — или покупкой паев, или выдачей денег взаймы — увеличивает капиталы кредитных кооперативов. Кредитные кооперативы обычно развивают также сберегательную деятельность: принимают и от своих членов, и вообще от окрестных крестьян денежные вклады, платят по ним проценты и используют собранные средства в своей работе.

Главным делом, на которое использует кредитный кооператив собранные таким путем средства, является кредитование крестьянского хозяйства для производственных целей. Это значит, что кредитный кооператив дает ссуду своим членам-крестьянам на покупку того или иного инвентаря, на хозяйственные постройки, на проведение мелиоративной работы, на закупку семян для перехода на многополье и т. д. Крестьянин, получив такую ссуду и проведя в жизнь свой хозяйственный план, через установленный срок из своих доходов возвращает ссуду обратно и уплачивает по ней процент. Если полученные деньги он истратил действительно на необходимое и целесообразное улучшение своего хозяйства, то его доходы возрастут, и ему нетрудно будет возвратить ссуду в срок.

В зависимости от цели кредита срок может быть более длинным или коротким. Так, мелиорация требует долгосрочного кредита, а, скажем, посев клевера или покупка свиньи — более короткого срока.

В Советском Союзе за годы нэпа создалась довольно значительная сеть таких кредитных кооперативов. На 1 октября 1925 г. низовая сеть сельскохозяйственного кредита составляла около 9360 кредитных сельскохозяйственных товариществ. Часть из них занимается исключительно ссудными и сберегательными операциями (кредитные товарищества), большинство же соединяет кредитную работу со сбытовыми и снабженческими функциями (сельскохозяйственные кредитные това-

рищества, кредитные отделы потребительских обществ). Всего членов в этих кооперативах было около 2690000 человек. А так как членом кредитного кооператива вступает обычно только хозяин двора, то можно считать, что 12% крестьянских хозяйств объединены низовой сетью сельскохозяйственного кредита. Насколько быстро растет сеть сельскохозяйственного кооперативного кредита, видно из того, что на 1 октября 1924 г. кооперативов, ведущих кредитную работу, было всего 6300 с 966000 членов; за год число членов кредитной кооперации выросло более чем вдвое. Вместе с этим, и каждый кооператив стал более прочно на ноги: на один кооператив приходилось 1 октября 1924 г. 153 члена, а 1 октября 1925 г. — 289.

К 1 октября 1926 г. сеть сельскохозяйственного кредита дошла до 9500 кредитных кооперативов с 3617000 членов.[1]

Вся эта широкая сеть крестьянского кооперативного кредита определенным образом организована и увязана с государственным хозяйством. Государство руководит и поддерживает работу кредитной кооперации через особую сеть кредитных учреждений. Низовые кредитные кооперативы объединяются губернскими и областными обществами сельскохозяйственного кредита; общества сельскохозяйственного кредита объединены республиканскими сельскохозяйственными банками; наконец, всю эту сеть возглавляет центральный сельскохозяйственный банк. Таким образом, вся масса кредитной кооперации объединена в одну цельную систему, головка которой входит (сельскохозяйственные банки) составной частью государственного пролетарского хозяйства. Понятно, что вся эта кредитная система не могла бы развернуть достаточной работы, если бы государство не вливало в нее крупных средств; при современной деревенской нищете одних крестьянских паев и вкладов хватить пока что не может. Поэтому государство направляет по этому каналу крупные средства, стремясь помочь крестьянской массе выдачей краткосрочных и долгосрочных ссуд. Центральный сельскохозяйственный банк в 1924/25 г. выдал ссуд на 144 милл. руб., из которых 47 милл. руб. долгосрочных. До сих пор главная часть капиталов, с которыми работают общества сельскохозяйственного кредита и низовые кредитные кооперативы, составляется из средств, вложенных государством. Общая сумма средств, обращавшихся к началу 1926 г. в системе сельскохозяйственного кредита, составляла 453 милл. руб., из них только 46 милл. руб. составилось из вкладов и текущих счетов.

Почти все остальное получено от государства и от кредитных учреждений. Крестьянских вкладов в сельскохозяйственных кредитных учреждениях было всего 2,6 милл. руб. Такое положение отчасти объясняется недостатком свободных средств у крестьян, отчасти недоверием крестьян к молодым, недавно возникшим кредитным кооперативам, которые часто еще работают очень слабо. В этой области основная задача нашего сельскохозяйственного кредита — действительно впитать в себя все те крестьянские гроши, которые мужик откладывает на хозяйственные улучшения или просто «на черный день». Надо

[1] «Данные контрольных цифр на 1926/27 г.», стр. 118.

помнить, что во время империалистической войны только одни ссудо-сберегательные и кредитные товарищества имели вкладов на полмиллиарда рублей (в 1916 г. на 468 милл. руб.).

Вся советская система сельскохозяйственного кредита способствует социалистическому подъему крестьянского хозяйства. С одной стороны, через кредитную кооперацию сотни крестьян объединяют свои сбережения в один общий капитал. Правда, использование этого капитала происходит по частям, в виде затраты в каждом отдельном крестьянском хозяйстве. Но большую важность имеет уже тот факт, что эти обособленные затраты налаживаются путем взаимопомощи самих крестьян. Из общих средств отдельный крестьянин получает ссуду. Крестьянское накопление в известной степени организуется и выходит из рамок отдельного хозяйства. Это подготовляет почву для объединения хотя бы некоторых сторон хозяйственной работы крестьянина, например, для совместной покупки сложных сельскохозяйственных машин, для мелиоративных работ, для кооперативной торговли и т. д.

Особенно большое значение имеет то, что через кредитные кооперативы накопление средств в крестьянском хозяйстве теснейшим образом связывается и сплетается с государственной работой по под'ему сельского хозяйства. Крестьянские сбережения оказываются об'единенными в организациях, находящихся под руководством пролетарского государственного хозяйства. Благодаря этому государство имеет возможность хотя бы отчасти руководить крестьянским накоплением. Своими финансовыми ресурсами государство может поддерживать тот или другой слой крестьянства, помогать коллективным хозяйствам, подталкивать крестьянина на те или другие хозяйственные мероприятия. Всего этого можно достичь, так или иначе направляя выдачу ссуд крестьянам: в одном случае облегчая, в другом несколько затрудняя, предназначая государственные ссуды для заранее установленных целей и т. д.

Благодаря такому руководству пролетарского государства советский сельскохозяйственный кредит — первая поддержка всякому бедняцкому или середняцкому хозяйству, активно стремящемуся подняться. Главную часть ссуд получает не зажиточная верхушка деревни, а основная масса крестьян. Так, в Белоруссии в 1924/25 г. 33,1% всех ссуд получили безлошадные (бедняки) и 54,4% — однолошадные крестьяне (середняки). Более зажиточная часть (от 2 голов лошадей) получила всего 12,5% ссуд; на юго-востоке (1924 г.) безлошадники получили 33,3% ссуд, с 1 головой рабочего скота — 24,6%, с двумя — 25%, с 3 — 4 — 14,6%, свыше 4 — 2,1%. Такое направление в работе кредитной кооперации спасает слабосильное хозяйство от кулака-ростовщика, который дает крестьянину взаймы под большие проценты, за «отработки» и т. д. Этим кооперативный кредит выбивает у деревенского капиталиста одну из главных «командных высот» и передает ее в руки самодеятельной организации крестьянской массы, руководимой пролетарским государством. Более того, частично даже накопление капиталов в кулацких хозяйствах подпадает под известное регулирование и подчинение государственных кредитных органов.

Сельско-хозяйственная кооперация. У нас сравнительно немного кооперативов, занимающихся исключительно кредитной работой. Таких «кредитных товариществ» на 1 апреля 1925 г. было всего 30% общего количества низовых кооперативов, ведущих кредитную деятельность. Больше половины — 55% — падает на сельскохозяйственные кредитные кооперативы; эти кооперативы соединяют работу по торговому обслуживанию крестьянских хозяйств и по переработке сельскохозяйственных продуктов с выдачей ссуд, приемом вкладов и т. д. На ряду с этим имеются и «чисто» сельскохозяйственные кооперативы, не ведущие кредитной работы, а исключительно налаживающие торговые связи крестьянского производителя с рынками сбыта его продуктов и с местами покупки необходимых ему средств производства. Посмотрим, в чем состоит эта вторая, очень важная линия работы нашей кооперации — торговое объединение крестьянских хозяйств.

Чем больше продает и покупает крестьянин на рынке, т.-е. чем больше товарность его хозяйства, тем больше все крестьянское производство зависит от этой торговли. Во-первых, производя продукты для сбыта на рынок, крестьянин зависит от цены, которую ему заплатят, от срока продажи, от спроса на тот или иной сорт товара и т. д. Во-вторых, покупая те или другие средства производства, крестьянское хозяйство опять-таки прямо заинтересовано в дешевой цене, в рассрочке платежа, в хорошем качестве товара и т. д.

Чтобы выгодно вести всю эту торговлю, нужно ее организовать на кооперативных началах. Организация всего того обращения товаров, которое необходимо для крестьянского производства, и является делом сельскохозяйственной кооперации. Крестьянин получает очень существенную выгоду от кооперативного сбыта и кооперативной закупки товаров. Прежде всего, он освобождается от посредничества частного торговца-скупщика, зачастую того же кулака. Это крестьянству выгодно, ибо частный торговец, пользуясь разрозненностью крестьян, может платить им полцены за их сельскохозяйственные товары и брать с них высокую цену за городские средства производства. Сельскохозяйственная кооперация, объединяя снабжение и сбыт крестьянского хозяйства, отнимает у деревенских капиталистов одну из самых важных областей их обычной деятельности.

Вместе с этим крестьянин избавляется от необходимости самолично отправляться на рынок для продажи нескольких пудов льна или десятка фунтов масла. При единоличной продаже каждым крестьянином своих продуктов все они будут терять массу времени, сил и средств и все-таки не смогут поставить дело достаточно выгодно. Для этого у отдельных крестьян нет ни складов в городе, ни знания рынка, нет торговой сноровки, связей, кредита и т. д.

Поэтому, вместо продажи через частного торговца или разрозненных поездок на базар, крестьянин вносит пай в кооператив, выбирает своих уполномоченных (правление) и поручает им вести торговую часть его хозяйства. Кооператив, имея известные капиталы, являясь крупным продавцом и покупателем, может поставить дело как следует; у него свои склады и лавки, он перевозит продукты большими пар-

тиями, ему открывают кредит банки, государство, торговые организации. Именно поэтому отдельным крестьянам всего выгоднее торговать через кооператив. В результате, получается, что, исходя из своих личных, частных торговых интересов, крестьянин сам, добровольно создает общественную хозяйственную организацию, в которой он объединяется с сотнями других крестьян. Выходит, что, сохраняя свой обычный, обособленный, мелкий хозяйственный уклад в области производства сельскохозяйственных продуктов, крестьянин по торговой линии отказывается от обособленности и соединяет «торговую часть» своего хозяйства в одно коллективное предприятие — в сельскохозяйственный кооператив.

Однако, такое чисто торговое объединение — только первый шаг, за которым обязательно последует объединение крестьянского производства. В самом деле, часть продуктов нельзя выгодно продать без предварительной переработки: так, цельное молоко из Вологодской губ. не повезешь в Москву, Ленинград или Харьков, а масло или сыр такую перевозку легко выдержат; лен для выгодной продажи требует предварительной отделки; картофель лучше продавать не в сыром виде, а в сушеном, тертом или в виде патоки, крахмала и т. д. Наконец, виноград, хлопок, овощи, фрукты и т. д., — все это по большей части перед продажей нужно переработать.

Значение кооперации в деле коллективизации крестьянского хозяйства.

Что же выгоднее для крестьян: поодиночке производить эту переработку, а кооперативам поручить только продать готовый товар, или через кооператив объединить переработку своих продуктов на общей маслобойке, общем картофелетерочном заводе, общей сушилке, общей мельнице и т. д.? Понятно, что не только в десять раз выгоднее наладить кооперативную переработку крестьянского продукта, но и зачастую вообще эту переработку крестьяне поодиночке произвести не могут.

Отсюда для кооперации вытекает возможность и необходимость взять на себя эту часть производства сельскохозяйственных продуктов. Крестьянин сдает кооперативу свой продукт, кооперативное предприятие перерабатывает его, окончательно подготовляет к продаже и затем организованно сбывает на рынке и выдает крестьянину соответствующую часть выручки. Правда, здесь еще непосредственная сельскохозяйственная работа крестьянина остается разрозненной и необъединенной; но все же некоторая часть производства крестьянских продуктов построена на коллективных началах. Очевидно, ближайшим этапом коллективизации сельского хозяйства и будет такое распределение хозяйственных областей: большинство крестьян будут коллективно перерабатывать свои продукты и коллективно торговать и поодиночке вести основную часть производства. Такое разделение соответствует современному состоянию техники и условиям рыночной работы. Переработка и торговля уже сейчас могут быть организованы как более или менее крупные предприятия. Сама техника диктует крестьянам объединение этих областей. По-другому обстоит дело с непосредственными сельскохозяйственными работами. Чтобы перевести их из области частных обособленных хозяйств в область

крупных коллективных предприятий, необходимо создать соответственную техническую базу, которая диктовала бы крестьянам необходимость производственного объединения. Мы выше видели, что такую базу создает техническая революция в сельском хозяйстве. Но кто же должен быть первым проводником этой революции? Конечно, сама кооперация. Именно по линии кооперации в деревню проникают тракторы, молотилки, зерноочистительные машины; именно на кооперативных началах строят крестьяне небольшие электростанции; именно кооперативам принадлежат прокатные и случные пункты, мелиоративные участки и т. д. Все важнейшие шаги в области переделки нашего сельского хозяйства проходят и будут проходить через кооперативные крестьянские организации. Проводя все эти элементы крупного культурного сельского хозяйства в нашу деревню, кооперативы будут сами организовывать их совместное использование своими членами-крестьянами. По мере этого, от личного, обособленного хозяйства крестьянина один за другим будут «отрываться» и переходить в сферу кооперативного, коллективного производства все новые и новые части крестьянского сельского хозяйства. Трактор «отнимет» у отдельного хозяина и перенесет в кооперацию пахоту, механическая молотилка — молотьбу, другие усовершенствованные орудия производства — свои области работы и т. д. Электрификация завершит все дело — создаст крупное, коллективное сельскохозяйственное производство и дочиста уничтожит теперешнее мелкокрестьянское хозяйство. При этом каждый шаг вперед по этой дороге, каждое новое звено коллективного хозяйства будет делаться на основе заинтересованности крестьянина, на основе выгодности для него этого шага.

Таков тот путь, по которому кооперация, исходя из торгового и «переработочного» объединения, поведет крестьянское хозяйство через техническую революцию к коллективной организации всего производства.

Однако, нельзя упускать из вида того, что разные типы крестьянских хозяйств будут существенно разными путями подходить к коллективизации. Особенно важно подчеркнуть следующее. Если для середняцкого хозяйства путь к коллективизации лежит через кооперирование в области обращения (т.-е. в области сбыта и снабжения), то для бедняцких хозяйств такой путь немыслим.

Им торговать почти нечем — излишки у них слишком невелики, и потому их коллективизация начинается с налаживания совместного производства — с артели, коммуны или товарищества по общественной обработке земли.

Только объединившись хотя бы в самую простую форму таких коллективных хозяйств, беднота получает возможность совместно приобретать дорогой сельскохозяйственный инвентарь, содействовать друг другу в налаживани и подъеме сельскохозяйственного производства, организованно пользоваться государственным кредитом и другой помощью, оказываемой объединениям бедноты Советской властью. Таким образом, чтобы не оставлять «за бортом» [1] кооперации бедноты, необхо-

---

[1] См. Смирнов. «Строительство сельскохозяйственной кооперации», стр. 10.

димо немедленно же работать над кооперированием самих процессов сельскохозяйственного производства, над созданием колхозов.

Всего таких колхозов по всему СССР имеется 22 тыс. В них — 1 милл. населения и 3 милл. десятин земли. Их число за последние годы растет. В 1924 г. их насчитывалось всего 14,0 тыс., а в 1925 г. — 20,0 тыс. Колхозы быстро оправляются после кризиса первых годов нэпа.

Так, в пределах РСФСР мы имеем следующие колебания числа колхозов:

	1919	1921	1923	1924	1925
Коммуны	1 961	3 120	1 672	1 723	3 400
Артели	3 603	10 185	8 130	8 112	6 400
Товарищества по общественной обработке	622	2 514	1 605	4 217	10 200
Всего	6 186	15 819	11 407	14 052	20 000

Как видно, первые годы нэпа резко сократили число колхозов — особенно число коммун. Но уже с 1923 г. коллективное земледелие снова идет в гору. Быстрее всех развиваются простейшие формы коллективных хозяйств — товарищеская обработка земли. Однако до сих пор удельный вес колхозов в нашем сельском хозяйстве еще очень низок: так, в руках колхозов РСФСР сосредоточено 0,7% всей пашни, 0,8% всех едоков, 0,7% всех лошадей и т. д.

Неправильно было бы ожидать, что мы сможем сейчас же втянуть большинство крестьян в колхозы. До тех пор, пока в сельском хозяйстве не будет проведена техническая революция, коллективные хозяйства не смогут вполне охватить основную массу крестьянства — середняков и даже бедняков. Главную массу крестьянства можно подвести к социализму только через предварительную организацию совместной торговли. Поэтому — «столбовая дорога к социализму» для массы крестьянства, это — кооперация.

Уже сейчас мы имеем могучую сеть советской сельскохозяйственной кооперации: по СССР на 1 октября 1926 г. имелось около 33 500 сельскохозяйственных кооперативов всех видов (включая и вышеприведенную цифру кредитных товариществ); в них состоит членами 5948 тыс. крестьян. А так как в сельскохозяйственный кооператив вступает обычно один домохозяин, и этим данное хозяйство целиком втягивается в работу кооператива, то мы можем сказать, что около 25% крестьянских хозяйств (5,9 милл. из 22 — 24 милл. хозяйств) уже охвачены сельскохозяйственной кооперацией. Насколько быстро идет рост сельскохозяйственной кооперации, видно из того, что на 1 октября 1924 г. сельскохозяйственная кооперация охватывала всего около 10 — 12% крестьян, или более чем в два раза меньше.

Наши сельскохозяйственные кооперативы разделяются на различные группы. Два основных типа — это универсальный сельскохозяйственный кооператив и специальный сельскохозяйственный кооператив. Универсальный кооператив обслуживает все стороны крестьянского хозяйства своего района: он и лен скупает, и молоко в сыр и масло перерабатывает, и семенами снабжает и т. д. Наоборот, специальные кооперативы организуют сбыт и переработку какого-либо одного продукта, соответственно специальности своего района. Так, существуют льноводческие кооперативы, объединенные между собой союзами и руководимые «Льноцентром» — всесоюзным объединением льноводческой кооперации. Такую же специальную кооперативную организацию имеет картофельное дело. Имеется специально плодовая и винодельческая кооперации с центром — «Плодовинсоюзом» и т. д. Всю сельскохозяйственную кооперацию в целом объединяет «Сельскосоюз» (для Украины — «Сельгосподарь»). Сельскохозяйственные кооперативы будут специализироваться на каком-либо одном виде земледелия или животноводства по мере того, как само крестьянское хозяйство различных районов изменит свое лицо: из полунатурального, полупродовольственного превратится в интенсивное хозяйство, производящее для продажи на рынок наиболее подходящий для данного района вид продуктов. В специальных видах сельскохозяйственной кооперации процесс интенсификации крестьянского хозяйства получит общественную организацию и поддержку.

Конечно, специальный кооператив имеет много преимуществ перед универсальным: он гораздо полнее может обслужить интересы своих членов, так как он всю свою работу приспособляет к торговле и переработке продуктов крестьянских хозяйств определенного типа. Поэтому члены специального кооператива объединяются теснее, чем в универсальных товариществах, и постепенный переход к общественному производству облегчается.

Организационным недостатком системы нашей сельскохозяйственной кооперации является то обстоятельство, что далеко не все низовые кооперативы объединены в союзы сельскохозяйственной кооперации. По данным Смирнова, 52% кооперативов РСФСР на 1 октября 1925 г. являлись «дикими», т.-е. не принадлежали ни к какому союзу. Конечно, это сильно затрудняет руководство кооперацией со стороны социалистических элементов нашего хозяйства.

Сельскохозяйственная кооперация с каждым годом все полнее и полнее обслуживает различные стороны крестьянского хозяйства. Особенно серьезные успехи имеются по линии сбыта крестьянской продукции. В 1924/25 г. сбыт очень большой доли товарной части сельскохозяйственных продуктов был уже охвачен низовой сельскохозяйственной кооперацией.

Продажа через кооперацию составила (в процентах ко всей товарной массе данного продукта): [1]

---

[1] Данные за 1924/25 г. Кантора: «Основы кооперативной политики РКП»; за 1925/26 г. — из тезисов тов. Калинина IV Съезду Советов СССР (см. «Правду» от 31 марта 1927 г.).

	1924/25 г.	1925/26 г.
По маслу	42%	53%
» сыру	50%	—
» льну	18,9%	36%
» картофелю (переработанному)	41,4%	42%
» табаку	47,4%	85%

Очень велика роль сельскохозяйственной кооперации в переработке крестьянских продуктов. Например, молочная кооперация в 1924/25 г. переработала на своих маслобойных заводах 90% всей продукции масла по РСФСР. Картофельная кооперация в главных районах пропустила через свои заводы — 84,5% всей массы переработанного картофеля. Такую же крупную роль играет сельскохозяйственная кооперация в деле снабжения крестьян семенами, оборудованием и т. д.

Говоря о достижениях сельскохозяйственной кооперации, нельзя обойти ее болезни и недостатки. XIV съезд партии в своей резолюции по отчету ЦК отметил, «что сельскохозяйственная кооперация и по своей хозяйственной работе и с точки зрения правильного социалистического руководства, все еще далека от выполнения своей великой роли».

Самый главный и самый опасный недостаток нашей кооперации— это то, что при довольно значительном количественном охвате крестьянства, она недостаточно глубоко и тесно связана с крестьянской массой. В большинстве случаев все еще про нашу кооперацию нельзя сказать, что в ней «действительно участвуют действительные массы населения». Частенько она похожа просто на устроенную кем-то посторонним «кооперативную лавочку», в которой «население, строго говоря, никак не участвует» (Ленин). Из этого возникает возможность многочисленных растрат, хищений и основывающегося на них недоверия крестьян. Члены кооператива не чувствуют себя действительными хозяевами кооперативного предприятия, они не чувствуют, что кооператив — это часть собственного хозяйства, а не какая-то полезная, но посторонняя организация. Из-за этого может быть затруднено и дальнейшее продвижение к коллективному производству. Проведение строгой выборности правления, приближение работы кооператива к насущным требованиям крестьянского хозяйства данного района, хотя бы путем специализации, расширение области работы кооперативов покупкой сельскохозяйственных машин, организацией случных, прокатных, зерноочистительных пунктов, — вот те пути, по которым советская кооперация будет укреплять и усиливать свою связь с крестьянскими хозяйствами.

Мы видим, что советская кооперация имеет все задатки стать главным путем коллективного накопления и укрупнения крестьянского хозяйства. Однако, возникает вопрос, сможет ли кооперация на деле оказаться формой подъема всей массы крестьянских хозяйств? Сумеет ли она предупредить и победить второй, капиталистический, способ крестьянского развития? Этот вопрос является решающим для всей социально-экономической судьбы нашей деревни.

О капиталистическом пути развития крестьянского хозяйства.

Конечно, было бы совершенно неверно думать, что все миллионы крестьянских хозяйств будут прямехонько через кооперацию объединяться в социалистические предприятия. Совершенно неизбежным является то, что часть крестьянства пойдет по дороге капиталистического развития. «Если есть мелкое хозяйство, если есть свобода обмена, — появляется капитализм» (Ленин). Поскольку мы строим все наше хозяйство на началах товарности, поскольку мы вовлекаем в товарный оборот крестьянскую массу, постольку «капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена». Запретить развитие торговли, запретить развитие капитализма в условиях нашей деревни — было бы «глупостью и самоубийством» (Ленин).

В соответствии с этими ленинскими положениями государство отказалось от попыток как-либо стеснить развитие товарооборота, какими-либо военно-коммунистическими способами «спасти» нашу деревню от кулацко-капиталистического развития. XIV партийная конференция окончательно наметила линию уничтожения административных рогаток и запретов, не дававших крестьянскому хозяйству увеличивать свои доходы, хотя бы даже применяя капиталистические способы. Просто взять и запретить наемный труд, наем земли в аренду — словом, применение капиталистического подхода к расширению производства — было бы ошибочно. Если бы власть стремилась задавить, обобрать всякого богатого крестьянина, вышло бы то, что личное богатство стало бы преступлением, и крестьянин боялся бы поднимать свое хозяйство. С частично неизбежным ростом капиталистических отношений надо бороться не административным нажимом, а экономическим соревнованием. Кулацкому обогащению надо противопоставить не административную силу, а другой, более быстрый, более широкий путь развития сельского хозяйства.

В чем состоит это капиталистическое развитие в деревне, и почему оно в известной мере неизбежно даже в нашей, советской, деревне?

Деревенский «крестьянский» капитализм вырастает путем скопления в руках у сравнительно небольшой группы крестьян земли, рабочего скота, инвентаря, свободных денежных средств и т. д. На основе такого скопления эти крестьяне начинают вести свое хозяйство по-эксплуататорски: систематически применяя наемный труд и на этой, и на арендованной земле. При этом они или используют свои средства на основе чужой рабочей силы в своем хозяйстве; или сдают эти средства производства в наем тем крестьянам, которые не имеют собственных лошадей, плугов и т. п.; или ведут торговлю; или организуют небольшое промышленное предприятие; или дают ссуды крестьянам, получая за это крупный процент в той или иной форме (например, в виде отработков) и т. д. и т. п. Все эти разнообразные приемы имеют одну и ту же суть: богатый крестьянин использует свой капитал для того, чтобы урвать с остальных, главным образом, слабых, бедняцких хозяйств часть их трудовых сил или часть продуктов их труда. В этом и состоит эксплуатация, как бы она ни была прикрыта. При ее помощи кулак еще более увеличивает свои средства за счет

слабых крестьянских хозяйств. В конце концов, через несколько лет такой крестьянин может накопить большой капитал и развернуть сравнительно крупное сельскохозяйственное предприятие.

Если одна незначительная часть крестьянства превращается таким путем в капиталистов, то другая, неизмеримо большая, постепенно спускается до положения наемных рабочих, не имеющих собственного хозяйства и работающих на своих же бывших соседей.

Такие сельские пролетарии вербуются из бедных крестьян, не имеющих достаточного количества средств производства (бескоровных, безъинвентарных и особенно безлошадных); у них дохода с собственного хозяйства не хватает, и поэтому они принуждены или продавать свою рабочую силу, или на тяжелых условиях брать напрокат у кулака средства производства, или забрасывать собственное сельское хозяйство и искать каких-либо других заработков. Эти бедняцкие хозяйства как раз и попадают в эксплуатацию к кулакам. А если они попадают в кулацкую кабалу, то подняться, создать свое хозяйство для них становится очень трудным: все излишки, которые можно было бы обратить на хозяйственные улучшения, у них отнимаются кулаком. Поэтому получается, что «богатые богатеют, а бедные беднеют»; у одних крестьян скопляются средства производства, они постепенно приближаются к превращению в капиталистов, а другие остаются с одной рабочей силой, т.-е. идут к тому, чтобы превратиться в пролетариев. Между этими двумя группами крестьян находится слой середняков. У них достаточно средств, чтобы не пойти наниматься к кулаку, чтобы жить своим самостоятельным хозяйством. Однако, они еще не настолько богаты, чтобы тем или иным путем быть в состоянии эксплуатировать бедняцкую часть деревни. Значит, они еще не вступили ни на дорогу к капиталистическому бытию, ни на дорогу к пролетарскому состоянию. У них еще рабочая сила непосредственно соединена со средствами производства, т.-е. они являются типичными мелкими хозяйчиками. Но при обычных капиталистических условиях развития деревни середняцкая группа крестьян, как бы она велика ни была, «размывается»: одним (меньшинству) удается разбогатеть, нажить дополнительные средства и начать вести хозяйство по-эксплуататорски; другие (большинство) не могут как следует вести самостоятельное хозяйство, так как им приходится соперничать с богатыми кулаками, и у них не хватает средств на необходимые улучшения, нововведения и т. д. Они неизбежно отстают от кулацких хозяйств и оказываются вынужденными или разориться, или обратиться за их «поддержкой». А от этого они со ступеньки на ступеньку спускаются на положение бедняков.

Таким образом, капиталистическое развитие деревни сводится, во-первых, к *расслоению* крестьянства на крестьян-капиталистов и крестьян-пролетариев и, во-вторых, к созданию кулацких хозяйств, основанных на наемном труде. Во всех странах с капиталистическим хозяйственным строем такое развитие деревни является *основным*. Никакой другой дороги перед деревней нет. Городская буржуазная власть не только не старается как-либо предупредить или ограничить рост деревенского капитализма, но даже всячески поддерживает ку-

лацкую верхушку и усиленно давит на средние и низшие слои крестьянства. И у нас, в прежнее время, буржуазия ставила ставку на кулака, помогая ему через торговлю, через банки, через государственные мероприятия создавать богатое хозяйство и разорять остальную деревню.

Причины расслоения в советской деревне.

Мы уже говорили, что у нас, в советских нэповских условиях частично неизбежно развитие деревенского капитализма и расслоение деревни.

Годы военного коммунизма очень значительно «поравняли» крестьянство: крепкие, богатые группы разорились, были раскулачены, а многие бобыли-бедняки получили землю. Однако, это поравнение, главным образом, состояло в уравнительном переделе земли. Что касается скота или мертвого инвентаря, то тут поравнение путем переделов происходило в значительно меньшем размере, и по этой части неравенство верхних и низших групп сохранилось. В результате этого, бедняки, получившие землю, зачастую не имеют необходимого скота и инвентаря для ее обработки. В РСФСР безлошадных хозяйств в 1920 г. было 27,1%, а беспосевных только 8,1%. Выходит, что не меньше 19% крестьянских хозяйств имеют землю, как-то обрабатывают ее, но собственной лошади у них нет. А в 1922 г. (по данным доклада тов. Рыкова на XIV Московской Губпартконференции. «Правда» от 9 декабря 1925 г.) безлошадных крестьян было целых 34,1%, а беспосевных только 4,1%; выходит, что не менее 30% крестьянских хозяйств обрабатывают свою землю, не имея основного крестьянского средства производства — лошади. Вероятно, что с сельскохозяйственным инвентарем картина такая же: масса крестьянских хозяйств, имея землю, не имеет плугов или еще каких-либо необходимых орудий производства и все-таки ведут хозяйство на своей земле. А на другой стороне, некоторые крестьяне, имея столько же земли, как и их безлошадные соседи, сохранили или приобрели несколько рабочих лошадей, хороший инвентарь, несколько телег и пр. Такое неравенство в обладании скотом и инвентарем в годы нэпа было исходным пунктом расслоения крестьянства. Крестьяне побогаче стали использовать свои преимущества арендой, сдачей в наем лошадей и инвентаря; бедняцкие хозяйства попадали в зависимость от многолошадных и сильных инвентарем хозяйств, так как без их помощи они не могли ни обработать своей земли, ни применить свою рабочую силу.

Поэтому общий подъем крестьянского хозяйства не мог проходить так, чтобы все 22 милл. крестьянских хозяйств шли нога в ногу. «В условиях свободного товарооборота и мелкобуржуазной, крестьянской экономики совершенно неизбежен более быстрый рост для одних крестьянских хозяйств, замедленный — для других, застойное состояние и распад — для третьих. Совершенно неизбежно, что те хозяйства, которые уже в настоящее время обладают достаточным инвентарем, лучшим рабочим скотом, большей площадью земли и имеют возможность эту землю лучше обрабатывать, — будут расти и развиваться быстрее других хозяйств, поставленных в худшие условия». «На ряду с этим типом хозяйства (богатым, быстро развивающимся. *А. А.*) есть

группа хозяйств, которые, по недостатку рабочего скота, инвентаря и т. п., не могут совсем обрабатывать своего надела или обрабатывают его настолько плохо, что получаемый доход делает обработку земли невыгодной». Они вынуждены частично бросать самостоятельную обработку земли, сдавать ее в аренду, а самим итти в батраки. Создается неизбежность того, что «богатые хозяйства «неминуемо» встретятся с излишком рабочих рук и наличием свободных земель».[1] А из этих «встреч» и будут складываться аренда, наемный труд и другие формы, в которых происходит расслоение нашей деревни.

Расслоение крестьянства и развитие капиталистического хозяйства происходит в нашей деревне в различных формах. Поскольку главным «предметом» расслоения является не земля, а скот, инвентарь, хозяйственные постройки и т. д., постольку у одной группы хозяйств скопляются средства производства, превышающие по размерам необходимую для обработки собственной земли сумму средств производства, а у других, наоборот, собственных средств производства не хватает. Одним из выходов является аренда земли: тут сама земля переходит в богатое хозяйство. Другим выходом является сдача в наем скота и инвентаря: тут земля остается в руках у бедняцких хозяйств, и к ним же на время переходит — на определенных, обычно тяжелых условиях — «избыточный» инвентарь и рабочий скот богатого хозяйства. В советской деревне эта форма эксплуатации — сдача в наем средств производства — была одной из самых распространенных, если не самой распространенной. При ней бедняцкое хозяйство нанимает у зажиточного лошадь, плуг и т. д. Очень часто вместе с нанятыми средствами производства поневоле приходится нанимать и его владельца, который и проделывает всю данную работу. За это наниматель-бедняк расплачивается с нанятым-зажиточным или отработками, или долей урожая. В обоих случаях размеры оплаты обычно не оставляют владельцу земли даже всей заработной платы. Тут эксплуатация скрыта, ибо капиталистик-кулак выступает под видом наемного рабочего с лошадью (или с плугом и т. д.), а полупролетарий-бедняк в виде его нанимателя.

Помимо этих форм, деревенский капитализм растет и в других областях: торговля, ростовщичество, небольшие предприятия по переработке крестьянских продуктов и т. д.,— все это может являться формами роста кулацких хозяйств. Этот рост, связанный с расслоением, будет проходить, может быть даже кое-где несколько усиливаясь, и в ближайшие годы.

Особенности расслоения в советских условиях.

Однако, расслоение советской деревни имеет некоторые особенности; оно вовсе не идет совершенно так же, как в деревне любой капиталистической страны. Дело в том, что самые условия, в которых происходит развитие деревенского капитализма и расслоение советского крестьянства, имеют коренные отличия от обычных капиталистических условий.

Во-первых, расслоение советской деревни происходит в обстановке общего подъема сельского хозяйства. После тяжелых годов

[1] Из доклада тов. Рыкова на XIV Всесоюзной партконференции.

войны, революции, голода вся деревня оживает и поднимается. Беднота в очень значительной своей доле, «осваивает» полученную в годы революции земли.

Во-вторых, у нас существует национализация земли; земля не покупается и не продается, аренда тоже определенным образом ограничена. Поэтому собирание земли у одних крестьян и лишение ее других у нас возможно в очень узких границах. Создание земельного капиталиста, имеющего сотни десятин, на одной стороне, и безземельного бобыля, на другой, у нас происходить не может. Одним из результатов этого является то, что у нас расслоение идет не столько по земле, сколько по средствам производства.

В-третьих, советская экономическая политика направлена на помощь бедняцкому, а затем середняцкому хозяйству. Налоговые льготы, ссуды, кооперативная организация, политические преимущества, — вот те главные подпорки, которые имеет слабое крестьянское хозяйство. Поэтому оно имеет известную «лазейку», избавляющую его от лап кулака. Этим самым и у богатого крестьянина часто отнимается (или, по крайней мере, уменьшается) поле эксплуататорской деятельности. Таким образом, влияние Советской власти ограничивает развитие капитализма и задерживает расслоение крестьян.[1]

Остановимся на последнем пункте несколько более подробно. В первой главе мы уже говорили, что рабоче-крестьянский блок в эпоху укрепившейся и строящей социализм пролетарской диктатуры основан на том, что рабочий класс создает под своим руководством союз бедноты и середняков против кулачества. При этом, «если беднота, и прежде всего батраки, являются опорой пролетариата в деревне, то середняк является и должен являться его прочным союзником» (из резолюции XIV съезда ВКП(б) по отчету Центрального Комитета).

Индустриальный пролетариат и по линии политической организации, и по линии хозяйственной работы поддерживает бедняцкие слои нашей деревни, являющиеся самой первой и прочной его опорой. Прежде всего, значительная часть армии наемных рабочих сельского и лесного хозяйства, — армии, насчитывающей в общей сложности до $2^1/_2$ милл. человек, — организована в профессиональный союз сельскохозяйственных и лесных рабочих. Этот союз охватывает многочисленные и распыленные слои батраков, пастухов, лесных рабочих и т. д. Правда, до сих пор удалось охватить профессиональной организацией далеко не всю массу сельскохозяйственного пролетариата. На 1 октября 1925 г. членов союза насчитывалось около 770 тыс.,[2] т.-е. меньше трети общего числа сельскохозяйственных и лесных рабочих. Распыленность некоторых частей сельскохозяйственных наемных рабочих (например, пастухов) сильно затрудняет их организацию. Однако, рост числа членов происходит все же чрезвычайно быстро. Так, с 1 апреля 1925 г. по 1 апреля 1926 г. число членов союза сельскохозяйственных и лесных рабочих выросло на 79,9%. Такого роста не имел ни один другой профсоюз.

---

[1] Три приведенные особенности формулированы тов. Яковлевым в его работах «О хлебо-фуражном балансе» и «Сельское хозяйство и индустриализация».

[2] Боговой. «Практика работы среди деревенской бедноты», стр. 18.

Совершенно ясно, что организация сельскохозяйственных рабочих является вместе с тем организацией наиболее бедных слоев крестьянства. Никакой резкой грани между беднотой и батрачеством провести нельзя, ибо, например, среди батраков и пастухов насчитывается 38,3% имеющих свое собственное хозяйство (разумеется, в огромном большинстве случаев самое жалкое). С другой стороны, организация пролетаризированных слоев деревенского населения является важным опорным пунктом в деле проведения пролетарского влияния и руководства основной бедняцко-середняцкой массой.

Однако, ограничиться только организацией батрацкой части деревенской бедноты недостаточно. Необходимо, чтобы вся бедняцкая часть крестьянства, насчитывающая около трети его общего числа, имела бы известные пути и способы для своей организации и сплочения под пролетарским руководством Советской власти и партии. Такая организация, отнюдь не предназначенная для какого-либо «раскулачивания» или других комбедовских «операций», должна усилить позиции бедноты в деле защиты ею своих политических и экономических интересов, в деле сближения бедняков и середняков, в деле борьбы с кулачеством, пытающимся вести середняков за собой против бедноты. Специальные собрания деревенской бедноты, во-первых, и создание групп (или фракций) бедноты при сельсоветах, при правлениях кооперативов и т. д. из числа членов этих организаций, во-вторых, — вот формы работы среди деревенской бедноты, намеченные еще в октябре 1925 г. постановлением пленума ЦК ВКП(б). Это постановление говорит следующее: «При проведении политики *оживления советов*, вовлечения в их работу широких масс бедняков и середняков, партия должна особое внимание уделить на то, чтобы при этом сплотить вокруг себя бедноту и вести за собой среднее крестьянство. Для этого во время перевыборов и в дальнейшей работе советов (а также в кооперации, крестпомах) необходимо проводить особое собрание бедноты, приступить к организации в селах, волостях и районах групп бедняков (с непременным втягиванием в них батрачества), всемерно стремясь при этом *к совместному с середняками* отстаиванию практических мероприятий в работе советов, кооперации, крестпомов и *совместному с середняками* выдвижению кандидатов при перевыборах».

Рядом с работой по сплочению бедняков для организованного проведения ими своей линии в политических и хозяйственных вопросах деревенской жизни, партия и Советское государство налаживают прямую экономическую помощь бедняцкому хозяйству.

По линии единого сельхозналога проводится полное освобождение от его уплаты большей половины бедноты (20% от общего числа хозяйств, или 55—60% хозяйств бедноты).

По линии кооперирования бедноты предпринимается ряд серьезных мер, облегчающих бедноте вступление в кооператив: ассигнование государственных и местных средств для помощи беднякам при внесении паев, льготные условия оплаты паев, отчисление из прибылей кооперативов для оплаты бедняцких паев и т. д.; далее, постановление октябрьского пленума ЦК ВКП(б) (1925 г.) считает необходимым,

чтобы в своей работе деревенская кооперация специально приспособлялась для обслуживания нужд деревенской бедноты. В частности, это необходимо осуществлять путем: «расширения сельхозкредита (удлинение сроков кредитования для бедноты, организация при сельхозтовариществах предприятий, обслуживающих, главным образом, бедноту, как, например, прокатных пунктов и т. п.)». Кредитование деревенской бедноты имеет огромное значение. Потому, помимо кредитования бедноты из общих средств кредитной кооперации, в соответствии с постановлением октябрьского пленума ЦК ВКП(б) создан «постоянный специальный фонд в составе Центрального сельскохозяйственного банка». Этот фонд предназначен «специально на цели кредитования бедноты, и в частности коллективов, на особо льготных условиях». Бюджет 1925/26 г. отпустил на этот фонд 10 милл. руб., которые и были распределены на различные цели и по различным районам.

Помимо этих мер, проводится еще работа по линии органов крестьянской взаимопомощи (крестпомы), состоящая в наблюдении и содействии бедноте при получении кредита, «предоставлении бедноте установленных законами льгот» (постановление октябрьского пленума) и т. п. Беднота получает льготы при землеустройстве, при продаже крестьянам государственных лесоматериалов и т. д.

Словом, Советская власть стремится, отнюдь не превращая бедняка в пенсионера на иждивении у государства и даже борясь с «иждивенческой психологией», помочь ему поднять свое хозяйство, перестать быть бедняком.

Следствием всех перечисленных факторов является то, что рядом с частичным падением ряда слабых хозяйств, другие бедняки оказываются в состоянии выкарабкаться из нищеты и не беднеть, а хозяйственно подниматься. В одних районах большинство бедняцких хозяйств переживает подъем, а в других большинство их не может создать сколько-нибудь доходного хозяйства и постепенно скатывается все ниже и ниже.

Очень трудно подсчитать и в цифрах выразить происходящее в нашей деревне расслоение крестьян. Всеми признается, что по какому-либо одному признаку, в особенности по посевной площади, нельзя судить о том, в каких размерах происходит расслоение. Однако, некоторое представление можно получить по следующим двум таблицам, взятым из доклада тов. Рыкова на XV Всесоюзной партийной конференции.

Группировка крестьянских хозяйств по посеву (в %%).[1]

	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Без посева	6,9	5,3	4,8	4,2
С посевом до 2 десятин	46,0	40,7	36,6	33,0
От 2 до 6 десятин	40,3	44,0	46,7	49,3
» 6 » 10 »	5,6	7,8	9,0	10,2
Свыше 10 »	1,2	2,2	2,9	3,3

[1] Доклад тов. Рыкова на XV партконференции. Изд. Гиз. 1927 г.

Как видно, растут группы с средними посевами (от 2 до 6 десятин) и большими посевами (свыше 10 десятин). Наоборот, беспосевная и малопосевная группы сокращаются.

Примерно, такая же картина и в группировках по скоту:

Годы	% хозяйств			
	без скота	до 2 голов	от 2 до 4 голов	свыше 4 голов
1923/24	17%	63%	18%	2%
1925/26	15%	60%	22%	3%

Количество бесскотных и малоскотных падает; количество хозяйств, обеспеченных скотом свыше 2 голов, растет. Никакого значительного «размывания» середняцкого массива, судя по этим данным, в советской деревне нет. Конечно, не исключена возможность того, что расслоение в ближайшие годы может сделать известные шаги вперед и будет сопровождаться ослаблением некоторой части средних слоев крестьянства и пролетаризацией мелких бедняцких хозяйств. Пока что, повидимому, часть бедняков переходила в середняцкие слои, и обратное явление было менее значительным. Задача Советской власти — в дальнейшем поддержать бедняцкие хозяйства, укрепить их связь с середняками и предупредить быстрый рост кулаков, не давая им разорять и пролетаризировать слабые хозяйства.

XV партконференция следующим образом формулировала особенности расслоения в советских условиях и указала главные результаты этого расслоения.

«Последние годы с полной ясностью обнаружили, что на основе национализации земли, экономической и общей политики Советской власти (помощь бедняцкой и середняцкой массе крестьянства, рост кооперации, землеустройство, кредит, налоговая политика и т. д.), в условиях общего подъема народного хозяйства, происходит экономический подъем основных крестьянских масс, в том числе и значительной части бедняцких масс крестьянства (сокращение безлошадных и малопосевных хозяйств).

В политических и экономических условиях СССР особенностью дифференциации крестьянства является то, что на ряду с ростом кулацких элементов деревни и пролетаризацией некоторой части бедняцких хозяйств происходит экономический подъем другой части бедняцких хозяйств.

Середняцкая масса деревни, пополняясь экономически поднимающимися бедняцкими хозяйствами, остается попрежнему главной силой земледелия».

По численности середняцкая группа составляет немногим более 60% (однолошадных 60,7%, среднепосевных около 60%) общего числа хозяйств; у них сосредоточена большая половина скота, посевов и т. д.

На втором месте по численности идут бедняцкие слои, составляющие около 35—40% хозяйств; богатый кулацкий слой не превышает $1^1/_2$—2, самое большее—3%. К нему примыкает часть середняков — «зажиточные»; из общего числа середняков (60%) эта подгруппа, вероятно, составит около 8—10%.

Из всего хлеба, выброшенного на рынок, середняки дают (в 1925 г.) 47,8%; в это же время беднота—23,7%, зажиточные—16,7%, богатые—11,8%. Из этих цифр видно, что крестьянин-середняк является «центральной фигурой нашего земледелия» (Ленин).

Конечно, незначительное количество богатых крестьян еще не говорит о том, что они имеют ничтожный экономический вес. Как-никак, а обе верхние группы—зажиточные и богатые—выбрасывают на рынок 28,5% всего товарного хлеба. Их роль в деревне усиливается еще тем, что у них сосредоточена главная доля избыточного рабочего скота и инвентаря, частично—торговля и т. д.

Оппозиция внутри нашей партии пыталась оценить соотношение сил внутри крестьянства и перспективы его расслоения совсем по-другому, чем это происходит на самом деле. Прежде всего, они чрезвычайно переоценивали вес и значение кулацких групп крестьянства. Основываясь на непроверенных и ошибочных статистических материалах, они утверждали, что небольшой верхний слой крестьянства (14%) сосредоточил в своих руках главную часть товарного хлеба, и что этот слой регулирует все состояние сельскохозяйственного рынка. Весь основной фон нашей деревни представлялся им, как засилье кулаков над обнищалыми, пролетаризирующимися бедняками. Середняцкие слои при этом отступали на второй план, а в центр выдвигалась капиталистическая фигура кулака. Отсюда они делали выводы, объективно означавшие частичный отказ от проведения развязывания товарооборота и клонившиеся к военно-коммунистической политике «раскулачивания». А поскольку колоссальное развитие кулака существовало только в фантазии паникерствующих оппозиционеров, постольку удары, предназначавшиеся ими для него, попали бы по середняцким массам крестьянства. Не понимая действительной структуры нашей деревни, оппозиция пыталась навязать партии линию, которая обязательно привела бы к разрыву блока с середняком.

Было бы неправильным думать, что у оппозиции все дело сводилось к фактической ошибке, не имевшей никакой принципиально-теоретической и политической основы. На самом деле, переоценка кулака и паника перед ним служат только проявлением глубоко неправильного понимания всего советского типа развития деревни. Оппозиция попросту переносила обычные понятия и мерила капиталистического расслоения на условия советской деревни, полностью игнорируя особенности советской действительности. Генеральным, главным путем развития советской деревни ей представлялся именно путь капиталистический. Она издевалась над всякой попыткой противопоставить этому пути перспективу некапиталистического развития, называя подобные взгляды партии «комнародничеством», т.-е. мелкобуржуазной утопией. Для нее не было другой перспективы, кроме как перспективы капитализирующейся деревни.

Все вышесказанное, все вышеприведенные цифры доказывают укрепление середняцких слоев крестьянства и опровергают представление о том, что у нас происходит самое обычное капиталистическое расслоение; выявляют всю ошибочность оппозиционных теорий и с полной ясностью устанавливают, что перед нашей деревней лежит не только одна дорога к капитализму, но и вторая дорога, по которой сможет пойти преобладающая середняцко-бедняцкая масса нашей деревни.

Перспектива не капиталистического развития основной массы советского крестьянства.

Вопрос о том, каково будет основное направление развития советской деревни, есть другая сторона вопроса о том, кто же будет «центральной фигурой» нашей деревни в будущем. Если основной линией развития деревни будет капиталистическое развитие, то середняку не избежать потери своей центральной, преобладающей роли: типы капиталистической деревни — кулак, полупролетарий и пролетарий — займут его место, и миллионы середняцких хозяйств попадут в капиталистическую мельницу с двумя выходами — узеньким, «в кулаки», широким — «в бедняки». Если такое развитие будет преобладать, то перед делом социалистического строительства встанут очень серьезные политические и экономические трудности. Социалистическому городу придется работать над превращением кулацкой деревни в совокупность социалистических предприятий, над мирной или насильственной экспроприацией новых капиталистов. Конечно, эти последние будут оказывать пролетарскому государству всяческое сопротивление, и ему придется применить для их подчинения, ограничения и последующего поглощения всю свою хозяйственную и политическую мощь.

Однако, нам нечего фантазировать насчет этих трудностей: у пролетариата в руках есть мощное экономическое средство, при помощи которого он сможет не только поправлять или ограничивать капиталистическое развитие деревни, но и противопоставить ему другой путь и добиться, чтобы главная часть крестьянских хозяйств пошла именно по второму, не капиталистическому, пути. Этим основным средством и является кооперация.

Разбирая отдельные стороны работы кооперации, мы уже видели, что она вытесняет деревенского капиталиста из ряда очень существенных экономических областей (кредита, торговли, переработки сельскохозяйственных продуктов, проката дорогих сельскохозяйственных машин и т. д.). Этим она отнимает у кулака отдельные способы эксплуатации и суживает возможности капиталистического развития. Но этим значение кооперации не исчерпывается.

Кооперация как способ соединения «частного» и «государственного», «общего», интереса.

Пролетарское государство держит курс на расширение обмена, товарности, на «развязывание товарооборота»; оно поддерживает, поощряет стремление крестьянина к увеличению доходности его хозяйства; оно дает ему простор в осуществлении этого стремления. Для этого пролетарское государство разрешает крестьянам в известных рамках применять наемный труд, арендовать землю и т. д. Все это необходимо для подъема производительных сил, для построения социализма. Но только

этого мало. Надо найти способ сцепить стремление крестьянина к богатству с его продвижением к социализму. Для этого надо найти такой способ продвижения крестьянина к социализму, который был бы немедленно и непосредственно выгоден крестьянину. Все значение кооперации как раз и состоит в том, что в ней «мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше представляла камень преткновения для многих и многих социалистов». [1] Кооперативное объединение уже сейчас самым простым образом приносит всякому рядовому крестьянину выгоду. Шаг к социализму через кооперацию делается понятным крестьянину, так как он есть в то же время шаг к богатству и выгоде. Через кооперацию мы нашли способ перехода к новым порядкам «путем возможно более простым, легким и доступным крестьянину». Через кооперацию мы будем практически строить социализм так, «чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении» (Ленин).

Пока что только кооперативная торговля и кооперативная переработка очевидно и безусловно выгодны для самой широкой крестьянской массы. Поэтому сейчас сбытовая и снабженческая работа сельскохозяйственной кооперации и является главным способом коллективизации крестьянского хозяйства; торговые, сбытовые объединения — таково очередное звено, теперешняя, первая ступенька социалистической переделки основной массы крестьянства. По мере того, как мы будем проводить технический переворот в нашем сельском хозяйстве, — по мере этого мы от первого звена будем переходить ко второму — к производственной кооперации, к коллективному сельскохозяйственному производству.

Этим путем получится, что личный интерес крестьянина будет питать рост социалистического хозяйства: на основе стремления крестьян к наибольшей выгоде будет вырастать социалистическое сельское хозяйство.

Такое направление личного интереса мелкого товарного хозяйства в социалистическое русло возможно только благодаря своеобразному строению советской кооперации. В условиях капиталистического хозяйства стремление крестьян к богатству неизбежно питает рост капиталистических отношений. Кооперация обычно вовсе не является каким-либо новым путем, противоположным капиталистическому развитию.

Наоборот, она является одним из способов наживы для кулаков, которые играют первую скрипку внутри самой кооперации. Конечно, рядовые крестьяне тоже состоят членами кооперативов, но в капиталистических странах распоряжение всеми кооперативными средствами и всем кооперативным аппаратам сосредоточено в руках крестьянской верхушки, опирающейся на мощную поддержку капиталистических предприятий всех сортов и видов. Благодаря этому

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 129. «О кооперации». (Курсив наш.)

кооперация служит способом подчинения хозяйства крестьянина капиталистическому руководству. Кооперация берет взаймы средства у буржуазных банков; туда же она вкладывает свои свободные капиталы; средства производства кооперация получает у крупных капиталистов; крестьянские товары продает частным торговцам; в случае затруднений прибегает к помощи опять-таки крупных помещиков или буржуа и т. д. и т. п. И вокруг кооперации и сверху кооперации — всюду, куда бы она ни обращалась, она сталкивается с частями огромной капиталистической системы. Если кооперация в таких условиях хочет существовать, она должна стать частицей этой же системы, вплестись в нее, попасть в зависимость от капиталистических предприятий. Понятно, что в таком положении она не сможет бороться с деревенским капиталистом, не сможет стать организацией социалистического объединения крестьян. Она скорее будет одним из орудий воздействия капиталистов на крестьянскую массу.

Положение кооперации в корне изменилось после того, как «командные высоты» хозяйства перешли в руки пролетарского государства, после того, как руководить всей экономической жизнью стала социалистическая часть хозяйства. Ленин пишет, что мечты старых кооператоров, переделать весь общественный строй через кооперацию без классовой борьбы и революции, были пошлыми и смешными до тех пор, пока кооперация существовала в рамках капиталистической власти, капиталистического строя. «Но посмотрите, как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплуататоров свергнута и раз все средства производства... находятся в руках рабочего класса. Теперь мы в праве сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен... с ростом социализма»... «В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, *власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству* и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы *из кооперации, из одной только кооперации*, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не *все необходимое для построения полного социалистического общества*? Это еще не построение социалистического общества, но *это все необходимое и достаточное для этого построения*».[1] Самое главное в том, что наша кооперация входит составной частью в систему социалистического хозяйства. Крестьянские кооперативы со всех сторон связываются и смыкаются с социалистическими предприятиями: они кредитуются и финансируются пролетарским государством; их снабжает социалистическая госпромышленность; они сбывают свои товары торговым органам пролетарского государства; они получают важнейшие машины от государственных предприятий; наконец, союзные органы кооперации

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 129—130. «О кооперации». (Курсив наш.)

находятся под непосредственным руководством пролетариата. Таким образом, кооперация «сверху» врастает в социалистическое пролетарское хозяйство; а «снизу» охватывает миллионы крестьянских хозяйств, в огромном большинстве середняцкого типа. По РСФСР — в сельскохозяйственной кооперации 67% членов являются середняками; середняки и бедняки, вместе взятые, дают 93% членов.[1] Поэтому, если в буржуазных странах кооперация связывает капиталистические руководящие предприятия с крестьянской массой, то у нас кооперация включает миллионы крестьянских хозяйств в организм государственного хозяйства и превращает развитие этих хозяйств в постепенную социалистическую переделку. Выходит, что кооперация играет роль известного насоса: наверху — социалистическое государство, внизу — крестьянские распыленные хозяйства, которые будут непосредственно втягиваться в социалистическую организацию. Поэтому «кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом» (Ленин).

В таком кооперативно-социалистическом «переплете» удастся дать новое направление развитию середняцкого хозяйства: на место капиталистическо-кулацкого развития встанет движение с крупными коллективными предприятиями. Основная середняцкая масса нашего крестьянства, до сих пор еще не втянутая в капиталистическую мельницу, еще по типу докапиталистическая, сможет избавиться от перспективы «размывания», сможет пойти по пути *некапиталистического* развития. Ее *частный* интерес будет подводить ее *непосредственно* к социалистическому *обобществленному* хозяйству. И такая социалистическая дорога будет *основной* дорогой деревенского развития, ибо *основное ядро* крестьян составляют середняки, а *основное экономическое влияние*, которому они подвергаются, — влияние государственного хозяйства, которое подтягивает и подводит их к постепенному, но непосредственному социалистическому объединению.

Разумеется, кооперация не сможет совершенно уничтожить роста капиталистических отношений. Даже внутри ее самой часть ее членов или уже вовлечена в капиталистический водоворот, или попадет туда в ближайшие годы. По отношению к этой части пролетарскому хозяйству придется по-другому строить свои отношения и применять другие методы. Если по отношению к бедняцкому крестьянству па первый план выдвигается задача материальной помощи и организации, то по отношению к кулакам социалистическое государство проводит политику подчинения, ограничения, использования кулацкого хозяйственного роста в своих целях. Кооперация по отношению к беднякам будет органом подъема и прямой производственной коллективизации, а по отношению к кулакам — органом регулирования, контроля и ограничения деревенского капиталиста со стороны пролетарского государства. Как видно, во всех случаях она останется главным рычагом социалистического регулирования экономического развития деревни.

---

[1] См. *Кантор*. «Основы кооперативной политики РКП», стр. 76. Данные относятся к 48 универсальным союзам.

ЛИТЕРАТУРА.

I. Из работ Ленина для главы III важно использовать: 1) Доклад на VIII Съезде Советов, т. XVII, стр. 416—420 (на этих страницах Ленин говорит о способах подъема сельского хозяйства, намечавшихся в тот период, т.-е. в период последних месяцев военного коммунизма). 2) Доклад о продналоге на X съезде партии. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 136—148. В нем освещено значение нэпа с точки зрения смычки с крестьянством и перспектив развития деревни. 3) Брошюра «О продналоге», особенно страницы 196—205 по I части XVIII тома. 4) Доклад на XI съезде партии, особенно страницы 26—32 II части XVIII тома. 5) статья «О кооперации» из II части XVIII тома стр. 129—135.

II. Фактический материал о состоянии нашего сельского хозяйства можно почерпнуть из следующих источников: 1) Гордеев. «Сельское хозяйство в войне и революции». 2) Огановский. «Очерки по экономической географии СССР», изд. 2-е, с предисл. Крицмана. На это предисловие надо обратить внимание, ибо оно облегчает обнаружение некоторых немарксистских положений книги. 3) Интересно изложена динамика сельского хозяйства и деревенских социально-экономических отношений за годы войны и революции т. Дубровским в «Очерках русской революции».

III. Основные вопросы нашей земельной и сельскохозяйственной политики можно проработать по следующим книгам: 1) «Сельское хозяйство на путях восстановления». Сб. под ред. Крицмана, Попова и Яковлева (910 стр.). В этом сборнике — ряд больших статей почти по всем вопросам развития нашего сельского хозяйства. 2) «Отчет Наркомзема за 1924/25 г.» включает в себе богатый материал по итогам проведения основных мероприятий Советской власти. К сожалению, соответственный отчет за 1925/26 г. еще не вышел. 3) Смирнов. «Наши основные задачи по поднятию и организации крестьянского хозяйства». М. 1925 г. 4) Аграрная политика в решениях съездов и конференций ВКП(б) с 1917 по 1923 г.». Гиз. 1926 г. 5) С земельным законодательством надо ознакомиться, проработав хотя бы Земельный кодекс (есть много изданий. См. также П. Гуров. «Земельный кодекс в вопросах и ответах» и Дембо. «Аграрное законодательство». 1925 г.). 6) Необходимо использовать также доклад т. Калинина о сельском хозяйстве на IV Съезде Советов СССР. 7) Интересные вопросы ставит серьезная работа т. Яковлева «Сельское хозяйство и индустриализация».

IV. По вопросу «о расслоении крестьянства и о сельскохозяйственной и кредитной кооперации можно рекомендовать следующую литературу: 1) Бухарин. «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз». Лучшее из имеющихся популярное изложение основ нашей политики в деревне и ленинского «кооперативного плана». 2) Его же. «Три речи», стр. 5—15. 3) Рыков. «Деревня, новая экономическая политика и кооперация» (доклад XIV партконференции, приложена резолюция) 4) Его же. «О хозяйственном положении страны и задачах партии» (доклад на XV партконференции). 5) Молотов. «Политика партии в деревне». Статьи и речи, приложены важные резолюции пленумов ЦК ВКП(б). Особенно необходимо использовать при проработке вопросов помощи бедноте. 6) У нас нет работ, действительно дающих полный и научный анализ, статистический материал по расслоению. В этом отношении несколько выделяются две работы: во-1-х, Крицман. «Классовое расслоение в советской деревне»; из-за недостаточности материала, на котором основана эта работа, едва ли можно считать ее выводы общеприменимыми, во-2-х, Яковлев. «Об ошибках хлебо-фуражного баланса ЦСУ» (1926 г.). Брошюра вскрывает ряд статистических ошибок, приведших к неправильным выводам по вопросу о расслоении нашей деревни и намечает действительное распределение масс товарного хлеба по социальным группам крестьянства. 7) Удовлетворительно написана брошюра Кантора «Основы кооперативной политики РКП(б). 8) Фактический материал по вопросу о состоянии с.-х. кооперации собран у Минина «Сельскохозяйственная кооперация СССР». К сожалению, данные Минина устарели. 9) Более современный (но тоже немного устарелый) материал у Севрука «Кооперация в СССР», 2-е издание.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ.

§ 16. ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ.

Мы разобрали две главные части нашего хозяйства — промышленность и сельское хозяйство. Мы видели, что обе эти отрасли хозяйства не могут развиваться обособленно, независимо одна от другой. Промышленность нуждается в деревенском рынке и сырье; она использует развитие сельскохозяйственного производства в качестве непосредственной опоры для целого ряда своих отраслей. С другой стороны, всякое современное интенсивное сельское хозяйство основывается на развитой промышленности. Если таковой нет, то сельское хозяйство не имеет ни рынка для интенсивных культур, ни дешевых химических удобрений, ни современных орудий производства. Естественно, что сельское хозяйство поэтому и не может сдвинуться с мертвой точки и вынуждено задерживаться на теперешнем нищенском уровне.

Для совместного развития промышленности и сельского хозяйства необходимо, чтобы между ними была тесная экономическая связь. При этом надо найти такой способ связи, который подходил бы и для распыленного крестьянского хозяйства и для концентрированной в руках пролетарского государства крупной промышленности.

Какой же способ связи удовлетворяет этим требованиям? Ленин дает на этот вопрос ясный и твердый ответ. «Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью...». Мы могли бы обойтись без торговли и наладить плановое, организованное производство и распределение всех продуктов, если бы у нас была великолепная, мощно развернутая промышленность, а рядом с ней было бы не 22 милл. крестьянских хозяйств, а несколько тысяч крупных совхозов и коммун. Но 22 милл. хозяйств никак нельзя сразу втиснуть в единый стройный план. Военно-коммунистическое запрещение торговли «означало такую ломку всех привычных для крестьянина отношений, которая возбуждала против себя широкие слои крестьянства и поэтому неизбежно была обречена на слом». [1]

---

[1] Бухарин. «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз».

Таким образом, рыночный меновой способ связи внутри нашего хозяйства необходим, главным образом, именно из-за того, что рядом с концентрированной промышленностью у нас имеется распыленное, мелкотоварное сельское хозяйство. Сама торговля в Советском Союзе прежде всего должна сомкнуть частнокрестьянское и государственно-промышленное хозяйство, должна передвинуть продукты из одного в другое.

Но рядом с этим и внутри государственной части нашего хозяйства торговые отношения между отдельными предприятиями оказываются пока что наиболее простой и дешевой связью. Разбирая организацию нашей промышленности, мы убедились, что плановое регулирование не отменяет торгового способа связи, но только стремится вложить в ту же торговую форму новое содержание, новый регулирующий механизм.

Таким образом, торговля оказывается всеобщей формой связи между предприятиями советского хозяйства. Можно сказать, что все советское хозяйство построено на рыночно-торговых началах. Но при этом надо сейчас же оговориться, что наш рыночно-торговый строй имеет совершенно особенный характер. Пролетарское государство, ничуть не пытаясь упразднить торговлю и рынки, старается превратить их в послушных проводников своих планов и предположений. Но для этого нужно прежде всего овладеть товарооборотом, научиться торговать, наладить аппарат государственной торговли.

Если государство сумеет это сделать, то в его руках окажется очень важное средство воздействия на все народное хозяйство. В самом деле, государство непосредственно может распоряжаться, планировать, управлять только своими собственными предприятиями. На огромную массу мелких частных хозяйств пролетарское государство может экономически воздействовать, главным образом, через ту меновую связь, которая соединяет данное частное предприятие с советским государственным хозяйством. Так же как в какой-либо дом можно войти, ничего не ломая и не портя, только через дверь, так и «вход» в частные хозяйства лежит через торговлю, через покупку и продажу товаров. Поэтому, чтобы овладеть действительно всеми командными высотами и через них постепенно подчинять хозяйственную жизнь плановому руководству, недостаточно иметь в своих руках только промышленность и транспорт. Необходимо, чтобы в руках государства была такая торговая система, которая охватывала бы все хозяйство в целом и зацепляла своими нитями любое частное мелкое хозяйство.

Борьба за торговое «звено». Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы частный капитал завоевал преобладание в торговой области. Это было бы равносильно подчинению всей крестьянской массы руководству торговцев-капиталистов. Это было бы равносильно полному уничтожению руководящей роли социалистической промышленности: между нею и остальным хозяйством оказался бы посредник-капиталист, который стал бы проводить свою экономическую линию.

Именно поэтому государство с первых же лет нэпа особенно усердно боролось за руководство торговлей. «Торговля — вот то звено в исторической цепи событий и в переходных формах нашего социали-

стического строительства 1921—1922 гг., за которое надо всеми силами ухватиться нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко ухватимся, мы всей цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических общественно-экономических отношений не создать.

Это кажется странным. Коммунизм и торговля. Что-то очень уже не связное, несуразное, далекое. Но если поразмыслить экономически, одно от другого не дальше, чем коммунизм от мелкого крестьянского, патриархального земледелия...».[1]

Ухватиться за торговое звено и удержать его в своих руках было делом очень и очень трудным. Коммунистам-рабочим приходилось соперничать с капиталистами в такой области, в которой капиталисты чувствовали себя как рыба в воде, а коммунисты были новичками, не умеющими даже начать дело. Вдобавок частный капитал устремился именно в торговлю, уделяя очень мало внимания производственным предприятиям. С переходом к новой экономической политике создалась обстановка, когда государство очутилось лицом к лицу с отсутствием своего товаропроводящего аппарата, в то время, как развязалась сразу же миллионноголовая частноторговая стихия. Даже в области оптовой торговли, даже в сделках между государственными органами, «частный посредник», т.-е. торговый капиталист, играл на первых порах громадную роль.

«Можно сказать, что в области торговли положение было весьма опасным: на низах — бесконечное количество частных торговцев, начиная с крестьян, «химически выделявших» мелких и мельчайших «капиталистиков», которые, в свою очередь, «химически выделяли» более крупный «кадровый состав». Наверху — ловкие дельцы, пронырливые, в значительной степени спекулянтского пошиба, шибера, получившие возможность двигаться и с необыкновенной энергией втиравшиеся во все поры и щели государственного организма, всюду, где лишь представлялась возможность получить грабительскую торговую прибыль или высокий спекулятивный дифференциальный барыш».[2]

Именно поэтому в результате первых лет нэпа «создается противоречие — когда промышленность находится в руках государства, а посредником между ней и крестьянином выступает частная торговля».

Констатируя этот факт, XIII съезд партии в 1924 г. выставляет задачу «вытеснения из торговли частного капитала и тем самым создания сплошной связи между крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью». Это вытеснение должно было происходить не путем административного нажима, а путем рыночной конкуренции. Мы должны научиться давать через свою торговлю продукты не хуже, а лучше капиталиста. Ленин с поразительной силой и резкостью ставил вопрос о хозяйственном «бое» с русским капитализмом на торговой почве. «Проверка нужна настоящая. Рядом действует капиталист,

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 412.

[2] Бухарин. «Международная буржуазия и Карл Каутский — ее апостол», стр. 69.

действует грабительски, берет прибыли, но он умеет. А вы — вы по-новому пробуете: прибылей у вас нет, принципы коммунистические, идеалы хорошие расписаны, и расписаны так, что вы — святые люди, в рай живыми проситесь, а дело делать умеете? Нужна проверка, настоящая проверка, проверка не такая, что ЦКК исследует и вынесет порицание, а ВЦИК назначит взыскание, — нет, а проверка настоящая, с точки зрения народной экономики...».[1] Экономическая борьба, развернувшаяся в области торговли, довольно скоро привела к серьезным победам пролетарского государства. Частный капитал не смог противостоять экономическому наступлению мощного государственного хозяйства. Если на XIII съезде партии тов. Каменев оглашал тревожные цифры о том, что 64% всего торгового оборота находятся в руках у частных купцов и что поэтому наше хозяйство выглядит так: с одной стороны — мелкое, распыленное крестьянское сельское хозяйство, с другой стороны—государственная пролетарская крупная промышленность; между ними — связка — торговля, находящаяся в руках у частного купца; если тогда даже в оптово-розничной торговле частник имел 50% оборота, то уже к 1924/25 г. государство и кооперация во всех торговых областях заняли преобладающее место. По следующей таблице мы можем ясно видеть, как за годы нэпа росли общие размеры товарооборота, и как увеличивалась роль государственной и кооперативной торговли.

Общий оборот внутренней торговли в 1922—1925 гг.

(Данные взяты из сборника «Внутренняя торговля и ее регулирование в 1924/25 г.», изд. Наркомторга.)

Годы	Гос. торг. и пром. пред.	Кооперации	Частной торговли	Крестьянск. оборот (баз. торговли)[2]	Весь оборот. в милл. черв. руб.	Весь оборот в %% К 1913 году	Весь оборот в %% К 22/23 году
1922/23 г.							
В милл. черв. руб. . . .	3 203	1 123	3 392	1 450	9 169	25	100
» %% ко всему обороту .	34,9%	12,3%	37,0%	15,8%	100		
» %% к 1922/23 г.	100%	100%	100%	100%	—		
1923/24 г.							
» милл. черв. руб. . . .	6 500	2 845	5 090	3 642	18 077	51	197
» %% ко всему обороту .	36,0%	15,7%	28,2%	20,1%	100		
» %% к 1922/23 г.	203%	254%	150%	250%	—		
1924/25 г.							
» милл. черв. руб. . . .	10 780	5 270	5 315	4 837	26 202	71	286
« %% ко всему обороту .	41,1%	20,1%	20,3%	18,5%	100		
» %% к 1922/23 г.	334%	470%	156%	333%	—		

[1] Ленин. Доклад на XI съезде РКП.

[2] Сюда относится продажа крестьянами и кустарями непосредственно потребителю (с возов и с рук на базарах, по заказу и т. д.).

Как видно, за рассматриваемое время происходило общее расширение товарооборота: он за два года вырос почти в три раза, быстро догоняя довоенный уровень. Вся борьба за преобладание в торговой сфере происходила на фоне быстрого развития товарных отношений и расширения рынка. При этом по абсолютной величине оборотов росли все виды торговли. Но быстрота их роста была очень различна. Впереди всех идет рост кооперации. Ее обороты увеличились чуть ли не в пять раз (до 470% от 1922/23 г.). Вслед за кооперацией энергично растет, с одной стороны, самая крупная—государственная торговля, а с другой, самый мелкий крестьянский базарный оборот. Оба эти вида торговли увеличиваются в три с лишним раза. Наконец, медленнее всех тянется частный торговый оборот. Он вырос всего в $1^1/_2$ раза, при чем почти весь этот прирост падает на 1923/24 г. (по сравнению с 1922/23 г.); 1924/25 г. дает довольно незначительную добавку оборота частного капитала. Частный капитал оказался в хвосте общего подъема, и поэтому его роль резко снизилась; если в 1922/23 г. он играл первую скрипку, и в его руках была самая крупная доля оборотов — 37%, то в 1924/25 г. госторговля и кооперация оттеснили его на второй план: у него осталось всего 20% оборота.

Кооперация и госторговля, быстро развивая свои обороты, отвоевали в 1924/25 г. 61% всего товарооборота, вместо имевшихся у них в 1922/23 г. 47%.

1925/26 г. принес новое сужение доли частной торговли и увеличение доли торговли государственной и кооперативной. Если взять только так называемый посреднический товарооборот, т.-е. торговлю промышленных и торговых предприятий, то его распределение в 1925/26 г. между государственными, кооперативными и частными предприятиями представится в следующем виде.

По полугодиям:	Государств.	Кооперат.	Частн.	Итого
I полугодие в милл. руб.	7 331,0	4 493,6	3 220,4	15 045,0
в %% к итогу	48,7	29,9	21,4	100,0
II полугодие в милл. руб.	7 811,0	5 481,8	2 917,8	16 210,6
в %% к итогу	48,2	33,8	18,5	100,0

Как видно, в 1925/26 г. процесс постепенного вытеснения частника неизменно продолжался.

Оптовая торговля и ее организация.

Вытеснение частного капитала и замещение его сколачивавшимся государственно-кооперативным торговым аппаратом шло с разной быстротой и разными путями в оптовой, средней и розничной торговле. Что касается наиболее крупного оптового оборота, то он прежде всего перешел в руки самого государства, так как он был наиболее общим,

наиболее центральным звеном торговой сети. Еще в октябре 1921 г. Ленин пишет, что «пролетарское государство должно стать осторожным, рачительным, умелым **оптовым купцом**, иначе оно мелкокрестьянскую страну не может экономически поставить на ноги... Оптовая торговля объединяет миллионы мелких крестьян, экономически заинтересовывая их, связывая их, подводя их к дальнейшей ступени: к разным формам связи и объединения в самом производстве».[1] XIII съезд партии в качестве ближайшей задачи выставляет «в первую очередь удержание и дальнейшее завоевание государственным капиталом оптового оборота».

За организацию оптовой торговли взялись сами **государственные** хозяйственные организации. К 1926/27 г. государственные «оптовые купцы» сосредоточили в своих руках 49% всего посреднического оптового оборота, в то время как на долю кооперации приходится 42%, а на долю частного торговца 9% (вместо 22% в 1923/24 г.).

Разберем важнейшие звенья аппарата государственной оптовой торговли. По размерам оборотов на первом месте тут стоят торговые объединения наших трестов — синдикаты. За годы нэпа их всего образовалось до 20, но некоторые впоследствии оказались нежизненными, лишними и при пересмотре были ликвидированы. Обычно капиталы синдикатов составляются из паевых взносов входящих в синдикат трестов. Цели синдикатов сводятся к распределению заказов, разграничению рынков, установлению продажных цен, согласованию и объединению заготовок сырья и топлива и т. д. Некоторые синдикаты ограничиваются только регулированием торговой деятельности трестов (так называемые конвенции); но большинство идет дальше и создает единый для всех участников сбытовой и закупочный аппарат. Синдицирование промышленности сделало за последние годы крупные успехи, и не столько в смысле создания новых синдикатов, сколько в отношении более полного торгового обслуживания трестов. Так, в 1923/24 г. синдикаты реализовали около 39% всей промышленной продукции, а в 1924/25 г. уже 45,5%. Постепенно оптовое распределение всей массы промышленных продуктов сосредоточивается в руках синдикатской системы; этим создается централизованный аппарат, при помощи которого государство может организованно регулировать оптовый рынок промышленных товаров. Для местной промышленности подобную роль торговых объединений играют губторги, в которые обычно входят все тресты местного значения.

Если в области **оптовой торговли промпродуктами** уже несколько лет как государственный аппарат в основном сложился и овладел рынком, то подобная же задача в отношении хлебной торговли только в самое последнее время, в хлебозаготовительные кампании 1925/26 г. и 1926/27 г., была полностью поставлена и в основных чертах разрешена.

Легко понять, какое огромное значение имеет для нас хлебная торговля. Во-первых, от организации снабжения хлебом зависит питание рабочего класса, зависит уровень реальной заработной платы.

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 369.

Во-вторых, состояние хлебного рынка чрезвычайно сильно влияет на все стороны деревенской жизни: на засев тех или других культур, на интенсификацию крестьянского хозяйства, на специализацию районов, на соотношение сил основных слоев крестьянства и т. д. В-третьих, размер закупок хлеба и уровень хлебных цен определяет возможные размеры и степень выгодности хлебного экспорта, а следовательно, и ввоза оборудования, сырья, фабрикатов для всех отраслей нашего хозяйства. Поэтому непременным условием того, чтобы государство действительно занимало командное положение в нашем хозяйстве, является централизация в его руках основных масс товарного хлеба. До сих пор государство не всегда полностью справлялось с этой задачей. Случалось, что благодаря недостаточному или неправильному маневрированию госорганов мощный напор стихийных сил, вырастающих из многомиллионной массы мелких частных крестьянских хозяйств, вырывал хлебный рынок из-под государственного руководства, срывал хлебозаготовительные планы, ломал установленные цены и заставлял государственную торговлю приспособляться к создавшимся условиям. Государственному хозяйству с большим напряжением приходилось овладевать непокорным хлебным рынком.

В значительной мере это происходило потому, что наша хлеботорговля была плохо организована. Помимо нескольких (5—6) основных хлебозаготовительных организаций на рынке боролся за хлеб целый легион мелких местных кооперативных, мельничных, частноторговых и всяких других заготовителей, ничем не увязанных и не регулируемых. В результате получались обостренная конкуренция и рост цен. По словам тов. Рыкова, «мы еще не научились ни покупать, ни продавать хлеб. В нашей аграрной стране — это громадный недостаток. Организацию хлебной торговли и хлебного дела нужно улучшить во что бы то ни стало».[1]

Конечно, прежде всего необходимо было правильно построить государственный хлебозаготовительный аппарат. В главных чертах его организация была намечена в апреле 1926 г. пленумом ЦК ВКП (б). «Основной хлебозаготовительный аппарат должен слагаться из следующих централизованных организаций: а) Хлебопродукт, б) Центросоюз (на Украине — Вукоспилка),[2] в) Сельскосоюз (на Украине — Сельгосподарь»). Наибольшую роль будет играть государственный торговый орган — «Хлебопродукт», обладающий широкой сетью ссыпных пунктов, мельниц и элеваторов. За ним идут кооперативные организации, которые должны путем «закупок у крестьянства через систему первичных кооперативов» постепенно превращаться во «все более мощный аппарат для реализации крестьянской продукции». На местах, в хлебородных округах и губерниях, создаются местные заготовительно-мельничные тресты, работающие, главным образом, для удовлетворения нужд данного района. На долю Госбанка возлагается воздействие путем кредитных, договорных и других операций на все внеплановые — хотя бы

---

[1] «Правда» от 10 марта 1926 г.

[2] Вукоспилка — всеукраинское объединение потребительской кооперации; Сельгосподарь — сельскохозяйственной кооперации.

частноторговые — хлебозаготовки. Остальные государственные организации не должны проводить каких-либо хлебозаготовительных операций. «Снабжение этих организаций хлебом должно производиться путем заключения договоров с основными хлебозаготовителями». Все это ставит своей целью упорядочение хлебного рынка путем создания «в руках государства централизованного хлебозаготовительного аппарата, который объемом своих заготовок и массой сосредоточиваемого в его руках хлеба мог бы фактически господствовать как на заготовительном, так и на потребительских рынках».[1]

Мы остановились на организации двух «флангов» оптовой торговли — промышленного и хлебного рынков. Помимо специальных торговых аппаратов, непосредственно оперирующих в обеих этих рыночных областях, существуют еще организации, облегчающие и упорядочивающие самый ход оптовых сделок. Речь идет о товарных биржах. В их задачу входит «выявлять отношение спроса и предложения, облегчать и упорядочивать как товарооборот, так и связанные с ним товарные и торговые операции» (из «Положения о товарных биржах»). Государственные предприятия должны все свои значительные сделки, где бы они ни были заключены, регистрировать на биржах. Это правило установлено для того, чтобы государство могло учитывать все колебания товарооборота и иметь известный материал для контроля над торговой работой своих хозяйственных органов. Биржи собирают и публикуют сведения о ценах, о спросе или предложении партий товаров, о движении грузов и т. д. Благодаря всему этому биржи являются центрами оптового оборота и вносят в него большую планомерность и организованность.

В 1926 г. наметилась некоторая реорганизация работы бирж. Укрепление торгового аппарата государства и кооперации, усиление планирования торговли, развитие системы генеральных договоров между кооперацией и промышленностью (о чем речь будет дальше), — все это несколько умалило значение товарных бирж. Появились даже проекты их полной ликвидации. Однако, СНК и СТО постановили, оставив биржи существовать, сократить их число до 14 в наиболее крупных узловых пунктах и сосредоточить их работу на посредничестве в торговле товарами, «нуждающимися в выявлении розничного спроса и предложения».[2]

Розничный торговый аппарат и роль кооперации.

Оптовый оборот ограничивается общим распределением товарных масс между отдельными частями народного хозяйства и районами нашей огромной страны. Продвижение товаров от оптового склада до непосредственного потребителя является делом розничной торговли. И если в опте у нас центральную роль играет государственный аппарат, то гораздо более распыленная, раздробленная розничная торговля главным образом находится в руках кооперации и частного капитала. В 1923/24 г. государство имело всего 11,3% розничной торговли, кооперация — 30,1% и частник — 58,6%; к 1925/26 г. доля

---

[1] Из постановления Пленума. «Правда» от 13 апреля 1926 г.
[2] «Советская торговля», № 3 за 1927 г.

государства выросла до 17,5%, кооперации до 43,7%, а частника упала до 38,8%.[1] В общем, государство и кооперация вместе взятые имеют 61,2% розничной торговли. Но если сравнить три вида торговли (оптовую, оптово-розничную и розничную) друг с другом, то окажется, что наибольшую долю частный капитал имеет в рознице. Тут еще позиции частного капитала очень сильны. И если в оптовой торговле государству удалось сравнительно скоро добиться полного преобладания, то в розничной торговле борьба с частным капиталом оказалась гораздо более затяжной и потребовала более сложной и кропотливой работы.

Само вытеснение частного капитала из розничной торговли пойдет существенно иными путями, чем из оптовой. Прежде всего, как это видно уже из приведенных цифр, главными «вытеснителем» и «заместителем» здесь являются не государственные торговые организации, а кооперативы. Государство не может построить такого огромного казенного аппарата, который обслужил бы каждую захудалую деревеньку. Для этого понадобилось бы возрождать старый Наркомпрод. Огромная машина государственной розничной торговли неизбежно страдала бы бюрократизмом, отрывом от массовых потребностей, неповоротливостью и тяжеловесностью. При этих ее качествак юркий частный торговец сумел бы снабжать крестьянство лучше нас и этим выиграл бы экономическое соревнование.

Другое дело, если сами покупатели, исходя из собственных торговых интересов, создадут кооперативное объединение, которое будет снабжать их всеми необходимыми товарами. При активном участии членов кооператива в его работе мы будем иметь не только лавочку с наемными приказчиками, но и самодеятельную общественную организацию, чутко учитывающую запросы массового потребителя. Вот это обстоятельство и заставляет признать, что кооперация должна быть *главным товаропроводящим каналом от опта до потребителя*. В предыдущих главах мы рассматривали роль кооперации, поскольку она объединяет всю торговую работу мелких *производителей*. Там мы видели, что она является формой развития мелкотоварных хозяйств в сторону социалистического объединения. Теперь нам нужно остановиться на том виде кооперации, который по своему объему играет наибольшую роль в нашей торговой сети, — на потребительской кооперации. Как видно из самого названия, этот вид кооперации обслуживает личное потребление трудовых масс города и деревни. Именно потребительская кооперация должна взять от оптовых государственных организаций основную массу товаров и продвинуть ее в самую гущу нашего рынка. Для осуществления этой задачи кооперация должна охватывать возможно более широкую массу населения. Пока что эту задачу можно считать разрешенной, главным образом, в отношении города. Из 8,7 милл. пайщиков потребительских кооперативов на 1 апреля 1925 г. на долю городской (включая рабочую) и транспортной кооперации приходилось 4,2 милл.; в общем, около 60% членов профсоюзов состояли пайщиками кооперативов. В сель-

[1] «Контрольные цифры», стр. 374.

ских кооперативах было 4,5 милл. пайщиков, что дает кооперирование 20% крестьянских хозяйств. К 1926 г. рост кооперации увеличил число пайщиков до 10 милл. Быстрее всего растет число пайщиков в деревне. Так, за 1923—1925 гг. прирост числа членов в городах составил 18%, а в деревнях — 29%.

Отдельные потребительские общества объединены в районные, губернские и областные союзы, во главе которых (для РСФСР) стоит Центральный Союз Потребительских Обществ (Центросоюз). Сейчас Центросоюз исполняет также функции общесоюзного центра потребительской кооперации.

Эти кооперативные объединения руководят работой ячеек низовой сети, производят для них массовые закупки товаров, организуют их кредитование и т. п.

Наша кооперация болеет еще целым рядом серьезных болезней. В первую голову сюда нужно отнести дороговизну товаропроводящего аппарата и вытекающие из нее большие накидки на оптовые цены; далее, недостаточное активное участие членской массы в делах своего кооператива. Однако, рост нашей кооперации за годы нэпа дает все основания думать, что кооперация в ближайшие же годы сможет справиться с этими болезнями.

Наша политика в отношении к частной торговле.

Вместе с укреплением государственно-кооперативного торгового аппарата частный торговец будет терять позицию за позицией и превратится из сильного соперника в лицо, зависимое от наших торгующих организаций. Этим самым проблема частного капитала будет полностью разрешена. Пока же нам приходится проводить ряд сложных хозяйственных маневров для того, чтобы, с одной стороны, подчинять и регулировать частный капитал, а с другой стороны, не лишать его совершенно возможности работать. Разумеется, последнее было бы вредно и неправильно. Частная торговля сейчас обслуживает при помощи определенных капиталов, людских кадров и аппаратов очень значительную часть наших торговых оборотов. Мы пока еще не настолько богаты, чтобы отказаться от ее использования. Но при этом центральной задачей является определенными торговыми, финансовыми и кредитными методами подчинить частного капиталиста нашему руководству, превратить его в агента нашего торгового аппарата. Именно за это, а не за полную немедленную ликвидацию мы ведем экономическую борьбу с частным капиталом. Победа в этой борьбе даст нам наиболее экономное достижение основной цели — построения полного, достаточно разветвленного торгового аппарата, находящегося целиком под руководством государственного хозяйства.

Вопрос о политике по отношению к частному, главным образом, торговому капиталу, не раз привлекал к себе внимание партии. Еще в 1923 г. троцкистская оппозиция в лице тов. Преображенского пыталась напугать партию фантастическими расчетами о накоплении частным капиталом огромных сумм. Последующее развитие прекрасно показало то, что эти расчеты и основанные на них выводы не отражают действительного соотношения сил внутри торговли и других хо-

зяйственных областей. Как мы уже видели, 1924/25 и 1925/26 гг. оказались годами быстрого и беспрерывного роста государственной и кооперативной торговли и гораздо более медленного возрастания, сменявшегося в некоторые периоды даже сокращением частной торговли. Несмотря на это, оппозиция в 1926 г. вновь пыталась бросить партии обвинение в том, что частник чрезмерно вырос, вновь пыталась представить дело так, как если бы сумма частных капиталов в торговле и промышленности была бы колоссальной, равнялась чуть ли не полутора миллиардам рублей, из которых добрый миллиард падал бы на торговлю. Оппозиция утверждала, что за 1925/26 г. частный капитал накопил огромную сумму средств — 400 — 500 милл. руб. Оппозиция кричала об «угрожающем» росте частнокапиталистического сектора, обвиняла в этом политику ЦК ВКП (б) и заявляла о том, что партия не хочет взять с частника сотен миллионов рублей, взять которые — дело простое и легкое.

Конечно, на деле все это было простым демагогическим приемом. При проверке цифр, которыми оперировала оппозиция, выяснилось, что размеры частных капиталов и частного накопления несравненно ниже тех, о которых кричала оппозиция. Например, по данным, приводимым Дволайцким, [1] собственный и привлеченный капитал частных торговых предприятий в конце 1924/25 г. равнялся 584 милл. руб., а годовое накопление — 170 милл. руб. При этом надо иметь в виду то, что частный капитал распылен между огромным количеством мелких и мельчайших разносных, палаточных и т. п. «предприятий». 17,7% собственного капитала частной торговли падает на предприятия, платящие промысловый налог по I и II разрядам. Средний размер их капитала очень невелик — 37 руб. (I разряд) и 298 руб. (II разр.) Еще 52,7% падает на предприятия III разряда, со средним капиталом в 2141 руб. Только остальные 29,6% падают на предприятия более крупные — с 6044 или с 29 649 руб. среднего капитала (IV и V разряды). В среднем, размер собственного капитала одного частного торгового предприятия по этим исчислениям равен 902 руб. Как видно, по сравнению с крупными государственными и кооперативными предприятиями, частные торговые заведения совсем невелики по размерам.

Очень интересным и показательным является то обстоятельство, что оппозиция ухитрилась одновременно кричать об огромных, угрожающих размерах частного капитала в торговле и предлагать... изъять государственные средства из торговой сферы и передать ее в руки частника. Ибо что другое, в самом деле, могли, например, означать следующие предложения тов. Пятакова. В сентябре 1926 г., на известном обсуждении контрольных цифр Госплана в Комакадемии, тов. Пятаков говорил: «Наконец, еще одна проблема, на которой я считаю долгом остановиться,—это проблема о том, что у нас огромные средства сосредоточены в нашей торговле. Ведь, действительно, самым слабым звеном нашего народного хозяйства сейчас являются

---

[1] Сборник «На путях социалистического строительства». Гиз. 1927 г., стр. 134 — 137. Последующие данные оттуда же.

промышленность и транспорт. Поэтому я ставлю следующий вопрос: не следует ли нам подумать о соответствующей перегруппировке наших средств, и те средства, которые находятся в торговле (они превышают миллиард рублей), направить в промышленность для того, чтобы выйти из порочного круга, в который мы попали. Как это сделать? Я считаю, что если мы изменим соответствующие условия продажи нашими трестами кооперации и частникам, то соответствующая перегруппировка средств произойдет автоматически». [1]

Совершенно ясно, что если взять государственные средства из торговли, если отказать в поддержке кооперации, резко ухудшив условия продажи ей трестами своих товаров, то образовавшуюся брешь надо будет чем-то заполнить. Торговля нуждается в капиталах, и если государство изымет из нее свои средства, то кто-то другой должен будет заместить государственные капиталы. Между тем, государственные капиталы главным образом вложены именно в кооперативную торговлю и играют в ее фондах чрезвычайно крупную роль. Достаточно сказать, что на 1 января 1926 г. на 1 рубль собственных средств городской потребительской кооперации приходилось 7,5 руб. заемных средств. В сельских потребительских обществах соответственное отношение равно 1 : 2,3, а в губсоюзах и райсоюзах 1 : 6,5 р. Конечно, такое положение вещей ненормально, доля собственных средств кооперации слишком незначительна. Но попробовать «исправить» эту ненормальность огульным, «автоматическим» изъятием государственных средств из кооперации значило бы очень и очень серьезно подорвать ее финансовую крепость и поставить под удар завоеванную ею роль. А поскольку кооперация чрезвычайно пострадает от изъятия государственных средств, постольку «заместителем» этих государственных средств не сможет быть никто иной, кроме как частный капитал. Он пострадает от изъятия государственных средств несравненно меньше, чем кооперация: госорганы и сейчас несравненно слабее кредитуют частников, чем кооперацию. Поэтому изъятие государственных средств будет равносильно устранению конкурентов частника, предоставлению ему роли действительного хозяина торговли, будет равносильно возвращению к тому опасному положению 1922/23 г., о котором мы говорили выше. И подобные предложения оппозиция вносила одновременно с паническими и демагогическими криками об угрозе со стороны будто бы чрезвычайно быстро растущего частного капитала! Конечно, партия отвергла подобные «способы индустриализации», ибо они основывались на непонимании связи промышленности с другими отраслями советского хозяйства, на подходе к проблеме развертывания промышленности, взятой изолированно, оторванно, от задачи перестройки всего народного хозяйства, от задачи налаживания руководства социалистической промышленностью развитием других отраслей нашего хозяйства.

XV партконференция в резолюции по хозяйственному положению отметила, что имели место «преувеличенные исчисления частнокапиталистического накопления в отдельных отраслях хозяйства».

[1] «Вестник Комакадемии», № 17, стр. 217.

Одобряя проводимые партией и государством мероприятия по усилению обложения прибылей частного капитала, конференция считает необходимым провести в жизнь ряд мер, которые обеспечили бы, во-первых, надлежащий учет деятельности частного капитала, и, во-вторых, сосредоточение его работы в тех отраслях народного хозяйства, которые в наибольшей степени делают возможными регламентацию его деятельности, учет и обложение его прибылей».

Учет размеров частного капитала, подчинение его государственному регулированию и регламентации, максимально возможное и рациональное обложение его прибылей, наконец, постепенное сужение сферы его деятельности — таковы задачи борьбы с частным капиталом, намеченные XV партконференцией.

Регулирование рынка.

Каждый шаг на пути подчинения и вытеснения частного капитала и создания государственно-кооперативного торгового аппарата увеличивает возможности регулирования рынка со стороны государства. Конечно, для того, чтобы полностью овладеть рынком сельскохозяйственных и промышленных товаров, еще недостаточно иметь разветвленный торговый аппарат. Но без достаточного аппарата нельзя даже и приступить к успешному регулированию хода распределения товарных масс, уровня цен и тому подобных факторов рыночного порядка.

Общее руководство всей работой нашего торгового аппарата сосредоточено в руках Народного Комиссариата Внешней и Внутренней Торговли. Поскольку наш внутренний товарооборот все более и более тесно связывается с внешней торговлей, постольку разделение руководства внешней и внутренней торговлей между двумя самостоятельными комиссариатами оказалось нецелесообразным. Поэтому, вместо Наркомвнуторга и Наркомвнешторга, был образован единый торговый комиссариат. Перечислим основные задачи, стоящие перед Наркомторгом в области внутренней торговли. Сюда относятся: организация хлебного рынка, выработка плана заготовок, определение долей каждой отдельной заготовительной организации, регулирование хода распределения товарных масс (как сельскохозяйственных, так и промышленных продуктов) по районам, борьба за проведение линии партии и Советской власти в вопросе о ценах, работа над улучшением торговых аппаратов, наблюдение за кооперацией (главным образом потребительской), помощь ей, борьба против ошибок и недостатков кооперативного аппарата и т. д.

Собственно говоря, все задачи регулирования внутренней торговли сводятся к овладению рынком, к проведению через него нашего планового начала, к подчинению стихийной игры сил нашему руководству.

Первым способом такого регулирования рынка является планирование распределения товарных масс. Где и сколько заготовить сельскохозяйственных продуктов; в какой район сколько направить промышленных товаров; как распределить заготовленный хлеб в соответствии с нуждами потребляющих районов; каким торговым аппаратам поручить намеченные торговые операции, — все эти вопросы разрешаются в наших условиях в плановом порядке. Органы, регулирующие торговлю, намечают планы хлебозаготовок, обязательные для всех госу-

дарственных и кооперативных торговцев. Собранные в руки государственных оптовых организаций массы хлеба, и в особенности — промышленных товаров, распределяются по районам под контролем планирующих органов, в частности Наркомторга. В период обостренного товарного голода особое значение имели так называемые «планы завоза», которые составляются в соответствии с емкостью рынка, с торговой сетью данного района и с очередными задачами экономической политики. Так, при помощи «планов завоза» государство в известной степени добивалось того, чтобы даже в условиях повсеместного товарного голода промышленные товары не задерживались исключительно в богатых городских центрах, но растекались в деревенские районы, особенно туда, где развертывались хлебозаготовки В хлебозаготовительную кампанию 1925/26 г. и 1926/27 г. этим путем часто удавалось регулировать продвижение промтоваров в соответствии с работой по реализации урожая.

Товарные массы закрепляются не только по отдельным районам, но и по торговым аппаратам. Так, первостепенная роль кооперации в проведении промтоваров от синдикатов до потребителя обеспечивается специальными генеральными договорами кооперативных центров с промышленными организациями; в этих договорах устанавливается известная минимальная доля продукции, обязательно проходящая через кооперативный аппарат. Сверх нее кооперация закупает товары уже без заранее установленных норм, в порядке обычных сделок.

Размер товарных масс, поступающих по генеральным договорам в систему потребительской кооперации, из года в год увеличивается. В 1925/26 гг. по гендоговорам в систему потребительской кооперации поступило промтоваров на 633 милл. руб., а в текущем (1926/27 г.) эта сумма, судя по заключенным уже договорам, вырастет до 980 милл. руб. Если в 1925/26 г. ряд важнейших синдикатов и трестов (Всероссийский Текстильный Синдикат, Металлосиндикат, Сахаротрест и другие, всего 10 государственных промышленных организаций) реализовали через гендоговоры 30,6% своей продукции, предназначенной для широкого рынка, то в 1926/27 г. этот процент повышается до 39,4%.

Конечно, как планы завоза, так и генеральные договоры составляются со строгим учетом реальных сил и ресурсов государства и торгующих организаций. Вместе с тем учитывается то содействие или противодействие, которое могут оказать государственным планам рыночные факторы.

Это планирование товарных масс нельзя оторвать от того регулирования цен, которое является самой трудной и самой важной проблемой нашей торговой политики. В наших условиях цены нельзя определить одними постановлениями планирующих органов. За этими постановлениями должны стоять как раз товарные массы, которые могли бы реальным давлением на рынок подкрепить плановые предположения.

Борьба за овладение движением цен.

Борьба за овладение ценами равносильна борьбе за регулирование всех частей хозяйства. Для частного хозяйства цены определяют все стороны существования и развития. Даже для государственных организаций, работающих на хозрасчете, цены на сырье, топливо, материалы,

с одной стороны, и на продукты собственного производства, с другой, являются самыми мощными факторами хозяйственной работы. Наконец, для всего хозяйства в целом, соотношение цен различных товаров решает направление дальнейшего развития каждой экономической отрасли, а значит, и всего хозяйства в целом. Мы могли убедиться в этом на примере «ножниц», в борьбе с которыми государственное хозяйство приобрело первый опыт широкого регулирования цен. Мы выше проследили все основные этапы этой борьбы и отметили положительные результаты, к которым привело сжатие «ножниц».

Однако, победа над резким раствором «ножниц» не завершила борьбы за овладение ценами, но скорее только начала ее. Дело в том, что главные достижения свелись к овладению государством оптовыми промышленными ценами. Тут удалось организованно провести самое значительное понижение цен. Что касается других основных участников рыночного фронта — хлебных цен и розничных цен на промтовары, то тут регулирующее влияние государства натолкнулось на сопротивление рыночной обстановки. По линии хлебных цен недород 1924 г. и первоначальные (оказавшиеся ошибочными) неважные виды на урожай 1925 г. вздули хлебные цены выше всякой меры; в июне 1925 г. пуд ржи стоил 1 руб. 90 коп., пшеницы — 2 руб. 30 коп. Все были уверены, что хороший урожай 1925 г. снизит хлебные цены, даст возможность провести огромную заготовку почти в 800 милл. пуд. хлеба, даст основу для усиленного вывоза хлеба и т. д. Но жизнь опрокинула все эти расчеты. Оказалось, что, после известного снижения цен в конце лета и в начале осени 1925 г., хлебные цены, несмотря на урожай, вновь пошли в гору, и государство оказалось не в состоянии приостановить этот рост и полностью осуществить все свои планы. В частности, хлебозаготовительный план был снижен до 600 милл. пуд., при чем он фактически был выполнен на 97%.

Это объясняется рядом факторов. С одной стороны, нельзя отрицать наличия некоторых ошибок со стороны хозяйственной работы государства. Преувеличение размеров урожая и товарных излишков, приурочивание огромных закупок хлеба на короткие сроки, чрезмерное кредитование заготовителей, их множественность, — все это создало лихорадочную погоню за хлебом, нездоровую конкуренцию хлебозаготовителей, вздутие цен и т. п. Действие всего этого было усилено объективной обстановкой. Здесь на первом месте надо поставить недостаток промышленных товаров и отчасти связанный с ним рост промышленных розничных цен. Именно по этой линии начался рыночный прорыв планового фронта. До июня 1925 г. розничные промышленные цены спускались; но уже в июле они дают повышение и затем начинают довольно быстро итти вверх. Вновь создаются «ножницы», в ответ на которые крестьянин начинает придерживать хлеб, взвинчивать цены — словом, пытается своими средствами бороться против невыгодного для себя соотношения цен. Значительное облегчение сельскохозяйственного налога давало крестьянину возможность не торопиться с продажей хлеба, а уплатить налог из других источников (продажей технических культур, продуктов скотоводства и т. п.). Товарный голод и высокие розничные цены делали продажу хлеба бессмысленной: все

равно купить нужных ему промпродуктов крестьянин не мог. Между тем, сдержанному предложению хлеба противопоставляется огромный спрос на него со стороны множества хлебозаготовителей, пытавшихся провести при помощи полученных кредитов преувеличенный план заготовок. Отсюда получилось превышение спроса над предложением, ожесточенная погоня за хлебом и подъем цен, начавшийся с октября-ноября 1925 г. Конечно, это чрезвычайно затрудняло и замедляло развертывание хлебозаготовок. Их план приходится снизить до 600 милл., чем нарушаются и все остальные хозяйственные предположения. Оказывается необходимым уменьшить экспорт, в соответствии с этим понижаются возможности импортировать сырье и оборудование для промышленности, это, в свою очередь, сокращает размеры развертывания госпромышленности и т. д.

В следующую хлебозаготовительную кампанию Советское государство вступило гораздо более подготовленным и организованным. Как мы уже говорили в главе о промышленности, рост розничных цен, благодаря усиленной кампании, с мая 1926 г. приостановился и произошло даже небольшое их снижение. Промышленное производство сильно шагнуло вперед, товарный голод смягчился, хлебозаготовительный аппарат был перестроен. Благодаря этому вся кампания шла спокойно, и ее результаты складываются гораздо более благоприятно, чем в прошлом году. Если в 1925/26 г. по 1 марта было заготовлено 386 милл. пуд. зерновых хлебов, то за этот же срок в 1926/27 г. заготовлено было 536 милл. пуд., или на 39% больше. Вместе с тем, доля частных заготовителей резко сократилась, а цены установились на более нормальном уровне.

Что касается сокращения доли частных хлебозаготовителей, то его удалось достигнуть применением ряда мероприятий. Вообще говоря, в руках Советского государства имеется достаточно мощных средств регулирования размеров и направления работы частного торгового капитала. На протяжении годов нэпа в качестве таких средств применялись, во-первых, сжатие или расширение снабжения частника промышленными товарами, улучшение или ухудшение условий этого снабжения (цены, сроки расчета и т. п.), во-вторых, сокращение или расширение его кредитования нашими банками и другими хозяйственными организациями (однако, значительных размеров это кредитование почти никогда не достигало); в-третьих, той или иной силой налогового нажима в различных отраслях приложения капитала.

В 1926/27 г. государство и пустило в ход те из этих средств, которые годятся для регулирования работы частника в области заготовок. Было сокращено кредитование частных хлебозаготовителей; было оказано давление в сторону изъятия из рук частного капитала ряда мельниц (главным образом арендованных; речь идет, конечно, о крупных мельницах, имеющих значение для целого района); наконец, и это самое важное — транспорт (главным образом железнодорожный) был использован в качестве серьезнейшего регулятора. Путем установления определенных правил по части очередности отправки и оплаты перевозки хлебных грузов, частник был поставлен в гораздо менее благоприятные условия, чем государственные заготовители и кооперация, и его роль в хлебных перевозках резко уменьшилась.

В общем в текущем году план хлебозаготовок выполняется, судя по первым $^{3}/_{4}$ хлебозаготовительного периода полностью, даже с некоторым превышением.

Однако это еще отнюдь не целиком разрешает проблему хлебной торговли и соотношения промышленных и сельскохозяйственных цен. С одной стороны, даже в удачно идущей заготовительной кампании па 1926/27 г. есть ряд недостатков. К ним относится как то, что по определенным районам мы имеем сильные отклонения в выполнении планов (в одних недобор, в других превышение), так и напряженное положение с сельхозсырьем (см. об этом главу III, § 14) и некоторые другие факты. С другой стороны, все еще продолжает оставаться совершенно ненормальным уровень розничных цен промтоваров в сравнении с теми ценами, которые получают за свои продукты крестьяне. На 1 октября 1926 г. индекс розничных промышленных цен (т.-е. их отношение к довоенным, взятым за 1) составлял 2,64, а индекс оптовых сельскохозяйственных цен — 1,566. Другими словами, платя за промтовары в 2,6 раза больше, чем до войны, крестьянин получал за свои продукты всего в 1,6 раза больше. Выход из такого положения состоит, конечно, не в том, чтобы повысить цены на все сельскохозяйственные продукты. Это только удорожило бы, по линии сырья, промтовары, затруднило бы экспорт, понизило бы реальную зарплату и т. д. Выход — в понижении розничных цен на промтовары как путем снижения их себестоимости, так и путем уменьшения торговых накидок на оптовые цены.

Как мы уже говорили, с середины 1925 г. розница, несмотря на первоначально почти полную неизменность оптовых цен, пошла в гору, вырвавшись из-под планового регулирования. Частный торговец, имея в своих руках почти половину розничной торговли, надбавлял к оптовым ценам государственных органов все более солидный процент. Начиная с осени 1925 г., розничные надбавки к оптовым ценам промтоваров на московском рынке возрастали так: в августе они равнялись 38,2%, в сентябре—45%; в октябре—56%; в ноябре—62%; в декабре—69%. Разумеется, такой рост розничных цен был возможен только благодаря товарному голоду, т.-е. благодаря превышению платежеспособного спроса над предложением промышленных товаров. Однако, наш торговый, главным образом кооперативный, аппарат в общем не оказался на достаточной высоте. Вместо того, чтобы противиться повышению цен, он пошел по пути, на который его толкала капиталистическая инерция: он стал повышать цены (правда, меньше, чем частник), стремясь получать громадные прибыли.

На долю торговой политики выпадает задача бороться с этой «стихийной» тенденцией товаропроводящего аппарата. Надо иметь в виду, что без снижения розничных цен не удастся полностью овладеть хлебными ценами, не удастся развертывать вывоз хлеба и, следовательно, ввоз сырья и оборудования для промышленности. В настоящее время очередным звеном всей рыночной цепи являются прежде всего именно розничные цены. Именно за них надо «всеми силами ухватиться», чтобы «овладеть всей цепью» (Ленин). Еще апрельский (1926) пленум ЦК ВКП(б) постановил, что в области товарооборота необходимо «добиться решительного понижения розничных цен. В связи с отрывом розничных цен от оптовых вопросы организации рынка и борьбы

за понижение розничных цен приобретают исключительную важность. Успешность дальнейшего хода хлебозаготовок, а значит, и выполнение экспортного плана, реальное увеличение заработной платы, достижения в борьбе с частнокапиталистическим накоплением, всецело зависит от дальнейшего снижения розничных цен как на промышленные товары, так и на сельскохозяйственные продукты. На этой борьбе в ближайшее время должно быть сосредоточено внимание профсоюзов, госпромышленности, госорганов и особенно кооперации».[1] Государственно-кооперативный аппарат должен всячески снижать расходы по продвижению товаров к потребителю, проводя строжайшую экономию и устраняя лишние звенья в торговой системе. Всякие попытки увлечься легкой наживой и увеличивать розничные накидки должны пресекаться в корне. При этом надо добиться, чтобы цены снижались не только в государственно-кооперативной рознице. Надо частника заставить свои цены равнять по кооперативным. Иначе снижение цен приведет к тому, что частник будет получать гораздо большую прибыль, чем кооперативы, и сможет не в меру разбухать и жиреть. Такая задача подчинения частника была непосильной в 1922/23 г., когда в его руках было до 80% розничной торговли. Но в 1926 г. мы имеем уже достаточно мощный оптово-розничный аппарат, чтобы суметь провести регулирование розничных цен во всем объеме. Наши оптовые организации могут в договорном порядке установить предельные размеры розничных накидок; наши кредитные учреждения при кредитовании частных торговцев могут оказывать соответственное давление; наши местные торговые органы могут осуществлять систему контроля; наконец, наша государственная кооперативная розница будет своим уровнем цен воздействовать на своего частно-торгового соседа. Если со всех этих сторон будет произведен достаточно серьезный нажим на частника и если при этом снабжение рынка промтоварами будет возрастать, то едва ли частник сможет вести свою собственную, противоположную нашей «политику цен».

Все эти задачи были в общем намечены еще апрельским пленумом ЦК в 1926 г. Однако работа по осуществлению снижения розничных цен не дала достаточных результатов. В главе о промышленности мы уже говорили о том, что намеченное ЦК и СТО снижение розничных цен по ряду товаров на 10% осталось непроведенным. Торговые аппараты кооперации и госторговли, «поддавшись психологии накопления за счет благоприятной конъюнктуры», «оказывали сопротивление кампании по снижению цен» — констатирует пленум ЦК в феврале 1927 г. (резолюция «о снижении отпускных и розничных цен»). В общем, «произведенное за последнее время снижение отпускных цен промышленности по линии частной торговли было доведено до потребителя в незначительной степени, а по кооперации и госторговле не в полной мере, в результате чего раздвинулись оптово-розничные «ножницы». ЦК обязывает парторганизации направить все силы на устранение этих «ножниц» в кооперативной и государственной торговле путем снижения розничных цен за счет госторговли и кооперации»...

[1] «Правда» от 13 апреля 1926 г.

(из той же резолюции Пленума). В качестве практических мер по снижению розничных цен Пленум предложил Наркомторгу, во-первых, установить предельный процент прибыли, включаемой в калькуляцию госторговли и кооперации, сведя этот предельный процент для промежуточных и высших звеньев до крайнего минимума; во-вторых, снизить в двухмесячный срок розничные накидки на главнейшие промтовары; в-третьих, «расширить практику этикетных и твердых порайонных цен». Далее, Пленум дал задание сократить административно-хозяйственные расходы торгового аппарата за год не менее, чем на 15%. В связи с этим стоит задача рационализации товаропроводящей сети, искоренения тех бюрократических тенденций к использованию своего монопольного положения, которые наблюдались в ряде кооперативных и государственных торговых организаций. Здесь важна «взаимная проверка госторговли и кооперации», усиление планового руководства деятельностью всей товаропроводящей сети, «усиление руководящей роли высших звеньев кооперативной системы над низшими», привлечение кооперированных рабочих и крестьянских масс к подлинному участию в строительстве кооперации и к проверке деятельности ее органов, а также к контролю над деятельностью торгующих организаций, наконец, упразднение лишних звеньев торгового аппарата, сокращение торгового и транспортного пути движения товаров от производителя к потребителю. Таковы те основные мероприятия, которые наметил пленум ЦК в качестве средств овладения розничными ценами.

К 1 марта 1927 г. результаты кампании за снижение розничных цен были еще незначительны. В то время, как отпускные цены госпромышленности к 1 апреля 1927 г. были снижены, примерно, на 40% по сравнению с 1 января 1927 г., розничные цены с 1 января по 1 марта 1927 г. даже по государственной и кооперативной торговле снизились всего на 2 — 2,5%, т.-е. снижение не достигло намеченных ЦК и СТО 3%. Недостаточность этих достижений несомненна. Борьба за снижение розницы продолжает оставаться центральной задачей торговой политики.

Подводя итоги всему сказанному, можно заключить, что Советское государство овладело еще далеко не всеми звеньями рыночной цепи. Опираясь на оптовую торговлю и на государственно-кооперативный розничный аппарат, понизить розничные промышленные цены — путем непрерывного улучшения работы этих аппаратов, путем их рационализации, удешевления, упрощения; через них и через правильную организацию хлебных заготовок закрепить руководство хлебным рынком; застраховать себя от стихийных скачков и колебаний рынка солидными маневренными резервами, приспособить размер и составных товарных запасов к действительным потребностям рынка, — таковы основные задачи современного регулирования торговли.

§ 17. ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ.

Советское хозяйство не какой-то оторванный от всего мира остров. Мы связаны мировым хозяйством, нам для нормальной жизни нужны экономические связи с другими странами. Каждый шаг развития нашего

хозяйства имеет определенное значение для хозяйственного положения всего мира, и обратно, — изменения в мировом хозяйственном положении влияют на нашу экономику.

Значение внешней торговли. Внешняя торговля как раз и является важнейшей формой этой необходимой связи между нашим хозяйством и капиталистическими странами остального мира. Вывозом (экспортом) ряда продуктов нашего внутреннего производства, ввозом (импортом) тех товаров, производство которых у нас налажено в недостаточном размере, мы создаем известный «обмен веществ», обмен материальных благ, выгодный и необходимый для обеих сторон.

Международный торговый обмен, на ряду с другими видами экономической связи, превратил весь мир в одно хозяйственное целое. Каждая страна не может нормально существовать и развиваться без торговли с другими частями мирового хозяйства. Поэтому состояние внешней торговли очень серьезно влияет на направление хозяйственного развития каждой страны. Наличие внешнего рынка сбыта может вызвать бурный подъем какой-либо отрасли промышленности или сельского хозяйства. Получение из-за границы сырья, оборудования или топлива сплошь и рядом служит основой для развития важнейших отраслей народного хозяйства. Наконец, наплыв дешевых товаров из-за границы на внутренний рынок может сделать данный вид производства попросту лишним и бессмысленным.

Разбирая промышленность и сельское хозяйство СССР, мы видели, что они тесно связаны с мировым рынком. Внешняя торговля довоенной России имела достаточно крупные размеры и вполне могла установить такую связь. До войны внешнеторговый оборот России составлял 3,4% общего оборота мировой внешней торговли; по этой своей доле Россия стояла на восьмом месте (на первом Англия — 16%; на втором Германия — 13%). Всего в 1913 г. Россия ввезла товаров на 1374 милл. руб., а вывезла на 1520 милл. руб. Весь оборот внешней торговли составил солидную сумму в 2894 милл. руб., т.-е. чуть ли не 3 миллиарда. Если вспомнить, что всего продуктов в 1913 г. в России (в границах Советского Союза) было произведено на 19,8 миллиардов рублей, то окажется, что Россия вывозила до войны около 8% своей продукции. Доля довольно солидная. Ввоз в отношении к продукции давал немного меньше 7%.

Как видно из приведенных цифр, вывоз из России был значительно больше ввоза в нее: в 1913 г. это превышение составило 146 милл. руб. Такое строение внешней торговли страны (когда вывоз по размерам превышает ввоз) называется активным балансом. Значение его в том, что излишек стоимости вывозимых товаров над стоимостью ввозимых должен уравновешиваться притоком золота в ту сторону, которая имеет активный баланс. Наоборот, если баланс данной страны пассивен (т.-е. если ввоз в нее превышает вывоз из нее), то ей приходится покрывать золотом всю ту сумму ввоза, которая не уравновешивается ее вывозом. Торговый баланс нельзя смешивать с *рассчетным*, т.-е. с соотношением *всех* платежей данной страны за границу со всеми платежами остальных стран данной стране. Помимо оплаты экспортируемых и импортируемых товаров, в рассчетный баланс входят платежи по кредитным операциям, по заграничным поездкам и т. д.

Довоенная внешняя торговля России.

Царское правительство в погоне за увеличением золотого обеспечения рубля всячески стремилось установить и поддержать активный торговый баланс. Это ему и удавалось: торговый баланс России ежегодно сводился с начала XX столетия с значительным активным сальдо.

Вся довоенная торговля России носила на себе отпечаток нашей аграрной однобокости, промышленной отсталости и неразвитости. Огромные размеры экспорта объяснялись исключительно вывозом колоссальных масс хлеба, льна, леса и других продовольственных или сырьевых продуктов. На один хлеб приходилось 47% всего экспорта, на лес — 10%, на лен — 6%, на яйца — 5,9%, на жмыхи — 2,5%; всего на сельскохозяйственные продукты свыше 80%. Для мирового рынка Россия была прежде всего поставщиком зерна: 35% всего мирового вывоза пяти важнейших хлебов приходилось на вывоз из России (за 1908 — 1912 гг.). Если с этими данными сопоставить хотя бы только те факты, что почти две трети (63%) нашего промышленного оборудования были привозными, что 57% сельскохозяйственных машин в 1913 г. наше земледелие получило за-за границы, что вообще в импорте на первом месте стояли промтовары, в особенности металлоизделия, — то будет совершенно ясно, что строение нашей внешней торговли ставило Россию в положение аграрного дополнения западно-европейской промышленности. Получалось, что по наиболее важной, наиболее командной, наиболее определяющей линии — по линии производства машин, двигателей, оборудования—мы были подчинены заграничному производству, мы зависели от иностранного ввоза. Выходило, что наше сырье, наши материалы утекали из пределов России в необработанном (и потому малоценном) виде и шли на западные заводы и фабрики. Сплошь и рядом превратившись там в готовые промтовары, эти же продукты возвращались на свою родину, в Россию, в качестве знатных иностранцев. Такая история была обычной для кожи, для леса, для железной руды и для целого ряда других товаров, между которыми был даже хлеб: вывозя массу зерна, мы ввозили некоторое количество муки. Важнейшие виды сырья по низким ценам выкачивались из нашей страны для того, чтобы вернуться в нее в виде дорогих фабрикатов.

Конечно, такая невыгодная организация внешней торговли своими корнями уходила в общее строение народного хозяйства. Но не нужно забывать, что она, в свою очередь, *задерживала* хозяйственное развитие, *препятствовала* выходу России на путь промышленного развития, а, следовательно, и на путь интенсификации сельского хозяйства. Однако царское правительство уделяло этому вопросу совершенно недостаточное внимание, заботясь только о сохранении активного баланса и о прибыльном для помещиков и для торгового капитала экспорте сельскохозяйственных продуктов.

Внешняя торговля за время революции.

Империалистическая и гражданская войны оборвали связь между хозяйством России и других стран. В 1920 г. весь оборот нашей внешней торговли составил до смешного маленькую сумму — 38 милл. руб., т.-е. в 77 раз меньше, чем до войны. Капиталистические страны, окружавшие первую Советскую Республику, сознательно стремились

задушить нас и поэтому проводили блокаду Советской России, совершенно не допуская ввоза каких-либо товаров.

Победив в гражданской войне, укрепившись политически и экономически, мы этим самым прорвали блокаду и принудили западных капиталистов завязать с нами торговые сношения.

Первые шаги советской внешней торговли прошли под знаком голода, разрухи и дезорганизации, господствовавших в стране. Только после урожая 1922 г. и первых хозяйственных успехов проблема внешней торговли встала во весь рост, как одна из центральных проблем социалистического строительства.

Главная трудность задачи заключалась в том, чтобы тесно связавшись с мировым рынком, не попасть в подчинение капиталистическим силам. С одной стороны, необходимо как можно более полнее воспользоваться передовой техникой капиталистических стран; необходимо перенять эту технику, перенести ее внутрь Советского Союза. С другой стороны, надо не допустить, чтобы вместе с передовой техникой капиталистических стран к нам из-за границы просачивались капиталистические отношения; надо добиться, чтобы связь с капитализмом проходила по социалистическому руслу, чтобы «капиталистические» машины у нас выступали бы в качестве рычагов социалистического строительства. Эти трудности усугублялись тем, что приходилось восстанавливать внешнюю торговлю на старой производственной основе; значит, приходилось в известной степени возрождать и прежнюю выкачку сырья и прежнюю зависимость по линии ввоза оборудования и т. д. В условиях капиталистического окружения такая зависимость имела сугубую опасность. Вставала задача путем определенной организации внешней торговли в наибольшей степени уменьшить эту опасность или даже свести ее на-нет. Нужно было обеспечить, чтобы внешняя торговля не явилась в руках мирового капитала средством навсегда закрепить за нами роль продовольственной и сырьевой базы при западной индустрии. Наоборот, внешняя торговля должна помочь Советскому государству в корне изменить такое разделение труда, превратить Советский Союз в передовую промышленно-аграрную страну.

Организация советской внешней торговли.

Для этого надо, чтобы внешняя торговля удовлетворяла трем требованиям: во-первых, поскольку она является мощным фактором определения судьбы народного хозяйства, она должна входить в состав государственного хозяйства, должна быть в руках государственных предприятий. Государство не может ограничиться общим регулированием внешней торговли. Сами внешне-торговые операции должны быть сосредоточены в руках социалистического государства. Иначе окажется, что эту важнейшую «командную высоту» нашего хозяйства закрепят за собой иностранные капиталисты или «советские» нэпманы. Во-вторых, необходимо, чтобы размеры ввоза и вывоза, состав их целиком и полностью определялись советским правительством в соответствии с общим планом социалистического строительства. В-третьих, необходимо, чтобы цены ввозимых товаров организованно устанавливались на уровне, наиболее выгодном для развития основных отраслей производства.

Всем этим требованиям должна удовлетворять организация советской внешней торговли. Только в этом случае внешняя торговля явится одним из рычагов планового хозяйства, а не будет врываться в нашу хозяйственную систему в качестве капиталистического клина.

Монополия внешней торговли в соединении с обложением ввозимых (и частично — вывозимых) товаров таможенными пошлинами — вот то средство, при помощи которого вполне удастся разрешить проблему организации внешней торговли.

Монополия внешней торговли состоит в том, что весь ввоз и вывоз товаров сосредоточен в руках Советского государства. Право закупать товары за границей для нашего хозяйства и вывозить советские товары на внешние рынки имеет только определенное число хозяйственных организаций, при чем они осуществляют это право в рамках единого государственного экспортно-импортного плана, с разрешения и под контролем самого государства.

Советское государство осуществляет монополию внешней торговли через Народный Комиссариат Внешней и Внутренней Торговли (раньше — через Наркомвнешторг).

Работа Наркомторга делится на две части: на непосредственную торговую, оперативную деятельность и на регулирование всей внешней торговли. Оперативную работу Наркомторга, т.-е. непосредственно ввоз и вывоз, выполняет центральный государственный внешнеторговый аппарат. Внутри Советского Союза он состоит из ряда экспортно-импортных контор («Госторга»), заготовляющих продукты нашего производства и снабжающих рынок ввезенными товарами. За границей торговыми органами Советского государства в целом являются торгпредства, продающие на мировом рынке предметы нашего вывоза и производящие необходимые закупки.

Однако один такой аппарат не мог бы справиться со всеми разнообразными видами экспорта и импорта. Поэтому наряду с ним образовался ряд торговых организаций, занятых специально одной какой-либо отраслью внешней торговли, — акционерных обществ по экспорту льна, леса, хлеба, нефти и т. п. Наркомторг, конечно, участвует в этих обществах и руководит их деятельностью, примерно, так же, как ВСНХ руководит своими промышленными предприятиями. Кроме того, ряд крупных государственных и кооперативных организаций тоже получил право самостоятельно производить внешнеторговые операции, поскольку это требуется самим характером их работы. К этой группе относятся Текстильный синдикат, Чаеуправление, Резинотрест, Хлебопродукт, Центросоюз, Сельскосоюз и др. Но это право строго ограничено реализацией продуктов собственного производства и закупкой товаров не для торговли, а для своих собственных нужд. Все остальные хозяйственные предприятия могут связываться с заграничными рынками только через общие внешторговые органы.

Поскольку рядом с торговым аппаратом самого Наркомторга работает ряд других предприятий, постольку встает задача увязать всю внешнюю торговлю одним общим руководством. В этом и состоит регулирующая работа Наркомторга, как составной части Советского государства.

Прежде всего, своей оперативной работой Наркомторг уже оказывает определенное влияние на всех остальных экспортеров и импортеров. С другой стороны, будучи по своей торговой работе прекрасно осведомленными о рыночной обстановке и получая руководящие указания от правительства, заграничные органы Наркомторга в состоянии контролировать все сделки остальных участников внешней торговли. Поэтому все «советские купцы» обязаны предупреждать наши торгпредства о предполагаемых сделках, при чем торгпредство имеет право запретить совершение данной сделки, если она неумело и невыгодно подготовлена.

Но дело этим, конечно, не ограничивается. Главным рычагом регулирования внешней торговли служат экспортно-импортные планы и выдача разрешений на ввоз и вывоз товаров (лицензий).

Наши внешнеторговые планы вырабатываются, исходя из экспортных возможностей отдельных отраслей советского хозяйства. После того как определены размеры экспорта, намечается, на какую сумму можно рассчитать импорт, и какие именно товары более всего необходимо ввезти. Для каждого товара устанавливаются размеры ввоза и вывоза, или так называемые контингенты, в соответствии с общими пределами плана, внутренними потребностями и рыночной обстановкой. Распределение всех статей плана между отдельными организациями, имеющими право выхода на внешний рынок, производится путем выдачи лицензий, т.-е. удостоверений на право производства операции.

За осуществлением этого права, как мы уже говорили, следят торгпредства.

Оговоримся, что вся описанная система строгого регулирования действует, главным образом, в отношении торговли с западными странами. Что касается торговли с Персией, Китаем и другими восточными странами, то, с этой стороны, Советский Союз не может встретить опасностей капиталистического закабаления и поэтому в отношении организации этой части торговли имеется целый ряд льгот и послаблений.

Дополнительным способом регулирования внешней торговли является таможенное обложение. В своих существенных чертах оно сводится к тому, что ввозимые в Советский Союз товары при переходе через границу облагаются определенным сбором (таможенной пошлиной). Таможенные пошлины преследуют две цели. Во-первых, они увеличивают цены ввозимого товара и этим путем не дают более сильному заграничному производству подавить развитие соответственной хозяйственной отрасли внутри страны. Во-вторых, они дают известный доход казне; например, в 1924/25 г. таможенные пошлины принесли около 70 милл. руб. дохода.

В советских условиях пошлины охраняют нашу социалистическую промышленность от наплыва более дешевых продуктов западноевропейской индустрии. Может показаться непонятным, зачем нужно таможенное обложение при монополии внешней торговли: ведь мы можем сами установить размер ввоза и этим путем не допустить подавления нашей промышленности. Однако монополия внешней торговли сама по себе еще не определяет, по каким ценам будут продаваться иностранные товары на нашем рынке. Между тем, это очень важно, сколько бы ни было ввезено товаров внутрь страны. Без таможенных пошлин вышло бы одно из двух: или цены на ввозные товары

стояли бы ниже цен на товары внутреннего производства, или импортирующие организации вздули бы цены по собственному почину, получили бы огромную прибыль и всячески стремились бы увеличить ввоз данных продуктов. Оба эти результата дезорганизовали бы наше хозяйство и могли бы нанести ущерб промышленности и монополии внешней торговли. Поэтому Советская власть организованно и планомерно вносит поправки к ценам, определяя размер пошлины в зависимости от того, насколько важен ввоз данного товара и насколько велика разница между его ценой за границей и у нас. Так, по советскому таможенному тарифу[1] очень низко обложены или совсем освобождены от пошлины многие предметы машинного оборудования, полуфабрикаты и сырье (хлопок, шерсть) для промышленности, химические удобрения и семена для сельского хозяйства и др. Наоборот, менее важные для нашего хозяйства продукты или предметы, внутреннее производство которых достаточно, обложены на очень значительный процент их стоимости.

Подытожим все сказанное об организации нашей вноршней торговли. Система советской внешней торговли является формой сожительства двух социально-экономических миров. Стоя на рубеже между советским хозяйством и капиталистическим миром, она одновременно и отгораживает советскую экономику от проникновения в нее капиталистического влияния и от опасности наплыва товаров из капиталистических стран, и связывает наше хозяйство с передовой европейско-американской техникой. Благодаря государственной монополии, советская внешняя торговля вбирает в себя на мировом рынке «капиталистические» товары, превращает их в орудия социалистического плана и в этой новой общественной форме внедряет их в наше хозяйство. Конечно, для того, чтобы твердо закрепить такое построение внешней торговли, пришлось выдержать длительную борьбу с капиталистическим миром. Но в настоящее время монополия внешней торговли признана в ряде торговых договоров с крупными буржуазными государствами. Наши внешние торговые отношения развиваются на ее основе, и она окончательно вошла в состав основных командных высот социализма. Благодаря монополии внешней торговли (хотя, конечно, не только благодаря ей) мы можем строить социализм, не порывая, а даже развивая наши связи с капиталистическим мировым хозяйством.

Проблема организации нашей внешней торговли тесно связана с той линией, которую мы должны проводить в вопросе об экономической связи с мировым капиталистическим рынком. XIV съезд партии в своей резолюции по отчету ЦК считает необходимым «обеспечить СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования».[2] Оппозиция (в лице т. Троцкого, см. хотя бы его речь

---

[1] Таможенным тарифом называют свод таможенных пошлин.

[2] Стенографический отчет XIV съезда, стр. 959. (курсив наш.)

на VII расширенном Пленуме Исполкома Коминтерна) атаковала это принятое партией положение. Суть аргументации оппозиции сводилась к тому, что наше хозяйственное развитие неизбежно будет усиливать нашу зависимость от мирового рынка, что мы на это усиление зависимости должны итти, ибо это усиление зависимости будет равносильно ускорению темпа роста советского хозяйства. Наша «установка» должна быть не на независимость, а на темп, — торжественно провозглашали оппозиционные лидеры. А из этого они выводили положение о невозможности построить социализм в окружении современного капитализма: советское хозяйство будет все более и более тесно прирастать к капиталистическому мировому хозяйству, будет зависеть от него, будет переживать периоды подъема и застоя в соответствии с колебаниями конъюнктуры мирового рынка и т. д. и т. п.

Все эти рассуждения и утверждения покоятся на неправильном понимании значения наших хозяйственных связей с заграницей и наших действительных задач в этом вопросе. Совершенно несомненно и бесспорно то, что объем наших связей с заграницей будет возрастать, и что нелепо было бы держать курс на разрыв связей с капиталистическим миром. Но не менее несомненным является то положение, что тип, характер хозяйственных связей между странами бывает очень и очень разный. Можно, конечно, развертывать нашу связь с заграницей так, чтобы мы все больше и больше превращались в аграрное дополнение мировой капиталистической промышленности. Это и предлагало одно из «крыльев» оппозиционного блока — тт. Шанин и Сокольников. Но вполне возможно и должно превратить нашу хозяйственную связь с заграницей в орудие индустриализации нашей страны. В этом случае торговля с Западом будет основой для освобождения СССР от технической зависимости от мирового капитализма. И чем дальше продвинется этот процесс, тем больше будет экономическая самостоятельность Советского Союза. Может быть в некоторых случаях мы смогли бы временно ускорить темп роста того или другого участка нашего хозяйства, отказавшись от нашей линии на хозяйственную самостоятельность. Но зато в конечном счете это затруднило бы наше развитие по пути превращения СССР в передовую индустриальную страну с собственной тяжелой индустрией — основой современной техники.

Если в некоторых случаях перед Советским Союзом будет стоять выбор — ускорить ли темп роста нашего хозяйства за счет усиления его зависимости от Запада, или же пойти на некоторое снижение темпа, сделав зато очередной шаг к достижению независимости, — то работа будет заключаться в маневрировании, в том или ином соединении обоих моментов для проведения основной линии индустриализации.

Одновременно со всем этим надо иметь в виду, что советское хозяйство будет развиваться одновременно и в сторону роста индустрии, и в сторону менее быстрого, но все же очень и очень значительного развития сельского хозяйства. Такое двустороннее развитие будет приводить к тому, что внутри советского хозяйства создадутся все основные элементы для его воспроизводства. Основные массы сырья и топлива, важнейшие орудия производства, наконец, решающие

рынки сбыта мы будем иметь в пределах Советского Союза. Это будет способствовать тому, что связь с мировым рынком не сможет служить тем пунктом, в котором капитализм мог бы срывать наше строительство и подчинять хозяйственную динамику Советского Союза своим законам. А при помощи накопления маневренных резервов мы сможем отступать и наступать в случаях потрясений мирового рынка, ослабляя действия этих потрясений на наше хозяйство.

Размеры и состав нашей внешней торговли.

Обратимся теперь к размерам и составу наших экспортно-импортных операций. В этой области монополия внешней торговли должна помочь нам разрешить нашу основную задачу: развернуть промышленность и интенсифицировать сельское хозяйство. Общие размеры нашей внешней торговли восстановились гораздо меньше, чем другие отрасли народного хозяйства. В 1924/25 г. вывоз составил всего 21% от довоенного уровня, ввоз — 26%, общий оборот 23%. Это отставание объясняется тем, что экспортные возможности сузились несравненно сильнее общих размеров падения производства. Внутренний рынок поглощает почти всю сжавшуюся продукцию, и излишков для экспорта почти не остается. С другой стороны, довоенный экспорт был основан на том, что крестьянин потреблял очень мало яиц, масла, мяса, а все эти продукты шли на вывоз. «Недоедим, а вывезем» — таков был девиз царской экспортной политики. После революции крестьянское потребление сельскохозяйственных продуктов выросло, крестьянин стал есть больше мяса, яиц, даже хлеба, чем раньше. Кроме того, размельчение нашего сельского хозяйства ослабило его товарность: известно, что чем крупнее хозяйство, тем больший у него процент товарности. Поэтому достижение довоенного уровня производства не будет означать еще достижения довоенного уровня вывоза и ввоза. Ибо, разумеется, с падением экспорта сужаются и импортные возможности, так как средств для закупки товаров взять неоткуда.

До сих пор наш экспорт по своему типу мало чем отличается от довоенного. Решительного сдвига от вывоза почти исключительно одного сырья и хлеба к развитию промышленного экспорта, конечно, не произошло и не могло произойти. Известные достижения имеются пока что только в нефте-экспорте. Если в 1913 г. нефти было вывезено на 50 милл. руб., что составляло 3,3% всего экспорта, то в 1925/26 г. — на 76 милл., или 12% всего экспорта. Вывоз нашей нефти имеет огромное будущее. Дело в том, что Европа до сих пор снабжается американской нефтью; но добыча нефти в Америке не повышается, так как ее запасы не велики и идут к истощению; потребности же самой Америки с каждым годом растут, и скоро почти вся американская нефть будет оставаться внутри самой Америки. Тогда капиталистической Европе придется переходить на советскую нефть.

На ряду с этим переход нашего сельского хозяйства к более интенсивным способам, развитие скотоводства, птицеводства, улучшение и расширение лесоразработок даст нам неистощимые источники для вывоза за границу сельскохозяйственных товаров; однако, для того, чтобы этот вывоз давал действительно крупные выгоды, нам нужно не просто выбрасывать за границу огромные массы совершенно сырых

продуктов; нам необходимо внутри России развернуть промышленность, которая целиком или наполовину перерабатывала бы это сельскохозяйственное сырье. Только когда у нас будет достаточно заводов по предварительной переработке мясных продуктов, по выделке пушнины, по отделке кож и щетины, по выработке из молока различных ценных и удобно перевозимых товаров и т. п., — только тогда наш сельскохозяйственный вывоз можно будет правильно поставить, широко развить и получать от него крупные доходы.

XV партконференция следующим образом отмечает недостаточные размеры нашего экспорта и указывает основные пути его развития.

«Несоответствие между уровнем развития внешней торговли и развитием внутреннего производства страны ставит во весь рост задачу максимального расширения экспорта. Исходя из этого, конференция считает совершенно необходимым создание прочной экспортной базы народного хозяйства путем поощрения развития соответствующих отраслей сельского хозяйства и промышленности. Особенное внимание должно быть уделено развитию элеваторного и холодильного дела, первичной обработке экспортных продуктов сельского хозяйства, стандартизации их и соответствующей организации транспорта. В тех же целях конференция признает необходимым создание специального фонда для премирования экспорта наименее рентабельных товаров».

В обмен на вывозимые продукты земледелия, нефть, лес и т. п. мы получаем усовершенствованное сельскохозяйственное и промышленное оборудование и этим путем превращаем внешнюю торговлю в опору технической перестройки нашего хозяйства. Наша импортная политика направлена к тому, чтобы помочь наладить внутри страны изготовление современных орудий производства и этим путем выйти из технической зависимости от передовых стран.

Из этого, конечно, не следует, что мы будем ввозить в нашу страну только одни машины и совершенно откажемся от ввоза промышленных предметов потребления. Зарекаться от этого ни в коем случае нельзя, ибо наша собственная промышленность не всегда может справиться с предъявленным к ней городским и деревенским спросом.

О составе нашего импорта можно судить по следующей табличке.

Распределение ввоза по отдельным группам товаров в %%

Статьи ввоза	1913 г.	1924/25 г.	Увеличение (+) или уменьшение (—) в 1924/25 г. по сравнению с 1913 г.
1. Материалы и изделия для промышленного потребления и технических целей	56,3	59,4	+ 3,1
2. Материалы и изделия сельскохозяйственного значения	5,3	6,3	+ 1,0

Статьи ввоза	1923 г.	1923/25 г.	Увеличение (+) или уменьшение (—) в 1924/25 г. по сравнению с 1913 г.
3. Материалы и изделия для связи и путей сообщения	2,1	3,3	+ 1,2
4. Топливо	7,6	0,1	— 7,5
5. Съестные припасы, кормовые и вкусовые вещества	10,7	23,7	+ 13,0
6. Предметы личного потребления и домашнего обихода	9,5	3,5	— 6,0
7. Предметы гигиены и санитарии	0,8	1,9	+ 1,1
8. Предметы роскоши, старины и искусства	6,8	0,1	— 6,7
9. Разное	0,9	1,7	+ 0,8
Всего	100,0%	100,0%	—

Если оставить в стороне увеличение ввоза съестных припасов, объясняемое недородом в 1924 г., то по всем остальным статьям мы имеем резкую и очевидную передвижку нашего импорта в сторону удовлетворения производственных нужд. Три первые группы — средства производства промышленного, сельского хозяйства и транспорта — увеличили свою долю с 63,7% до 69,0% в то время, как предметы потребления, домашнего обихода и роскоши (6 и 8 группы) сократились с 16,3% до 3,6%. Достижения несомненны.

Посмотрим теперь, насколько наш импорт содействует осуществлению задачи индустриализации, насколько он помогает развертыванию нашей промышленности. Следующая табличка показывает нам состав нашего импорта с интересующей нас стороны:[1]

Статьи импорта	1923/24 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Сырье	53,1	53,2	48,4
Полуфабрикаты	21,5	24,5	26,3
Орудия производства	15,4	22,3	25,3

[1] «Советская торговля», еженедельник Наркомторга, № 3 за 1927 г., статья Кауфмана.

Как видно, доля импорта орудий производства очень значительно выросла, превысив **четверть** всей суммы импорта. В абсолютных числах ввоз орудий производства с 100 милл. руб. в 1923/24 г. поднялся до 259 милл. руб. При этом очень важно выделить специально ввоз орудий производства для промышленности. В 1913 г. импорт промышленного оборудования составил 115 милл. руб., в 1925/26 г.— 33,1 милл. довоенных руб., или всего 28,8% от 1913 г., в 1926/27 г. импорт дает 92,2 милл. довоенных руб., или уже 80,1% от 1913 г. Рост с 1925/26 на 1926/27 г. очень солидный.

Такая линия в вопросах импорта вполне соответствует резолюции XV партконференции. В этой резолюции требуется, чтобы интересы индустриализации были «учтены и при составлении экспортно-импортного плана (увеличение импорта средств производства с сокращением импорта средств потребления)». Конференция далее устанавливает, что «осуществление индустриализации на данной стадии развития упирается в необходимость максимального ввоза оборудования, возможность расширения которого зависит от развития экспорта и освобождения импорта от тех товаров, которые могут быть произведены внутри СССР».

Баланс советской внешней торговли.

Рассмотрев основные черты нашего экспорта и импорта, мы можем теперь взять весь внешнеторговый оборот в целом и выяснить, как сводится его баланс: активно или пассивно. За последние три года дело обстояло так (данные тов. Микояна: «Внешняя и внутренняя торговля СССР», стр. 12, 23):

Годы	Ввоз	Вывоз	Оборот	Торг. баланс (+ активный — пассивный)
	В миллионах червонных рублей			
1923/24	430	523	953	+ 93
1924/25	720	551	1 271	— 169
1925/26 [1]	756	668	1 424	— 88
1926/27 [2]	679	766	1 445	+ 87
1 квартал [3] 1926/27 г. .	132	208	340	+ 76

Как видно, в 1923/24 г. мы имели активный баланс, в 1924/25 г. и 1925/26 г. — пассивный, на 1926/27 г. **намечен** вновь активный баланс. При этом в первом квартале 1926/27 г. мы уже имеем успешное осуществление этого плана. При этом, однако, надо отметить, что в целях достижения активного баланса пришлось сжать размеры импорта.

[1] Данные предварительные.

[2] Предположительно, по планам.

[3] Данные по журналу «Финансы и народное хозяйство», № 6 (14); охватывают торговлю по европейской границе.

Какой баланс нам необходим — пассивный или активный? Совершенно несомненно, что для ближайшего периода нашей экономической жизни целью внешнеторговой политики должен являться активный баланс. Наш червонец во что бы то ни стало должен быть твердой валютой. А для этого необходимо иметь определенные золотые ресурсы и запасы иностранной валюты. Без этого мы не сумеем поддержать курс червонца. У нас нет огромных фондов или источников притока золота, которым мы могли бы расплачиваться за излишек ввоза или вывоза. Всякая пассивность баланса выкачивает из нашей страны и без того скудные запасы золота и угрожает нам финансовыми осложнениями. Только собрав — путем активного баланса — солидный резерв, мы сможем обеспечить себя от всяких случайностей в области внешней торговли и общего хозяйственного положения.

Особенно важно и вместе с тем особенно трудно достигнуть активного баланса в текущем хозяйственном году. Оба предшествующих года — 1924/25 и 1925/26 гг. — закончились с пассивом и сильно ослабили наши валютные ресурсы. Предполагалось, что в 1925/26 г., опираясь на хороший урожай, мы сможем покрыть валютную утечку 1924/25 г. Экспорт по первоначальному плану был намечен в 1105 милл. руб., импорт в 1009 милл. руб., актив в 96 милл. руб. Затруднение с хлебозаготовками подорвало основную статью нашего экспорта — вывоз хлеба. Пришлось основательно сократить экспортно-импортные планы. Однако, если экспортные операции сократились сами собой, то по импорту уже был заключен ряд сделок, и потому его сжатие происходило очень туго. В результате, 1925/26 г. дал пассив, и в центр дальнейшей работы встала задача во что бы то ни стало добиться активного баланса. Иначе мы не сможем улучшить положение с валютой и обеспечить себя от возможных неблагоприятных случайностей. Даже в 1926/27 г., при условии полного осуществления предполагаемого активного сальдо, мы сможем только несколько восстановить ослабленную валютную базу. Это должно явиться началом работы по образованию солидного резерва в нашей внешней торговле. Только образовав достаточный резерв, мы сможем действительно планировать нашу внешнюю торговлю, не ломая всех планов из-за какого-либо затруднения, но спокойно маневрируя, отступая и наступая в зависимости от рыночной обстановки.

ЛИТЕРАТУРА.

I. Из работ Ленина особенно важно проработать следующее: 1) статью «О значении золота теперь и после полной победы социализма», т. XVIII, ч. I, стр. 376—382; 2) Доклад на XI съезде партии, особенно страницы 25—34, II части XVIII тома; 3) Работы Ленина о кооперации, собранные в сборнике: В. И. Ленин «О кооперации» под ред. Мещерякова.

II. По вопросам внутренней торговли можно рекомендовать следующую литературу: 1) Резолюцию XIII съезда партии о торговле и кооперации; 2) Микоян. «Внешняя и внутренняя торговля СССР». М. 1927 г.; 3) Сборники «Внутренняя торговля СССР и ее регулирование» (есть за 1923/24 г. и за первый квартал 1924/25 г., а также специально за 1924/25 г.). Изд. Наркомвнуторга. В этих сборниках, к сожалению, частично устаревших, собран богатый и хорошо подобранный материал по основным вопросам внутренней торговли; 4) Устинов.

«Эволюция внутренней торговли СССР за 1913/1924 г.»; 5) По вопросу о товарном голоде есть брошюра Квиринга. «Товарный голод и перспективы промышленности» Цуп. 1925 г.; 6) О проблеме розничных цен добавочный материал можно найти в следующей литературе: Дзержинский. «Три последних речи»; Резолюция февральского пленума ЦК ВКП по вопросу о снижении цен; Борисов. «Цены и торговая политика» (уже указана выше, к главе о промышленности); 7) Политика по отношению к частному капиталу и его роль, помимо вышеуказанных резолюций, докладов и др., обстоятельно освещены в следующих книгах и статьях: a) «На путях социалистического строительства», сборник, статья Дволайцкого — «Частный капитал в торговле»; b) Жирмунский. «Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР». М. 1927 г. Серьезная работа с большим фактическим материалом; c) Крон. «Частная торговля в СССР». М. 1926 г.; 8) О кооперации, в особенности потребительской, можно найти материал в следующих книгах: a) Мещеряков. «Современная кооперация», изд. 4-е; по этой книге можно ознакомиться с общими вопросами кооперации и кооперативного движения; b) Севрук. «Кооперация в СССР», 2-е изд. Хотя не особенно свежий, но хорошо подобранный материал о советской кооперации; c) Контрольные цифры системы потребительской кооперации на 1926/27 г. (богатый цифровой материал с комментариями); d) Фишгендлер. «Основные вопросы советской кооперации». Сборник статей.

III. По вопросам внешней торговли, кроме вышеуказанной брошюры Микояна, можно указать следующую литературу:

1) Красин. «Внешняя торговля СССР» и «Плановое хозяйство и монополия внешней торговли». Обе брошюры помогут выяснить основы советской внешне-торговой политики; 2) По принципиальным вопросам нашей связи с заграницей можно указать только на брошюру Бухарина. «Международное и внутреннее положение СССР», стр. 18—23, и на доклад Сталина на XIV партсъезде; 3) Динамика экспорта и импорта освещена в брошюре Фрумкина — «Народное хозяйство и внешняя торговля СССР». Гиз. 1926 г.; 4) Популярный очерк довоенной внешней торговли и ее динамики до 1923/24 г. можно найти в брошюре Светлова. «Внешняя торговля и ее значение для народного хозяйства СССР»; 5) Одной из лучших книг по вопросам внешней торговли является работа Кауфмана. «Организация и регулирование внешней торговли». Несмотря на частичную устарелость, эта книга может дать представление по вопросам организации советской внешней торговли; 6) С вопросами внешнеторгового законодательства, договоров и т. п. можно ознакомиться по книге Штейна — «Внешняя торговая политика СССР».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ.

§ 18. СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ.

Советское государство не может проводить ни одного из своих экономических, политических или культурных мероприятий без определенных материальных средств. Источником этих материальных средств является весь организм народного хозяйства, весь народный доход, из которого государство берет себе определенную долю. Рядом с этим государство, как собственник целого ряда предприятий, получает от них самостоятельные доходы и использует их для своей деятельности. Создание финансовой основы для государственной работы оказывает огромное влияние на развитие различных отраслей хозяйства. Какую долю народного дохода изъять, каким способом это проделать, какие кому дать льготы, наконец, куда собранные средства направить, — все эти вопросы могут зачастую определить судьбу данной части народного хозяйства. Финансовая политика может подталкивать и поддерживать одни экономические процессы, препятствовать другим, направлять и регулировать третьи и т. д. Поэтому финансовая работа государства является мощным рычагом воздействия на народное хозяйство. Влияние финансовой политики особенно усиливается тем, что государственно-финансовое хозяйство держит в своих руках руководство денежной и кредитной системой. Государство устанавливает законную денежную единицу, определяет способ ее выпуска, обычно регулирует количественные размеры выпуска и т. д. Государство предоставляет центральному банку право выпускать банкноты, в особом законе обусловливает этот выпуск соблюдением ряда правил, назначает руководителей банковской политики, направляет и проверяет их работу. Часто случается, что государство использует эту свою роль верховного организатора денежного обращения и кредита в целях пополнения казенного кармана: берет из банка в государственный долг банкноты или само выпускает бумажные деньги. Если это производится постоянно, и если при этом государство не соблюдает рамок

потребностей товарооборота, то, в результате, денежная и кредитная система приходит в расстройство. Но государству приходится в случаях войны или еще каких-либо потрясений не останавливаться перед денежной и кредитной разрухой. В этом случае финансовое орудие оказывается в руках государства орудием дезорганизации народного хозяйства. В других случаях, обратно, государство может рядом финансовых мероприятий способствовать экономическому расцвету. В общем, каждый раз, когда перед государственной властью встает та или иная крупная задача, государство пускает в ход всю силу финансового давления на народное хозяйство для содействия ее разрешению. Финансовая политика выступает как одно из самых главных экономических орудий борьбы за разрешение центральной задачи дня.

Военно-коммунистическая финансовая политика.

Так было и в годы военного коммунизма. Советская финансовая политика была только частью того экономического «штурма», который проводил пролетариат в целях ломки старого хозяйственного строя, в целях скорейшего сколачивания военного хозяйства, в целях попытки непосредственного перехода к социалистической организации всех экономических отношений. Советская власть начала свою финансовую политику с того, что превратила ее в способ разрушения капиталистического строя, в способ экспроприации буржуазии. Первый удар был нанесен в самое сердце капиталистической системы — в банковскую организацию. «Одна из первых мер, направленных к тому, чтобы не только исчезли с лица земли помещики, но и для подрыва в корне господства буржуазии и возможности гнета капитала над миллионами и десятками миллионов трудящихся, была мера к переходу к национализации банков. Банки — это крупные центры современного капиталистического хозяйства... нерв всей капиталистической жизни, на них направлены были первые удары Советской власти» (Ленин). В декабре 1917 г. банковое дело было объявлено государственной монополией, а все частные банковые организации с их капиталами — подлежащими переходу в распоряжение Советской власти.

Золото и ценности, лежавшие в сейфах,[1] были обращены в доход казны; вообще все золото, кроме изделий, было объявлено монопольной собственностью государства. Акции банков были аннулированы одновременно были аннулированы также все важнейшие государственные ценные бумаги, разные государственные займы, заключенные правительствами российских помещиков и российской буржуазии (декрет от 21 января 1918 г.); держатели этих займов потеряли всякие права на государственные средства и доходы.

Позднее та же судьба постигла акции всех национализованных промышленных предприятий.

Такая же линия проводилась и в налоговой области. Старые налоги или были отменены, или утеряли всякое значение. Новые революционные налоги были средствами экспроприации буржуазии. Сначала местные органы Советской власти провели широкую кампанию по обложению буржуазии «контрибуциями» для своих нужд; затем

[1] Стальные ящики в банках, где буржуазия хранила свои ценности.

ВЦИК постановил «обложить имущие группы городского и деревенского населения повсеместным единовременным налогом в сумме 10 миллиардов рублей» (декрет от 30 октября 1918 г.). Правда, налог исчислялся в бумажных знаках, и собрано было не более 2 миллиардов, но и это, разумеется, достаточно сильно подрывало финансовую мощь буржуазии. То, что не смогли уничтожить все экспроприации, аннулирования и конфискации, то доломали денежные эмиссии и обесценение рубля.

Неумеренный выпуск бумажных денег был начат еще царским правительством и усиленно развивался во время керенщины. К моменту Октябрьской революции эта эмиссионная деятельность царя и Керенского довела рубль уже до того, что он стоил всего 10 довоенных копеек.

Советская власть использовала эмиссионное орудие в качестве источника средств и в качестве одного из способов экспроприации буржуазии. Выпуская все новые и новые массы бумажных денег, государство выбивало из рук капиталистов, торговцев, спекулянтов-кулаков всю ту денежную власть, которой они обладали благодаря «запасу деньжонок», «накопленных правдами и особенно неправдами во время войны». «Мелкий буржуа, хранящий тысчонки», эти тысчонки «желает реализовать непременно для себя, против бедноты, против всякого общегосударственного контроля, а сумма тысчонок дает многомиллиардную базу спекуляции, срывающей наше социалистическое строительство». [1]

Выпуск бумажных денег не только давал пролетарскому государству известные ресурсы, он вместе с этим разрушал денежную систему и превращал все эти «запасы деньжонок», до которых никакими налогами добраться нельзя было, в груду «пустейшей, никому не годной старой бумаги» (Ленин).

Прямое разрушение старого финансового строя, подрыв финансовой мощи буржуазии стояли в центре финансовой политики сравнительно недолго. С начала гражданской войны на первый план выпячивается другое задание: во что бы то ни стало извлечь средства для ее ведения и для работы государственного аппарата.

В обстановке ожесточенной гражданской войны Советская власть прибегает к двум главным финансовым источникам: во-первых, продолжает печатать бумажные деньги, во-вторых, организует целый поход рабочих в деревню за хлебом — организует продразверстку. На этих «двух китах» строится почти вся работа государственных органов. Эмиссия беспрерывно увеличивала количество денег в обращении; в это же время товарооборот все более сужался. Деньги обесценивались, цены всех товаров росли с фантастической быстротой, всякий расчет на рубли стал невозможен, в деревнях появились соляная, хлебная и т. п. «валюта» — важнейшие товары стали исполнять роль денег. Никакие денежные налоги государство проводить не могло, ибо деньги, как снежный ком в тепле, таяли, и установить твердый размер налога в деньгах было невозможно. Поэтому к концу военного коммунизма Советское правительство вообще отменило все денежные налоги. Государство переходит к тому, чтобы извлекать необходимые средства

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 265 и 266.

в натуральной форме — непосредственно в виде хлеба, сырья, скота и т. п. Деньгами все учреждения снабжает печатный станок; продовольствием и сырьевыми ресурсами должна снабдить продразверстка.

Размер доходов от эмиссии и продразверстки изменялся следующим образом.

Было выручено (в милл. зол. руб.).[1]

	1918/19 г.	1919/20 г.	1920/21 г.
От эмиссии	523	390	186
От предразверстки	121	253	480
Итого	650	643	666

По мере сужения товарооборота, по мере перехода части деревни на безденежный обмен или на натуральное хозяйство, эмиссия дает все меньше и меньше реальных средств, несмотря на грандиозные цифры ежемесячного выпуска. Наоборот, налаживание продовольственного аппарата, переход чуть ли не всего городского населения на государственное снабжение продовольствием и принуждает, и дает возможность выкачивать из деревни все большее количество сельскохозяйственных продуктов. Казалось, дело шло к тому, чтобы вообще постепенно перевести все государственное хозяйство на натуральную организацию: в доходе числилась бы разверстка, т.-е. все излишки сельскохозяйственных продуктов и продукция государственной промышленности, а в расходе — выдача всем госорганам необходимых им продуктов, пайковое содержание всей массы рабочих, служащих, красной армии, снабжение деревни промышленными товарами и т. д. Поскольку вся промышленность, весь транспорт были непосредственно в руках государства, а крестьяне должны были бесплатно сдавать свои продукты государству (как предполагалось, взамен снабжения их всеми необходимыми продуктами городского производства, бесплатного пользования транспортом и т. п.), постольку все народное хозяйство должно было превратиться в единое государственное хозяйство. Расходы и доходы всей страны в целом и каждого отдельного хозяйства в частности должны были как бы слиться в расходы и доходы советского государства. Государственный бюджет стал бы бюджетом всего народного хозяйства. Какие-либо особые налоги стали бы полной бессмыслицей, ибо всеми средствами, всеми доходами все равно распоряжалось бы само государство. Предполагалось, что в такой обстановке и деньги скоро станут вообще излишней вещью — все распределение продуктов будет производиться путем бесплатной сдачи их в распоряжение государства и получения из государственных ресурсов всех

[1] Альский. «Наши финансы за время гражданской войны и нэпа», стр. 43—44.

необходимых материалов, сырья, продовольствия. «Расчет за сданные и полученные таким образом продукты производится бухгалтерскими записями, без участия денежных знаков». (Из постановления ВСНХ от 30 августа 1918 г.) Таким образом, был взят курс на ликвидацию денежной системы и на организацию нового безденежного способа расчетов и расплаты. Совзнак был приговорен к смерти, а сфера товарообращения, требовавшая денежных услуг,—к постепенному сужению и переходу в единое государственное хозяйство. Поэтому стремительное падение совзнака не беспокоило руководителей экономической политики. Задумывались только над тем, чем бы заменить полумертвеца—денежный знак — в деле учета всех товаров. Уже выдвигали проекты новой твердой всеобщей единицы учета продуктов — трудовой единицы.

Период восстановления финансовой системы.

Однако кризис 1921 г. и переход к нэпу показал всю поспешность этих проектов, всю невозможность немедленно уничтожить торговлю, денежный учет и денежный обмен. Нэп предоставил крестьянам самостоятельно, на торговых началах вести свое хозяйство. Нэп огромную часть государственных предприятий перевел на хозяйственный расчет, снял их с государственного снабжения, отделив их расходы и доходы от государственного бюджета. Нэп сузил рамки непосредственного государственного хозяйства объемом содержания госаппарата и армии, финансированием хозяйственных и культурных нужд и общим регулированием накопления в различных частях народного хозяйства. Нэп создал необходимость упорядочить денежное обращение и развернуть кредитную систему, так как он всюду ввел платность и денежные отношения. Словом, нэп поставил в порядок дня все основные финансовые проблемы.

Новая обстановка особенно резко выявила всю глубину финансового развала. Все главные области финасового дела были в состоянии невиданного упадка. Кредитная система была начисто сметена: даже «Народный Банк» и тот был формально упразднен в 1920 г., так как исчезла всякая необходимость пользования кредитом. Денежное обращение сжалось по сравнению с довоенным временем с 2000 милл. до 29 милл. (на 1 июля 1921 г.), или в 69 раз, при чем покупательная сила рубля составляла несколько тысяч долей довоенной копейки и продолжала падать с неуменьшающейся скоростью: за одно только первое полугодие 1921 г. покупательная сила рубля упала почти в четыре раза. Из всей налоговой системы остался один натуральный налог, значительно сниженный по сравнению с продразверсткой и не дававший государству достаточных средств. Все источники неналоговых доходов, в роде транспорта, промышленности, давали государству убыток и ничем не могли ему материально помочь. Между тем советские учреждения и предприятия невероятно раздули штаты, привыкли относиться к деньгам, как к цветным бумажкам, разучились жить по определенным сметам и ресурсам, требовали от государства бесконечных ассигнований и субсидий. В результате, финансовое положение было очень тяжелым. Перед финансовой политикой встала огромная задача — во что бы то ни стало ликвидировать разруху и создать новую финансовую систему. В основном программа новой финансовой политики, намеченная XI съездом партии, сводилась к следующему. Во-первых,

была выставлена задача «установления реального бюджета, сокращения, а затем и уничтожения бюджетного дефицита, стабилизирования бюджета путем сокращения государственных расходов и увеличения поступлений государственных доходов, денежных и натуральных». Для этого намечается жестокое сжатие административного аппарата, сокращение числа правительственных учреждений в центре и на местах, отнесение ряда расходов на местный бюджет, изгнание из госбюджета всех расходов, которые не связаны с непосредственным существованием пролетарского государства, обеспечение наибольшего поступления постоянных налогов, развитие доходов от государственной промышленности, транспорта, торговли и т. д. Во-вторых, намечается задача создания твердых денег, восстановления золотого обеспечения, «сокращения, а затем и прекращения бумажно-денежной эмиссии»; в-третьих, признается необходимым развить кредит, регулирование которого должно быть в руках Госбанка, и создать сеть кредитных учреждений.

Все эти три основных задачи удалось разрешить в течение трех-четырех лет. За этот период советская финансовая система начерно была построена. Пожалуй, самой трудной и сложной была работа по созданию бездефицитного государственного бюджета. В условиях разоренной, только-что начавшей подниматься страны нужно было найти хозяйственные слои, способные отдать часть своих доходов в виде государственных налогов. И Наркомфин начинает сурово и твердо отыскивать все новые и новые предметы обложения, шаг за шагом нащупывая систему денежных налогов. Первым новым нэповским денежным налогом был промысловый налог на торговые и промышленные предприятия и личные промысловые занятия. Была введена обязательная выборка патентов, за которое государство взимало определенный сбор, колебавшийся в зависимости от размера предприятия и местности. В дополнение к патентному сбору взимался уравнительный сбор — облагался известный процент от оборота предприятия. Промысловый налог был вторым по значению (после продналога) прямым налогом. За ним в 1922 г. был введен подоходный налог. Пришлось прибегать также и к обложению населения единовременными денежными налогами на какие-либо специальные цели. Были введены разнообразные гербовые сборы и другие пошлины. Вместе с установлением ряда прямых налогов, приходится усиленно прибегать и к косвенному обложению, как наиболее простому средству добыть деньги. Первым вводится акциз (т.-е. начисление на цену, идущее в пользу государства) на вина, затем облагаются табак, спички, чай, кофе, нефтепродукты, сахар, соль и другие предметы первой необходимости и — особенно — роскоши. Основной прямой налог — продналог — не остается в стороне от общей перестройки финансового аппарата. Постепенно он коренным образом реформируется, приспособляется к новым денежно-торговым условиям. Многочленное, обособленное обложение различных отраслей сельского хозяйства, практиковавшееся в продразверстке и продналоге, устраняется. Создается единый сельхозналог, сначала взимаемый частично натурой, частично деньгами, потом, с 1924 г., — целиком деньгами (начиная с 1924/25 г. оклады исчисляются в червонных рублях). Вообще все государственное хозяй-

ство денатурализуется: вместо натуральных поступлений, государство начинает получать все свои доходы в денежной форме. Свои услуги государственные предприятия тоже перестают предоставлять бесплатно. Курс на безубыточность выражается прежде всего в установлении нормальной достаточной оплаты всех государственных хозяйственных предприятий, но рядом с этим тресты переходят к продаже всех своих продуктов по прибыльным ценам. Вводится оплата всяких перевозок по железным дорогам и водным путям; отменяется бесплатность почты и телеграфа, устанавливаются определенные таксы оплаты всех оказываемых ими услуг; все основные предприятия городского хозяйства: электричество, водопровод, трамвай, телефон и т. д. тоже вводят оплату и начинают постепенно переходить на работу за счет средств, собранных с обслуживаемого населения. Вообще все больший и больший круг государственных предприятий переходит на хозяйственный расчет, перестают быть слабенькими, опекаемыми государством предприятиями и превращаются из расходных статей госбюджета в безубыточные, а потом и в прибыльные единицы, поддерживающие государство частью своих прибылей.

На ряду с развертыванием налогов и с укреплением госпредприятий советская финансовая политика пытается наладить использование сбережений населения для нужд бюджета — провести внутренние займы. Однако денежных сбережений население в 1922/23 г. не имело. Уровень жизни не давал возможности накоплять и думать о получении процентов по займам. Первые шаги в этой области поневоле приходится связывать с натуральной формой займов. Падающий совзнак, недоверие к деньгам, затрудненность делать твердые запасы в деньгах заставляют Советское государство провести первые кредитные операции в 1922/23 г. в виде двух хлебных и одного сахарного займов. Облигации этих займов исчислялись на пуды хлеба или сахара. Населению они продавались на совзнаки с определенной скидкой по сравнению с рыночными ценами данного продукта. Оплата же при погашении (т.-е. при выкупе) производилась, как правило, натурой «по номиналу». Хлебные облигации принимались в уплату сельхозналога, что было особенно важно для крестьянства. Все три натуральных займа имели успех, были полностью реализованы и этим положили основание советскому государственному кредиту.

Менее удачно прошел 100-миллионный выигрышный денежный заем, выпущенный в золотом исчислении. Его реализация шла очень туго, и поэтому Советская власть была вынуждена распространять его в принудительном или в полупринудительном порядке. К таким же способам пришлось прибегнуть и для второго золотого займа (1924 г.). Все же эти займы дали госбюджету значительное подкрепление.

Как видно, слабость накопления в первые годы нэпа не давала широко развернуть государственный кредит. Все же даже слабый, полупродовольственный, полуналоговый государственный кредит имел огромное значение. Он показал прежде всего, что Советское государство пользуется достаточным доверием населения. Крестьяне, рабочие, городская мелкая буржуазия видели в облигациях займов действительно твердые ценности, в которых можно спокойно хранить свои скудные сбережения,

покупкой которых можно обеспечить себя от недостатка продуктов питания, или облегчить внесение налога. Жизненность и понятность хлебных и сахарного займов способствовали популяризации среди населения самой идеи государственного кредита. Этим они подготовляли будущие займы. С чисто финансовой точки зрения, путем ряда кредитных операций государство создало и укрепило новый способ борьбы за прекращение эмиссий: дефицит в госбюджете можно было теперь покрывать не только разрушительно действующей эмиссией, но более нормальным, кредитным путем. Поэтому в случае незначительного, сильно уменьшенного дефицита государство могло отказаться от эмиссионной системы и опереться на заполнение бюджетных дыр внутренними займами. Отчасти так и было сделано в 1924 г.

Борьба за бездефицитный бюджет не исчерпывалась изысканием средств для госбюджета. С другого конца, со стороны расходования средств, проводилась не менее энергичная борьба за жесткое урезывание всех трат отдельных советских учреждений. Советское правительство требует от всех ведомств ограничить свои сметы «пределами исключительной и крайней необходимости, сократив в этих видах все свои штаты» и все планы и программы (постановление ВЦИК'а от 11 октября 1921 г.). На долю Наркомфина выпадает важная, но очень тяжелая работа: «резать» сметы советских учреждений, сокращать все, что можно сократить, оставляя только самое основное и важное. Часть расходов, связанных с местной административной, культурной и хозяйственной жизнью, совсем снимается с госбюджета и передается на выделенный в самостоятельное целое местный бюджет. Местным советам приходится энергично работать над тем, чтобы соответственно увеличить свою доходную часть, не прибегая при этом к незаконному взиманию каких-либо налогов. Наконец, широко проведенное снятие с госбюджета промышленных предприятий, требование от них безубыточной работы, сдача в аренду второстепенных и убыточных предприятий, — все это должно сократить одну из самых главных расходных статей — субсидирование убыточных госпредприятий.

Суровое сокращение расходов государственных учреждений и предприятий не обошлось без трений, жалоб и борьбы. Со всех сторон неслись вопли о том, что устанавливается «диктатура Наркомфина». Были предложения не торопиться с ликвидацией совзнака, не сжимать ради нее кредитов, наоборот, использовать пошире эмиссионный источник хотя бы для финансирования промышленности.

Тов. Троцкий, примерно в это время, писал в «Новом курсе», что «внутри государственного комбината «*диктатура*» *должна принадлежать не финансам, а промышленности*. Разумеется, слово «диктатура», как я пояснял, имеет здесь очень ограниченный и условный характер — *в противовес той «диктатуре», на которую претендовали финансы. Другими словами: не только внешняя торговля, но и работа по восстановлению устойчивой валюты, должны быть строго соподчинены интересам государственной промышленности*».[1]

[1] «Новый курс», стр. 71. (Подчеркнуто нами.)

«Другими словами»: не надо было в конце 1923 и начале 1924 г. в центр хозяйственной работы ставить борьбу за устойчивую валюту. Не надо было «соподчинять» интересы других отраслей хозяйственной работы необходимости постепенной перестройки нашей денежной системы. Не надо было рассматривать подготовку и проведение денежной реформы как «очередное звено» всего советского экономического развития. Надо было ради перекачки средств в промышленность (очевидно, путем дальнейшей эмиссии) жертвовать «работой по восстановлению устойчивой валюты»; надо было установить «диктатуру промышленности» над Наркомфином; надо было «очередное звено» видеть в «непрерывном сочетании»[1] между собой отраслей государственного хозяйства, в общих разговорах об усилении плановости, очевидно, на основе «летящей вниз» валюты. Оппозиция не понимала, что и развитие промышленности и развитие сельского хозяйства уперлось именно в проблему твердой валюты, что ликвидация совзнака являлась непременным условием дальнейших хозяйственных успехов.

Однако это бюрократическое сопротивление было преодолено, и работа по восстановлению финансовой системы продолжала оставаться очередной центральной задачей. Напряженная работа не ослабевала ни на одну неделю. Благодаря этому из месяца в месяц удалось повышать государственные доходы, не давая вместе с тем разбухать расходам. Таким образом, бюджет приближался к бездефицитному состоянию. Если в 1921 г. дефицит в денежной части бюджета составлял больше 80% и покрывался он целиком выпуском бумажных денег, то в 1923 г. мы имеем совершенно другую картину.

Источники покрытия бюджетных расходов в 1923 г. (в %% к итогу).

Месяцы	Поступлений от всех налогов	Поступлений от гос. им. и предпр.	Поступлений от кред. организ.	Поступлений от эмиссий		Итого
Январь	37,4	26,7	4,4	31,5	30,7	100
Февраль	38,7	30,2	5,2	25,9		100
Март	30,7	32,8	3,8	32,7		100
Апрель	21,5	34,3	8,0	36,2	26,2	100
Май	31,6	44,1	4,4	19,9		100
Июнь	24,1	33,2	20,2	22,5		100
Июль	23,1	35,7	14,0	27,2	20,9	100
Август	28,9	38,0	18,8	14,3		100
Сентябрь	17,0	17,7	35,2	21,3		100

[1] См. там же, стр. 70. Ту же почти формулировку давала резолюция оппозиционных экономистов. См. Бухарин. «К вопросу о троцкизме», стр. 163.

Как видно, роль эмиссий в бюджете снижается. Другие денежные доходы выступают на первый план в деле пополнения государственного кошелька. Достаточно сказать, что если во 2 квартале 1921/22 г. все денежные доходы составили всего 17% эмиссионного дохода, то в 4 квартале 1922/23 г. эти же доходы (без кредита) равнялись 360% от эмиссионных доходов. От былого, решающего значения эмиссий осталось очень немного. В последнюю четверть 1923 г. (октябрь — декабрь) роль эмиссий составила еще меньше — всего 14% всех доходов. В бюджете на 1923/24 г. общий дефицит составлял уже всего около 10 — 15%, при чем на большую половину его можно было покрыть кредитными операциями. Путем выпуска денег государству нужно было получить всего 180 милл. руб., или 7 — 8% бюджета.

Эту сумму можно было попытаться получить без продолжения выпуска падающего совзнака. Поэтому, с точки зрения бюджета, в 1924 г. создалась возможность отказаться от эмиссий.

Учреждение Госбанка. К этому же времени была проведена необходимая подготовка и по линии кредита и денежного обращения. В этой области шаг за шагом создавались все основные элементы, необходимые для перехода на твердую валюту. Прежде всего в октябре 1921 г. учреждается Государственный Банк. Основной целью его работы, на ряду со способствованием «кредитом и прочими банковскими операциями развитию промышленности, сельского хозяйства и товарооборота», выставляется «концентрация денежных оборотов и проведение других мер, направленных к установлению правильного денежного обращения» (из Положения о Госбанке).

Почему именно на Госбанк возлагается эта задача? Это объясняется всем хозяйственным положением Госбанка. С одной стороны, Госбанк становится центром кредитования народного хозяйства. Кредитуя обороты трестов, кооперации и торговых организаций, Госбанк теснейшим образом связывает всю свою работу с действительным развитием товарообота. Госбанк оказывается таким экономическим пунктом, в котором скрещиваются все основные линии промышленной и торговой деятельности. С другой стороны, Госбанк, входя в «состав Наркомфина», обладает всем авторитетом и поддержкой Советского государства. Отсюда и возникает возможность возложить на Госбанк роль организатора и создателя новых, твердых, денег.

Поскольку Госбанк своими кредитными «корнями» срастается с товарооборотом, постольку он может при выпуске новых, твердых, денег исходить не из государственной нужды в средствах, а из потребности самого товарооборота в орудиях обращения. Госбанк через кредитные операции связывает выпуск твердых денег с колебаниями размеров товарооборота. Вместо навязывания товарообороту лишних бумажек, Госбанк может при правильной кредитной и эмиссионной политике только осуществлять требования оборота. Новые деньги должны были явиться продуктами товарооборота, созданными через Госбанк. В этом — их коренное отличие от совзнаков и основная опора твердости их курса.

Госбанк не сразу мог приступить к выпуску новых денег. В течение первого года работы пришлось сначала преодолевать огромные

затруднения. Основной капитал его состоял из бумажных совзнаков (первоначально 2000 милл. руб.), и банк вынужден был всячески изворачиваться, чтобы падение совзнаков не съело всех его средств. Отсюда суровые условия кредита, высокие проценты, включавшие страховку от обесценения. К задаче создания новых денег он смог приступить только с конца 1922 г. К этому времени товарооборот значительно расширился и усложнился. Общая товарная масса в 1921/22 г. составила 3,42 миллиарда руб. (по индексу Госплана). В 1922/23 г. она повысилась до 4,57 миллиардов руб. Развивающийся товарооборот не мог обходиться с одним совзнаком.

Необходимо было иметь такие деньги, в которых можно было бы устанавливать твердые цены товаров. Помимо этого, товарооборот чрезвычайно страдал от того, что совзнак нельзя было без огромных убытков задерживать на руках, в кассах, хотя бы на несколько дней. Приходилось лихорадочно отталкивать совзнак от себя, как только он попадался в руки; от этого вся торговля приходила в совершенно хаотическое состояние. Получалась какая-то игра в перебрасывание мяча-совзнака, а не спокойное и рассчетливое хозяйствование. Кое-какую помощь могли оказывать так называемые «идеальные курсы». В них устанавливались цены, а оплата производилась по публикуемому курсу. Получалось, что рядом с реальным, на деле существующим совзнаком, существует еще другая денежная единица — идеальный золотой рубль, курс которого периодически публиковался. Однако, такой «поправочки» к совзначной системе скоро оказалось совершенно недостаточно. Основная толща российского товарооборота — мелкокрестьянская торговля — совершенно не знала и не умела пользоваться идеальным рублем — курсом. Только более или менее крупная, хорошо организованная, чисто городская торговля прибегала к золотому исчислению цен. Но и там, где применялось золотое исчисление, никоим образом нельзя было удовольствоваться наличием твердой денежной единицы «в идее». Все резче и резче назревала потребность в настоящем *материальном* «твердом» рубле.

Особенно трудно было проводить кредитные операции без обладания твердой валютой. Совзнак настолько быстро таял, что и должник и кредитор терпели огромные убытки и должны были всячески выкручиваться, чтобы ни одного дня не держать совзнака в кассах. Учтя все это, Госбанк приступает к выпуску реальных твердых денег — червонцев. Нам придется остановиться на основных чертах нашего червонца более подробно, ибо на них мы можем разобрать самую сердцевину всей нашей денежной системы.

Червонец. Постановлением СНК от 27 июля 1922 г. Госбанку предоставлено право выпускать червонные банкноты по своим коммерческим операциям, т.-е., главным образом, для кредитования товарооборота путем учета надежных векселей и выдачи краткосрочных ссуд. По закону Госбанк в виде исключения может выдать ссуду червонцами и казне; однако это до сих пор не применялось.

Червонцы приравниваются к довоенным золотым деньгам: 1 червонец равен 78,24 доли чистого золота, или 10 руб. Выпускаемые в обращение червонцы должны не менее, чем на одну четвертую от выпу-

щенной суммы, обеспечиваться золотом или вполне устойчивой иностранной валютой. Размен червонца отсрочивается на неопределенный срок. Из-за отсутствия размена твердая стоимость червонца не могла основываться непосредственно на золотом обеспечении. Однако Госбанку и без размена удалось добиться устойчивой покупательной силы и соответствующего золотому содержанию соотношения с золотом и иностранною валютою. На первых порах твердая стоимость червонца основывалась на том, что Госбанк в любой момент давал за них все возрастающую по объему и неизменную по покупательной силе пачку совзнаков. По мере того как червонцы входили в товарооборот и заняли в нем, примерно, к осени 1923 г., место главной валюты, их твердая ценность получала совершенно другую, самостоятельную основу.

Во-первых, червонец стал необходимым для оборота средством обращения, накопления и страхования от обесценения совзнака. По мере роста народного хозяйства и развития рынка, потребность товарооборота в червонных рублях вырастала. Госбанк, благодаря кредитному способу эмиссии червонцев, увеличивал выпуск червонцев только сообразно росту товарооборота, всячески остерегаясь от излишнего, преувеличенного кредитования червонцами (так называемой кредитной инфляции). Поэтому червонец стал основываться на потребности товарооборотов в деньгах. Госбанк своей кредитной политикой достигал соответствия между этой потребностью и размерами червонного обращения. Во-вторых, Госбанк поставил себе задачу добиваться того, чтобы фактически на заграничном и внутреннем рынке [1] червонец стоял на уровне золотого паритета. Это значит, что меновые соотношения между червонцем и твердой иностранной валютой или золотом в деньгах устанавливались бы на уровне, соответствующем золотому содержанию обеих обмениваемых валют. При этом «золотое содержание» червонца принимается, в соответствии с законом, за 78,24 доли (или за 10 довоенных золотых руб.). На основании этого червонец должен равняться, например, 1,058 фунта стерлингов или 5,146 доллара и т. д.

Установление такого курса имеет огромное значение. Благодаря ему червонец практически, на деле оказывается действительно равным своему «золотому содержанию», ибо за червонец на валютном рынке всегда можно купить такое количество золотой или разменной на золото валюты, которое соответствует его «золотому содержанию». Все расчеты с внешним рынком строятся на том, что Госбанк для заграничных платежей беспрепятственно обменивает червонцы на фунты и доллары по твердому золотому паритету. Этим самым наш червонец смыкается с мировыми золотыми деньгами. «Наши деньги являются в том смысле золотыми деньгами, что практически обмен их на рынке на золото и на иностранную валюту совершается по твердому курсу. Валютная устойчивость червонца опирается в действительности на то, что Госбанк устанавливает твердый паритет между банкнотой и твер-

---

[1] Валютным рынком называется продажа и покупка денег всех стран и сортов, у нас, например, золотых царских десяток, долларов, фунтов стерлингов, марок, червонцев и т. д.

дой иностранной валютой и фактически поддерживает этот паритет с минимальными колебаниями». [1]

Какими же способами удается добиться такого твердого соотношения червонца с мировым золотом? Все дело сводится к тому, что Госбанк имеет в своем распоряжении достаточные валютные ресурсы для регулирования курса червонца и на мировом и на внутреннем вольном рынке. «В пределах торгового оборота с заграницей Госбанк действительно в состоянии, имея в своем распоряжении соответствующие валютные ресурсы, за каждый предъявленный ему червонец выдавать иностранную валюту». «Значит, на мировом рынке, т.-е. за границей или внутри страны—для расчетов и платежей на мировом рынке, мы попросту обмениваем беспрепятственно и свободно нашу валюту внутреннюю на валюту мирового рынка». [2]

На внутреннем вольном валютном рынке, т.-е. главным образом на так называем «черной бирже», Государственный банк держит курс червонца на том же золотом паритете, что и за границей. Это достигается, правда, не простым свободным обменом, но тем, что Госбанк централизовал в своих руках львиную долю золота и иностранной валюты и организованным образом вмешивается в ход сделок, скупая или предлагая ту или иную валюту по определенному курсу. Но для того, чтобы такими мерами поддерживать твердый курс червонца, нужно, конечно, располагать мощным запасом золота и иностранной валюты. Без этого немыслим ни размен для мирового рынка, ни командование на внутреннем валютном рынке. Следовательно, немыслимо и удержать курс червонца на твердом уровне, или, другими словами, вообще иметь твердую валюту. Вся наша система червонной твердой валюты есть система, которая сосредоточивает в руках Госбанка достаточные золотые ресурсы для поддержания паритета червонца на золото на внешнем и внутреннем рынках.

Откуда же создается и пополняется наш валютный запас? Активный торговый баланс (см. о нем в предыдущей главе) — вот источник того валютного фонда, на который опирается твердый курс нашего червонца. Именно на основе превышения экспорта над импортом в нашем Госбанке оседали золото и иностранная валюта, позволяя ему успешно проводить свою валютную политику. Отсюда видно, какое решающее значение для червонца имеет активный баланс и основанное на нем сосредочение золота и валюты в Госбанке. «Золотое обеспечение, находящееся в Госбанке, через посредство банковского механизма выполняет на рынке денег совершенно определенные решающие функции». «Если колеблется курс нашего рубля, то золотое обеспечение может выступить из подвалов Госбанка и бороться на рынке за поддержание твердого золотого паритета». [3]

Удалось ли Советскому государству сделать червонец твердой валютой? В основном эта задача нам удалась вполне. Правда, покупа-

---

[1] Сокольников. «Денежная реформа», стр. 45 и 71.
[2] Сокольников. Там же.
[3] Сокольников. Там же, стр. 45—72.

тельная сила червонца в некоторые периоды значительно понижалась. В самый первый период обращения червонцев его покупательная сила была очень высока: по оптовому индексу Госплана на 1922/23 г. она равнялась 10,4 довоенного золотого рубля, т.-е. превышала довоенную покупательную силу 10 руб. на 4%. Через год, на 1 января 1924 г., покупательная сила червонца спустилась до 59,2% довоенной покупательной силы 10 руб. Дело объясняется тем, что первая покупательная сила червонца установилась слишком высоко, гораздо выше покупательной силы золота на мировом рынке. Так, покупательная сила 1 фунта стерлингов равнялась на 1 января 1923 г. только 75% довоенной, а на 1 января 1924 г. — 69%. Поэтому известное снижение покупательной силы червонца было вполне нормальным выравниванием по мировому уровню покупательной силы золота. Примерно, такое же снижение произошло бы и тогда, если бы на месте неразменного червонца обращалась полноценная золотая валюта. В дальнейшем, в 1925/26 г. покупательная сила червонца была довольно устойчива, хотя и переживала серьезные колебания. Определенное понижение покупательной силы произошло в части розничных цен, так как они за 1924—1926 гг. по сельскому хозяйству и по промышленным товарам имели тенденцию к повышению. Что касается курса, то тут червонец был совершенно устойчив и даже частично повышался. Так, червонец стоил на 1 января 1923 г. 3,67 доллара, а на 1 января 1924 г. за него уже приходилось платить 4,46 доллара. В фунтах стерлингов червонец тоже стоял все время не ниже паритета. Наконец курс червонца в золотых довоенных рубях («десятка») повышался; если в 1923 г. золотая десятка расценивалась в $1^1/_2$ — 2 раза выше паритета, то уже в апреле 1924 г. курс десятки равнялся всего 104% червонца; другими словами, был установлен золотой паритет.

Наступление червонца и агония совзнака.

Понятно, что твердый червонец не мог долго обращаться рядом с лихорадочно падающим совзнаком. Как только оборот освоился с новым видом удобной, твердой, сравнительно доступной валюты, сейчас же сфера ее деятельности начала не по дням, а по часам расти. Сначала червонец служил больше для измерения цен и для сбережения средств. Но, по мере увеличения количества выпущенных червонцев, они становятся также средством обращения — сначала в крупном обороте, затем в самых широких кругах городской и отчасти деревенской торговли. Совзнак теряет позицию за позицией и постепенно оказывается просто подсобной разменной валютой, «мелочью» при крупном червонце. Из-за этого вытеснения совзнак все скорее и скорее летит вниз. Быстрота его падения приобрела прямо катастрофический характер. Огромные массы выпускаемых совзнаков всей своей тяжестью ложатся на сжатую, стиснутую, сокращенную область совзначного обращения. Наличие червонца заставляет всех стремиться держать деньги именно в них и прибегать к совзнаку только в самый момент сделок, сейчас же сплавляя его куда-нибудь. Из-за этого совзнак начинает обращаться все с большей и большей быстротой, потребность в нем уменьшается, падение его ускоряется. Мы имели следующую картину последнего периода жизни совзнака — периоды его агонии.

Даты	На долю совзнаков в общей стоимости всех обращ. валют приходится в $^0/_0{}^0/_0$ на 1-е число соответствени. м-ца	То же на долю червонца и сертификатов [1]	Темп эмиссии за м-ц, т.-е. отношение выпущ. за м-ц совзнак. к находивш. в обращении на 1 данн. м-ца	Быстрота роста цен за м-ц по индексу статистики труда
Январь 1923 г.	91,4%	8,6%	31,8	30,4
Июль 1923 »	55,6%	44,4%	37,9	65,7
Январь 1924 »	15,7%	83,3%	86,5	213,7
Февраль 1924 »	11,0%	89,0%	—	—

Как видно, к 1924 г. совзнак оказался вытесненным чуть ли не на $^9/_{10}$; отсюда и получилось, что по быстроте роста совзначных цен начало 1924 г. оказалось рекордным временем. За январь месяц совзнак обесценился больше, чем за какой-либо другой месяц 1917—1924 г. Дальше оставаться при таком положении было невозможно. Червонец и совзнак не могли обращаться рядом друг с другом, ибо в течение одного и того же дня, чуть ли не за пару часов, курс червонца в совзнаках взлетал на 10 или больше процентов, и связать червонец и совзнак хотя бы на один день стало невозможным. Никто не соглашался менять червонец по одному определенному дневному курсу. На вольном рынке курс червонца обгонял официальный курс, и поэтому госучреждениям, кооперациям, трестам стало невыгодно расплачиваться червонцами по обязательному официальному курсу. Все прятали червонцы, не выпускали их из рук. Одни только спекулянты «с черной биржи» усиленно оперировали с червонной валютой, стремясь нажиться на спекулятивной лихорадке. Вновь в товарообороте воцарились хаос, неустойчивость, всеобщее стремление спастись от курсовых потерь, вместо рассчетливого ведения дела. Вдобавок получился валютный разрыв между городом и деревней. Червонец, как более крупная валюта, по преимуществу сосредоточился в городских центрах, а деревня продолжала сидеть на совзнаке, терпя львиную долю потерь и спасаясь от них в натуральном хозяйстве. Обмен между городом и деревней затруднился. Вся страна стала перед перспективой хозяйственного кризиса.

Между тем, как мы видели, Советское правительство в течение 1922 и 1923 гг. подготовило все основные предпосылки для полной ликвидации совзначного обращения. Бюджет мог обойтись без услуг совзнака. В денежную организацию была введена и прочно укреплена новая советская «деньга» — червонец. Поэтому Советское государство отнюдь не оказалось растерянным или бессильным в борьбе против всех последствий совзначной агонии. Наоборот, оно сумело решительно и искусно нанести совзнаку последний удар, совершенно отказаться от его эмиссии и на место «кувырком катящегося» совзнака поставить

[1] Сертификаты НКПС — твердые обязательства в 5 руб. золотом, выпущенные НКПС и оплачивавшиеся по курсу дня. Их число было сравнительно невелико.

твердую валюту, завершив таким путем свою длительную работу по упорядочению денежного обращения. В этом и состояла денежная реформа 1924 г.

Сущность денежной реформы 1924 г.

Сущность реформы 1924 г. состояла в том, что государство прекратило эмиссию совзнаков и поставило на их место твердую казначейскую валюту в мелких купюрах. Государство 5 февраля 1924 г. издало декрет о выпуске казначейских билетов, исчисленных в золотых рублях. Билеты были выпущены в 1, 3, 5 руб. На них была возложена роль разменных денег при червонной валюте. Казначейские билеты выпускает само государство, а не Госбанк. Это объясняется тем, что в течение оставшихся 7—8 месяцев 1923/24 г. госбюджет все еще нуждался в доходе от выпуска денег. Если бы все деньги выпускал исключительно Госбанк, то казне пришлось бы прибегать к займам в Госбанке. Вышло бы, что наши банкноты выпускаются не только для кредитования товарооборота, но и для покрытия бюджетного дефицита. Это могло подорвать все доверие к червонцу и к Госбанку. Поэтому само казначейство выпустило твердые золотые рубли и позаботилось о том, чтобы они вошли в оборот, как равноценная червонцам валюта. Не устанавливая формально, что 10 казначейских рублей равны червонцу, государство фактически приравняло казначейский рубль $^1/_{10}$ червонца. Все кассы Наркомфина и конторы Госбанка обменивали по этому курсу червонцы на казначейские рубли и обратно. Они принимали казначейские рубли во все платежи наравне с червонцами. Этим обе валюты были объединены в единую денежную систему. Казначейский рубль получил опору в твердом, привычном для всех червонце и поэтому был без всяких колебаний принят оборотом как долгожданный освободитель от совзначного засилия в области мелкого оборота.

После того как новые казначейские деньги некоторое время обращались рядом с продолжавшими лететь вниз совзнаками и этим наглядно доказали всем свою твердость, Наркомфин прекратил 15 февраля эмиссию совзнаков. Затем, после выпуска в свет серебряной и медной монеты, Наркомфин нанес совзнаку последний удар: он установил его твердый курс в казначейском золотом рубле и этим прекратил его падение, превратив совзнак во временного помощника новой валюты. В течение ближайших месяцев совзнаки были постепенно совершенно изъяты из обращения путем обмена на новые деньги.

Казначейские билеты необходимо было выпускать так, чтобы их число не превысило потребности оборота в мелких купюрах. Иначе они могли превратиться «в совзнак № 2» и даже потащить вниз червонец. Эта задача осложнялась тем, что выпуск казначейских билетов не только удовлетворял потребностям оборота в мелких твердых деньгах. Одновременно в задачу этого выпуска входило покрыть не совсем еще уничтоженный бюджетный дефицит. Если бы для этого пришлось выпускать казначейских билетов больше, чем требовал товарооборот, то основная цель реформы — твердость денег — была бы не достигнута. Однако, на деле удалось совместить строгое соответствие размеров выпуска потребностям товарооборота с доставлением бюджету необходимых ему 10—15 милл. руб. в месяц. Развивающийся товарооборот нуждался

в увеличении количества денег. Твердость нового рубля позволяла спокойно и устойчиво вести дела, хранить и накоплять советские деньги. Поэтому казначейские билеты обращались несравненно медленнее совзнаков, и, соответственно, для оборота их требовалось гораздо больше. Именно благодаря этому росту потребности товарооборота в деньгах Советское правительство смогло выпустить за февраль—сентябрь 1924 г. около 200 милл. казначейской валюты, покрыв бюджетный дефицит и ничуть не поколебав курс рубля.

Выпуск казначейских билетов производился очень осторожно с тщательным учетом потребности оборота в мелких купюрах. Сначала их даже выпустили несколько недостаточно, значительно меньше, чем полагалось бы, судя по довоенному соотношению крупных и мелких денег.

Одновременно были приняты меры, предупреждающие возможность расширения дефицита или чрезмерного выпуска червонцев. Из них особое значение имела ликвидация «товарных рублей» и переход к исчислению зарплаты на основе червонной валюты. При этом перевод товарных рублей в червонные рубли был произведен по самым минимальным соотношениям, в известной степени даже не достигавшим соотношения, действительно отражавшего величину покупательной силы червонца. Рабочий класс СССР сознательно шел на известные временные жертвы, так как перспектива установления новой денежной системы открывала новые возможности роста как всего народного хозяйства, так и в особенности промышленности. Вместе с тем, ликвидация совзнака освобождала рабочего от потерь на падении его курса и обеспечивала дальнейший действительный рост зарплаты.

Чтобы укрепить новую валюту с рыночной стороны и удержать, а затем и повысить реальную зарплату, Советская власть, на ряду с выпуском новых денег, повела наступление по линии товарных цен организованным экономическим и частично административным давлением на рынок. Общий уровень цен был понижен, благодаря этому покупательная сила червонного рубля повысилась, и доверие к новой денежной системе сразу укрепилось.

Денежная реформа удалась Советской власти целиком и полностью. Наше хозяйство получило твердые деньги, без которых оно не могло дальше развиваться. Легко понять все значение установления и сохранения твердых денег. Ленин еще в 1923 г. говорил, что самое важное — «это вопрос о стабилизации рубля. Над этим вопросом работают лучшие наши силы, и этой задаче мы приписываем решающее экономическое значение. Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда, стабилизировать [1] этот рубль, значит, мы выиграли». [2] И, действительно, создание твердой валюты оказалось решающим фактором подъема нашего хозяйства. Специально в области финансового хозяйства денежная реформа, во-первых, давала возможность развивать нормальные кредитные сделки (займы, вклады и т. п.), а во-вторых, упорядочивала госбюджет, переводя все доходы и рас-

---

[1] Т.-е. сделать устойчивым.

[2] Ленин. Собр., соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 91.

ходы в твердые деньги. Что же касается всего народного хозяйства, то денежная реформа 1924 г., установив советскую денежную систему, открыла перед нашим хозяйственным строительством новые широкие возможности. На основе твердых денег удалось наладить вполне нормальный товарооборот — мост между крестьянским хозяйством и городом. Внутри крестьянского хозяйства впервые за годы революции стал возможным полный расчет всех доходов и расходов, стало выгодно и удобно хранить ценности в денежной, а не натуральной форме. Поэтому крестьянин на деле смог тесно связаться с рынком, «товаризировать» свое хозяйство, не боясь потерять от падения совзнака. Государственная промышленность и все государственное хозяйство впервые получили возможность планировать производство и сбыт товаров, стал возможным точный учет и определение всех издержек производства. Получили прочную опору расчеты цены и прибыли; поэтому задача предвидеть, сколько получишь за свои продукты и сколько за чужие, стала гораздо более легко разрешимой. Словом, определилась возможность выступать на рынке плановым образом, постепенно превращая его из всеобщего «царя и бога» в слугу планового хозяйства. В этом отношении денежная реформа была очередным крупным шагом к действительному плановому руководству.

Это блестящим образом подтверждало линию партии и решительно опровергало линию оппозиции.

В дискуссии 1923/24 г. оппозиционеры, во главе с тов. Троцким, выставляли себя поборниками плановости. Они обвиняли ЦК в попустительстве стихийности, они заявляли, что «развитие государственной промышленности совершается стихийно», и что «это является результатом отсутствия плана и руководства». Они возмущались тем, что ЦК «связывает возможность планового руководства с введением устойчивой валюты». [1] Они выставляли требование «усиления плановости» не только вне связи с денежной реформой, но даже прямо противопоставляя это свое голое и общее требование плана, плана и плана борьбе за денежную реформу. Между тем, гвоздь вопроса был в том, что очередным реальным продвижением к плановости и являлось как раз создание твердого измерителя стоимости, устойчивого орудия обращения, накопления и т. д.

«Какая же была... ступенька, на которую нужно было ступить, чтобы действительно подвинуться хотя бы немножко к плану? — пишет по этому поводу тов. Бухарин. — Это был вопрос о ленинском «звене», вопрос о том, за что нужно было «ухватиться» в тот момент. Этим «звеном» была денежная реформа. Другими словами, чтобы реально, на деле, сделать еще один шаг по направлению к плановому хозяйству, нужно было со ступеньки, которую можно было назвать «ступенькой до денежной реформы», поставить свою ногу на «ступеньку денежной реформы». Только тогда на деле мы сделали шаг дальше к хозяйственному плану. Но как раз этого

---

[1] Из резолюции оппозиционных экономистов. См. Бухарин. «К вопросу о троцкизме», стр. 162 — 163.

звенатов. Троцкий не увидел, проглядел, и вместе с ним проглядела вся оппозиция. Всем известно, что после нашей партийной дискуссии некоторые товарищи из оппозиции очень скептически смотрели на нашу денежную реформу, предрекали ее неизбежный крах, заклинали пощадить советский знак. Жизнь сказала совершенно обратное. Налицо здесь, таким образом, неумение найти то звено, за которое нужно было ухватиться». [1]

За два-три года, прошедших после реформы, наша денежная система окончательно сложилась, упорядочилась и развилась. Уже в 1924/25 г. бюджет был сведен без дефицита, и выпуск денег на нужды казны не производился. [2]

Этим самым была устранена самая главная опасность для устойчивости советского рубля. Вся задача в дальнейшем свелась к тому, чтобы Госбанк правильно учитывал потребность оборота в деньгах, выпуская червонцы только в соответствии с ростом рынка.

Благодаря росту народного хозяйства денежное обращение из месяца в месяц расширялось; если в феврале 1924 г. вся сумма обращающихся денег равнялась 393,5 милл. червонных руб., то в январе 1927 г. она составила 1375—1400 милл. руб., т.-е. почти в 4 раза больше. Этот огромный рост в общем соответствовал потребностям народного хозяйства. Об этом говорит тот факт, что валютный курс червонца был все время устойчивым; покупательная сила, правда, несколько понизилась, но это нельзя объяснить только валютными факторами. Значительная доля этого понижения объясняется причинами, связанными с рыночной конъюнктурой, так называемыми «товарными причинами».

Движение покупательной силы червонца за последние годы видно из следующей таблицы. [3]

Динамика покупательной силы червонца

(в довоенных копейках).

Индексы	Среднее за 1923/24 г.	Среднее за 1924/25 г.	I квартал 1925/26 г.	II квартал 1925/26 г.	III квартал 1925/26 г.	Июль 1926 г.	Август 1926 г.	Сентябрь 1926 г.	Октябрь 1926 г.	Ноябрь 1926 г.	Декабрь 1926 г.
По оптовому индексу Госплана	59	56	56	52	52	55	55	55,5	56	56	57
По всесоюзному бюджетному индексу	51	49,5	49,5	45	43	44	44	45	45	—	—

[1] Бухарин. «К вопросу о троцкизме», стр. 105.

[2] Поступления от чеканки необходимой к обращению монеты, имеющие место в нашем бюджете, являются нормальным доходом всякого государства.

[3] Высчитанной на основе данных из № 12 «Планового хозяйства» за 1926 г., стр. 253.

Как видно, покупательная сила червонца по оптовым ценам, претерпев серьезные колебания, в итоге к декабрю 1926 г. понизилась всего на 2 довоенных копейки. Хуже обстоит дело с покупательной силой червонца в области розничного оборота: здесь покупательная сила пала к октябрю 1926 г. на 6 довоенных копеек. Это объясняется тем повышением розничных цен (главным образом на промтовары), о которых мы говорили в предыдущих главах. Проведение в жизнь политики понижения цен будет служить средством укрепления покупательной силы червонца.

На ряду с этим, во избежание потрясения устойчивости червонца из-за превышения необходимых размеров эмиссии, необходимо соблюдать осторожность в кредитовании хозяйственных организаций за счет ее увеличения. Было бы большой ошибкой попробовать основать наше накопление на эмиссии и регулировать ее размеры не только в соответствии с потребностями товарооборота, но также и в соответствии с нуждами капитального строительства и т. п. целями. Такой политикой мы подрубили бы тот сук, ту базу, на которую опирается все наше хозяйствование.

Это особенно важно подчеркнуть, с одной стороны, потому, что у оппозиции есть некоторые формулировки, позволяющие думать о том, что она бы не прочь использовать эмиссию в качестве источника средств для основного капитала,[1] а с другой стороны, наша эмиссионная политика не чужда была в прошлом некоторых просчетов в сторону расширения эмиссии за границы потребности товарооборота в деньгах. Так, например, летом и осенью 1925 г., благодаря преувеличенной оценке перспектив развития рынка, мы чересчур расширили эмиссию денег. За 4 месяца (июль — октябрь) в обращение было выпущено на 400 милл. руб. казначейских билетов и червонцев. За эти же месяцы в 1924 г. было выпущено всего только 193 милл. руб., или более чем вдвое меньше. Главным образом выпуск денег происходил благодаря усиленному кредитованию заготовительных организаций и промышленности. Но за этой банковской эмиссией не последовало соответственного роста рынка. Хлебозаготовительные планы полностью осуществить не удалось, из-за этого и импортные планы были слабы. Темп развития промышленности пришлось снизить. Увеличение товарооборота замедлилось, и огромная масса выпущенных денег оказалась в известной степени излишней. Создавшееся превышение платежеспособного спроса над предложением (товарный голод) погнало розничные цены вверх; за ними несколько повысились и оптовые цены — и в результате покупательная сила червонца скользнула вниз. Сохранение устойчивости рубля стало одной из самых важных задач. Нужно было вновь установить соответствие денежной массы и емкости рынка. В этой области прежде всего пришлось не только временно прекратить эмиссию червонцев и казначейских билетов, но даже произвести известное изъятие части денег из обращения. Это изъятие производилось в декабре, январе и феврале

---

[1] Например, тов. Рыков в своем докладе на XV партконференции приводил место из «Новой экономики» тов. Преображенского, в котором этот «мудрый» и «заслуженный» финансист предлагал рассматривать и использовать эмиссию «как канал для социалистического накопления».

1925/26 г. Одновременно Госбанк вынужден был сократить кредитование ряда хозяйственных отраслей, ограничиваясь в размерах открываемых кредитов пределами возврата ссуд и прироста вкладов. Одновременно была начата кампания за снижение розничных цен, этих главных «виновников» падения покупательной силы червонца. Благодаря этому плановому и организованному нажиму Советского государства удалось приостановить понижение покупательной силы червонца и даже повысить ее (см. вышеприведенную таблицу). Этому способствовал хороший урожай 1926 г. и энергичный подъем промышленности.

Таким образом, наша денежная система вышла из испытания без значительного ущерба. Это показывает, что она построена на достаточно прочной хозяйственной основе. Можно сказать, что теми «двумя китами», на которых опирается наша денежная система, являются, во-первых, соответствие Госбанковской кредитной эмиссии потребностям товарооборота и, во-вторых, активный баланс внешней торговли, помогающий нам обеспечить золотой паритет червонца. Конечно, оба эти «кита» — и товарооборот и активный баланс — лежат на одной и той же базе — на общем подъеме народного хозяйства.

По обеим этим линиям временные затруднения были и, вероятно, еще будут. Преодолевать их необходимо так, чтобы устойчивость рубля оставалась непоколебимой. Поэтому, во-первых, нам необходимо всячески избегать перенапряжения банковской эмиссии. Все хозяйственные планы должны строго проверяться следующей меркой: выдержит ли наш червонец их проведение? Не превышает ли данный проект нашей финансовой силы? Не потребует ли он такого перекредитования промышленности, торговли или сельского хозяйства, которое переполнит каналы обращения деньгами? Поэтому, во-вторых, нам необходимо накопить известные резервы, запасы золота и валюты для того, чтобы в моменты непредвиденных затруднений не оказаться с пустыми руками. Нам нужно уметь маневрировать на хозяйственном фронте, отступая и наступая в зависимости от мировой и внутренней обстановки. Это возможно только тогда, когда у нас есть достаточные резервы. Отсюда видна вся важность сохранения и укрепления активного баланса — источника этих резервов для денежной системы.

§ 19. БЮДЖЕТ, НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА И БАНКОВСКИЙ КРЕДИТ.

Мы выше проследили ту тяжелую борьбу за бездефицитный бюджет, которую пришлось вести Советской власти в течение 1921—1924 гг. Самое трудное было проделано до денежной реформы, дефицит был почти что сведен на-нет. Однако только на основе твердых денег можно было окончательно построить и укрепить сложное здание советских финансов. Без твердых денег нельзя было проделать самой главной финансовой работы: учесть все поступления и расходы и на основе этого составить план ведения государственного хозяйства, т.-е. составить бюджет. Только после того, как государственное хозяйство было переведено на твердые деньги, бюджет смог превратиться из примерных, ориентировочных прикидок в реально проводимый финансовый план. Если главное достижение бюджета 1924/25 г. заключалось

в полном отказе от использования бумажно-денежной эмиссии, как доходного источника, то следующий годовой бюджет — 1925/26 г. — как раз и явился первым твердым годовым бюджетом. Вместо прежних месячных, 3-месячных и 6-месячных планов, в 1925/1926 г. мы имели единый государственный бюджет на весь 1925/26 г. целиком. В нем были твердо и точно установлены все имеющие поступить доходы, и на основе этого определены размеры ассигнований на каждую область государственной деятельности. Поэтому можно с полным правом сказать, что в бюджете на 1925/26 г. Советский Союз добился того, чего еще не сумели создать многие богатые капиталистические государства: нормального, здорового, реального плана ведения государственного хозяйства.

Бюджетное строительство Советского государства.

Советское государственное хозяйство является одной из важнейших частей общего хозяйства страны. Поэтому наш госбюджет отражает во всех своих доходах и расходах состояние народного хозяйства; поэтому же вместе с ростом всего народного дохода, всей продукции сельского хозяйства, промышленности и транспорта наш бюджет получал все больше и больше доходов и мог расходовать все более крупные суммы. Если в 1923/24 г. бюджет был сведен в сумме 2298 милл. руб., то в 1924/25 г. он вырос до 2929 милл. руб., или на 26,4%, а к 1925/26 г. до 3876 милл. руб.,[1] что дает прибавку в 68% по сравнению с 1923/24 г. и в 33% по сравнению с 1924/25 г. Проект бюджета на 1926/27 г. намечен в сумме 5002 милл. руб., т.-е. на 29% больше, чем в 1925/26 г. Такой быстрый рост бюджета объясняется, с одной стороны, не менее энергичным подъемом общего уровня нашего богатства, а с другой — еще более быстрым ростом потребностей. Только что оправившееся от разрухи хозяйство требует огромных среств на возобновление своего основного капитала. Невиданный культурный подъем масс нуждается в материальных средствах для удовлетворения всех запросов; рост советской общественности, оживление советов тоже не в состоянии проходить без дополнительных ассигнований на содержание советского аппарата. Наконец, нельзя забывать необходимости укрепления обороноспособности Советского Союза. Государство не может удовлетворить даже всех первоочередных насущных нужд и требований. Оно вынуждено жестко урезывать все, без чего можно обойтись, одновременно напрягая все силы для того, чтобы каждую советскую копейку направить на строительство социалистического хозяйства.

Все же наш бюджет сейчас достиг большой мощности. Почти 4 миллиарда червонных рублей в 1925/26 г. и 5 миллиардов в 1926/27 г. в условиях нашей страны — цифры очень внушительные. Достаточно сказать, что в 1925/26 г. сумма бюджета равнялась, примерно, 14% всей продукции сельского хозяйства и промышленности.

Какими же средствами сосредоточивает Советская власть в своем непосредственном распоряжении эту огромную массу материальных

---

[1] См. «От съезда к съезду», материалы к отчету правительства на IV Съезде Советов СССР, стр. 15.

денежных средств? Другими словами, из каких доходных источников составляется советский бюджет?

Доходная часть советского бюджета; неналоговые доходы.

Тремя главными группами доходов являются: 1) так называемые неналоговые доходы, т.-е. доходы с государственных хозяйственных предприятий и имуществ: транспорта, почт и телеграфов, промышленности и госторговли, лесов и т. д.; 2) налоги всех видов; 3) так называемые чрезвычайные доходы; к ним раньше относилась эмиссия, теперь—госзаймы и небольшой доход от выпуска серебряной и медной монеты.

Если взять весь бюджет в целом, то на первом месте окажутся неналоговые доходы. Они дали в 1924/25 г. 46%, в 1925/26 г. 49% всех доходов. Это огромная — и все возрастающая — роль хозяйственных доходов составляет одну из черт, отличающих наш бюджет от бюджетов капиталистических государств. Только национализация ряда важнейших отраслей хозяйства—транспорта, крупной промышленности, внешней торговли и т. д.—дала госбюджету прочную, широкую, хозяйственную основу и оттеснила налоги на второе место. Однако, пока что львиная доля доходов от государственных предприятий состоит из «оборотных» сумм Наркомпути и Наркомпочтеля. Это значит, что весь валовой доход транспорта и средств связи зачисляется в приход государственного бюджета; но фактически все эти средства остаются внутри этих государственных предприятий и почти целиком уходят на покрытие их собственных расходов, которые тоже целиком входят в расходную часть государственного бюджета. Таким образом, само государство как бы и не получает от этих статей никаких дополнительных ресурсов на другие свои разнообразные нужды и цели. Единственно чем оно действительно может распоряжаться, — это прибылью транспорта и средств связи; но до сих пор этой прибыли совершенно не было, наоборот, был значительный убыток, покрывавшийся государством из других источников. Впервые в бюджет 1925/26 г. было внесено по Наркомпути 16 милл. руб. чистой прибыли, а по Наркомпочтелю—13 милл. руб. Однако, фактически в 1925/26 г. транспорт и связь дали значительный недобор доходов по сравнению с предположениями.

Наша госпромышленность, госторговля и кредитные учреждения, в отличие от транспорта, входят в бюджет только финансовыми результатами своей работы, — только прибылью или убытком; все остальные приходы и расходы этих госпредприятий не входят в госбюджет.

Если мы для большей ясности исключим из госбюджета все «оборотные» статьи, т.-е. транспорт и средства связи, то окажется, что неналоговые источники в 1925/26 г. дают всего 480 милл. руб. против 350 милл. руб. 1924/25 г.; прирост равен 38%. Очень важным и показательным является то, что ряд предприятий, ранее дававших убыток, теперь встали на собственные ноги и начинают давать бюджету все больше и больше дохода. Так, промышленность в 1925/26 г. дает 119 милл. руб., госторговля 42 милл., банки—53 милл. руб., концессии—5 милл., леса — 140 милл. и т. д. Но все-таки доходы от социалистической части хозяйства не могут служить главным источником

средств, необходимых на административные, культурные, военные и другие цели. Решающую роль в доходах Советского государства играют поэтому налоги: если из бюджета 1925/26 г. исключить доходы транспорта и средств связи, то налоги составят около 75% всего доходного бюджета; на неналоговые источники придется 20%, а остальные 5% падут на «чрезвычайные» доходы.

Наша налоговая система. Из этих цифр видно, что наш современный бюджет является на 3/4 налоговым бюджетом. Посмотрим, какие же именно налоги дают Советскому государству основную массу его доходов. В 1925/26 г. прямые палоги и пошлины, т.-е. налоги, взимаемые с определенных доходов, имуществ или сделок лиц и предприятий, составляли 754 милл. руб. А косвенные, т.-е. налоги, взимаемые с потребителей путем включения в цену товаров (главным образом предметов потребления) накидок, идущих в пользу государства, — 1127 мил. руб. В 1926/27 г. прямые налоги вместе с пошлинами (в которых главную роль играет гербовый сбор) дадут по проекту НКФ 937 милл. руб., а косвенные — 1280 милл. руб. Как видно, прямые налоги с прошлого года сильно вырастут; косвенные налоги увеличатся в меньшей степени.

Прирост доходов от прямых налогов распадается следующим образом: сельхозналог в 1926/27 г. даст на 66 милл. руб. больше, чем в 1925/26 г.; промысловый налог тоже вырастет на очень большую сумму — на 80 милл. руб.; подоходный даст прирост в 33 милл. руб. и т. д. Однако первое место останется за косвенными налогами.

Чем объясняется такая роль косвенного обложения? Ведь считается, что косвенные налоги падают на широкие массы трудящихся, при этом без точного соответствия доходам отдельных плательщиков. Скажем, соли все потребляют, примерно, одинаковое количество, и поэтому и бедняк-крестьянин и состоятельный нэпман уплатят одинаковую сумму соляного акциза. Однако, если для буржуазных стран косвенные налоги действительно являются орудием переложения финансовых тягот с плеч буржуазии на плечи трудящихся, то в советских условиях дело существенно меняется. Во-первых, в нашей стране, в результате революции, произошла очень серьезная нивеллировка (поравнение) доходов; наша буржуазия очень слаба, малочисленна и, главное, мелка. Слой хорошо оплачиваемых служащих тоже тонок. Даже при самом «свирепом» обложении эти группы не могут дать особенно много. Поэтому надо с полной ясностью понять, что только сами трудящиеся массы могут содержать свое Советское государство. Каждый трудящийся должен нести свою долю общей тяжести бюджета. Во-вторых, Советское правительство сумело и в косвенном обложении провести определенную классовую линию: продукты потребления состоятельных групп облагаются более высокими ставками, чем предметы потребления трудовых масс. Так, дорогие сорта табака, дорогие ткани обложены гораздо выше, чем какая-нибудь махорка или ситец. Наконец, в-третьих, косвенное обложение нельзя рассматривать оторванно от всей советской налоговой системы. Дело в том, что оно является только самой первой общей ступенькой советской системы налогов. Через косвенные налоги каждый гражданин СССР вносит как бы для всех обязательный первый

взнос на содержание государства. Возможно, что размеры этого взноса и не вполне соответствуют доходам плательщиков. Но такое несоответствие исправляется следующей, более сложной ступенькой налоговой системы — прямыми налогами.

Эти налоги построены так, чтобы взнос каждого плательщика целиком зависел от его благосостояния. Наименее обеспеченные слои населения совершенно не платят прямых налогов. Обложение остальных строится по принципу прогрессии: чем выше доход, тем больший его процент составляет налог. Таким образом, состоятельные слои облагаются вдвойне: и косвенными, и прямыми налогами. Если взять общую тяжесть обоих этих видов обложения, то, несомненно, что она падает на плательщиков соответственно их богатству. Поэтому в советских условиях пролетарского руководства финансами нет никакого основания отказываться от косвенного обложения. Между тем, с точки зрения пополнения казенного кошелька, косвенные налоги имеют ряд преимуществ: организация их очень проста, взимание обходится дешево, так как оно не требует особенно большого аппарата и высокой финансовой техники. Все эти обстоятельства доказывают, что усиленное развитие косвенного обложения за последние годы было необходимым и вполне нормальным явлением.

Если косвенные налоги нам необходимы только как источники средств для государства, то прямые налоги помимо этого служат еще орудиями регулирования хозяйственных процессов. В самом деле, облагая сельскую и городскую буржуазию высокими налогами, государство ослабляет рост капиталистических элементов в нашем хозяйстве. Путем налогов часть накопленных капиталистами средств переходит в руки пролетарского государства и затрачивается им на социалистическое строительство — на госпромышленность, на кооперацию, на помощь бедняцким организациям и т. д. Облегчая или совершенно освобождая от налогов бедноту, осторожно, посильно обкладывая середняков и более основательно надавливая на кулаков, Советская власть способствует тому, чтобы подъем сельского хозяйства захватил всю деревню в целом. Предоставляя кооперативным и государственным предприятиям льготы в промысловом и подоходном обложении, Советская власть усиливает социалистические элементы в нашем хозяйстве. Словом, все отдельные прямые налоги бьют в одну точку: они подчиняют по возможности все накопление в хозяйстве СССР государственному регулированию.

Основных прямых налогов у нас три: сельскохозяйственный, промысловый и подоходный. Самые крупные поступления дает единый сельскохозяйственный налог; даже после 100-миллионного снижения он в 1925/26 г. дает 235 милл. руб. Отметим, что благодаря росту доходности сельского хозяйства, как и благодаря этому снижению, сельхозналог в 1925/26 г. составил всего 1,6% к валовой продукции сельского хозяйства — вместо 3% в 1924/25 г. В 1926/27 г. он намечен в 300 милл. руб. Единый сельскохозяйственный налог падает на все доходы от земледелия, животноводства и других сельскохозяйственных занятий. На втором месте стоит промысловый налог, в 1925/26 г. исчисленный в 210 милл. руб., а в 1926/27 г. в 290 милл. руб. Он падает на промышленные и торговые предприятия. Наконец, подоходный налог облагает

все более или менее крупные личные доходы (за исключением доходов от занятия сельским хозяйством). Его ставки колеблются от 2 до 20% дохода, увеличиваясь вместе с их ростом. Кроме этих трех налогов, есть еще несколько второстепенных налогов. Сюда относится «рентное» обложение городских земель и территорий, предоставленных транспорту; оно основано на том, что держатели и арендаторы этих земель получают крупную выгоду благодаря расположению «своей» земли вблизи от всякого рода сооружений, строений и т. п. Рентное обложение дает госбюджету пока всего несколько миллионов рублей в год. Еще меньше приносит другой мелкий прямой налог — пошлина с наследств (всего 500 тыс. руб.).

Остановимся вкратце на современном построении единого сельскохозяйственного налога, как самого значительного по размерам и самого сложного по организации из всех прямых советских налогов. Мы уже упоминали, что единый сельскохозяйственный налог был создан путем постепенного реформирования продразверстки и продналога. Почти каждый год сельскохозяйственный налог перестраивался, все более приспособляясь к наилучшему охвату крестьянского хозяйства. Основой обложения до 1925/26 г. служила десятина пашни; в пашню переводились и другие облагаемые источники доходов — луга и рабочий и и крупный рогатый скот (в некоторых районах и мелкий скот). В зависимости от того, сколько приходилось всего десятин пашни (включая переведенные пашни, луга и скот) на едока, было три ставки обложения: первой, наименьшей, облагалась пашня в пределах определенной нормы на едока; излишек сверх этой нормы облагался более высокой второй ставкой; наконец, если излишек, в свою очередь, превышал определенный размер, то это превышение облагалось по самой высокой, третьей, ставке. Конечно, самые ставки в различных районах устанавливались в зависимости от урожая, от уровня цен, от состояния крестьянского хозяйства и т. д. В общем, было 9 разрядов таких ставок, и Советское правительство ежегодно назначало каждому району разряд, по которому он должен был платить налог.

В настоящее время сельхозналог вновь перестроен: повидимому, удалось нащупать окончательную форму, в основном удовлетворяющую нашим налоговым требованиям. Облагаться будет вся совокупность доходов крестьянского хозяйства. В расчет будут приниматься не только пашня, луг и скот, но и садоводство, огородничество, внеземледельческие заработки и т. п. источники доходов, ранее или совсем не учитывавшиеся, или учитывавшиеся не полно. Все эти источники доходов, если они имеют значение для данной местности, будут оцениваться по установленным нормам доходности (скажем, десятина пашни равна стольким—то рублям годового дохода, корова — стольким-то, пчелиный улей столько-то и т. д.); при этом, конечно, не все источники дохода будут учитываться полным рублем, как если бы они целиком поступили в хозяйство. Так, например, заработки на стороне обкладываются из расчета, что только известный их процент (10 — 15%) поступает в хозяйство. Постоянная заработная плата вообще сельхозналогом не обкладывается. Нормы доходности окончательно устанавливаются на местах, в зависимости от района, урожая, рыночной обстановки и т. д.

Центр дает только ориентировочные, общие нормы. Все отдельные доходы, учтенные по нормам, принятым в данном районе, складываются в общую сумму, которая и подлежит обложению. Ставки налога зависят от того, сколько дохода приходится на едока; доходы меньше 25 руб. на едока совершенно не облагаются. В остальных хозяйствах первые 20 руб. на едока облагаются по 2%, излишек сверх 20 руб. до 30 руб. по 3% и т. д. Ставки увеличиваются по мере роста доходов, достигая 25% при обложении излишка свыше 100 руб. на едока. Освобождаться будут от налогов, как и раньше, опытные, школьные и племенные хозяйства, общественные запашки крестьянских организаций взаимопомощи, новые плодовые насаждения, мелиорированные земли и т. п. Ряд льгот предоставляется коллективным хозяйствам, культурным хозяйствам, семьям красноармейцев и т. д.

Как видно, современное построение сельскохозяйственного налога вплотную приближается к подоходному обложению. Вместе с тем, сельхозналог построен на строго классовых основах и служит одним из проводников деревенской политики Советской власти: 20% наиболее бедных хозяйств совершенно освобождаются от налогов; в обложении остальных 80% проводится усиленная прогрессивность: раньше ставки колебались от 4 до 12% дохода; теперь, как мы видели, — от 2 до 25%. Общее, классовое распределение тяжести сельхозналога в 1925/26 г. видно из следующей таблицы.

Относительное распределение крестьянских хозяйств, дохода и налога по группам с различной доходностью на едока (в %% к итогу).[1]

Размер дохода на едока в рублях	Доля хозяйств данной группы	Доля облагаемого дохода, получаемого данной группой	Размер доли с.-х. налога, уплачиваемого данной группой
до 25	19,67	4,30	0,17
25 — 40	26,60	21,50	8,94
40 — 60	33,02	40,83	31,69
60 — 80	13,12	18,63	25,95
80 — 100	4,20	7,05	13,43
100 — 120	1,66	3,35	7,61
120 — 150	1,11	2,29	6,11
150 — 200	0,62	2,05	6,10
	100,00%	100,00%	100,00%

Как видно из этой таблицы, хозяйства с доходом от 25 до 60 руб. на едока (2-я и 3-я графа вместе), составляя 59,62% общего числа хозяйств и получая 62,33% всего облагаемого дохода, платят

[1] См. Брюханов. «Новый закон о сельскохозяйственном налоге», стр. 68.

40,63% налога. Группа хозяйств с 60—100 руб. дохода (4-я и 5-я графа), имея 17,32% хозяйств и 25,68% дохода, платят 39,38% налога. Наконец, группы хозяйств, получающих свыше 100 руб. дохода на едока, имея 7,59% хозяйств и 14,74% дохода, платят 33,25% налога. Таким образом, классовый подход в обложении сельхозналогом проведен полностью.

Несмотря на всю очевидность и несомненность этого факта, оппозиция пыталась обвинить партию в недостаточном проведении классовой линии в обложении деревни. Прежде всего она, пользуясь своей безответственностью, захотела демагогически перещеголять партию в деле предоставления льгот бедноте. На апрельском пленуме ЦК (в 1926 г.) оппозиция — в лице тов. Каменева — предложила освободить от налога не 20, а 40% крестьянских хозяйств, т.-е. не только всю бедноту, но и некоторую часть середняков (ибо, вопреки утверждениям оппозиции, беднота в советской деревне составляет сейчас не 40, а, примерно, около 35% хозяйств). Позднее, осенью 1926 г., оппозиция обвиняла ЦК в том, что он недостаточно обкладывает доходы кулака, с которого-де можно еще преспокойно взять добавочные 200—300 милл. руб.

Оба эти предложения полностью являются демагогическими вывертами. Конечно, было бы очень приятно совершенно освободить всю бедноту и добрую долю середняков от налога. Но суть вопроса в том, что государство должно собрать известную сумму средств от сельхозналога. Иначе и без того напряженный бюджет может выйти из состояния равновесия. Достаточно ли богато Советское государство для того, чтобы полностью освободить от налога те «спорные» 20% крестьянских хозяйств, которые имеют хозяйства хотя и маломощные, но все же вовсе не очень глубоко отличающиеся от обычного середняцкого хозяйства. Ведь нельзя забывать и того, что обложение слабых хозяйств производится в самых умеренных размерах. Из таблицы видно, что группа хозяйств с доходом от 25 до 40 руб на едока, составляя 26,6% всей массы крестьянских хозяйств и получая 21,5% всех крестьянских доходов, уплачивает всего 8,9% общей суммы налога. Поскольку просто отказаться от этой суммы пока нельзя, постольку долю налога, падающую на эти хозяйства, придется переложить на остальную массу крестьянства. Возникает опасность переобложения середняцкой, основной группы крестьянства.

Оппозиция пытается выйти из затруднения ссылкой на то, что будто бы до ужаса разжиревший кулак может легко отдать сверх того, что он должен платить, еще 200—300 милл. руб. Беда лишь в том, что ЦК не желает взять их.

На этот вопрос нужно ответить с полной ясностью. Конечно, классовая ненависть толкает пролетариат к тому, чтобы увеличивать и увеличивать налог на кулачество. Но классовая ненависть не должна противостоять классовому разуму. В интересах ли пролетариата в настоящее время, ни с чем не считаясь, экспроприировать кулака налогами? Есть ли определенная «граница изъятия средств по налогу»,[1] переступать которую даже в отношении кулака невыгодно с точки

---

[1] Яковлев. «Сельское хозяйство и индустриализация», стр. 36.

зрения развития сельского хозяйства, а значит, и с точки зрения создания сырьевой, продовольственной, рыночной и т. д. базы для социалистической промышленности? Не подлежит сомнению, что такая граница есть, и что обложение сколько-нибудь зажиточных слоев деревни сейчас в общем находится именно на этой границе, за которой следует прямая, более или менее немедленная экспроприация кулацкого хозяйства в текущем или будущем году. «Мы ограничиваем эксплуататорские тенденции кулака, мы изымаем у него средства в бюджет, но мы не ставим своей задачей зарезать в настоящем или будущем году кулацкое хозяйство».[1] Если принять во внимание, что уже сейчас мы берем с кулацких хозяйств около 25% их дохода (а иногда этот процент еще выше), то станет ясным, что оппозиционные предложения об увеличении налога, да еще на огромную цифру в 200—300 милл. руб., равносильны предложению изъять у кулацких групп весь или почти весь доход, т. е. попросту «раскулачить», огульно экспроприировать эти группы. Такая экспроприация не входит сейчас в число очередных задач партии. Поэтому-то к оппозиционным предложениям нужно отнестись просто как к вредной демагогии.

Если теперь взять все советские налоги и посмотреть, насколько тяжело они падают на население, то окажется, что общая сумма налогов на душу составляет в 1925/26 г. 15 руб. 18 коп.; в 1913 г. на душу падало 11 р. 18 коп. в довоенных рублях, или около 22 руб. на наши современные деньги. Значит, нынешная тяжесть обложения равна, примерно, 70% довоенной.[2] Конечно, эта средняя цифра говорит еще очень мало, так как налоговое бремя распределено между отдельными слоями неравномерно.

Благодаря классовому характеру советской финансовой политики три основные группы населения — крестьяне, рабочие и состоятельные слои — следующим образом участвуют в уплате всех видов налогов.

На душу падает косвенных и прямых налогов:

Крестьяне	4 руб.	77 коп.
Рабочие	14 »	16 »
Состоятельные слои городского населения	41 »	21 »

Крестьянин, благодаря нищенскому уровню жизни и благодаря тому, что он большей частью живет за счет продуктов собственного производства и мало покупает подакцизных товаров, платит теперь налогов меньше городского рабочего. Рабочий, ежедневно покупая ряд подакцизных предметов, платит раза в 2½—3 больше крестьянина. Нэпман и хорошо оплачиваемый советский чиновник платят раз в 9 больше крестьянина и в 3 с лишним раза больше рабочего.

Чрезвычайные доходы. Мы еще не разобрали третьей группы доходов — «чрезвычайных» поступлений. Из них серьезное значение сейчас имеют государственные займы. Как известно, внешних займов мы пока не получаем, и поэтому наш госу-

---

[1] Там же, стр. 39.

[2] Брюханов. «Государственный бюджет СССР на 1925/26 г.», стр. 16.

дарственный кредит целиком и полностью основан на внутренних сбережениях населения СССР. В этих условиях госкредит не может еще развернуться особенно широко: накопление в нашем хозяйстве пока что очень слабо, в то время как потребность в капиталах повсюду огромная. Поэтому извлечение свободных средств — дело очень трудное. Этим объясняется то, что Советская власть должна была на первых порах провести несколько полупринудительных займов. Однако это очень неблагоприятно отражалось на курсе облигаций займов: дело доходило до того, чти 5-рублевая облигация продавалась на вольном рынке за 90 коп. Поэтому государство отказалось от принудительных методов и стремится распространять свои займы, заинтересовывая в них население (выплатой высоких процентов, выигрышами и т. д.). Серьезные шаги в этом направлении уже сделаны: сначала был выпущен как бы пробный 10-миллионный $5^0/_0$ заем, имевший огромный успех. Затем, вместо натуральных хлебных займов, были выпущены и очень успешно разошлись два крестьянских выигрышных займа, облигации которых принимаются в уплату сельхозналога. В 1925/26 г. был выпущен «заем хозяйственного восстановления», предназначенный для нужд промышленности; по нему расплачиваться будет промышленность, а само казначейство дает только свою гарантию.

В общем, на первое апреля 1926 г. долг государственного казначейства составлял 440 милл. руб. В бюджете 1926/27 г. доход от займов намечен в размере 160 милл. руб. Правда, сравнительно с царскими или с заграничными внутренними долгами эта цифра очень невелика, но все же советский госкредит сделал первые шаги в деле централизации свободных средств в руках государства. Эта его работа должна в дальнейшем упрочиться и развиться. Госкредит, извлекая из народного хозяйства мелкие сбережения буржуазии, крестьян, ремесленников, служащих, рабочих, будет использовать все эти средства для усиления социалистического накопления.

Расходная часть нашего бюджета. Выяснив все основные источники доходов, мы можем теперь рассмотреть расходную часть нашего бюджета. В расходах, как и в доходах, весь бюджет можно разделить на три основные группы. К первой относятся расходы на оборону, ко второй — на хозяйство, к третьей — на административную и культурную работу государства. По госбюджету 1925/26 г. на оборону было ассигновано 635 милл. руб., или $16^0/_0$ всех расходов. Интересно, что в 1923/24 г. на оборону ушло относительно больше — $18{,}5^0/_0$. Надо сказать, что наш бюджет является чрезвычайно «мирным»: по сравнению с царским правительством, мы расходуем на военные цели раза в четыре с половиной меньше. По сравнению с «прекрасной Францией», наши военные расходы играют совсем небольшую роль. Во французском бюджете на 1926 г. $17{,}2^0/_0$ предназначено прямо на армию, $58{,}5^0/_0$ — на затраты, связанные с подготовкой или с результатами войны. На все остальные нужды приходится $24{,}3^0/_0$ бюджета. Вторая группа — хозяйственные расходы — самая большая часть советского бюджета. В 1925 26 г. она выразилась в сумме 2065 милл. руб., или $53^0/_0$ всех расходов. Из этой суммы на транспорт и средства

связи падает 1470 милл. руб. Сюда входят и расходы по эксплуатации и новые вложения, по одному только железнодорожному транспорту намеченные в 209 милл. руб. Помимо расходов на транспорт и средства связи, государство вложило 527 милл. руб. в остальные отрасли народного хозяйства. В 1926/27 г. сумма финансирования народного хозяйства резко поднялась, составив 901,3 милл. рубл., т.-е. на 70% превысив соответственную сумму 1925/26 г. В отличие от главной массы транспортных расходов эти затраты не являются обычными текущими хозяйственными расходами. Напротив, они или предназначаются на покрытие убытков, понесенных данной отраслью, или вливают в данную отрасль новые средства для расширения ее основного и оборотного капиталов. При этом если года два назад центр тяжести этих расходов лежал в спасении от убытков, то теперь почти вся эта сумма идет на новое строительство, на электрификацию, на пополнение капиталов и другие цели социалистического накопления.

Так, в 1924/25 г. из ассигнованных на сельское хозяйство 147 милл. руб. на нужды неурожайных районов приходилось 67 милл. руб.; в огромной части эта сумма шла просто на спасение крестьянства от голодной смерти. Действительно, на укрепление и организацию сельскохозяйственного производства ушло только 80 милл. руб. В 1925/26 г. из 159 милл. руб., затраченных бюджетом на сельское хозяйство, на помощь неурожайным районам истрачено всего 6 милл. руб., а остальная масса средств идет в капиталы крестьянского хозяйства — главным образом, путем укрепления системы сельхозкредита. Такой же переход от затыкания дыр и залечивания ран к накоплению новых капиталов, к созданию новых материальных производительных сил мы имеем в ассигнованиях на промышленность.

В 1925/26 г. они выросли по сравнению с 1924/25 г. на 58%, составив 202 милл. руб. (без займа хозяйственного восстановления). В 1926/27 г. бюджет выделяет для финансирования промышленности 510 миллионов рублей. Почти 70 милл. руб. затрачено в 1925/26 г. на электрификацию (в 1924/25 г. 50 милл. руб.); в 1926/27 г. намечено 88 милл. руб.; 25 милл. руб. на укрепление кооперации, 90 милл. руб. на коммунальное (главным образом, рабочее жилищное) строительство. Словом, наш расходный бюджет в своей хозяйственной части организованно распределяет очень крупные суммы на создание материальных и организационных предпосылок социалистического хозяйства. Ленин писал, что «каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса». Бюджет пролетарского государства должен оказывать финансовую поддержку социалистическому строю, должен финансировать рост социализма. Для этого нужно, с одной стороны, «поддерживать сверх обычного» «строй кооперативный», а с другой — «всякие маленькие сбережения сохранять для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и проч.».[1]

Огромное значение для хозяйственного подъема имеет повышение культурного уровня населения. Государственный бюджет в 1925/26 г.

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 128.

ассигновал на просвещение по линии Наркомпроса 159 милл. руб. К этому добавляются затраты других ведомств (Наркомпуть, Военное ведомство, Совнарком и ЦИК) на различные специальные школы, издательства, научные учреждения и т. п. В общем, по подсчетам тов. Брюханова, в 1925/26 г. госбюджет на народное просвещение израсходовал до 300 милл. руб. Значительные средства тратятся на здравоохранение и по линии Наркомздрава (45 милл. руб.), и по линии других ведомств (хотя бы санитарных учреждений Красной армии).

Несмотря на всю борьбу за сокращение госаппарата, до сих пор расходы на управление не показывают тенденции к уменьшению. Около 7% бюджета и в 1924/25 и в 1925/26 гг. пришлось затратить на административные цели, включая сюда управление хозяйством — ВСНХ, Наркомторг и т. д.

Местный бюджет.

Надо отметить, что размеры расходов на культурно-социальные цели и на управление далеко не исчерпываются расходами по госбюджету. Дело в том, что в единый государственный бюджет СССР входят только те доходы и расходы, которыми ведают или органы Союзного правительства, или органы правительств шести Союзных Республик. Очень значительная часть доходов и расходов находится в непосредственном распоряжении местных органов Соввласти. Поступления от ряда налогов (хотя бы львиная доля — 67% — сельхозналога), надбавки к общегосударственным налогам, доходы от промышленных и торговых предприятий местного значения и т. п., — все это остается в полном распоряжении местных советских органов. На эти средства они должны содержать ряд государственных учреждений, тесно связанных с местной жизнью: школы, больницы, милицию, волисполкомы и др. Каждый соответственный исполком составляет местный бюджет — губернский, уездный и даже волостной. В случае, если из-за бедности или отсталости района, или из-за других уважительных причин местный бюджет сводится с дефицитом, общегосударственная казна приходит на помощь и поддерживает местный бюджет из собственных средств. Так, в госбюджете на 1925/26 г. на цели помощи местам было выделено 338 милл. руб.

Динамика общих размеров местного бюджета видна из следующих данных:[1]

	1925/26 г.	1926/27 г.	%% прироста
Доходы	1347 м. р.	1586 м. р.	18%
Расходы	1268 » »	1591 » »	25%

Местный бюджет является главным хозяйственным планом каждого местного исполкома. Будучи тесно связан с жизнью данного района, он гораздо лучше может обслуживать культурные, здравоохранительные и хозяйственные нужды. Поэтому государство очень значительную часть расходов на эти цели и переложило на местные средства. Так, главная часть всех госрасходов на просвещение проходит по

[1] «От съезда к съезду». Материалы к отчету правительства на IV Съезде Советов СССР, стр. 21.

местному бюджету, составляя в 1925/26 г. 347 милл. руб. (таким образом, всего государство тратит на просвещение около 650 милл. руб.). В общем, на административно-судебные нужды в местном бюджете уходит 20%, на культурно-социальные 40%, на хозяйственно-производственные 27% и на прочие 13%.

Движение различных расходных статей местного бюджета в 1925/26—1926/27 г. видно из следующей таблички (в милл. руб.):[1]

Расходные статьи	1925/26 г.	1926/27 г.	% изменения
Административно-хозяйственные . . .	263	270	+ 2,6
Культурно-социальные	456	633	+ 43,2
Производственные	407	567	+ 40,0
Прочие	142	121	— 17,0

Особое значение имеет волостной бюджет, в котором сами крестьяне строят свое небольшое хозяйство, финансируя общие культурные и экономические потребности данного сельского района. Роль волостного бюджета за последние годы сильно выросла: при общем размере всех местных бюджетов в 1924/25 г. в 898 милл. руб., волбюджет составлял 136 милл. руб., или 15%; в 1925/26 г., при общем размере местных бюджетов в 1209 милл. руб., волбюджеты составили 261 милл. руб., или 23%.

Из всех этих данных мы можем заключить, что советское финансовое хозяйство является могучим средством организованного, планомерного подъема пролетарским государством хозяйственного и культурного уровня нашей страны. Собирая в своем бюджете огромные денежные средства и затем направляя их уже крупными суммами на тот или другой хозяйственный участок, пролетарское государство осуществляет свое руководящее воздействие на ход накопления новых богатств, на распределение их между различными частями хозяйства, на всю борьбу различных экономических сил, которая развертывается в важнейших отраслях нашего хозяйства.

Наша кредитная политика.

Другим аппаратом, организующим накопление в нашем хозяйстве, является кредитная система. В отличие от бюджета, **банковский кредит** не ставит перед собой задачи содержать пролетарское государство или предоставлять в распоряжение казны часть народного дохода, хотя бы даже на цели хозяйственного строительства.

Основная задача банковского кредита состоит в том, чтобы собирать все неиспользуемые денежные средства и перераспределять их так, чтобы ни одна копейка какого-либо капитала не лежала зря, без движения в чьем-либо кармане или в какой-либо кассе. Составляя таким путем крупные капиталы, банки предоставляют их в виде ссуды на определенный срок тем производственным или торговым предприятиям, которые

[1] «От съезда к съезду», стр. 23.

нуждаются в дополнительных капиталах для успешного развития дела. Банковский кредит таким путем становится одним из самых главных, или, вернее, даже самым главным обладателем и распределителем капиталов. Понятно, что, перераспределяя капиталы, банки могут оказывать серьезнейшее влияние на все хозяйственное развитие. В их руках оказывается та «живительная влага», без которой в условиях товарного хозяйства не может расти ни одно предприятие, — денежные капиталы.

Банки в Советском Союзе сейчас все являются частями государственного хозяйства или кооперативной системы. Однако, работа по собиранию и распределению капиталов не ограничивается рамками государственного и кооперативного хозяйства. Наша кредитная система использует и обслуживает все накопление в стране, даже частнокапиталистическое. Поэтому кредитная система является в руках государства экономической «командной высотой», при помощи которой государству удается руководящим образом воздействовать на всю хозяйственную жизнь. Для этого нужно только умело определять, в какую часть хозяйства должны пойти капиталы, и приспосабливать условия кредита так, чтобы эти капиталы можно было использовать для определенных целей.

Поскольку система банковского кредита является составной частью государственного хозяйства, постольку она осуществляет под единым плановым руководством те же общие хозяйственные цели, что и бюджет. «Сумма капиталов, оборачивающихся через наш бюджет и через нашу кредитную систему, по существу является нашим единым финансовым ресурсом» (Брюханов. «Госбюджет на 1925/27 г.»).

Центром нашей кредитной системы является Государственный Банк, непосредственно руководимый Советским правительством. У Государственного Банка есть две основные задачи. С одной стороны, Госбанк должен предоставлять нашему поднимающемуся хозяйству новые денежные капиталы, без которых немыслимо ни увеличение производства материальных продуктов, ни расширение товарооборота. С другой стороны, Госбанк должен организовать наши денежные обращения, регулировать количество обращающихся денег и строго следить за устойчивостью червонной валюты. Конечно, обе эти задачи тесно связаны друг с другом, ибо эмиссия червонцев совершается по кредитным операциям и служит одним из основных источников средств, предоставляемых Госбанком хозяйству. Отсюда, в центр внимания Госбанка ставится задача чутко учитывать потребность товарооборота в деньгах и так ограничивать размеры кредитований народного хозяйства, чтобы не переборщить с выпуском червонцев и не подорвать их устойчивости. Если первая задача — снабжение хозяйства капиталами — стоит и перед другими банками (правда, в более узких рамках), то организация и регулирование денежного обращения — специальная задача Госбанка, ибо только ему предоставлено право выпуска банкнот-червонцев. Мы уже говорили об этой стороне работы Госбанка, когда описывали нашу денежную систему.

Следующей ступенью нашей кредитной системы являются акционерные банки, обслуживающие своим кредитом отдельные отрасли

народного хозяйства. Четырьмя крупнейшими из них являются: Торгово-промышленный банк (Промбанк), кредитующий, главным образом крупную промышленность, Банк для Внешней Торговли, Всесоюзный Кооперативный Банк и Московский Городской Банк, обслуживающий жилищное строительство, местную промышленность и торговлю. Особое значение имеет Сельхозбанк, возглавляющий целую систему учреждений сельскохозяйственного кредита (см. главу о сельском хозяйстве). В начале 1925 г. организован Центральный Банк Коммунального и Жилищного строительства, объединяющий работу отдельных местных коммунальных банков.

Этими центральными банками далеко не исчерпывается вся сеть кредитных учреждений СССР. Помимо их, имеется ряд банков, ограничивающих круг своей работы определенным экономическим районом (Юго-Восточный банк, Дальне-Восточный банк, Украинбанк и др.). В важнейших городах существуют городские банки типа Мосгорбанка. В состав систем сельхозкредита входят местные сельхозбанки и общества сельхозкредита.

Наконец, сами центральные банки развернули за последнее время большое число отделений, контор и агентств. Один Госбанк на 1 июля 1925 г. имел 438 филиалов. Акционерные и кооперативные банки на 1 сентября имели 210 филиалов и коммунальные — 122. Благодаря этому удалось несколько децентрализовать работу наших банков: хозяйственные предприятия, работающие на территории данного района, стали кредитоваться не в центральных правлениях, а прямо в местных филиалах банков.

Такая разветвленность нашей денежной системы еще вовсе не равносильна распыленности и раздробленности. Наоборот, вся эта кредитная сеть увязана очень немногими крупными банковскими организациями. Такая концентрированность хорошо видна из сравнения довоенной и современной структуры кредитной системы.

Сеть банковских учреждений (без обществ взаимного кредита и сельхозкредита).

Банки	На 1 января 1913 г.			На 1 июля 1925 г.		
	Число учреждений	Число филиалов	Всего	Число учреждений	Число филиалов	Всего
Госбанк	1	138	139	1	437	438
Центральные и прочие акционерные банки	49	743	792	12	283	295
Городские банки	293	—	293	27	44	71
Всего	343	881	1 224	40	764	894

На один банк до войны, в среднем, приходилось 2,5 филиала, в то время как сейчас приходится 19,1 филиалов.

Конечно, наша кредитная система отличается от довоенной не только своей концентрированностью. Все наши банки нашей кредитной системы имеют то коренное отличие от обычных банков буржуазного хозяйства, что их основной капитал почти целиком составлен путем взносов государственных или кооперативных организаций.

Наши банки (кроме Госбанка) построены на акционерных началах. Но их акции распределены не путем вольной продажи всем желающим, а принадлежат тем предприятиям государства и кооперации, которые заинтересованы в работе данного кредитного учреждения. Так, акции Промбанка на 80% принадлежат ВСНХ и его промышленным предприятиям. Остальные 20% падают на торговые и транспортные предприятия, на Госбанк и т. д. Акции Мосгорбанка принадлежат в большинстве Моссовету и торгово-промышленным предприятиям Москвы. Акции Всекобанка находятся в руках кооперативных организаций и т. д.[1]

Таким образом, вся концентрированная банковская система оказывается включенной в общую систему государственного хозяйства и тесно связанной с его общей производительной и торговой работой.

В этом отношении несколько особняком стоят только «общества взаимного кредита». Это — кооперативные кредитные товарищества, обслуживающие почти исключительно частную торговлю и промышленность. На 1 июля 1925 г. их всего насчитывалось 107. Но и эти кредитные учреждения тесно связаны с Госбанком или другими нашими кредитными учреждениями и в значительной мере находятся под их руководством.

В общем наша кредитная система уже в основных чертах сложилась. Все отрасли народного хозяйства имеют достаточно развитый и упроченный кредитный аппарат. Центр тяжести дальнейшей работы переносится с создания новых кредитных учреждений на более точное разграничение областей работы каждого банка и на устранение иногда встречавшегося параллелизма в их работе.

Деятельность нашей кредитной системы.

Остановимся теперь вкратце на основных моментах деятельности всей этой советской системы. Прежде всего посмотрим, каковы те средства, которыми располагает наша кредитная система. Основными источниками этих средств являются, во-первых, эмиссия червонцев, во-вторых — собственные капиталы, в-третьих — те суммы, которые банк собирает у народного хозяйства в виде текущих счетов и вкладов.

Первый источник — эмиссия — имеется только у Госбанка. Благодаря тому, что растущий товарооборот требовал для своего обслуживания все больше и больше денег, эмиссия давала Госбанку все время очень крупные средства. В будущем, до тех пор, пока размеры денежного обращения полностью не восстановятся, потребность в деньгах будет продолжать более или менее быстро расти, и для Госбанка останется возможность выпустить червонцы. Но по мере того, как мы

---

[1] Дезен. «Система банкового кредитования».

будем подходить к восстановлению нормального уровня денежной массы, быстрота ее прироста сильно замедлится, и поэтому эмиссионный источник будет давать все меньше и меньше средств. В некоторой мере это уже происходит: если на 1 октября 1924 г. доля эмиссии в сумме основных средств Госбанка выражалась в 52%, то к 1 апреля 1925 г. она снизилась до 44%, а к 1 октября 1925 г. до 39%. И в дальнейшем эта тенденция к снижению доли эмиссии в общем также продолжала иметь место.

Что касается второго источника — собственных капиталов, то они у наших банков вполне достаточны. Государственный банк по размерам своего капитала (135 милл. руб.) — один из самых крупных в Европе. Четыре важнейших акционерных банка: Промбанк, Внешторгбанк, Всекобанк, Могорбанк, увеличили свои капиталы за 1924/25 г. вдвое, с 72 до 152 милл. руб. Вся остальная кредитная сеть работала все эти годы с значительной прибылью, пользовалась вдобавок помощью из госбюджета и поэтому смогла увеличить свои капиталы. Еще быстрее растут чужие средства, находящиеся в распоряжении банков, — текущие счета и вклады. Их общая масса по Госбанку и четырем крупнейшим акционерным банкам выросла с 392 милл. руб. на 1/X 1924 г. до 1054 милл. руб. на 1/IV 1926 г., или почти в три раза. Этот приток свободных средств из народного хозяйства является главным достижением нашей кредитной системы. «Мы мобилизовали мертвые, неподвижные остатки, хранившиеся в кассах разных государственных и частных предприятий и даже (в малой степени) частных лиц, вовлекли их в значительной степени в орбиту банковского влияния... Оперируя и маневрируя этими суммами, скопившимися в наших кредитных учреждениях, мы выполняем задачи нашего финансового и хозяйственного строительства».[1]

Постепенно этот источник станет самой главной финансовой опорой наших банков: уже за последние годы его роль увеличилась. Так, по Госбанку доля текущих счетов и вкладов в сумме основных средств банка выросла за 1924/25 г. с 30% до 36%.

Важным подспорьем для нашей кредитной системы могут явиться сберегательные кассы. Непосредственно в банки притекают средства больше всего из государственных и кооперативных предприятий (в виде их кассовых остатков). Между тем миллионные массы мелких торговцев, рабочих, служащих и в особенности крестьян имеют свои небольшие сбережения, сумма которых будет увеличиваться вместе с подъемом нашего общего хозяйственного уровня. Если суметь собрать все эти мелкие, часто грошовые сбережения воедино, то в руках государства окажется чрезвычайно мощная масса денежного капитала. Эта важнейшая задача и выпадает на долю трудовых сберегательных касс. Какой крупный рычаг накопления мы тут имеем, видно из одного того, что до войны в наших сберегательных кассах было вложено $1^1/_2$ миллиарда руб. В наших условиях сберегательные кассы могут явиться нормальным способом использования мелкого частного накопления в социалистических целях. Нисколько не увели-

---

[1] Брюханов. «Госбюджет на 1925/26 г.», стр. 50.

чивая налогового нажима на крестьянство, пролетарское государство путем сберегательных касс может сосредоточить в своих руках значительную массу его ресурсов и затрачивать их по определенному плану на развитие промышленности, на электрификацию, на кредитование кооперации и т. д.

Пока что этот рычаг у нас еще налажен очень слабо. Несмотря на непрерывный рост вкладов, общая сумма их к 1/IV 1926 г. составляла всего 56 милл. руб.

Если попытаться подвести итоги всем тем суммам, которые наши банки сумели собрать из всех разнообразных источников и направить в народное хозяйство, то окажется, что мы в этой области достигли все же очень крупных результатов. Важнейшими банками на 1/X 1926 г. было выдано ссуд на 2575 милл. руб. против 859 милл. руб. на 1/X 1924 г. Почти все эти кредиты падают на долю государственных и кооперативных организаций. Государственная промышленность получила из них 1399 милл. руб., или 55%, кооперация — 411 милл., торговля — 242 милл., транспорт — 187 милл., банки — 154 милл., частные лица — 29 милл.

Распределение ресурсов кредитной системы не может быть предоставлено воле отдельных банков. Работа кредитной системы, как части государственного хозяйства, должна быть увязана с плановым развитием всех частей производства и торговли. Иначе получится, что все хозяйственные планы и программы повиснут в воздухе, не имея необходимой финансовой базы. С другой стороны, поскольку и акции банков сосредоточены в руках госпредприятий, и все банковское кредитование главным образом падает на государственные и кооперативные предприятия, было бы очень странно, если бы государство не стремилось регулировать работу банков согласно своим общим целям и планам. Отсюда и возникает необходимость кредитных планов, которые намечали бы размеры кредитования для каждой отрасли хозяйства. Конечно, эти планы должны носить примерный, ориентировочный характер, так как нельзя вперед учесть всех колебаний хозяйственной обстановки, размеров прилива вкладов, возможности эмиссии и т. д. Однако от этого кредитные планы не теряют своего значения. Оставляя банкам достаточную свободу маневрирования, кредитные планы служат для банков основными директивами в их работе. Вместе с этим они увязывают кредитную работу с общим хозяйственным руководством и окончательно закрепляют за кредитной системой роль одной из самых главных опор планового хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА.

I. У Ленина нет работ, целиком посвященных финансовым вопросам. Отдельные принципиально важные замечания можно найти в следующих статьях и речах: 1) «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (т. XIV, ч. I, в особенности стр. 182—187). 2) «О национализации банков», т. XV, стр. 48—50. 3) Из доклада на III Съезде Советов, т. XV, стр. 83—84. 4) Из доклада на IV конгрессе Коминтерна, т. XVIII, ч. II, стр. 91—92.

II. Ход создания советской денежно-финансовой системы и, в частности, денежную реформу 1924 г. можно проработать по следующей литературе: 1) Сте-

нографический отчет XI съезда РКП(б), доклад Сокольникова, прения и резолюция по нему. Этот материал имеет большое значение, так как именно на XI съезде были намечены принципиальные основы нашей финполитики. 2) Сокольников. «Финансовая политика революции», тт. I и II (сборник статей, опубликованных за 1918—1922 гг. и за 1922—1923 гг.). 3) «Народный Комиссариат Финансов за 1917—1922 гг.». Сборник. 4) Юровский. «На путях к денежной реформе». Очень толково и систематично подобранный фактический материал по вопросу об эволюции наших финансов и денежного обращения, включая реформу 1924 г. Желательно 2-е издание. 5) Сокольников. «Денежная реформа», 2-е издание. Эта книга, частично устарелая, может все же служить пособием для проработки как истории, так и основных черт организации нашей денежной системы. 6) Киселев. «Денежное обращение и товарный рынок СССР».

III. По вопросам бюджета и налоговой политики можно рекомендовать следующую литературу: 1) Боголепов. «Краткий курс финансовой науки». Харьков, изд. «Пролетарий» 1925 г. В этом учебнике, сейчас немного, правда, устаревшем, есть хорошо изложенный материал по советским финансам. 2) Брюханов, «Государственный бюджет СССР на 1925/26 г.». 3) Его же. «О бюджетной политике СССР» (к проекту госбюджета на 1926/27 г.)». 4) Его же. «Новый закон о сельхозналоге», изд. 2-е. 5) Гензель. «Налоги СССР». М. Финиздат, 1926 г.

По местному и волостному бюджету см.: 1) Твердохлебов. «Местные финансы», изд. 2-е, или 2) Сиринов. «Местные финансы». Гиз. 1926 г., гл. IV и IX. 3) Полюдов. «Волостной бюджет и советское строительство в деревне». М. Финиздат, 1925 г.

IV. По государственному и банковскому кредиту СССР можно использовать: 1) Вульф. «Государственный кредит СССР». М. Финиздат, 1925 г. 2) Туманов «Валютная и кредитная политика Госбанка». 3) Дезен. «Система банковского кредитования СССР». 4) Лившиц. «Банки СССР».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

СОВЕТСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НА ПУТЯХ К СОЦИАЛИЗМУ.

§ 20. ОБ ОБЩЕМ УРОВНЕ НАШИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ.

После разбора отдельных частей нашего хозяйства и основных вопросов нашей экономической политики необходимо подвести некоторый общий итог всему предыдущему изложению, рассмотрев советское хозяйство в целом.

Показатели нашего положения в мировом хозяйстве.

Прежде всего сравним общий уровень развития наших производительных сил с соответствующим уровнем мирового хозяйства. Конечно, мы при этом получим подтверждение и обобщение той отсталости и недостаточности, которую мы видели на примерах промышленности и сельского хозяйства.

Нижеследующая табличка может, несмотря на большую приблизительность почти всех показателей, дать некоторое представление о положении советского хозяйства, как сектора мирового производственного организма (см. табл. на стр. 255).

Эти данные (несмотря на всю свою приблизительность) говорят сами за себя: во всех основных экономических областях, за исключением сельского хозяйства, наша доля не соответствует нашей территории и населению. Особенно непропорционально мала наша доля в механических двигателях: в 7 — 8 раз меньше, чем наша территориальная доля и в 3 раза меньше доли населения; примерно, так же плохо обстоит дело с каменноугольным и чугунным производством; немного лучше — с железнодорожной сетью и с хлопчатобумажной промышленностью: в $2^1/_2$ и $3^1/_2$ раза меньше территориальной доли и на 14 и 34% меньше доли населения. Доля участия (довоенная) во внешторговом обороте почти в $4^1/_2$ раза меньше территориальной доли и в 2 раза меньше доли населения. Современная наша доля во внешнеторговом обороте еще гораздо меньше, ибо он у нас отстает от восстановления других частей народного хозяйства.

Из-за неразвитости и слабости всех этих экономических областей страдало наше сельское хозяйство: при колоссальных размерах оно по технике отставало от среднего мирового уровня. Это видно из того,

что доля в сборе хлебов гораздо меньше, чем доля в посевных площадях (подробнее мы об этом говорили в главе о сельском хозяйстве, § 10). Все же данные о посевных площадях и о сборе хлебов резко выделяются из общего ряда недостаточных долей.

Некоторые важнейшие показатели места СССР в мировом хозяйстве, в %% к соответственному общемировому итогу.[1]

(В числителе довоенные, в знаменателе современные данные.)

Территория СССР в %% к территории земного шара	Население СССР в %% к населению земного шара	Посевн. пл. четырех важн. хлебов в %% к мировой. Для довоенной России и для СССР в 25 г.	Сбор тех же хлебов в %% к мировому	Выпл. чугуна в %% к миров. Для терр. СССР до войны. Для СССР в 1 полугодии 26 г.	Доб. угля в %% к миров. Для терр. СССР в 1913 г. Для СССР в 1 полугодии 26 г.	Числ. верет. в х/б пром. в %% к миров. Для Росс. в 13 г. Для СССР в 25 г.	Сила устан. мех. двиг. в %% к мировой [2]	Протяжен. ж. д. СССР (22 г.) в %% к прот. мировой ж. д. сети	Внешняя торг. России (12 г.) в %% к миров. внешне-торг. обороту	«Национ. бог.» СССР в %% к мир. богат. [3] а. С учетом ценности земли	б. Без учета ценности земли
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
16	7,5	$\frac{32,6}{26,5}$	$\frac{23,7}{19,9}$	$\frac{5,3}{2,9}$	$\frac{2,4}{2,2}$	$\frac{5,3}{4,5}$	2,2	6	3,4	6,7	2,6

В виде итога можно рассматривать графу 11, из которой видна общая бедность нашей страны: ее «национальное богатство», даже со включением ценности земли, составляет 6,7% мирового богатства. Другими словами, наша доля в мировом богатстве в $2^1/_3$ раза меньше нашей доли в мировой территории и несколько меньше нашей доли в мировом населении. Но даже такое, совсем не блестящее соотношение основывается исключительно на огромной земельной площади Советского Союза. Это видно из того, что в нашем «национальном богатстве» ценность земли составляет почти $^2/_3$ (63%); только немного больше трети (37%) является чистым накопленным трудом и не относится к «дарам природы». Без земли наше национальное богатство

---

[1] Источники: 1) Для графы 1 — 2 данные взяты из сб. «Народное хозяйство СССР в цифрах». ЦСУ. 1925 г.; 2) для графы 3 и 4 — «Контрольные цифры Госплана на 1926/27 г.», стр. 149; четыре вида хлебов: пшеница, рожь, овес, ячмень; 3) для графы 5 и 6 — высчитано по данным «Контрольных цифр», стр. 150 — 151; 4) для графы 7 и 9 «Мировое хозяйство в 1913—1925 гг.» Статистический сборник. Москва, 1926 г. Финиздат.; 5) для графы 10 — данные из той же книги Дена; 6) для графы 11 — Вольф и Мебус. «Статистический справочник по экономической географии СССР и других государств», 1926 г. (для подграфы «а» — баланс народного хозяйства СССР. ЦСУ за 1923/24 г.; 7) для графы 8 — см. примечание 2.

[2] Вычислено путем сопоставления данных Степанова о механических двигателях России («Электрификация РСФСР», Госиздат, 1923 г., стр. 174) и Горева и Горевой о мировых двигателях («Хозяйственное и политическое значение электрификации в СССР», вып. 1, стр. 5). В виду того, что у Степанова данные довоенные, а у Горева, повидимому, современные, цифры очень приблизительные.

[3] Данные о «национальном богатстве» (т.-е. о ценности всего имущества страны) очень не точны, в виду различий в методах подсчетов и т. д.

составит едва 2—3% от мирового. В этой малоутешительной цифре выражается тот факт, что «накопление чистого, окристаллизованного труда у нас не велико»,[1] что больше всего в нашей стране недостает современных производительных сил.

Производительность труда и уровень доходности в СССР. Следствием этого обстоятельства является низкая производительность труда и ее прямое выражение — низкий уровень годового дохода на душу. В этом отношении мы имеем такую картину:

На душу населения в год приходилось дохода (в довоенных рублях).

(В виду различия источников и способов вычисления довоенные и современные данные не вполне сравнимы.)

Страны	До войны	В 1925 г.
Россия	101	—
СССР[2]	—	101
С.-А. С. Ш.	—	626
Великобритания	463	414
Германия	292	223,5
Италия	230	165,2

Главной причиной такого нищенского уровня доходности и вместе с тем главной конкретной чертой отсталости наших производительных сил является однобоко-аграрный тип нашего хозяйства.

Все страны мира с производственной точки зрения можно разделить на три главные группы: к первой группе относятся страны, в которых преобладающей отраслью народного хозяйства является промышленность; ко второй — страны, в хозяйстве которых рядом с развитой современной индустрией значительную роль играет сельское хозяйство, благодаря индустриальному соседству поставленное на рациональных началах. Экономические развитие этой группы стран двустороннее, при чем первое место остается все же за промышленностью. Наконец, для третьей группы сельскохозяйственных (аграрных) стран характерно более или менее резко выраженное преобладание сельского хозяйства при сравнительно слабой промышленности.

Промышленные и промышленно-аграрные страны, имея небольшую долю мировой территории и населения, сосредоточили у себя главную массу мирового богатства. Так, Англия (без колоний) имеет 2,4% мировой территории, 2,6% населения и 11,5% мирового богатства; индустриально-аграрные Соединенные Штаты имеют 6% территории,

---

[1] Слова тов. Кржижановского.

[2] См. Вольф и Мебус, указанный сборник, стр. 350. «Вычислено путем деления продукции сельского хозяйства и промышленности на общую численность населения».

6% населения и треть мирового богатства.[1] Наоборот, колоссальные по территории и населению аграрные страны имеют сравнительно небольшую долю мирового богатства; в этом случае примером может служить наш Союз, в общем и целом относящийся к группе аграрных стран.

Распределение наших производительных сил между отраслями народного хозяйства.

Если от сравнения наших производительных сил с мировыми перейти к их внутреннему распределению между промышленностью и сельским хозяйством, то тут особенно ярко будут видны причины перевеса отсталого земледелия над несравненно более передовой индустрией. Прежде всего, мы уже установили, что главной частью нашего богатства, а вместе с тем и главной частью наших производительных сил является земля. Конечно, она по преимуществу используется для сельского хозяйства. Так же обстоит дело с живой людской рабочей силой. В отличие от Соединенных Штатов и Англии у нас большинство трудоспособного населения затрачивает свою энергию на производство сельскохозяйственных продуктов. Распределение рабочей силы по отраслям хозяйства видно из следующей таблички:

Распределение самодеятельного населения по занятиям (в %%).[2]

Советский Союз (1925/26 г.)			Соединенные Штаты (1920 г.)		Англия (1921 г.)
1) Сельское хозяйство .	83,0		1) Сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство	26,3	7,8
2) Промышленность . . .	6,8	7,6	2) Промышленность и горное дело	34,4	51,5
3) Строительство	0,8		3) Торговля и транспорт	26,6	22,2
4) Торговля	1,3	3,2	4) Государственные служащие и свободные профессии	6,5	5,9
5) Транспорт и народная связь	1,9		5) Домашнее услужение	3,0	7,5
6) Просвещение, здравоохранение и другие госорганы	2,5		6) Прочие (включая армию и флот) . .	3,2	5,1
7) Прочие (безработные, рантьеры и др.) . . .	3,7				
Итого	100,0		—	100,0	100,0

[1] См. Вольф и Мебус, тот же сборник, стр. 350; Троцкий. «К капитализму или социализму?», стр. 27.

[2] Данные для СССР — по «Контрольным цифрам на 1926/27 г.», стр. 284; для С.-А. С. Ш. и Англии — Вольф и Мебус, тот же сборник, стр. 40. В виду того, что категории лиц, входящих в отдельные группы по СССР и по Англии и Америке, совпадают только приблизительно, мы дважды повторяем название каждой группы.

Как видно, в нашем сельском хозяйстве занята львиная доля трудоспособного населения. Доля промышленности в 12 раз меньше доли сельского хозяйства. Наоборот, в индустриально-аграрной Америке и в индустриальной Англии рабочая сила распределена между отраслями народного хозяйства в совершенно других пропорциях. В Америке немногим больше четверти населения занято в сельском хозяйстве и больше трети в промышленности; в Англии сельское хозяйство имеет совсем небольшую долю населения, а промышленность занимает свыше половины трудящихся.

Если преобладающая часть земли и рабочей силы является у нас производительными силами сельского хозяйства, то совершенно по-другому обстоит дело с третьим важнейшим видом производительных сил — с накопленным человеческим трудом, материализованным в разнообразных орудиях труда — в машинах, сооружениях, транспортных средствах, зданиях и т. д. Все эти средства производства составляют «основной капитал» отдельных хозяйственных отраслей. Об их распределении можно судить по данным о так называемых «основных фондах».

Распределение основных фондов СССР к концу 1925/26 г. (без жилищного фонда). [1]

Хозяйственные отрасли	В милл. черв. руб.	В %% к итогу
1) Сельское хозяйство (рабочий скот, инвентарь, хозяйственные строения и т. д.)	14 031,0	40,9
2) Промышленность (включая электростроительство)	6 412,0	18,7
3) Транспорт и связь	10 609,4	30,9
4) Прочее (сооружения по благоустройству, здравоохранению и просвещению, элеваторы и т. д.)	3 266,1	9,5
Итого	34 318,5	100,0
Жилищный фонд (городской и деревенский)	18 114,9	—
Всего	52 433,4	—

И здесь сельское хозяйство стоит на первом месте; однако вместо $^4/_5$ у него всего только $^4/_{10}$. Доля транспорта и доля промышленности сравнительно немного меньше доли сельского хозяйства, однако вместе взятые крупная промышленность и транспорт имеют почти половину (49,6%) всех основных капитальных фондов.

[1] «Контрольные цифры Госплана на 1926/27 г.», стр. 313.

Попробуем сопоставить распределение рабочей силы и распределение капитальных фондов [1].

Отрасли хозяйства	Самодеятельн. населения (в 1925/26 г.)		Капитальн. фонды (к концу 1925/26 г.)		На 1 самодеят. работника приходится основных капит. фондов (без жилищ.) в руб.
	В тыс.	В %% к итогу	В милл. руб.	В %% к итогу	
Сельское хозяйство . . .	59 846	83,0	14 031,0	40,9	234
Промышленность (без строительства)	4 950	6,8	6 136,8	17,9	1 239
Транспорт и связь . . .	1 355	1,9	10 424,9	30,9	7 693
Прочие	—	8,3	—	10,3	—
Всего	—	100,0	—	100,0	—

При этом оговариваемся, что данные в последней графе приблизительны, так как распределение различных частей хозяйства по рубрикам может не вполне совпадать. Однако, таблица все же пригодна в качестве иллюстрации того положения, что наше сельское хозяйство является чрезвычайно малообеспеченным накопленным трудом, в виде капитальных фондов. В этом отношении промышленность и транспорт оказываются несравненно богаче его.

Эта разница в соотношении между живым трудом, рабочей силой и накопленным трудом, в виде средств производства, показывает глубокое различие в самом производственном укладе промышленности и транспорта, с одной стороны, и сельского хозяйства — с другой.

Если наше сельскохозяйственное производство сводится к тому, что человек при помощи своей мускульной энергии, опираясь на простейшие и дешевые орудия труда, использует естественное плодородие почвы, то в промышленном производстве человек приводит в движение целую массу механических помощников и сложных орудий труда, связанных с грандиозными зданиями и сооружениями. При помощи накопленного прошлого труда, превращенного во все эти современные средства производства, работники крупной промышленности развивают несравненно большую производительность труда, чем работники сельского хозяйства. Именно поэтому оказывается, что в 1925/26 г. около 6,8% самодеятельного населения, занятого в промышленности, произвели продуктов на 6 923 милл. руб. по довоенным ценам, или 38% всей продукции народного хозяйства, составлявшей в этом году 18 229 милл. руб.

А 83% сельскохозяйственного самодеятельного населения дали продукции на 11 306 милл. руб., или 62%.

[1] Таблица составлена по «Контрольным цифрам на 1926/27 г.», путем сопоставления таблиц «Численность и занятия населения», стр. 284 — 286, и «Основные фонды народного хозяйства СССР», стр. 311 — 313.

Эти цифры все же с полной ясностью подтверждают аграрный характер нашей страны: значительное большинство — почти $^2/_3$ — всех продуктов нашего народного хозяйства производит мелкокрестьянское сельское хозяйство. Преобладание в наших производительных силах земли и живой рабочей силы, преимущественно сосредоточенных в сельском хозяйстве, и недостаточность накопленного труда в виде средств производства промышленности и транспорта, находит свое выражение в перевесе сельскохозяйственной продукции над продукцией промышленной.

Таким образом, основным, **преобладающим фоном** у нас оказывается сельское хозяйство с его примитивной техникой, распыленностью и размельченностью предприятий. На этом сельскохозяйственном фоне резко выделяются крупная промышленность и транспорт, уступающие сельскому хозяйству по числу работников и по размерам продукции, но все же представляющие собою очень значительную часть народного хозяйства. В них господствует совершенно другой тип производительных сил, в общем современный, хотя по сравнению с Западом и не передовой. И если главная часть простейших производительных сил — земли и рабочей силы — распылены в десятках миллионов карликовых сельскохозяйственных предприятий, то, наоборот, современные сложные производительные силы, сосредоточенные главным образом в промышленности и транспорте, сконцентрированы в сравнительно небольшом числе крупнейших предприятий. Рядом с чрезвычайно распыленным сельским хозяйством стоит промышленность, являющаяся одной из самых концентрированных в мире. Для нашего хозяйства как раз и характерно такое сочетание этих двух противоположных производственных типов, при общем преобладании отсталого сельского хозяйства.

§ 21. СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ.

Каждый экономический строй возникает на основе определенной ступени развития производительных сил. «Ни одна общественная формация, — писал Маркс в знаменитом предисловии «К критике политической экономии», — не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения не появляются на свет раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне старого общества». Социалистический строй возможен только на основе высших достижений индустриальной техники — на основе крупного машинного производства. В нашей аграрной стране производительные силы еще не достигли этого уровня; у нас преобладающую роль играет не крупно-промышленная, а очень примитивноя сельскохозяйственная техника.

Наша техническая отсталость и строительство социализма.

Какие выводы следуют из этих правильных положений? Все меньшевистские и полуменьшевистские теоретики с ученым и «марксистским» видом заявляют, что все это будто бы доказывает невозможность успешной социалистической революции, а тем более успешного строительства социализма в нашей стране. Нам нужно было дожидаться, пока капиталистическое развитие не переведет наше

хозяйство на новую техническую базу, создаст мощную индустрию, высокий уровень благосостояния, культуры и цивилизованности и т. д. Только после этого российский пролетариат мог бы выступить с попыткой строительства социализма. До тех пор он должен был терпеть и ждать, отнюдь не претендуя опередить по линии социалистического строительства передовые индустриальные страны, в которых уже сейчас налицо имеются объективные производственные предпосылки социализма.

Эти лже-марксистские рассуждения высказывались или совершенно ясно и недвусмысленно, или в завуалированном виде. Пожалуй, не было ни одной соглашательской теории, ни одного уклона от марксизма и ленинизма, который бы не имел в качестве своего корня неверие в возможность строительства социализма в условиях нашей мелкокрестьянской экономики, который бы не прятался перед трудностями пролетарской революции или социалистического строительства за фразой о том, что в нашей стране нет объективных экономических предпосылок социализма.

В статье «По поводу записок Н. Суханова»[1] Ленин дает поразительный по глубине и широте мысли ответ на это теоретическое обоснование российского меньшевизма. Ленин пишет следующее: «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II Интернационала... носятся, поистине, как с писанной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, а мне кажется, что оно не является решающим для оценки нашей революции».

«...При общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, наоборот, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития... Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских... Россия могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западно-европейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным».

В чем же состоит это «некоторое своеобразие» «формы» или «порядка» развития нашей страны? В том, что особенности «исторической обстановки» открыли нам «возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах». Если там «экономические предпосылки», материальная база социализма, в основном сложились в условиях капиталистического строя, и поэтому социалистическая власть получит эти объективные предпосылки в наследство от капитализма, то в нашей стране самой пролетарской власти придется повышать производительные силы, культуру, цивилизацию до такого уровня, при котором только

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 117—120. Дальнейшие неоговоренные цитаты оттуда же. (Подчеркнуто везде нами.)

и может существовать социалистический строй. «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто и не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы». «Почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического периода недопустимы или невозможны?» «Мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов)... у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим».[1] Таким образом, неподготовленность производительных сил для общего «введения» социализма отнюдь не всегда является непреодолимым препятствием для пролетарской революции и строительства социализма. Она лишь повелительно ставит перед пролетариатом дополнительную трудную задачу: после проведения социально-политической революции построить «фундамент социалистической экономики», добиться того, «чтобы хозяйственная база из мелкокрестьянской перешла в крупнопромышленную» (Ленин).

Другими словами, те ступени развития производительных сил, которые в передовых странах пройдены в рамках капитализма, нам придется преодолевать при помощи социалистических методов, в рамках периода, переходного к социализму. Работу по созданию новой, высшей (по сравнению с капиталистической) ступени развития производительных сил пролетариат Советского Союза должен начать с того, чтобы ликвидировать нищету, некультурность, полудикость, «достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы».[2] «Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно иметь известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)».[3]

Эпоха создания материальных предпосылок для полного социалистического общества.

В другом месте той же статьи «О кооперации» Ленин говорит, что для поголовного вовлечения всего населения в кооперацию «требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти, на хороший конец, эту эпоху в одно-два десятилетия. Но все-таки это будет особая историческая эпоха, и без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения

[1] Последняя фраза из статьи Ленина «О кооперации».
[2] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 87.
[3] Там же, стр. 145. (Подчеркнуто нами.)

населения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т. д., — без этого нам своей цели не достигнуть».[1]

Главное экономическое содержание этой обязательно необходимой, «особой исторической эпохи» как раз и будет состоять в постепенном переходе всего хозяйства на фундамент новой индустриальной техники. И до тех пор, пока этот переход в основном не закончится — до тех пор социалистические отношения не смогут распространиться на хозяйство всей нашей страны в целом. До этих пор в Советском Союзе не будет ни цельного капитализма, ни цельного социализма, а будет особый экономический строй переходного типа, соответствующий той «особой исторической эпохе», о которой говорит Ленин.

Переходный экономический строй.

С одной стороны, до тех пор, пока преобладание в области производительных сил будет оставаться у примитивного сельского хозяйства, до этих пор в сфере общественно-экономических отношений преобладающим укладом будет не социализм, а более низкие общественные формы. С другой стороны, поскольку развитие производительных сил будет действительно создавать материальную базу социализма (а ведь в этом вся суть переходного периода и переходного строя, без которой они перестают быть самими собой), постольку все экономическое развитие этой преобладающей массы несоциалистических хозяйственных клеточек должно будет являться врастанием в социализм. Эта тенденция к социализму должна быть обеспечена соответственной структурой переходного хозяйства, ее необходимость должна быть заложена в самом советском экономическом строе.

Такое соединение количественного преобладания несоциалистических элементов и наличия какой-то системы связей и отношений, двигающей все хозяйство к социализму, составляет на настоящем этапе развития основную особенность советского экономического строя. Конечно, эта особенность целиком вытекает из того своеобразного положения, что пролетариат смог сначала разрушить капиталистический строй и завоевать политическую власть и только после этого приступил к созданию материальных предпосылок социализма. Благодаря этому центральной задачей пролетариата являлось создание такого экономического строя, при котором, несмотря на неизбежное пока что преобладание несоциалистических клеточек, техническое и хозяйственное развитие шло бы в основном по направлению к социализму. Мы сейчас увидим, что пролетариату действительно удалось организовать советское хозяйство на таких переходных началах.

Прежде всего нужно выяснить, что именно представляет собою та несоциалистическая экономическая материя, из которой сотканы количественно наибольшие части основного массива советского хозяйства. Для этого нам придется рассмотреть все «элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России»...[2]

[1] Там же, стр. 141 — 142.
[2] Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 264.

Ленин дал следующее перечисление этих элементов:[1]

«1) Патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;

2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);

3) частнохозяйственный капитализм;

4) государственный капитализм;

5) социализм.

Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом.

Спрашивается, какие же элементы преобладают? Ясное дело, что в мелкокрестьянской стране преобладает и не может не преобладать мелкобуржуазная стихия; большинство и громадное большинство земледельцев — мелкие товарные производители».

Перед тем как обратиться к этому преобладающему мелкотоварному укладу, скажем несколько слов о менее важной, но все же значительной первой ступени нашей пятичленной пирамиды — о полудиком патриархально-натуральном хозяйстве.

В Советском Союзе есть еще такие уголки («уголки», обнимающие миллионы квадратных километров), в которых крестьянское хозяйство живет на началах самообслуживания, само потребляет почти весь свой продукт, в ничтожных размерах участвуя в торговле, в обмене с другими хозяйствами. Да и во всех остальных частях Союза деревня вовсе не вполне еще изжила элементы натурализма, вовсе не целиком еще перешла на рельсы рыночного хозяйства. «Посмотрите на карту РСФСР, — писал Ленин в «Продналоге», — к северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова на Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка, — вернее, десятки верст бездорожья, — отделяют деревню от железных дорог, т.-е. от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом? Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?»

Конечно, едва ли у нас можно найти законченные вполне натуральные хозяйства. Но хозяйства (скотоводческого и земледельческого типа), в которых *преобладают* элементы натурального строя, не представляют никакой редкости. Однако, торговая щель, имеющаяся в каждом таком натуральном хозяйстве Советского Союза, сыграет роковую, революционизирующую роль: через нее обмен все с большей и большей силой будет врываться в эти обособленные замкнутые ячейки, разрушая их вековые обычаи, втягивая их продукцию в рыночный оборот и на новый лад перестраивая весь их экономический уклад. Обмен будет превращать их в мелких товаропроизводителей, и этим самым пере-

[1] Там же.

водить на вторую ступеньку нашей пирамиды. Может быть, в виде исключения, некоторые патриархальные и натуральные хозяйства смогут непосредственно переобразоваться по образу и подобию высших экономических ступеней. Но несомненно, что основной путь развития натуральных элементов нашего хозяйства лежит через перестройку по мелкотоварному типу. Поэтому мелкотоварный уклад имеет в натуральном хозяйстве как бы резерв, из которого он черпает все новые и новые силы для увеличения своего и без того преобладающего значения.

Преобладающий мелкотоварный уклад нашего хозяйства.

Двумя основными областями господства второго — мелкотоварного — уклада являются: 1) сельское хозяйство и 2) кустарно-ремесленная промышленность. При этом мелкотоварный уклад особенно широко распространен и прочно закреплен именно в сельском хозяйстве. Примитивный уровень производительных сил не дает возможности перейти к массовому крупному производству сельскохозяйственных продуктов и служит основой существования миллионов раздробленных карликовых частных предприятий. Вместе с тем, большинство крестьянских хозяйств имеют тесную связь с рынком и их основная «установка» уже в общем и целом является установкой на товарное производство. Правда, продукция бедняцкой части крестьянских хозяйств слишком не велика для того, чтобы ее сбыт мог стать основой их существования. Но это отнюдь не толкает их владельцев к натурализму. Наоборот, они оказываются вынужденными изыскивать новые источники рыночных доходов — частично продавать свою рабочую силу, прибегать к кустарному производству различных изделий, заниматься (при наличии лошади) извозом и т. д.

Наиболее распространенным видом мелкотоварного уклада является некапиталистическое хозяйство крестьянина-середняка, которого Ленин называл «центральной фигурой нашего земледелия». Именно такие середняцкие хозяйства составляют основной массив нашей несоциалистической ткани.

Было бы грубейшей ошибкой смешивать мелкотоварный тип хозяйства с товарно-капиталистическим типом. В первом случае сам производитель является собственником средств производства, маленьким самостоятельным хозяином, неэксплуатирующим чужой труд; во втором случае рабочая сила отделена от средств производства, рабочий противопоставлен капиталисту, основной доход которого является результатом эксплуатации.

Выделение капитализма из мелкотоварного уклада.

Но это различие нисколько не противоречит тому обстоятельству, что в условиях свободной торговли мелкотоварный массив беспрерывно выделяет из своей среды капиталистов и капиталистиков, т.-е. по частям перерастает в третий, частнокапиталистический, уклад. «Свобода оборота и свобода торговли, это значит — товарный обмен между отдельными мелкими хозяевами. Мы все, кто учился хотя бы азбуке марксизма, знаем, что из этого оборота и свободы торговли неизбежно вытекает деление товаропроизводителей на владельца капитала и на владельца рук (рабочей силы. *А. А.*), разделение на капиталиста и наемного рабочего, т.-е. воссоздание снова капитали-

стического наемного рабства, которое не с неба сваливается, а вырастает во всем мире именно из товарного земледелия. Это мы прекрасно знаем теоретически, и в России всякий, кто присматривался к жизни и к условиям хозяйства мелкого земледельца, не может не наблюдать этого».[1]

Таким образом, наш современный «русский капитализм» — в огромном большинстве случаев мелкий или средний капитализм кулаков, частных торговцев, собственников мелких промышленных предприятий и т. д. — уходит своими корнями в мелкотоварный уклад, «растет из мелкого крестьянского хозяйства и им поддерживается» (Ленин).

В этой стихийной тенденции мелкотоварного уклада выделять из себя капитализм, перестраиваться по-капиталистически, — в этом состоит главная внутренняя трудность для дела социалистического строительства в нашей стране. Работа по социалистической переделке всех хозяйственных элементов, всех укладов может натолкнуться на капиталистическую тенденцию «мелкобуржуазной стихии» — тенденцию, в известной степени сохраняющуюся даже в советских условиях. При этом это не будет капитализм, создающий крупные культурные предприятия; в основной массе это будет хищнический, анархический, рваческий, азиатский капитализм, руководствующийся одним только «мелкособственническим взглядом»: «мне бы урвать побольше, а там хоть трава не расти» (Ленин). Поэтому-то Ленин и называл «мелкобуржуазную стихию» — «главным врагом социализма у нас». Тем не менее, полностью уничтожить капиталистические элементы нашего хозяйства, полностью предупредить их выделение из мелкотоварного уклада — дело совершенно невозможное, во всяком случае до тех пор, пока необычайно широкий мелкотоварный слой будет являться преобладающей частью нашего хозяйства.

Так обстоит дело с тремя первыми «ступеньками» нашей пирамиды. Взятые вместе они охватывают почти все сельское хозяйство, львиную долю кустарно-ремесленной промышленности и мелкой торговли, известную часть средней промышленности и крупной торговли и т. д. При этом необходимо отметить, что первый и третий уклады оказываются как бы притиснутыми к фактически преобладающему мелкотоварному слою: натуральное хозяйство служит для него резервом, вливается в него в процессе своего роста; частнохозяйственный капитализм является как бы надстройкой над ним, уходит в него своими корнями. Благодаря этому мелкотоварные хозяйственные элементы как раз и составляют основную часть той несоциалистической ткани, развитие которой должно являться «врастанием в социализм».

Для того, чтобы понять, каким образом советский экономический строй обеспечивает это врастание, нам необходимо прямо обратиться к разбору той роли, которую играет в нашем хозяйстве пятая, высшая, социалистическая ступенька. Госкапитализм — четвертый уклад — мы пока оставим в стороне, так как его значение можно правильно понять только после уяснения роли социалистического уклада.

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 140.

Социалистический сектор нашего хозяйства. Социализм немыслим без определенного уровня развития производительных сил, без крупнопромышленной техники, без концентрации средств производства и рабочей силы в больших предприятиях и т. д. Однако, мы знаем, что ряд хозяйственных отраслей, — прежде всего крупная промышленность и транспорт, — благодаря предшествующему капиталистическому развитию уже к моменту Октябрьской революции состояли из таких крупных и крупнейших предприятий, в общем по типу своих производительных сил и экономической организации подготовленных к переходу в руки пролетарского государства. Именно в применении к этой части хозяйства Ленин писал в «Продналоге», что «мы авангард, передовой отряд пролетариата (очевидно, пролетарская крупная индустрия. *А. А.*) переходим непосредственно к социализму» в то время, как «для перехода докапиталистических отношений к социализму» нужны еще «посредствующие пути, приемы, средства, пособия».

В каких же именно экономических областях удалось провести непосредственный переход к социализму, создав этим самым социалистический сектор советского хозяйства?

Можно наметить три основных группы социалистических предприятий.

Во-первых, доставшиеся нам в наследство от капитализма или заново созданные самим пролетариатом крупные производственные предприятия: сюда относятся фабрики и заводы, железнодорожный и водный транспорт, культурные земледельческие и скотоводческие хозяйства и т. д. Здесь производственная база социализма была налицо, и пролетариату оставалось только поставить на место капиталистических отношений отношения социалистические.

Во-вторых, в развитом товарном хозяйстве каждой страны всегда существует известный ряд крупных предприятий, исполняющих роль центров торгового оборота, кредита, денежного обращения и т. д. Современный капитализм выработал очень сложную и разветвленную систему таких хозяйственных центров сферы обращения — крупных оптовых фирм по внешней и внутренней торговле, банков, государственных финансовых учреждений и др. Все они построены наподобие капиталистических фабрик и заводов. Через эту систему хозяйственных центров крупный капитализм командовал даже такими отраслями хозяйства, в которых большинство продукции давали мелкие крестьяне или ремесленники. Ошибочно было бы думать, что все эти предприятия можно было просто взять и, переменив «головку», превратить в центры социалистического хозяйства. Революция в корне разрушает и разбивает всю эту систему, неразрывно сросшуюся с капиталистической промышленностью и приспособившуюся к обслуживанию нужд капиталистического хозяйства. Что осталось от старых русских торговых фирм или старой банковской системы? Только разрозненные людские кадры и кое-какие материальные предметы оборудования (в роде зданий и конторского инвентаря). Однако, в условиях переходного периода, с его товарной организацией хозяйства и «применением нами, коммунистами, приемов торговых, приемов капиталистических»

(Ленин), совершенно необходимо было создать новую, советскую систему экономических центров обращения. Поэтому за годы нэпа рядом с социалистическими производственными предприятиями в сфере обращения сложился и укрепился ряд государственных торговых и кредитных центров. На первом месте здесь нужно поставить монополизированную внешнюю торговлю, это важнейшее звено общей экономической цепи. За ним следуют внутренняя оптовая торговля, кредитная система и отчасти также бюджетное хозяйство пролетарского государства. Все это — непроизводственные предприятия. Они не обслуживают какую-либо одну отрасль хозяйства или одну экономическую потребность. Занимая центральное место, они обнимают своей деятельностью все хозяйство, или связывая его с мировым рынком, или налаживая внутренний товарооборот, или снабжая различные отрасли капиталами и т. д.

Третью группу социалистических элементов — собственно говоря, производную от первых двух — составляют объединения мелких товаропроизводителей — коллективные и кооперативные торговые и производственные предприятия (кооперативный торговый аппарат, кооперативные промышленные предприятия, артели, коммуны и т. д.). Все это не что иное, как формы первых шагов социалистической перестройки мелкого товарного уклада, мелкого производства и мелкой торговли. Пока что огромное большинство этих предприятий еще отнюдь не завершило своего превращения в действительно социалистические крупные единицы.

Таковы составные части социалистического уклада. В общем, почти все, что есть в нашем хозяйстве передового, современного по технике, крупного по размерам, важного для направления развития всех остальных частей хозяйства, — все это почти целиком входит в социалистический сектор хозяйства. Поэтому он приобретает совершенно исключительную роль. Социализм не просто рядовой кусочек, обыкновенная частица, островок в нашем хозяйстве. Социалистический уклад, социалистический сектор представляют собою совокупность таких хозяйственных отраслей, таких «командных высот», которые руководят всем народным хозяйством Советского Союза. Именно в этой руководящей роли комплекса социалистических предприятий, возглавляемого самим государством, и состоит главная опора строительства социализма в стране с преобладающим мелкотоварным укладом. В виду центрального значения этого пункта, мы остановимся на нем несколько подробнее.

О социалистическом руководстве хозяйственным развитием.

Маркс писал, что «каждая форма общества имеет определенную отрасль производства, преобладающую над другими, условия которой поэтому определяют место и влияние всех остальных».[1] Так, у патриархально-пастушеских народов скотоводство диктует способы примитивного, непостоянного, переложного земледелия. Все остальные виды хозяйственной деятельности — скажем, изготовление жилищ, одежды, инвентаря — тоже приспособляются к ходу

[1] Маркс. Введение к «Критике политической экономии», изд. «Моск. Рабоч.», стр. 29, или в сборнике «Основные проблемы политической экономии», стр. 31.

основного производственного процесса и «подражают складывающимся в нем отношениям» (Маркс). В те периоды экономического развития, когда оседлое земледелие играло роль главной, резко преобладающей отрасли (напр., в античном мире или в феодальном обществе), оно определяло технический и экономический строй других отраслей — зачаточного ремесла, торговли и т. д. «В буржуазном обществе, наоборот, земледелие все более и более становится только одной из отраслей промышленности и попадает совершенно под господство капитала».[1] Другими словами, в современную эпоху хозяйственного развития преобладающая и руководящая роль переходит к промышленности. Она определяет состояние техники других отраслей, направляет происходящее в них развитие производительных сил и перестраивает их экономический уклад по своему образу и подобию.

Необходимо, однако, различать две вещи: во-первых, прямое количественное *преобладание* во всем народном хозяйстве какой-либо одной экономической отрасли; во-вторых, *руководящую роль*, которую играет та или иная отрасль в направлении технического и экономического развития данного народного хозяйства. Это не одно и то же. Правда, чтобы *определить ту линию, по которой идут главнейшие изменения* в технико-экономическом укладе различных отраслей, надо иметь достаточно солидный количественный вес. Но из этого еще отнюдь не вытекает, что для осуществления подобного руководства обязательно нужно быть *наиболее* распространенной, *преобладающей* отраслью. Это ниоткуда не следует. Более того, совершенно ясно, что в отдельные исторические эпохи — особенно в периоды технических и экономических переворотов — неизбежно отделение «преобладания» от «руководства»: отрасль хозяйства, по размерам уступающая какой-либо другой важнейшей отрасли, но передовая по технике и экономической организации, и включающая в себя те звенья хозяйственной цепи, которые на данной ступени развития играют решающую роль,— эта отрасль хозяйства неизбежно становится руководителем продвижения вперед всех других отраслей. За ее воздействием скрывается вся сила давления назревшей необходимости перевести производительные силы на высшую ступень и соответственно перестроить общественно-экономический уклад.

Правда, такая непреобладающая, но руководящая отрасль хозяйства еще не «определяет места и влияния всех остальных», еще не заставляет их немедленно «подражать» характерным для нее экономическим отношениям; но если она не может сделать этого сейчас же, при современном состоянии хозяйства, то она зато *направляет* все другие отрасли так, что они *постепенно* перестраиваются в соответствии с ее техническими требованиями и ее общественными отношениями. Не имея преобладания с *точки зрения статики* (т.-е. с *точки зрения данного состояния*), она имеет *руководство с точки зрения динамики* (т.-е. с точки зрения движения); не определяя еще современного состояния техники и экономики, она определяет технику и экономическую организацию ближайшего будущего.

---

[1] *Маркс.* Там же.

Если взять современное советское хозяйство, то в нем мы как раз обнаружим различие между руководящей и преобладающей отраслями. Промышленность не имеет преобладания; оно пока закреплено за сельским хозяйством. Современный технический уровень в сельском хозяйстве отнюдь не является копией промышленного уровня; он еще вовсе не определен целиком и полностью промышленной техникой. Так же обстоит дело и с социально-экономическими отношениями. Но куда движется цепь изменений сельскохозяйственной техники и экономики? Как определяется «завтрашний день» нашей деревни? В разрешении этих вопросов, в создании направления экономического развития решающее значение имеет промышленность. В общем, соотношение двух основных частей нашего хозяйства можно формулировать следующим образом: преобладающее мелкотоварное сельское хозяйство служит основой для промышленности, дает ей опору, предпосылки; руководящая социалистическая промышленность определяет направление роста сельского хозяйства, двигает вперед его технику и перестраивает его социально-экономический уклад.

Такое соотношение хозяйственных отраслей имеет огромное значение для всего социалистического строительства. Правда, на его основе пролетариату Советского Союза не удалось непосредственно сделать социализм преобладающей общественной формой. Но, с другой стороны, ему удалось не только создать социалистический островок в мелкобуржуазном море. Взяв в свои руки руководящие отрасли производства, присоединив к ним систему общехозяйственных центров обращения товаров и капиталов; наладив приводные ремни от производственных, торговых и кредитных центров к преобладающим мелким хозяйствам, пролетариат создал такой социалистический сектор, который одновременно является системой социалистического руководства экономическим развитием всей страны.

Поэтому в самом факте преобладания в нашей стране отсталого, неподготовленного к социализму мелкокрестьянского уклада не оказалось непреодолимого препятствия для социалистического строительства. Если бы эта часть хозяйства не только преобладала, но и руководила всем хозяйством (т.-е. если бы она определяла, в каком направлении развиваются все остальные части, перестраивала бы их по-своему), тогда бы, разумеется, строительство социализма было бы невозможным, так как все хозяйство шло бы не в сторону социализма, а в сторону «царства крестьянской ограниченности». Условием успешного строительства социализма является возможность распространить социалистические отношения хотя бы на руководящую часть хозяйства. Тогда социалистический уклад становится руководящим укладом и развитие несоциалистических слоев действительно может превратиться во врастание в социализм.

Говоря о предпосылках политической победы пролетариата — завоевания им власти, которую бы поддерживало большинство непролетарских трудящихся масс, — Ленин пишет: «Возможность всего этого дана, разумеется, лишь известной высотой капиталистического развития... без этого основного условия не может быть этой экономической и политической роли центров, овладев

которыми пролетариат овладевает всей государственной властью, или, вернее, ее жизненным нервом, сердцевиной, узлом».[1]

Если той «известной высотой капиталистического развития», без которой немыслима диктатура пролетариата в отдельной стране, является, по Ленину, наличие «экономических и политических центров», овладев которыми пролетариат захватил бы руководство всей политической жизнью, то то же самое можно сказать и про строительство социалистического хозяйства: в пролетарском хозяйственном арсенале обязательно должны быть орудия такой мощности, которой хватило бы для направления хозяйственного развития если не всего, то, по крайней мере, основного массива товарных клеточек. Без этого минимума предпосылок строительство социализма в одной стране невозможно. Но так же, как для победы пролетариата не требуется его количественного преобладания и даже завоевания его партией абсолютного большинства в стране, так же и для возможности успешного строительства социализма не требуется преобладания подготовленных для социализации отраслей хозяйства. Как для политической победы нужно «в решающий момент в решающем пункте иметь подавляющий перевес сил»,[2] так же и в борьбе за направление хозяйственного развития по социалистическому руслу, т.-е. для хозяйственной победы социализма, нужно, чтобы в руках пролетарского государства была решающая, руководящая экономическая сила.

В России командные высоты, руководящая часть хозяйства были достаточно подготовлены для социализации: крупная капиталистическая промышленность была концентрирована, современная часть производительных сил была собрана в крупных промышленных и транспортных предприятиях, кредит и торговля были развиты и централизованы в достаточной степени и т. д. Поэтому налицо имелись все необходимые элементы для создания системы социалистического руководства. Пролетарскому государству оставалось осуществить это создание и самому стать во главе социалистического комплекса, объединив и увязав его в единое целое, еще более мощное благодаря этой своей высокой организованности. Социалистический уклад стал такой частью, которая направляет развитие всего хозяйственного целого. Поэтому, если с точки зрения современного состояния на первом, главном месте стоит мелкотоварное сельское хозяйство, то, с точки зрения развития, решающую, всеохватывающую роль играет социалистическая, промышленная часть. И это закрепление в руках пролетарского государства хозяйственного руководства — основное условие победы социализма, ибо как раз это и обеспечивает врастание в социализм основной массы несоциалистических слоев. Ленин пишет, что «мы имеем в своих руках все командные высоты, мы имеем в своих руках землю, она принадлежит государству»... «Мы имеем в руках пролетарского государства не только землю, но и все важнейшие части промышленности».[3]

---

[1] Ленин. Собр соч., т. XVI, стр. 450. (Подчеркнуто нами.)
[2] Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 443.
[3] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 96.

«Основная экономическая сила — все решающие крупные предприятия, железные дороги и т. д., — они все в наших руках... Экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму».[1]

Эта «экономическая сила» неотделима от политической силы победившего пролетариата. Величайшим оппортунизмом является теория, считающая возможным мирное врастание в социализм части за частью капиталистического хозяйства, без революционного завоевания власти пролетариатом, без революционного установления социалистических порядков в организованных на началах крупного производства, в руководящих, решающих отраслях народного хозяйства. Только переход государственной власти в руки пролетариата создает предпосылки даже для самых первых шагов к социализму.

Говоря о завоевании большинства непролетарских трудящихся масс, Ленин пишет, что, «только разбив ее (буржуазию. *А. А.*) на голову, пролетариат мог завоевать окончательно, используя такое орудие, как государственная власть, сочувствие и поддержку мелкобуржуазных слоев населения».[2] Если даже завоевание сочувствия мелкобуржуазных масс возможно только после установления диктатуры пролетариата, то завоевание экономического руководства мелкобуржуазными хозяйствами для обеспечения врастания их в социализм мыслимо только после ликвидации политической и экономической мощи буржуазии, только после закрепления этой мощи за пролетариатом. «Пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать себе государственную власть, а потом эту государственную власть, т.-е. диктатуру пролетариата, использовать, как орудие своего класса, в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся» [3]— и в целях создания экономических предпосылок, делающих возможным «врастание» в социализм массы мелкотоварных производителей.

На основе политической власти в руках пролетариата, на основе социалистического руководства развитием мелкотоварного окружения в нашем хозяйстве складывается своеобразный экономический строй.

Ленин писал, что наш «социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которым теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т.-е. буржуазия».[4] Если для капитализма характерно отношение эксплуатации монопольными собственниками средств производства (капиталистами) продавцов рабочей силы (наемных рабочих); если для социализма характерно отношение добровольного объединения производителей, коллективно владеющих средствами производства, то какое отношение между людьми является самым характерным, самым основным для советского переходного социально-экономического строя? Для нашего, конкретного переходного строя самым основным и характерным является отношение

---

[1] Там же, стр. 43. (Подчеркнуто нами.)

[2] Ленин. «Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата». Собр. соч., т. XVI, стр. 454.

[3] Там же, стр. 448.

[4] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 124.

руководства социалистической части хозяйства развитием преобладающего мелкотоварного массива. Переведя то же самое на классовый язык, мы получим руководство пролетариата, организованного в государство, многомиллионным крестьянством. Эту основную суть советского социально-экономического строя Ленин формулирует так (мы уже приводили раз это замечательное место): «власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д...— разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения» (курсив наш).

Пути и способы социалистического руководства.

В какие конкретные формы отливается это наше главное экономическое отношение — отношение гигантского, преобладающего мелкокрестьянского массива и руководящей социалистической части хозяйства? Каким образом удается добиться того, чтобы эта многоголовая мелкобуржуазная «гидра», это крестьянское море частных мельчайших хозяйств подпадало под социалистическое руководство и развивалось в социалистическом направлении? Этот вопрос встает с особенной силой, если мы вспомним те капиталистические тенденции, которые обычно имеет мелкобуржуазная стихия в обстановке свободной торговли. Как же поступить социалистическому сектору хозяйства с этой мелкобуржуазной стихией? Как же обезвредить ее «преступную» тенденцию выделять и порождать капитализм, постепенно переползать из мелкотоварного в частнокапиталистический участок?

Можно попытаться победить эту стихию двумя совершенно различными путями. Во-первых, можно попросту начать «напрямики» бороться против нее: нарушать ее частнособственнические интересы, препятствовать росту ее экономической мощи, ее богатства, категорически запрещать развитие капитализма,— словом, строить социализм не только «в сторонке от того, что делается в широчайшей крестьянской массе» (Ленин), но и на основе прямого противопоставления развития мелких товаропроизводящих хозяйств и социалистического строительства. Военный коммунизм и был в известной степени такой попыткой экономического «руководства» крестьянством. Мудрость некоторых современных горе-теоретиков тоже, по сути дела, сводится к тому, чтобы свести социалистическое строительство к одной только прямой борьбе с мелкотоварным укладом, к простому ущемлению его частнособственнических тенденций и интересов. Нетрудно понять, что такой подход к задаче никуда не годится.

Экономическая сила преобладающей у нас мелкобуржуазной стихии, несмотря на всю свою анархичность и неорганизованность, является одной из самых мощных сил (или даже самой мощной силой) во всем нашем хозяйстве. Стремление к наживе десятков миллионов крестьянских хозяйств, их борьба за свой частный интерес создает такой

колоссальный напор, такое мощное экономическое давление, запереть и запретить которое нельзя никакими законами, рогатками или преградами.

Ленин пишет, что попытка «запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т.-е. торговли, т.-е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей», «была бы глупостью и самоубийством. Глупостью, ибо эта политика экономически невозможна; самоубийством, ибо партии, пробующие подобную политику, терпят неминуемо крах» (Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 199—200, «О продналоге»). Наш социалистический сектор не может еще поставить мелкотоварное хозяйство в такую обстановку, при которой можно было бы устранить стремление к обмену, к личной, частной, торговой наживе, служащее источником процесса выделения капитализма. Для этого надо превратить крестьянское хозяйство в организованное дополнение к «великолепной крупной индустрии с сетью электрических проводов» (Ленин), т.-е. добиться полной перестройки всего хозяйства. Пока что всей экономической силы нашей промышленности не хватило бы для успешной попытки устранить все эти тенденции мелкобуржуазной стихии.

Сознательное социалистическое руководство и не пытается проводить политику прямого ущемления одной только борьбы против мелкобуржуазной стихии. Оно действует более сложными, обходными путями. Стихийную мелкобуржуазную экономическую силу, напор 22—24 милл. крестьянских хозяйств, стремящихся к богатству, к наживе, к торговому интересу, необходимо не уничтожать, а направить по новому руслу и использовать эту силу, этот напор, это стремление к наживе, как основу и двигатель социалистического строительства. Если удастся стихийный напор мелкотоварного массива направить в такие формы и в такие каналы, чтобы он лился на социалистическую мельницу, — тогда силы социалистического сектора колоссально увеличатся, ибо за его делом будет мощь мелкобуржуазной стихии, ибо он будет организатором и руководителем широчайшей хозяйственной работы — работы миллионов крестьян. Словом, необходимо, чтобы была «смычка между нашей социалистической работой по крупной промышленности и сельскому хозяйству и той работой, которой занят каждый крестьянин и которую он ведет так, как он может, выбиваясь из нужды, не мудрствуя»... «И тогда строительство социализма не будет делом капли в море, называющейся коммунистической партией, а всей трудящейся массы; тогда рядовой крестьянин будет видеть: они мне помогают; и тогда он пойдет за нами так, что если поступь и будет в сто раз медленнее, зато будет в миллион раз прочнее и крепче». Тогда социалистическая часть хозяйства будет возглавлять работу мелкотоварной массы, превращая рядового крестьянина в участника социалистического строительства. Тогда социализм в нашей мелкокрестьянской стране станет «абсолютно непобедимой силой».[1]

---

[1] Все цитаты см. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 28 и 40—41. (Подчеркнуто нами.)

О государственном капитализме, как способе подхода к социализму.

Существует два основных пути превращения мелкособственнической силы, крестьянской работы, мелкотоварного развития, — в экономическую силу государства, в работу по социалистической переделке сельского хозяйства, в развитии к социализму. Первый путь сводится к ограничению, регулированию и «перенаправлению» капиталистического развития мелкого хозяйства. «Поскольку мы не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между мелким производством и социализмом, как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил». «Не пытаться запретить или запереть развитие капитализма, а стараться направить его в русло государственного капитализма».[1] «Весь вопрос — как теоретический, так и практический — состоит в том, чтобы найти правильные способы того, как именно следует направить неизбежное (до известной степени и на известный срок) развитие капитализма в русло государственного капитализма, какими условиями обставить это, как обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм».[2] Пролетарское государство имеет достаточно политической и экономической мощи, чтобы подчинить неизбежное в «известной мере» на «известный срок» развитие капитализма своему контролю и руководству, чтобы установить этому развитию определенные пределы, путем упорной борьбы вставить этот растущий капитализм со всех сторон в государственные рамки. Основное сельскохозяйственное средство производства — земля — принадлежит государству, и оно регулирует ее переход из рук в руки. Все крупные предприятия, с которыми так или иначе связаны капиталисты, являются частями социалистического сектора хозяйства. Почти все нити, соединяющие мелких сельскохозяйственных или кустарных капиталистиков с широким рынком (переработка, транспорт, хранение, торговля), собраны в государственных руках. Так же обстоит дело с кредитным рычагом. Наконец, новую технику капиталисты получают из социалистических предприятий. В частности, электрическая энергия государственных станций окончательно превратит всякое капиталистическое производство в продолжение государственного хозяйства.

Разумеется, это еще не уничтожает глубокого различия между социалистическим и госкапиталистическим укладом. В то время, как основное отношение госкапитализма состоит в ограничении, подчинении и включении в советские рамки капиталиста, обычно остающегося внутри данного предприятия «центральной фигурой», в социалистических предприятиях пролетарское государство является единственным, полноправным владельцем и распорядителем. Для того,

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, «Продналог», стр. 200, 205. (В первых двух случаях подчеркнуто нами, в последнем — Лениным.)

[2] Там же, стр. 200.

чтобы превратить госкапитализм в социализм, необходимо сделать еще **один** серьезный экономический шаг: рядом наступательных действий совершенно свести на-нет его капиталистическую сторону; скажем, надо постепенно сделать из капиталиста простого агента, приказчика, действующего по директивам государственного хозяйства, а затем провести окончательную формальную реорганизацию данного предприятия в государственное. Как видно, госкапитализм, четвертый уклад нашей пирамиды, — оказывается промежуточной ступенью между частнокапиталистическим укладом, с одной стороны, и социализмом — с другой. С точки зрения движения к социализму, госкапитализм выступает как посредствующий путь, этап переделки капиталистических или растущих к капитализму хозяйственных форм.

Поскольку главным участком «рождения» капитализма является сельское хозяйство, постольку именно в нем большое значение будет иметь применение госкапиталистических приемов. Так, крупную роль сыграет объединение мелких капиталистиков в кооперацию. Находясь под руководством кооперативных центров и государственных предприятий, подвергаясь их контролю и регулированию, **такие** кооперативные объединения будут являться одним из видов госкапитализма. Рядом с ними найдут место и другие многообразные виды подчинения и руководства государством нашего «внутреннего» капитализма.

Чтобы не возвращаться больше к госкапиталистическому, четвертому укладу нашей экономики, отметим, что он не исчерпывается отношением социализма и капиталистических ростков мелкобуржуазной стихии. Существует особый вид госкапиталистических предприятий, являющихся формой привлечения в наше хозяйство иностранного капитала. Сюда относятся концессии, смешанные общества и другие формы соединения в одном предприятии западного капитала и советского государства.

Можно сказать, что корни обоих видов советского госкапитализма лежат в том, что социалистический уклад входит составной частью в хозяйство, в котором рядом с ним имеется капиталистический уклад (или, по крайней мере, тесно с таким хозяйством связан). Внутри нашего народного хозяйства этот капиталистический уклад играет второстепенную роль, и самый капитализм является мелким капитализмом, главным образом растущим из крестьянского моря. Соответственно этому госкапитализм является способом организовывать и руководить хозяйственным развитием мелких капиталистов, подготовляя переход соответственных предприятий к социализму. Но, с точки зрения мирового хозяйства, крупный капитализм является господствующей силой, основным экономическим укладом. Поэтому со стороны связи с «внешним миром» советский госкапитализм есть форма известного «сожительства» (и борьбы) первого рабочего государства и мирового капитала. Конкретные формы и условия этого сожительства определяются путем экономической борьбы.

Разумеется, «внешний» госкапитализм ни в коей мере не является способом социалистической переделки непосредственно тех капиталистов, которые на этот капитализм идут. Гарриманы, Круппы или акционеры из Лена-Гольдфильдс Компании не превратятся в честных

тружеников социалистического хозяйства даже после истечения срока концессии и превращения их госкапиталистических предприятий в «предприятие последовательно-социалистического типа». Зато уже сейчас, немедленно, они помогают создавать материально-технический базис для социализма в нашем хозяйстве, при чем через некоторое число лет этот материально-технический базис будет облечен вполне социалистической формой. Оставаясь сами «чистокровными» капиталистами, концессионеры помогают советскому государству переводить наше хозяйство на новую техническую базу и этим путем по-социалистически переделывать нашу внутреннюю капиталистическую мелкоту.

Госкапитализм, как способ направления капиталистического развития мелкотоварного хозяйства в государственное русло, является окольным путем к социализму: выделение и рост капиталистических элементов продолжается своим чередом, и государство только это капиталистическое развитие направляет по новому руслу. Только на определенной ступени удается приступить к вытеснению из госкапитализма его капиталистической души.

Поскольку нельзя уничтожить рост капиталистических элементов, поскольку этот рост неизбежно захватит часть мелкотоварного уклада, постольку «потрудитесь построить сначала прочные мосты, ведущие в мелкокрестьянской стране через госкапитализм к социализму; иначе вы не пойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму».[1]

Из всего этого однако не следует, что госкапиталистический способ руководства и переделки мелкотоварного уклада является единственным или хотя бы даже основным путем его «врастания» в социализм. Дело в том, что социалистическое руководство народным хозяйством может не только давать капиталистическим тенденциям мелкотоварного уклада новое направление. Социалистическое руководство располагает возможностью создать совершенно новый, невиданный при капитализме тип развития. Речь идет, конечно, о советской кооперации.

Кооперативный путь переделки мелкотоварного уклада.

Кооперация частично является формой госкапитализма, ибо частично в нее входят те элементы мелкобуржуазной массы, которые или только начинают перерастать в капиталистиков, или уже являются таковыми.

Но типичным для советской кооперации является именно непосредственная связь преобладающей мелкотоварной, докапиталистической, середняцкой массы с руководящим социализмом. В главе о сельском хозяйстве мы видели, что такое положение кооперации дает возможность предупреждать рост капитализма и на основе личной заинтересованности мелкого товаропроизводителя превращать развитие его хозяйства в постепенное движение по пути к коллективизации. Если в случаях применения госкапиталистических способов руководства Советское государство пускает в ход всю свою экономическую мощь для регулирования огра-

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 403, «К 4-летней годовщине Октябрьской революции».

ничения и «перенаправления» капиталистического развития, то в случаях, типичных для кооперативных способов государственного руководства, мощь социалистического сектора обеспечивает возможность прямого «врастания» мелкого товарного хозяйства в социализм.

Но для того, чтобы социалистическое руководство действительно смогло направить развитие основной массы крестьянства по прямому пути к социализму, минуя промежуточные ступени капитализма и госкапитализма, — для этого надо, чтобы кооперативная смычка между социализмом и середняком была очень сильна и глубока, чтобы социалистическое руководство охватывало самые корни мелкотоварного развития. Это стало возможно только тогда, когда социалистическое хозяйство сумело перевести свою работу на рыночные начала, сумело овладеть важнейшими торговыми путями и высотами и сделать рыночную стихию проводником своего воздействия. Тогда та торговая среда, в которой развивается мелкотоварное хозяйство, перестала тянуть его исключительно к капитализму. Ибо если раньше вплотную к крестьянину подходил только капиталист, безраздельно господствовавший в торговле, то теперь социалистические предприятия, воспользовавшись торговой формой, частично победили и вытеснили из торговли капиталиста и смогли непосредственно сцепиться с крестьянством, непосредственно руководить его хозяйственным развитием. Благодаря этой важнейшей победе на рыночно-торговом фронте, социалистическое руководство смогло принять такую форму, которая «приноравливалась к уровню самого обыкновенного крестьянина» (Ленин). Но это наметилось только после нескольких лет нэпа. В начале нэпа сам социалистический сектор представлял собою застывшего, безжизненного гиганта, еще неспособного стать во главе торгового обогащения миллионов середняцких хозяйств. Поэтому Ленин в «Продналоге», в 1921 г., рассматривает кооперацию, только как способ ограничивать, контролировать, подчинять капиталистическое развитие, т.-е. как вид госкапитализма. Он пишет, что «свобода и права кооперации, при данных условиях России, означают свободу и права капитализма» (подчеркнуто нами).

Через два года, когда уже явственно вырисовывалось современное строение советского хозяйства, возможности кооперации расширяются, и Ленин в знаменитой статье «О кооперации» дает вполне развитую постановку вопроса. Через всю эту статью проходит красной нитью подчеркивание новой обстановки: политическое и экономическое руководство в руках у социализма. Это Ленин выпячивает здесь особенно резко, как коренную, главную особенность советского хозяйства. Крестьянин получил свободу торговли, он работает в согласии со своим частным интересом; из этого — «гигантское значение кооперации». Она оказывается способом непосредственно соединить частный интерес собственника с общим, государственным интересом социалистического строительства, способом направить этот частный интерес по социалистическому руслу, способом привлечь к строительству социализма массу рядовых мелких крестьян. Действительное кооперирование действительных масс становится тождественным с ростом социализма; «при нашем существующем строе», «в наших условиях» «кооперация сплошь и рядом

совершенно совпадает с социализмом», ее предприятия «не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу». Другими словами, крестьянская мелкобуржуазная сила, вливаясь в кооперативную форму развития, становится фактором роста социализма. Этим путем нащупывается разрешение основной задачи социалистического строительства в стране с преобладанием мелкотоварного уклада: социалистический сектор оказывается руководителем мелкотоварного хозяйства, и экономическая сила гигантского мелкобуржуазного массива используется для создания социалистического сельского хозяйства. Сами крестьяне, под социалистическим руководством, перерабатывают свое хозяйство. Строительство социализма действительно становится делом всей трудящейся массы.

Таковы две конкретные формы основного общественного отношения советского хозяйства — социалистического руководства мелкотоварным развитием.

Удельный вес этих двух форм очень различен. Непосредственная связь между социалистическим сектором и кооперированными массами мелких товаропроизводителей будет для нас основной формой руководства. Соответственно этому и непосредственное врастание в социализм будет основным путем перестройки крестьянского хозяйства. Путь к социализму через промежуточные капиталистические ступеньки, путь госкапитализма будет играть вторую, все же важную, роль, ибо известный рост капитализма совершенно неизбежен. Как на деле сложится это комбинированное кооперативное и госкапиталистическое развитие, насколько удастся предупредить рост капитализма и направить развитие мелкособственнических хозяйств прямо в социалистическое русло и насколько впоследствии придется подчинять и «перенаправлять» капиталистическое развитие, — это решит только практическая борьба между капитализмом и социализмом за руководство крестьянством. Несомненно одно. С каждым шагом социализма вперед его руководящее воздействие будет усиливаться. Поэтому все меньше и меньше хозяйственных ячеек будут вынуждены проходить капиталистический водоворот в качестве обязательного «чистилища» перед вхождением в социалистический «рай»; наоборот, все больше и больше хозяйственных «кусков» будут прямо врастать в социализм.

§ 22. ПЕРЕХОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

(план и рынок в советском хозяйстве).

«Закон трудовых затрат».

Каждое хозяйство, независимо от его социально-экономического строя, обязательно должно все время возобновлять процесс производства. «Всякий ребенок знает, — пишет Маркс, — что каждая нация погибла бы с голода, если бы она приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы на несколько недель». Но для нормального и бесперебойного хода производства и потребления необходимо, чтобы устанавливались известные отношения, известные пропорции между различными отраслями производства. Эти

пропорции должны устанавливаться в соответствии с потребностями в различных продуктах: «для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного, совокупного труда». Возникает необходимость разделения, распределения этого совокупного труда данного общества в определенных пропорциях между различными отраслями производства. Такое пропорциональное распределение затрат — обязательный закон всякого хозяйственного развития. «Очевидно само собой, что эта необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства; измениться может лишь форма ее проявления. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от различных исторических условий, может лишь форма, в которой эти законы проявляются».[1]

Распределение общественного труда — или в потенциальной форме рабочей силы, или в окристаллизованной форме всевозможных продуктов — всегда каким-либо способом приводится в соответствие с требованием пропорциональности. В этом и состоит постоянная работа «закона трудовых затрат» (Бухарин). Но тот или другой способ действия этого закона зависит от хозяйственного уклада, от социально-экономической организации данного общества. Нам нужно будет выяснить, какие же характерные особенности вносит в эти способы переходная организация советского хозяйства. Но для этого мы сначала посмотрим, в каких формах вообще выступает закон трудовых затрат в различных условиях.

Различные формы проявления «закона трудовых затрат».

Человек на необитаемом острове тоже должен правильно и экономно распределить свое рабочее время на различные функции — охоту, рыбную ловлю, изготовление сетей или стрел, собирание растений и корней и. т. д. Он тоже должен свои готовые продукты распределить пропорционально потребностям в них в разное время года и для различных целей. Для этого он должен знать, сколько рабочего времени отнимает у него каждая из этих функций, и какие массы продуктов необходимы для удовлетворения различных потребностей. Но для него эта задача не представляет особой трудности, так как он легко устанавливает из собственного опыта, сколько у него сил, сколько рабочих дней, сколько уходит его рабочего времени для каждой работы и т. д. Он может составить себе расписание распределения своих трудовых затрат и своих запасов, при помощи которого он будет вести свое простое хозяйство.

Немногим сложнее обстоит дело в натурально-патриархальном крестьянском хозяйстве, которое производит для собственных потребностей все необходимые предметы пропитания, одежду, средства производства и т. д. Распределение всех трудовых сил членов семьи — мужчин, женщин, подростков — регулируется здесь главой хозяйства, патриархом, в соответствии с уровнем производительности труда и размерами каждой потребности.

---

[1] Маркс. «Письма к Кугельману», стр. 62 — 63.

В товарном хозяйстве закон трудовых затрат регулирует производство и потребление совершенно иными путями, при помощи гораздо более сложного механизма.

Отдельные составные части товарного хозяйства — фабрики, заводы, мастерские ремесленников, крестьянские хозяйства и т. д. — представляют собою звенья единой производственной цепи; все эти отдельные предприятия являются ячейками совокупного общественного производства, ибо все они связаны разделением труда в одну производственную совокупность. Несмотря на всю свою внешнюю обособленность, работа такого хозяйства является только отдельной функцией всего общества в целом, так же как работа любого члена патриархальной семьи есть затрата известной части ее совокупной рабочей силы.

Однако товарное хозяйство состоит из массы формально независимых друг от друга предприятий, в частной собственности которых раздроблены все средства производства. Внутри каждого такого предприятия — скажем, какого-либо завода — все элементы производства объединены одной организацией, подчинены одному сознательному людскому управлению: все отдельные частичные работы производятся по заранее намеченному плану, учитывающему необходимые размеры затрат рабочей силы, сырья, топлива, устанавливающему нужные пропорции между различными группами рабочих, увязывающему все производство в единую систему, разумно согласованную во всех своих частях и звеньях. Благодаря этому внутри завода производство одного цеха или одного рабочего и по объему, и по качеству, и по времени соответствует потребностям другого цеха или всего завода. Продукт правильно и бесперебойно переходит по цепи, начиная от склада сырья и кончая сборочным или отделочным цехом.

Как известно, во всем товарном обществе, взятом в целом, нет ничего подобного такому объединению и согласованию всего хозяйства общей организацией и общим планом. Отдельные частные предприятия имеют только одну связь: через свои товары, через рыночный обмен одной вещи на другую вещь. Поэтому, если внутри завода каждое действие любого рабочего заранее согласовано с действием всех остальных рабочих и служащих, то вне этих предприятий на широком поле вольного рынка каждый член товарного общества выступает за свой риск и страх, по своему разумению, в соответствии со своими частнособственническими интересами. На рынке друг другу противостоят независимые товарные производители, не признающие никакой другой власти, никакой другой силы, кроме давления рыночной конъюнктуры, которая создается в результате скрещивания и переплетения миллионов обособленных выступлений.

Как в таких условиях прокладывает себе дорогу необходимая пропорциональность в распределении трудовых затрат? Как создается необходимое соответствие одной отрасли с другой? Каким путем удается достигнуть того, чтобы на производство разнообразных товаров уходило столько общественного труда, сколько необходимо затратить с точки зрения всей общественной технико-экономической системы в целом? Конечно, в соответствии с условиями этой сложной экономической структуры здесь должен быть известный своеобразный механизм регу-

лирования производства и потребления. Каков же этот механизм, при помощи которого создается «пропорциональное распределение труда при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде *частного обмена* индивидуальных продуктов труда?» (Маркс).

Прежде всего, поскольку связь между различными независимыми, разобщенными предприятиями представляет собою не что иное, как отношение их товаров, вещей друг к другу, и поскольку никакой другой экономической связи, кроме этой, нет, — постольку «закон трудовых затрат» и должен проявиться именно через регулирование этих рыночных, вещных отношений. И это регулирование происходит совершенно стихийно: люди вовсе не устанавливают сознательно необходимые пропорции обмена, вовсе не управляют движением цен и товарных масс на рынке. Меновые пропорции устанавливаются сами собой, в результате рыночных столкновений и колебаний. Они предстают перед участниками обмена как какие-то объективные высшие законы, независящие от них, посторонние им, обязательные для них. При этом носителями общественной трудовой закономерности выступают не люди, а вещи и их соотношения: не расписание занятий и запасов жителя необитаемого острова и не авторитетное указание патриарха натуральной семьи служит здесь руководящим началом для определения размеров трудовых затрат, но уровень цен, пропорции обмена—отношения товаров, вещей.

Тем не менее, всем этим хаосом колеблющихся цен, разнообразнейших меновых пропорций, изменчивых рыночных конъюнктур управляет определенная закономерность. Все колебания рыночных явлений имеют в качестве своего стержня закон стоимости, — товарную форму закона трудовых затрат.

Именно благодаря этому во всем товарном производстве устанавливается необходимое равновесие между различными отраслями.

Закон стоимости состоит в том, что цены все время стремятся совпасть с тем количеством общественного труда, которое в среднем необходимо для производства отдельных товаров (при данной ступени производительности труда). Вот эта тенденция товарных цен к стоимости и осуществляет трудовую пропорциональность в меновом хозяйстве. Если, скажем, цена какого-либо товара почему-либо поднимется выше стоимости, выше общественно необходимого труда, и обрадованные производители этого товара пустят производство во-всю, то в силу вступает закон стоимости: избыток товаров, созданный стремлением товаропроизводителей использовать высокую цену, тянет эту цену вниз, к уровню стоимости, и даже ниже этого уровня. Производство данной отрасли вынуждено сокращаться, т.-е. приспосабливаться к необходимым пропорциям. Если произойдет чрезмерное сокращение, — а сократить «в норму» производство никогда не удается, потому что эти нормы никому неизвестны, — то цены из-за нехватки товаров снова взлетят вверх, производство раздуется сверх надобности, и вся история начнется сначала. Но эти беспрерывно повторяющиеся колебания ведут к тому, что цены всех товаров тяготеют к стоимости, а размеры производственных отраслей — к необходимой пропорциональности. Все отклонения в разные стороны оказываются только

звеньями одной цепи, этапами одной линии; в результате их взаимоуравновешивания создается какое-то равновесие.

Сравнивая этот способ регулирования хозяйства с внутренним управлением капиталистических предприятий, Маркс пишет следующее.

В то время, как внутри отдельного предприятия «железный закон относительного числа, или пропорциональности, приурочивает определенные массы рабочих к определенным функциям, — в распределении товаропроизводителей и их средств производства между различными отраслями общественного труда господствуют произвол и случай. Правда, различные сферы производства постоянно стремятся притти в состояние равновесия... Но эта постоянная тенденция различных сфер производства — притти во взаимное равновесие — проявляется лишь как реакция против постоянного нарушения этого равновесия. То правило, которое в разделении труда внутри мастерской исполняется à priori (т.-е. заранее, предварительно. *А. А.*) и целесообразно, в разделении труда внутри общества действует только à posteriori (т.-е. впоследствии, после отклонения. *А. А.*), как внутренняя, немая, естественная необходимость, пересиливающая беспорядочный произвол товаропроизводителей, необходимость, знать о которой дает лишь барометр рыночных цен».[1]

Таким образом, способ действия закона пропорциональных трудовых затрат в условиях товарного общества отличается двумя особенностями. Во-первых, тем, что этот закон выступает в особой вещной форме. Носителями трудовой закономерности являются товары, вещи, которые перестают быть только обыденными сапогами, хлебом, ситцем, паровозами и т. д. и т. п., но одновременно становятся стоимостями, т.-е. помимо сознания людей воплощают в себе известную частицу общественного труда. Эта их общественная, сверхчувственная, стоимостная форма служит как бы основой, вокруг которой колеблются их собственные рыночные цены. Во-вторых, товарный способ регулирования трудовых затрат не может не быть стихийным способом. Он действует независимо от воли людей, общественно-экономическая необходимость существует здесь над людьми и управляет ими как что-то внешнее и постороннее. Пропорции общественного производства устанавливаются без всякого сознательного участия людей, только в качестве средней, складывающейся из массы отклонений и нарушений.

Нельзя сказать, чтобы этот способ регулирования труда был особенно рационален и экономен. Соответствие отраслей, правильное распределение трудовых затрат может здесь устанавливаться «лишь как реакция против п о с т о я н н о г о н а р у ш е н и я этого равновесия». Поскольку сама закономерность действует уже после отклонения и при этом необходимо вызывает отклонение в другую сторону, наподобие качающегося маятника, постольку растрата сил и средств при исправлении этих беспрерывных невязок становится совершенно неизбежной. Очень часто действие закона, исправляющего возникаю-

---

[1] М а р к с. «Капитал», т. I, гл. 12, стр. 244—245 (перевод Струве, изд. 1906 г.).

щее несоответствие, является прямо опустошительным — тут товарная форма закона трудовых затрат «дает себя знать как регулирующий естественный закон, на манер закона тяжести, когда над вашей головой обрушивается дом» (Маркс). Однако, до тех пор, пока народное хозяйство состоит из массы частнособственнических независимых товаропроизводителей, между которыми единственной связью является обмен товаров, — до этих пор никакой другой формы регулирования быть не может.

Зато замена капитализма социализмом будет означать ликвидацию стихийной, стоимостной формы закона трудовых затрат. Конечно, и при социализме тоже потребуется распределять труд по определенным нормам, вытекающим из естественно-технической необходимости — из размеров разнообразных потребностей, из определенного темпа развития и т. д. Но коренное изменение всей организации хозяйства сделает необходимым и возможным такое же изменение в тех путях, по которым будет проходить действие этой естественной необходимости.

Закон трудовых затрат в условиях социализма.

При социализме каждый отдельный работник (или их группа) будет объединен в одно общественное целое с миллионами других людей: каждый работник будет входить в добровольный «союз свободных людей», коллективно обладающих всеми средствами производства. Все члены этого союза свои «индивидуальные рабочие силы сознательно расходуют как единую общественную рабочую силу».[1] Совокупный продукт всего общества является общественным продуктом, поступающим в распоряжение всего союза.

Такое обобществление средств производства уничтожает всю ту разобщенность и внешнюю независимость отдельных производителей, которая характерна для общества, основанного на частной собственности. Создается стройная организация, сплетающая все общество в единое согласованное целое. Во главе его становится центр, представляющий собою коллективную волю всех производителей; разветвленная сеть центров менее крупного характера охватывает и скрепляет все общество, доходя до отдельных групп производителей. Через эту сеть отдельные производители оказываются связанными друг с другом: центр данной части или данной группы объединяет ее членов, а общий центр всего хозяйства увязывает друг с другом всех работников «союза свободных людей».

Таким образом, хозяйственная связь между людьми осуществляется отнюдь не только через вещь. Эта связь не прилепляется и не сливается с движением товаров; люди непосредственно связаны друг с другом определенной организацией, ими же самими сознательно созданной. Движение вещей управляется самими людьми в соответствии с необходимой пропорциональностью в производстве и потреблении. Расстановка людей, распределение рабочей силы больше не диктуется рыночной стихией. Общественно-планомерное распределение рабочего

---

[1] Маркс. «Капитал», т. I, стр. 34 (то же издание).

времени «регулирует надлежащее отношение различных видов (функций) труда к различным потребностям» (Маркс).

Установление необходимой пропорциональности в затратах труда, распределение готового продукта между различными потребностями, регулирование роста различных частей производства, — все это входит в задачу планирования социалистического хозяйства. Статистико-экономические органы составляют планы производства, распределения и снабжения. Соответственно им они руководят работой всех производителей и «управляют вещами».

Разумеется, объективная естественно-техническая необходимость будет, как и раньше, лежать в основе определения размеров и способов производства и других сторон хозяйственной жизни. Раз человек всегда должен будет удовлетворять свои потребности, приспособляя к ним предметы окружающей природы, значит, ему всегда придется руководствоваться в этой своей хозяйственной работе отношениями, вытекающими из законов природы.

Маркс считает, что «царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону собственно материального производства. Как дикарь, чтобы удовлетворить свои потребности, чтобы сохранить и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный, и он должен делать это во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С его развитием расширяется это царство естественной необходимости, потому что его потребности расширяются; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения».[1]

В чем же в таком случае задача социалистического планирования? Прежде всего в познании того, что именно требуется с точки зрения естественно-технической необходимости для создания равновесия в обществе. Другими словами, нужно учесть размеры всех потребностей, ясно представить себе перспективу их роста; нужно подсчитать и выяснить, какие имеются запасы продуктов, какова мощность средств производства, сколько имеется сырья и топлива, каково состояние машин и т. д. и т. п. Имея подобные сведения, можно на основе технического опыта определить, чего и сколько именно не хватает и каким путем можно этот недостаток покрыть, насколько можно и нужно увеличить производство всех отраслей и как использовать их продукцию. Таким путем выясняются и осуществляются необходимые пропорции распределения трудовых затрат. Хозяйственная жизнь общества перестает быть какой-то стихийной игрой сил, а экономическая закономерность — слепой внешней силой, давящей на людей. Люди сами творят свою хозяйственную жизнь, сами проводят трудовую закономерность, превращая естественную необходимость в ряд директив планирующего центра.

---

[1] Маркс. «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 357.

Маркс пишет, что «свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы, напротив, он, как слепая сила, господствовал над ними; в том, что они совершают его с наименьшей затратой сил и при условииях, наиболее достойных и адэкватных (соответственных. *А. А.*) их человеческой природе». [1]

При этом, в отличие от товарного строя, познание необходимости дает возможность заранее подготовить все условия для ее осуществления. Нужные пропорции производства устанавливаются не после того, как равновесие нарушено, а подготавливаются предварительно и проводятся в жизнь по мере выявления необходимости. Благодаря этому колебания и нарушения становятся чисто случайными, исключительными явлениями, и весь ход хозяйственного развития делается гораздо более плавным и интенсивным. Этим самым плановая организация производства доказывает, что она является высшим типом экономической структуры, обеспечивающим невиданный подъем производительных сил.

Мы бегло разобрали основные формы, в которых существует закон трудовых затрат при различных общественных структурах. Теперь мы можем обратиться к советскому хозяйству и попытаться выяснить, какие же именно формы этого закона имеются налицо в условиях нашей переходной экономики.

Товарная организация экономической связи в советском хозяйстве.

Если оставить в стороне хозяйства с натуральным укладом,—ибо, поскольку они существуют, они являются самодовлеющим целым, — то все другие частицы хозяйственного тела СССР объединены друг с другом тесной материальной связью и взаимозависимостью. Массы продуктов мелкотоварного сельского хозяйства движутся навстречу товарным массам продукции социалистической промышленности, обмениваются с ними, растекаясь по всем предприятиям и становясь элементами их воспроизводства. Все отрасли хозяйства участвуют в хозяйственном кругообороте друг друга — одни в виде поставщиков орудий производства и покупателей сырья, другие в виде продавцов сырья и продовольствия и покупателей средств производства и фабричных предметов широкого потребления и т. д. В целом — все народное хозяйство является единым производственным организмом, в воспроизводстве которого принимают участие все отдельные секторы.

В соответствии с этим все наши экономические уклады должны иметь известную единую организацию, должны быть соединены такой связью, которая была бы пригодна и для социалистического треста и для мелкокрестьянского карликового хозяйства. Только при наличии такой связи обмен веществ внутри хозяйства может происходить вполне нормально. Мы в предыдущих главах уже убедились, что такой формой связи может быть только рыночный обмен.

---

[1] Маркс. «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 357.

Для мелкотоварных, капиталистических и даже госкапиталистических предприятий рыночная связь является единственно возможным способом экономической связи просто потому, что все они построены на частнособственнических началах. В отношениях между частнособственническими предприятиями и социализированными госпредприятиями, скажем, между крестьянскими хозяйствами и трестами, рыночный обмен не может быть заменен никакой другой связью, ибо опять-таки миллионы частнособственнических хозяйств не могут приспособиться к какому-либо другому типу связи. Между тем, социалистические предприятия легко могут наладить товарную связь с частными предприятиями, приспособив всю свою организацию и все свои методы работы к рыночной обстановке. Этим они обеспечивают то, что для любого крестьянского хозяйства завязать связь с «чужеродным» социалистическим предприятием становится ничуть не труднее, чем с другой, подобной же мелкособственнической единицей.

Но рыночная связь и товарная форма организации нужна социалистическому сектору не только для хозяйственно-организационного скрепления с частным хозяйством. В условиях переходной экономики товарная форма связи необходима и для «внутреннего сообщения» отдельных единиц социалистичекого сектора друг с другом.

В о - п е р в ы х, если для связи с крестьянским, частнособственническим хозяйством все единицы государственного сектора вынуждены применять рыночные методы и строить свою организационную структуру по типу товаропроизводящих предприятий, то рыночная форма не может не перенестись и на отношения между самими этими социалистическими единицами. Не может же трест иметь двойную организацию — одну для рыночных сношений с крестьянским хозяйством, другую для безрыночных, натуральных «чисто социалистических» сношений со своими «братьями» по экономическому укладу — с социалистическими предприятиями. В этом случае одну часть того же ситца приходилось бы рассматривать как товар, калькулировать для нее цену, выручать за нее деньги, а другую часть рассматривать исключительно как продукт, как натуральный ситец, безвозмездно отдаваемый государственному центру. Одну часть средств производства приходилось бы рассматривать как товар, как стоимость; она имела бы цену, которую нужно уплатить, чтобы получить ее. Другая оказалась бы безвозмездным даром государства, совершенно несоизмеримым ни с какими деньгами. Такая д в о й с т в е н н о с т ь, такое механическое с л о ж е н и е товарно-рыночных, денежных отношений с натуральными, чисто социалистическими в лучшем случае страшно затруднило бы и запутало бы ведение дела, а вернее всего, сделало бы его совершенно невозможным. В едином хозяйстве не было бы единой организации, единой связи. Организационный разрыв неизбежно привел бы к обособлению хозяйств друг от друга, к невозможности нормального воспроизводства.

В о - в т о р ы х, у нас еще нет новых способов безденежного учета продуктов и безрыночных способов их распределения. Для того, чтобы управлять хозяйством, надо иметь возможность соизмерять различные продукты, как бы сильно они ни отличались друг от друга. Ведь

и паровоз, и французская булка являются продуктами общественного труда, могут быть представлены как разные количества одной и той сущности — общественного рабочего времени. В товарном обществе такое приравнение вещей совершается стихийным путем, помимо контроля и сознания людей. Товары на рынке приравниваются к деньгам, получают цену и в этой своей общественной форме оказываются общезначимыми и сравнимыми. Деньги являются символом общественного труда, всеобщим измерителем и всеобщей единицей учета. При социализме научный учет сможет прямо переводить все вещи в определенные трудовые величины. Вместо того, чтобы булка равнялась 10 коп., она будет равняться, скажем, 6 минутам общественного рабочего времени и, как таковая, сможет сопоставляться и с паровозом (скажем, 10 000 рабочих часов), и с коробкой ваксы (скажем, полчаса), и с каким угодно другим продуктом. Благодаря этому окажется возможным планировать распределение продуктов, не прибегая к услугам денежного измерителя. Но в переходных советских условиях нет возможности наладить такой натуральный, трудовой, безденежный учет даже в социалистических предприятиях. Ибо прежде всего в сумму производственных затрат этих предприятий входят в качестве составных элементов цена сырья, топлива и т. п., произведенного в частнособственнических хозяйствах. Значит, часть труда, вложенного в продукт госпредприятий уже облечена в денежную форму. Перевести это денежное выражение в общественно-необходимое рабочее время, разумеется, совершенно невозможно, так как приравнение труда и денег совершается стихийной игрой рыночных сил и не поддается никакому сознательному учету. Попытка выразить в новой, натурально-трудовой форме хотя бы ту часть суммы трудовых затрат, которая падает непосредственно на госпредприятия, тоже не может ни к чему привести, как потому, что эта операция была бы чрезвычайно сложной и запутанной, так и потому, что все равно нельзя объединить часы труда и рубли в одно выражение, в одну измерительную единицу. Далее, у нас просто фактически нет другого выработанного способа учета затрат средств и сил, кроме как подсчет денежных издержек производства. Поэтому в социалистических предприятиях для измерения и учета размеров трудовых затрат и приведения к общему экономическому знаменателю всех продуктов, применяется денежное измерение в форме цен.

Что касается распределения, то опыт военного коммунизма показал невозможность обойтись без рыночной покупки-продажи, как формы связи госпредприятий. Попытка немедленно сейчас же распределять все путем бесплатной сдачи продукции государству и бесплатного снабжения всем необходимым вызвала бы полную дезорганизацию внутри государственного хозяйства. Даже если бы и не было крестьянского окружения и т. п., то и тогда гибкие рыночные связи оставались бы необходимыми на ряд лет, и безденежное распределение могло бы только постепенно и медленно проникать в практику взаимоотношений ячеек государственного хозяйства.

Таким образом, даже для налаживания связей внутри самого сектора госпредприятий рыночные формы остаются совершенно необходимыми и наиболее рациональными. Поэтому все предприятия совет-

ского хозяйства, к какому бы укладу они ни относились, осуществляют свою материальную связь другом с другом через рыночный обмен.

Соединение товарно-рыночных и плановых элементов в организации переходного хозяйства.

Однако это обстоятельство отнюдь не превращает наш экономический строй в разновидность обычного товарно-капиталистического хозяйства. Дело в том, что рыночная организация отдельных частиц руководящего социалистического сектора нашего хозяйства отнюдь не уничтожает их обобществленного характера. В то время как все предприятия трех товарно-капиталистических укладов представляют собою разрозненную массу, сталкивающуюся только на рынке,—все предприятия социалистического сектора объединены в одну организованную систему, при чем каждое отдельное предприятие является только ячейкой этого единого целого. Государство является тем общим центром, который объединяет и возглавляет эту социалистическую систему. Рядом с рыночными отношениями социалистические предприятия оказываются объединенными связью социалистического типа — связью через общественную коллективную собственность, через единый регулирующий центр. Это, прежде всего, в корне меняет социально-экономическое содержание обмена товарами между двумя госпредприятиями. Этот обмен перестает быть отношением двух независимых товаропроизводителей, он превращается в связь двух хозяйственных единиц, руководимых из одного центра. В качестве представителя всей совокупности предприятий социалистического сектора, государство превращает свою административно-организационную связь с ними в орудие регулирования их рыночных отношений. Оставаясь по форме обычными меновыми актами, рыночная связь между госпредприятиями подпадает под влияние нового способа регулирования. Стихийная игра рыночных сил здесь ликвидируется, ибо каждая из этих сил является проявлением одной общей силы. Рыночные выступления сознательно и согласованно направляются так, чтобы получился заранее намеченный результат, соответствующий необходимой пропорциональности между отраслями. Одним словом, опираясь на систему централизованных связей внутри социалистического сектора хозяйства, план вступает в свои права, вытряхивает из рыночной формы стихийный способ регулирования и становится на его место.

Создается своеобразное соединение товарно-рыночных и планово-социалистических элементов в новую систему отношений. Социалистический план выражается в ценностной, денежной форме; централизованное распределение обобществленных средств производства производится путем регулирования продаж и покупок, путем использования рыночного аппарата; отдельные производственные единицы, отдельные предприятия, несмотря на свой «последовательно-социалистический тип», используют товарно-капиталистическую форму организации трестов, синдикатов, акционерных обществ и т. д.; отношения между общественным центром, государством и отдельными производителями, рабочими, вкладываются в форму покупки-продажи рабочей силы, хотя на место отношения эксплуатации здесь поставлено коллективное обладание и использование всем рабочим классом обобществленных средств произ-

водства. Словом, социалистическое строительство применяет товарные методы, новые общественные отношения опираются на старый денежно-рыночный аппарат, в товарно-капиталистические категории и формы вкладывается социалистическое существо. Все это создает новый тип **товарно-социалистических отношений**, характерный для переходного периода.[1]

На рынке, в мире товарных отношений, эти новые товарно-социалистические отношения очень часто трудно отличимы от обычных товарно-капиталистических отношений. Дело в том, что новые товарно-социалистические отношения на рынке выступают в старых, обычных товарно-капиталистических формах. Цена, прибыль, заработная плата, — все эти формы, все эти категории имеются и в том случае, когда за ними скрывается заурядное лицо частнокапиталистического предприятия, и в том, когда за ними стоят «предприятия последовательно-социалистического типа». При этом **по внешности** и цена, и прибыль или какая-либо другая рыночная форма в обоих этих случаях ничем не отличаются друг от друга, хотя в них вложено совершенно различное социально-экономическое содержание. **Одни и те же старые** формы проявления на рынке служат для разных, и **для новых и для старых**, отношений. Но стоит нам от поверхностных рыночных явлений спуститься в глубь экономической жизни, как мы ясно увидим, что в одном случае за ценой товара стоит стихийная, слепая игра сил, в другом — плановое, сознательное регулирование; что за прибылью в одном случае стоит эксплуатация, а в другом — деление продукта труда на личные нужды отдельных рабочих и на общеклассовые нужды всего пролетариата и т. д.

Рыночные выступления и плановое руководство.

Однако, такое **перерождение** рыночных связей не останавливается на границе круга государственных предприятий. Своеобразное положение этого круга — его руководящая роль — сильно изменяет характер рыночных отношений между ним и окружающей его неорганизованной массой частнособственнических предприятий. Правда,

---

[1] Если не ошибаюсь, впервые этот термин употреблен тов. Преображенским. Однако он употребляет его в другом смысле, чем мы. В «Новой экономике» он пишет, что «наша экономика в **целом** является товарно-социалистической системой хозяйства» (стр. 117. Подчеркнуто нами). Такое расширительное применение этого термина нельзя признать удачным. Наше хозяйство включает в себе несколько различных укладов, сохраняющих товарные черты: 1) простое товарное хозяйство; 2) товарно-капиталистические предприятия (частнохозяйственный капитализм и госкапитализм); 3) товарно-социалистическое хозяйство («предприятия последовательно-социалистического типа»; разумеется, нельзя отрицать, что наши социалистические предприятия включают в свой экономический строй товарные черты, особым образом преобразованные и переро̀жденные). Если говорить о количественном преобладании, то шире всего распространены мелкотоварные (близкие к простому товарному хозяйству) отношения. Если говорить о руководящей роли, то она в руках у товарно-социалистических предприятий. Несомненно, что тенденция развития идет к тому, чтобы сделать товарно-социалистические отношения господствующими **во всех отношениях**. Но пока этого нет, и в этом важнейшая черта **нашего** современного переходного строя. Говорить, что наша экономика «в **целом**» является товарно-социалистической, значит упускать как раз самые своеобразные черты нашего экономического строя.

поскольку тут участники обмена не объединены общественной собственностью, постольку простое сознательное управление рыночными отношениями здесь невозможно. Но, с другой стороны, здесь мы имеем дело вовсе не с обычными рыночными сделками отдельных крупных предприятий (хотя бы типа монопольного треста) и рядовых частных хозяйств. Здесь отдельные составные части единого социалистического комплекса осуществляют свою хозяйственную связь с разрозненными товарными хозяйствами. Поэтому на стороне социалистических предприятий, вместо обычного, ни с чем не согласованного стремления к наибольшей выгоде, мы имеем прямое плановое руководство их рыночным давлением. Каждое воздействие, которое оказывает какое-либо из этих предприятий на вольный рынок, на массу частных хозяйств, должно являться отдельным актом единого планового воздействия, направляемого из государственного экономического центра. Рыночные сделки превращаются в проводников планового воздействия за пределы государственного круга. Связь крестьянских хозяйств, капиталистических лавочек или арендованных заводов с трестами, синдикатами, торгами и кооперативами оказывается связью с планом. А если мы вспомним, что социалистический сектор объединил в себе все то, что играет в хозяйственном развитии руководящую роль (крупная промышленность, банки, внешняя и главная доля внутренней торговли, железные дороги и т. д.), что он играет поэтому роль центра всего хозяйства, всех укладов, то нам станет понятным огромное значение этого факта. Рыночная связь предприятий несоциалистических секторов с этими руководящими центрами народного хозяйства является решающей для направления их развития, ибо именно через эту связь проходит влияние передовой, руководящей «центральной» части хозяйства на все остальное окружение. Планирование выступлений наших трестов, синдикатов, кооперативов и т. д. на вольном — хотя бы крестьянском — рынке превращается в планирование руководства развитием всего народного хозяйства. Все это усугубляется тем важнейшим обстоятельством, что социалистический сектор является государственным сектором, и что «наши тресты и синдикаты входят в совокупный государственный аппарат, а их политика входит важнейшей составной частью в политику государственной власти».[1] Во-первых, такое положение превращает хозяйственные операции госпредприятий в часть общей пролетарской работы над перестройкой всей нашей экономики и накладывает на них высокую обязанность всемерно заботиться об интересах социалистического развития всего народного хозяйства. Во-вторых, благодаря этому обстоятельству вся сила государственного нерыночного, административного регулирования экономической жизни, т. е. вся огромная сила давления налогового пресса, таможенных тарифов, правовых норм, поощрительных мер и т. д., — соединяется с рыночным хозяйственным давлением социалистических предприятий. В результате, за государственно-социалистическим комплексом действительно закрепляется своеобразная

[1] Бухарин. «К вопросу о закономерностях переходного периода». «Правда» от 1 июля 1926 г.

роль — в известной мере служить центром («субъектом») всего народного хозяйства, несмотря на то, что это хозяйство построено на основе рыночной связи, и что его преобладающий массив состоит из частнособственнических, «независимых» товаропроизводителей.

Особый «советский» тип хозяйственной организации; «единство» рынка и плана.

Таким образом, было бы совершенно неверно рассматривать организацию советского хозяйства как обычный тип товарной структуры. Конечно, все советское производство является производством на рынок; конечно, в нашем хозяйстве преобладают и пока что не могут не преобладать мелкие, независимые, частнособственнические товаропроизводители; конечно, рыночные выступления этой массы мелких товаропроизводителей неизбежно порождают стихийную игру сил; конечно, подобная стихийно-рыночная обстановка чрезвычайно затрудняет плановую работу и зачастую тяготеет к тому, чтобы вообще смыть все опоры социалистического строительства и превратить наши госпредприятия тоже в независимых товаропроизводителей. Однако, внутрь рыночного строения советского хозяйства уже внесены такие важнейшие организационные изменения, которые вполне могут быть предпосылками планового регулирования. Обобществление важнейших средств производства; объединение предприятий, руководящих всем народным хозяйством, связью нового типа, связью через единый планирующий центр; соединение всей мощи государственного аппарата с экономическим влиянием социализированных командных высот, — все это, ничуть не нарушая, не противореча рыночным связям, наоборот, включаясь в эти связи и основываясь на них, создает особый структурный тип нашего хозяйства. Оба противоположные вида экономической связи и организации (рыночная связь, товарная организация и централизованная связь, плановая, социалистическая организация) известным образом соединились и сплелись в структуре советского хозяйства. При этом мы имеем не просто механическое сложение двух различных типов организации. Наивно было бы думать, что в едином советском хозяйстве может быть какое-то сожительство друг от друга обособленных социалистических и рыночных связей. На самом деле вне рыночных отношений у нас не существует планового хозяйства. Плановая связь неотделима от рыночных сделок, от денежного учета и тому подобных «остатков» товарного строя. То же самое мы имеем и с рыночными, товарными отношениями. В некоторых частях хозяйства, куда плановое воздействие проникает только отраженным образом, товарные отношения существуют в более чистом виде, с минимальными чертами перерождения. Там, где налицо имеется прямое участие социалистического комплекса, — рыночные отношения независимых товаропроизводителей находятся уже на сравнительно высокой ступени перерождения в плановые отношения двух ячеек единого организованного целого. В общем же для переходной советской экономики характерно некоторое единство плана и рынка, единство отношения продавца и покупателя с отношением руководящего центра и руководимой части. В этом соединении и состоит своеобразие нового, специально переходного типа хозяйственной связи.

Встает вопрос, как же осуществляется закон трудовых затрат в этих своеобразных условиях переходной организации хозяйства? Какие способы, какие посредствующие пути служат этому закону в деле регулирования советского хозяйства? Надо сказать, что этот вопрос имеет большие теоретические трудности. Не пытаясь полностью разрешить его, мы попробуем изложить только некоторые существенные элементы этой проблемы.

Две особые формы действия «закона трудовых затрат» в советском хозяйстве.

Понятно, что переходному строению советского хозяйства соответствует наличие «разных форм действия закона трудовых затрат»:[1] и как стихийных законов товарно-капиталистического общества, и как «сознательно-проводимой нормы трудовых затрат».[2] Стихийный способ регулирования опирается на массу независимых частнособственнических хозяйств, вырастает из нее, а плановый — на руководящий комплекс социалистических предприятий. Неправильно было бы думать, что обе эти формы закона трудовых затрат — и плановая и стихийно-рыночная — просто разными способами устанавливают совершенно одно и то же; разница между ними гораздо глубже, она лежит не только в форме, но и в самом содержании хозяйственных процессов.

Это вытекает хотя бы из того, что каждой из них соответствует определенный тип развития производительных сил и определенный социально-экономический строй. Различные механизмы действия законов трудовых затрат связаны с более быстрым или более медленным ростом различных хозяйственных отраслей. Стихийному способу регулирования, связанному с анархией производства, кризисами, депрессиями, периодами грюндерства и т. д., присущи свои особенности в чередовании ускоренных и замедленных темпов хозяйственного развития. Такие же особенности имеются и в отношении выдвижения вперед той или другой отрасли производства, т.-е. в «порядке» их роста. Плановый способ регулирования устраняет эти особенности и выдвигает другие, дающие возможность более энергичного движения вперед, ибо плановый способ регулирования есть высшая форма организации хозяйства по сравнению с формой стихийно-рыночной. Все это приводит к тому, что равновесие хозяйства, пропорциональность отраслей, уровень затрат труда, необходимых для производства того или другого продукта, не совпадают с точки зрения стихийного и с точки зрения планового способа регулирования. Они тяготеют к различным путям производственного развития, а значит, и к различным рядам хозяйственных равновесий.

Поэтому «директивы», которые они дают рынку, далеко не сходятся. Несомненно, например, что плановое регулирование в течение всех лет нэпа стремилось установить другой, не соответствующий стихийным «правилам», уровень цен на ряд важнейших товаров. В годы «ножниц» шла борьба за повышение уровня сельскохозяйственных цен и понижение промышленных; осенью 1925 г. шла борьба за понижение

---

[1] Бухарин. К «вопросу о закономерностях переходного периода». «Правда», № 150 за 1926 г.

[2] Там же.

как хлебных цен, так и розничных промышленных; в условиях товарного голода проводится снижение розничных цен; все время в плановом порядке цены «складываются сознательно иначе, чем они сложились бы стихийно» (Бухарин). Или возьмем соотношение развития отдельных отраслей промышленности; конечно, стихийное регулирование по-другому распределило бы прилив капиталов в эти отрасли, чем это сделало планирование. Такие отрасли индустрии, как металл, получили бы несравненно меньше, а отрасли легкой индустрии — больше. Перелив капитала в металлическую промышленность произошел бы только в результате перепроизводства в легкой индустрии, в результате нарушения равновесия между отраслями. При этом соотношение между ними сложилось бы другое, менее благоприятное для советской тяжелой индустрии и более благоприятное для капиталистической промышленности Запада.

С другой стороны, плановое регулирование направляет все хозяйство по пути наибольшего возрастания социалистических элементов; плановое руководство развитием мелкотоварного массива ведет его по социалистической дороге. Наоборот, стихийная закономерность рыночной борьбы способствует выделению капиталистов, пролетаризации середняцкой массы, усилению роли капиталистического уклада.

Стихийный способ регулирования — обычный способ действия закона трудовых затрат во всех капиталистических странах. Его наличие не составляет отличительной черты советского хозяйства и не дает ему никаких преимуществ по сравнению с капиталистическими странами. Если бы только одни стихийные законы регулировали развитие нашего хозяйства, мы не имели бы возможности догонять технический уровень мирового капитализма, а значит, и отстаивать свою экономическую самостоятельность от него. Наоборот, наличие планового способа регулирования составляет одно из самых основных преимуществ советской организации хозяйства. Предвидение естественной и экономической необходимости, предупреждение конъюнктурных нарушений равновесия и бессмысленных затрат, высшая, лучшая организованность нашего хозяйства, — все это делает ход нашего роста более плавным, рациональным и быстрым. А являющаяся одной из главных составных частей планового хозяйства монополия внешней торговли обеспечивает нам возможность, тесно связавшись с западными капиталистическими странами, не попасть в кабальную зависимость от них, не превратиться в их аграрное дополнение.

Таким образом, стихийный и плановый «механизмы» действия закона трудовых затрат стремятся установить хозяйственное равновесие на различном материальном и социальном базисе и в связи с этим по-разному разрешают вопросы экономической жизни. При этом плановое регулирование обеспечивает наибольший подъем производительных сил и максимальное устранение потрясений, кризисов, непроизводительных затрат и т. д. Наоборот, стихийная закономерность тяготеет к другому темпу и к другому типу роста производительных сил и соответственно этому изменяет решение всех остальных вопросов. Поэтому сожительство «разных форм действия закона трудовых затрат» в советском хозяйстве не может не приводить и на деле при-

водит к борьбе между тяготением к стихийному регулированию, с одной стороны, и плановым руководством — с другой.

Однако, было бы глубоко неправильным представлять себе дело так, как если бы в нашем хозяйстве механически сосуществовали обычная товарно-рыночная закономерность и социалистическое плановое регулирование, которые поделили между собой сферы влияния, хозяйничают в них и вылезают только для взаимной борьбы. Прежде всего, каждый из существующих в советском хозяйстве способов регулирования именно из-за своего «соседства» с другим приобретает некоторые своеобразные черты, теряет свою девственную чистоту, получает отпечаток переходности. Легко понять, почему это неизбежно происходит. Главные части советского хозяйства — и социалистический комплекс, и масса разрозненных, по преимуществу мелких товаропроизводителей — являются составными частями единого целого. Только рассматривая их в их взаимосвязи, можно правильно понять весь механизм регулирования трудовых затрат и в каждом из этих секторов хозяйства в отдельности, и во всем советском хозяйстве в целом. Размеры производства и уровень производительности труда как каждого мелкого хозяйства, так и каждого треста должны регулироваться не только в соответствии с предприятиями сходного технического и социально-экономического типа, но в равной мере и в соответствии со всеми остальными частями хозяйства. *В отдельном секторе не может установиться никакого обособленного, самостоятельного равновесия, не являющегося частью общего равновесия всего народного хозяйства.* Поэтому регулирование производства в данном хозяйственном участке не может не считаться с регулированием производства во всех остальных частях хозяйства, ибо все они сплетены друг с другом единой цепной связью. Собственно говоря, ведь речь идет о регулировании *разных этапов одного и того же процесса воспроизводства.* В создании и в реализации любого продукта участвуют (прямо или косвенно) товаропроизводители и из социалистических, и из частно собственнических предприятий. Скажем, в производстве ситца участвуют не только советский трест, но и туркестанский крестьянин; вместе с тем, этот ситец производится для широкого рынка, т.-е. завершение работы треста опять-таки немыслимо в пределах социалистического сектора. То же самое и с продуктом крестьянина: плановое снижение цен на сельскохозяйственные машины, плановое снабжение крестьянина продуктами индустрии, плановая политика цен на хлеб и проч. входят неотъемлемыми частями в определение результатов стихийного регулирования. Весь путь воспроизводства всех отраслей нашего хозяйства можно было бы разделить на несколько отрезков, из которых одни проходили в сфере непосредственного планового регулирования, другие же шли по территории «подведомственной» стихии. Поэтому каждый способ регулирования имеет предпосылкой своего функционирования работу другого способа, а в качестве перспективы — обязательную встречу с ним в дальнейшем ходе хозяйственного оборота. Отсюда получается то, что цена каждого товара, скажем, цена готового фабриката, представляет собою целое наслоение из плановых и стихийных «влияний». Даже если данный

готовый продукт производится исключительно в государственных предприятиях и покупается полностью государством, это еще не значит, что его цена целиком освободилась от стихийных влияний, целиком является продуктом «чистого» плана: сам план имеет своей предпосылкой учет ряда стихийных факторов, определивших стоимость отдельных элементов производства (сырья, рабочей силы).

То же самое мы имеем и в отношениях отдельных отраслей, взятых в целом: каждая «плановая» отрасль опирается на «стихийные» отрасли и обратно. Регулирование должно согласовать все отрасли хозяйства как стадии, как этапы общего хозяйственного движения. Это значит, что, как бы ни велика была разница между двумя способами регулирования, они должны, тем не менее, создать какое-то единое равновесие, общее взаимосоответствие и плановых и стихийных звеньев хозяйственной цепи. Весь вопрос в том, откуда же берется это единство, если мы имеем два различных, в известной степени даже противоположных способа регулирования трудовых затрат? Ведь каждый из них принципиально отличен от другого. Как же достигается согласованность и объединенность между ними?

Особенности переходных форм хозяйственного регулирования.

Если бы мы имели дело действительно с двумя развернутыми, классически чистыми, неизменными законами товарного и социалистического хозяйства, то это затруднение было бы неразрешимо. Но на самом деле необходимость «согласования» равносильна известному видоизменению обеих форм действия закона трудовых затрат, ибо товарно-капиталистическая стихийность не может оставаться неизменной, если ей приходится «согласовываться» с плановым регулированием, и, наоборот, развернутое, законченно-социалистическое планирование по самой сути дела не может механически сосуществовать со стихией, регулируя только часть единого хозяйства. Такое «разделение труда» между двумя способами регулирования видоизменяет их самих, конечно, отнюдь не прекращая идущей между ними борьбы за взаимовытеснение.

Может ли стихийный способ установить равновесие внутри своей части хозяйства так же, как он обычно делает это в условиях владычества над всем народным хозяйством? Нет, конечно. Пропорции внутри стихийной части зависят от соотношения с плановым сектором. Значит, ключ к стихийному равновесию лежит вне исключительного «ведения» стихийных законов, в сфере соотношения основных частей народного хозяйства. Стихия оказывается в известной мере зависимой от плана, подверженной его действию. Из монопольного «ведения» стихии изъята часть вопросов, без разрешения которых нельзя регулировать производство; поэтому столкновение интересов массы независимых товаропроизводителей — игра рыночных сил, взятая сама по себе, вне связи с гигантским товарно-социалистическим товаропроизводителем — является частичной, односторонней и поэтому не может установить никакого равновесия. Для того, чтобы стихийная игра сил действительно могла провести внутри своего сектора необходимое равновесие,—для этого нужно включить в нее все то давление, которое оказывают на рынок плановые выступления социалистического комплекса.

Рыночная «игра» в переходных условиях является не только результатом разрозненных выступлений независимых товаропроизводителей, но и результатом плановых, целесообразных выступлений социалистических предприятий. Норма, регулирующая размеры отдельных частей стихийного сектора, создается только в качестве рыночной равнодействующей всех этих выступлений.

Приведем пример, при чем для ясности возьмем рыночные участки, наиболее отдаленные от государственного хозяйства, — хотя бы внутрикрестьянский хлебный рынок или обмен между кустарем и крестьянином. Как будто бы тут-то регулирование ничем не отличается от обычного товарно-рыночного способа: ведь здесь непосредственно не участвует ни одно государственное или полугосударственное предприятие. С обеих сторон в сделках выступают независимые частные собственники, не подчиненные никакому плану и руководствующиеся только своими личными интересами. Словом, стихийная игра сил здесь дана в возможно более чистом виде. Неужели и тут регулирование чем-нибудь отличается от обычных закономерностей товарного производства?

Если бы этот рыночный участок был изолирован от всего остального хозяйства, если бы наши независимые товаропроизводители торговали только сами с собой, тогда никакая другая сила не нарушила бы здесь безраздельного господства стихийных законов. Но на самом деле этот уголок частнособственнических сделок является неразрывной частью единого рынка советского хозяйства. Сегодня наши крестьяне (бедняк - покупатель и кулачок - продавец), повернувшись спиной к остальному миру, оживленно торгуются о цене на рожь или пшеницу. Но только вчера бедняк по льготной цене получил от государства плуг или борону, а кулак продал в ссыпном пункте несколько десятков пудов хлеба, столкнувшись при этом с плановым регулированием цен. То воздействие, которое было при этом оказано на них государством, не может не отразиться на их рыночных связях друг с другом. Во-первых, рыночная позиция бедняка благодаря поддержке государства укрепляется; во-вторых, цена на хлеб при внутрикрестьянских сделках оказывается связанной с заготовительными ценами государства; поэтому взаимное давление продавцов и покупателей частично определяется государственными плановыми воздействиями на них. То же самое мы будем иметь и в сделке деревенского кустаря и крестьянина: ведь орудия производства — а частью и сырье — кустарь покупает у госпромышленности; цена на кустарные изделия в большинстве случаев связана с ценой на предметы промышленности; и опять-таки емкость крестьянского рынка кустарных изделий в значительной мере зависит от государственного хозяйства. Словом, в скрещивании стихийных сил составным, слагающим фактором входит плановое, сознательное воздействие социалистического сектора. Правда, здесь это воздействие является не прямым, а косвенным, отраженным: только через выступления независимых товаропроизводителей план становится фактором стихийного регулирования. Поэтому стихийный способ здесь остается, нормальные пропорции складываются в результате беспорядочной борьбы, в качестве слепой средней, заранее никем не предвиденной. Но участие

планового воздействия в качестве одной из слагаемых сил не проходит бесследно. Результат стихийной игры складывается по-другому, чем если бы на месте планового воздействия социалистического комплекса была такая же игра сил частнособственнических товаропроизводителей. Стихийная закономерность, продолжая свою работу, более или менее сохраняя свои основные методы, вместе с тем отражает в себе плановое воздействие и благодаря этому приобретает некоторые особенности, претерпевает некоторые видоизменения и ограничения. Можно сказать, что стихия *включает* в себя это воздействие, сама из за этого видоизменяясь. Плановое регулирование *через эту видоизмененную стихию* становится значимым для всех отраслей хозяйства, проводит свое посильное влияние на установление равновесия *во всех* частях хозяйства. Этим достигается приспособление стихии к сожительству с планом, согласование обоих этих способов регулирования в целях создания возможности единого равновесия.

Таким образом, поскольку речь идет о переходной советской экономике, объединившей в себе различные механизмы создания равновесия, *постольку «извращение» стихийного регулирования является не случайным, а необходимым, закономерным, характерным явлением.*

Обратимся теперь к плановому регулированию. Конечно, переходное планирование так же, как и переходная стихийность, имеет свои особенности. Об одной из них мы уже говорили выше: наше планирование является *планированием рыночных отношений.* Учет — основа всякого плана — в наших условиях является денежным, ценностным учетом, а сам план для своего выражения прибегает к денежным единицам. Все планирование в значительной степени состоит или в административном, централизованном управлении рыночными выступлениями социалистических предприятий, или в рыночном воздействии комплекса государственных предприятий на окружающие его части хозяйства. Вот эта рыночная форма планирования составляет *первую* особенность советского переходного плана. *Второй* особенностью является как раз определенное согласование планового способа регулирования с «соседством» стихии. Разберемся, как происходит это согласование.

При социализме планирование есть познание естественно-технической необходимости и сознательное проведение ее в жизнь через директивы планирующего центра. План учитывает все факторы этой необходимости и на основе этого учета намечает нужные пропорции общественного производства, и сам *создает* хозяйственное равновесие. У нас дело обстоит иначе. Конечно, советское планирование тоже должно учесть естественно-техническую необходимость, но план является не единственным проводником этой естественной необходимости, не единственным способом регулирования трудовых затрат. Естественная необходимость отчасти проявляется в виде стихийного регулирования рынка. Некоторые важнейшие элементы общего равновесия устанавливаются вне сферы непосредственного действия плана, стихийным путем. План не может поэтому прямо учесть все факторы естественной необходимости в их натуральной форме и своими сознательными способами создать определенное равновесие. Часть факторов,

часть соотношений в общей системе равновесия противостоит плану в форме стихийных явлений и стихийного регулирования. Не считаться с этими стихийными факторами план не может, если он хочет не остаться на бумаге, но превратиться в действительного регулятора действительной жизни. Поэтому он вынужден учитывать эту группу явлений в ее стихийной форме, как не зависящую от воли людей общественную необходимость. Только такой учет сможет дать основу для видоизменения, частичного преодоления этой стихийной необходимости. Таким образом, если планирование в социалистическом обществе должно познать, учесть, провести в жизнь непосредственную естественно-техническую необходимость, то план переходного хозяйства на ряду с этим должен познать, учесть и как-то включить в себя стихийную общественно-экономическую необходимость. В этом и состоит вторая особенность переходного планирования. Стихийные пропорции, стихийные явления посредством включения в план становятся значимыми даже для таких частей государственного хозяйства, которые сами никогда и не выглядывают на рынок. Этим путем плановое регулирование может «согласоваться» со стихийным, и единое равновесие всего хозяйства становится возможным.

Ни один советский производственный, торговый или кредитный план не может быть составлен без учета ряда стихийных предпосылок, без учета цепной связи социалистических и частнособственнических хозяйств. Познание стихийной необходимости — первое условие планового ведения хозяйства. Так, например, «плановое хозяйство в промышленности само по себе немыслимо: ведь наша промышленность работает в огромной степени на крестьянский рынок, потребителями продуктов промышленного производства являются, в первую голову, наши крестьянские хозяйства. Чтобы был точный план в промышленности, для этого необходимо знать, сколько будут потреблять крестьянские хозяйства, для этого нужно строго учитывать, сколько и каких продуктов будут запрашивать эти крестьянские хозяйства от государственной промышленности».[1]

Разумеется, тот факт, что план не может игнорировать стихий, что план должен учитывать стихийную силу и считаться с ней, вовсе еще не превращает планирование в простое проведение стихийных требований, вовсе не ставит план в положение мальчика на побегушках у стихии. Нам придется еще вернуться к этому важнейшему вопросу об учете планом стихии, и тогда мы увидим, что познание и учет стихии являются только необходимыми средствами для ее преодоления, для лишения ее роли самостоятельного регулятора и для создания нового, планового регулятора, использующего в своих целях стихийное давление.

«Взаимопроникновение» плана и стихии.

Таким образом, поскольку стихии и плану приходится устанавливать равновесие в едином хозяйстве, постольку они обязательно должны как-то приспособиться друг к другу, как-то отразить в себе факт

[1] Бухарин. «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз», стр. 30.

своего взаимососедства. В едином переходном хозяйстве не может быть простого сложения товарно-капиталистического и социалистического регулирования. На деле в нем нет ни чисто товарной стихийности, ни чисто социалистической плановости. Оба эти способа взаимопроникают один в другой и этим создают своеобразную стихийность и своеобразную плановость. В каждом рыночном толчке и в каждой директиве планирующего органа по-разному соединено действие обоих способов регулирования. Плановое создание равновесия учитывает стихийную игру сил; в стихийном уравновешивании беспрерывных колебаний отражается наличие плана. В общем, в каждом способе регулирования отражается соотношение всех частей народного хозяйства, взятого в целом. Поэтому каждый из них оказывается так или иначе приспособленным к тому, чтобы служить для установления равновесия, необходимого с точки зрения единого народного хозяйства. Это взаимопроникновение стихии и плана составляет первую главную особенность регулирования трудовых затрат в советском хозяйстве.

Однако, ни на минуту нельзя забывать, что это взаимопроникновение не уничтожает основной разницы между создающимися своеобразными способами регулирования — между планом, учитывающим стихию, и стихией, видоизмененной планом. Ведь когда план включает в себя стихию, то это равносильно гегемонии плана, поглощению и подчинению стихии, сведению ее на роль одного из составных элементов проведения плана. Она уже не сама вырабатывает путем колебаний и отклонений необходимую хозяйственную норму. План отнимает у нее такую роль самостоятельного регулятора. Из вершителя хозяйственных судеб стихия превращается в один из элементов, из которых план строит заранее намеченное равновесие. Понятно, что это равновесие отличается от того, которое установилось бы в результате свободной игры сил, даже если бы в состав этих сил и входило известное плановое воздействие. Ибо одно дело, когда план только косвенным путем отражается на неведомом результате стихийной игры хотя бы в сфере внутренних отношений частных собственников, и совершенно другое дело, когда план предвосхищает работу стихии, не допускает ее свободно разгуляться по рыночному полю, сознательно проводит определенную норму и определенное равновесие — хотя бы в области внутренних хозяйственных взаимоотношений частей социалистического сектора. В одном случае — план только составная часть, входящая в общую совокупность рыночных давлений; в другом — план охватывает все факторы в их взаимодействии, превращается в руководителя всего хозяйственного движения. И то, и другое будет известным соединением, взаимопроникновением плана и стихии. Но оба эти соединения отличаются друг от друга самым решительным образом.

Вся борьба двух способов регулирования — и вместе с тем двух способов взаимопроникновения — как раз сосредоточивается именно на вопросе о гегемонии плана или стихии, на вопросе о господствующем типе, об основной системе взаимопроникновения стихии и плана.

Каждый из двух способов регулирования вступает в эту борьбу, опираясь на определенные части хозяйства: план имеет своей базой социалистические предприятия, увязанные централизованной связью,

стихия — разрозненную массу частных собственников. Работа по установлению равновесия внутри обеих этих частей хозяйства сравнительно прочно закреплена за одним из двух способов регулирования — или, что то же, за одним из двух различных видов взаимопроникновения стихии и плана. Сама централизованная, социалистическая система организации промышленности и других частей государственного хозяйства предполагает наличие планирования, в то время как разобщенность частных производителей делает естественным способом регулирования их внутренних отношений стихийную форму закономерности.

Однако, такое разделение сфер само по себе не дает нам решительно ничего и не имеет никакого решающего значения. Ибо если в приведенных случаях организационная структура в состоянии обусловить способ проведения того или иного равновесия, то мы еще ничего не знает о том как это равновесие реально будет складываться и регулироваться. Все дело в том, что действительно решающими вопросами общехозяйственного равновесия являются вопросы соотношения «плановых» и «стихийных» частей хозяйства. Именно во взаимоотношениях между планово-организованными частями государственного «сектора» и частнособственническими предприятиями мы имеем дело как раз с важнейшими связками народнохозяйственной цепи, имеющими решающее значение для установления общехозяйственного равновесия. Здесь речь идет об установлении отношений между государственным хозяйством и массой частнособственнических хозяйств. Государственные хлебозаготовки, закупка сырья, снабжение крестьянского рынка продуктами госпромышленности и товарами, закупленными за границей, другие разнообразные случаи товарооборота между городом и деревней и т. д. и т. п.,—все это представляет собою лишь частный случай этого общего соотношения между отдельными частями основных секторов народнохозяйственной совокупности. Этим соотношением разрешается центральный вопрос равновесия всего хозяйства, создается как бы общая наметка главных пропорций. Все остальные, более детальные, более частные хозяйственные соотношения — хотя бы пропорции между отдельными отраслями внутри госпромышленности, или между посевами технических и зерновых культур внутри земледелия и т. д.— складываются в зависимости от того, как сложится основное соотношение, эти «генеральные» пропорции. Возражая против попыток строить только специально промышленный план, оторванный от учета крестьянского хозяйства, тов. Бухарин писал, что «соотношение внутри госпромышленности определяется соотношением с крестьянским рынком. Тот «план», который бьет мимо этого соотношения, не есть план, ибо это соотношение и есть база всего плана... Никакое «расправильное» «сочетание» между отраслями нашей промышленности не освободит от крупнейших потрясений, если будут ошибки в учете основного соотношения, т.-е. соотношения между госпромышленностью и крестьянским хозяйством».[1]

---

[1] «К вопросу о троцкизме», стр. 162. (Последние слова подчеркнуты нами, в двух первых случаях — автором.)

Поскольку здесь речь идет об установлении основных, решающих хозяйственных соотношений и поскольку именно здесь плановое регулирование и стихийные выступления приходят в непосредственное соприкосновение друг с другом, постольку именно здесь и именно через эту борьбу они должны как-то согласоваться, как-то приспособиться друг к другу, создать какую-то определенную форму взаимопроникновения. Весь вопрос состоит именно в том, каким способом будут установлены связки этого главного типа, какое соединение, какое согласование плана и стихии будет создано в этих решающих пунктах. Отсутствие системы и закономерности в разрешении этого вопроса было бы равносильно тому, что в переходном хозяйстве есть просто две своеобразные формы регулирования, как-то друг с другом связанные, накладывающие друг на друга определенный отпечаток; но нет никакой единой системы регулирования общехозяйственного равновесия, нет никакой системы, устанавливающей действительно нормальное взаимопроникновение плана и стихии. В этом случае невыясненным остался бы решающий вопрос о *соотношении плана и стихии в деле регулирования общехозяйственного равновесия*, а значит и вопрос о системе регулирования советского хозяйства в целом. Само взаимопроникновение плана и стихии не имело бы в этом случае никакого определенного значения, его действительное содержание не имело бы никакой нормы, никакой системы, было бы делом случая. *Каким путем* происходит это взаимопроникновение с общехозяйственной точки зрения, *на каких началах* регулируется общехозяйственное соотношение, *в чем состоит* нормальный способ взаимопроникновения плана и стихии — все эти важнейшие вопросы остались бы без ответа. Поэтому для нас недостаточно констатировать изменение форм регулирования вообще, недостаточно указать на принципиальные особенности переходных способов регулирования. Все эти отличительные черты форм регулирования, взятые «вообще», взятые отвлеченно, *дают только общую возможность согласования плана и стихии, а значит, и достижения единого равновесия, но не показывают нам какой действительный механизм и на каких началах приводит плановое регулирование и стихийные колебания в цельную регулирующую систему с определенным типом взаимопроникновения*. В зависимости от того, как сложится этот тип, как будет построена система общехозяйственного «объединения», согласования, взаимопроникновения плана и стихии, — в зависимости от этого сложится тот или иной конкретный вид взаимопроникновения плана и стихии внутри всех отдельных «секторов». В самом деле, если взаимоотношение социалистических и частнособственнических предприятий будет регулироваться стихийным путем, если план в этом решающем пункте будет оттеснен, то плановому управлению внутри социалистического комплекса придется учитывать стихию, вплотную подошедшую к его границам, превратившую его воздействие на широкий рынок в одну из своих слагаемых сил и подчинившую его отношения с частнохозяйственным окружением своему регулированию. Познание стихийной необходимости будет равно-

сильно сознательному приспособлению внутренних отношений планового сектора к стихийному равновесию между частями «секторов» народного хозяйства. Гегемоном в общей системе хозяйственного регулирования оказалась бы стихия, которая путем рыночных колебаний, отклонений и уравновешиваний устанавливала бы общехозяйственное равновесие. Наоборот, если план сможет завоевать руководство в деле регулирования взаимоотношений социалистических и частнособственнических частей хозяйства, то внутреннее управление социалистическим сектором будет учитывать давление стихии, как косвенное давление, только в той мере, в какой это давление включено в план, регулирующий соотношение частей двух основных секторов. В такой же степени изменится «отражение» плана внутри стихийного сектора в зависимости от того, будет ли план воздействовать на частнохозяйственных производителей в качестве регулятора их связи с социалистическими предприятиями, или только в качестве одной из рыночных сил, в результате скрещивания которых произошло стихийное регулирование этой связи. Задачей планового хозяйствования является завоевание и обеспечение гегемонии плана в регулировании основных соотношений советского хозяйства.

В самой структуре переходного хозяйства должны быть заложены основы того, каким именно путем взаимопроникновение плана и стихии создает единую систему установления хозяйственного равновесия и какой способ регулирования играет при этом роль гегемона. Нам необходимо теперь как раз представить себе эту действительную систему регулирования общехозяйственных пропорций, действительную систему взаимоотношений плана и стихии. Для этого нам придется вновь исходить из структурных особенностей советского хозяйства, из основных черт его организации — в первую голову из особой роли социалистического комплекса.

Неправильность рассмотрения роли социалистического комплекса как «одной из индивидуальных воль».

Все своеобразие положения заключается в следующем. Неправильно думать, что силы планового комплекса выступают просто в качестве давления одного из товаропроизводителей, правда, особенно мощного и крупного, но вместе с тем по-обычному употребляющего свои рыночные выступления для достижения каких-либо частных интересов. Этим самым роль «планового начала» была бы сведена к роли одного из факторов (правда, особенно значительного), участвующих в скрещивании рыночных сил, результатом которого является равнодействующая. При таком понимании дела пропадает всякое принципиальное отличие переходного советского хозяйства от обычного монополистического капитализма: ведь и при последнем может иметься какой-либо из ряда вон выдающийся трест или концерн, особенно сильно воздействующий на рыночную равнодействующую. Однако, принципиальная, основная структура хозяйства остается тут товарно-анархической, и все изменения, привнесенные империализмом, этой основы не нарушают.

То, что в общей совокупности «воль», в результате скрещивания которых создается равнодействующая, имеется особо мощная «воля» какого-либо треста, — это само по себе еще отнюдь не изменяет основ-

ного типа хозяйственного регулирования. Для действительно качественного изменения этого типа необходимо, чтобы значение нашего особо крупного треста превзошло известную количественную грань, чтобы разрешение вопросов его работы оказалось разрешением ряда основных проблем равновесия всего хозяйства. Собственно говоря, без того, чтобы данный единый, организованно-управляемый трест объединил в своих руках преобладающую или руководящую часть хозяйства,—без этого основной тип регулирования не может быть изменен. Однако, даже в этом случае между ролью подобного треста и ролью социалистического планового комплекса остается кардинальная разница, и поэтому изменения типа регулирования в обоих случаях вовсе не одинаковы.

Всякий, даже самый крупный капиталистический трест остается частно-собственническим предприятием. Во всяком, существовавшем до сих пор капиталистически построенном хозяйстве частнособственническая, анархическая основа оставалась. «Чистый империализм, без основной базы капитализма, никогда не существовал, нигде не существует и никогда существовать не будет».[1]

Мощный трест, включивший в себя решающую часть хозяйства, остается все же капиталистическим предприятием, стремящимся прежде всего к своим интересам. Он неспособен — даже если он имеет для этого все необходимые предпосылки в смысле объема и мощи — превратиться в общехозяйственный центр, планирующий все главные экономические пропорции. Установка его работы не будет установкой на учет всех посторонних сил и организацией этих сил для осуществления определенного равновесия, соответствующего интересам максимально быстрого хозяйственного развития; она будет установкой на использование своей мощи для получения максимальной прибыли. В соответствии с этим выступления нашего треста будут направляться по линии достижения его собственных частных интересов — интересов капиталистической прибыли. Разрешение общехозяйственных задач, конструирование общехозяйственного равновесия будет входить в рассмотрение только под углом зрения этих интересов. А отсюда вытекает очень многое: различный по сравнению с переходной экономикой тип отношений между организованной частью хозяйства и «периферией», различные стимулы развития, различные возможности в деле преодоления стихии и организации всего хозяйства, различная постановка вопроса о кризисах и т. д. и т. п.

Все эти различия коренятся прежде всего в том, что плановый социалистический комплекс советского хозяйства не является только одной особо мощной «волей», порождаемой неведомой равнодействующей, складывающейся на рынке. Плановый социалистический комплекс, возглавляемый советским государством, борется за роль организатора всего общехозяйственного равновесия и руководителя всех основных звеньев того «механизма», который это равновесие регулирует. Плановый комплекс является такой «частью» хозяйства, которая одновременно в известной мере является «центром» всего хозяства.

---

[1] Ленин. Собр. Соч., т. XIII, стр. 112.

Роль социалистического комплекса в народном хозяйстве. Необходимость планирования основных пропорций.

В самом деле, во-первых, как мы это ранее установили, социалистический комплекс объединяет все те отрасли хозяйства, которые играют руководящую роль в развитии всего советского хозяйства, которые определяют направление этого развития и являются его основной движущей силой. При этом с точки зрения рыночных соотношений, рыночного регулирования (а только эта точка зрения значима для всего советского хозяйства, ибо по отношению к натуральному хозяйству вся проблема или вообще не стоит или разрешается в зависимости от положения дел в рыночной сфере) плановый комплекс имеет прямое количественное преобладание, его силы создают самое мощное, главное давление на рынке. Так, в 1925/26 г. обобществленный сектор, произведя 40,8% валовой продукции СССР, дал 56,2% всей внутренней товарной массы. Конечно, это прямое преобладание в той сфере, где, собственно говоря, и осуществляется фактическое регулирование всех основных хозяйственных соотношений, не может еще дать плану возможность проводить, не считаясь с остальными рыночными давлениями, любую рыночную равнодействующую. Однако такие количественные размеры и в особенности такая качественная роль социалистического комплекса приводят к тому, что его «позиция» в народном хозяйстве приобретает совершенно особые черты: установление важнейших пропорций общехозяйственного равновесия отождествляется с установлением соотношений между этим комплексом и остальной массой частных хозяйств. Ни одно действительно основное, имеющее решающее значение для равновесия в целом хозяйственное соотношение не может не иметь по крайней мере одной своей стороной социалистический комплекс или какую-либо его часть. Если же взять общехозяйственное равновесие в целом, то главный вопрос рыночного регулирования этого равновесия будет вопрос о соотношении между социалистическим комплексом и частнохозяйственной периферией. Это же соотношение будет, конечно, решающим и для развития всего хозяйства. Если это так, а мы еще раньше видели, что это именно так, то совершенно неизбежным становится, чтобы единая «воля» социалистического комплекса превратилась в линию на определенное общехозяйственное равновесие. Вся же совокупность выступлений социалистического комплекса на рынке (а мы сейчас увидим, что благодаря плановой организации налицо именно единая совокупность, а не простая сумма этих выступлений) не может не стать выступлениями для регулирования всего народного хозяйства. Работа планового комплекса упирается, сливается с установлением решающих общехозяйственных пропорций; планирование и регулирование одной «стороны» общехозяйственного равновесия, т.-е. планирование и регулирование деятельности социалистического комплекса не может быть ничем иным, как регулированием равновесия всего народного хозяйства.

Во-вторых, социалистический комплекс является действительно оранизованной совокупностью. Руководящий мощный массив

предприятий, входящих в его состав, противостоит окружающей его «периферии» частных хозяйств несоциалистических поясов как единое целое, соединенное особой связью социалистического типа.

Все руководящие силы хозяйственного развития оказываются поэтому организованными и объединенными. Преобладающая часть товарной массы, главная часть рыночных выступлений, играющая к тому же особо важную, качественно, роль, становится действительным единством, действительной системой. Именно поэтому все отдельные связи частных хозяйств с различными единицами социалистического комплекса обобщаются в основное соотношение социалистического планового «ядра» и окружающей его частнохозяйственной периферии, при чем это «ядро» той или иной своей стороной входит во все основные общехозяйственные пропорции.

В-третьих, наконец, во главе единого социалистического комплекса, во главе этого «ядра» советского хозяйства, выступающего в качестве одной из сторон всех основных пропорций, стоит государство пролетарской диктатуры, стоит с о з н а т е л ь н ы й ц е н т р («субъект»), планирующий и распоряжающийся всем социалистическим комплексом. Таким образом, руководящая роль социалистического комплекса во всем народном хозяйстве, участие — и даже руководящее участие — этого комплекса во всех важнейших пропорциях и т. д. оказывается как бы персонифицированным в социалистическом государстве, в сознательном планирующем центре. При этом такой центр коренным образом отличается от какого бы то ни было капиталистического треста тем, что он исходит не из частнособственнических интересов прибыли, а из интересов развития всего народного хозяйства. Социалистический план свободен от той ограниченности, частнособственнической узости и неспособности подняться до роли общехозяйственного центра, которые свойственны капиталистическим трестам. Если учесть все эти основные черты хозяйственной роли социалистического комплекса, то не трудно будет понять обязательность охвата планом всех главнейших народнохозяйственных элементов, превращения плана в общехозяйственный план борьбы за регулирование им всех основных пропорций. Сознательный центр, возглавляющий социалистический комплекс, планирует входящую в этот комплекс «центральную» часть хозяйства, образующую своим соотношением с частнособственнической периферией все основные хозяйственные пропорции; он планирует единую совокупность рыночных сил этой центральной части хозяйства. При этом то или иное соотношение с социалистическим комплексом является решающим вопросом бытия и развития каждой несоциалистической части хозяйства, и поэтому «узлы» всех таких вопросов оказываются сосредоточенными в сфере планирования работы социалистического комплекса. Все остальные части хозяйства приобретают роль и значение окружающей его периферии. Из всей этой структуры переходного хозяйства следует то, что планирование не может ограничиться рамками только своих предприятий, но должно выступать в качестве организатора общехозяйственной равнодействующей.

План и не может не стремиться к этой роли, ибо иначе он будет вынужден о т к а з а т ь с я о т д е й с т в и т е л ь н о г о п л а н и р о в а н и я

даже социалистического комплекса: или план намечает и осуществляет пропорции взаимоотношений между социалистическим комплексом и частнособственническим массивом, т.-е. регулирует решающие общехозяйственные соотношения, или же план отказывается от этого, предоставляет регулирование этих решающих соотношений (одновременно являющихся решающими вопросами работы планового комплекса) стихийно складывающейся неведомой равнодействующей и сводит свою роль к работе по приспособлению внутренних пропорций социалистического комплекса к этой стихийной равнодействующей. Ничего третьего не дано, ибо нельзя планировать важнейших соотношений, важнейших сторон работы социалистического комплекса, не планируя этим самым стихии, и нельзя отказываться от планирования соотношения стихии и плана, этим самым не отказываясь от планирования важнейших вопросов работы самого социалистического комплекса. Именно поэтому планирование переходного хозяйства по самой сути дела не может ограничиться учетом и направлением сил только одного планового комплекса. План оказывается вынужденным взять на себя задачу организации всего механизма регулирования, создания нового способа образования общехозяйственной рыночной равнодействующей.

Поскольку вместо планирования «одной из воль», скрещивающихся на рынке, перед нами оказывается планирование всего народного хозяйства, постольку в лице планирующего центра мы имеем не простого хозяйственного субъекта частнособственнического типа, т.-е. субъекта, олицетворяющего отдельную частную производственную единицу, пусть даже из ряда вон выдающихся размеров, пусть даже охватывающую какую-либо хозяйственную отрасль. В лице социалистического планового центра мы имеем дело с субъектом нового социалистического или, точнее, переходного к социалистическому типа, с субъектом, возглавляющим центральную, руководящую часть хозяйства, планирующим все решающие пропорции. Совершенно ясно, что нельзя быть субъектом руководящей части хозяйства, сознательно возглавлять регулирование всего народного хозяйства, сознательно намечать и создавать важнейшие звенья общехозяйственного равновесия, не приближаясь этим самым к роли субъекта всего народного хозяйства и не приближая этим самым всего регулирования равновесия к осознанному, самими людьми руководимому процессу.

Сама структура переходного хозяйства силой вещей выдвигает перед социалистическим комплексом и его сознательным руководством задачу являться центром, субъектом всего хозяйства. Однако, для того, чтобы в полной мере стать действительным субъектом всего хозяйства, руководство социалистического комплекса должно было бы иметь в своем прямом распоряжении все элементы равновесия, т.-е. все важные части общественного хозяйства. Только в этом случае внутри общества не было бы никакой объективной, от воли людей не зависящей, слепой необходимости, посторонней плану и не составляющей его органической части. Только в этом случае все общество в целом составляло бы «субъектное» целое, противостоящее единственной объективности — при-

родным условиям и природным силам. Субъектом был бы общественный центр, объектом — природа, и этим дело бы исчерпывалось.

«Естественная необходимость» и ее общественное оформление в переходном хозяйстве.

Но не так обстоит дело в переходном хозяйстве. Здесь социалистическому центру внутри общества противостоит независящая от его воли стихийная необходимость. Здесь материальные производственные элементы частично так общественно организованы, что их расстановка, их регулирование, их движение подчинено неплановым, стихийным «объективным» общественным законам. Проведение материально-естественной необходимости отчасти заключено здесь в частнособственнические формы, осуществляется товарным бессубъектным механизмом, и поэтому объективная необходимость дана не только в виде природных факторов, но включена внутрь общества. В этом факте, т.-е. в наличии стихийного массива внутри переходного хозяйства, лежит не только камень преткновения вопроса о субъекте переходного хозяйства, но и основная трудность в деле организации планирования всего народного хозяйства. Мы сказали, что структура переходного хозяйства, конкретнее говоря, роль социалистического комплекса, как «ядра» всего советского хозяйства, как средоточия всех руководящих отраслей и (отсюда) как непременной «половины» всех решающих соотношений, прямо-таки вынуждает план бороться за регулирование основ общехозяйственного равновесия. Однако, как же обстоит дело с частнохозяйственной стихией, составляющей другую, вторую неотъемлемую часть всякого основного соотношения в переходном хозяйстве? Не может же одна плановая «сторона», один социалистический комплекс, «из себя» создать общехозяйственное равновесие? Не может же регулирование деятельности социалистического комплекса строиться так, как если бы вокруг него было безвоздушное пространство или совершенно пассивная, не оказывающая никакого сопротивления среда, способная только на то, чтобы покорно приспособиться к любому выступлению планового комплекса?

Конечно, ближайшее рассмотрение покажет нам, что дело обстоит далеко не так.

Вся совокупность материально-хозяйственных элементов, составляющих содержание равновесия в переходном обществе, может, вообще говоря, послужить основой для различных «вариантов» экономического развития, т.-е. для различных рядов производственных равновесий, для раличных темпов роста отдельных отраслей или хозяйства в целом, для различных пропорций и т. д. Каждому механизму регулирования трудовых затрат свойственен определенный тип развития производительных сил, а, значит, при данном «составе» материальных элементов, — определенный конкретный вариант этого развития. Но какой бы вариант развития ни имел места, необходимым остается взаимное согласовывание всех пропорций в соответствии с этим вариантом, подлежащим устранению является какое-либо смешение пропорций различных типов, различных «вариантов» развития. План в условиях переходного хозяйства имеет в своем прямом распоряжении только часть материальных элементов, которые он может располагать, расставлять для достижения заранее намеченного им равновесия.

Поскольку речь идет об этой части, постольку объективными определяющими и ограничивающими план являются технические закономерности, материальная «естественная необходимость» (Маркс), известная твердая логика производственных пропорций и т. д. Других действительно серьезных объективных граней и факторов-определителей внутри планового сектора не заложено. План сам, в порядке сознательной и целесообразной деятельности, нащупывает рыночное выражение, экономическое оформление соотношений производственных элементов и их динамику. Другими словами, на основе общих материально-технических возможностей он намечает конкретный «вариант» развития, с определенным темпом, пропорциями, сдвигами, и переводит его на реальный язык цен, прибылей, заготовок, продаж, кредитов и т. д. и т. п. Понятно, что намечение всех этих рыночных соотношений абсолютно нельзя отделить от намечения определенного натурального варианта производственного развития. Если, опять-таки, говорить пока только о планировании социалистических единиц, то все дело состоит в необходимости наметить возможный с точки зрения развития материальных производительных сил не противоречивый и рациональный «вариант» темпов, пропорций и т. д. и добиться, чтобы реальные рыночные соотношения соответствовали «естественной необходимости» вообще и данному «варианту» развития в частности. Таким образом, план сам намечает рыночное осуществление и оформление натуральной необходимости и этим намечает определенный вариант развития.

Все это было бы очень просто, если бы в прямом распоряжении плана находились все хозяйственные элементы, которые сознательно направлялись бы им к определенной расстановке, к определенному равновесию. Но тогда мы имели бы не переходное, планово-рыночное хозяйство, а чисто социалистический общественный строй. На самом деле часть материальных элементов, необходимых для равновесия, представляет собою частнособственническую массу со своей стихийной жизнью, со своим особым, не подчиняющимся плану «устремлением» к определенному рыночному оформлению. Это оформление соответствует стихийному способу регулирования и связанному с ним типу развития производственных сил. План не может сложиться вне, без этих материальных элементов, он не может даже «свои»-то элементы направлять по какому-либо возможному пути развития без того, чтобы не включить в себя «стихийные» материальные элементы. То или другое состояние или развитие материальных производственных сил частнохозяйственного «сектора» является предпосылкой нормального роста, нормальной жизни социалистического комплекса, ибо частнособственнические отрасли входят составными частями в общий круговорот воспроизводства переходного хозяйства. Значит, плановый комплекс не только обусловливает и определяет развитие частнособственнического массива, но и сам, в свою очередь, находится от него в материальной зависимости. Без включения материально-хозяйственных элементов частнособственнического сектора план не способен наметить и проводить какой-либо вариант развития, какое-либо равновесие, т. е. какую-либо ступень такого варианта.

Между тем — и в этом зарыта собака — отношение «стихийной» части материальных элементов к плану коренным образом отличается от отношения к нему же социалистически-организованной части этих элементов. Эта разница сводится к следующему. Если социалистически-организованные элементы равновесия противостоят плану как определенные материальные величины, своими натурально-техническими размерами и свойствами, своей логикой взаимозависимых производственных пропорций, своими специфическими закономерностями и т. п. намечающие известные линии и грани для планомерного роста народного хозяйства, то по-другому противостоят плану частнособственнически организованные элементы. Тут в качестве объективно-необходимых условий планирования даны не только естественно-технические, материальные элементы с их закономерностями; нет, «стихийные» элементы противостоят плану не только в их материальной обусловленности: благодаря качественному уровню своего технического развития, благодаря соответствующей этому уровню общественной организованности эти элементы даны в определенном рыночном оформлении, из которого вытекает то или другое экономическое давление. Другими словами, стихийная частнособственническая организация по-своему переводит ряд материальных элементов, ряд факторов естественной необходимости в конкретные рыночные соотношения, стремится по-своему определить вариант производственного развития данной части хозяйства. Перед планом оказывается не только простая общая, материальная необходимость, но и ее конкретное оформление в виде стихийного давления.

Частнособственническая организация материальных элементов тяготеет к определенным рыночным соотношениям, а значит, и к известному конкретному темпу роста ряда отраслей, конкретным хозяйственным пропорциям, короче говоря, к «стихийному» варианту развития хозяйства. Словом, даны не только общие технико-естественные границы развития, но и стремление к конкретному рыночному оформлению, к конкретному варианту цен, товарных масс, распределения капиталов, а значит, и темпов, пропорций, сдвигов и т. д. И план не в силах попросту устранить это стремление к стихийной конкретизации материальной необходимости, ибо оно коренится в самом уровне техники и в формах общественной организации частнособственнического сектора переходного хозяйства. Поскольку же, как мы говорили, план не может строить никакого равновесия вне зависимости от материально-хозяйственных элементов этого частнособственнического сектора, т.-е. поскольку он находится в известной материальной зависимости от этой части хозяйства, постольку стихийное стремление к определенной расстановке этих материальных элементов, к определенному варианту их роста само становится для плана неизбежной формой материальной необходимости, само становится объективной необходимостью, объективным «определителем» по отношению к плану. Ведь эта часть материальных элементов равновесия не может предстать перед планом иначе, как в виде оформления в стихийное давление, и поэтому это последнее оказывается объективной необходимостью, от которой план не может в известной степени не зависеть.

Правда, та расстановка, то оформление рыночных элементов, которое создает стихия, отнюдь не может являться готовым «куском» какой-либо системы общехозяйственного равновесия. Стихия из-за ограниченности, частичности своей сферы неизбежно остается неспособной самостоятельно выработать возможный вариант развития всего хозяйства и дать своим материальным элементам такое оформление, которое соответствовало бы потребностям общехозяйственной пропорциональности. Такое соответствие может быть только результатом скрещивания, согласовывания и плановых и стихийных элементов. Поэтому в стихийном оформлении материальных элементов нельзя видеть готовую часть равновесия или окончательный вариант роста данной группы отраслей, который остается просто включить, прибавить, поставить рядом с плановыми элементами и плановыми отраслями. Стихия, оформляя «свои» материальные элементы, намечая этим самым их размеры, темп их роста, их внутренние пропорции и т. д., не может сама окончательно разрешить ни одного из этих вопросов: такое их разрешение (т.-е. окончательное установление темпов, пропорций, рыночных соотношений стихийных элементов) зависит от их взаимоотношения с плановыми элементами.

А это последнее, конечно, не находится в безраздельном «ведении» стихии. Поэтому-то стихийное оформление, стихийную «конкретизацию» материальной необходимости нужно рассматривать только как мощное рыночное давление, устремление массы частных товаропроизводителей, персонифицирующее это стихийное оформление материальных элементов.

Суть дела, таким образом, заключается отнюдь не в том, что расстановка какой-то части материальных элементов не зависит от плана и должна быть им воспринята в готовом виде: суть дела в том, что часть элементов материальной необходиомсти, часть элементов общего производственного равновесия, часть рыночных сил, образующих общую равнодействующую, оказывается оформленной в стихийное давление рыночной массы частных собственников. В это давление сложилась, включилась, оформилась материальная необходимость, в его форме она противостоит плану и именно только в качестве такого давления может и должен план включить ее в свою наметку общехозяйственных пропорций. Таким образом, в лице стихийного давления перед плановым воздействием оказывается отнюдь не только пассивный и покорный предмет изменения, но и от воли плана независящая объективная общественная необходимость, т.-е. не только простая обычная материальная необходимость, но материальная необходимость, оформленная в рыночное давление с определенным направлением, *с определенным «стремлением» к тому или другому движению цен и товарных масс, а значит, и темпам роста, пропорциям и т. д.*

Приведем для ясности какой-либо простой пример. Скажем, в таком-то году в советском переходном хозяйстве налицо блестящий, огромный урожай. В этом факте заложена, конечно, известная материальная «естественная необходимость» (дана возможность и обязательность определенных перевозок, переработок, потребления, вывоза и т. д.).

Но, благодаря частнособственнической организации земледелия, она предстанет перед планом не в качестве простого материального факта, но в известной стихийной оформленности: скажем, в виде невиданного предложения хлеба крестьянами, в виде спекуляции на этом кулаков, в виде подвоза хлеба в ряд пунктов, в виде оживления мельничного дела, самогоноварения и т. д. и т. п. Эта стихийная оформленность сама по себе отнюдь не сможет разрешить основных вопросов хлебного рынка, а значит, и конкретных последствий данного урожая по отношению к дальнейшему росту земледелия: государственные хлебозаготовители, посредничество внешторга, тарифная политика на транспорте и другие выступления социалистического комплекса являются непременными важнейшими факторами ценообразования, движения товарных масс, темпов роста различных отраслей земледелия и т. д. и т. п. Без них никакое разрешение всех этих вопросов никогда не происходит и происходить не может, поскольку здесь речь идет о переходном хозяйстве. Только в результате столкновения, скрещивания, согласования стихийного давления, определенным образом, по-своему выражающего материальную необходимость, с плановыми силами образуется действительная, конкретная расстановка материальных элементов. Но это ни на минуту не уничтожает того факта, что одной из двух основных сторон этого согласования выступает стихийное давление, т.-е. материальная необходимость в определенном стихийном оформлении. И объективным, определяющим план фактором выступает не хороший урожай вообще, не простая сумма пудов хлеба, а именно это конкретное оформление материальной необходимости, т.-е. конкретное давление стихии на рынке.

Не считаться с этим, игнорировать этот факт было бы настолько нелепо, что такое «планирование» неизбежно привело бы к дезорганизации всего хозяйства и всеобщей стихийной игре сил.

Необходимость учета и «включения» стихии планом, как условие планирования общехозяйственной равнодействующей.

Ибо, если бы план при намечании своего «варианта» решающих общехозяйственных пропорций (вроде темпов прироста продукции различных отраслей, распределения товарной массы, хлебозаготовок, размеров экспортно-импортных операций и т. д.) «отвлекся» бы от конкретного стихийного давления, как формы материальной необходимости, и исходил бы только из своих интересов и возможностей, да из голых натуральных величин продукции не социалистической периферии, то нормальным, обычным случаем являлось бы определение равнодействующей не в соответствии с плановой наметкой, а в соответствии с никому неизвестным результатом скрещивания сил стихии и плана. Планирование свелось бы к планированию выступлений одного из факторов общехозяйственного равновесия, т.-е. выступлений социалистического комплекса, но ни в коем случае не к планированию основных хозяйственных пропорций, получающихся в результате скрещивания всех главных сил.

Это скрещивание происходило бы, примерно, так, что план по-своему располагал бы «свои» материальные элементы, стихия тоже по-своему располагает свои, в результате те и другие скрещиваются,

получается что-то третье, никому неведомая равнодействующая. Она устанавливает реальные пропорции и заставляет приспособляться к себе прежде всего именно план, т.-е. ломает его и диктует плановому сектору свои пропорции, свои темпы, свое равновесие. Конечно, такое положение было бы равносильно тому, что регулирование переходного хозяйства в целом было бы все-таки построено на стихийных началах. Роль плана сводилась бы к тому, что он особо сильно воздействовал бы на стихийную равнодействующую, отклоняя ее в свою сторону. Но все-таки план исходил бы из равнодействующей, был бы подчинен ей, примерно, так же, как «воля» всякого другого товаропроизводителя.

Здесь перед планированием стояла бы задача приспособлять к существующей равнодействующей данную часть хозяйства, но ни в коем случае не пытаться планировать соотношения социалистического коплекса с частнособственнической периферией. Все подобные попытки были бы обречены на неудачу, ибо в них отсутствовали бы необходимые элементы для намечения такого соотношения. Они бы оставались односторонними выступлениями данного товаропроизводителя, только могущими совпасть с реальной рыночной равнодействующей. Здесь вообще не было бы принципиального различия по сравнению с монополитическим капиталом, с монополитической анархичностью и стихийностью.

Систематическое неосуществление, даже постоянный срыв главнейших планов в этом случае был бы совершенно нормальным явлением, вытекающим из самого существа переходного хозяйства. А тип регулирования этого хозяйства вплотную приблизился бы к регулированию системы монополитического капитализма.[1]

---

[1] Надо сказать, что т. Преображенский не пошел дальше совершенно механического сложения планового начала и закона стоимости, даже не поставил вопроса об их взаимопроникновении, и поэтому вся его «концепция» как раз и упускает из виду самые важные особенности переходного хозяйства. Ведь все его рассуждения строятся по следующей, замечательно простой формуле: есть план («закон первоначального социалистического накопления»), есть стихия (закон стоимости). Оба они даны «в чистом виде», в виде «оптимума». Они сталкиваются, борются, тянут в разные стороны, получается «единая равнодействующая», «диагональ параллелограмма сил» (Буквально! См. стр. 50 1-го издания «Новой экономики»), устанавливающая реальные пропорции. Вот, собственно говоря, и вся «концепция». Мы не можем сейчас разбирать ее, но и без этого всякому марксисту будет ясно, насколько она глубоко противоречит диалектике, насколько она механически складывает кусок капитализма с куском социализма, и думает, что получается переходная «новая экономика».

Т. Преображенский не дал ни тени анализа решающего вопроса — вопроса о том, как складывается его равнодействующая. Ведь он признает, что она реально регулирует действительную жизнь, все решающие вопросы равновесия, а значит, и те самые «внутренние», «имманентные» «оптимумы», от которых отправляется наивный т. Преображенский. Он не понимает, что раз эта его «равнодействующая» регулирует хозяйственную жизнь, то, значит, она регулирует и его «оптимумы», которыми он пытается объяснить... равнодействующую! Он попадает в очевиднейший порочный круг, объясняя равнодействующую оптимумами, а оптимумы — равнодействующей. Его уделом оказывается удел всех тех, кто не сумел применить марксового объективно, общественного подхода, кто скатывается на индивидуалистическую точку зрения, при объяснении общественного целого исхо-

Что же должен делать сознательный центр социалистического комплекса, чтобы не свести план на положение «одной из индивидуальных воль», чтобы не дать возможности стихии завоевать гегемонию в регулировании советского хозяйства, чтобы не оказаться вынужденным в основных (а значит, и во второстепенных) вопросах послушно проводить веления стихийной равнодействующей. Для этого план должен не отвлекаться от факта особой стихийной оформленности ряда элементов материальной необходимости, особой их расстановки, превращения их в особое стихийное давление, а попытаться учесть и преодолеть все эти особенносcти. С самого начала ясно, что план не сможет уничтожить самого факта наличия стихийного массива и вытекающих из этого факта отличительных черт, характерных для всей системы регулирования равновесия, для всего развития переходного хозяйства. Но отнюдь не ясно, что эти отличительные черты обязательно должны состоять в подчиненном положении плана и в гегемонии стихии. Задача «учета и преодоления» состоит как раз в том,

---

дя из анализа изолированных, взятых вне их связи, взятых в «чистом виде» частей, а затем приходя к механическому сложению выведенных по отдельности «законов» — в надежде, что из этого сложения получится общественная закономерность. В общем же. если у т. Преображенского что-нибудь получается, то только экономика в основном, в целом, регулируемая по-стихийному: равнодействующая в результате борьбы двух «оптимумов» есть ведь неведомая, откладывающаяся на рынке «диагональ параллелограмма сил». План — просто сильный товаропроизводитель, несколько отклоняющий к себе эту неведомую равнодействующую складывающихся в результате стихийной игры рыночных факторов. Регулирование советского хозяйства оказывается ничем принципиально не отличающимся от регулирования монополитического капитализма. К сожалению, критик т. Преображенского, т. Кон, в этом исходном, решающем пункте стал также на общую с т. Преображенским ошибочную точку зрения. Только он довел ее до конца и прямо свел регулирование советского хозяйства к обычному товарному хозяйству с плановым привеском.

У т. Кона план — просто сильный товаропроизводитель, воздействующий — качественно так же, как и другие товаропроизводители,—на равнодействущую. В целом советское хозяйство регулируется так же, по тому же типу, как и товарное хозяйство. ибо равнодействующая складывается стихийно. Т. Кон пишет: «Здесь (в капиталистическом обществе. *А. А.*) получается своеобразный замкнутый круг: индивидуальные «мотивы» образуют общественную равнодействующую, но сами, в свою очередь, определяются общественной равнодействующей. Почти так же стоит вопрос в его применении к нашей экономике. Разница заключается только в том, что одна из воль, влияющих на равнодействующую общественного развития, представляет собою не индивидуальную волю отдельного производителя, а организованную волю государства, располагающую для осуществления своих целей совокупностью мощных средств»... Благодаря этому государство «может добиться приближения равнодействующей к его стремлениям и намерениям». «Однако, по отношению к общественной равнодействующей воля государства остается одной из индивидуальных воль, правда, отличающейся от других индивидуальных воль (!) как по силе, так и по качеству, но все же являющейся лишь одним из факторов, воздействующих на равнодействующую» («О Новой экономике» т. Преображенского», стр. 10—11. (Последнее подчеркнуто автором). «Индивидуальные воли и организованная воля государства в своей борьбе порождают общественную равнодействующую. Однако каждая из этих воль, в свою очередь порождается равнодействующей», «исходит» из равнодействующей «как уже существующей, как данной» (там же, стр. 12 — 13. Первое подчеркнуто нами, последнее автором).

Нужно ли доказывать, что у т. Кона действительно все получается «почти так же», как в капиталистическом хозяйстве. Все «двуединство» регулирования

чтобы обеспечить гегемонию плану, отнюдь, конечно, не задаваясь целью немедленно же вообще уничтожить стихию и превратить план в единственный и полноправный способ регулирования хозяйства. Задача состоит не в уничтожении факта наличия «разных форм действия закона трудовых затрат» (Бухарин), а в достижении такой формы взаимопроникновения этих «форм действия», — т.-е. плана и стихии, — которая обеспечила бы продвижение плана вперед и отступление стихии назад. А в конечном счете это возможно только при гегемонии плана, ибо гегемония стихии в регулировании переходного хозяйства означает то, что оно «переходит» не к социализму, а к капитализму. На основе гегемонии стихийных методов регулирования немыслимо никакое иное развитие, как «развитие» в сторону рассасывания планов центров, дезорганизации социалистического комплекса, более или менее бурного «преобразования» советского хозяйства в хозяйство капиталистическое.[1] В самом деле, если плановой комплекс, в условиях гегемонии стихии в установлении общественных пропорций, будет пытаться разрешать основные вопросы своей работы

нашего хозяйства сводится, собственно говоря, к тому, что воля государства, как «одна из индивидуальных воль», борется с другими волями — со стихией, — и в результате образуется некоторое равновесие, которое т. Кон называет почему-то «полуплановым», «полустихийным» (следовало бы сказать: стихийное равновесие с плановым привеском). Никакого другого содержания «двуединый регулятор» т. Кон не имеет и не может иметь, ибо он есть просто особый вид стихийного регулятора. Если у т. Преображенского единство получается путем чисто механического сложения разнородных сил, если поэтому для него порочный круг является неизбежным уделом, то т. Кону удается избежать подобных неприятностей: у него единство, несомненно, достигается, и порочного круга нет. Но это ему удается только благодаря сведению основного типа регулирования нашего хозяйства к стихийному виду (монополитического сорта). Поэтому все сказанное в тексте насчет попыток планирования только социалистического комплекса и неизбежности в этом случае возведения в норму неосуществления, срыва плана, превращения его в послушного проводника велений стихии и т. д., — все это полностью применимо к т. Кону. Интересно, однако, что т. Кон в некоторых местах своей брошюры подходит к правильной постановке вопроса; но при его общей концепции эти места звучат как случайные фразы, не связанные (и даже противоречащие) с основными положениями автора. Так, напр., на стр. 83 т. Кон говорит о том, что пролетариат «познает общественные закономерности» и делает попытку «оседлать стихию, направить ее по руслу, необходимому пролетариату». Однако т. Кон не может развить и применить эту верную мысль. Он тут же пишет, что, «в результате борьбы между государственной волей и стихией создается некоторая равнодействующая, которая далеко не всегда (!) совпадает с намерением пролетарского государства». Что за удивительный ответ: равнодействующая «далеко не всегда совпадает» с планом! Да ведь суть-то дела в том, что, по т. Кону, она вообще никогда не может «совпасть» с планом, ибо равнодействующая рыночного скрещивания воль товаропроизводителя никогда не «совпадает» с намерениями «одной из воль» — даже особо мощной. «Теория» т. Кона—как и «теория» т. Преображенского (они вообще имеют много общих исходных пунктов) по отношению к анализу переходного планирования есть, таким образом, не что иное, как возведение в систему, в принцип... неудачного, ошибочного планирования, есть «теория плановых просчетов». Упаси нас советский бог от того, чтобы наши плановики не прониклись такого рода теориями!

[1] А поскольку, как мы сказали в предыдущем примечании, в концепциях тт. Кона и Преображенского гегемония — вольно или невольно — «закреплена» за стихией, постольку обе эти концепции есть попытка возвести в теорию несуществующую «систему» деградации переходного хозяйства.

которые ведь одновременно являются основными вопросами общехозяйственного равновесия), будет намечать и проводить важнейшие рыночные соотношения, то все подобные попытки будут обречены на непрерывную неудачу, планирование будет перманентно не удаваться. Конечно, это безнадежное занятие будет только дезорганизовывать всю работу социалистического комплекса (размахнулись, подготовились проводить тот или другой план, — вдруг меняй все заново, приспособляйся к образовавшейся равнодействующей). Проще будет отказаться от планирования решающих соотношений и покорно предоставить стихии устанавливать их, а социалистическим предприятиям участвовать в стихийной игре сил в качестве обычных товаропроизводителей и приспособляться к образующейся равнодействующей. При этом, конечно, остается возможность, что крупные государственные тресты и другие предприятия, пользуясь своими техническими преимуществами, будут известное время удачно вести дела и расширяться. Но никакого действительного планирования всей массой государственных предприятий здесь наладить не удастся, ибо все государственные указания должны будут состоять в простом приспособлении к конъюнктуре и в ее использовании в интересах госпредприятий. Такое «планирование» ничем не будет отличаться от обычного маневрирования какого-либо капиталистического колосса. При этом, поскольку обычный стихийный механизм распределения и перераспределения труда и капитала будет нарушен наличием государственного монополиста, и не дающего, с одной стороны, огромную и важную часть хозяйства в общий, обычный рыночный «котел», и отказывающегося, с другой стороны, от заботы об общественном равновесии, постольку здесь вообще оказывается нарушенным единство хозяйственного регулирования, и возможность нормального достижения равновесия ставится под вопрос: старое, стихийное единство, внешне сохраняясь, дезорганизуется клином массива госпредприятий; новое единство, под гегемонией плана, учитывающего стихию, приспособляющегося к ней и преодолевающего ее, невозможно из-отказа государства от борьбы за роль сознательного центра всего хозяйства. Как и при монополитическом капитализме, наличие организованного колосса (или нескольких колоссов) здесь ведет к загниванию всего хозяйства, к реакционной роли монополий.

В общем, все хозяйство попадет в межеумочное положение, ибо при сохранении частнособственнического подхода оказывается не под силу ни государству, ни всему хозяйству такое мощное объединение предприятий и отраслей, какое являет собою социалистический комплекс. Поэтому мы опять приходим к тому, что единственно нормальным положением для хозяйства, переходящего к социализму, будет то положение, когда план борется и завоевывает себе роль гегемона в регулировании всего хозяйства, учитывая, познавая и преодолевая стихию, этим охватывая все элементы общехозяйственного равновесия и обеспечивая себе руководство в деле установления важнейших пропорций. Поскольку же их установление в переходном хозяйстве не может проходить никаким иным путем, кроме как в результате скрещивания всех важнейших хозяйственных элементов, т.-е. и плановых, и стихий-

ных сил, в результате образования общехозяйственной рыночной равнодействующей, постольку весь вопрос переносится в плоскость того, как, каким способом складывается равнодействующая в переходных условиях. Вернее, центр вопроса оказывается в том, что план, путем учета и преодоления стихии, должен завоевать себе роль организатора этой общехозяйственной рыночной равнодействующей от скрещивания плановых сил и стихийного давления, должен наладить планирование этой равнодействующей.

Пути учета стихии планом. Попробуем наметить некоторые основные черты того учета, включения и преодоления стихии, при помощи которых план переходного хозяйства добивается гегемонии в деле регулирования всех основных пропорций.

Мы знаем условия для разрешения этой задачи. Это, во-первых, та совокупность материальных элементов, которая составляет самую общую основу и предпосылку всякого хозяйственного равновесия; это, во-вторых, находящийся «в руках» плана социалистический комплекс, представляющий собою единую совокупность руководящих отраслей хозяйства, обязательно участвующих в качестве одной «стороны» в каждом решающем производственном соотношении, по своей роли тяготеющей к своеобразному центру, субъекту всего хозяйства; это, в-третьих, противостоящий плану огромный частнособственнический сектор, со своим укладом, со своей по-особому организованной экономической жизнью, со своими законами развития, а значит, и со своими темпами роста входящих в него материально производственных элементов, а значит, и с особой «конкретизацией» материальной необходимости в стихийное рыночное давление.

Если материальные элементы равновесия, входящие в социалистический комплекс, поддаются непосредственной расстановке, сознательному рыночному оформлению, прямому направлению со стороны плана, то частнособственнические элементы равновесия даны плану в виде объективного рыночного давления стихии, устремленного к особым своеобразным пропорциям, темпам, сдвигам и т. д. План должен как-то включить это давление с вложенной в него материальной необходимостью в свою наметку важнейших пропорций равновесия, и при этом включении он должен иметь дело с этой материальной необходимостью в той ее форме, в которой она реально дана, — т.-е. в форме стихийного рыночного давления.

Для этого плану нужно прежде всего познать, учесть ту действительную экономическую необходимость, которая кроется в стихийном, неорганизованном давлении массы частных собственников и которая — в том или другом виде — подлежит включению в планируемое скрещивание составных сил создающейся равнодействующей. Позиция социалистического комплекса, как центра, ядра всего хозяйства; разветвленная система щупалец, тянущихся во все хозяйственные сферы от этого сознательного планового центра; все возрастающий опыт в деле сознательного учета, предвидения и преодоления стихийного давления, — все это служит предпосылками учета стихии планом переходного типа.

Вообще говоря, существуют две важнейшие стороны учета и познания той общественной необходимости, которая заложена в факте наличия частнособственнического массива и в его стихийном рыночном давлении. Во первых, план учитывает натуральное материальное содержание частнособственнического сектора хозяйства. План устанавливает, какие именно производительные силы входят в этот сектор (число занятых лиц, основные фонды, посевные площади, число лошадей и т. п.); план выясняет, какие массы продуктов находятся в руках у частных производителей и какие массы ими потребляются и производятся (урожаи, запасы, расход сырья и продукция кустарной промышленности и т. д.); план представляет себе, таким путем, всю ту массу материальных элементов, которая включена в частнособственнический «сектор». Во-вторых, план выясняет, как эти материальные элементы движутся в соответствии с укладом внутренней жизни частнособственнического сектора, как они оформляются в определенные товарные массы, в выступления покупателей и продавцов, как устанавливаются их цены, словом, как эти материальные элементы становятся основой, содержанием складывающегося стихийного давления (сюда относятся, например, учет уровня цен, учет распределения продукции на товарную и натуральную часть, выяснение направления и силы товарных потоков, изучение распределения и перераспределения экономической силы между группами частных собственников и т. д.).

Этот двусторонний — материальный и рыночный — учет объективно-данной плану экономической необходимости служит, конечно, не только средством простого констатирования прошлого давления стихии; этот учет дает материал для определения силы и направления н а с т о я щ е г о давления и для предвидения давления б у д у щ е г о.

В соответствии с этим учет материального содержания и рыночного давления стихии служит основой не только для подытоживания прежнего развития, но и для познания планом тех материальных элементов и рыночных сил, которые должны войти составными частями в создающиеся рыночные соотношения, в создающееся хозяйственное равновесие. Если путем такого учета план не получает возможности распоряжаться всеми хозяйственными элементами, то, по крайней мере, он достигает познания объективной экономической необходимости, т.-е. достигает познания той части, той половины важнейших составных сил, образующих реальную равнодействующую, которая противостоит ему в качестве стихийного давления. План оказывается в состоянии включить в свою наметку равнодействующей эту стихийную экономическую необходимость, т.-е. принять во внимание ее значение, ее вес, ее влияние. Этим путем план оказывается в состоянии преодолеть ограниченность, односторонность, неполноту хозяйственных элементов, находящихся в его прямом распоряжении, и стать действительно общехозяйственным планом, выставляемым социалистическим комплексом. План получает возможность на деле поставить на место изолированного планирования выступлений государственных предприятий наметку действительной равнодействующей.

Охват планом всех хозяйственных элементов.

Поскольку план осознает, учитывает, взвешивает общественно-экономическую необходимость, постольку все элементы равновесия, все стороны пропорциональности, все [1] линии слагаемых рыночных сил оказываются так или иначе сосредоточенными, скрещенными, сопоставленными в плане: одни входят в него как неразрывные составные части его собственных сил, как прямо подчиненные сознательному регулированию рыночные силы, другие — как объективные, посторонние, самостоятельно, по-своему оформленные и расставленные хозяйственные массивы. Поэтому на основе учета и включения стихийных факторов, план может представить соотношение всех основных материальных элементов и рыночных сил и дать — пока теоретически — проект их расположения, их взаимодействия, их движения, и этим самым — проект ближайшего равновесия и реальной равнодействующей.

Значит ли это, однако, что планирование будет состоять в простом предварительном предугадывании имеющего сложиться равновесия? Это было бы равносильно сведению роли плана до роли пассивного наблюдателя все равно так или иначе образовавшейся бы равнодействующей стихийных и плановых сил. Никакой борьбы за новый способ образования равнодействующей тут не было бы, было бы, в лучшем случае, научное предвидение неизбежной рыночной игры.

Но на самом деле мы имеем, с одной стороны, силы социалистического комплекса, т.-е. активные силы плана, которым он должен дать определенное направление, которые он должен расставить в определенном порядке, которые под его руководством будут оказывать свое давление на рынок, будут так или иначе «скрещиваться» со стихией.

С другой стороны, благодаря наличию этих мощных, всюду проникающих с самых разнообразных сторон действующих активных сил плана и благодаря учету и познанию экономической необходимости стихийное давление оказывается отнюдь не окончательно, отнюдь не раз навсегда данным по своему направлению и своим силам. «В руках» плана находятся такие рычаги, такие возможности, которые позволяют ему видоизменять это направление, перегруппировывать эти силы.

Другими словами, план не только может и должен теоретически (путем учета и познания) охватывать и включать все основные элементы хозяйственного равновесия, но, опираясь на ту их часть, которую он располагает активно, которая является орудием планового действия, — приводить эти элементы в известное взаимосоответствие, согласовывать их друг с другом, и этим «конструировать» определенное, объективно возможное равновесие. Опираясь на свои «командные высоты», используя всю мощь государственного аппарата,

---

[1] Следовало бы сказать: все самые важнейшие, ибо, напр., стихию капиталистического мирового рынка полностью учесть и включить невозможно. Но едва ли кто-либо будет оспаривать, что при данном анализе отвлечение от этого обстоятельства допустимо.

бюджета, кредита, производя те или другие маневры на различных участках рынка, план может до известной степени организовывать стихийное давление, может бороться за усиление или ослабление той или другой стихийной тенденции, может направлять стихийное давление в некоторые рамки. Даже, помимо прямого рыночного давления, план может оказывать на стихию свое организующее и видоизменяющее воздействие самыми разнообразными и разносторонними способами. Скажем, известно, какое огромное значение для направления и силы стихийного давления на хлебный рынок имеет установление размеров и сроков уплаты сельхозналога. Государство через этот рычаг может или усилить предложение хлеба мелкими частными собственниками, или ослабить его; или растянуть его на более длительный период, или сосредоточить на тот или другой месяц и т. д. Далее, скажем, тарифная политика на железных дорогах также может организовывать и направлять стихийное давление. Налоговые льготы в одних отраслях и усиленное обложение в других ведут к тому, что стихийное стремление частного капитала к небольшой прибыли направляется государством в определенное русло. Агрикультурные мероприятия, кооперативная политика, кредитование частных предприятий и т. п., — все это может быть использовано для организации рыночного давления стихии, для видоизменения «обычных» путей развития частнособственнических предприятий.

Одновременно с использованием всех этих рычагов, регулирующих стихийную «сторону» образующей равнодействующую массы сил, план располагает выступления своих собственных рыночных сил таким образом, чтобы в результате их скрещивания со стихией создалась равнодействующая, осуществляющая выработанный план общехозяйственных пропорций. План учел материальные элементы равновесия; план выяснил то тяготение к определенным рыночным формам и пропорциям, которое характерно для стихийной части этих элементов; план принимает во внимание свое собственное организующее и видоизменяющее воздействие (через налоги, кредит и т. д.); исходя из этих факторов, основываясь на них, план так направляет все свои рыночные выступления, чтобы они превратили стихийное давление в фактор, при рыночном скрещивании с силами социалистического комплекса дающий намеченный планом результат.

Организующая роль плановых выступлений.

Учитывая все элементы равновесия, регулируя стихийные выступления, управляя плановыми силами, сознательный центр социалистического комплекса приводит их во взаимное соответствие, согласует их на определенной основе, приспособляет их друг к другу. Для реального осуществления этого согласовывания и приспособления орудиями плана служат активные выступления его сил. Но так же, как теоретически, предварительно, план является результатом охватывания и включения всех важнейших экономических сил, так и на деле, в рыночной борьбе, осуществление плана происходит на основе скрещивания всех рыночных выступлений, при чем выступления плановых предприятий, давление социалистического комплекса служат организующим, руководящим и направляющим началом.

Как видно, рыночные выступления сил планового начала приобретают совершенно особое значение, резко отличающееся от значения стихийных выступлений.

В условиях обычного товарного общества каждый товаропроизводитель несет в своем выступлении только стремление к его собственным частным интересам. Каждое такое выступление является только одним из множества давлений, направленных из атомизированных частнособственнических ячеек, вне всякого соответствия с необходимым общественным развитием.

Только вся совокупность этих давлений отдельных товаропроизводителей может дать материал для равновесия, может в своем рыночном движении подпасть под производственную закономерность и тяготеть к устранению непрерывных отклонений от пропорциональности. Только во всей этой совокупности заложено стремление к нормальному общественному развитию. И это стремление противостоит всем отдельным товаропроизводителям как объективная сила, регулирующая их действия «на манер закона тяжести, когда над вашей головой обрушивается дом» (Маркс).

В переходном хозяйстве стихийное давление частных товаропроизводителей остается принципиально таким же, как и в обычном товарном хозяйстве. Каждый такой товаропроизводитель за свой риск и страх борется за максимальную наживу, при чем в его выступлениях не заложено никакой согласованности, никакого соответствия необходимой для общества пропорциональности. Такая согласованность, такое соответствие может явиться только в результате рыночной игры сил. Как во всяком товарном хозяйстве, так и в переходном обществе выступления частных товаропроизводителей регулируются складывающейся равнодействующей, создающей для них объективное, определяющее условие.

Разница заключается в том, что даже совокупность *стихийного* рыночного давления *частных* товаропроизводителей *не* является средоточием всего необходимого для равновесия «материала», *не* является совокупностью всех хозяйственных элементов, согласующихся друг с другом и приспособляющихся к потребностям общехозяйственной пропорциональности. Стихия оказывается сведенной на положение *одной* из скрещивающихся сил, или, вернее, известной *части* скрещивающихся сил, но отнюдь не единственной совокупности всех хозяйственных сил. Если раньше единичные, стихийные выступления обособленных частных собственников, *каждое по отдельности*, не имели в себе никакого тяготения к общехозяйственной нормальной пропорциональности, а взятые все вместе заключали в себе такое тяготение, такую способность согласоваться через стихийную игру с общехозяйственными пропорциями, то теперь, в переходном хозяйстве, вся совокупность выступлений частных собственников, все неорганизованное стихийное давление в целом *тоже не содержит* в себе никаких тенденций к общественной пропорциональности, тоже оказывается неспособным согласоваться с потребностями всего общественного производства. В этом выражается нарушение основы старого способа регулирования наличием социалистического комплекса, ибо то,

что раньше являлось механизмом, приводящим в соответствие все отдельные давления, теперь само оказалось лишь частичным давлением, подлежащим приведению в соответствие каким-то другим действительно общехозяйственным механизмом.

Таким образом вся совокупность стихийных выступлений, все стихийное давление в целом — только частичное давление, участвующее в образовании общехозяйственной равнодействующей, а затем определяемое этой равнодействующей и исходящее из нее.

В этом отношении совсем по-другому обрисовывается роль плановых выступлений. Было бы величайшей ошибкой не видеть принципиальной разницы в значении плановых выступлений и выступлений частных товаропроизводителей, в своей совокупности создающих стихийное давление, но не могущих создать стихийный аппарат равновесия. В то время, как выступления частных товаропроизводителей направлены на достижения их собственных интересов, ни в какой степени не согласованы с общехозяйственными потребностями и только еще подлежат такому согласованию, выступления плановых сил исходят из учета всей совокупности хозяйственных элементов и рыночных давлений, исходят из определенного предварительного их согласования планом, исходят из выясненной и установленной планом общехозяйственной пропорциональности. Планирование заранее наметило известное взаимосоответствие отдельных хозяйственных элементов, заранее так направило и согласовало выступления своих активных экономических сил, чтобы их давление устремлялось к определенному равновесию. Таким образом, каждое плановое выступление уже в себе несет сознательное стремление к общехозяйственному равновесию, в нем самом уже заложены согласованность и соответствие потребностям общественной производственной пропорциональности. Более того, каждое плановое выступление в отдельности и все силы социалистического комплекса вместе являются проводниками этого определенного равновесия, борются против всяких отклонений от него, приспособляют к нему все несоциалистические части хозяйства, словом, организуют и осуществляют это равновесие. Поскольку каждое плановое выступление исходит из плана, т.-е. из определенного согласования всей совокупности хозяйственных элементов, и направлено к реальному осуществлению намеченного планом равновесия, постольку они приобретают значение регулирующего начала, носителя и даже «блюстителя» общехозяйственного равновесия. Если при обычном товарном обществе масса несогласованных, частнособственнических выступлений создает в результате рыночные колебания, через которые прокладывает себе дорогу производственная пропорциональность, то, как мы говорили, в переходном хозяйстве такой механизм регулирования нарушен, ибо наличие социалистического комплекса исключает возможность «свободной игры» всех хозяйственных сил, в своих колебаниях тяготеющих к равновесию. На место этого тяготения массы стихийных выступлений частных товаропроизводителей к равновесию, — тяготения, которое служит при обычном товарном обществе регулирующей закономерностью,—встает руководящее и организующее давление плана и его активных сил. Рыночная игра остается, выступления частных товаро-

производителей продолжают создавать стихийное давление, равнодействующая от скрещивания всех сил продолжает быть формой реализации равновесия; но регулирование этой равнодействующей, способ ее организации, стержень, который превращает бесформенную массу частных выступлений в осуществление производственного равновесия, — все это складывается по-новому. План и выступления сил планового комплекса — вот что заменяет стихийное тяготение к какому-то равновесию, вот что теперь служит опорой упорядочения рыночной игры сил, вот что согласует отдельные частичные выступления с потребностями общехозяйственного равновесия. Если раньше тенденция к осуществлению общехозяйственного равновесия была заложена в стихийном аппарате взаимоуравновешивания отклонений и тяготения к средней, то теперь равновесие олицетворяется давлением плановых сил. Стихийные колебания утеряли свой старый «стержень», прежние закономерности уже не применимы для организации и упорядочения рынка; на их место выдвигается в качестве нового «стержня», нового организующего начала плановый учет всех хозяйственных элементов, предварительное их плановое согласование, активное проведение намеченного равновесия путем действия сил социалистического комплекса. Пользуясь своей ролью известного центра, «ядра» советского хозяйства, пользуясь своим участием во всех важнейших хозяйственных процессах и соотношениях, опираясь на сознательный учет всех элементов равновесия, на познание объективной (по отношению к нему) силы стихийного давления, — руководящий социалистический комплекс получает возможность играть роль носителя общехозяйственного равновесия, т.-е. такого хозяйствующего субъекта, в котором нашли себе сосредоточение все линии экономического развития, все линии давлений отдельных товаропроизводителей. Отсюда и создается способность плановых сил, плановых выступлений — *части* общей суммы сил и общей массы выступлений — играть роль стержня, организатора, регулирующего начала для *всего* хозяйства, для рынка в *целом*: становится возможной такая расстановка, такое направление плановых выступлений, при которой, с одной стороны, регулируется, перенаправляется стихийное давление, а, с другой стороны, создается определенное скрещивание активных сил плана (заранее к этому столкновению подготовившихся) с выступлениями «объективных», стихийных сил. В результате этого плановые силы попадают в положение организаторов необходимой и возможной общехозяйственной роли стихийных сил. Они борются за роль регуляторов стихийных колебаний, стремясь проводить *через* них—при помощи их или против них — намеченное хозяйственное равновесие и выпрямлять создающиеся искривления и отклонения. Подвергаясь такому организующему воздействию плановых выступлений, стихийное давление упорядочивается с общехозяйственной точки зрения, согласуется со всеми другими элементами равновесия, включается в его общие рамки, приходит в соответствие с потребностями общехозяйственной пропорциональности и т. д. и т. п.

С точки зрения своей *общехозяйственной* роли стихия оказывается организованной планом. План взвешивает силу рыночного давления стихии, предугадывает направление этого давления, наме-

чает, в соответствии со своей централизованной государственной мощью и с силой своей рыночной армии, насколько он в состоянии изменить, ограничить, подчинить стихийное давление. Намечая на основе всего этого реальную равнодействующую, которая должна сложиться на рынке в результате скрещивания сил социалистического комплекса и частнособственнической стихии, план расставляет все свои составные рыночные единицы, нажимает на все свои регулирующие рычаги так, чтобы предварительная наметка равнодействующей превратилась в реальную равнодействующую рыночной борьбы. Этим самым стихия как бы вставляется в плановые рамки, и само ее давление превращается в фактор проведения плана.

Планирование равнодействующей и особенности плана, «включившего» стихию.

В итоге мы имеем реальное осуществление планирования равнодействующей, планирования основных общехозяйственных пропорций на основе: учета и познания стихии, во-первых, регулирующего видоизменения стихийного давления—во-вторых, активной организации определенного скрещивания сил, а значит, и определенной равнодействующей—в-третьих. В этом и состоит новый, переходный тип образования равнодействующей.

Как мы видели, план оказывается тут не одной из сил, влияющих на равнодействующую, не регулятором какой-либо части хозяйства, а всеохватывающим, общехозяйственным, организатором и проводником равновесия и необходимой пропорциональности. Но значит ли это, что роль стихийного регулирования полностью сведена на-нет, что в решающих вопросах закономерности и тяготения стихийной игры они полностью не играют никакой роли? Разумеется, нет. План строит свой проект равновесия и на деле регулирует общехозяйственные пропорции на основе определенного стихийного давления, на основе определенного соотношения и стихийных, и плановых сил. План строит такое равновесие, которое возможно при данном составе хозяйственных элементов, которое можно построить при условии известного стихийного давления, а не такое, которое было бы рационально без этого давления. Плановая проблема сводится к задаче организовать равновесие, в которое одной из частей, одним из определителей входило бы стихийное давление со всеми своими особыми чертами и закономерностями: их план может видоизменять и регулировать, но не игнорировать. Задача плана сводится к тому, чтобы превратить стихию в фактор определенного равновесия, определенной комбинации элементов, чтобы своим, новым способом сконструировать решающие связки равновесия, чтобы не допустить стихийную игру до роли создателя общехозяйственного равновесия. Ибо совершенно ясно, что при том же разделении хозяйственных элементов между планом и стихией, но при неорганизованном, произвольном скрещивании всех выступлений, равновесие сложилось бы совсем по-другому.

Тот факт, что только включение стихийного давления делает план общехозяйственным, всеохватывающим фактором, — этот факт создает особые черты переходного плана и особые свойства переходного

равновесия. Наметка решающих пропорций представляет собою просто определенную форму взаимопроникновения плана и стихии. Эта форма равносильна гегемонии плана в решающих вопросах, ибо здесь «спссоб объединения» плана и стихии для установления общехозяйственного равновесия оказывается не стихийным, но принципиально новым, плановым способом предвидения, сознательного согласования и организованного проведения заранее намеченного равновесия. Это равновесие, однако, не может не иметь на себе отпечатка стихийного оформления ряда хозяйственных элементов. Правда устремление стихии к определенному варианту развития не может просто полностью реализоваться, так как оно встречается с плановым регулированием и воздействием. Но это устремление, тем не менее, представляет собою хотя бы предварительное оформление, расположение, конкретное, материальное определение ряда элементов равновесия. Если даже скрещивание с силами плана изменяет, перестраивает это оформление, то оно изменяет именно его, и этот факт уже не может не наложить на все равновесие определенного отпечатка.

Все хозяйственное равновесие оказывается вынужденным так или иначе согласоваться с тем оформлением ряда материальных элементов, которое создает стихия. Даже борьба за коренное изменение этого оформления будет одной из форм такого согласования и приведет к известному отражению стихийного устремления на расстановке всех других элементов.

По другой линии — по линии путей проведения плана в жизнь, по линии его точности и полноты—факт наличия стихии, как одного из важнейших элементов, определяющих план, создает ряд своеобразных черт. Колебания и повороты стихии настолько трудно предугадываемы, что ее учет принципиально не может быть сколько-нибудь точным и безусловным. Если бы план попытался регулировать общехозяйственное равновесие путем жестких диспозиций, регламентирующих каждый шаг любой частицы социалистического комплекса, то, помимо всяких других ненормальностей, — неизбежно создалась бы нежизненность, негибкость, неприменимость плана. Те или иные повороты стихии, те или иные ее колебания оказались бы «несоответствующими плану» и ставили бы последний в тупик. Жесткий, не гибкий, связывающий всякую свободу действий хозяйственных предприятий план находился бы в прямом противоречии со всей структурой переходного хозяйства. Поэтому-то переходный план строится не по типу негнущихся точных диспозиций, а по типу системы директив, проведение которых находится под общим руководством и контролем центра, но отнюдь не под его мелочным административным управлением. Все социалистические предприятия, проводящие план, имеют большую свободу маневрирования и для проведения основной линии в подвижных и разнообразных рыночных условиях. Согласованные хозяйственные маневры, руководимые и направляемые социалистическим центром, отступления и наступления, образование или втягивание в действие резервов, — все это позволяет преодолевать зыбкость стихии, охватывать ее своим регулированием и через массу колебаний осуществлять заранее намеченное равновесие.

Новая основа стихийных колебаний. Та форма, тот тип взаимопроникновения, который олицетворен планом, как организатором общехозяйственной рыночной равнодействующей, не только создает своеобразный характер этого плана, но и перестраивает самую основу регулирования стихийных колебаний. Мы уже говорили, что в непосредственных соприкосновениях стихии с планом этот последний регулирует и организует ее колебания в соответствии с потребностями общехозяйственного равновесия, олицетворяемого планом. Но как же обстоит дело с теми хозяйственными сферами, где непосредственного участия плана или совсем нет, или оно играет очень незначительную роль? Совершенно ясно, что тут хозяйственное регулирование может проходить только через колебания стихийной игры. Эта стихийная игра должна сама тяготеть к тому, чтобы устранять все возникающие отклонения от общехозяйственной пропорциональности, чтобы привести данный участок в соответствие с этой пропорциональностью. Другими словами, здесь тип регулирования, по крайней мере, в основных чертах, приближается к закономерностям товарно-капиталистического общества. Как известно, суть стихийного «механизма», стихийных закономерностей (закон стоимости, закон цен производства) сводится к тому, что необходимые общехозяйственные материальные пропорции устанавливаются через «автоматическое» тяготение к ним рыночной игры цен, через выработку пропорциональности в качестве средней колебаний и отклонений этой самой игры. Мы выше видели, что по отношению ко всему переходному хозяйству этот тип регулирования неприменим, ибо социалистический комплекс со своими плановыми выступлениями исключает возможность «автоматического» тяготения стихийных колебаний к взаимоуравновешиванию на такой средней линии, которая совпадала бы с известной (или, вернее, с никому неизвестной) пропорциональностью. Социалистический комплекс сам организует проведение через рыночную игру определенной пропорциональности. Рыночные колебания неразрывны тут от проведения плановых предположений. Поэтому для переходного хозяйства в целом на место стихийных закономерностей поставлен новый, своеобразный, планово-стихийный тип регулирования. Но этот новый способ регулирования отнюдь не исключает, а даже предполагает возможность того, чтобы в отдельных участках хозяйства и в соответственных звеньях общего механизма регулирования соотношение плановых и стихийных методов отличалось бы от того, которое типично для основных, решающих хозяйственных вопросов. В частности, там, где нет серьезного непосредственного участия плана, там регулирование трудовой пропорциональности совершается по типу закона стоимости: необходимая пропорциональность достигается через автоматическое взаимоуравновешивание отклонений, через тяготение игры цен к нормальной средней. Каждый вывих, противоречащий трудовой пропорциональности, каждое несоответствие необходимости общественного производства «автоматически» устраняется стихийными колебаниями цен вокруг их нормы. Казалось бы, что здесь можно признать наличие действия обычного закона стоимости. Однако, такой вывод был бы поверхностным. Конечно, здесь налицо стихийный

механизм регулирования, стихийный аппарат «автоматического» уравновешивания колебаний, как путь проведения трудовой пропорциональности. Но данный участок хозяйства есть только часть переходного хозяйства, и данный механизм регулирования не может не быть составной частью общей системы регулирования. Каждый данный «стихийный» участок рынка прямо или косвенно входил своим давлением в образование общехозяйственной равнодействующей. Это давление было учтено планом, скрестилось в общей сумме стихийных давлений с активными силами плана и оказалось одним из массы частных факторов создания основных пропорций. Но теперь, когда речь идет об установлении внутренних соотношений данного «стихийного» участка, о регулировании вопросов его экономической жизни—теперь общехозяйственная равнодействующая становится исходным пунктом, определяющим началом этого регулирования. Стихийные колебания должны привести данный рыночный участок в соответствие с потребностями общехозяйственной пропорциональности, должны устранить все отклонения от нее, должны тяготеть к соответствию с общехозяйственным равновесием, как к своей норме. Таким образом, налицо имеется известная «норма» цен («стоимость»), известная общественно-необходимая трудовая пропорциональность, известный стержень, вокруг которого стихийно колеблются рыночные явления. Другими словами, имеется такой тип, такой механизм регулирования, который вплотную приближается к закону стоимости, который сохраняет его характерные черты. Однако, суть дела в том, что стержень, норма, общественно-необходимая «средняя» всех колебаний и отклонений другая, немыслимая в условиях действия обычного закона стоимости: этим стержнем колебаний является общественная пропорциональность, трудовая необходимость, вытекающая из планово-стихийного способа регулирования общехозяйственного равновесия.

А это значит, что общественно-необходимыми, подлежащими проведению, «нормальными» являются также материальные пропорции, также производственные величины, которые вытекают не из старого стихийно-стоимостного способа регулирования, а из нового, планово-стихийного способа. Поэтому «чистого», «классического» закона стоимости в переходном хозяйстве нет и быть не может. Известное отклонение от классических законов товарно-капиталистического общества становится составной частью нормального положения переходной стихии. Освободиться от этого отклонения, оставаясь в рамках переходного хозяйства — дело невозможное. Ведь «переходная стадия» тяготеет не к обособлению от рыночного давления плана, но к согласованию с этим давлением. Значит, она не тяготеет к равновесию, которое установилось бы, «если бы» не было планового сектора, «если бы» не было действия планового регулятора, т.-е. «если бы» были предпосылки действия закона стоимости. «Переходная стихия», не будучи в состоянии устранить то «извращение стоимости», которое вызвано переходной организацией хозяйства, тяготеет к осуществлению нового равновесия, приспособляется к организованной планом общехозяйственной равнодействующей. Стихийный, по стоимостному типу построенный механизм оказывается только звеном общей системы регули-

рования. Способность стихийных колебаний в среднем тяготеть к трудовой пропорциональности (а ведь в ней-то и состоит «стихийный механизм регулирования») оказывается использованной для приспособления всех частей хозяйства к намеченному планом равновесию, ибо стержнем, нормой этого тяготения оказывается пропорциональность, вытекающая из такого равновесия.

Система регулирования переходного хозяйства в целом.

Подведем некоторые итоги. В переходном хозяйстве существуют разные механизмы действия закона трудовых затрат. Каждый из них является своеобразной, переходной, отмирающей или нарождающейся и развивающейся формой регулирования. Каждый из них представляет собою определенную форму взаимопроникновения плановых и стихийных факторов, ни один из них не является чисто капиталистической или чисто социалистической формой регулирования. Но этого мало. Само взаимопроникновение является не только способом согласования плана и стихии, но и способом включения различных форм регулирования в какую-то единую систему, превращения их в ее составные части. В структуре переходного хозяйства заложены основы такого объединения плановой и стихийной форм действия закона трудовых затрат в *единую систему регулирования переходного хозяйства*, в определенную *нормальную форму взаимопроникновения плана и стихии*. Суть этой единой системы состоит в том, что план познает всю совокупность объективной (естественной и общественной) необходимости, составляющей сумму условий хозяйственного равновесия, и, опираясь на свою регулирующую и рыночную силу, проводит через всю массу рыночных колебаний определенное, заранее намеченное равновесие, организует предварительно спроектированную равнодействующую. Это равновесие отнюдь не является чисто плановым равновесием, ибо только включение стихийного давления дает плану возможность играть такую «всеохватывающую» роль. Более того, план сам приспособляет свои выступления к определенному скрещиванию со стихией, к необходимости определенного воздействия на нее. Но это равновесие есть равновесие, созданное *под гегемонией* плана, ибо стихия здесь служит фактором проведения, составной частью намеченного планом равновесия, ибо она включена в план, а *не обратно*, не план является одним из факторов складывания стихии. Объединяющим, регулирующим самые взаимоотношения плана и стихии выступает здесь *план*.

Через такое взаимопроникновение план и стихия оказываются сведенными в единую систему регулирования переходного хозяйства: каждая отдельная плановая директива и каждая стихийная «норма тяготения» исходят из общих, основных пропорций и взаимоотношений, представляют собою часть общего механизма установления единого равновесия. Конечно, борьба между плановым руководством и стихийным давлением все вновь и вновь возникает на основе данного равновесия, на основе данного взаимопроникновения стихии и плана. План отстаивает свою гегемонию внутри переходной системы регулирования упорной борьбой со стихийным давлением. Но, осуществляя свою роль гегемона, план на определенной основе объединяет все регулирование

переходного хозяйства. Двойственность в методах, конечно, остается, но эти двойственные методы оказываются объединенными в единую, согласованную систему.

Такая система переходного регулирования является нормальной с точки зрения хозяйства, переходящего к социализму. Она складывается далеко не сразу, она складывается в результате ряда лет борьбы социалистического комплекса, ряда лет строительства переходного хозяйства. Но и она не исключает и не может исключить нарушения нормального положения, неосуществления равновесия, являющегося очередным шагом к социализму. Предположим, произошел просчет: план не сумел правильно учесть силу давления стихии; план не сумел организовать выступление своих предприятий таким образом, чтобы создалось рыночная обстановка, необходимая для осуществления намеченных им предположений. На рынке создается неожиданное положение: равнодействующая выступлений миллионов мелких товаропроизводителей, частных капиталистов, плохо увязанных друг с другом государственных предприятий складывается совершенно не так, как это должно было произойти по плану. Вместо проведения в жизнь планового равновесия, создается какая-то новая, стихийная равнодействующая. Стремление провести неудачный план превращается в один из многочисленных факторов создания этой равнодействующей. Она оказывается стихийной, непредвиденной равнодействующей. Нормальное регулирование хозяйства оказывается сорванным, вся регулирующая роль плана временно сведенной на-нет. Гегемоном на рынке становится стихия: только срыв плана дает ей возможность выступить в качестве объединения всех хозяйственных элементов, дает ей возможность вновь по своему способу устанавливать общехозяйственную равнодействующую. Но этот случай победы стихии равносилен кризису переходного хозяйства. Ибо, во-первых, наличие социалистического комплекса все равно исключает свободную игру сил, не дает стихии нормализовать свои колебания. Огромный социалистический комплекс оказывается препятствием для осуществления стихийными регуляторами своей роли, оказывается в этом случае дезорганизатором, нарушителем стихийного способа установления равновесия. Ибо, во-вторых, установка социалистических предприятий на определенно общехозяйственное равновесие срывается, их работа дезорганизуется, они первые же оказываются в кризисном положении. А за ними, по цепной связи, в кризис оказывается ввергнутым все хозяйство. Таким образом, стихийная равнодействующая есть «равнодействующая» кризиса переходного хозяйства. Но это обстоятельство, разумеется, не может предотвратить кризисы: не только просчеты плана, неизбежные в условиях учета стихии со всеми ее капризами, но и отраженное действие кризисных колебаний товарно-капиталистических хозяйственных тел, с которыми связано переходное хозяйство, не может в той или иной степени не сказываться на его развитии, иногда ставя его в очень затруднительное положение. Но принципиальное отличие кризисов переходного хозяйства от капиталистических кризисов состоит в том, что никакой внутренней, неизбежной закономерности периодических кризисов в переходной системе регулирования не заложено.

Именно поэтому мы не имеем в реальном советском хозяйстве каких-либо периодических «циклов» и кризисов, а имеем нарастание и укрепление сил планового начала. Если в годы военного коммунизма всякие планы вообще носили совершенно нереальный характер; если в первые годы нэпа до денежной реформы планирование рыночного хозяйства находилось еще в зачаточном состоянии, то теперь каждый год приносит нам все более и более основательный охват планом всех основных рыночных сил. Разумеется, стихийные колебания, просчеты и отклонения долго еще будут отрывать реальную равнодействующую от плановой нормы. Но основная тенденция будет состоять в том, что эти отклонения будут все время уменьшаться, стихийное давление все меньше и меньше будет ломать планы и все больше укладываться в поставленные ему рамки.

* * *

Практическая работа по проведению планового начала.

Посмотрим теперь, как практически строится плановая работа в Советском Союзе, какие методы применяет пролетарское государство в борьбе за плановое регулирование хозяйства.

Прежде всего остановимся на структуре наших плановых органов.

Помимо ведомственных плановых центров, намечающих общие перспективы развития отдельных хозяйственных отраслей и вырабатывающих конкретные, годовые, полугодовые и т. п. планы производственных, коммерческих и финансовых операций данной группы учреждений и предприятий, в систему советского экономического управления включен специальный аппарат, планирующий все хозяйство в целом. Речь идет о Государственных Плановых Комиссиях («Госпланах»), существующих теперь во всех советских республиках и важнейших областях; во главе их стоит Госплан СССР.

Госплан СССР состоит при высшем органе управления советского хозяйства — при Совете Труда и Обороны (СТО). Не имея сам административных прав, т.-е. не издавая прямых приказов хозяйственным организациям, Госплан является тем не менее важнейшим аппаратом, при помощи которого Советское правительство осуществляет свое руководство работой социалистических предприятий и регулирование всего хозяйства. Ни один оперативный, производственный, финансовый или торговый план, ни одно важное постановление по экономическим и финансовым вопросам не получает утверждения СТО без того, чтобы сначала не пройти Госплан и не получить там определенного заключения. Если каждый отдельный хозяйственный орган намечает предположения о дальнейшей работе своих предприятий, исходя из собственных интересов и ресурсов, то в задачу Госплана входит «рассмотрение и согласование с общесоюзным планом производственных программ и плановых предположений всех Народных Комиссариатов СССР, а равно и всех других органов СССР по всем находящимся в их ведении отраслям хозяйства...» (из положения о Госплане СССР). Другими словами, Госплан, исходя из интересов социалистического

развития всего народного хозяйства, рассматривает все плановые наметки отдельных хозорганов и уже вместе со своим заключением, исправлением, дополнением вносит их на утверждение СТО.

Внутренняя структура Госплана характеризуется разбивкой на три сектора — производственный, экономический (планирование обращения продукции народного хозяйства) и реконструкционный (планирование путей и возможностей преобразования народного хозяйства) и на ряд секций по отдельным отраслям хозяйства. Во главе всех этих секций стоит Президиум Госплана СССР. Примерно, на таких же началах работают республиканские Госпланы, состоящие при высших хозяйственных органах республик — при Экономических Совещаниях (ЭКОСО), играющих в республике ту же роль, что в СССР — СТО. Республиканские Госпланы «имеют своей основной задачей разработку планов хозяйства и планов социально-культурного строительства соответствующей республики, а также систематическое наблюдение за проведением означенных планов в жизнь».[1]

Плановая работа отнюдь не исчерпывается дачей заключений и поправок к чужим проектам оперативных планов. На деле она гораздо сложнее и многообразнее. Можно наметить три основных направления, по которым идет и будет итти плановая работа.

Во-первых, разработка генерального плана народного хозяйства, т.-е. намечение основных путей, по которым пойдет технически-экономическое преобразование всего народного хозяйства. Конечно, законченный план этой реконструкции даже в наиболее важных частях не может быть полностью выработан заранее. Но основной стержень реконструктивной (преобразовательной) работы должен быть намечен с наибольшей ясностью и научностью. Нельзя руководить строительством социалистического хозяйства, не представляя себе хотя бы некоторых основных элементов той технической базы, которую необходимо создать для его упрочения. Работа по составлению такого генерального плана — знаменитого «Плана электрификации РСФСР» — и послужила колыбелью для теперешних плановых органов: они сложились первоначально в качестве комиссий по электрификации России и только впоследствии были реорганизованы в общеплановые учреждения.

«План электрификации РСФСР» был выработан в 1920 г. в результате десятимесячной работы «лучших ученых сил нашей республики по поручению высших ее органов» (Ленин). Этот план представляет собою попытку наметить место и сроки постройки ряда крупных электростанций, обслуживающих целые районы советской страны и подводящих новую энергетическую базу под государственное хозяйство. Электроснабжение всех районов рассматривается в «Плане» в связи с общими возможностями их экономического роста, в связи с их природными и хозяйственными условиями и т. д. Благодаря этому «План» дает общую перспективу развития всего советского народного хозяйства. В качестве первого приближения к «единому хозяйственному

---

[1] «Основы положения о Госпланах союзных республик». «Проблемы планирования», отчет о Съезде Госпланов, стр. 340.

плану» VIII Съезд Советов в декабре 1920 г. утвердил этот план, поручив советским организациям завершить его разработку.

Разумеется, теперь через 6 лет работы по восстановлению и преобразованию нашего хозяйства, очень многое в этом плане оказалось устарелым и подлежащим пересмотру и изменению.

VI Съезд Президиумов Госпланов в своем постановлении «оценивает пересмотр проекта электрификации как очередную задачу, лежащую перед плановыми работниками по пересмотру и составлению генерального плана».[1] Однако, основная идея «Плана электрификации» — необходимость планомерного перевода нашего хозяйства на базу электрической энергии,—конечно, останется основой всякого нового проекта. Таким образом, речь идет не о совершенно новом генеральном плане, а о дальнейшем уточнении, развертывании и развитии правильно намеченной основной линии.

Во-вторых, работа планирующих органов будет состоять в намечении так называемых перспективных планов на ряд ближайших лет. Практически разработка перспективных планов ведется с расчетом на пятилетние сроки, так как в более короткие периоды невозможно «осуществление сколько-нибудь серьезных реконструкционных программ». [2] Генеральный план намечает общее направление технической перестройки нашего хозяйства, намечает главный стержень работы по созданию технической базы социализма и в связи с этим выставляет центральные задачи преобразовательной работы в применении к каждому району и каждой отрасли. Но генеральный план не может дать конкретной погодовой разверстки необходимых затрат, конкретного готового темпа прироста продукции, изменения соотношения отраслей и т. д. Между тем, поскольку нам приходится делать огромные капитальные затраты, которые предопределяют развитие народного хозяйства на целый ряд лет, постольку нам совершенно необходимо представлять себе, как сложатся основные процессы хозяйственного развития хотя бы в ближайшие годы. Поэтому «мы должны располагать не только генеральной наметкой общего характера и масштаба предстоящих хозяйственных заданий, но и вполне разработанным перспективным планом их выполнения в течение данного периода лет».[3] Опираясь на эти ориентировочные, предположительные планы, гораздо легче будет увязывать плановые предположения отдельных районов и отраслей, и гораздо яснее будет представляться будущий результат тех или иных мероприятий, проводимых в текущем году. Первый черновой набросок перспективного плана для пятилетия 1926/27 — 1930/31 гг. уже составлен Госпланом СССР и сейчас уточняется и дорабатывается. Основное содержание этого плана мы рассмотрим немного дальше.

Намечение генеральной линии развития и конкретных перспектив ближайшего отрезка этого развития не может производиться только для всего Союза в целом, без подразделения его на определен-

---

[1] «Проблемы Планирования», стр. 322.
[2] «Плановое хозяйство», № 3 за 1927 г., статья Струмилина, стр. 20.
[3] См. «Проблемы Планирования», доклад Струмилина о пятилетке, стр. 22.

ные хозяйственные районы. Каждый план будет предопределять экономическую судьбу развития отдельных областей Советской страны, а, значит, и районирование СССР. Поэтому каждую хозяйственную проблему, а тем более каждый план развития народного хозяйства, необходимо рассматривать не только в общесоюзном разрезе, но и в применении к территориальным границам республик и областей, т.-е. как ряд хозяйственных планов определенных районов. Таким образом, районирование Советского Союза теснейшим образом связывается с перспективным планированием.

В-третьих, в задачу плановых органов входит наметка конкретных годовых планов, так называемых контрольных цифр народного хозяйства на определенный год. Контрольные цифры представляют собою не что иное, как попытку наметить реальное развитие народного хозяйства, реальные пропорции и соотношения, которые необходимо установить плановому воздействию в соответствующем хозяйственном году. Контрольные цифры должны включать в себя и увязывать все главные оперативные планы государственных предприятий; они должны учесть предполагающиеся хозяйственные процессы в других секторах; на основе этого они должны дать цельную систему цифр и директив для данного года.

Таким образом, контрольные цифры служат как бы стержнем, вокруг которого укладываются многообразные планы годовой работы всех хозяйственных организаций. «В дальнейшем дело, очевидно, пойдет таким образом, что контрольные цифры Госплана будут предварять выработку годичных операционных планов хозяйствующими ведомствами. Проработанный таким образом материал будет возвращаться в Госплан для сводки в единый годовой операционный хозяйственный план страны. В свою очередь, подвергнутся переработке и контрольные цифры, превращаясь, таким образом, из предисловия в послесловие... Такой годичный план должен неизбежно являться лишь отрезком перспективного хозяйственного плана, предвидящего цикл хозяйственных работ, примерно, на пятилетний срок. В свою очередь, перспективный пятилетний план будет правильно очерчен лишь при наличии правильно составленного генерального плана народного хозяйства. Сознание необходимости работы в этих трех направлениях, признание, что тремя основными стержнями плановой работы должны быть план генеральный, план перспективный и планы годовые операционные с сопутствующей последним системой контрольных цифр, широко распространено в кругу наших работников».[1]

Как видно, все плановые работы выстраиваются как бы в единую цепь из трех звеньев: генеральный план намечает тот тип развития производительных сил, который должен подвести техническую базу под социализм; перспективный план дает ориентировочную цепь равновесий, примерный ряд ступеней, необходимых для того, чтобы развитие шло по линии, намеченной генеральным планом; контрольные цифры, годовые операционные планы указывают, какую ступень должно предста-

---

[1] «Проблемы Планирования», доклад Кржижановского, стр. 14.

влять собою хозяйственное развитие данного года и какими способами должно быть преодолено стихийное давление и установлено плановое равновесие. Через эту цепь каждая отдельная плановая директива увязывается с общей борьбой за определенное хозяйственное развитие и с общей линией движения к социализму.

Планирование в советском хозяйстве и состоит в выработке отдельных звеньев этой цепи и в борьбе за то, чтобы реальная жизнь, реальная равнодействующая рыночной борьбы в наибольшей возможной степени совпадала с плановыми предположениями пролетарского государства. Конечно, при этом нужно помнить о тех огромных трудностях планирования, которые вытекают, с одной стороны, из наличия колоссального частнособственнического массива мощной «мелкобуржуазной стихии», а с другой — из внешнего капиталистического окружения. Все планы, особенно перспективные планы и наметки генерального плана, отнюдь не будут представлять собою каких-то раз навсегда данных, негнущихся расписаний хозяйственного развития, определенные части которых просто подлежат введению в действие, когда придет их срок. На деле попытка дать такие жесткие планы на ряд лет вперед невозможна, ибо слишком много различных непредвиденных обстоятельств будут вторгаться в наше хозяйственное развитие. Но такая попытка никем и не делается. Планирование будущего хода экономического развития имеет своей задачей дать некоторую целевую установку, некоторую объединяющую идею социалистического строительства и представить себе возможную картину его ближайших этапов. При продвижении вперед, при наступлении намеченных сроков, предварительная наметка будет проверяться на основе нового жизненного опыта и после этого переводиться на язык конкретных годовых планов.

Одним из основных элементов этой борьбы за плановое начало является тот учет и познание стихии, о котором мы говорили выше, как об одной из характерных особенностей переходного планирования. Только внимательное, всестороннее, систематическое наблюдение за реальным движением всех основных явлений хозяйственной жизни, — в особенности за колебаниями стихийной рыночной игры, — может дать основу для определения силы и направления стихийного давления. Чем лучше будет учтена объективная стихийная обстановка, тем полнее удастся проводить воздействие плана и ближе подходить к плановому равновесию. К о н ъ ю н к т у р н ы е н а б л ю д е н и я, т.-е. наблюдения за движением основных хозяйственных процессов и за изменениями общего состояния народного хозяйства, являются тем орудием, при помощи которого плановое руководство осуществляет познание стихии, собирает материалы для своих предположений, проверяет ход исполнения ранее намеченного и т. д. Подчеркивая огромное значение конъюнктурной работы, тов. Кржижановский говорил на первом съезде «плановиков» следующее: «Стихия вещей еще долго будет противостоять нам. Уже по этому одному неизбежны наши ошибки, наша учеба по этим ошибкам, наше зоркое наблюдение фактического состояния хозяйства. Еще долго нам придется держать сторожевую вахту у русла хозяйственных явлений и

не только руководить рынком, но и учиться у этого рынка. Конъюнктурные наблюдения и есть такого рода сторожевая вахта».[1]

Но как бы хорошо ни была учтена динамика хозяйства, все же нельзя с точностью предсказать того направления, которое заблагорассудится принять давлению стихийных сил. Все срывы и скачки стихии предугадать нельзя. Кроме того, неожиданные повороты хозяйственной обстановки вытекают из низкого уровня наших производительных сил, хотя бы из резких колебаний урожайности. Наконец, третьим источником приятных и неприятных поворотов может быть конъюнктура мирового рынка, никак не подчиняющаяся велениям нашего Госплана. Из всего этого вытекает необходимость как-то обеспечить проведение наших планов от таких неожиданных скачков, создать известную возможность быстро сманеврировать, провести ряд дополнительных операций и не дать стихии воспользоваться непредвиденной обстановкой для срыва планового равновесия. Таким обеспечением могут быть прежде всего «резервные хозяйственные фонды, дающие возможность необходимого хозяйственного маневра» (Кржижановский). Валютные резервы для внешней торговли; хлебные резервы для регулирования хлебного рынка; резервы промтоваров для регулирования уровня цен, для планового снабжения неожиданных потребностей, бюджетные резервы для финансового хозяйства и т. д., — все это создает известный «запас прочности в наших планах», все это ставит их на действительно твердую почву. Однако думать о таких резервах в годы разрухи или в годы залечивания ужасающих хозяйственных ран было невозможно. Но теперь, с завершением восстановительной работы в основных отраслях хозяйства, накопление этих резервов становится очередной задачей борьбы за план. И по мере роста нашего богатства, по мере укрепления позиций социалистического руководства, эти резервы смогут достичь необходимых внушительных размеров и придать нашим планам новую силу и новый авторитет.

§ 23. ПУТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

Плановые методы хозяйственной работы показали за годы нэпа свои крупные практические преимущества. Правда, советскому хозяйству все же пришлось пережить ряд хозяйственных затруднений и заминок, связанных отчасти с непропорциональным уровнем восстановления сельского хозяйства и промышленности, отчасти же вытекавших из стихийных рыночных колебаний, просчетов планирования и т. д. Но эти заминки смягчались и разрешались путем вмешательства планового регулирования, и, в общем, восстановление хозяйства шло довольно плавно и, что особенно важно, довольно быстрым темпом. После семи лет неслыханной дезорганизации и разрушения (1914 — 1921 гг.) советское хозяйство в течение пяти лет (1921 — 1926 гг.) сумело почти полностью восстановить довоенный уровень. Между тем, западно-европей-

---

[1] «Проблемы планирования», стр. 15.

ские капиталистические страны, несравненно меньше нашего пострадавшие в течение 1914 — 1921 гг., вынесшие только империалистическую войну и послевоенный социально-экономический кризис и не переживавшие огромной трепки «издержек революции», в настоящее время не многим дальше нашего ушли в восстановлении своего былого уровня. Из этого видно, что темп восстановления советского хозяйства был несравненно быстрее, чем темп залечивания ран, нанесенных капитализму мировой войной. И этот чрезвычайно показательный факт нельзя объяснить ссылкой на примитивный уровень нашей техники: мы в предыдущих главах видели, что как раз наибольшее падение и самый быстрый темп восстановления имел место в крупной социалистической промышленности. Несомненно, что корень этого важного обстоятельства лежит в лучшей, высшей, плановой организованности советского хозяйства.

«Восстановление» и «реконструкция» в развитии советского хозяйства.

Все же основное содержание хозяйственной работы первого пятилетия нэпа состояло только в восстановлении довоенного производственного уровня, в оживлении прежних производительных сил старой России. Поэтому у нас принято называть этот период *восстановительным периодом*. Однако этот процесс восстановления довоенного производственного уровня происходил в новой социально-экономической форме. Правда, возрождался и развивался рынок, снова налаживались старые торговые связи, снова хозяйство нашей страны принимало товарно-рыночный вид: все это было совершенно необходимо для того, чтобы ликвидировать разорванность, разобщенность основных хозяйственных частей и снова создать сложную сеть экономических сцепок, сделав возможным процесс воспроизводства. Но все это нисколько не нарушало основных завоеваний Октябрьской революции и военного коммунизма. Наоборот, восстановление рыночных связей послужило средством дальнейшего укрепления и расширения социалистических элементов нашего хозяйства. Как мы видели, рыночные связи в советском хозяйстве носят новый характер, и все оно организовано на переходных началах. Главным образом, именно за годы восстановительного периода постепенно складывалась сложная система социалистического руководства советским народным хозяйством: укреплялась социалистическая промышленность, завоевывалась торговля, нащупывались способы соединения интересов развития частнособственнического крестьянского хозяйства и коллективного земледелия, развертывалось планирование и т. д. и т. п. Таким образом, происходило *восстановление*, оживление *старой* производственной базы и *реконструкция*, *преобразование* хозяйственного строя на *новых* переходных началах.

Поскольку в основном речь шла об оживлении старой материальной базы, постольку в итоге восстановительного периода не могло не получиться возрождения нашей исконной сельскохозяйственной однобокости и промышленной слабости. Разумеется, нельзя было начать прямо перестраивать наше хозяйство на новой технической основе, нельзя было начать непосредственно на развалинах старых заводов строить новые, забросив прежние ресурсы и не оживляя наличных

производительных сил. Для такой работы не нашлось бы решительно никаких предпосылок — ни денежных капиталов, ни продовольствия для рабочих, ни сырья, ни топлива, ни строительных материалов, ни машин и т. д. До того, как в центр текущей хозяйственной работы поставить задачу построения нового технического фундамента для социализма, надо было создать все эти предпосылки. Прежде всего, нужно было восстановить сельское хозяйство и этим обеспечить для социалистической индустрии рынок, сырье и продовольствие. Без этих самых элементарных, самых необходимых предпосылок нечего было и думать о каком бы то ни было подъеме промышленности. Опираясь на успехи восстановления сельского хозяйства, смогла встать на ноги и промышленность. Все народное хозяйство снова начало нормально возобновлять производство, снова завертелся огромный механизм воспроизводства. И вместе с ним как в промышленности, так и в сельском хозяйстве возобновился процесс создания и накопления прибавочного продукта (в ценностной форме). Наличие накопленного прибавочного продукта впервые дало возможность практически поставить вопрос о работе по расширению наших производительных сил, о создании нового технического базиса, действительно способного быть опорой социализма. Вместе с этим переместился центр тяжести хозяйственного роста. Начинать строительство социалистического хозяйства с создания основных *предпосылок* работы по реконструкции технического фундамента, начинать с *восстановления старого материального остова*, — это значило начинать с сельского хозяйства. «Вот почему Ленин говорил, что построение социалистического фундамента нашего хозяйства, построение индустрии мы должны начать с сельского хозяйства». [1]

Но когда восстановление старого производительного уровня в основном закончено, когда реконструкция технического фундамента становится непосредственной задачей хозяйственной работы, — тогда центр тяжести перемещается в сторону индустрии.

«Теперь мы вступили во второй период нэпа. Самое важное и самое характерное в состоянии нашего хозяйства состоит теперь в том, что центр тяжести переместился в сторону индустрии. Ежели тогда, в первый период новой экономической политики, нам надо было начинать с сельского хозяйства, ибо развитие всего народного хозяйства упиралось в сельское хозяйство, то теперь для того, чтобы продолжать строительство социалистического фундамента нашего хозяйства, для того, чтобы двинуть вперед все хозяйство в целом, необходимо сосредоточить внимание именно на индустрии». [2]

Развитие индустрии как ключ к перестройке всего хозяйства.

В самом деле, мы знаем, что только крупнопромышленная индустриальная техника может быть основой социализма. Ленин писал, что «только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет под-

---

[1] *Сталин.* Доклад о хозяйственном положении Советского Союза. «Правда» от 18 апреля 1926 г.

[2] Там же.

ведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно».[1] Преобразовать техническую основу нашего хозяйства, создать фундамент социалистической экономики значит — перевести все отрасли нашего хозяйства на машинную индустриальную технику.

Такой перевод нашего хозяйства на рельсы машинной индустрии совершенно немыслим без ускоренного темпа роста советской промышленности, без повышения ее удельного веса во всем народном хозяйстве и в особенности без создания мощной тяжелой промышленности, производящей современные средства производства — в первую голову машины для фабрик, заводов, железных дорог и крестьянских хозяйств. Разумеется, можно было бы достичь некоторого повышения технического уровня нашего хозяйства также и путем простого ввоза из капиталистической заграницы тамошних машин и орудий производства. При этом наше сельское хозяйство шло бы вперед, за ним развивались бы отрасли легкой индустрии — пищевая промышленность, обработка хлопка и шерсти, производство обуви и т. д.; но собственного машиностроения, собственной тяжелой индустрии Советский Союз был бы лишен. Все важнейшие орудия производства наше народное хозяйство получало бы из-за границы в обмен на свои продукты. Некоторые товарищи из оппозиции (Шанин, Сокольников) предлагали партии взять курс именно на такой путь развития, именно на дальнейшую аграризацию нашей страны. Они мотивировали это тем, что наше сельское хозяйство для своего развития не требует таких громадных капиталов, как промышленность, и что поэтому нам гораздо легче повышать богатство нашей страны через развертывание сельского хозяйства и сравнительно более замедленный рост промышленности, в особенности тяжелой.

Однако такой путь развития, во-первых, не имел бы ничего общего с строительством социалистического хозяйства, а во-вторых, не дал бы никакой подлинной реконструкции нашей технической базы. В самом деле, только мощная собственная индустрия обеспечит нам возможность уберечь себя «от превращения в придаток мирового капитализма» (Сталин). Если вся наша новая техника будет привозной капиталистической техникой, если в такой важнейшей, центральной области хозяйственного развития, как в производстве средств производства, мы не будем иметь самостоятельности, то это будет значить не что иное, как передача руководства нашим развитием в руки капиталистов. Это будет уподоблением наших отношений с капиталистическим окружением тем отношениям, которые существуют, напр., между Англией и ее колонией Индией. В Индии развиваются и сельское хозяйство и ряд отраслей промышленности. Но все это развитие основано на орудиях и средствах производства, привозимых из Англии, ибо собственной тяжелой индустрии колонии не имеют и иметь ее им «не полагается». На этом в значительной степени зиждется подчинение Индии и других колоний английскому империализму. Такое развитие

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 428.

Советского Союза будет равносильно созданию экономической базы для закабаления первой социалистической республики мировыми хищниками. Вместе с этим такое развитие будет сохранением и закреплением нашей отсталости, нашей аграрной однобокости.

Действительно передовыми по технике, действительно руководящими всем развитием производительных сил являются, конечно, не колбасные или даже не текстильные фабрики. Такими центрами современной передовой техники являются предприятия крупной индустрии, в первую голову машино-строительные, электротехнические и т. п. заводы. Если как раз их-то у нас и не будет, то мы не сможем превратиться в действительно передовую по технике страну, а останемся в числе отсталых стран, плетущихся в хвосте у индустриальных гигантов.

Курс на индустриализацию нашей страны.

Таким образом, ключ к подлинной социалистической реконструкции советского хозяйства лежит в индустриализации страны.

Индустриализация страны—это такое развитие народного хозяйства, при котором всестороннее развертывание мощной промышленности опережает рост сельского хозяйства, и соотношение между ними изменяется в сторону увеличения удельного веса промышленности. При таком развитии Советский Союз будет превращаться из «однобокой» аграрной страны в индустриально-аграрную страну. «Центр индустриализации, основа ее, состоит в развитии тяжелой промышленности (топливо, металл и т. п.), в развитии, в конце концов, производства средств производства, в развитии своего собственного машиностроения... Индустриализация должна пониматься прежде всего как развитие у нас тяжелой промышленности и, особенно, как развитие нашего собственного машиностроения, этого основного нерва индустрии вообще. Без этого нечего и говорить об обеспечении экономической самостоятельности нашей страны».[1]

Конечно, индустриализация страны вовсе не означает роста промышленности за счет застоя в сельском хозяйстве. Наоборот, в той же мере, в какой наша сельскохозяйственная односторонность задерживает и замедляет процесс интенсификации и механизации сельского хозяйства, в той же мере индустриализация страны является наиболее мощным двигателем сельскохозяйственного прогресса. Интересы нашего сельского хозяйства властно требуют этой индустриализации, так как только она обеспечивает возможность дальнейшего подъема сельскохозяйственного производства за пределы довоенного уровня: без промышленого рынка, без промышленной техники преобразование сельского хозяйства невозможно. Путь к передовому сельскому хозяйству лежит через развертывание индустрии. С другой стороны, индустриализация страны не может происходить без подъема сельского хозяйства потому, что растущая промышленность должна опираться на расширяющийся крестьянский рынок и на увеличивающееся производство продовольствия, сельскохозяйственного сырья и топлива. Из всего этого следует, что между развитием советской промышленности и развитием сельского

---

[1] Из того же доклада Сталина.

хозяйства нет никакого противоречия; наоборот, между ними существует тесная взаимосвязь и взаимодействие. Поэтому индустриализация страны не должна и не может быть односторонним ростом промышленности. Движение по пути индустриализации нашей страны равносильно двустороннему развитию нашего хозяйства, т.-е. известному сочетанию роста сельского хозяйства и промышленности. Однако, это двустороннее развитие не будет равномерным: индустрия будет расти быстрее, сельское хозяйство медленнее, доминирующая роль будет постепенно переходить к индустрии.

Конечно, необходимость индустриализации Советской страны для построения социалистического фундамента была установлена ленинизмом еще задолго до того, как XIV Съезд партии признал необходимым «держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования».[1] Однако надо ясно представлять кардинальную разницу в постановке вопроса об индустриализации раньше и теперь. «То, что раньше являлось лишь прогнозом будущего, то теперь стоит в качестве актуальной практической задачи нашей хозяйственной политики. Хозяйственные достижения позволяют теперь практически ставить на очередь вопрос об индустриализации».[2] Курс на индустриализацию, как стержень всей хозяйственной работы, связан с известным переломом, переживаемым Советским Союзом: с переходом от восстановления к реконструкции, с началом эпохи строительства технического фундамента подлинно социалистического хозяйства. Впервые создание нашими собственными силами материальных предпосылок для социализма становится в порядок дня в качестве новой задачи, в качестве очередного звена борьбы за социализм. С этой огромной задачей связаны, конечно, новые трудности; зато ее разрешение будет окончательным закреплением социализма.

Задача индустриализации становится тем более актуальной, что недостаточный удельный вес промышленности в соединении с быстрым ростом платежеспособного спроса в городе и деревне породил товарный голод. Наша промышленность не справляется с предъявляемыми ей требованиями, оказывается непропорционально слабой и недостаточной. И это еще резче и яснее выдвигает задачу индустриализации, как единственного средства коренным образом разрешить все недостатки, все невязки, оставленные советскому хозяйству в наследство от экономики старой России.

Электрификация и ее связь с индустриализацией.

Индустриализация нашей страны неотделима от перевода всего хозяйства на базу новой электрической энергии, т.-е. от электрификации. Развертывающаяся социалистическая индустрия будет, конечно, требовать электрической двигательной силы. Поэтому новые заводы и фабрики должны будут группироваться вокруг новых электрических станций, и развертывание промышленности неизбежно соединится с электрифика-

---

[1] Из резолюции по отчету ЦК, стенографический отчет, стр. 959.
[2] Из доклада Рыкова, см. «Правда» от 23 апреля 1926 г.

цией страны. В свою очередь, электрификация немыслима без роста электротехнической, машиностроительной и вообще строительной промышленности. «Несомненно, что для широкой электрификации необходимы соответствующие предпосылки. Предварительно придется подумать о подъеме добывающей промышленности, о развитии металлургии, машино- и электро-строения...» говорил тов. Кржижановский, докладывая в 1920 г. VIII Съезду Советов о первом проекте плана электрификации.[1] Вместе с тем только промышленность и (в меньшей мере) транспорт могут быть достаточно уплотненными и постоянными потребителями электроэнергии. Сельское хозяйство — если крупная промышленность еще не подвергла его техническому преобразованию — вообще не может являться достаточным потребителем энергии. Но даже и после технической реконструкции сезонность и распыленность потребности сельского хозяйства в энергии затрудняет постройку крупных станций специально для сельскохозяйственных нужд. Таким образом, можно сказать, что электрификация и индустриализация — это две формулировки одного и того же преобразования советского хозяйства. Более развернутой, охватывающей изменение всего хозяйственного типа нашей страны, является формулировка индустриализации; более узкой, дающей конкретный технический стержень хозяйственного преобразования, является формулировка электрификации.

В «Тезисах о политике РКП», принятых III Конгрессом Коминтерна в 1921 г., Ленин дает по этому поводу следующую, четкую и ясную формулировку: «Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие. Но этим общим положением нельзя ограничиться. Его необходимо конкретизировать. Соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность есть электрификация всей страны».[2]

Вокруг электрификации будут группироваться отдельные работы по созданию материальной базы социализма. Вместо того, чтобы использование данных природных ресурсов энергии происходило вразброд, по отдельным предприятиям, электрическая станция наиболее экономным, рациональным и централизованным способом превращает уголь, торф, сланцы, водяную энергию в электрический ток, по проводам расходящийся на сотни верст и обслуживающий десятки разнообразных предприятий. Благодаря этому крупные электрические станции являются центрами, вокруг которых располагается все наиболее важное и значительное в хозяйстве данного района. Этим путем электрификация организует народное хозяйство на началах централизации, превращая его в ряд мощных районных комбинатов во главе с электрическими станциями. «Если представить себе производство силовой энергии в любой стране сосредоточенным в немногих крупных районных станциях, связанных между собой сетью воздушных электропередач,

---

[1] Кржижановский. Доклад об электрификации на VIII Съезде Советов; см. стенографический отчет съезда, стр. 80.

[2] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 316—317. (Подчеркнуто нами.)

то уже легко можно понять, каким образом этот электрический скелет всего хозяйства явится основой его рационализации. Согласованная работа станций вносит такую же согласованность в работе многочисленных потребителей электрической энергии, неизбежно направляет ее по плановому руслу».[1] Другими словами, электрификация, требуя централизованного «производства» энергии, требуя рациональной общехозяйственной распланировки всех предприятий, требуя, наконец, согласованности в работе всех предприятий, пользующихся единым источником энергии, — дает основу для планового, социалистического хозяйства. Можно сказать, что социализм является прямым экономическим выводом из электрической техники.

Именно потому план электрификации является, по выражению Ленина, второй программой нашей партии. Построение намеченных в нем 30 районных электростанций, общей мощностью в полтора миллиона киловатт, в срок 10—15 лет (считая с 1922 г.), даст основу для хозяйственного преобразования основных районов Советского Союза. Каждая из этих станций в соответствии с условиями данного района будет основываться на наиболее дешевом и обильном источнике энергии: или на водяной энергии, или на торфе, или на угле и угольной мелочи, или на специальных сортах нефти, или даже па отбросах деревообрабатывающих заводов и т. д. В отношении к одним станциям главными потребителями их энергии будут выступать металлургические заводы, угольные шахты, разработки руд и т. д. Так, мощная гидро-электрическая станция на Днепре, около г. Александровска («Днепрострой»), к постройке которой уже приступлено, произведет полную технико-экономическую перестройку всего южного горно-промышленного района; другие станции станут опорой дальнейшего развертывания современных центров обрабатывающей промышленности (Волховстрой, Каширская и Шатурская станции и др.); третьи станции подведут энергетическую базу под реконструкцию ремесленно-кустарной промышленности или сельскохозяйственной индустрии; четвертые значительную часть своей энергии будут употреблять на мелиоративные работы; пятые — на электрификацию железнодорожных магистралей и т. д. и т. п. Всюду электрическая энергия сделает свое дело — определит основной путь развертывания производительных сил данного района.

Как идет осуществление этой важнейшей работы? Сумеем ли мы хотя бы в основном осуществить план электрификации в течение намеченного срока в 10—15 лет?

К началу 1924/25 г. действующая мощность районных станций определялась в 190 тыс. киловатт, к началу 1925/26 г. — в 250 тыс. киловатт.[2]

Мощность всех наших электростанций в декабре 1926 г. и перспективы роста этой мощности в ближайшие пять лет (согласно перспективному плану) видны из следующей таблицы.[3]

---

[1] Из доклада Кржижановского на VIII съезде советов, стенографический отчет, стр. 65—66.

[2] См. «Проблемы Планирования», стр. 52.

[3] «Плановое хозяйство», № 3 за 1927 г., стр. 82.

Рост мощности всех станций СССР по пятилетнему плану
(в тысячах киловатт)

	1926 (декабрь	1927	1928	1929	1930	1931
Собственно районные станции .	386	530	860	1 258	1 611	2 011
Промышленные станции и станции-комбинаты	750	800	850	900	950	1 000
Прочие станции	314	350	420	480	540	600
Все станции	1 440	1 690	2 130	2 638	3 101	3 611

Как видно, общая мощность всех станций должна возрасти за 5 лет с 1440 тыс. киловатт до 3611 тыс. киловатт, т.-е. прирост составит 150%. При этом, в соответствии с принципами, намеченными еще «планом электрификаци», главная доля прироста падает на районные станции. Их мощность увеличится более чем в пять раз. В соответствии с этим их доля в общей мощности всех станций повысится с 25% до 60%.

Общая потребность в средствах для осуществления намеченного пятилетнего плана должна составить 1339 милл. рублей, из которых около четверти можно будет покрыть собственными средствами электростанций прибылью и амортизационными отчислениями. Если все эти цифры удастся реализовать, то первоначальная медленность осуществления плана электрификации будет уравновешена последующим высоким темпом роста, и к 1932 г. — к истечению минимального намеченного срока — мы будем иметь построенными станции, по своей мощности даже превышающие намеченные «планом электрификации» 1,5 милл. киловатт.

Рядом с общегосударственным строительством основного электрического костяка нашего хозяйства, идет «низовая» сельская и городская электрификация, — постройка силами и средствами крестьян или кооперативных, коммунальных и т. п. предприятий сравнительно небольших электростанций местного значения. Часть этих станций — совсем небольшие сельскохозяйственные установки, обслуживающие, главным образом, предприятия по переработке продуктов земледелия и животноводства и освещающие окружающие деревни. На 1 января 1923 г. таких станций насчитывалось 345, с общей мощностью в 14 000 киловатт; к 1926 г. их число выросло до 570 с общей мощностью в 27 000 киловатт. Другие станции — значительно более крупные — связаны с заводами, железными дорогами, городскими предприятиями по благоустройству и т. д. Их прирост очень серьезно увеличивает общую мощность наших электроустановок: в течение 1926 г. он составил 170 тыс. киловатт, превысив прирост мощности районных

станций.[1] В одной из своих речей, тов. Кржижановский назвал этот рост местной электрификации «встречным током», помогающим государству осуществить реконструкцию народного хозяйства.

Всячески подчеркивая значение электрификации, не нужно однако забывать, что она является только стержнем, вокруг которого должны группироваться многообразные работы по созданию новой технической базы нашего хозяйства. Что касается индустрии, то мы уже видели, что ее развитие неразрывно связано с проведением электрификации. Совершенно необходимо также особо подчеркнуть транспортную проблему, как одну из центральных проблем реконструкции производительных сил. С одной стороны, развитие всех основных отраслей нашего хозяйства упирается в слабость и недостаточность железнодорожной сети, в огромную изношенность всего оборудования железнодорожного и водного транспорта, в низкую степень восстановленности шоссейных дорог, мостов и т. д. Для целого ряда важнейших областей транспортного хозяйства мы имеем сравнительно более низкий уровень по сравнению с довоенным, чем в других отраслях производства. Без усиленной борьбы за расширение транспорта народное хозяйство может столкнуться с несоответствием потребности в перевозках и наличным количеством паровозов, вагонов, пароходов и других перевозочных средств. Подобное явление наблюдалось уже в 1925/26 г. хозяйственном году, демонстрируя тот факт, что транспорт становится «узким местом» всей нашей хозяйственной системы.

С другой стороны, для целых огромных районов севера и северо-востока Европейской части РСФСР, Сибири, Туркестана, Дальнего Востока и др. ключом к хозяйственной реконструкции может быть прежде всего постройка новых железных дорог. Оторванность от рынка, отсутствие возможности дешево перебрасывать массы продуктов задерживало развитие хозяйства этих областей и исключало всякую возможность использования их естественных богатств. Понятно, что транспортная проблема не может быть разрешена вне общего преобразования нашего хозяйства. В первую голову для развития транспорта необходимо развертывание металлургии и машиностроения, т.-е. опять-таки необходимо решительное движение по пути к индустриализации страны.

Таковы те основные линии развития, по которым будет совершаться и уже частично совершается социалистическая реконструкция наших производительных сил. Однако, возникает вопрос, найдется ли в нашей некультурной, бедной, отсталой стране достаточно сил и средств для успешного проведения такой огромной, такой трудной работы, как создание материального базиса социализма? Не получится ли, что окруженные капиталистическими странами, лишенные «государственной поддержки европейского пролетариата» (Троцкий), мы не найдем внутри нашей страны необходимых предпосылок для индустриализации страны, для построения материальной базы социализма и после ряда неудач социалистического строительства или сползем в «царство крестьянской ограниченности», или превратимся в полуколонию западного капитала? Этот кардинальный вопрос есть вопрос жизни и смерти

---

[1] Данные из статьи Горева в № 3 «Большевика» за 1926 г.

пролетарской диктатуры и социалистического строительства. Собственно говоря, эта проблема сводится к вопросу, хватит ли нам капиталов для предпринимаемой огромной работы. Со всеми другими предпосылками индустриализации у нас действительно серьезных затруднений не будет: колоссальные запасы живого труда, всевозможные природные богатства, внутрений рынок с безграничной перспективой расширения, — все это у нас есть налицо, и для того, чтобы все эти элементы оплодотворили друг друга и соединились в мощном техническом и культурном росте, — для этого недостает только одного — только капиталов.

Проблема социалистического накопления.

Буржуазные страны, создавая у себя крупную промышленность, опирались на разные источники средств. «Захват и ограбление колоний», «военный разгром и контрибуции» одной капиталистической страны в отношении другой, «кабальные концессии и кабальные займы, идущие из стран, капиталистически развитых, в страну, капиталистически отсталую», [1] — таковы характерные для капитализма способы индустриализации. Социалистическая индустриализация должна найти другие пути развития и другие источники накопления. Прежде всего, было бы неправильно ставить ставку на приток добавочных капиталов извне, как на необходимое, обязательное условие индустриализации Советской страны. Мы сможем добиться прилива иностранных капиталов на выгодных, некабальных условиях только в том случае, если у нас хватит внутренних сил для разрешения проблемы накопления. Тогда иностранные капиталисты пойдут к нам на приемлемых для нас условиях. Но если мы сами не сумеем создать основы для накопления необходимых капиталов, то нельзя будет рассчитывать и на «помощь» капиталистической заграницы. Таким образом, в деле индустриализации прилив иностранного капитала может играть только дополнительную роль. Основное решение остается за внутренним социалистическим накоплением, т.-е., в первую голову, за превращением прибавочного продукта советских трудящихся в отдельные составные части основного и оборотного «капитала» социалистического хозяйства. «Необходимо стремиться к тому,— говорит XV Партконференция в своей резолюции по хозяйственному вопросу, — чтобы в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран. Успешное осуществление этого зависит от темпа накопления в народном хозяйстве и от тех ресурсов, которые оно сможет выделить для разрешения задачи индустриализации».

Ленин с полной ясностью указывал на путь социалистического накопления, как основной способ создать предпосылки для преобразования советского хозяйства. «Наше положение особенно трудно, — пишет он в одном месте, — потому что нет средств для восстановления основного капитала — машин, орудий, зданий и т. п., а ведь именно эта промышленность, так называемая «тяжелая индустрия», есть

[1] Сталин. «Вопросы и ответы», 2-е изд., стр. 57—58.

основная база социализма. В капиталистических государствах обычно восстанавливают этот основной капитал посредством займов. Нам не хотят дать займов, пока мы не восстановим собственности капиталистов и помещиков, а мы этого сделать не можем и не сделаем. Остается необыкновенно трудный и долгий путь: скапливать понемногу сбережения, увеличивать налоги, чтобы постепенно восстанавливать разрушенные железные дороги, машины, здания и пр.».[1] Обеспечит ли этот путь достаточно быстрое движение к социализму? Смогут ли рабочие и крестьяне Советского Союза своим собственным упорным трудом построить базу социализма? Не придется ли нам итти в кабалу к западным ростовщикам из-за острой нехватки средств?

На этот вопрос надо с полной ясностью ответить, что у нас есть необходимые источники и что социалистическое накопление сможет обеспечить индустриализацию страны не хуже, а лучше буржуазных способов капиталистического накопления. Правда, «нам не хотят дать займов» — именно потому, что они нам нужны для социалистического строительства; правда, и другие капиталистические способы нам не подходят. Однако, социалистическая сущность нашего накопления, закрыв перед нами такие пути, как кабальные займы, колониальные грабежи и контрибуции, создала новые возможности накопления, открыла новые перспективы развития.

Прежде всего, наши особенные преимущества социалистического хозяйствования состоят в более полном использовании для нужд накопления прибавочного продукта советских трудящихся масс. Огромная доля прибавочного продукта в капиталистических условиях шла и идет на непроизводительное потребление помещиков и буржуазии. Октябрьская революция, уничтожив эксплуататоров, этим самим освободила прибавочный продукт от паразитического поедания и целиком (или почти целиком) направила его в фонд развития производительных сил. То же самое произошло с той долей прибавочного продукта, которая шла на уплату процентов по внешним долгам. Эти проценты ежегодно составляли несколько сот миллионов рублей, утекавших в карман мировых капиталистов. Аннулирование царских долгов присоединяет эти огромные суммы к источникам социалистического накопления. Понятно, что это дает в руки социалистической промышленности огромное преимущество.

Таким образом, уничтожение капиталистического строя равносильно уничтожению бессмысленной растраты огромной массы прибавочного продукта, равносильно превращению значительных долей этого продукта в возможные источники накопления.

Вместе с тем, национализация крупной промышленности и внешней торговли, закрепление за государством основных позиций во внутренней торговле, создание целой системы кредитных учреждений, в основном государственных или кооперативных, развертывание госбюджета и т. п., — все это создало сложную систему каналов, по которым прибавочный

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 76 — 77. «Письмо V съезду профсоюзов». (Подчеркнуто нами.)

продукт рабочих и крестьян сосредоточивается в руках социалистического государства. Благодаря системе «командных высот», благодаря руководящему положению социализма, перед социалистическим накоплением открывается возможность промышленную прибыль, прибыль от внешней и внутренней торговли, кредитные ресурсы, налоги и другие доходы превратить в источники средств для индустриализации.

При этом плановая организация накопления открывает перед нами возможность гораздо более продуктивного использования собранных капиталов. Одно дело, когда масса отдельных капиталистов и помещиков вкладывает свои средства туда, куда их манит предстоящая возможность максимального личного обогащения. Одно дело, когда рациональность или нерациональность данного вложения выясняется уже после того, как оно сделано, — или через обогащение, или через разорение капиталиста. Одно дело, когда спекулятивная горячка господствует в деле нового строительства, в деле развития промышленности, в деле расширения производства, и когда каждый необходимый шаг вперед к укрупненному и рационализованному хозяйству осуществляется через бешеную конкуренцию, через ряд резких колебаний и скачков рынка, путем крушений, крахов, банкротств и т. п. Одно дело, когда огромные средства затрачиваются попусту из-за необходимости преодолевать массу преград, возникающих на почве частной собственности на землю, на почве разрыва и противопоставления отдельных предприятий и т. д. и т. п. Другое дело, когда общехозяйственный план увязывает и согласует все отдельные затраты, не допускает излишних издержек, устраняет стихийные колебания, направляет каждый рубль туда, где он действительно необходим с точки зрения интересов развития всего народного хозяйства. Другое дело, когда нарушения необходимой пропорциональности из закономерного явления, из необходимого беспрерывного состояния превращаются в явления необязательные, все время уменьшающиеся, постепенно становящиеся случайными. Такое изменение организации всего хода накопления не может не дать советскому хозяйству очень существенного преимущества перед капиталистическим накоплением. В одной из своих речей тов. Рыков говорит по этому поводу следующее: «Мы можем доказать преимущества нашего строя тем, что стекающиеся в руки пролетарского государства из многочисленных источников крупные средства мы расходуем неизмеримо экономнее и целесообразнее, нежели любое капиталистическое государство. *Рубль, вкладываемый нами, должен дать гораздо большие результаты, чем в любой капиталистической стране*».[1]

Все эти обстоятельства дают полное основание для утверждения, что Октябрьская революция и последовавшая за ней перестройка всей экономики нашей страны не только поставили в порядок дня задачу индустриализации страны, но вместе с тем создали *возможность* такого социалистического накопления, которое обеспечивало бы разрешение этой задачи. Пленум ЦК ВКП (б) (в апреле 1926 г.) так сформулировал это важнейшее положение: «Экспроприация непроиз-

[1] См. «Правда» от 23 апреля 1926 г. (Подчеркнуто нами.)

водительных классов (буржуазии и дворянства), аннулирование долгов, сосредоточение доходов от промышленности, госторговли (внутренней и внешней) и всей кредитной системы в руках государства и т. п. — сами по себе дают возможность такого накопления внутри страны, которое обеспечивает необходимый для социалистического строительства темп развития индустрии».[1]

Неправильно поэтому, ссылаясь на отсталость нашей страны по сравнению с передовыми капиталистическими странами, заявлять о невозможности для нас догнать их без «государственной поддержки западно-европейского пролетариата». Отвергая оппозиционную панику, связанную с неизбежным замедлением темпа роста хозяйства при переходе от восстановления к реконструкции, XV Партконференция ясно указывает на те преимущества, при помощи которых мы сможем догонять (а затем и перегонять) капиталистические страны.

«Было бы ошибочно полагать, что темп развития народного хозяйства в будущем не превысит темпа довоенного или даже будет ниже его. Такой взгляд не учитывает того, что, по мере осуществления плана промышленного строительства, открываются все новые и новые возможности для последующего увеличения темпа развития как промышленности, так и сельского хозяйства, открываются все большие перспективы по использованию всех внутренних ресурсов ССР. Такой взгляд не учитывает также и тех коренных изменений, которые произошли в хозяйстве Советского Союза и отличают его от хозяйства капиталистических стран. Эти отличия, заключающиеся, в первую очередь, в уничтожении частной собственности на основные средства производства и в плановом руководстве всем хозяйством, превращаются все более и более по мере дальнейшего развития хозяйства в гигантские преимущества, обеспечивающие значительно более быстрый темп развития по сравнению с довоенным периодом и темпом развития капиталистических стран.

Реализация этих преимуществ в практическом строительстве составляет важнейшую задачу партии в период социалистического переустройства всего народного хозяйства».

Таким образом, основной задачей в борьбе за индустриализацию является превращение этой «возможности» необходимого социалистического накопления в действительное накопление.

И тут мы прежде всего сталкиваемся с одной опасностью, которая грозит всему делу индустриализации. Наш громоздкий, сложный, дорогостоящий бюрократический аппарат государственных, хозяйственных и всяких других учреждений может съесть огромную долю прибавочного продукта и этим уничтожить возможность достаточно быстрого темпа развития индустрии. Неумелое хозяйствование, расточительность, ухлопывание огромных средств на ненужные затеи, прожорливость бесчисленных бюрократических канцелярий, — все это, зачастую только задерживая живую работу и тормозя действительное дело, вместе с тем поглощает миллионы и десятки миллионов рублей, которые с успехом

[1] «Правда» от 13 апреля 1926 г. (Подчеркнуто нами.)

могли бы превратиться в новые заводы, электростанции, железные дороги и т. д. Выставляя борьбу за улучшение и удешевление госаппарата, как одну из самых основных задач партии, Ленин писал в одной из своих предсмертных работ следующее: «Мы должны свести наш госаппарат до минимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата.

Не будет ли это царством крестьянской ограниченности? Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа,[1] для достройки Волховстроя и проч.

В этом и только в этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую: именно с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.».[2] Собирать средства, сосредоточивая прибавочный продукт в руках социалистического государства, сокращать, сжимать все излишние расходы, освобождать капиталы, поглощаемые аппаратом, и направлять их на индустриализацию, — вот на что указывает Ленин в качестве способа борьбы за индустриализацию. Режим экономии, проводимый партией и Советской властью, как раз исходит из того положения, что возможность достаточного социалистического накопления у нас есть, что огромные средства у нас в руках; вся беда в том, что слишком большая доля этих средств тратится в хозяйственных, торговых, государственных и других аппаратах. Достаточно сказать, что все они пожирают ежегодно 2 миллиарда руб. Главная задача режима экономии — сократить эти расходы, упростить аппараты, вытравить расточительность и этим путем выделить из этих миллиардов сотни миллионов рублей на индустриализацию, на действительное накопление, на преобразование нашей технической базы.

XV Партконференция следующим образом формулировала задачи в области проведения режима экономии.

«Осуществление индустриализации страны невозможно без строгого и неуклонного проведения режима экономии. Внимание всей партии и всех советских органов должно быть направлено на то, чтобы был положен конец всяким излишним и непроизводительным расходам.

---

[1] Гидроторф — механический способ добычи торфа путем размывания его сильной струей воды, перегонки торфяной жижи по трубам и последующей сушкой. Способ этот изобретен при Советской власти. Ленин придавал ему большое значение и всячески содействовал его распространению.

[2] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 128. (Подчеркнуто нами.)

Необходимым условием успешного и правильного проведения режима экономии является участие в нем широких рабочих масс. Твердое осуществление режима экономии может и должно сохранить значительные средства для дальнейшего развития хозяйства на основе индустриализации страны. Конференция отмечает, что при проведении режима экономии были допущены извращения директив партии, выразившиеся в попытках осуществлять экономию за счет насущных интересов рабочего класса. Против такого извращения режима экономии необходимо повести решительную борьбу и в корне пресечь всякие попытки в этом направлении.

При осуществлении режима экономии должны быть достигнуты решительные успехи в сокращении штатов как хозрасчетных, так и госбюджетных органов, максимальном сокращении чрезвычайно высоких в настоящее время накладных расходов, рационализации всей системы управления и в решительной борьбе с бюрократизмом. Бюрократизм являлся громадным злом на протяжении всего периода существования Советской власти. Это зло становится еще более опасным в настоящее время, когда страна приступает к перестройке всей своей хозяйственной жизни. Громадная стоимость бюрократического аппарата, чрезвычайная волокита в разрешении неотложных вопросов строительства, зачастую искажение директив партии и государственной власти — являются серьезнейшим препятствием на пути дальнейшего строительства».

Оппозиционные «теории» социалистического накопления.

Таковы возможные пути социалистического накопления, таковы опасности и извращения, стоящие на этих путях. Однако существуют попытки направить партию по другому пути, построить социалистическое накопление совсем на других основаниях. Попытаемся изложить и разобрать основные положения этого второго пути; при этом нам придется опираться, главным образом, на наиболее четкое, доведенное до конца и разработанное теоретическое обоснование этих предложений — известную книжку тов. Преображенского «Новая экономика».

Исходные пункты этой теории состоят в следующем. В нашей отсталой стране, даже спустя ряд лет после социалистической революции, преобладает частнособственническое хозяйство. Именно в нем затрачивается рабочая сила большинства трудоспособного населения, и создается главная масса продуктов. Социалистический сектор хозяйства представляет собою все же только более или менее значительный остров в мелкобуржуазном море. Если бы социалистическое накопление ограничивалось использованием прибавочного продукта, произведенного внутри самого социалистического круга предприятий, то оно неизбежно было бы слабым и худосочным. В то же время частнособственническое накопление по своим размерам превышало бы социалистическое, и все хозяйства двигались бы по дороге к чему угодно, но только не к социализму.

Из этих положений разбираемая теория делает тот вывод, что единственным способом действительного социалистического преобразования советской экономики является возможно большее отчуждение

прибавочного продукта частного хозяйства и перекачка этого продукта в социалистический сектор хозяйства. До тех пор, пока социалистический сектор не получит полного экономического преобладания в нашем хозяйстве, — до этих пор главным источником социалистического накопления и будет служить такое изъятие все новых и новых ресурсов из сферы частного накопления в пользу его социалистической «противоположности». Этим путем хозяйственная территория будет постепенно перераспределяться — социалистический сектор будет расширяться за счет сокращения сектора частного хозяйства. Все отдельные стороны экономической политики пролетарского государства — установление цен на промтовары, налоговая политика, займы, железнодорожные тарифы и т. д., — все они должны быть различными способами обложения и поглощения частнотоварного хозяйства социалистической системой. Чем большие куски удастся проглатывать социалистическому накоплению, чем больше соков удастся ему вытянуть из противоположного лагеря, из частного хозяйства, тем быстрее будет развиваться государственная промышленность, тем скорее мы будем приближаться к долгожданному социалистическому преобразованию. Правда, частные собственники, в первую голову крестьяне, не особенно благосклонно относятся к этакому социалистическому накоплению. Государству приходится ограничивать свой аппетит, так как оно наталкивается на «сопротивление среды частного хозяйства». Но от этого суть дела не меняется: борьба частного и социалистического хозяйства продолжается, и пожирание первого вторым происходит только в несколько меньшем размере, чем это было бы при большем смирении крестьянства и частного капитала.

Опасаясь политических осложнений, пролетариату приходится «отчуждать» не во всю возможную «прыть», а, примерно, так, чтобы мужики не устраивали восстаний. «Социалистическое накопление» должно быть максимально возможным, т.-е. должно не переходить той грани, за которой следует гражданская война между пролетариатом и крестьянством.

На первый взгляд может показаться, что во всех этих рассуждениях есть все же некоторая верная основа. Ведь, в самом деле, если наш основной хозяйственный фонд составляет мелкособственническое земледелие, — то как же нам обойтись без перекачки средств из частного сектора в социалистический, как же нам не отнимать у этого частнособственнического сектора все новые и новые «куски» и не прибавлять их к социалистическому фонду? Как же без таких операций будет происходить увеличение удельного веса социалистических элементов? Какие же тогда источники средств покроют огромную потребность индустрии в капиталах? Где же тогда будет гарантия от того, что частное накопление «перекроет», обгонит социалистическое и поведет наше хозяйство по пути к капитализму? На первый взгляд может показаться, что изложенная «теория» дает на все эти вопросы ясные, строгоклассовые, чистопролетарские ответы и указывает скорейшую дорогу к энергичной индустриализации всего хозяйства; в это же время отрицание стремления обирать и пожирать крестьянство есть уступка мелкобуржуазным настроениям, ограничивающая социалисти-

ческое накопление узкой базой государственного хозяйства и закрывающая потому перед ним всякие перспективы.

Частное и социалистическое накопление; их взаимоотношение.

Но нетрудно убедиться, что на самом деле дело обстоит как раз наоборот. Вся эта изложенная «теория» ошибается в самом центральном, узловом пункте — в вопросе о соотношении социалистического и мелкотоварного уклада, крупной промышленности и крестьянского сельского хозяйства. Споткнувшись тут, она оказывается неспособной указать правильный путь социалистического накопления. Разбираемая теория представляет себе это соотношение следующим образом: есть частное хозяйство, главным образом крестьянское, есть социалистическое хозяйство, главным образом крупнопромышленное. Задача состоит в том, чтобы было побольше промышленности, чтобы она росла быстрее сельского хозяйства. Как это сделать? Надо всячески отнимать ресурсы у частного хозяйства и прибавлять к социалистическому хозяйству. Тогда социалистическое накопление и индустриализация будут обеспечены средствами, вычтенными из частного накопления. Частное накопление будет ослаблено, социалистическое — усилено. «Социалистическая система» «пожрет», «вытеснит» «систему частнотоварного производства». Таким образом, главная суть социалистического накопления сводится к тому, чтобы *брать* из доходов крестьянских капиталистических хозяйств, чтобы *перераспределять* в свою пользу созданный прибавочный продукт.

Вот именно в этом-то представлении о социалистическом накоплении, как о вычитании и сложении, как о распределении данного частного накопления, и состоит «первородный грех» этой теории. Такая постановка вопроса *упрощает* проблему, делает ее до-нельзя плоской, разрешает ее чисто *механически*. Если бы мы имели дело с двумя раз навсегда данными обособленными величинами — с суммой социалистического накопления и суммой частного накопления, то тогда, действительно, нам не оставалось бы ничего другого, как «вычитать» из одного и «прибавлять» к другому. Но на деле речь идет о развитии единого народного хозяйства, состоящего из различных секторов, о движении вперед производительных сил, об увеличении создаваемого прибавочного продукта, при чем все это развитие должно происходить в социалистическом направлении. Можно ли основать такое движение к социализму на простых «вычетах» из частного хозяйства и «прибавлении» к социалистическому хозяйству? Конечно, нет, ибо, прежде всего, социалистическое накопление должно и может основываться только на росте *всего* хозяйства. Между тем, «вычеты» и «прибавки», «пожирание» и «вытеснение» предполагают рост одной части хозяйства — социалистической промышленности — за счет сжимания, «деградации», другой части — частнособственнического земледелия.[1] Политика очень «щедрого» «отчуждения прибавочного

---

[1] Даже «улучшенная», «смягченная» завуалированная формулировка тов. Преображенского гласит: «такое равновесие (между «социалистической системой» и «системой частнотоварного производства». *А. А.*) длительно существовать не может, потому что *одна система должна вытеснить другую*. Здесь воз-

продукта» частного хозяйства исключает всякую сознательную помощь несоциалистическим производителям, всякую ориентировку на защиту интересов хозяйственного развития мелких собственников, так как эти интересы не могут не противоречить интересам социалистического накопления. Тов. Преображенский так прямо и говорит, что пролетариат должен воспользоваться монопольным положением своего хозяйства и довести отчуждение до пределов, «технически досягаемых». При этом он считает недопустимой филантропией брать с крестьян меньше того, что брал с них монополистический капитализм; последний «получает добавочную прибыль вследствие эксплуатации мелкого производства и тем подготовляет почву для политики цен периода первоначального социалистического накопления. Но сосредоточение всей крупной промышленности страны в руках единого треста, т.-е. в руках рабочего государства, в огромной степени увеличивает возможности проведения на основе монополии такой политики цен, которая будет лишь другой формой налогового обложения частного хозяйства» («Новая экономика», стр. 87. Подчеркнуто нами). В другом месте (стр. 249) тов. Преображенский пишет, что социалистическое накопление не только требует того отчуждения путем неэквивалентного товарообмена с крестьянской деревней, которое имело место еще при капитализме, но и «связано с известным плюсом сверх этого». При такой «максималистской» постановке дела социалистическое накопление неизбежно должно противоречить экономическому росту крестьянства и задерживать развитие мелкособственнического крестьянского хозяйства. Ведь все действие социалистического накопления на крестьянское хозяйство сводится к «щедрому» отчуждению, ограниченному только сопротивлением мужиков. Значит, почти каждый плюс для социализма есть прямой минус для крестьянского хозяйства. Для всякого ясно, что это есть совершенно недвусмысленный поход на высший принцип ленинского плана строительства социализма — на смычку этого строительства с работой рядового крестьянина, на «соединение» «частного интереса» крестьянина с «общим интересом» пролетарского государства. Но, может быть, жертвуя крестьянской поддержкой, мы получаем мощный финансовый ресурс, способный быстро провести индустриализацию всей страны, поглощение всех крестьян и скорейшее превращение их в трудящихся социалистического общества? Но и этого, конечно, нельзя добиться при помощи превращения социалистического накопления в сплошное щедрое отчуждение прибавочного продукта крестьянина. Подобная линия на «деградацию» крестьянского хозяйства на деле не может принести промышленности решительно никакой пользы, не может

можны: либо деградация, либо развитие, но невозможно стояние на одном месте. («Новая экономика», стр. 86. Подчеркнуто нами.) В одном месте Преображенский прямо и резко противопоставляет интересы социалистического накопления и интересы мелких производителей:.. «возможна торговая политика и не в интересах социалистического накопления, а в интересах мелкобуржуазных товаропроизводителей, имеющая целью сокращение вычетов их доходов... Она означает, несомненно, сокращение фонда социалистического накопления и подарок частному производству»... (Там же, стр. 76. Подчеркнуто нами.)

открыть никаких перспектив для индустриализации народного хозяйства.

Условием индустриализации является рост емкости внутреннего рынка промтоваров, в первую голову крестьянского рынка. Условием индустриализации является увеличение производства сельскохозяйственного сырья (хлопка, льна, кож, мяса, табака и т. д.) и продовольствия. Если бы пролетариат действительно попытался проводить социалистическое накопление по рецепту противопоставления развития индустрии развитию сельского хозяйства, то он очень скоро столкнулся бы с кризисом сбыта, с недостатком сырья и с целым рядом других экономических и политических препятствий. Правда, в результате усиленного нажима — высоких цен, тяжолых налогов, дорогих товаров — в руках у промышленности мог бы собраться известный денежный куш, но она неизбежно подавилась бы этим кушем: захирение крестьянского хозяйства сказалось бы в том, что дальнейшие финансовые возможности сузились бы, и вся попытка индустриализации сорвалась. Таким образом, политика максимального отчуждения прибавочного продукта крестьянина и сокращения его накопления ударила бы в конечном счете именно по промышленности, вырвав у нее из-под ног экономическую почву. Поэтому такая политика только по внешности кажется «сверхъиндустриальной», ведущей к ускоренному темпу роста промышленности. По сути же дела весь ее индустриализм мнимый, поддельный, нереальный. Развитие индустрии немыслимо при «деградации» крестьянского хозяйства. Только сочетание развития промышленности и сельского хозяйства способно обеспечить действительно плавный и бесперебойный ход социалистического накопления в промышленности.

Руководствуясь этими положениями, XV Партконференция категорически осудила «взгляды оппозиции о необходимости проведения индустриализации путем такого обложения деревни и такой политики цен, которые неизбежно привели бы к приостановке развития сельского хозяйства, сократили бы источники сырья для промышленности и рынок сбыта ее продукции, что с неизбежностью привело бы к резкому падению темпа индустриализации страны».

Но разбираемая политика оппозиции заключает в себе еще одну опасность для всего социалистического накопления — опасность «паразитического загнивания и застоя» (Бухарин). Если бы действительно пролетариат в борьбе за преобразование хозяйства на новой технической базе возложил упование на отчуждение крестьянского накопления, как на главный источник средств, если бы он повел соответственную монополитическую линию в области политики цен, в области налогов и т. п. вещей, то результатом этого неизбежно явилось бы застойное состояние техники и организации хозяйства в социалистическом секторе. Ведь при монополистическом капитализме застой и загнивание появляются именно потому, что огромные прибыли обеспечены возможностью обирать окружающую хозяйственную среду и что потому повышение техники перестает быть обязательным и единственным способом добиться сверхприбыли. Мы выше видели, что Преображенский как раз и предлагает использовать «сосредоточение всей крупной промышлен-

сти страны в руках единого треста, т.-е. в руках рабочего государства», как факт, «в огромной степени» увеличивающий возможность монопольных цен и других способов отчуждения прибавочного продукта несоциалистических производителей. Но в таком случае, где же в советском хозяйстве «стимул, который заставляет (именно заставляет) двигаться вперед, гарантирует это движение вперед, заменяя частнохозяйственный стимул прибыли, идущий в пользу частного владельца предприятия»?[1] Если вся «соль» социалистического накопления состоит в монополистическом «отчуждении», то такого стимула нет и быть не может. Ибо курс на превращение социалистического сектора в паразита, преимущественно питающегося соками других частей хозяйства, никак не вяжется с постановкой в центр внимания борьбы за снижение себестоимости, сокращение накладных расходов, за строжайшую экономию и т. д., т.-е. за всестороннее качественное движение вперед. Все это в лучшем случае отодвигается на второй план, в качестве желательной, но необязательной заботы, к проведению которой нет никаких серьезных объективных, вынуждающих причин. Между тем, этот вопрос является решающим для судьбы социалистической промышленности. Недаром Ленин писал, что мы победим только тогда, когда сумеем хозяйничать лучше капиталистов, сумеем снабжать крестьянство более дешевыми и лучшими товарами и побьем капиталистов в этой конкурентной борьбе за крестьянство. Социалистическое существо нашего государственного хозяйства именно в том и состоит, что стремление к накоплению прибыли у нас неразрывно связано с сознательным стремлением удовлетворить потребность рабоче-крестьянских масс, а не просто нажиться. Давление необходимости удовлетворять потребности широких масс служит и не может не служить руководящим началом для всей хозяйственной работы нашего государства. Именно это обстоятельство оберегает нас от паразитизма, гарантирует достаточно мощный стимул для движении вперед, для борьбы за лучшую технику, дешевые цены, хорошее качество, экономный аппарат и т. д. И, конечно, во всем этом одну из первых ролей играет забота об интересах крестьянских масс. Если бы в плоть и кровь нашего государственного хозяйства не входило это необходимое сочетание борьбы за прибыль с заботой об удовлетворении потребностей масс и развитии крестьянского хозяйства, — тогда наш «социалистический монополизм» был бы таким же гнилым и застойным, как капиталистический монополизм. Именно к загниванию и застою ведет линия, противопоставляющая рост социалистической промышленности и крестьянского хозяйства, превращающая политику социалистического накопления в прямое продолжение политики старых трестов и синдикатов, отводящая социалистическому сектору роль огромного паразита в народохозяйственном организме.

Из всего этого совершенно неверно было бы сделать тот вывод, что социалистическое накопление должно ограничиться рамками доходов государственного хозяйства и что всякие попытки использовать частнособственнический, в особенности, крестьянский прибавочный про-

[1] Бухарин. «К вопросу о троцкизме», стр. 87.

дукт для индустриализации является нарушением рабоче-крестьянского блока или шагом в сторону паразитизма. Рассуждения о том, что нельзя трогать ресурсов крестьянского хозяйства, что накопление в нем не нужно использовать для социалистического накопления, что все социалистическое преобразование надо провести за счет накопления прибавочного продукта социалистического пролетариата и т. п., являются, конечно, совершенно неверными. Они равносильны отказу от социалистического руководства хозяйственным развитием крестьянства, а, значит, и отказу от строительства социализма в нашей стране. Коренное различие между двумя путями социалистического строительства состоит вовсе не в том, что одни из них за использование крестьянского накопления для индустриализации, а другой против этого. Все разногласие состоит в том, как наладить это использование, каким способом превращать крестьянское накопление в социалистическое, в какой мере и по каким каналам переводить крестьянские средства в фонд развертывания промышленности. Один путь, ленинский путь, предлагает делать это на основе сочетания роста сельского хозяйства с ростом промышленности, на основе увеличения крестьянского накопления, на основе помощи крестьянству, союза с ним; другой путь противопоставляет социалистическое накопление крестьянскому накоплению, делает их прямо противоположными, враждебными процессами, сталкивает индустриализацию с интересами развития сельского хозяйства и всем этим «гнет линию» на разрыв рабоче-крестьянского блока. Но мы убедились в том, что путь противопоставления социалистического накопления крестьянскому накоплению, путь усиленной механической перекачки с неизбежным «пожиранием» и «деградацией» «системы частного товарного производства» вовсе не является рациональным и плодотворным способом использования крестьянского накопления. Если он годится для того, чтобы одновременно собрать значительную сумму капиталов, то он не замедлит дать осечку в дальнейшем, когда результат такого «отчуждения» скажется в виде захирения сельского хозяйства. Наоборот, если пролетарскому государству удастся основать использование частного (главным образом крестьянского) накопления на самом развитии сельского хозяйства, на росте доходов рядового крестьянина, тогда это использование будет действительно очень серьезным и постоянно возрастающим источником социалистического накопления. Напомним слова Ленина о том, что смычка с крестьянской экономикой сделает социалистическое строительство непобедимой силой и обеспечит в свое время такое ускорение продвижения к социализму, «о котором мы сейчас и мечтать не можем». В самом деле, мощный сельскохозяйственный массив нашей страны составляет не только главное затруднение социалистического строительства, но может стать источником его огромной силы и широкого охвата. Для этого можно и нужно создать такое отношение между социалистическим сектором и сельскохозяйственным массивом, чтобы рост этого последнего одновременно укреплял внутренние и внешние позиции социалистической промышленности и торговли, создавал приток капиталов в индустрию, расширял внутренний рынок сырья и сбыта и т. д.

Если эта задача будет разрешена, тогда социалистическое использование крестьянского накопления будет вытекать из развития самого сельского хозяйства, будет связано с обслуживанием этого развития, более того, само будет двигателем этого развития. В этом случае наибольший рост крестьянской доходности, наибольшее увеличение сельскохозяйственной продукции будет равносильным наибольшему социалистическому накоплению, наибольшему использованию государством частного хозяйства.

Пути превращения частного накопления в накопление социалистическое.

Но возможно ли превратить частное — главным образом сельскохозяйственное — накопление в социалистическое, не идя против него, не ущемляя его, не занимаясь механической перекачкой и вытеснением? Ведь обогащение частных собственников и развитие их хозяйства как будто бы нисколько не помогает разрешить задачу роста социалистического богатства и проведения социалистическаго преобразования производительных сил. Если бы, действительно, частное накопление в советском хозяйстве было целиком и полностью непримиримой противоположностью социалистического накопления, совершенно неспособной хотя бы частично объединиться с ним, влиться в него, тогда, действительно, все дело сводилось бы к тому, чтобы как можно энергичнее отрубать куски от частного накопления и передавать их в распоряжение социалистических предприятий. И тогда бы взаимоотношение между частным и социалистическим хозяйством строилось бы точно «по Преображенскому»: всюду кипела бы только одна борьба за раздел прибавочного продукта, во всех углах шло бы взаимопожирание и вытеснение «частного» и «социалистического» хозяйства; развитие одного основывалось бы на деградации другого, и каждый шаг вперед, к социализму, был бы шагом через трупы погибших частных хозяйств. Конечно, рабоче-крестьянский блок не имел бы в таких условиях никакой объективной экономической основы и в лучшем случае походил бы на временный компромисс двух врагов, а в худшем — превращался бы в рабоче-крестьянскую войну.

Но страшен сон, да милостив бог. Нетрудно убедиться, что в условиях советского хозяйства частное накопление не только противостоит социалистическому накоплению во враждебной позе, но и объединяется с ним и вливается в него. Более того, основным и характерным отношением важнейших видов частного накопления к социалистическому вполне может быть не борьба и противопоставление, а сочетание и объединение.

В самом деле, что собою представляет это «частное хозяйство» и «частное накопление»? Ведь под общей шапкой этого термина скрываются такие разнородные экономические вещи, как добытая всеми правдами, и особенно неправдами, прибыль новой нэпмановской буржуазии, как доход деревенского кулака, высасывающего соки из окружающего крестьянства, как обогащение рядового середняка, объединенного в кооперации с сотнями и тысячами себе подобных, как возрождение бедняцкого хозяйства, вступающего в артели и получающего помощь государства, и т. д. и т. п. Если вспомнить ленинскую пятичленную

формулу, то к «частному хозяйству» и «частному накоплению» придется отнести и государственный капитализм (правда, только условно и частично), и частнохозяйственный капитализм, и мелкособственнический уклад, и даже, пожалуй, натуральное хозяйство. Одинаковое ли отношение имеется между всеми этими видами «частного хозяйства» и «частного накопления» и социалистическим накоплением? Совершенно ясно, что очень и очень различное, даже сплошь и рядом противоположное. Совершенно ясно, что свести все дело к борьбе частного и социалистического накопления, покрыть весь сложный переплет отношений одним противопоставлением одного другому, это значит — взять только одну сторону дела и упустить другую, не менее важную и существенную. Центр вопроса в отношении основной массы «частного накопления» — накопления в мелкособственническом слое середняцких хозяйств — к социалистическому накоплению. Как тут обстоит дело? В этом решающем участке основным и характерным способом является превращение частного накопления в социалистическое путем организации и объединения частного накопления под руководством социалистических командных высот. В самом деле, мы видели, что центральная ставка в ленинском плане социалистической переделки этих слоев состоит в стремлении использовать своеобразную обстановку советской деревни и путем социалистического руководства развитием крестьянского хозяйства наладить непосредственное превращение растущих середняцко-бедняцких хозяйств в социалистические сельскохозяйственные предприятия. Социалистическое накопление (в лице развивающейся государственной промышленности, торговых и транспортных предприятий, банков и т. п. руководящих центров) организует крестьянское накопление на кооперативных началах, направляет его по руслу коллективизации и этим самым превращает его из частнособственнического в кооперативносоциалистическое. Ленин писал, что в наших условиях «кооперация сплошь и рядом совершенно совпадает с социализмом». Значит, и частное, крестьянское, накопление, поскольку оно совершается в кооперативных формах, тоже может «сплошь и рядом совершенно совпадать» с социалистическим накоплением. Главная задача заключается именно в том, чтобы добиться возможно более широкого, непосредственного превращения крестьянского накопления в социалистическое накопление, добиться их возможно более частого «совпадения». Для социалистического строительства вовсе не требуется никакого «пожирания» государственным хозяйством массы середняцких и бедняцких хозяйств; что действительно требуется и что действительно будет происходить, так это их «переделка», «их превращение, их трансформация на кооперативной основе. Растущая доходность, растущая рационализация и т. д. будут в то же время означать и втягивание этих хозяйств через кооперацию в общую систему нашей социализирующейся экономики. Не на изничтожение нужно держать курс, а на вовлечение крестьянского хозяйства в систему госхозяйства». [1]

---

[1] Бухарин. «К вопросу о троцкизме», стр. 81. (Подчеркнуто автором.)

Конечно, *часть* крестьянского накопления пойдет по капиталистической линии и *будет* противостоять социалистическому накоплению как враждебный процесс. Но это касается *только* того крестьянского накопления, которое будет превращаться в капиталистическое накопление. Но даже и в отношении к этому капиталистическому накоплению возможна не только одна перекачка, но и известное использование самого капиталистического накопления в социалистических целях. Борьба с капитализмом идет не только за вытеснение и пожирание, но и за ограничение и организацию со стороны государства. В результате борьбы капитализм может быть превращен в «пособника» *социалистическому строительству.* [1] Следовательно, капиталистическое накопление в известных, государством определенных, рамках, может не противоречить, а даже содействовать социалистическому накоплению. *Но все же основная линия соотношения социалистического накопления и накопления капиталистического — есть линия борьбы.* Использование мыслимо только как подчинение враждебной стороны. «Перекачка» здесь действительно сплошь и рядом не останавливается перед пожиранием, вытеснением и только частично оставляет капиталистическому хозяйству возможность существования, откладывая его до вытеснения на будущее время. Но в этом-то и состоит своеобразие отношения социалистического накопления к накоплению капиталистическому, — отношения, совершенно не похожего на отношение социалистического накопления к крестьянскому накоплению. Если развитие капитализма ставится в рамки, подчиняется, а зачастую и задерживается и сжимается, то развитие крестьянского хозяйства поощряется, усиливается и выводится на дорогу к невиданно энергичному подъему.

Социалистическое руководство крестьянским накоплением открывает перед сельским хозяйством возможность такого роста, какой вообще немыслим в капиталистических условиях. Феодальные путы, висевшие на крестьянстве, уничтожены дочиста Октябрьской революцией; с нэпом крестьянин получил необходимый хозяйственный простор. Рост индустрии обеспечивает технические и рыночные предпосылки для подъема сельского хозяйства. Но это еще не все. Ведь и капитализм обеспечивал известный прогресс в сельском хозяйстве; но этот прогресс связан с обнищанием и разорением массы крестьянских хозяйств; он замедлялся частной собственностью на землю, эксплуататорской ролью крупного городского капитала, налоговым нажимом буржуазного государства и т. д. В советских условиях эти факторы или совершенно отпадают, или их действие

---

[1] Ленин писал в «Продналоге» следующее: «Это может показаться парадоксом: частнохозяйственный капитализм в роли пособника социализму?

Но это нисколько не парадокс, а экономически совершенно неоспоримый факт. Раз налицо мелкокрестьянская страна с особенно разоренным транспортом, выходящая из войны и блокады, руководимая политическим пролетариатом, который в своих руках держит транспорт и крупную промышленность, то из этих посылок совершенно неизбежно вытекает первостепенное значение в данный момент местного оборота, во-первых, и возможность оказать содействие социализму через частнохозяйственный капитализм (не говоря уже о государственном) — во-вторых». (*Ленин.* Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 225.)

смягчается и парализуется социалистическим руководством. Возможность некапиталистической эволюции, возможность совпадения крестьянского накопления с социалистическим накоплением предупреждает массовое обнищание и разорение — эту неизбежную оборотную сторону капиталистического прогресса. Переход деревенского развития на новые рельсы обеспечивает более интенсивный подъем сельского хозяйства, более быстрый рост крестьянских доходов, чем тот, который может дать противоречивое капиталистическое движение, в соединении с эксплуататорским «руководством» буржуазного государства и буржуазного города. Неэксплуататорское отношение города и деревни, господствующего городского класса (пролетариата) и крестьянства, наличие социалистического хозяйственного руководства и вытекающие из него возможности непосредственного социалистического развития основной деревенской массы, — все это дает советскому хозяйству очень важное преимущество по сравнению с «обычными» условиями сельскохозяйственного развития. Разумеется, было бы прямым безумием испугаться этой возможности быстрого подъема сельского хозяйства и попытаться поставить на место феодально-капиталистических новые задержки и преграды этому подъему: начать такую перекачку, которая уничтожила бы это наше преимущество, вновь втиснула бы сельское хозяйство в обстановку какой-то новой эксплуатации, связанной еще «с известным плюсом» сверх старой, капиталистической. На этой *задержке* сельского хозяйства, конечно, нельзя было бы основать ускоренный *подъем* промышленности. Наоборот, только этот быстрый рост сельского хозяйства может и должен служить опорой для *еще более* быстрого роста промышленности.

Выступая в качестве организатора и руководителя крестьянского накопления, возглавляя и поддерживая его рост, командные высоты государственного хозяйства не только получают возможность придавать ему социалистический характер, но и оказываются в состоянии перераспределять его между отдельными отраслями народного хозяйства в соответствии с потребностями индустриализации. Если развитие сельского хозяйства и рост крестьянского накопления будут действительно организованы под социалистическим руководством, то именно *на их основе* будет происходить перевод средств из сельского хозяйства в индустрию. Тогда *само* развитие сельского хозяйства и *само* крестьянское накопление может создавать новые *промышленные* капиталы. В самом деле, что мы имеем в том случае, когда, скажем, рядовые крестьяне соединяют свои сбережения, создают кооперативное объединение, получают финансовую и техническую помощь и руководство у государства и строят местную электрическую станцию? Здесь *частное и сельскохозяйственное* накопление превратилось в *социалистическое и индустриальное* накопление без всякой задержки роста сельского хозяйства, без всякого «пожирания» или «деградации». То же самое может происходить путем привлечения крестьянских средств для организации заводов по переработке продуктов земледелия и животноводства. Развитие этой важнейшей отрасли промышленности может в значительной степени происходить за счет крестьянского накопления, организованного пролетарским государством. Не меньшее значение

может играть кредит. Через сберегательные кассы и государственные займы частное накопление прямо питает «казну» социалистического государства и увеличивает фонды индустриализации.

XV Партконференция, перечисляя три главных источника расширения основного капитала — «накопление обобществленной промышленности», «использование через госбюджет доходов других отраслей народного хозяйства», «использование сбережений населения путем вовлечения их в кооперацию, в сберкассы, внутренние государственные займы, кредитную систему и т. п.», — следующим образом подчеркивает значение этого последнего источника:

«Конференция находит, что до сих пор не было приложено сколько-нибудь серьезных усилий для сосредоточения средств, накопляющихся у населения в кооперации, в сберегательных кассах, в займах и т. п. По мере роста общего благосостояния населения, это использование через кооперативные и кредитные учреждения мелких сбережений населения должно приобретать все большее и большее значение, как один из источников средств для развития хозяйства».

Мы не будем перечислять всех существующих путей и способов превращения частного накопления в сельском хозяйстве в социалистическое накопление в индустрии. Скажем только, что ряд таких способов не противоречит росту производительных сил деревни, но, наоборот, основывается именно на этом росте и способствует ему. Основное содержание всех их сводится к одному и тому же: социалистическое накопление выступает как организующее и руководящее начало по отношению к накоплению миллионов мелких частных собственников. Собственный рост, собственные силы социалистического комплекса служат ему для того, чтобы стать во главе накопления ряда других хозяйственных слоев и направлять это накопление по пути индустриализации. Каждый затрачиваемый советский рубль должен здесь привлечь несколько «частных» рублей, непосредственное социалистическое накопление государственных предприятий должно «обрасти» частным накоплением, объединяющимся вокруг него. Этим путем социалистическое накопление перестает опираться только на базу доходов «предприятий последовательно-социалистического типа», но получает возможность вовлекать и втягивать в себя также и крестьянское накопление. Социалистическое преобразование сельского хозяйства как раз и будет преимущественно опираться на это превращение частного накопления в социалистическое; но немалую роль оно сыграет также и для индустрии. Все это и создаст возможность сочетать наибольший рост сельскохозяйственного массива с интенсивным социалистическим накоплением и максимальным использованием сельскохозяйственных доходов для индустрии. И поскольку речь идет об основном крестьянском массиве, постольку именно в этом будет состоять центр его использования для целей социалистического накопления.

Конечно, нельзя забывать также и значение налогов и бюджета, как способов перераспределения средств в пользу социалистического накопления. XV Конференция считает, что «одним из главных орудий перераспределения народного дохода является государственный бюджет. В государственном бюджете Союза интересы индустриализации страны

должны найти полное выражение. В расходной части бюджета должны быть обеспечены соответствующие ассигнования на промышленность, электрификацию и т. д.».

Однако, если говорить о бюджете, как о средстве перекачки частных средств в «казну» пролетарского государства, то надо иметь в виду, что для различных частей частного накопления роль бюджета различна. По отношению к середняцко-бедняцкой массе крестьянства механическая перекачка налогами отступает на второй план, здесь главное значение имеют кредит, кооперация и т. д. Зато по отношению к частнокапиталистическому накоплению она сохраняет первостепенное значение. Вместе с тем, бюджет имеет огромное значение для перераспредения средств внутри самого государственного хозяйства.

В условном и ограниченном смысле можно сравнить различные стороны социалистического накопления с централизацией и концентрацией капитала. Как известно, Маркс под концентрацией понимал рост отдельных капиталов путем присоединения к ним накопляемой прибавочной ценности, а под централизацией — укрупнение капиталов путем соединения «образовавшихся уже капиталов», путем «уничтожения их индивидуальной самостоятельности, экспроприации капиталиста капиталистом, превращения многих мелких капиталов в небольшое число крупных». Маркс указывает на два основных способа централизации — на конкуренцию, в которой гибнут мелкие и слабые предприятия, и на кредит, этот «громадный социальный механизм для централизации капиталов». Концентрация «очень медленная процедура по сравнению с централизацией», которая может очень быстро увеличивать размеры капиталов путем простого перераспределения составных частей общественного капитала. «Мир остался бы еще и до сих пор без железных дорог, если бы ему пришлось ждать, пока накопление поставит отдельные капиталы в возможность построить железную дорогу. Централизация же, напротив, произвела это сразу посредством акционерных компаний». [1]

В социалистическом накоплении концентрацию можно уподобить росту социалистического комплекса за счет накопления его собственного прибавочного продукта; тогда социалистической централизацией будет объединение разрозненных частнособственнических капиталов в единое предприятие, руководимое государством. Превращение частных капиталов и частного накопления в общественные капиталы и социалистическое накопление, происходящее через кооперацию, кредит, налоги и т. д., будет социалистической централизацией капитала. Однако дальше этого сравнение итти не может. Остается та основная разница, что капиталистическая централизация объединяла более мелкие предприятия в крупные, не меняя, однако, их экономического типа. Все дело сводилось к замене нескольких капиталистических предприятий одним капиталистическим предприятием большего размера. Между тем, социалистическая централизация, объединяя ряд мелкотоварных предприятий или частных капиталистов, создает предприятие нового, социалистического, типа, или

[1] Все цитаты из «Капитала», т. I, гл. XXIII, § 2, стр. 449—450. Перевод Струве.

образует капиталы государственного, обобществленного, характера. Это во-первых. А во-вторых, капиталистическая централизация связана с отношением нескольких борющихся конкурентов, из которых, зачастую, один побеждает и поглощает остальных; наоборот, социалистическая централизация связана с отношением экономического руководства государственного хозяйства и объединяемых частных собственников; при этом объединение совершается, главным образом, не на основе гибели, а именно на основе предупреждения от гибели, на основе развития «централизуемых» хозяйств.

Если капиталистическая концентрация не могла бы справиться с выпадавшими на долю капитализма техническими задачами (в роде постройки железных дорог и других крупнейших предприятий) без помощи централизации капиталов, то и социалистическое накопление обязательно должно состоять не только из концентрации, но и из централизации: без нее оно не может справиться со своими задачами — с переделкой всей массы мелких собственников и с техническим преобразованием всего народного хозяйства.

* * *

Перспектива хода преобразования нашего хозяйства.

Попробуем в виде иллюстрации посмотреть, как может сложиться действительный ход преобразования нашего хозяйства. Перспективная пятилетка Госплана, о которой мы говорили выше, дает первую попытку очень приблизительно подсчитать наши ресурсы и практически представить себе, как на их основе мы будем двигаться по пути индустриализации; несмотря на свою приблизительность, этот подсчет может помочь нам более отчетливо представить себе, что может дать тот путь внутреннего социалистического накопления, по которому идет советское хозяйство.

Перспективная пятилетка Госплана[1] намечает рост продукции крупной промышленности в течение 1926/27 — 1930/31 гг. с 5850 милл. руб. в довоенных ценах (в 1925/26 г.) до 10 342 милл. (в 1930/31 г.), или на 77%. По отдельным годам пятилетка намечает темп роста в 19, 13, 10, 9,9 и 9,2%. Развертывание промышленной продукции, выраженной в червонных ценах, составит за пять лет 46%; меньший прирост объясняется тем, что намечено снижение цен в среднем на 17%. По сравнению с продукцией 1913 г. промышленная продукция 1930/31 г. даст прирост в 63%. При этом темп роста отдельных отраслей неравномерен: самый быстрый темп развития намечен для отраслей, воспроизводящих основной капитал для металлургии, машиностроения, строительной промышленности и т. п.; среднее место занимает прирост отраслей, воспроизводящих оборотный капитал — топливо, руда, химические продукты, материалы и т. п., и, наконец, медленнее других будет расти легкая индустрия, производящая предметы широкого потребления. Но и этот самый медленный прирост продукции будет далеко обгонять увеличение населения.

---

[1] Все цифры и данные взяты из статьи тов. Струмилина, Калашникова, Чернышева, Вишневского о перспективной пятилетки Госплана в № 3 «Планового хозяйства», за 1927 год.

Рост промышленной продукции будет итти значительно быстрее роста продукции сельского хозяйства: последний намечен (за 5 лет) в 24% По сравнению с 1913 г. в конце пятилетнего срока, в 1930/31 г. мы будем иметь прирост сельскохозяйственной продукции тоже в 24%. Рост товарных масс, которые будут выбрасываться в оборот промышленностью и сельским хозяйством, будет отличаться от роста валовых продукций. Если в первые два года пятилетки темп роста товарной продукции промышленности намечен значительно выше, чем рост товарной продукции сельского хозяйства, то в последние годы темп прироста почти уравнивается — обе товарные массы ежегодно увеличиваются на 9 — 10%. Однако, поскольку товарная масса промышленности по своей абсолютной величине больше сельскохозяйственной товарной массы, постольку в абсолютных цифрах одинаковый процентный прирост даст большее увеличение промышленной товарной массе, чем сельскохозяйственный. А если взять все пятилетие, то соотношение товарной массы сельского хозяйства и промышленности относительно меняется в пользу промышленности: в 1925/26 г. это соотношение составляло 25% и 75%, а в 1930/31 г. намечено в 23% и 77%.

Несмотря на то, что все эти предположения являются очень осторожными и минимальными, намеченный в них темп роста всего народного хозяйства и особенно крупной промышленности далеко превосходит тот темп, которым развивалась и развивается капиталистическая Америка или который имел место в старой России. В Америке ежегодный прирост промышленности составляет не свыше 5—6%, в то время как запроектированный Госпланом рост не спускается ниже 9%. До войны прирост посевной площади за пятилетие давал в среднем около 5%, а теперь он намечен в 15%. Весь этот значительный рост продукции основан на подсчетах предстоящего прилива капиталов исключительно из источников внутреннего накопления. В крестьянском хозяйстве ежегодное накопление будет равняться 3 — 4% ко всем его капитальным фондам. В абсолютных цифрах размер вложений в сельское хозяйство будет колебаться около 700 — 1000 милл. черв. руб. Такое накопление вполне обеспечит намеченное увеличение продукции.

Гораздо интенсивнее будет происходить накопление в государственном хозяйстве. Для того, чтобы охватываемые им области росли достаточно быстрым темпом, необходимо изыскать капиталов в общем на 17 578 милл. руб.; из них 1652 милл. руб. падает на увеличение оборотных фондов, а 15 926 милл. руб. — на вложения в основной капитал. Эта последняя сумма распределяется следующим образом:

Госпром.	Ж.-д. и водн. трансп.[1]	Сельск. хоз. (совхозы, крупные мелиорат. работы и пр.)	Электрификац.	Коммун. стр.		Проч. строит.	Всего
				жил. фонд	коммун. предпр.		
5654	4977	1200	1339	1196	1180	380	15 926

[1] Включая Семиреченскую ж. д. и Волго-Донской канал.

Откуда же государство покроет потребность в этих капиталах? Судя по подсчетам приток средств будет достаточен для реализации всех этих цифр. Так, промышленная прибыль, исчисляемая по ставкам значительно ниже довоенных прибылей, вместе с амортизационными отчислениями даст государству 5961 милл. руб.; прибыль и амортизационные отчисления транспорта дадут 2376 милл. руб., т.-е. будут значительно ниже необходимых вложений. Зато в некоторых других отраслях—в банковой системе, в торговле и пр.—государство получит солидную прибыль, которую оно сможет передвинуть в дефицитные предприятия. В общем, прибыли и амортизация государственных предприятий дадут за пять лет 12 855 милл. руб. Из бюджета займами и путем эмиссии (основанной на росте потребности оборота в деньгах) намечено извлечь 5395 милл. руб., в итоге общий приток капитальных ресурсов составит 18 250 милл. руб. против 17 578 милл. руб. необходимых вложений. Другими словами, получается даже некоторый избыток ресурсов. Однако, надо учесть, что в сумму вложений не включены затраты на строительство, связанное с обороной, а также на оборудование достаточных резервов. Поэтому едва ли можно говорить об избытке; что̀ можно утверждать положительно, так это то, что мы, повидимому, сможем без иностранных займов, опираясь на одно внутреннее накопление, удовлетворительно начать преобразование нашего хозяйства.

Конечно, все эти выводы нуждаются в строжайшей проверке. Самую жесткую и самую строгую проверку сделает им сама жизнь. Но основной вывод останется, несомненно, неопровергнутым: мы имеем достаточно сил и средств для проведения индустриализации нашей страны.

Этот вывод основывается, конечно, не только на примерных статистических расчетах. Скорее эти расчеты служат некоторой иллюстрацией к тому важнейшему ленинскому положению, что мы имеем «все необходимое и достаточное» «для построения полного социалистического общества».

Союз и руководство пролетариата и социалистического сектора по отношению к крестьянству и сельскохозяйственному массиву; уничтожение язв капиталистической организации хозяйства, создание и укрепление планового начала; упорное, неослабное, охватывающее все отрасли хозяйства социалистическое накопление — вот при помощи чего наш пролетариат, при поддержке пролетариата остального мира, превратит Советский Союз во вполне социалистическую страну.

ЛИТЕРАТУРА.

I. Ленинский «план построения социализма» изложен прежде всего в следующих трех работах: 1) «О нашей революции» (по поводу записок Н. Суханова), Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 109 — 112, 2) «О продналоге», Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 202 — 235, 3) «О кооперации», Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 129—135. Рядом с этими работами надо использовать замечания Ленина о нашем социальном строе и о путях социалистического накопления, сделанные им в статьях «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше» (Собр. соч., т. XVIII, ч. II,

стр. 112 — 129). Особое значение имеет очень интересная статья «Об экономике и политике в эпоху диктатуры пролетариата» (т. XVI, стр. 347 — 356). С мыслями Ленина об электрификации можно ознакомиться по следующим работам: 1) из доклада на VIII съезде Советов, т. XVII, стр. 426 — 430; 2) «Об едином хозяйственном плане», т. XVII, ч. I, стр. 81 — 89; 3) «Тезисы о тактике РКП» (на III конгрессе К. И.), т. XVIII, ч. I, стр. 311 — 318.

II. По вопросам характеристики нашего социально-экономического строя очень важно проработать литературу, связанную с дискуссией вокруг XIV съезда партии. Сюда относятся доклад Сталина на XIV съезде, содоклад Зиновьева, речи Бухарина и Сокольникова (см. стенографический отчет). Подытоживает весь материал брошюра Бухарина «К итогам XIV съезда партии».

III. Теоретическая литература по советскому хозяйству у нас очень бедна. Известная книга Преображенского «Новая экономика» не только имеет совершенно неверную и политически опасную установку на механическое противопоставление пролетарской промышленности крестьянскому сельскому хозяйству, но одновременно является образцом недиалектического подхода к анализу советского хозяйства, подхода, грубым образом нарушающего самые основы марксистской экономической методологии. Тов. Бухарин на-голову разбил построения т. Преображенского в статье «Новое откровение о советской экономике, или как можно погубить рабоче-крестьянский блок» (Вошла в сборник «К вопросу о троцкизме» и в др.). Большой интерес представляют также статьи т. Бухарина в «Правде» № 150 и 151 в июле 1926 г., представляющие собой начало критики теории двух регуляторов т. Преображенского. В сборнике «Экономическая платформа оппозиции» (Гиз), помимо некоторых частей из указанных нами работ, имеются также новые материалы (дискуссия о законе стоимости в советском хозяйстве в Коммун. Академии и др.). Недавно вышла брошюра т. Кона «О «новой экономике» тов. Преображенского». Если в критических замечаниях автора есть интересные места, то как в положительной своей части, так и в особенности в своей методологии брошюру нельзя признать удачной.

Книга тт. Леонтьева и Хмельницкой «Советская экономика» представляет собою хорошо сделанную и серьезно обработанную сводку теоретических замечаний о советской экономике, высказывавшихся различными авторами. Книгу следует использовать.

Несмотря на то, что в целом «Экономика переходного периода» Бухарина не является правильным теоретическим анализом переходного хозяйства и содержит в себе ряд капитальных методологических ошибок, отдельные ее главы представляют большой интерес. Анализ природы и значения империалистической войны, теория издержек революции, критика социал-демократических взглядов может быть с успехом использована и посейчас.

IV. О планировании советского хозяйства имеется очень мало литературы, пригодной для учебных целей. Основным пособием может тут служить книга «Проблемы планирования», представляющая собою стеногр. отчет I съезда Госпланов. Особенно интересен первый доклад Кржижановского. Далее, в статьях, связанных с выработкой пятилетнего перспективного плана, имеется важный материал по общим вопросам планирования. См., во-первых, № 3 «Планового хозяйства» за 1927 г., в особенности статьи Кржижановского, Струмилина, Чернышева, и во-вторых — «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.» под общей редакцией Струмилина, изд. «Плановое хозяйство».

V. О социалистическом накоплении, индустриализации, электрификации и возможности построения социализма в нашей стране можно рекомендовать, помимо вышеуказанных работ Бухарина («Новое откровение» и т. д., «К итогам XIV съезда ВКП(б)») — следующую литературу: 1) Сталин. «О хозяйственном положении СССР», 2) Рыков, «О хозяйственном положении и задачах партии», 3) Резолюции апрельского пленума ЦК ВКП(б) (1926 г.) и XV Всесоюзной Партконференции по хозяйственному вопросу, 4) Бухарин. «О характере нашей революции и о возможности победы социалистического строительства в СССР», 5) Кантор. «Пути индустриализации и новая оппозиция», 6) Степанов. «Электрификация РСФСР», 7) Кржижановский и Горев. «Четыре года электрификации», 8) Материалы пятилетнего перспективного плана («Перспективы развертывания и т. д.», или № 3 «Планового хозяйства»).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Глава третья.

Сельское хозяйство Советского Союза.

Глава четвертая.

Внутренняя и внешняя торговля.

Глава пятая.

Финансы, денежное обращение и кредит.

Глава шестая.

Советское хозяйство на путях к социализму.